И 344/118
-2-

И 344/118 ч. 2.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

КАРАМЗИНЪ,

ПО ЕГО СОЧИНЕНІЯМЪ, ПИСЬМАМЪ И ОТЗЫВАМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

КАРАМЗИНЪ,

ПО ЕГО СОЧИНЕНІЯМЪ, ПИСЬМАМЪ И ОТЗЫВАМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ,

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ И ОБЪЯСНЕНІЯМИ

М. ПОГОДИНА.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ А. И. МАМОНТОВА, АРМЯНСКІЙ ПЕР. № 14.
1866.

2007056897

ГЛАВА VII.

1803—1810.

Происхожденіе мысли писать Русскую Исторію, и степени ея развитія. Историческія статьи: Воспоминанія на пути къ Троицѣ.—О предметахъ для художествъ въ Русской Исторіи.—О тайной канцеляріи.—О Московскомъ мятежѣ при царѣ Алексѣѣ Мих. и проч.—Марѳа посадница.—Разговоръ съ Дмитріевымъ о желаніи писать Исторію.—Совѣтъ его и Письмо М. Н. Муравьеву.—Карамзинъ—Исторіографъ.—Почему онъ не обратился къ Шлецеру.—Отношеніе Карамзина къ его задачѣ. Состояніе Русской Исторіи.—Первые руководители.—Приступъ къ работамъ.—Его жилище въ Остафьевѣ.—Образъ жизни.—Первый отчетъ Муравьеву.—Послѣдующіе успѣхи.— Особенности талантовъ Карамзина.—Находки.—Приготовительныя замѣтки.—А. Тургеневъ, исполнитель порученій.—Письмо къ Новосильцеву.—Находка Волынской лѣтописи въ 1809 г. и доказательства.—Радость.—Мнѣніе о критическихъ работахъ.—Къ психологіи Карамзина.—Примѣры, какъ овладѣлъ онъ своимъ предметомъ.

Мысль писать Русскую Исторію зародилась въ Карамзинѣ очень рано; кажется, что она принадлежитъ къ числу самыхъ первыхъ, юношескихъ его предположеній.

Въ письмѣ изъ Парижа, въ Маѣ 1790 года, о засѣданіи Французской Академіи, по поводу Левекова чтенія, онъ выражаетъ такія мнѣнія о Русской Исторіи, которыя ясно доказываютъ, что онъ питалъ уже тайное желаніе писать ее, носилъ въ душѣ темный идеалъ ея, думалъ объ ней, и думалъ не теперь, по поводу встрѣчи съ Левекомъ, а прежде, въ Москвѣ, посѣщая лекціи Университета, работая въ Новиковскомъ обществѣ, бесѣдуя съ друзьями. Многое, сказанное въ то время, было такъ сильно напечатлѣно

въ душѣ его, что повторилось еще само собою, такъ сказать, черезъ 25 лѣтъ, въ предисловіи къ написанной уже Исторіи.

«Больно, но должно по справедливости сказать», пишетъ Карамзинъ изъ Парижа, «что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйдти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ.—Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской исторіи, но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія, дѣйствительно любопытныя, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ великій—Владимиръ, свой Людовикъ XI—Царь Іоаннъ, свой Кромвель—Годуновъ, и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій.—Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей Исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества: его то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело».

Читая Парижское письмо, видишь, что писавшій молодой человѣкъ, 23 лѣтъ, имѣетъ темное предчувствіе о своемъ будущемъ назначеніи.

Въ первыхъ повѣстяхъ Карамзина, въ бѣдной Лизѣ и Натальѣ, боярской дочери, (1792), опытный глазъ подмѣтитъ

черты, признаки расположенія къ старинѣ, занятій историческихъ. Такъ въ вступленіи къ *бѣдной Лизѣ* Карамзинъ говоритъ: «иногда на вратахъ (Симоновскаго) храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся—тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами,—тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти Исторію нашего отечества,—печальную Исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые Татары и Поляки огнемъ и мечемъ опустошали окрестности Россійской столицы, и когда несчастная Москва,—какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ».

Въ вступленіи къ *Натальѣ, боярской дочери*, это расположеніе выразилось еще яснѣе. «Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Русскіе были Русскими, когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, то есть говорили такъ, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена; люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подъ сѣнію давно истлѣвшихъ вязовъ искать брадатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа Русскаго, и съ нѣжностію цѣловать руки у моихъ прабабушекъ, которыя не могутъ насмотрѣться на своего почтеннаго правнука, не могутъ наговориться со мною. Такимъ образомъ, (конечно понятнымъ для всѣхъ читателей), старая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ сограждан и проч.»

Наконецъ, въ прощаніи съ публикою, при заключеніи Московскаго журнала (1793), неопредѣленное гаданіе получаетъ видъ уже твердаго намѣренія, хотя въ далекомъ будущемъ:

...«Буду учиться», сказалъ Карамзинъ, «буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ *приняться за такой трудъ*, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего, если не для потомства, (о чемъ и думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей».

Ясно, что Карамзинъ, думая со временемъ писать Исторію, знакомился изподволь съ ея задачею, читалъ, что къ ней относится, и мысль объ ней никогда его не оставляла.

(Замѣтимъ, что по совершеніи Исторіи, въ предсмертномъ письмѣ своемъ къ графу Каподистріи, Карамзинъ выразился положительнѣе: «даръ отъ меня потомству, если оно его приметъ; если же нѣтъ, то нѣтъ»).

Въ 1797 г. въ записной книжкѣ Карамзина отмѣчено: *Іюня 12.* «Если Провидѣніе пощадитъ меня; если не случится того, что для меня ужаснѣе смерти...(?) займусь Исторіею. Начну съ Джиллиса; послѣ буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона — читать со вниманіемъ и дѣлать выписки, а тамъ примусь за древнихъ авторовъ, особливо за Плутарха.»

Въ Маѣ, 1800 года Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву вотъ ужъ какъ: «я по уши влѣзъ въ Русскую Исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ.»

Въ одѣ на коронацію Императора Александра въ Мартѣ 1801, онъ восклицаетъ торжественно:

Я въ храмъ Исторіи иду,
И тамъ дѣла твои найду.

А въ примѣчаніи сказано: авторъ занимается Русскою Исторіей.

Вѣстникъ Европы Карамзинъ начинаетъ издавать съ 1802 года, съ цѣлію между прочимъ наработать столько, чтобъ черезъ пять-шесть лѣтъ предаться Исторіи.

Отъ 6 Іюня, 1803 г., писалъ онъ брату: ...«Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды, а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за трудъ важнѣйшій — за Русскую Исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству не дурной монументъ. Но все зависитъ отъ Провидѣнія. Будущее не наше.»

Такъ же объяснялъ онъ предпріятіе издавать Вѣстникъ Европы и въ письмѣ къ М. Н. Муравьеву, см. ниже, с. 17.

Въ Вѣстникѣ Европы, впродолженіи 1802 и 1803 годовъ, мы встрѣчаемъ рядъ статей историческаго содержанія, которыя свидѣтельствуютъ о хорошемъ знакомствѣ автора съ источниками Русской Исторіи и съ ея изслѣдователями, съ важнѣйшими сочиненіями и съ иностранными путешественниками. Онъ вѣрно изображаетъ главныхъ дѣятелей, и замѣчаетъ ошибки другихъ ученыхъ.

Пройдемъ ихъ по порядку.

Первое мѣсто между ними занимаютъ:

Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ. Это одна изъ самыхъ счастливыхъ статей Карамзина, которая сдѣлалась общимъ достояніемъ, оживила дорогу всѣмъ извѣстную, возбудила участіе къ разнымъ историческимъ вопросамъ. Главное лице, на которое Карамзинъ привлекъ общее вниманіе, это былъ Борисъ Годуновъ. Карамзинъ выставилъ ярко его достоинства, и заставилъ усомниться въ его преступленіяхъ, преимущественно въ главномъ: убіеніи царевича Димитрія.

«Отъ того что мы не имѣемъ порядочной Исторіи, славныя и великія дѣла предковъ намъ мало извѣстны: но ихъ довольно для пера краснорѣчиваго.» (1,479)

...«Умный историкъ долженъ разсказывать такіе анекдоты, (свиданіе Іоанна съ Вассіаномъ Топорковымъ), ибо они

любопытны, и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣетъ еще и другую обязанность: разсуждать и сказки отличать отъ истины.» (485).

...«Подлѣ Успенскаго собора вростаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: царь Борисъ, супруга его, сынъ Ѳеодоръ и несчастная Ксенія. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Если бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то Исторія назвала бы его славнымъ государемъ; и царскія его заслуги столь важны, что Русскому патріоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семъ злодѣяніи: такъ больно ему гнушаться памятію человѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно противоборствовалъ государственнымъ бѣдствіямъ, и страстно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго роду святынею; и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ Исторія дѣлается иногда эхомъ злословія.... Мысль горестная! Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо, и читающихъ гробовую надпись. Что, если мы клевѣщемъ на сей пепелъ; если несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?... Но я пишу теперь не Исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею святаго Димитрія, удивляюсь небесному правосудію, которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.» (486).

...«Всякій, кто знаетъ Исторію отечества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочетъ

видѣть эту смиренную палатку; устремитъ на нее глаза съ любопытствомъ; скажетъ: вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе! и примолвитъ: Богъ судитъ тайныя злодѣянія, а мы должны хвалить царей за все, что они дѣлаютъ для славы и блага отечества!» (496).

Представивъ прекрасное обозрѣніе его царствованія, какого еще не бывало, и заключивъ появленіемъ самозванца, Карамзинъ восклицаетъ: «Вотъ любопытная эпоха нашей Исторіи, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе, не только для Россіи, но и для Европы; рѣшить не иначе, какъ собравъ довольное число вѣроятностей для произведенія моральнаго увѣренія. Хотя историкъ судитъ безъ свидѣтелей, хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ: однакожъ истина всегда зарониваетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно отыскать ихъ въ пеплѣ — и тогда происшествіе объясняется.» (496).

Описаніе горы Волкуши передъ Лаврою, на которой Карамзинъ вообразилъ живо ополченіе Пожарскаго, шедшаго освобождать Москву отъ Поляковъ, и благословеніе воиновъ архимандритомъ Діонисіемъ, показываетъ ясно историческое настроеніе Карамзина. Кто, въ это время, способенъ былъ писать или даже задумывать подобныя картины!

Такъ точно и во второй статьѣ своей: О *случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ*, Карамзинъ старается прежде всего возбудить вниманіе къ Русской Исторіи.

«Мысль задавать художникамъ,» пишетъ онъ къ г. NN., «предметы изъ отечественной Исторіи, достойна вашего патріотизма, и есть лучшій способъ оживить для насъ ея великіе характеры и случаи, особливо пока мы еще не имѣемъ краснорѣчивыхъ Историковъ, которые могли бы поднять изъ гроба знаменитыхъ предковъ нашихъ, и явить

тѣни ихъ въ лучезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту Русскому всего ближе и любезнѣе прославлять Русское, въ то время когда Монархъ и самое Провидѣніе зовутъ насъ къ истинному народному величію. Должно пріучить Россіянъ къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній артиста и сильныхъ дѣйствій искусства на сердце. Не только историкъ и поэтъ, но и живописецъ и ваятель бываютъ органами патріотизма. Если историческій характеръ изображенъ разительно на полотнѣ или мраморѣ, то онъ дѣлается для насъ и въ самыхъ лѣтописяхъ занимательнѣе; мы любопытствуемъ узнать источникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ большимъ вниманіемъ входимъ въ описаніе дѣлъ человѣка, помня, какое живое впечатлѣніе произвелъ въ насъ его образъ. Я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи, или незанимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣнія о прошедшемъ.» (111,552).

Изъ слѣдующихъ словъ Карамзина, мы видимъ, что онъ хорошо знакомъ съ Норманнами,— и съ Рюрикомъ, и съ Олегомъ, и съ Ольгою.

«Никто изъ древнихъ князей» говоритъ онъ, «не дѣйствуетъ такъ сильно на мое воображеніе, какъ Святославъ.... Сей герой любезенъ намъ и потому, что въ жилахъ его текла уже кровь Славянская, и что онъ первый изъ Русскихъ князей назывался именемъ языка нашего. Рюрикъ, Олегъ, Игорь, были иностранцы; Святославъ родился отъ Славянъ.» Карамзинъ называетъ его Суворовымъ древней Россіи. (556).

«Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ патріотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ надобно питать любовь къ отечеству и чувство.....

Во Владимирѣ и въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы, которою ихъ жители прославили себя въ 13 вѣкѣ. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ глаза мои ищутъ статуи Минина, который, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на Московскую дорогу. Мысль, что въ Русскомъ отдаленномъ отъ столицы городѣ, дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надпись и говорить о дѣлахъ предковъ, радуетъ мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаетъ въ Россіи съ новыми поколѣніями!.... А тѣ холодные люди, которые не вѣрятъ сильному вліянію *изящнаго* на образованіе душъ, и смѣются (какъ они говорятъ) надъ *романическимъ патріотизмомъ*, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго; не они рождены сдѣлать намъ имя Русское еще любезнѣе и дороже!» (565).

Въ статьѣ «*О тайной канцеляріи*,» Карамзинъ задѣлъ Шлецера,—(«иностранной профессоръ Русской Исторіи!!»). Опровергая его мнѣніе объ основаніи этого страшнаго судилища Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, онъ говоритъ: «могъ ли г. Шлецеръ, ученый критикъ и страстный любитель нашей Исторіи неусомниться въ истинѣ такого случая? Если и словесная критика важна въ исторіи, философическая еще важнѣе.» (419). И потомъ: «гдѣ же страхъ, произведенный тайной канцеляріей. Гдѣ онѣмѣніе лѣтописцевъ? спрашиваемъ у г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ стр. 59 — и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности Исторіи Русской.»

Какъ мѣтко опредѣляетъ Карамзинъ характеры нашихъ старыхъ царей: «Алексѣй Михайловичь», говоритъ онъ, «не

казнилъ и не душилъ бояръ подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ подобно Годунову, не равнялся съ ними подобно Шуйскому, и царствовалъ смѣлѣе, надежнѣе своего родителя.» (1,420).

Какъ вѣрно описываетъ Карамзинъ нашихъ лѣтописателей: «Лѣтописцы наши не Тациты: не судили государей; разсказывали не всѣ дѣла ихъ, а только блестящіе — воинскіе успѣхи, знакъ набожности и проч. Левъ не разѣвалъ челюстей за такими историками, и самый ужасный царь Иванъ Васильевичь могъ съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ и въ другіе монастыри. Только славный боринъ Курбской не утѣшилъ бы его своими записками: за то сей достойный мужъ убрался въ Польшу, чтобы оставить намъ вѣрное, но едва вѣроятное изображеніе государя своего. — Однакожъ мы обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за Русскія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ—и когда время Петра Великаго, и строгія, взятыя имъ мѣры противъ монаховъ, отняли у нихъ не только охоту, но и самую возможность продолжать лѣтописи, Исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріаловъ» (424).

...«Я чувствую великія дѣла Петровы и думаю: счастливы предки наши, которые были ихъ свидѣтелями! однакожъ не завидую ихъ счастію! Гораздо веселѣе жить въ то время, когда въ Преображенскомъ поливаютъ землю не кровію, а водою для произведенія овощей и салата» (425).

Статья о *Маѳѣ Посадницѣ* изъ житія св. Зосимы показываетъ, что Карамзинъ знакомился уже и съ этими источниками Русской Исторіи. Въ заключеніе онъ выражаетъ желаніе, чтобъ когда нибудь искусное перо изобразило намъ *галлерею Россіянокъ*, знаменитыхъ въ Исторіи или достойныхъ сей чести. «Въ разсужденіи древности

благоразумный авторъ ограничитъ себя Несторомъ.... Галлерея наша открылась бы Ольгою и Гориславою; а среднія времена представили бы намъ изображеніе Греческой княжны Софіи, супруги князя Іоанна, (которой Россія обязана первыми искрами просвѣщенія); матери царя Ивана Васильевича, имѣвшей слабости, но весьма умной; первой супруги его, прекрасной и любезной Анастасіи; Маріи Годуновой, которой добродѣтель обуздывала иногда Бориса въ жестокостяхъ его подозрительнаго характера, и трогательной, невинной Ксеніи. Правда, что Русскіе лѣтописцы, въ которыхъ должно искать матеріаловъ для сихъ біографій, крайне скудны на подробности; однакожъ умъ внимательный, одаренный *историческою догадкою*, можетъ дополнить недостатки соображеніемъ, подобно какъ ученый любитель древностей, разбирая на какомъ-нибудь монументѣ старую Греческую надпись по двумъ буквамъ.... угадываетъ третью, изглаженную временемъ, и не ошибается. — Новѣйшая Русская Исторія имѣетъ также своихъ знаменитыхъ женщинъ; наименуемъ изъ нихъ Наталію Кириловну.... Софію.., Екатерину 1. Не знаю, дозволитъ ли политика въ наше время Философу - историку свободно и торжественно судить царствованія Анны и Елисаветы; но умный живописецъ - авторъ можетъ въ легкихъ чертахъ представить ихъ личные характеры съ хорошей стороны и безъ лести. Наконецъ не на одномъ тронѣ сочинитель долженъ искать лицъ для историческихъ портретовъ: онъ вспомнитъ, на примѣръ, сію графиню Головкину, которая добровольно промѣняла столицу на Сибирь, и годъ жила въ землянкѣ съ мертвымъ тѣломъ супруга. Такое геройство супружеской любви давно бы прославлено было въ цѣломъ свѣтѣ, если бы Русскіе умѣли и любили хвалиться добродѣтелями Русскихъ.» (387.)

О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Авторъ искусно воспользовался извѣстными

иностранными путешественниками, и представилъ живую картину этого событія, далъ портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

...«Исторія нашего отечества, подобно другимъ, описывая жестокія войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ властей законныхъ, что служитъ къ великой чести народа Русскаго. Онъ кажется всегда чувствовалъ необходимость повиновенія, и ту истину, что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства. Такимъ образомъ народъ Московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы временъ царя Ивана Васильевича, всѣ неистовства его опричниковъ, которые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ, какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали, и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна.» (398).

Выпишемъ одно примѣчательное мѣсто:

«Мятежъ кончился. Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое въ лѣтописяхъ міра, зрѣлище, котораго описаніе останется на вѣки трогательнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердецъ истинно-Русскихъ, привязанныхъ къ добрымъ своимъ монархамъ.»

...«Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни—день былъ праздничный—Царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади, и сталъ на возвышенномъ мѣстѣ..... Граждане со всѣхъ сторонъ тѣснились къ нему, громогласно изъявляя усердіе къ священной особѣ монарха. Подлѣ него стоялъ добрый и любимый боярин Никита Ивановичъ Юрьевъ. Государь съ ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству, что ему горестно было свѣдать все претерпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостой-

ные заслужили казнь, употребляя во зло священную власть закона, которая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что бояре добросовѣстные, заступившіе мѣсто Плещеева и Траханіотова, будутъ править и судить по уставу человѣколюбія и справедливости, что самъ онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всѣми частями правленія; что особенныя привиллегіи и монополіи немедленно уничтожатся; что прежняя цѣна соли возстановляется; что выгода и благодепствіе гражданъ составятъ единственный предметъ его попеченій, и что онъ всѣми дѣлами своего царствованія желаетъ пріобрѣсти имя ему любезное: имя отца народнаго..... Граждане *низко поклонились* Царю, благодаря его за милость и желая ему здравія и долголѣтія, по обычаю Русскихъ.... Тутъ великодушный Царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ, что не находя его совершенно правымъ, не находитъ и во всемъ виноватымъ, и не требовавъ еще въ свое парствованіе никакой жертвы отъ гражданъ, надѣется, что они исполнятъ первую просьбу его и простятъ сего боярина, — который — за что Онъ ручается—заслужитъ впредь любовь и дружбу ихъ, что если они не хотятъ видѣть Морозова въ Синклитѣ, то онъ исключитъ его изъ сего Верховнаго Совѣта, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы человѣка, который былъ ему вторымъ отцемъ и наставникомъ»..... Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онѣ составили неизъяснимо трогательное заключеніе его рѣчи— и самые тѣ, которые недавно еще свирѣпствовали, какъ неистовые мятежники въ столицѣ, были поражены симъ зрѣлищемъ, упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги его, и восклицали единогласно: *да будетъ, что угодно Богу и тебѣ Государю! мы всѣ дѣти твои.* Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ Монарха, до

сей минуты печальнаго. Онъ изъявилъ народу свою признательность; увѣщевалъ его быть кроткимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда своихъ царскихъ обѣщаній и вѣрно исполнитъ ихъ.... Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль....»

«Такое дѣйствіе Монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхитительно. Дерзну сказать, что сія минута была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцатидвухлѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича—минута, въ которую онъ столь разительно доказалъ нѣжную дружбу свою къ воспитателю, и священное уваженіе *даннаго слова:* ибо ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылкая, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоцѣнное спокойствіе! Жить единственно для счастія подданныхъ, быть истиннымъ отцемъ народнымъ—сіи обѣты, подтвержденные Царемъ въ минуту живѣйшаго чувства признательности, были конечно искренны, и начертаны въ глубинѣ его сердца!.... Мысль плѣнительная!... Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности?.... Историкъ строгимъ самомъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человѣку любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не ангелы! Отирая сладкія слезы свои, онъ скажетъ, что здравая политика, основанная на опытахъ и знаніи человѣчества, предписывала Царю Алексѣю Михайловичу со всѣмъ иные способы утушить мятежъ. *Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія*; она прощаетъ, но не проситъ—и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не Монарха» (415).

Русскую старину Карамзинъ начинаетъ также изъявленіемъ сожалѣнія о маломъ знакомствѣ нашемъ съ Исторіею: «Сообщаю анекдоты», говоритъ онъ,—«и разныя извѣстія о старой Москвѣ и Россіи, выбранныя мною изъ чужестранныхъ авторовъ, которые во время Царей жили въ нашей столицѣ, и которые не во всѣхъ библіотекахъ находятся. Думаю, что эта статья для многихъ читателей будетъ занимательна. Къ несчастію, мы такъ худо знаемъ Русскую старину, любезную для сердца патріотовъ» (502).

Въ *Путешествіи* вокругъ Москвы много любопытныхъ свѣдѣній о первоначальномъ кораблестроеніи, о сподвижникахъ Петровыхъ, о городѣ Коломнѣ, и проч.

Къ числу, если не историческихъ статей, то по крайней мѣрѣ историческихъ опытовъ, можно причислить его повѣсть — *Марѳу Посадницу*, которою онъ начиналъ второй годъ Вѣстника. На нее должно смотрѣть, вмѣстѣ съ Похвальнымъ словомъ «Екатеринѣ,» какъ на пробу пера, опытъ перестроить струны на другой ладъ, взять тономъ выше, что тогда считалось необходимымъ для Исторіи, которая не терпѣла простоты. Эта повѣсть имѣла успѣхъ не менѣе бѣдной Лизы. Вся молодежь твердила на изусть: Раздался звонъ вѣчеваго колокола, и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ. Характеры, положенія, встрѣчи—все это было здѣсь совершенно ново, необыкновенно, разительно.— Украшенія, преувеличенія, идеализація, не бросалась тогда въ глаза читателямъ такъ, какъ нынѣ.

И въ другихъ статьяхъ есть слѣды короткаго знакомства съ главными вопросами Русской Исторіи, напр. въ забавной статейкѣ о *Русской Грамматикѣ гражданина Модрю*, Карамзинъ говоритъ... «Знаетъ ли гражданинъ Модрю нашу Исторію, думая, что Русскіе истребили Славянъ, и что языкъ Славянскій остался единственно въ священныхъ книгахъ побѣдителей—для того ли, говоритъ онъ,—

что первые Христіанскіе священники въ Россіи были Славяне, или можетъ быть, для того, что сей языкъ казался Русскимъ выразительнѣе для богослуженія?? Такое невѣжество едва вѣроятно... Гражданинъ Модрю воображаетъ, что горсть Варяжскихъ храбрецовъ, которыхъ привелъ съ собой Рюрикъ, добровольно призванный Славянами, уничтожила, такъ сказать, нравственное бытіе сего великаго народа, и что мы говоримъ нынѣ по-Варяжски!! Сей ученый мужъ не знаетъ, что Русскій языкъ есть Славянянскій, измѣненный временемъ, употребленіемъ и примѣсомъ нѣкоторыхъ чужихъ словъ! Не удалось ли ему слышать, что Греческій Императоръ Константинъ различаетъ ихъ въ своемъ твореніи? Правда, что въ его время назывался Русскимъ языкъ Норманскій: но онъ никогда не былъ народнымъ языкомъ въ Россіи. Князья Варяжскіе сообщили намъ имя *Руси*, но Славяне не приняли языка ихъ, и мы не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ его въ нашемъ.» (603).

Въ статьѣ о землетрясеніи въ Москвѣ въ 1802 году, Карамзинъ воспоминаетъ съ подробностями изъ лѣтописей о землетрясеніи, случившемся въ Москвѣ при Князѣ Василькѣ Васильевичѣ Темномъ, (въ самый тотъ день, какъ Ханъ Татарскій отпустилъ его изъ плѣна).

Въ письмѣ *Сельскаго жителя* сообщаетъ онъ историческія свѣдѣнія о винной торговлѣ въ Россіи.

Вообще при всякомъ случаѣ Карамзинъ старался возбудить вниманіе къ Русской Исторіи и укорять общество въ недостаточности знакомства съ нею.

Карамзинъ занимался ревностно, какъ мы видѣли, Русскою Исторіею, знакомился ближе и ближе со всѣми источниками, усматривалъ случаи, черты, которыми воспользоваться можно съ успѣхомъ, и темное его желаніе, давнее намѣреніе, опредѣлилось яснѣе, почувствовалось живѣе. Онъ часто говорилъ объ немъ, и однажды, въ счастливую

минуту, завелъ рѣчь о любимомъ намѣреніи съ своимъ искреннимъ другомъ, Дмитріевымъ, который первый имѣлъ счастіе указать ему и на литературное поприще. «Такъ приступай къ дѣлу, медлить нечего», сказалъ Дмитріевъ.— «Я человѣкъ частный,» отвѣчалъ Карамзинъ;—«безъ содѣйствія Правительства не достигну желаемой цѣли; притомъ лишусь главныхъ доходовъ моихъ: шести тысячъ рублей, которые приноситъ мнѣ Вѣстникъ Европы».— «Ты ничего не потеряешь, трудясь для славы отечества,» отвѣчалъ Дмитріевъ, «пиши только въ С. Петербургъ: я увѣренъ въ успѣхѣ.»—«Тебѣ все представляется въ розовомъ видѣ,» произнесъ Карамзинъ. — Долго спорили они: наконецъ послѣдній долженъ былъ уступить убѣдительному краснорѣчію своего друга, и сказалъ: «Пожалуй, я напишу, но берегись, если откажутъ.»

Письмо отправлено къ Товарищу Министра Просвѣщенія, Михаилу Никитичу Муравьеву, воспитателю И. Александра, знаменитому покровителю просвѣщенія и первому Попечителю Московскаго Университета. Письмо къ счастію сохранилось. Мы помѣстимъ его здѣсь вполнѣ. Оно вѣрно изображаетъ намъ Карамзина въ эту рѣшительную минуту его жизни, Сентября 28, 1803 года.

«Имѣя доказательства вашего ко мнѣ благорасположенія, а болѣе всего, увѣренный въ вашей любви ко славѣ отечества и Русской Словесности, беру смѣлость говорить вамъ о моемъ положеніи.»

«Будучи весьма небогатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы *принужденною* работою пяти или шести лѣтъ, купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы — однимъ словомъ, сочинять Русскую Исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою. Теперь слабые глаза не дозволяютъ мнѣ трудиться по вечерамъ, и принуждаютъ

меня отказаться отъ *Вѣстника*. Могу и хочу писать Исторію, которая не требуетъ поспѣшной и срочной работы; но еще не имѣю способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6000 руб. доходу. Если вы думаете, Милостивый Государь, что Правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе Россійской публики, и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ: то нельзя ли при случаѣ доложить Императору о моемъ положеніи и ревностномъ желаніи написать Исторію не варварскую и непостыдную для его царствованія? Во Франціи, богатой талантами, сдѣлали нѣкогда Мармонтеля *исторіографомъ* и давали ему пенсію, хотя онъ и не писалъ Исторіи: у насъ въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, немного истинныхъ авторовъ. Если галиматья, подъ именемъ *Корифея*, печатается на счетъ казны, если переводъ Анахарсиса удостоился вспоможенія отъ Правительства: то для чего же, казалось бы, не поддержать автора, уже извѣстнаго въ Европѣ, трудолюбиваго и пылающаго ревностію ко славѣ отечества? Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лѣтъ: ибо въ это время надѣюсь управиться съ Исторіею. И тогда я могъ бы отказаться отъ пенсіи: написанная Исторія и публика не оставила бы меня въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ Дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію неблагопріятною для таланта.»

«Сказавъ все, и вручивъ вамъ судьбу моего авторства, остаюсь въ ожиданіи вашего снисходительнаго отвѣта. Другаго человѣка я не обременилъ бы такою просьбою; но васъ знаю, и не боюсь показаться вамъ смѣшнымъ. Вы же *нашъ* попечитель...—Господинъ Чеботаревъ, ректоръ,

предложилъ быть мнѣ членомъ Московскаго Университета,—честь, которою я вамъ обязанъ, и за которую изъявляю искреннюю благодарность. Университетъ оживился. Публичныя лекціи привлекаютъ многихъ слушателей, и безъ сомнѣнія распространяютъ вкусъ къ наукамъ.

«Съ душевнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашимъ покорнымъ слугою

Николай Карамзинъ.

Письмо послано 28 Сентября, 1802 года, и 31 Октября состоялся Высочайшій указъ, выше приведенный.

Карамзинъ выразилъ свою благодарность почтенному покровителю слѣдующимъ письмомъ, которое должно украшать и біографію Муравьева:

«Вамъ единственно обязанъ я милостію Государя и способомъ заниматься такимъ дѣломъ, которое можетъ быть славно для меня и не безславно для Россіи; къ сему одолженію вы присоединили еще всю нѣжность души кроткой, чувствительной, и тѣмъ возвысили цѣну его.... Какъ вамъ пріятно дѣлать добро, такъ сердцу моему сладостно быть на вѣки благодарнымъ.»

«Прошу васъ, Милостивый государь, изъявить великодушному Монарху усердную и благоговѣйную признательность одного изъ его вѣрнѣйшихъ подданныхъ, который посвятитъ всю жизнь свою на оправданія его благодѣянія.»

«Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ предлагалъ здѣшнему Архиву Иностранной Коллегіи показывать мнѣ всѣ бумаги, имѣющія отношенія къ Россійской Исторіи; но желаю пользоваться и другими библіотеками, наприм. древнею Патріаршею и Троицкою, гдѣ хранятся многія лѣтописи: не нужно ли будетъ общимъ Всемилостивѣйшимъ указомъ открыть для меня сіи источники?»

Желаніе Карамзина было немедленно исполнено, и онъ написалъ къ Муравьеву новую благодарность:

«Сердечно благодарю Васъ за трудъ, который Вы взяли на себя, доложить Его Величеству о моемъ желаніи пользоваться архивомъ и монастырскими библіотеками. Хотя первый и былъ уже отворенъ для меня по благосклонному письму Канцлера, но лучше имѣть право, нежели зависѣть отъ воли людей. Если Провидѣнію угодно, чтобы я съ честію совершилъ трудъ, мною предпринимаемый: то добрые Россіяне узнаютъ съ чувствительностію, что Вы были великодушнымъ и единственнымъ покровителемъ автора, усерднаго ко славѣ отечества.»

Отъ 18 Февраля, 1804 года, писалъ онъ къ Муравьеву: «Теперь, раздѣлавшисьсъ публикою,—(онъ выдалъ послѣднія двѣ книжки вмѣстѣ въ Февралѣ)—занимаюсь единственно тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ Исторіи» (686).

Первымъ дѣломъ Карамзина, казалось, должно было быть—письмо къ учителю, къ мастеру, къ Шлецеру, который открылъ Европѣ міръ Русскихъ лѣтописей, показалъ ихъ значеніе, научилъ ими пользоваться, представилъ примѣры толкованія помощію иностранныхъ источниковъ; который снискалъ себѣ титло отца исторической критики, и сталъ первымъ авторитетомъ въ Европѣ для Русской, и вообще Сѣверной исторіи. Онъ только что выдалъ тогда первыя двѣ части своего истолкованнаго Нестора,—краеугольный камень Русской Исторіи, послужившій безъ сомнѣнія Карамзину основаніемъ его труда. Что Карамзинъ знакомъ былъ съ изслѣдованіями Шлецера, это мы знаемъ изъ его статьи о тайной Канцеляріи.

Нѣтъ, Карамзинъ не написалъ письма къ Шлецеру; онъ вѣрно опасался объявить ему о своемъ намѣреніи писать Исторію, получивъ понятіе объ его требованіяхъ. Мы знаемъ это положительно, ибо черезъ годъ послѣ,

издавая 3-ю часть Нестора, обиженный Шлецеръ проворчалъ про себя въ Геттингенѣ съ иронiей: слышу я, что въ Москвѣ заводится историческое общество; слышу я, что есть уже и исторiографъ.—Старикъ не сказалъ ничего болѣе, чтобъ не оскорбить Русское Правительство, отъ котораго онъ только получилъ безпримѣрную, по выраженiю Эверса, награду за критическiе труды свои, поднесенные И. Александру, орденъ Св. Владимiра 4-й степени, и велѣлъ написать его на своемъ портретѣ величиною больше звѣзды.

Почему не обратился Карамзинъ къ Шлецеру? Я думаю, что, прочитавъ первую часть Шлецерова Нестора, которая только-что появилась, онъ испугался своего предпрiятiя, и не проспалъ нѣсколько ночей; онъ увидѣлъ невозможность удовлетворить требованiямъ критики за недостаткомъ средствъ. Ему вѣрно стало страшно, на первыхъ порахъ, но разумѣется, горячее его желанiе писать Исторiю, его первая надежда, основанная на поверхностномъ знанiи,—побѣдить трудности, представила ему дѣло тотчасъ съ другой стороны: На что намъ пока эта Нѣмецкая ученость съ ея педантическими требованiями? Стоитъ ли труда проливать потъ надъ буквами, и писать диссертацiи о какомъ-нибудь словѣ? Русскимъ нужна книга другаго рода; нужна общедоступная для всѣхъ Исторiя; по Шлецеру надо ожидать ее лѣтъ черезъ сто, и что же будутъ знать до тѣхъ поръ Русскiе люди о своемъ отечествѣ? Нѣтъ, теперь надо удовлетворить первыя потребности, а ученость послѣ: это уже роскошь!

Такъ вѣрно разсуждалъ Карамзинъ и позабывалъ объ угрозахъ Шлецеровыхъ, изрѣдка только вздрагивая при воспоминанiи объ нихъ съ внутреннею досадою, стараясь тотчасъ развлечь себя мыслiю о занимательныхъ эпизодахъ, которые можно представить съ силою. Такимъ

образомъ, онъ сообразилъ очень основательно, что ему не слѣдуетъ заводить переписку съ Шлецеромъ, не должно предлагать ему опаснаго вопроса, и отваживаться на полученіе отвѣта, если не оскорбительнаго, то во всякомъ случаѣ непріятнаго.

И въ самомъ дѣлѣ, что сказалъ бы ему строгій и пылкій старикъ на энергическомъ языкѣ своемъ. «Вы хотите рубить дерево, на высокой горѣ стоящее, милостивый государь? А гдѣ вы находитесь? У подошвы ея, и спрашиваете у меня, что вамъ дѣлать. Подниматься на гору, отвѣчаю я. Съ Богомъ! А какъ поднимитесь, ну тогда и начните думать, какъ рубить дерево.»

И написавши подобный отвѣтъ, разумѣется крѣпче и язвительнѣе, сообразно съ своимъ характеромъ, онъ улыбнулся бы и сказалъ про себя: пусть попытается Русской храбрецъ! Каковъ! Сочинилъ Бѣдную Лизу,—да и размахнулся писать Исторію! Русскую Исторію!

А Русскій человѣкъ думалъ,—такъ я воображаю,—про себя: утро вечера мудренѣе. Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ,—авось!

Мы увидимъ, кто изъ нихъ былъ правъ, Шлецеръ или Карамзинъ.

—

Въ какомъ же положеніи дѣйствительно онъ находился къ своей задачѣ?

Мы видѣли въ Карамзинѣ блистательнаго литератора, проницательнаго политическаго писателя, отличнаго журналиста, пріятнаго собесѣдника, мастера говорить и писать. Но что имѣлъ онъ для Исторіи?

Объ дѣлѣ Исторіи, особенно въ отношеніи къ приготовительнымъ, критическимъ работамъ, онъ имѣлъ понятія, очень поверхностныя; классическаго образованія онъ не

получилъ, и даже собственно-ученой подготовки въ смыслѣ Шлецера у него не было. Онъ хотѣлъ прежде всего сочинить занимательную книгу для чтенія; онъ хотѣлъ развернуть пріятную, поразительную картину предъ взорами своихъ читателей; распространить въ обществѣ, въ народѣ, историческія свѣдѣнія, доступныя прежде только для немногихъ. Учености у него не было въ виду. Онъ надѣялся управиться при одномъ здравомъ смыслѣ, живости воображенія, при талантѣ краснорѣчія. — И такіе образы, какъ Рюрикъ, неизвѣстный витязь, приплывающій изъ-за моря въ Новгородъ на княженіе, Олегъ подъ Константинополемъ, прибивающій щитъ къ вратамъ полуплѣненной столицы, Ольга, принимающая святое крещеніе отъ Греческаго патріарха, Святославъ съ его удивительными, пінтическими походами, Владиміръ, завоевывающій вѣру, Мономахъ съ его поученіемъ, Боголюбскій, Мстиславы, казались предметами, достойными художественной кисти. А тамъ еще Донской, Св. Сергій, Іоаннъ III съ наслѣдницею Греческой Имперіи, Грозный, Годуновъ, Самозванцы!

Какое раздолье для таланта могутъ представить: Норманскіе походы, принятіе Христіанской вѣры, нашествіе дикихъ Монголовъ, Куликовская битва, освобожденіе Москвы отъ Поляковъ съ Пожарскимъ, Мининымъ, Гермогеномъ, Ляпуновымъ, Палицынымъ, Сусанинымъ,—и Петръ, Петръ, которому никакая Исторія никого не представляетъ подобнаго!

Восхитительныя зрѣлища представлялись воображенію!

И какъ все это легко — матеріалы готовы, подъ руками: вотъ Несторъ и его продолжатели, лѣтописи Кіевская, Суздальская, Новгородская, Курбскій, Палицынъ... Столбовая дорога проложена Татищевымъ, Щербатовымъ, Стриттеромъ, который только что вышелъ тогда въ свѣтъ.

Миллеръ, Болтинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Бантышъ-Каменскій дополняютъ, поясняютъ. Наконецъ иностранные путешественники, съ которыми уже онъ познакомился, и сдѣлалъ опыты, какъ можно ими воспользоваться!—Стоитъ только прочесть, какъ говорилъ онъ, разобрать, украсить, умѣть воспользоваться оригинальными чертами, готовыми красками, и весь этотъ грубый, сырой матеріалъ, приметъ совсѣмъ другой видъ, заговоритъ душѣ, взволнуетъ сердце новыхъ читателей, имъ же сотворенныхъ, друзей писемъ Русскаго путешественника, Бѣдной Лизы, Ильи Муромца, Замѣчаній на пути къ Троицѣ!

«Въ пять шесть лѣтъ,» пишетъ онъ къ Муравьеву, «я надѣюсь дойти до Романовыхъ, а прежде я не намѣренъ ничего печатать!»

Въ пять-шесть лѣтъ Карамзинъ хотѣлъ дойдти до Романовыхъ!! Онъ проработалъ безпримѣрно почти двадцать пять лѣтъ, и все еще не дошелъ до Романовыхъ!

—

И онъ приступаетъ къ дѣлу!

На первомъ шагу встрѣчаются затрудненія, задержки, остановки, а вокругъ мракъ Киммерійскій, зги Божіей не видно, хоть глазъ коли.

Въ какомъ состояніи находилась Русская Исторія?

Библіотеки не имѣли каталоговъ; источниковъ никто не собиралъ, не указывалъ, не приводилъ въ порядокъ; лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; грамоты лежали, разсыпанныя по монастырямъ и архивамъ; хронографовъ никто не зналъ; ни одна часть Исторіи не была обработана—ни Исторія церкви, ни Исторія права, ни Исторія Словесности, торговли, обычаевъ; для древней Географіи не было сдѣлано никакихъ приготовленій; Хронологія перепутана, Генеологіей не занимались; Нумизматическихъ собраній не суще-

ствовало; Археологіи не было въ поминѣ, ни одинъ городъ, ни одно княжество, не имѣли порядочной Исторіи; сношенія съ сосѣдними государствами покоились въ статейныхъ спискахъ; иностранныя лѣтописи, кромѣ Греческихъ, не принимались въ соображеніе, древніе Европейскіе путешественники въ Россіи едва были извѣстны по слуху; съ сочиненіями иностранныхъ ученыхъ, въ которыхъ разсѣяны разсужденія о древней Россіи, никто не справлялся; ни одного вопроса изъ тысячей не рѣшено окончательно, ни одного противорѣчія не соглашено.

Что же было сдѣлано?

Издано нѣсколько лѣтописей, коими нельзя было пользоваться по отсутствію всякой отчетливости.

Написано нѣсколько Исторій, удовлетворявшихъ потребностямъ своего времени; но онѣ не помогали, а увеличивали работу, приводя ученаго въ сомнѣніе своими прибавленіями, и заставляя отыскивать ихъ источники.

Объяснено нѣсколько древнихъ памятниковъ, но безъ необходимыхъ строгихъ доказательствъ.

Положено прочное основаніе разрѣшенію одного вопроса— о происхожденіи Руси, и Шлецеръ только что указалъ, какъ надо приниматься за лѣтописи, напечатавъ первую часть своихъ толкованій на Нестора.

Россійская Библіоѳика, изданная Новиковымъ и ея продолженіе, изданія Миллера: Степенная книга, Царственная книга, Родословная, Кенигсбергскій Никоновскій списокъ Нестора съ прод., Новгородская лѣтопись, сочиненія Татищева, критическія замѣчанія Болтина, опыты Муспина-Пушкина съ помощію Болтина: о Русской правдѣ, о Тмутораканскомъ камнѣ, о Мономаховомъ поученіи, о словѣ о Полку-Игоревѣ. Вотъ главныя пособія Карамзина.

Надо въ введеніи сказать о народахъ, проходившихъ чрезъ наши страны, жившихъ тамъ по нѣсколько времени,

оставившихъ слѣды въ имепахъ, и даже въ нѣкоторыхъ памятникахъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ Грековъ и Римлянъ. Надо перечесть свидѣтелей, а сколько ихъ, начиная отъ Иродота! Какія разнорѣчивыя показанія! Сколько толкованій! Многое-ли приведено въ ясность, которую такъ любилъ Карамзинъ, такъ ревностно искалъ вездѣ! Стриттеръ съ своими Memoriae populorum, послужилъ ему разумѣется первымъ руководителемъ. Потомъ изслѣдованія Тунмана объ исторіи Сѣверныхъ и Восточныхъ племенъ помогли ему опознаться въ этомъ темномъ періодѣ. Наконецъ Сѣверная Исторія Шлецера, и Манпертъ съ своей Географіей Грековъ и Римлянъ.

Но эти писатели должны были съ другой стороны раскрыть предъ нимъ и всю трудность предпріятія. Разумѣется, не входя въ дальнѣйшія разысканія, онъ рѣшился передать только результаты мастеровъ, и указываемыя ими изысканія второклассныхъ дѣлателей. Не мало и этого труда, почти безполезнаго, думалъ онъ, вѣроятно, спачала! Какую пользу можетъ принести для ума, для воображенія, исчисленія именъ, смѣнявшихся безпрестанно? Раздѣлаться мнѣ съ ними, думалъ онъ, вырваться мнѣ какъ-нибудь изъ этого мрака на свѣтъ Божій, къ Нестору, а тамъ мнѣ уже будетъ съ пола-горя передавать сказанія лѣтописей.... Счастливъ еще Карамзинъ, что могъ долго оставаться въ этомъ заблужденіи!

И принялся онъ читать, извлекать, соображать! До такой степени углубился въ свой предметъ, преимущественно на первыхъ порахъ, что сдѣлался несноснымъ даже для друзей своихъ. Это свидѣтельствовалъ мнѣ И. И. Дмитріевъ. Онъ ни объ чемъ не могъ думать, ни объ чемъ не могъ говорить, ничего не могъ понимать,—кромѣ предмета своихъ занятій. Спалъ и видѣлъ только его, во снѣ и на яву.

Первое лѣто, какъ и слѣдующія, провелъ онъ въ Остафьевѣ, знаменитомъ селѣ, (около Подольска), Князя Андрея Ивановича Вяземскаго, на дочери котораго, Катеринѣ Андреевнѣ, предъ тѣмъ женился онъ, 1804 года, Января 8.

Огромный барскій домъ въ нѣсколько этажей возвышается на пригоркѣ; внизу за луговиною, блещетъ обширный, проточный прудъ; въ сторонѣ отъ него сельская церковь, осѣненная густыми липами. По другую сторону дома обширный тѣнистый садъ.

Кабинетъ Карамзина помѣщался въ верхнемъ этажѣ въ углу, съ окнами, обращенными къ саду: ходъ былъ къ нему по особенной лѣстницѣ.

Я былъ тамъ, въ этомъ святилищѣ Русской Исторіи, въ этомъ славномъ затворѣ, гдѣ двѣнадцать лѣтъ съ утра до вечера сидѣлъ, одинъ одинехонекъ, знаменитый нашъ труженникъ, надъ египетской работою, углубленный въ мысли о великомъ своемъ предпріятіи, съ твердымъ намѣреніемъ совершить его во что бы ни стало, — гдѣ онъ въ тишинѣ уединенія, читалъ, писалъ, тосковалъ, радовался, утѣшался своими открытіями,—куда приносились къ нему любезныя тѣни Несторовъ, Сергіевъ, Сильвестровъ, Авраміевъ, — гдѣ онъ бесѣдовалъ съ ними, спрашивалъ о судьбахъ отечества, слышалъ внутреннимъ слухомъ вѣщій ихъ голосъ, и передавалъ откровенія златыми устами своими.

Голыя штукатуренныя стѣны, выкрашенныя бѣлою краскою, широкой сосновый столъ, въ переднемъ углу подъ окнами стоящій, ничѣмъ не прикрытый, простой деревянный стулъ, нѣсколько козловъ, съ наложенными досками, на которыхъ раскладены рукописи, книги, тетради, бумаги; не было ни одного шкапа, ни креселъ, ни диваповъ, ни этажерокъ, ни пюпитровъ, ни ковровъ, ни подушекъ. Нѣсколько ветхихъ стульевъ около стѣнъ въ безпорядкѣ.

Все утвари простыя,
Все рухлая скудель:
Скудель, но мнѣ она дороже,
Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей.

На темномъ полу, покрытомъ пылью и соромъ, сверкали мнѣ въ глаза брилліанты, изумруды и яхонты, крупицы, упавшія отъ трапезы вдохновеннаго писателя!

Вставалъ Карамзинъ обыкновенно, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, въ отвѣтъ на мои вопросы, часу въ 9 утра, тотчасъ послѣ дѣлалъ прогулку пѣшкомъ или верхомъ, во всякое время года, и во всякую погоду. Прогулка продолжалась часъ. Возвратясь съ прогулки, завтракалъ онъ съ семействомъ, выкуривалъ трубку турецкаго табаку, и тотчасъ послѣ уходилъ въ свой кабинетъ, и садился за работу вплоть до самаго обѣда, т. е. до 3-хъ или до 4-хъ часовъ. Помню одно время, пишетъ князь Вяземскій, когда онъ, еще при отцѣ моемъ, съ нами даже не обѣдывалъ, а обѣдалъ часомъ позднѣе, чтобы имѣть болѣе часовъ для своихъ занятій. Это было въ первый годъ, что онъ принялся за Исторію. Во время работы отдохновеній у него не было, и утро его исключительно принадлежало Исторіи, и было ненарушимо и неприкосновенно. Въ эти часы ничто такъ не сердило и не огорчало его, какъ посѣщеніе, отъ котораго онъ не могъ избавиться. По эти посѣщенія были очень рѣдки. Въ кабинетѣ жена его часто сиживала за работою или за книгою, а дѣти играли, а иногда и шумѣли. Онъ, бывало, взглянетъ на нихъ, улыбаясь, скажетъ слово, и опять примется писать.»

И вотъ съ небольшимъ чрезъ полгода увѣдомлялъ онъ Муравьева: «За пріятнѣйшую должность поставляю себѣ давать вамъ отчетъ въ моей работѣ. Я кончилъ теперь введеніе, которое состоитъ въ отвѣтѣ на вопросы: Кто были

древніе обитатели въ Россіи? Кто были наши предки Славяне, Варяги и Варяги-Русь? то-есть, я дошелъ до временъ Рюрика, и могу сказать, что этотъ шагъ былъ самый труднѣйшій. Надлежало сообразить все написанное Греками и Римлянами о нашихъ странахъ, отъ Геродота до Амміана Марцеллина; все написанное Византійскими Историками о Славянахъ и другихъ народахъ, которыхъ исторія имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ Россійской. Не легко было также сообразить все, предложить слѣдствія кратко, просто и ясно; не сказать ничего лишняго, не пропустить ничего существеннаго; всякое слово основать на Историческомъ свидѣтельствѣ, и вѣроятность отличить отъ дѣйствительной истины. Описаніе физическаго и нравственнаго характера древнихъ Славянъ, ихъ правленія и вѣры, составитъ второе отдѣленіе, которымъ уже занимаюсь, выбравъ матеріалы изъ Византійскихъ лѣтописцевъ и другихъ, однакожь достовѣрныхъ авторовъ. Надѣюсь, если буду живъ и здоровъ, кончить эту статью нынѣшнею зимою; и тогда уже приступлю къ дѣйствительной Россійской Исторіи, къ описанію правленія князей Варяжскихъ въ нашемъ отечествѣ. Однимъ словомъ, не только единственное мое дѣло, но и главное удовольствіе есть теперь Исторія. Думаю, что Богъ поможетъ мнѣ совершить начатое не къ стыду вѣка.»

Изъ этого отчета уже видно, чего стоило вступленіе Карамзину. Онъ вообще отличался безпримѣрною скромностію, и не любилъ говорить о трудахъ своихъ, а здѣсь распространился: не думалъ ли онъ оправдываться предъ Муравьевымъ, что долго писалъ вступленіе! Полгода! Но должно удивляться, какъ могъ онъ, въ такое короткое время, написать эту первую неблагодарную главу, не заключающую въ себѣ ничего новаго для ученыхъ, но представляющую ясное, полное, обозрѣніе многочисленныхъ прежнихъ работъ. Это трудъ и подвигъ Геркулесовскій!

Въ объясненіе этого явленія, равно какъ и въ объясненіе вообще тѣхъ блистательныхъ побѣдъ, которыя приходилось одерживать Карамзину въ безпрерывныхъ сраженіяхъ съ источниками и самыми трудными вопросами Исторіи, нельзя не предположить особеннаго свойства въ умѣ Карамзина: онъ обнималъ всякій предметъ съ удивительною легкостію, удерживалъ его въ своемъ воображеніи, имѣлъ его всегда какъ будто предъ своими вторыми глазами, въ совершенномъ порядкѣ; другими словами, онъ какъ будто обладалъ какимъ-то внутреннимъ дагерротипомъ. Ему не нужно было обращаться по нѣсколько разъ къ одному и тому же предмету. Разъ что-либо прочитавъ, онъ присвоивалъ себѣ на всегда прочтенное: оно отпечатывалось въ его сознаніи. Всякое новое свѣдѣніе, получаемое имъ впослѣдствіи, находило себѣ тамъ принадлежащее ему мѣсто между прежними; какимъ-то таинственнымъ процессомъ мысли происходила въ его умѣ кристаллизація,—и ему оставалось составившееся такимъ образомъ мнѣніе описаніе переносить на бумагу и трудиться только надъ выраженіемъ.—Что другой узнавалъ двадцатилѣтнимъ опытомъ, при пособіяхъ безконечной начитанности, съ совѣтами цѣлыхъ факультетовъ, въ ученой атмосферѣ, то Карамзинъ схватывалъ на лету, усматривалъ сразу, счастливо угадывалъ. Между тѣмъ *онъ* безпрестанно учился, взоръ его становился яснѣе, кругъ зрѣнія распространялся, и наконецъ онъ сказалъ въ письмѣ своемъ къ Муравьеву, что уже «небоится ферулы Шлецеровой.»

Это онъ сказалъ 6 Марта 1806 года, то-есть черезъ три почти года, какъ принялся писать Исторію.

Слѣдовательно во все предыдущее время онъ *боялся этой ферулы*, и наше выраженіе, выше употребленное, (с. 21.), о состояніи его духа при началѣ труда, достаточно оправдается.

Отъ 10 Октября, 1804 года, Карамзинъ проситъ Муравьева прислать ему Шлецерово историческое сочиненіе объ Олегѣ, о которомъ дошли до него слухи, то-есть третью часть Нестора.

Отъ 20 *Декабря*, увѣдомилъ онъ брата:

«Теперь пишу о правахъ, правленіи и вѣрѣ древнихъ Славянъ, и надѣюсь это кончить около Февраля, чтобы приняться уже за нашу Исторію съ Рюрика. Я дѣлаю все, что могу, и совершенно почти отказался отъ свѣта: даже обѣдаю съ нѣкотораго времени одинъ, не ранѣе пятаго часа, и не рѣдко лишаю себя удовольствія быть съ моею любезною женою. Провидѣнію остается увѣнчать мой ревностный трудъ успѣхами.»

Такимъ образомъ, въ Мартѣ 1805 года, онъ кончилъ свое введеніе, и выбрался на Божій свѣтъ, какъ ему издали онъ мерещился, гдѣ ему будетъ легче, какъ онъ надѣялся.

Но стало ли легче? Ни чуть не бывало. Онъ увидѣлъ нужду, почувствовалъ необходимость останавливаться на буквахъ, о коихъ прожужжалъ уши досадный Шлецеръ; онъ увидѣлъ невозможность ступить ни шагу безъ утомительныхъ изслѣдованій объ одномъ словѣ, имени, числѣ; но желѣзная воля, но здравый смыслъ, но внутренній свѣтъ, ему помогали. *Онъ дѣлался самъ строгимъ критикомъ, многостороннимъ ученымъ*, противъ воли, самъ не примѣчая того, и доходилъ до удачныхъ результатовъ. Уроки Шлецеровы нашли въ немъ безъ его почти вѣдома понятливаго ученика. Если замѣчанія Шишкова внушили ему осторожность, при этомъ драгоцѣнномъ талантѣ слушать и принимать все къ свѣдѣнію, то Шлецеръ разумѣется предсталъ ему теперь во всемъ величіи, и онъ умѣлъ оцѣнить, воспользоваться наставленіями великаго учителя!

Къ счастію, онъ получилъ, или нашелъ два харатейные списка Нестора, какъ-то уцѣлѣвшіе послѣ всѣхъ вытребованій въ Сенатъ, Синодъ и разныя коммисіи: Лаврентьевскій у графа Мусина-Пушкина и Троицкій въ Лаврѣ.

«Я нашелъ двѣ харатейныя лѣтописи весьма хорошія (писалъ онъ къ *Муравьеву*): одну XIV вѣка, у графа Пушкина, которую уже и списалъ для себя, а другую въ библіотекѣ Троицкой, столь же древнюю. Ни Татищевъ, ни Щербатовъ не имѣли въ рукахъ своихъ такихъ драгоцѣнныхъ списковъ Нестора. Всякій день открываю новыя грубыя ошибки Татищева и Болтина, замѣчаю ихъ въ нотахъ, однакожь не оскорбляя памяти умершихъ.»

Пользуясь этими списками Карамзинъ разумѣется избавился отъ лишняго труда Шлецерова отыскивать настоящее чтеніе въ кучѣ разнообразныхъ варіантовъ. Онъ получалъ важнѣйшія слова Несторовы большею частію въ первоначальномъ ихъ видѣ.

Въ высшей степени любопытно слѣдить за ходомъ Исторіи Карамзина по письмамъ его къ Муравьеву, къ брату, къ Тургеневу,—сыну того Тургенева, который, какъ новый менторъ, вытащилъ молодаго Телемака, вовремя ono изъ нѣдръ очаровательнаго Симбирска.—Молодой Тургеневъ (Александръ Ивановичъ) сдѣлался первымъ его коммисіонеромъ, и доставлялъ ему всѣ новыя книги, относившіяся къ предметамъ его занятій.

Мы сообщимъ здѣсь отрывки изъ этихъ писемъ, дающіе понятіе о ходѣ его работы; но прежде передадимъ отмѣтки изъ записной книжки, принадлежащія къ 1800 годамъ, съ нѣкоторыми позднѣйшими прибавленіями:

Что Библія для Христіанъ, то Исторія для народовъ. *

Опытность научаетъ человѣка благоразумію: Исторія—народы. Не только удовлетворяетъ любопытству, не только

* Эта мысль помѣщена въ предисловіи, 1816 года.

просвѣщаетъ умъ въ правилахъ государственнаго блага, но даетъ имъ и твердость и мужество въ несчастіяхъ, являя примѣры ужасныхъ бѣдствій, преодолѣнныхъ великодушіемъ.

1) Любопытство—знать, отъ чего мы, какъ,—судьбу предковъ etc.

2) Учитъ благоразумію.

3) Даетъ бодрость сравненіемъ.

Tableau de la Russie: que de pays! que de races d'hommes! Tous les degrés, qui se trouvent entre la vie des sauvages et le raffinement, etc.

C'est par l'histoire de Russie, que l'Europe, que le monde éclairé, a appris à connaître tout ce qui ést entre...

Le charme attaché à l'histoire ancienne, semblable à celui, qui nous fait regarder avec intérêt ces anciens monumens...

C'est le domaine de la Poésie etc.

Къ предисловію.

Знаю, намъ нужно безпристрастіе историка: простите, я не всегда могъ скрыть любовь къ отечеству. J'avais besoin de respirer. Но не обращалъ пороковъ въ добродѣтели; не говорилъ, что Русскіе лучше Французовъ, Нѣмцевъ, но люблю ихъ болѣе: одинъ языкъ, однѣ обыкновенія, одна участь, и проч.

Vous voulez lire l'histoire? Eh bien, c'est faire un long voyage, et voir aussi des plaines arides. Но и тутъ холмики, ручеекъ и растеніе, интересное для ботаниста.

Народъ, презиравшій свою Исторію, презрителенъ: ибо легкомысленъ,—предки были не хуже его.

Diutius durant exempla, quam mores, Тац. IV, 84.

Magis extra vitia, quam cum virtutibus. Тацитъ о Гальбѣ.

—

Не слѣдовалъ Шлецер. раздѣленію Рос. истор.

1) Начало, времена язычества, введеніе Христ. До раздѣленія монархіи.

2) До покоренія Россіи.

3) Освобожденіе Россіи.—До временъ Роман.—Новое поколѣніе царей.

4) Преобразованіе Россіи при государѣ Петрѣ.

Вступленіе. Гл. 1.

Кто древнѣйшіе обитатели Россіи?

Отъ Аргонавтовъ до Угровъ и Болгаръ (тутъ показываются Славяне).

Гл. II.

Кто Славяне? Не въ Даніи ли всегда жили? Такъ Несторъ: ихъ земля за Гепидами. Въ V вѣкѣ. Не только тутъ, но и при Балтійскомъ морѣ. Геродотъ о Венедахъ. Птоломей, Тацитъ, Іорнандъ,—при Германарикѣ. Еще выше до Геродота, Птоломея. Въ Польшѣ, Пруссіи, Литвѣ, Россіи по Тациту и Нестору (при Андреѣ Апостолѣ).

Ихъ набѣги на имперію.

Покореніе. Авары.

Разселеніе. Нѣмецкая земля, Иллирія, Морея.

Шведы-Варяги.

Сарматы тѣ же Скиѳы *подъ другимъ именемъ*, думаю; Язиги тоже, что Узы, что Ясы или Алане.

Гл. III.

Какъ живутъ Славяне въ Россіи? По Нестору съ котораго времени? Съ Дуная ли пришли? Слава Траяпова въ Россіи, въ пѣсни Игоревой. Слава Дуная въ пѣспяхъ.

Сѣверяне, Древичи, Финны, Латыши, Печора.

Гл. IV.

Нравы, правленіе, вѣра etc.

Лѣтописи извѣстныя.

1) Несторъ.

2) Василій.

3) Анонимъ, а не Симонъ, при Всеволодѣ великомъ или III. (Т. IV, пр. 482, и пр. 505).

Списки: чистаго Нестора { Пушкинскій. Троицкій.

Софійскій Новгородскій. — О кольцахъ женъ боярскихъ; о старѣйшинѣ Гостомыслѣ; о Варягахъ въ Кіевѣ. { Новг. лѣт. харатейн. Ивана попа, Воскресенскій, Толстовскій, Псковскій.

Ростовск. лѣтоп. Кіевск. лѣтоп. въ Академіи, Полторацкаго.

Новгор. лѣтоп. { Тимоѳея попом. Ивана попа. Идетъ всѣхъ далѣе, то-есть до разоренія Новагорода царемъ Иваномъ; въ спискѣ Малиновскаго; еще нѣчто въ Новог. Архив. въ листъ, гдѣ басни о волхвахъ, и проч.

Псков. лѣт.—Арх. далѣе у Толстаго, до царя Ивана.

Волынск. лѣт. Арханг. Двинск. Продолж. Нестора. Львова подробная.

Матеріалы:

Несторъ—Пушк., при предшественникѣ Донскаго, Димитріѣ Константиновичѣ. Троицк. въ XV вѣкѣ. Ипатов. и Хлѣбников.

Кіевск. Волынск. { Изъ нихъ взяты извѣстія въ хронику Кіевскую, находящуюся въ книгѣ гр. Толстова. Авторъ Волынск. цитуетъ мѣсто изъ Гомера.

Воскресенскій. Ростовскій. Новгородскихъ двѣ. Архангельск. Никоновск. Временникъ.

—

Прологъ довольно старъ, а Минея нова.

О Іоакимѣ пѣтъ даже ни въ Никонѣ, ни въ Степенной; только въ Новогородской.

Источники исторіи: Лѣтописи etc.—Архивъ.—Большой чертежъ.—Синопсисъ.—Пѣснь Игорева. Вздоръ о древности сказокъ Кл., и въ примѣчаніи на Игореву пѣснь. Она есть единственный остатокъ Славянскаго духа; другіе писатели церковные.

—

Никонов. лѣтопись старѣе Степенной; въ послѣдней болѣе выдумокъ: о Августѣ.

—

Разборъ Нестора: 1) Изустныя преданія своего народа—наприм. о Рюрикѣ etc. 2) Памятники: могилы Оскольда и Дира, Олега, Угорское, etc. 3) Народныя *сказки:* Олегъ, Ольга etc. 4) Греческія лѣтописи—о первыхъ Русскихъ при Михаилѣ, походъ Игоревъ, Космографія etc. 5) О повѣйшихъ временахъ, разсказы монаха Яна, о народахъ Печорѣ etc.; разсказы Новогородца Гурія.—Трактатъ Игоревъ, Олеговъ.

Несторъ позволялъ себѣ угадывать—въ хронологіи, въ названіи мѣстъ (Угорское), бралъ изъ сказокъ, но *невыдумывалъ*.

Ложь Татищ., будто Петръ Могила сказалъ въ предисловіи Патерика, что Несторова лѣтопись утрачена. Онъ говоритъ о житіи Антонія, описанномъ Несторомъ особенно, и во время неустройствъ утраченномъ.

Одинъ списокъ Нестора уцѣлѣлъ: Сильвестра.

Какъ дороги были книги? Толковая псалтырь Максима Грека въ Соловецк. монастырѣ 30 рублей, а рублей 4 въ фунтѣ. Прежде книги стоили во 100 разъ дороже.

Гиббонъ гл. XLIV. Стр. 32. Т. VIII.

Употреблялъ я: 2 харатейныя, Воскресенскую, Ростовскую. Въ Никоновской нѣтъ ни одного истиннаго происшествія: глупыя прибавленія, мысли, выдумки.

Поликарпъ въ житіи Никиты, и другомъ мѣстѣ, называетъ Нестора лѣтописцемъ.

Что говоритъ Несторъ о себѣ въ рукописномъ житіи (въ Патерикѣ) Ѳеодосія?

Матеріалы Исторіи: Родословныя: есть вздоръ.

Въ Архангелогород. лѣтописцѣ есть украшенія и догадки: однакожъ онъ достоинъ вниманія и показываетъ умъ и знанія историч. Какъ хорошо объ Олегѣ (с. 6).

Чертежъ Б. дѣланъ, вѣроятно, въ 15 вѣкѣ.

Крекшинъ о Іоакимѣ, ссылаясь единственно на Татищева, и нигдѣ не говоря, чтобы онъ имѣлъ его полную лѣтопись. См. Елагина.—Фелькеръ.

Житіе Ѳеодосія писано тѣмъ, кто писалъ о страданіяхъ Бориса и Глѣба,—называетъ себя Несторомъ, также неученымъ. См. въ письм. ст. 2.

—

Choses claires:

1) Законы и всѣ учрежденія Нормапскія.

2) Религія Славянская. Важна для народа простаго: нѣтъ дѣла, кромѣ войны; торжества священныя, etc. Tout exaltait l'imagination et attachait le peuple à la religion.

Les premiers propriétaires Normands: города въ удѣлы, etc. Какъ во всей Европѣ.

У Славянъ не могло быть въ подданствѣ людей. Что Юмъ о нравахъ и законахъ Саксонскихъ въ началѣ II тома?

Какъ власть Государя?

Состояніе городовъ, Кіева etc. деревень. Описаніе Кіева изъ Нестора, о послахъ Древлянскихъ. Въ деревняхъ остались Славяне, *въ городахъ почти вездѣ Варяги.*

Славянскіе, Древл. Радим. etc. не были дикари, какъ пишетъ Несторъ: земледѣльцы, города.

Что такое города? Неподвижные станы для войска: ихъ первая причина не торговля и гражданственность.

—

Предлагаемъ продолженіе отрывковъ изъ писемъ объ успѣхѣ работъ, вмѣстѣ съ политическими новостями, которыя сообщалъ Карамзинъ брату:

Въ Январѣ, 1805 г... «Упражненія мои вамъ извѣстны: пишу не мало, а читаю еще болѣе.»

Отъ 21 Января... «Я продолжаю работать, и думаю, что мнѣ не отдѣлаться отъ Кіева: надобно будетъ туда съѣздить.»

Отъ 26 Марта. «Работа моя идетъ медленно. Пишу второй томъ, еще о временахъ Рюрика. Если Богъ продолжитъ ко мнѣ свою милость, то къ зимѣ могу начать третій. Не смотря на то, что многими книгами пользуюсь даромъ, я долженъ еще издерживать не мало денегъ на покупку иностранныхъ книгъ.»

Іюня 13.... «Теперь мы живемъ въ деревнѣ, гдѣ, по своему обыкновенію, я много работаю и читаю, хотя и не могу быть совершенно доволенъ своимъ здоровьемъ.»

Сентября 27... «Вообразите, что съ исхода Іюля по сей часъ я еще не принимался за перо для продолженія своей Исторіи: и теперь еще не пишу. Это мнѣ прискорбно; но я радуюсь своимъ выздоровленіемъ какъ ребенокъ. Въ нѣкоторыя минуты болѣзни, казалось мнѣ, что я умру, и для того, не смотря на слабость, разобралъ всѣ книги и бумаги государственныя, взятыя мною изъ разныхъ мѣстъ, и надписалъ что куда возвратить. Нынѣ гораздо пріятнѣе для меня снова разобрать ихъ. Жизнь мила, когда человѣкъ счастливъ домашними, и умѣетъ заниматься безъ скуки.»

Ноября 20. «Болѣзнь послужила мнѣ, кажется, къ добру. Теперь я, славу Богу! очень доволенъ своимъ здоровьемъ, и желая сохранить его, работаю менѣе.»

«Вы желаете знать, любезнѣйшій братъ, какъ я далекъ въ своей Исторіи: оканчиваю II томъ и дошелъ до введенія Христіанской вѣры».

«Сообщу вамъ новость. Вы уже знаете, что вся Австрійская армія въ Нѣмецкой землѣ пропала, и Французы всѣми силами напали на Кутузова съ 45,000 Русскихъ.

Кутузовъ долженъ былъ ретироваться на встрѣчу другаго нашего корпуса, однакожь въ самой ретирадѣ разбилъ цѣлую Французскую дивизію, убилъ 4000 человѣкъ, и взялъ въ полонъ 1500. Дай Богъ, чтобы и впередъ мы имѣли такія извѣстія.»

«Здѣсь теперь много вѣстей и много пустыхъ; но то кажется, достовѣрно, что Прусаки разбили одинъ Французскій корпусъ. Наше войско, подъ командою Беннингсона, вошло уже въ Прусское владѣніе: мы идемъ опять противъ Французовъ. Будемъ-ли счастливѣе? увидимъ. Боюсь, чтобы они уже не управились съ Прусаками до прихода Русскихъ. Австрійцы ни съ мѣста, и даютъ Бонапарте время раздавить Пруссію. Дѣла чудныя! Бонапарте долженъ быть помѣшанъ, перебьетъ и перестрѣляетъ онъ еще многихъ, пока совершенно не сойдетъ съ ума или не взбѣсится. Такого медвѣдя давно не было въ свѣтѣ.»

18 Генваря, 1806 г. «Вы уже знаете, чѣмъ кончились наши военныя дѣйствія. Я нѣсколько ночей не спалъ и теперь еще не могу привыкнуть къ этой мысли. Французы страшно лгутъ и хвастаются.»

6 Марта, 1806 г. къ Муравьеву «Я кончилъ 2-й томъ, помѣстивъ въ немъ Исторію временъ язычества, отъ первыхъ князей Варяжскихъ до смерти Владимира, и заключивъ его обозрѣніемъ гражданскаго и нравственнаго состоянія древней Россіи. * По сю пору все идетъ изрядно; увидимъ, что будетъ далѣе. Каждая эпоха имѣетъ свои затрудненія. Надѣюсь въ III томѣ дойти до Батыя, а въ IV до перваго Ивана Васильевича; тамъ остается еще написать тома два до Романовыхъ. Мнѣ не хочется пропустить ничего любопытнаго; не хочется также душить читателей трудами по объясненію».

Къ *Тургеневу отъ 3 Іюня 1806 г.*... О древнемъ Евангеліи я уже зналъ, и на сей почтѣ пишу къ А. Н. Оленину, прося

* Изъ этихъ двухъ томовъ составленъ послѣ одинъ, первый.

у него маленькой выписки. Это самое древнѣйшее. Мое новѣе 88 годами. Но знаете ли, что у насъ въ Россіи есть надпись 996 года. Я скоро получу ее, или самъ спишу, когда буду въ Кіевѣ. Остромиръ извѣстенъ намъ по лѣтописи и Патерику. Я нашелъ еще довольно любопытныхъ вещей, напримѣръ путешествіе къ святымъ мѣстамъ одного современника Несторова, лично знакомаго съ Іерусалимскимъ королемъ Балдуиномъ или Бодуэнемъ: я напечатаю его въ прибавленіи къ Исторіи. Много, много теперь у меня хорошаго: дасть ли Богъ только воспользоваться и кончить дѣло».

...«Я недавно сражался на бумагѣ съ Добнеромъ.* Какими пустыми доводами хотѣлъ онъ утвердить древность буквъ глаголическихъ!»

«Наши лѣтописцы не говорятъ, чтобы Лжедимитрій былъ именно орудіемъ іезуитовъ; но все обвиняетъ его въ привязанности къ религіи католической. Мнѣнія Польскихъ писателей были различны,—нѣкоторые считали Лжедимитрія побочнымъ сыномъ короля Баторія».

Къ брату, отъ 14 Августа. «Работа моя подвигается впередъ, хотя и медленно. Ежели буду живъ и здоровъ съ моимъ семействомъ, то надѣюсь зимою дойти до Татарскаго ига. Жаль, что я не моложе десятью годами! Едва ли Богъ мнѣ дастъ довершить мой трудъ: такъ много еще впереди.»

Муравьеву, около этого же времени: «Я въ концѣ III тома, который заключается Владимиромъ Мономахомъ.** Примѣчанія необходимыя занимаютъ много мѣста: нельзя писать Исторіи безъ доказательствъ. Еще болѣе ста лѣтъ остается до нашествія Татаръ, и сія часть работы будетъ

---

* Чешскій историкъ и филологъ.

** Впослѣдствіи этотъ планъ былъ измѣненъ, и Мономахъ оказался въ срединѣ 2 тома, вмѣсто окончанія 3-го.

для меня не столь пріятна, какъ другія. Степь голая и печальная!—Законы Ярославовы предложены мною въ ясномъ систематическомъ порядкѣ, и служатъ *безцѣннымъ* дополненіемъ лѣтописей. Я нашелъ весьма древній списокъ сихъ законовъ, положенный въ Новогородскій соборъ сыномъ Александра Невскаго, и еще другія важныя древности.»

Къ *брату*, отъ 20 *Ноября*... «Худыя вѣсти! Большая часть Пруссіи завоевана Французами. Король, нашъ союзникъ, потерялъ два или три сраженія, и почти уже не имѣетъ арміи. Бонапарте не далеко отъ Варшавы. Дѣло доходитъ до насъ. Мы въ крайнемъ безпокойствѣ, и я худо провелъ нѣсколько ночей, воображая, что быть можетъ Каменскій поѣхалъ командовать нашею арміею. Признаюсь, что не считаю его равнымъ въ военномъ искусствѣ съ Бонапарте».

Въ первой половинѣ 1807 года почти пѣтъ писемъ: сохранилось одно къ г-жѣ Чагиной, урожденной Геннади.

Елисаветино, 18 Іюля, 1807 года.

«Я имѣлъ честь получить ваше милое и весьма обязательное письмо, вмѣстѣ съ переводомъ одной изъ моихъ статей, который я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. За все это прошу васъ принять мою искреннѣйшую признательность. Вы еще такъ молоды, и уже такъ хорошо владѣете перомъ! Да, чувство опережаетъ возрастъ, и красота выраженій сама собой представляется воображенію нѣжной и чувствительной души. Полъ, который вы украшаете собою, учитъ насъ искусству выражать наши мысли тонко и увлекательно. Вамъ, конечно, остается немного работы, чтобы занять мѣсто въ ряду тѣхъ женщинъ, которыхъ литературное имя приноситъ честь ихъ родинѣ. Любите и впредь литературныя занятія, которыя облагораживаютъ сердце у мущинъ, придаютъ при-

влекательности хорошенькимъ женщинамъ въ обществѣ и доставляютъ имъ занятіе въ уединеніи. *

Повторяя вамъ выраженія моей живѣйшей благодарности, съ глубочайшимъ почтеніемъ, имѣю честь быть, и проч.

Къ *брату отъ 24 іюля*, 1807 г. «Мы въ другихъ начинаемъ умирать; ** теряя ближнихъ сердцу, дѣлаемся равнодушнѣе къ жизни и менѣе способными веселиться ею.

«Вы желаете знать наше положеніе. Послѣдняя воля незабвеннаго Князя состояла въ томъ, чтобы жена моя и княжна жили вмѣстѣ до замужества послѣдней, и чтобы я имѣлъ попеченіе о сынѣ его пятнадцатилѣтнемъ до его совершеннаго возраста».

«До насъ дошелъ слухъ о страшномъ сраженіи, бывшемъ 2 Іюня. Дрались 18 часовъ, и ночью мы должны были отступить. Лѣвое наше крыло и гвардія потерпѣли. Солдаты и офицеры Русскіе оказали великую храбрость; но Румянцовыхъ и Суворовыхъ нѣтъ! Черезъ нѣсколько

* «Mademoiselle!

«J'ai l'honneur de recevoir votre jolie et bien oblegeante lettre, ainsi que la traduction d'un de mes opuscules, que j'ai lue avec tant de plaisir. Je vous prie d'agréer mes très sincères remercîments pour toutes les deux. Si jeune, vous savez déjà si bien manier la plume; c'est que le sentiment n'attend pas l'age, et que les jolies phrases se présentent naturellement à l'imagination d'une âme tendre et sensible. Le sexe, que vous embellissez, mademoiselle, nous a donné très souvent des leçons dans l'art d'exprimer nos pensées finement et avec grâce: il vous reste assurément peu de progrès à faire pour devenir émule de ces femmes, dont la réputation littéraire fait honneur à leur pays. Continuez à aimer les belles lettres, qui anoblissent le coeur des hommes, et rendent les jolies femmes encore plus interessantes pour la société, en leur donnant plus de ressources pour la solitude.

En vous réitérant les expressions de ma vive reconnaissance, je suis avec un profond respect,

Mademoiselle,

Votres trés-humble et très obéissant serviteur

Karamsin.»

** Это говоритъ Карамзинъ по случаю кончины князя Андрея Ивановича Вяземскаго.

дней начались переговоры о мирѣ. Дай Богъ чтобъ мы скорѣе заключили его, и честнымъ образомъ. Между тѣмъ сдѣлано перемиріе. Слухъ носится, что въ Царѣградѣ былъ мятежъ, убили Султана и выгнали Французовъ изъ Турціи. Это обстоятельство можетъ ускорить для насъ выгодный миръ».

Августа 20.—...«Работа моя была нынѣшній годъ неспора отъ безпокойства душевнаго».

«Что сказать о политикѣ? О мирныхъ условіяхъ еще ничего не обнародовано, но вѣроятно, что мы не удержимъ за собою ни Молдавіи, ни Валахіи. Государства имѣютъ времена удачъ и неудачъ: теперь счастіе благопріятствуетъ одному Бонапарте. Едва-ли доживемъ мы до временъ счастливыхъ для Европы».

11 Февраля, 1808 г.... «Мы теперь готовимся воевать со Шведами. Какая перемѣна. Наше войско вступаетъ ужь въ Шведскую Финляндію. Французы должны быть нами довольны.»

21 Марта Сергѣй Сергѣевичъ* посланъ управлять Валахіею и Молдавіею впредь до окончательнаго постановленія о сихъ княжествахъ. Онъ будетъ предсѣдательствовать въ тамошнихъ диванахъ и доставлять провіантъ нашей арміи безъ отягощенія жителямъ...»

«... Наше войско заняло Финляндію Шведскую и осаждаетъ Свеаборгъ. Съ Турками нѣтъ ни войны, ни мира.»

—

Муравьевъ скончался. Человѣкъ, незабвенный въ Исторіи Русскаго просвѣщенія, воспріемникъ мысли Карамзина писать Русскую Исторію!

Карамзинъ послѣ него обратился къ Новосильцеву, Николаю Николаевичу, который оказался достойнымъ его послѣдователемъ по дѣламъ ученымъ.

* Кушниковъ.

«Имѣвъ несчастіе лишиться въ Михайлѣ Никитичѣ Муравьевѣ единственнаго своего покровителя при дворѣ Его Императорскаго Величества, прибѣгаю къ Вашему Превосходительству, желая, чтобы Вы, какъ мужъ просвѣщенный, взяли ободрительное для меня участіе въ трудѣ моемъ, посвященномъ отечеству, и могли при удобномъ случаѣ сказать Государю Императору, что я ревностно исполняю всемилостивѣйше возложенную на меня должность Исторіографа. Въ томъ единственно состоитъ моя покорнѣйшая просьба.

Теперь дозвольте мнѣ прибавить нѣсколько словъ о расположеніи и самыхъ успѣхахъ сего труда.

Уже болѣе четырехъ лѣтъ непрестанно занимаюсь сочиненіемъ Россійской исторіи, и всѣми нужными для того розысканіями, съ тѣмъ неусыпнымъ усердіемъ, безъ коего работа, почти необъятная, не можетъ быть успѣшна. Прилежное чтеніе и соображеніе древнихъ историковъ и географовъ, отъ Геродота до Амміана Марцеллина, доставило мнѣ способъ представить ясно всѣ тѣ свѣдѣнія, какія Греки и Римляне имѣли о странахъ и народахъ, составляющихъ нынѣ Россійскую державу. Готѳскій историкъ VI вѣка Іорнандъ, Византійскіе и другіе лѣтописцы среднихъ временъ служили для меня источникомъ въ описаніи любопытныхъ древностей Славянскихъ. Сіи двѣ части труда моего составили I томъ или вступленіе. Во II томѣ, изобразивъ древнее состояніе Россіи по сказаніямъ *нашего* лѣтописца, безсмертнаго Нестора, начинаю Исторію Государства Россійскаго, описывая не только войны, но и всѣ гражданскія учрежденія, законодательство, (часто весьма мудрое), нашихъ предковъ, нравы, обыкновенія, кои образуютъ характеръ народовъ на цѣлые вѣки. Главный предметъ мой есть строгая историческая истина, основательность, ясность; однакожъ стараюсь также писать сло-

гомъ не слабымъ, и по возможности пріятнымъ. Къ счастію найдены мною въ Московской патріаршей и въ монастырскихъ библіотекахъ нѣкоторыя важныя историческія рукописи XIII и XIV вѣка, до нынѣ совершенно неизвѣстныя. Смѣю утвердительно сказать, что я могъ объяснить, не прибѣгая къ *догадкамъ* и *вымысламъ*, многое темное и при томъ достойное любопытства въ нашей Исторіи.»

«Теперь я заключилъ IV томъ описаніемъ нашествія Батыева, и надѣюсь, съ помощію Божіею, года черезъ три или четыре, дойти до временъ, когда воцарился у насъ знаменитый домъ Романовыхъ. Тогда осмѣлюсь повергнуть плоды трудовъ моихъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества, и буду ожидать Высочайшаго повелѣнія для обнародованія сей Исторіи. А если и прежде сего времени буду въ С.-Петербургѣ, то надѣюсь, что Вы, милостивый государь, позволите мнѣ представить на Вашъ судъ мое сочиненіе, которое важно по крайней мѣрѣ своимъ предметомъ, и долговременнымъ, не весьма обыкновеннымъ трудомъ сочинителя, особенно въ наше время, богатое только шумихою и скороспѣлками легкихъ умовъ.»

«Нужно ли говорить, почему я вздумалъ утрудить *именно Васъ* моимъ письмомъ? Безъ нарушенія правилъ скромности могу сказать, что мнѣ извѣстны благородныя свойства вашей души и любовь Ваша къ славѣ отечества. И такъ, поручая себя и трудъ мой въ ваше особенное и лестное для меня покровительство, съ истиннымъ высокопочтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.»

отъ 3 Мая 1808 г.

Іюня 6, 1808 г. къ брату писалъ Карамзинъ: «Въ трудѣ моемъ бреду впередъ, шагъ за шагомъ, и теперь, описавъ ужасное нашествіе Татаръ, перешелъ въ четвертый-на десять вѣкъ. Хотѣлось бы мнѣ до возвращенія въ Москву добраться до временъ Дмитрія, побѣдителя Мамаева. Иду

голою степью; но отъ времени удается мнѣ находить и мѣста живописныя. Исторія не романъ; ложь всегда можетъ быть красива, а истина въ простомъ своемъ одѣяніи нравится только нѣкоторымъ умамъ опытнымъ и зрѣлымъ. Если Богъ дастъ, то добрые Россіяне скажутъ спасибо или мнѣ, или моему праху.»

...«Воображаю живо моего любезнѣйшаго брата, сидящаго подъ окномъ прекраснаго домика, и смотрящаго на величественную Волгу, столь знакомую мнѣ издѣтства! Симбирскіе виды уступаютъ въ красотѣ немногимъ въ Европѣ. Вы живете, любезный братъ, въ древнемъ отечествѣ Болгаровъ, народа довольно образованнаго и торговаго, порабощеннаго Татарами. Близъ Симбирска, въ лѣтніе мѣсяцы, кочевалъ иногда и славный Батый, завоеватель Россіи. Я теперь живу въ прошедшемъ, и старина для меня всего любезнѣе.»

22 Августа. «Давно не говорилъ я вамъ о нашихъ политическихъ дѣлахъ. Нѣтъ ни малѣйшей надежды и никакого слѣда къ миру. Дай Богъ только, чтобы пламя войны не распространилось, и чтобы мы надолго остались союзниками Французовъ. Бонапарте готовитъ что-то для Австріи, и еще не допускаетъ насъ помириться съ Турками.»

«Въ Финляндіи деремся крѣпко. Скоро на морѣ услышимъ пальбу. Чѣмъ все кончится, извѣстно одному Богу: и самъ Бонапарте не знаетъ того.»

Сентября 3, къ Тургеневу.—... «Хорошо, если бы вы могли достать диссертаціи Хоткевича: онѣ непремѣнно должны быть въ Залусской библіотекѣ. Скажите, когда найдете эту книгу. Если нельзя будетъ прислать ее ко мнѣ, то можно хотя списать; а за трудъ писцу я заплачу съ радостію».

«...Думаю, что мрачная осень скоро выгонитъ насъ изъ деревни, а мнѣ хотѣлось было дойдти здѣсь до временъ

Донскаго. — ...Нельзя ли намъ заранѣе увидѣть диссертаціи о Саркелѣ» и проч.

Къ нему же, Сентября 26...

«Очень, очень благодарю васъ за обѣщаніе доставить мнѣ Шлецера, копію манускрипта Львовскаго, и диссертаціи почтеннаго Лерберга; ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ. Диссертацію о Саркелѣ могъ бы я прочитать и безъ карты; умѣю вообразить мѣста, и надѣюсь, что пойму автора безъ дальнихъ толкованій.»

«Книгу Хоткевича по вашему письму я досталъ, и весьма радъ; она была мнѣ очень нужна. Historia belli Cosaco-Polonici у меня есть.»

«Желалъ бы и я взглянуть на исторію Фоксову: * вѣроятно, что получимъ ее.»

17 Октября, къ брату. «Теперь Европа ожидаетъ слѣдствій Эрфуртскаго свиданія. Бонапарте безъ сомнѣнія воспользуется имъ для удержанія Австрійцевъ въ бездѣйствіи, пока не усмирена Испанія и Португалія; а тамъ будетъ новая каша.»

Декабря 3, къ Тургеневу: «...Несторъ печатается, и мы понукаемъ издателей.—...Возвращаю Шлецера и Гоппе, ** по Энгеля еще оставилъ у себя... — Вы обѣщали мнѣ троякой Львовъ, Зиморовича, на нѣсколько дней.»

Декабря 14, къ нему же. « ...Вмѣсто благодарныхъ писемъ присылайте намъ диссертацію о Саркелѣ, или о чемъ другомъ. Задача Кругова предложена по совѣту Шлецера. Сказано ли въ ней, какихъ происшествій и какой эпохи хронологію должно объяснить? Задача Лербергова входитъ въ планъ моей работы: также и первая. Но я отказался отъ наградъ академическихъ, а другихъ охотниковъ вызывать готовъ».

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю Львовской рукописи.»

---

* Исторія Англіи, неконченная, Фокса, Министра-оратора.

** О Лифляндской исторіи.

18 Декабря. «Французы пишутъ, что они вездѣ бьютъ и гонятъ Гишпанцевъ, обѣщая имъ благодеиствіе и просвѣщеніе. Бонапарте долженъ быть уже въ Мадритѣ. А въ Царѣградѣ опять новая революція: главный визирь, Байрактаръ, взлетѣлъ на воздухъ, какъ сказываютъ, и Янычары поставили на своемъ. Вездѣ не хорошо, покрайней мѣрѣ хуже прежняго, или такъ мнѣ кажется.»

Февраля 28, къ нему же. «Ибн-Гаукала не имѣю до сего времени, хоть уже давно объ немъ забочусь... И въ Восточной Эрбелотовой библіотекѣ найдете, что одинъ изъ Государей Казарскихъ принялъ вѣру Іудейскую. Думаю, что объясненіе на книги Моисеевы сочинено въ Галиціи, а не въ нынѣшней Россіи. Желалъ бы я взглянуть на графа Чацкаго, и крайне васъ благодарю за обѣщаніе доставить мнѣ путешествіе Клапротово, вмѣстѣ съ записками нашей Академіи. Грамматики Фатеровой еще не имѣю, но слышу, что онъ производитъ Россіянъ отъ Козаровъ! Читаю Коцебу».

Въ половинѣ 1809 года Карамзинъ былъ осчастливленъ находкою Волынской лѣтописи въ рукописяхъ Хлѣбниковской библіотеки.

Вотъ наслажденіе для изслѣдователя, съ которымъ никакое не можетъ сравниться, и о которомъ свѣтскіе люди съ трудомъ могутъ составить себѣ понятіе. Карамзинъ Волынскою лѣтописью, освѣтившею передъ нимъ весь 13 вѣкъ, былъ вознагражденъ сторицею за свои мучительные, безпримѣрные труды первыхъ шести лѣтъ!

Іюня 21, 1809 г. Онъ писалъ *къ брату:*

«Я по обыкновенію работаю, и кончилъ описаніе времени Донскаго, но теперь долженъ еще многое поправить назади».

Вѣроятно это должно было сдѣлать вслѣдствіе вновь найденной лѣтописи Волынской.

Я знаю также, не помню изъ чьихъ разсказовъ, что Карамзинъ долженъ былъ передѣлывать многое въ первыхъ томахъ, вслѣдствіе находки Волынской лѣтописи.

То же слышалъ К. С. Сербиновичъ отъ супруги Н. М.

«Какую сдѣлалъ я находку», пишетъ онъ къ *Тургеневу* отъ 23 *Августа*, 1809 г.* «*Волынскую лѣтопись*, полную, доведенную до 1297 года, богатую подробностями, вовсе неизвѣстную. Что скажетъ Энгель? Я не спалъ нѣсколько ночей отъ радости. Списокъ прекрасный, четвертаго на десять вѣка. Слогъ для знатоковъ любопытный. Однимъ словомъ, это сокровище; Богъ послалъ мнѣ его съ неба».

Еслибъ Карамзинъ нашелъ Волынскую лѣтопись въ 1807 году, то этого не могло бы быть, ибо 13 вѣкъ не былъ у него тогда написанъ, и только въ Маѣ, 1808 года, онъ кончилъ описаніе нашествія Татаръ.

Въ письмѣ *отъ 17 Сентября, 1809, къ Тургеневу*, же, прося его о доставленіи изъ Академической библіотеки другаго списка Волынской лѣтописи, онъ пишетъ, какъ будто на его вопросъ:

«Я досталъ *Волынскую лѣтопись* не отъ Руссова, а изъ библіотеки одного купца Коломенскаго. Эта находка спасла меня отъ стыда; но стоила мнѣ шести мѣсяцевъ работы. Боги не даютъ, а продаютъ живыя удовольствія, какъ говорили древніе.»

Въ 1810 году онъ еще писалъ къ *Тургеневу 3 Апрѣля*: «Поправки уже кончены; выписываю теперь важнѣйшія мѣста изъ Волынской лѣтописи для нотъ, а тамъ впередъ, коли Богъ дастъ.»

* Я выставляю на письмѣ 1809 годъ, а не 1807, который значится въ перепискѣ Тургенева, напечатанной въ Москвитянинѣ,— на основаніи словъ самаго Карамзина въ его обозрѣніи источниковъ, предпосланномъ Исторіи. Карамзинъ вѣроятно выставилъ годъ на письмѣ по ошибкѣ.

Эти три письма доказываютъ также, что Волынская лѣтопись была найдена въ 1809 году.

Окончательное доказательство о находкѣ Волынской лѣтописи въ 1809 году, а не въ 1807, представляетъ слѣдующее письмо Карамзина къ Новосильцову, только что теперь найденное.

Милостивый Государь,

Николай Николаевичъ!

Не преставая жалѣть о томъ, что я не имѣлъ случая представить Вашему Превосходительству плоды усердныхъ трудовъ моихъ, съ живѣйшею признательностію воспоминаю знаки вашего лестнаго ко мнѣ вниманія.

Не теряя времени, ни ревности, занимаюсь, какъ и прежде, своимъ дѣломъ. Описавъ государствованіе Донскаго, я долженъ былъ возвратиться въ *XII* и въ *XIII* вѣкъ, чтобы многое прибавить, согласно съ найденною мною недавно, *полною* Волынскою лѣтописью, до нынѣ неизвѣстною и весьма драгоцѣнною. Эта находка есть важнѣйшая изъ всѣхъ, которыми я былъ порадованъ въ теченіе шести лѣтъ.

Позвольте утрудить васъ просьбою. Въ Академической библіотекѣ хранится лѣтопись въ листъ, донынѣ непапечатанная, писанная въ два столбца, и названная *Хронографомъ* или *Временникомъ Русскимъ*; на первомъ бѣломъ листѣ написано: *Хронографъ* или *Временникъ Кіевскій*; а далѣе: *книга Ипатіева монастыря служки Тихона*— и *книга Ипатіева Монастыря старца Тарасія*. Мнѣ надобно необходимо видѣть сію лѣтопись. Сдѣлайте милость, одолжите меня ею *на мѣсяцъ*. Смѣя надѣяться, что Ваше Превосходительство неоткажете мнѣ въ томъ, покорнѣйше прошу отправить ее чрезъ почту въ Москву на мое имя, съ прибавленіемъ *Исторіографу*, и съ означеніемъ, что

книга казенная. Я возвращу ее такимъ же образомъ на имя Вашего Превосходительства. —

Думаю, что въ Академической библіотекѣ есть Армянская Исторія Моисея Хоренскаго, Mosis Chorenesis Historiæ Armeniacae Libri III. Крайне изволите обязать меня, если прикажете доставить ко мнѣ и сію книгу, которую возвращу вмѣстѣ съ лѣтописью черезъ мѣсяцъ или прежде. Я пользовался Академическими книгами черезъ покойнаго Михайла Никитича Муравьева, и доставлялъ ихъ обратно съ величайшею точностію. —

Поручая себя въ дальнѣйшую милость вашу, съ душевнымъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю честь быть и проч.

Москва, *23 Августа*, 1809 года.

Отъ 17 Сентября, 1809 года, Карамзинъ благодаритъ Тургенева за генеалогическую диссертацію Лерберга, «основательно писанную (продолженіе см. ниже с. 56)... Все что есть въ Татищевѣ справедливаго, невымышленнаго, но чего нѣтъ въ печатныхъ лѣтописяхъ, взято изъ Волынской: онъ имѣлъ ее доведенную до смерти Рюрика Ростиславича, около 1211 года, а мой списокъ идетъ до XIII вѣка ... Спасибо Лербергу за то, что онъ нашелъ на картѣ Пересопницу; я зналъ, что она недалеко отъ Горыни, но не находилъ ее на извѣстныхъ мнѣ картахъ. За то знаю Червенъ, близь Холма, по Волынской лѣтописи. Онъ теперь есть не важное селеніе».

«Возвращу вамъ диссертацію при первомъ случаѣ... Ради Бога... убѣдите Н. Н. Новосильцева доставить мнѣ на время лѣтопись Академическую, о которой я просилъ его. Она для меня необходима; примѣты ея слѣдующія: 1) писана въ листъ, и въ два столбца; 2) на первомъ бѣломъ листѣ подписано, что она принадлежала монаху и служкѣ Ипатовскаго или Ипатіева монастыря; 3) названа хроно-

графомъ или временникомъ и продолжается почти до 6780 г. Вы окажете большую услугу усердному Исторіографу. Слова ваши очень справедливы: главная моя за трудъ награда—есть удовольствіе труда.»

«*Октября 19, къ Тургеневу.* Сердечно благодарю васъ за доставленіе мнѣ Ипатіевской лѣтописи и Моисея Хоренскаго. Прошу изъявить мою усерднѣйшую благодарность и Н. Н. Книги возвращу исправно. Та и другая были для меня весьма нужны. Надѣюсь, что г. библіотекарь внесетъ теперь Ипатьевскую лѣтопись въ каталогъ».

Искренно пожалѣлъ я о Шлецерѣ, не только въ отношеніи къ наукамъ, но и собственно ко мнѣ, или къ труду моему. Онъ такъ усердно занимался Русскою Исторіею! Если получите продолженіе его Исторіи, то дайте мнѣ взглянуть на это послѣднее произведеніе знаменитаго критика».

Неужели Карамзинъ, спросимъ здѣсь кстати, во все это время, не переписывался съ нимъ, не увѣдомлялъ его, по крайней мѣрѣ, о своихъ счастливыхъ находкахъ источниковъ, если не считалъ полезнымъ или цѣлесообразнымъ извѣщать объ успѣхахъ своихъ трудовъ? Хотѣлось бы въ этомъ сомнѣваться. По крайней мѣрѣ для меня это понять трудно!

Труды Лерберга и Круга, много помогавшіе Карамзину, продолжалъ доставлять ему дѣятельный Тургеневъ.

12 Декабря, къ Тургеневу. «Карты Шлецеровы заслуживаютъ то, что вы объ нихъ сказали, но многіе-ли у насъ въ состояніи судить о такихъ произведеніяхъ? Надо хвастаться и врать: назовутъ ученымъ. Правда, что истинно ученые презираютъ и хвалу и брань невѣждъ... Попросите Н. Н. Новосильцева, чтобы онъ дозволилъ мнѣ продержать Академическую лѣтопись еще нѣсколько недѣль;

отъ нездоровья я не могъ пользоваться ею. Возвращу исправно, какъ скоро не будетъ мнѣ нужно, вмѣстѣ съ Моисеемъ Хорепскимъ».

25 Генваря, 1809 г. къ брату. «Бонапарте оставилъ Мадритъ, и поскакалъ дать сраженіе Англичанамъ, которые, соединясь съ остаткомъ разбитой Гишпанской арміи, стоятъ близъ границъ Португаліи. Онъ ихъ побьетъ... а тамъ? не хочется и говорить о слѣдствіяхъ. Волгу легко запрудить въ Тверской губерніи, а въ Симбирской уже трудно. Чего хочетъ Провидѣніе, не знаю; но если великій Наполеонъ поживетъ еще лѣтъ десять или болѣе, то будетъ много чудесъ!»

11 Марта. «По газетамъ, у Франціи съ Австріей должна быть война, а по слухамъ Петербургскимъ—миръ. Я не знаю, чего желать. У насъ съ Турками были переговоры о мирѣ въ Яссахъ, но перервались, какъ слышно, и войско наше пойдетъ за Дунай. Турки пристали къ Англичанамъ, слѣдственно оставили Французовъ. Вѣроятно, что Бонапарте думаетъ о раздѣлѣ Турціи. Будетъ довольно шума, а тишина далека отъ Европы.»

4 Апрѣля. «Австрійцы начали воевать съ Французами довольно счастливо, заняли Варшаву, Тироль, часть Баваріи и Саксоніи, взяли также не мало плѣнниковъ и заставили Французовъ въ разныхъ мѣстахъ отступить; но продолжатся ли успѣхи? не знаю!... Говорятъ, что короля Шведскаго уже нѣтъ на свѣтѣ. Хороши времена!»

Апрѣля 3, 1810 года, къ Тургеневу. «Благодарю васъ за Шлецерова Нестора. Старикъ оживился передъ смертію, отвѣчая нашему *Буле* и браня Эверса; остальное не важно. Напрасно онъ такъ возвышаетъ извѣстія *Льва дьякона: Кедриновы и Зонарины* подробнѣе, а въ основаніи тѣ-же. Левъ только означаетъ вездѣ число, едвали не изъ воо-

браженія.—Я уже давно писалъ въ Парижъ о ненапечатанныхъ Византійскихъ историкахъ: обѣщаютъ скоро ихъ выдать и мнѣ доставить».

«Если можно, то пришлите Гереново сочиненіе о Миллерѣ, какъ историкѣ... Снова усердно занимаюсь своимъ дѣломъ... Здѣшняго Шлецера давно не вижу. Сомнѣваюсь, чтобы онъ рѣшился продолжать Нестора. Для кого? Для семи или восьми любопытныхъ? Да и пользы немного. Изъясненія и переводъ текста весьма плохи и часто смѣшны. Старикъ не зналъ хорошо ни языка лѣтописей, ни ихъ содержанія, далѣе Нестора; а выписки изъ иностранныхъ лѣтописцевъ не новы для ученыхъ. Сынъ конечно не лучше отца знастъ нашъ старинный языкъ».

Вотъ немногія слова, которыя я не желалъ бы слышать отъ Карамзина! Онѣ показываютъ, что работая и занимаясь съ совершенною точностью по наставленіямъ Шлецера, и бывъ ему отчасти обязанъ за свою методу, не могши успѣть такъ безъ него, онъ не сознавалъ этого вполнѣ, не предполагалъ, что между этими семью или восемью читателями Шлецеровскихъ изслѣдованій, *находится онъ самъ,* слѣдовательно писанія Шлецеровскія не только полезны, но и необходимы для науки, что Исторія наша не могла-бы явиться въ своемъ настоящемъ видѣ безъ Шлецера. Прежній свѣтскій писатель пересиливалъ, по крайней мѣрѣ наружно, *новаго ученаго,* и ему некогда было обдумать дѣло внимательнѣе, вникнуть глубже въ основу и причину своей метаморфозы: ему казалось еще, что онъ все тотъ-же, между тѣмъ какъ это былъ уже *другой человѣкъ*, съ другими взглядами и другими требованіями, полученными въ зародышѣ отъ Шлецера, Стриттера, Тунмана и подобныхъ изслѣдователей.

Такъ кажется, судя по обыкновеннымъ примѣрамъ и наблюденіямъ, а онѣ, можетъ быть, неприкладываются къ

особой натурѣ Карамзина, которую намъ и вообразить трудно. Можетъ быть, точно это былъ *не другой человѣкъ*, а тотъ же: его ясный взглядъ, его здравый смыслъ, его быстрое и вѣрное соображеніе, замѣняли ему, вопреки всѣмъ нашимъ разсужденіямъ, даже въ новомъ для него дѣлѣ, и науку, и критику, и ученость? Можетъ быть, самые Шлецеровы сочиненія были для него только полезны, а не необходимы; можетъ быть, и безъ нихъ онъ нашелъ бы въ своемъ умѣ все нужное для исполненія своей задачи!

Напомню здѣсь опять слова мои изъ Похвальнаго слова, приведенныя выше, с. 30.

На удивительныя, необыкновенныя способности Карамзина, въ этомъ отношеніи, не было обращено у насъ достаточнаго вниманія!

—

Въ письмахъ Карамзина къ Тургеневу всего яснѣе видно, скажемъ здѣсь кстати, до какой степени Карамзинъ овладѣвалъ своимъ предметомъ, какъ всѣ подробности были у него на памяти, и какъ онъ могъ немедленно отвѣчать на всѣ вопросы.

Напримѣръ о *мѣстоположеніи Саркела* (въ письмѣ отъ 23 *Августа*, 1807 г.): «Лербергъ ищетъ Саркела. Я нашелъ его, кажется, не слѣдуя Деллилю и Баеру, а по Русскимъ лѣтописямъ. Въ XIV вѣкѣ одинъ нашъ монахъ, думаю, видѣлъ развалины Серкеліи на Дону».

Лербергъ писалъ особенную диссертацію о князьяхъ *Владимирѣ Андреевичѣ и Владимирѣ Мстиславичѣ*. Карамзинъ, услышавъ объ этомъ, пишетъ (отъ *26 Сентября*, 1808 г.): «догадываюсь, что Лербергъ писалъ о внукахъ Мономаха, двухъ Владимирахъ. Въ хорошихъ лѣтописяхъ они различены. Тотъ и другой княжилъ въ Волыни. Извѣстенъ ли автору внукъ сего Владимира Мстиславича, о которомъ столь много говорится въ Ливонской хроникѣ»?

«Характеры двухъ князей подлинно весьма различны... Авторъ ошибается, думая, что Владимиръ Андреевичъ, по изгнаніи Долгорукаго изъ Кіева, жилъ въ Суздальскомъ княженіи: нѣтъ, онъ взялъ наконецъ Изяславову сторону.

О Ели и Суми (*15 Октября*, 1809 года): «Первая война Новогородцевъ съ Финляндцами, извѣстная намъ по лѣтописямъ, была въ 1042 году. Тогда Владимиръ Ярославичъ ходилъ на Емь: такъ назывались Финляндцы, на что доказательства очевидныя представляю въ моей Исторіи. Емь жила въ южной Финляндіи, а Сумь—въ сѣверной.»

О Жидахъ въ Кіевѣ (*28 Февраля*, 1809 года): «Извѣстіе Татищева, что Мономахъ выгналъ Жидовъ, взято имъ изъ головы, а не изъ лѣтописей, которыя гораздо послѣ упоминаютъ о Жидахъ Кіевскихъ, по случаю бывшаго тамъ пожара.—Знаемъ и то, что во время ига Татарскаго Евреи брали въ Россіи на откупъ дань ханскую, а болѣе ничего не знаемъ».

О Буртасахъ. «Изъ путешествія Каршини извѣстно, что Кавказскій народъ именуемый Bruiaques, а въ нашихъ лѣтописяхъ Буртасы, держался вѣры Іудейской. И нынѣ тамъ не мало Жидовъ, а Буртасы называются теперь Буртанами»!

О банномъ строеніи, 3 Ноября, къ Дмитріеву: «Радуюсь, что ты берешь участіе въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Несторово банное строеніе есть не Польское bania, а Греческое Βαπτιστήριον, Латинское baptisterium, по Русски крестильница, или особенное зданіе, гдѣ крестили, ибо крещеніе называлось у насъ баней».

Это писалъ Карамзинъ по поводу длинныхъ разсужденій, помѣщавшихся въ Вѣстникѣ Европы, и принадлежавшихъ Каченовскому и Мартосу.

Въ примѣчаніи къ Исторіи онъ выразился еще рѣзче, чѣмъ и возбудилъ противъ себя гнѣвъ Каченовскаго. Приведемъ его сполна, ибо, кажется, inde irae. (II, пр. 159).

«Отдадимъ справедливость благоразумной догадкѣ Болтина, который, первый замѣтилъ, что Несторъ, подъ словомъ *градъ*, разумѣетъ здѣсь *ограду* церковную, а банным строеніемъ называетъ особенное зданіе, гдѣ ставили купель для крещенія взрослыхъ людей. Такія зданія, до того времени неизвѣстныя въ Россіи, дѣйствительно бывали при древнихъ церквахъ Христіанскихъ, (наприм. въ Софійской Цареградской), и назывались *Баптистріонъ* (aedes juxta ecclesiam, in qua baptisantur fideles, говоритъ Дюканжъ, стр. 174). Слово *баня* и въ нашемъ Новомъ Завѣтѣ употребляется въ смыслѣ крещенія (*баня паки бытія*, въ посланіи къ Тим. III, 5.). Самъ Несторъ (*въ Никонов.* II, 8.) говоритъ о Христѣ: «*баню* нетлѣнія дарова, свою кровь за насъ излія.» Невѣжды (!) думали, что Митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани. Не говорю о новомъ толкованіи сего мѣста, предложенномъ въ особой книжкѣ: неизвѣстный ея сочинитель ѣздилъ въ Кіевъ; узналъ, что въ Малороссіи называется баніею глава церковная, и смѣло утверждаетъ, что Митрополитъ Ефремъ началъ первый строить у насъ церкви съ главами! Два собора Софійскіе, въ Кіевѣ и Новогородѣ, построенные еще до временъ Ефремовыхъ, и до нынѣ цѣлые, свидѣтельствуютъ противное. Мы, не ѣздивъ въ Кіевъ, знали, что Польское слово bania знаменуетъ какъ главу, такъ и всякое круглое зданіе (съ круглою кровлею)».

ГЛАВА VIII.

Знакомство съ В. К. Екатериной Павловной.—Путешествіе въ Тверь.—Намѣреніе поручить Карамзину Министерство Просвѣщенія.—Орденъ Св. Владиміра 3 степени.—Доносъ.—Объясненіе.—Другой доносъ.—Письма о занятіяхъ.—Записки о Россіи, и мѣста изъ нея.—Свиданіе съ И. Александромъ.—Чтеніе Исторіи.—Бесѣды.—Догадка объ охлажденіи.—Сравненіе Карамзина со Сперанскимъ.—Альбомъ для В. Княгини.—Свидѣтельство Калайдовича.—Изображеніе Жуковскаго.—Нашествіе Наполеона.—Письма объ походѣ.—К. отпускаетъ семейство въ Ярославль, и переселяется къ Гр. Ростопчину.—День, оп. Булгаковымъ.—Письма къ женѣ о послѣднихъ дняхъ Москвы.—К. уѣзжаетъ въ Ярославль.—Кратковременный упадокъ духа.—К. въ Нижнемъ.—Сѣтованіе о пожарѣ Моск.—Радости.—Мысли объ Исторіи.—Семейныя утраты.—Возвращеніе въ Москву.—Предложеніе И. Маріи.—Переписка съ нею.—Намѣреніе описать нашествіе Французовъ.—Извѣстія Калайдовича о бесѣдахъ съ К.—Письмо къ Нелединскому о присланной розѣ отъ И.—Взглядъ на жизнь и свою Исторію.—К. отправляется съ нею въ Петербургъ.

Въ концѣ 1809 года, Государь Императоръ Александръ Павловичъ былъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Великою Княгинею, Екатериною Павловною, и сказалъ Карамзину нѣсколько привѣтственныхъ словъ, встрѣтясь съ нимъ на балѣ. Великая Княгиня осыпала его ласками, познакомясь съ нимъ, кажется, черезъ родственника ему по первой женѣ, графа Ростопчина, и пригласила къ себѣ въ Тверь. Князь Александръ Петровичъ Оболенскій, служившій при ней въ Твери, могъ ее утвердить въ высокомъ мнѣніи о Карамзинѣ.

Карамзинъ поѣхалъ туда, пробылъ шесть дней, обѣдалъ всегда во дворцѣ, и читалъ по вечерамъ свою Исторію Великой Княгинѣ и В. К. Константину Павловичу. «Они плѣнили меня своею милостью», писалъ онъ къ *брату* отъ 15-го *Февраля,* 1810 года.

Вскорѣ послѣ этой поѣздки, Карамзинъ выдержалъ жестокую болѣзнь. Потомъ скончалась внезапно любимая его свояченица, Княгиня Щербатова, урожденная Вяземская.

«Сей внезапный ударъ поколебалъ мои первы», писалъ онъ въ томъ-же письмѣ къ брату. «Я занемогъ почти въ самую ту минуту, какъ сестра наша испустила духъ: слегъ въ постелю горячкою-же, и въ осьмой день казался умирающимъ. Богъ сжалился надъ моею бѣдною женою, которая 10 дней не ѣла и не спала; я ожилъ и теперь оправляюсь. Силы мои возвращаются, и я съ новымъ удовольствіемъ смотрю на свѣтъ, съ которымъ братъ вашъ едва было на вѣки не простился».

Отъ 28 Марта Карамзинъ писалъ *къ брату*: «Слѣды болѣзни моей изгладились. Я, слава Богу, здоровъ, отчасти здоровѣе прежняго, какъ обыкновенно бываетъ послѣ такихъ болѣзней».

«Мы живемъ теперь въ домѣ Сергѣя Сергѣевича Кушникова, а Князевъ продали; думаемъ рано весною отправиться въ подмосковную, и нанять здѣсь домъ на годъ. Въ наемныхъ домахъ жить скучно; по малые доходы наши и великая на все дороговизна не позволяютъ намъ купить собственнаго. Не хочется входить въ долги. Цѣны на все возрастаютъ ежедневно. Не говоря о другомъ, фунтъ хорошей говядины стоитъ теперь 24 коп. Вина также вдвое дороже, хотя ихъ и много. Впрочемъ надобно только желать, чтобы не было хуже настоящаго. Покрайней мѣрѣ, живемъ спокойно».

«Милость ко мнѣ Великой Княгини, Великаго Князя Константина Павловича и вдовствующей Императрицы, служитъ для меня не малымъ ободреніемъ въ моихъ трудахъ. Отъ первой я недавно получилъ весьма лестное письмо. Императрица приказала сказать мнѣ, что она брала участіе въ моей болѣзни, и завидуетъ Великой Княгинѣ, которой

я читалъ свою Исторію. Константинъ Павловичъ также отзывается обо мнѣ съ отличнымъ благоволеніемъ. Пишу къ вамъ объ этомъ, зная, что вы, любезнѣйшій братецъ, участвуете во всемъ до меня касающемся».

Государь, наслышась о достоинствахъ Карамзина, при назначеніи Дмитріева, въ началѣ 1810 года, Министромъ юстиціи, имѣлъ мысль поручить Карамзину Министерство народнаго просвѣщенія, съ званіемъ Директора, по малому его чину: онъ былъ тогда Надворнымъ Совѣтникомъ. Сперанскій отклонилъ это назначеніе, предлагая его сдѣлать прежде Куратором Московскаго Университета *.

Замѣтимъ: Сперанскій, самый смѣлый нововводитель, parvenu, перескочившій черезъ нѣсколько чиновъ, затрудняется назначеніемъ Карамзина въ Министры, по малому чину! Не опасался ли онъ внутренно имѣть въ Карамзинѣ соперника?

Тогда, въ началѣ 1810 года, Министромъ назначенъ Графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій изъ Попечителей Московскаго Университета.

Вмѣстѣ съ назначеніемъ Графа Разумовскаго Министромъ, Попечителемъ назначенъ былъ П. И. Кутузовъ, стараніями масоновъ, какъ говоритъ преданіе.

Впрочемъ Карамзину дѣлано было, кажется, предложеніе о Попечительствѣ, отъ котораго онъ отказался, что должно заключать изъ ниже-помѣщаемыхъ писемъ къ Дмитріеву:

Отъ 19 Февраля, 1811 г. «Какъ жаль, что не имѣю права похвастаться предъ тобою своею философическою умѣренностію. Не многіе отказываются, отъ чего я отказался, но пока не объявлю тебѣ секрета.»

Въ другомъ письмѣ, *отъ 16-го Марта*, изъ Твери, вслѣдъ за описаніемъ благосклоннаго пріема Государя

* Такъ разсказывалъ самъ Карамзинъ К. С. Сербиновичу, въ 1825 году.

Императора, Александра Павловича, Карамзинъ пишетъ:... «правда я не сказалъ тебѣ объ одномъ милостивомъ предложеніи: это остается до нашего свиданія.»

Великая Княгиня Екатерина Павловна имѣла еще страшную мысль предлагать Карамзину Тверское губернаторство, съ цѣлію съ нимъ не разставаться. Она думала, что Карамзинъ можетъ при этой должности продолжать свои историческія занятія. Карамзинъ отвѣчалъ, что онъ будетъ или дурнымъ историкомъ, или дурнымъ губернаторомъ, тѣмъ болѣе что къ этой должности не готовилъ себя.

Іюля 1, Карамзинъ получилъ орденъ Св. Владимира 3 степени. Вотъ грамота:

Божіею милостію, Мы и пр. Нашему Надворному Совѣтнику и Исторіографу Карамзину.

Отличныя познанія и усердіе ваше къ распространенію Россійскихъ изящныхъ письменъ и Словесности, наипаче же труды, употребляемые вами въ изысканіяхъ и составленіи отечественной нашей Исторіи, обращаютъ на васъ особенное Наше вниманіе. Въ ознаменованіе онаго, и въ вящшее поощреніе многотрудныхъ вашихъ въ семъ родѣ упражненій, признали Мы за благо пожаловать васъ кавалеромъ ордена Св. равноапостольнаго князя Владимира, третьей степени, коего знаки для возложенія на васъ при семъ доставляются.—Пребываемъ Императорскою Нашею милостію всегда вамъ благосклонный.

Александръ.

Въ С. Петербургѣ,
Іюля 1, 1810 г.

Карамзинъ писалъ къ *Дмитріеву* отъ *Іюля 11-го, 1810 г.* «Отъ всего сердца благодарю тебя, угадывая, кто выходилъ мнѣ этотъ крестъ. Какъ лестна мнѣ Государева милость, такъ любезно и дѣйствіе твоей дружбы.—... Усердно исполняя повелѣніе Вашего Превосходительства, прилагаю

благодарственное письмо къ Государю и рапортъ въ Сенатъ, (не зная формы), вмѣстѣ съ ласковою эпистолою къ М. М. Сперанскому, въ которой благодарю его за доброе благорасположеніе ко мнѣ, свѣданное мною отъ почтеннаго *моего друга*, (цензура твоя пропуститъ ли это смѣлое выраженіе?), и слегка даю ему отчетъ въ моихъ историческихъ трудахъ, зная, что онъ любитъ Исторію, а наконецъ поручаю себя въ его покровительство.»

Замѣтимъ, что было затрудненіе пожаловать Карамзину прямо орденъ Владимира 3 степени. Государь думалъ сначала о 4 степени, и только убѣжденіе Дмитріева побудило его измѣнить свое намѣреніе.

Брата Карамзинъ увѣдомилъ отъ *19 Іюля* слѣдующимъ письмомъ: «На сихъ дняхъ удостоенъ я получить Высочайшую грамоту съ знакомъ 3 степени Св. Владимира; прилагаю съ ея копію, будучи увѣренъ, что вы берете искреннее участіе и въ горестяхъ моихъ, и въ пріятностяхъ. Милость добраго Государя мнѣ любезна, хотя лѣта и печальная опытность прохладили во мнѣ всѣ чувства мірской сустности.»

А въ это же время новый Попечитель писалъ къ новому Министру:

Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Кириловичъ!

Имѣя толь вѣрный случай, рѣшился писать къ В. С., и о томъ, чего бы не хотѣлъ ввѣрить почтѣ. Ревнуя о единомъ благѣ, стремясь къ единой цѣли, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ Г. Карамзина; вы знаете, что оныя исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда. Но его послѣдователи и одобрители подняли теперь еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ его сопровождавшимъ. О семъ надобно очень подумать, буде не для насъ, то для потомства. Государь

не знаетъ, какой гибельный ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется. Оныя сдѣлались классическими. Какъ могу то воспретить, когда оныя рескриптомъ торжественно одобрены. Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно бы дать, а давно бы пора его запереть; не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь. Вы не по имени Министръ Просвѣщенія, вы мужъ вѣдающій, что есть истинное просвѣщеніе, вы орудіе Божіе, озаренное внутреннимъ свѣтомъ, и подкрѣпляемое силою свыше; васъ безъ всякаго исканія самъ Господь призвалъ на дѣло его и на распространеніе его свѣта; въ планѣ неисповѣдимыхъ судебъ его вы должны быть органомъ его истины, вопіющимъ противу козней лукаваго и его проклятыхъ орудій. И вы, и я дадимъ отвѣты предъ судомъ Божіемъ, когда не ополчимся противу сего яда, во тьмѣ пресмыкающагося, и не поставимъ оплота сей тлетворной водѣ, всякое благочестіе потопить угрожающей. Ваше есть дѣло открыть Государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага Божія, и врага всякаго блага и яко орудіе тьмы. Я долженъ сіе къ вамъ написать, дабы не имѣть укоризны на совѣсти; если бы я не былъ Попечитель, я бы вздыхалъ, молился и молчалъ, но увѣренъ будучи, что Богу дамъ отвѣтъ за ввѣренное мнѣ стадо, какъ я умолчу предъ вами, и начальникомъ моимъ и благодѣтелемъ. Карамзина превозносятъ, боготворятъ! Во всемъ Университетѣ, въ пансіонѣ, читаютъ, знаютъ наизустъ, что изъ этого будетъ? Подумайте и попечитесь о семъ. Онъ цѣлитъ не менѣе, какъ въ Сіесы или въ первые Консулы,—это здѣсь всѣ знаютъ и всѣ слышатъ. Я молчу, и никому о семъ ни слова не писалъ, ни говорилъ, а къ вамъ я обязанъ это сдѣлать. Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ, но объ Университетахъ надобно подумать и сію заразу какъ-нибудь истребить. Вы меня благоразумнѣе, опытнѣе; вы мудрости и доброты

болѣе меня въ тысячу разъ преисполнены! Попекитесь о семъ. Тутъ не мое частное благо, а всеобщее! Въ томъ вамъ самъ Господь поможетъ. Умолять же о томъ его милосердіе непрестанетъ, и о васъ, яко о благодѣтелѣ, тотъ, который съ сердечною привязанностію, глубочайшимъ почитаніемъ и безпредѣльною благодарностію есьмъ и всегда буду, М. Г. В. С. преданнѣйшимъ и

обязательнѣйшимъ слугою, П. Г. К.

Москва, Августа 10, 1810 г.

Не станемъ приписывать этого несчастнаго письма злому расположенію, желанію повредить, мщенію или зависти. Все это было бы слишкомъ противно. Доноситель вѣрно увлекался своими понятіями; видѣль, ослѣпленный и пристрастный, вредъ тамъ, гдѣ его не было, и искренно боялся его послѣдствій. Обращенія Карамзина къ природѣ, еще въ письмахъ Русскаго путешественника, употребленіе словъ о Творческомъ Разумѣ, вмѣсто Бога, и подобные собственно-литтературные обороты, вмѣстѣ съ благопріятными отзывами о Руссо и Вольтерѣ, которые считались тогда главными виновниками революціи, подали поводъ людямъ, имѣвшимъ свои очки и свои виды, къ подозрѣніямъ разнаго рода. Они не хотѣли вникнуть въ смыслъ выраженій Карамзина, не хотѣли разобрать, что хвалилъ онъ Руссо и Вольтера, имѣя въ виду ихъ достоинства и таланты, а отнюдь не ихъ увлеченія и злоупотребленія,— и заподозрили Карамзина въ страшныхъ замыслахъ, Карамзина, смиреннаго, кроткаго и благочестиваго!

По счастію доносъ ни на кого не подѣйствовалъ, и Карамзинъ могъ спокойно продолжать великое свое дѣланіе.

Отмѣтимъ этотъ разительный случай въ доказательство, что самый благонамѣренный, самый добросовѣстный писатель, можетъ подвергаться кривымъ толкованіямъ, и осуждаться чуть ли не на гражданскую казнь отъ людей противнаго

образа мыслей, если даже и не злонамѣренныхъ, то пристрастныхъ. Научимся изъ этого разительнаго примѣра, какой осторожности требуетъ судъ о дѣлахъ печати, за которыя у насъ часто принимаются многіе, не приготовленные.

Къ этому же времени принадлежитъ другой допосъ на Карамзина, по поводу посѣщенія какого-то Француза Шевалье де Месансъ, пріѣзжавшаго въ Москву по масонскимъ дѣламъ. Карамзинъ нашелся принужденнымъ просить Дмитріева объ оправданіи передъ Государемъ, *отъ 19 Февраля, 1811 года:* «Какъ удивило меня твое письмо *по секрету*. Ради Бога, мой любезный, какъ можно скорѣе доложи нашему дражайшему Государю, что я сколь восхищаюсь симъ знакомъ Его милостиваго ко мнѣ расположенія, столь удивляюсь несправедливости Московскихъ донесеній: я только одинъ разъ въ жизни видѣлъ Шевалье де Месансъ, и онъ никогда не бывалъ у меня въ домѣ, ибо своею наружностію и топомъ мнѣ не полюбился, и получивъ отъ меня сухой отвѣтъ на свои учтивыя фразы, не разсудилъ за благо ко мнѣ пріѣхать. Какъ можно доносить къ Императору столь ложно! Я даже подозрѣваю тутъ намѣреніе повредить мнѣ. Другъ твой едвали можетъ быть обманутъ шпіономъ. Домъ нашъ есть уже давно монастырь, куда изрѣдка заглядываютъ одни благочестивые люди, напр. Гр. Растопчинъ, Нелединскій, Обрѣзковъ, Сушковъ, Гр. Пушкинъ, Бригадиръ Кашкинъ, Разумовскій, Рябининъ, Оболенскіе. Вотъ наше общество: какъ тутъ замѣшаться Французу! Я же самъ почти никуда не ѣзжу; однакожъ слышу, что Шевалье Месансъ вербуетъ здѣсь масоновъ, ссылаясь на Петербургскую моду. Прибавь, любезнѣйшій, что Французскіе шпіоны никогда не подумаютъ войдти въ связь со мною: я не фанатикъ и не плутъ. Увѣдомь, когда объ этомъ скажешь Государю. Мнѣ больно то, что осмѣливаются писать къ нему столь неосновательно.» (начало письма см. ниже).

Еще было какое то нападеніе тогда на Карамзина въ Бесѣдѣ Русскаго слова: «о бесѣдѣ Шишковской слышалъ,» писалъ онъ также къ Дмитріеву, «желаю ей успѣха, но только, въ добрѣ. Для чего сіи господа не хотятъ оставить меня въ покоѣ? Впрочемъ мое правило не злиться.»

Въ Маѣ мѣсяцѣ постигло его новое несчастіе.

Отъ 14-го Іюля, писалъ онъ къ *Тургеневу:* «Еще не успѣвъ отдохнуть послѣ кончины нашей сестры, послѣ тяжкой болѣзни, я былъ пораженъ смертію дочери, которая составляла главное наше семейное утѣшеніе, и два мѣсяца трепеталъ, видя и прочихъ нашихъ дѣтей въ опасности. Моя Катерина Андреевна всякой день плачетъ: скрывая горесть собственную, хочу и не могу утѣшать эту нѣжную сестру, и еще нѣжнѣйшую мать. Однакожь я здоровъ, и съ нѣкотораго времени опять работаю. Вотъ мое единственное разсѣяніе. Съ Генваря мѣсяца я какъ бы разстался съ свѣтомъ, а теперь живемъ въ совершенномъ уединеніи. Мнѣ доставлено множество любопытнаго изъ Кенигсбергскаго архива: кромѣ писемъ, реляцій, трактатовъ, журналъ одного знатнаго Нѣмца, въ Москвѣ, при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, содержитъ въ себѣ не мало важнаго для Исторіи.»

4 Августа, Къ Дмитріеву. «Нечаянно и вдругъ рѣшился я съ К. А. ѣхать въ Нижегородскую нашу деревню для защиты крестьянъ отъ межевщика и капитанъ-исправника. Это мнѣ крайне непріятно, особенно въ нашемъ грустномъ расположеніи. Мы оставили дѣтей въ Остафьевѣ, и завтра думаемъ отправиться въ Арзамасъ. Эта дорога напомнитъ мнѣ лѣта первой молодости и путешествіе мое съ тобою къ предѣламъ нашей общей родины.»

3 Сентября къ Дмитріеву. «Съ больными глазами, * и съ разстроеннымъ здоровьемъ возвратился я изъ Нижего-

* Поврежденными въ холодныя ночи. См. письмо къ брату.

родской губерніи, куда ѣздилъ, вопреки своему сердцу, съ горемъ и безпокойствомъ, чтобъ исполнить долгъ господина; дѣла важнаго не сдѣлалъ, а себѣ повредилъ; * Катерина Андреевна была моею спутницею, ибо мы дали слово не разставаться, пока живы. Уже болѣе десяти дней какъ я на мѣстѣ, но не могу еще заниматься обыкновеннымъ своимъ дѣломъ, чувствуя слабость въ глазахъ. Нынѣшній годъ есть для насъ черный по календарю Римскому.»

«Позволь, любезнѣйшій другъ, попросить тебя о дѣлѣ небезважномъ для моего сердца. Ты любилъ покойнаго Князя Андрея Ивановича, который и самъ любилъ тебя искренно. Не можешь ли изъ уваженія къ его памяти сдѣлать что нибудь для его сына, для нашего молодаго и достойнаго Князя! Онъ теперь какъ сирота въ свѣтѣ, и не имѣетъ покровителей. Умирающій отецъ поручилъ его мнѣ; люблю его какъ брата, и нахожу любви достойнымъ: онъ уменъ и старается пріобрѣтать знанія.»...

Къ брату, Сентября 19... «Въ нынѣшній годъ, я почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описавъ только княженіе Василія Димитріевича, сына Донскаго. Болѣзнь моя; несчастныя потери и грусть отняли у меня не малую часть моихъ способностей. Трудъ, столь необъятный, требуетъ спокойствія и здоровья; не имѣю ни того, ни другаго, и дѣлаюсь, къ несчастію, меланхоликомъ. Жаль, если Богъ не дастъ мнѣ совершить начатаго къ чести и пользѣ общей. Оставивъ за собою дичь и пустыни, вижу впереди прекрасное и великое. Боюсь, чтобы я, какъ вторый Моисей, не умеръ прежде, нежели войду туда. Княженіе двухъ Ивановъ Васильевичей и слѣдующія времена наградили бы меня за скудость прежней матеріи.»

Къ Дмитріеву, Сентября 19... «Въ прибавокъ ко всему претерпѣнному нами въ нынѣшнемъ году, я слѣпну, и не

* Путешествіе продолжалось 17 дней.

могу искать утѣшенія въ работѣ. Иногда теряю терпѣніе, иногда обѣщаю себѣ быть твердымъ и на все готовымъ. Вообще здоровье мое не въ очень хорошемъ состояніи.

Октября 16, къ Дмитріеву... «У меня все еще болятъ глаза, однакожь мнѣ хочется написать къ тебѣ нѣсколько строкъ своею рукою. Сердечно благодарю тебя, милый другъ, за всѣ доказательства нелестной твоей ко мнѣ любви, которая дороже мнѣ и крестовъ и чиновъ. Не могу отплатить тебѣ ничѣмъ подобнымъ, но люблю тебя вѣрно не менѣе, и съ живѣйшимъ удовольствіемъ говорю въ своемъ семействѣ, что ты нашъ первый и послѣдній другъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.»

Октября 17, къ брату: «Мы уже нѣсколько дней въ Москвѣ, и живемъ въ Новой Басманной, въ домѣ Адмирала Мордвинова.»

— «Государь пожаловалъ меня въ Коллежскіе Совѣтники.»

Ноября 3, къ Дмитріеву. «Я выхожу изъ слѣпыхъ и снова начинаю марать бумагу.»

Во второй разъ ѣздилъ Карамзинъ въ Тверь въ Декабрѣ 1810 года, о чемъ увѣдомлялъ *брата, отъ 13 Декабря*,

«Недавно былъ я въ Твери, и осыпанъ новыми знаками милости со стороны Великой Княгини. Она Русская женщина: умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней въ Твери, и всякій день были у нея. Она хотѣла даже, чтобы мы въ другой разъ пріѣзжали туда съ дѣтьми.»

Разговоръ относился болѣе всего къ состоянію Россіи, и къ новымъ государственнымъ мѣрамъ, коп однѣ за другими принимались Правительствомъ. Карамзинъ выражалъ искренно свое мнѣніе, далеко не благопріятное. Умная, пылкая, очарованная Карамзинымъ, какъ видно изъ ея писемъ, Великая Княгиня просила его изложить свои мысли непремѣнно на бумагѣ. Братъ мой, говорила она, достоинъ ихъ слышать.

14 Декабря она писала къ Карамзину: «Жду съ нетерпѣніемъ Россію въ ея гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ.

5 Января 1811 года, опять:=«Съ нетерпѣніемъ ожидаю васъ и Россію. Если вы къ намъ послѣ 15 пріѣдете, то застанете вѣрно Константина Павловича.»

Карамзинъ принялся за работу. Начавъ писать, то-есть класть на бумагу, что находилось у него въ головѣ, и ясно представлялось воображенію, онъ вѣроятно не предполагалъ, что выйдетъ изъ его работы..... Вышло важнѣйшее государственное сочиненіе, стоитъ Политическаго завѣщанія Ришелье, которое могъ написать только Карамзинъ, съ его яснымъ умомъ, съ его наблюдательнымъ расположеніемъ, съ его долговременнымъ изученіемъ Россіи, съ его вѣрнымъ чутьемъ, съ внутреннимъ дагеротипомъ и авторскимъ талантомъ. Можетъ быть онъ самъ удивился своему труду. Можетъ быть, среди работы, въ сознаніи силъ, зародилась или уяснилась въ глубинѣ его сердца высокая мысль, не скажу честолюбія, а желанія дѣйствовать, употребить свои способности на пользу общую...

Карамзинъ хотѣлъ, разумѣется, чтобъ Записка его сдѣлалась извѣстною Государю. Для молодой женщины не сталъ бы онъ тратить свое драгоцѣнное время, да и что могла бы сдѣлать съ нею Великая Княгиня. Самое заключеніе Записки: «любя отечество, любя Монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго, съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго, да блюдетъ Царя и Царство Россійское,» показываетъ, что Записка предназначалась для Государя.

Нѣкоторые думаютъ, что Карамзинъ былъ только отголоскомъ общаго Московскаго мнѣнія о новыхъ преобразованіяхъ Александрова царствованія, редакторомъ оппозиціонной Сперанскому партіи. Нѣтъ, никто не зналъ даже о существованіи этой Записки: самые близкіе люди, друзья

ничего о ней никогда не слыхали. Записка найдена случайно въ 1836-мъ году, черезъ долгое время по смерти Карамзина и Императора Александра. Двадцать пять лѣтъ она скрывалась подъ спудомъ: могло-ли это случиться, если-бы въ Запискѣ какъ нибудь участвовали многіе или по крайней мѣрѣ нѣсколько лицъ? Нѣтъ, Карамзинъ слѣдилъ внимательно за ходомъ дѣлъ, принималъ къ свѣдѣнію всѣ Московскіе толки, можетъ быть въ особенности мнѣнія гр. Ростопчина, и все переработывалъ въ своемъ умѣ, обращалъ въ свою собственность, въ свою плоть и кровь.

(Напримѣръ, въ одномъ письмѣ къ Дмитріеву, *отъ 3 Марта*, онъ писалъ: «съ великимъ любопытствомъ читалъ я на сихъ дняхъ проэктъ законовъ: на иное сдѣлалъ бы свое примѣчаніе, но писать объ этомъ неловко. Дай Богъ всего добраго нашему отечеству»).

Послѣ прекраснаго обозрѣнія древней Исторіи, Карамзинъ начинаетъ политическое разсужденіе съ царствованія императора Петра I, (составляющаго ключъ и замокъ къ настоящему и будущему положенію Россіи), гдѣ и является глубокомысленнымъ политикомъ.

Представивъ въ общей картинѣ великіе подвиги Петровы, онъ съ удивительною проницательностію разбираетъ вредныя по послѣдствіямъ его дѣянія.

Мы видѣли въ письмахъ Русскаго путешественника и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ, какимъ безусловнымъ поклонникомъ Петра былъ сначала Карамзинъ. Въ Запискѣ онъ смотритъ на него уже и съ другой стороны, и тѣмъ доказываетъ, какъ умъ его былъ свободенъ отъ всѣхъ предубѣжденій, даже самыхъ любезныхъ и дорогихъ. Мы видимъ его здѣсь на такой высотѣ историческаго созерцанія и безпристрастія, которая доступна только избраннымъ душамъ.

Приведемъ здѣсь сполна слова о Петрѣ, которыми предупреждались нынѣшніе безплодныя словопренія о дѣлахъ безсмертнаго Государя.

Вредными дѣйствіями его Карамзинъ считаетъ слѣдующія:

«Страсть къ новымъ для насъ обычаямъ, преступившая въ немъ границы благоразумія: Петръ нехотѣлъ вникнуть въ истину» говоритъ онъ, «что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, которое подобно физическому, нужно для ихъ твердости.... Государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Предписывать уставы обычаямъ есть насиліе беззаконное и для Монарха самодержавнаго... Честію и достоинствомъ Россіянъ сдѣлалось подражаніе.»

Второе вредное дѣйствіе Петрово состояло въ отдѣленіи высшаго сословія отъ низшихъ одеждою и наружностію: «Русскіе земледѣльцы, мѣщане, купцы, увидѣли Нѣмцевъ въ Русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго единодушія государственныхъ состояній»....

«Третье — ослабленіе связей родственныхъ, пріобрѣтеніе добродѣтелей человѣческихъ на счетъ гражданскихъ: «имя Русскаго, спрашиваетъ Карамзинъ», имѣетъ ли для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде?»

Наконецъ блестящею ошибкою Петра Карамзинъ называетъ основаніе столицы въ Петербургѣ.

Не считаю нужнымъ распространяться, какой судъ произнесъ неумытный историкъ царствованіямъ Екатерины I съ Меньшиковымъ, Петра II съ Долгорукими, Анны съ Бирономъ, Елизаветы.... Петра III....— Екатерину II, прославленную въ Похвальномъ словѣ, онъ не пощадилъ, указавъ строго ея пороки и недостатки:

«Блестящее царствованіе Екатерины представляетъ взору наблюдателя и нѣкоторыя пятна. Нравы болѣе развратн-

лись въ палатахъ и хижинахъ: тамъ отъ примѣровъ двора любострастнаго, — здѣсь отъ выгоднаго для казны умноженія питейныхъ домовъ. Примѣръ Анны и Елизаветы извиняетъ ли Екатерину? Богатства государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно лице красивое? Слабость тайная есть только слабость; явная — порокъ, ибо соблазняетъ другихъ. Самое достоинство Государя терпитъ, когда онъ нарушаетъ уставъ благонравія; какъ люди ни развратны, но внутренно не могутъ уважать развратныхъ. Требуется ли доказательствъ, что искреннее почтеніе къ добродѣтелямъ Монарха утверждаетъ власть его? Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходныя качества души, невольно вспоминаемъ ея слабости, и краснѣемъ за человѣчество.»

«Замѣтимъ еще, что правосудіе не цвѣло въ сіе время; вельможа, чувствуя несправедливость свою въ тяжбѣ съ дворяниномъ, переносилъ дѣло въ кабинетъ; тамъ засыпало оно и не пробуждалось.»

«Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянію вещей, но красивѣйшее по формамъ. Таково было новое Учрежденіе губерній, изящное на бумагѣ, но худо примѣненное къ обстоятельствамъ Россіи. Солонъ говорилъ: «мои законы не совершенные, но лучшіе для Аѳинянъ.» — Екатерина хотѣла умозрительнаго совершенства въ законахъ, не думая о легчайшемъ, полезнѣйшемъ дѣйствіи опыхъ; дала намъ суды, не образовавъ судей, дала правила безъ средствъ исполненія. Многія вредныя слѣдствія Петровой системы также яснѣе открылись при сей Государынѣ: чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ; дворъ забылъ языкъ Русскій; отъ излишнихъ успѣховъ Европейской роскоши дворянство одолжало; дѣла безчестныя, внушаемыя корыстолюбіемъ,

для удовлетворенія прихотямъ, стали обыкновеннѣе; сыновья бояръ нашихъ разсыпались по чужимъ землямъ тратить деньги и время для пріобрѣтенія Французской или Англійской наружности. У насъ были академіи, высшія училища, народныя школы, умные министры, пріятные свѣтскіе люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флотъ и Великая Монархиня; не было хорошаго воспитанія, твердыхъ правилъ и нравственности въ гражданской жизни. Любимецъ вельможи рожденный бѣднымъ, не стыдился жить пышно. Вельможа не стыдился быть развратнымъ. Торговали правдою и чинами. Екатерина — великій мужъ въ главныхъ собраніяхъ государственныхъ — являлась женщиною въ подробностяхъ Монаршей дѣятельности, дремала на розахъ, была обманываема, или себя обманывала; не видѣла или нехотѣла видѣть многихъ злоупотребленій, считая ихъ, можетъ быть, неизбѣжными, и довольствуясь общимъ успѣшнымъ, славнымъ теченіемъ ея царствованія.»

«По крайней мѣрѣ, сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едвали не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина Россійскаго; едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда, а не въ иное время. Слѣдствія кончины ея заградили уста строгимъ судіямъ сей Великой Монархини, ибо особенно въ послѣдніе годы ея жизни, дѣйствительно слабѣйшіе въ правилахъ и въ исполненіи, мы болѣе осуждали, нежели хвалили Екатерину, отъ привычки къ добру, уже нечувствуя всей цѣны онаго, и тѣмъ сильнѣе чувствуя противное; доброе казалось намъ естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ порядка вещей, а не личной Екатерининой мудрости; художествъ ея собственной виною.»

Наконецъ приступаетъ Карамзинъ, предъ лицемъ Императора Александра, къ изображенію его собственныхъ дѣйствій. — Эпиграфъ, имъ избранный изъ псалма: «Нѣсть

льсти въ языцѣ моемъ,» исполнятся во всей силѣ. Трепеща за отечество, онъ яркими, страшными красками изображаетъ состояніе Россіи, и разбираетъ всѣ мѣры правительства, относительно внѣшней политики, законодательства, устройства финансовъ, осуждаетъ расположеніе къ преобразованіямъ, говоритъ объ искусствѣ избирать людей и обходиться съ ними, объ общественныхъ наградахъ и наказаніяхъ.....

«...Всѣ Россіяне были согласны въ добромъ мнѣніи о качествахъ юнаго Монарха: онъ царствуетъ десять лѣтъ, и никто не перемѣнилъ о томъ своихъ мыслей; скажу еще болѣе: всѣ согласны, что едвали кто нибудь изъ Государей превосходилъ Александра въ любви, въ ревности къ общему благу; едва ли кто нибудь столь мало ослѣплялся блескомъ вѣнца, и столь умѣлъ быть человѣкомъ на тронѣ, какъ онъ... Но здѣсь имѣю нужду въ твердости духа, чтобы сказать истину. Россія наполнена недовольными; жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ; не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію; строго осуждаютъ его цѣли и мѣры. Удивительный государственный феноменъ! Обыкновенно бываетъ, что преемникъ Монарха жестокаго легко снискиваетъ всеобщее одобреніе, смягчая правила власти: успокоенные кротостію Александра, безвинно не страшась ни Тайной канцеляріи, ни Сибири, и свободно наслаждаясь всѣми позволенными въ гражданскихъ обществахъ удовольствіями, какимъ образомъ изъяснимъ сіе горестное расположеніе умовъ? Несчастными обстоятельствами Европы и важными, какъ я думаю, ошибками правительства, ибо къ сожалѣнію, можно съ добрымъ намѣреніемъ ошибаться въ средствахъ добра.»

«.... Главная ошибка законодателей сего царствованія состоитъ въ излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности: отъ того изобрѣтеніе разныхъ Министерствъ,

учрежденіе Совѣта и проч. Дѣла не лучше производятся, только въ мѣстахъ, и чиновниками другаго названія. Послѣдуемъ иному правилу и скажемъ, что не формы, а люди важны. Пусть Министерство и Совѣтъ существуютъ: они будутъ полезны, если въ Министерствѣ и Совѣтѣ увидимъ только мужей, знаменитыхъ разумомъ и честію. И такъ первое наше доброе желаніе есть, да способствуетъ Богъ Александру въ счастливомъ избраніи людей! Такое избраніе, а не учрежденіе Сената съ коллегіями, ознаменовало величіемъ царствованіе Петра во внутреннихъ дѣлахъ Имперіи. Сей Монархъ имѣлъ страсть къ способнымъ людямъ, искалъ ихъ въ келіяхъ монастырскихъ и въ темныхъ каютахъ: тамъ нашелъ Ѳеофана и Остермана, славныхъ въ нашей государственной Исторіи. Обстоятельства иныя, и скромныя, тихія свойства души отличаютъ Александра отъ Петра, который вездѣ былъ самъ, со всѣми говорилъ, всѣхъ слушалъ и бралъ на себя, по одному слову, по одному взору, рѣшать достоинство человѣка. Но да будетъ то же правило: *искать людей!* Кто имѣетъ довѣренность Государя, да замѣчаетъ ихъ вдали для самыхъ первыхъ мѣстъ. Не только въ республикахъ, но и въ монархіяхъ, кандидаты должны быть назначены единственно по способностямъ. Всемогущая рука Единовластителя одного ведетъ, другаго мечетъ на высоту; медленная постепенность есть законъ для множества, а не для всѣхъ. Кто имѣетъ умъ Министра, не долженъ посѣдѣть въ столоначальникахъ или въ секретаряхъ. Чины унижаются не скорымъ ихъ пріобрѣтеніемъ, по глупостію, или безчестіемъ сановниковъ; возбуждается зависть, но скоро умолкаетъ предъ лицомъ достойнаго. Вы не образуете полезнаго Министерства сочиненіемъ наказа; тогда образуете, когда приготовите хорошихъ Министровъ: Совѣтъ разсматриваетъ ихъ предложенія; но увѣрены ли вы въ мудрости его членовъ? Общая мудрость рождается только

отъ частной. Однимъ, словомъ теперь всего нужнѣе люди! Но люди не только для Министерства или Сената, но и въ особенности для мѣстъ губернаторскихъ. Россія состоитъ не изъ Петербурга и не изъ Москвы, а изъ 50 или болѣе частей, называемыхъ губерніями: если тамъ пойдутъ дѣла какъ должно, то Министры и Совѣтъ могутъ отдыхать на лаврахъ, а дѣла пойдутъ какъ должно, если вы найдете въ Россіи 50 мужей умныхъ, добросовѣстныхъ, которые ревностно станутъ блюсти ввѣренное каждому изъ нихъ благо полумилліона Россіянъ, обуздаютъ хищное корыстолюбіе нижнихъ чиновниковъ и господъ жестокихъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ замледѣльцевъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа. Если губернаторы не умѣютъ, или не хотятъ дѣлать того, виною худое избраніе лицъ; если не имѣютъ способа—виною худое образованіе губернскихъ властей.»

Не мое дѣло разбирать здѣсь, въ какой степени справедливы его замѣчанія и дѣйствительны мѣры,—сказалъ я въ Похвальномъ своемъ словѣ Карамзину въ 1845 году, при открытіи ему памятника,—не въ вѣрности мыслей и не въ дѣйствительности мѣръ заключается главное достоинство Карамзина въ эту великую минуту его жизни, а въ гражданскомъ мужествѣ произнести, безъ всякаго лицепріятія, мнѣніе, которое онъ, по долгу совѣсти и присяги, считалъ справедливымъ и полезнымъ, какія бы отъ того ни произошли для него слѣдствія.

Замѣтимъ, (что очень важно), Карамзинъ былъ тогда еще только литтераторомъ, не представлялъ еще своей Исторіи, не находился еще на верху Всероссійской славы, не пріобрѣлъ Европейской извѣстности, имѣлъ необходимую нужду въ добромъ мнѣніи и благоволеніи Государя, даже для изданія своего безсмертнаго труда. Это были критическія минуты въ его жизни,—и онъ не убоялся сказать прямо все, что

чувствовалъ. Этого мало: онъ выступилъ, такъ сказать, грудью впередъ съ этой правдою, по собственному желанію; ибо, *ежели онъ не хотѣлъ говорить*, то могъ бы легко уклониться отъ предложенія Великой Княгини.

Карамзинъ отправился съ своею Запискою въ Тверь въ началѣ Февраля, 1811 года.

Отъ 19 Февраля, 1811 года, писалъ онъ къ *Дмитріеву:*

«Давно, давно не писалъ къ тебѣ, и не отъ лѣни. Только въ нынѣшнюю ночь возвратились мы изъ Твери, гдѣ жили двѣ недѣли, какъ въ очарованномъ замкѣ. Не могу изъяснить тебѣ, сколь Великая Княгиня и Принцъ ко мнѣ милостивы. Я узналъ ихъ несравненно болѣе прежняго, имѣвъ случай ежедневно говорить съ ними по нѣсколько часовъ, между нашихъ историческихъ чтеній. Великая Княгиня во всякомъ состояніи была бы одною изъ любезнѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ, а Принцъ имѣетъ ангельскую доброту и знанія необыкновенныя въ нѣкоторыхъ частяхъ. Не отвѣчаю за будущее, но теперь милостивое ко мнѣ расположеніе сей августѣйшей четы составляетъ одно изъ главныхъ утѣшеній моей жизни».

Объ этомъ же увѣдомлялъ онъ и *брата, отъ 28 Февраля:* «Я съ женою былъ опять въ Твери, и жилъ тамъ двѣ недѣли, совершенно въ гостяхъ у Великой Княгини и Принца. Они осыпали насъ ласками, и мы всякій день бывали у нихъ по нѣскольку часовъ. Любезность и милость Великой Княгини трогаютъ мою душу. Принцъ имѣетъ ангельское сердце и знанія. Часы, проведенные мною въ ихъ кабинетѣ причисляю къ счастливѣйшимъ въ моей жизни... Теперь я возвратился къ обыкновеннымъ своимъ упражненіямъ».

Въ это-то посѣщеніе привезъ Карамзинъ свою работу Великой Княгинѣ. Чтеніе продолжалось нѣсколько дней,

потому что было прерываемо множествомъ вопросовъ. По окончаніи чтенія Великая Княгиня взяла Записку себѣ.

Въ Мартѣ, 1811 года, посѣтилъ любимую сестру въ Твери Императоръ Александръ. Дмитріевъ по его приказанію предувѣдомилъ Карамзина, что Государь желаетъ съ нимъ познакомиться ближе. Великая Княгиня звала не отступно, чтобъ Карамзинъ спѣшилъ въ Тверь.

Вотъ что писала она отъ *18 Февраля:* «Такъ какъ вы по любезности своей принимаете участіе во всемъ, что до меня касается, то я васъ увѣдомляю, что ожиданное мною съ нетерпѣніемъ письмо пришло ко мнѣ нынѣ по утру, къ совершенному моему удовольствію, потому что оно доказываетъ вновь совершенство того существа, которое желала бы я, чтобы вы обожали. Онъ достоинъ того, и вы согласитесь послѣ того, какъ его услышите. Стороною услышала я, что онъ выѣзжаетъ на будущей недѣлѣ, и такъ будьте готовы, Милостивый Государь.»

Отъ *8 Марта,* Великая Княгиня сообщаетъ Карамзину, что по письму Императрицы Маріи Ѳедоровны, Государь 12 Марта, вечеромъ, выѣзжаетъ изъ Петербурга, и слѣдовательно будетъ въ Тверь 14.

Карамзинъ отправился въ Тверь съ своею Исторіею, которую предполагалось читать Государю.

Въ ожиданіи его прибытія былъ разговоръ о Запискѣ. Знаете ли, Николай Михайловичъ, что я вамъ скажу, замѣтила однажды Великая Княгиня: Записка ваша очень сильна!

Александръ прибылъ 15 Марта.

Это свиданіе слишкомъ примѣчательно, и въ жизни Карамзина, и въ жизни Александра: мы должны разсмотрѣть внимательно всѣ обстоятельства.

Государь пробылъ въ Твери пять дней, отъ 15 до 19, включительно.

Когда, то-есть въ которой изъ этихъ дней происходило чтеніе Исторіи?

Наканунѣ отъѣзда Государева, 18 Марта. Вотъ доказательство:

Карамзинъ писалъ къ *Дмитріеву отъ 16 Марта*, что былъ представленъ Государю вчера въ кабинетѣ Великой Княгини, (слѣд. 15 Марта), и не упомянулъ о чтеніи, слѣдовательно ни 15, ни 16 числа, когда было писано письмо, чтенія не было.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 20 Марта, по отъѣздѣ Государя, онъ увѣдомляетъ:

«Вчера, (т. е. 19 числа), въ послѣдній разъ имѣли счастіе обѣдать съ Государемъ. Онъ уѣхалъ ночью. Сверхъ четырехъ обѣдовъ я съ женою былъ два раза у него во внутреннихъ комнатахъ, (т. е. 16 и 17 числа), а въ третій при Великой Княгинѣ и Принцѣ читалъ ему свою Исторію далѣ двухъ часовъ, послѣ чего говорилъ съ нимъ не мало, о чемъ же? О самодержавіи! Я не имѣлъ счастія быть согласенъ съ нѣкоторыми его мыслями, (Карамзинъ былъ за самодержавіе, Государь противъ), но искренно удивлялся его разуму и скромному краснорѣчію. Сердце мое всегда влеклось къ нему, ибо угадывало и чувствовало доброту сего рѣдкаго Монарха: теперь люблю, уважаю его по внутреннему удостовѣренію въ красотѣ его души. Дай Богъ, чтобы онъ былъ счастливъ счастіемъ Россіи! Прощаясь съ нами, онъ вторично звалъ насъ въ Петербургъ и примолвилъ, что мы не имѣемъ нужды въ наемномъ домѣ; что дворецъ Аничковскій довольно великъ; что Великая Княгиня безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ помѣститъ насъ въ своемъ домѣ. Чувствую всю цѣну его милости. Скажи ему, любезнѣйшій другъ, *при случаѣ*, что я, и по правиламъ, и по сердцу, преданъ на вѣки Монарху, столь рѣдкому изящными качествами души. Послѣднія слова его были: что приказываешь къ Ивану

Ивановичу? Великая Княгиня хотѣла даже, чтобы я далъ Государю письмо къ тебѣ! На это есть почта, сказалъ я съ низкимъ поклономъ. Пусть другіе забываются: мое дѣло помнить, что есть Государь, и что поддапный. Онъ нѣсколько разъ говорилъ со мною о тебѣ, о твоемъ здоровьѣ, и не хочетъ вѣрить, чтобы ты когда нибудь бывалъ усерднымъ пѣшеходомъ. Исторію мою слушалъ онъ, кажется, съ непритворнымъ вниманіемъ и удовольствіемъ; никакъ не хотѣлъ прекратить нашего чтенія; наконецъ, послѣ разговора, взгляпувъ на часы, спросилъ у Великой Княгини: угадайте время: двѣнадцатый часъ! Однимъ словомъ, я долженъ быть совершенно доволенъ».

Изъ этого письма еще яспѣе видно, что чтеніе и разговоръ о самодержавіи были 18 числа, т. е. накапунѣ отъѣзда Государева.

Письмо къ Дмитріеву было, такъ сказать, оффиціальное, посланное по почтѣ, по самъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, Графъ Блудовъ и Князь Вяземскій, свидѣтельствовали, что Государь, сначала благосклонный, милостивый, въ послѣдній день показалъ охлажденіе или неудовольствіе Карамзину. Графъ Блудовъ повторялъ мнѣ это нѣсколько разъ.

Тоже самое записано и К. С. Сербиновичемъ съ его словъ:

«На другой день послѣ чтенія, въ день отъѣзда, (новое доказательство, что оно происходило 18 Марта), Карамзинъ съ великимъ удивленіемъ замѣтилъ, что Государь былъ совершенно холоденъ къ нему, и прощаясь со всѣми, взглянулъ на него издали равнодушно».

Какъ же это случилось? Гдѣ источникъ охлажденія?

Великая Княгиня отдала вѣроятно записку Государю послѣ чтенія Исторіи и послѣдовавшаго за опымъ разговора о самодержавіи, 18 Марта вечеромъ, наканунѣ отъѣзда.

Прежде Великая, Княгиня не могла ему отдать, чтобъ не подвергнуть Карамзина опасности,—возстановить Го-

сударя противъ своего любимца, а это можно было предполагать, или по крайней мѣрѣ опасаться, по сильнымъ и рѣзкимъ осужденіямъ Карамзина, при всей довѣрепности къ великодушію Александра. Она хотѣла, чтобъ ея братъ познакомился прежде съ Карамзинымъ, и очаровался имъ, какъ очарована была она. И сначала все шло по ея желанію. Государь принялъ Карамзина съ отмѣннымъ благоволеніемъ, бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько разъ, выслушалъ съ великимъ вниманіемъ чтеніе Исторіи, узналъ его мысли о самодержавіи, даже съ нимъ не согласныя. Теперь можно безопасно, подумала она, отдать Записку, и она отдала на прощаньѣ, отходя ко сну, наканунѣ отъѣзда Государева. Такъ, вѣроятно, разсчитывала Великая Княгиня,и—ошиблась.

Государь прочелъ или пробѣжалъ Записку, вѣроятно, на другой день, 19 Марта, по утру, по крайней мѣрѣ то, что относится къ собственнымъ его дѣйствіямъ, и былъогорченъ, раздраженъ, приведенъ въ негодованіе, что и выразилъ на первый случай, вольно или невольно, своею холодностію.

Покойный Графъ Блудовъ, разсказывавшій мнѣ это нѣсколько разъ, въ послѣдній разъ, въ 1860 году, прибавилъ въ объясненіе, что И. Александръ въ семействѣ считался за оракула, и потому для него было слишкомъ тяжело услышать осужденіе своихъ дѣйствій, даже предъ любимою сестрою. Съ глазу на глазъ онъ вѣрно судилъ бы снисходительнѣе.

Точно тоже, хотя и не такъ-же слышалъ я отъ И. И. Дмитріева, который говорилъ мнѣ, что Великая Княгиня уладила дѣло. Графъ Блудовъ, которому я передалъ разсказъ Дмитріева даже на письмѣ, (прочитавъ изъ моихъ записокъ), отвергнулъ его, повторивъ, что дѣло было такъ, какъ мнѣ разсказывалъ онъ, и какъ я записалъ, (какъ записалъ еще, независимо отъ меня, К. С. Сербиновичъ).

Оставляя Тверь, Карамзинъ спросилъ свою Записку у Великой Княгини. Записка ваша теперь въ хорошихъ рукахъ, отвѣчала она,—и едва ли этимъ отвѣтомъ успокоила Исторіографа, смущеннаго внезапною перемѣною въ обращеніи Государевомъ.

Нельзя не замѣтить, что Карамзинъ, въ вышеприведенномъ письмѣ къ Дмитріеву, не намекнулъ ни однимъ словомъ ни на какое неудовольствіе. Это объяснить легко: ему надобно было, чтобъ Государь, въ разговорѣ съ Дмитріевымъ, никакъ не замѣтилъ о какомъ бы то ни было его смущеніи, и не получилъ новаго повода къ гнѣву, или неудовольствію. При томъ Записка должна была оставаться тайною. Напротивъ Карамзинъ просилъ Дмитріева повторить Государю увѣреніе о своемъ безпредѣльномъ уваженіи и благодарности, какъ будто бъ между ними не произошло ничего отрицательнаго, а оно произошло, основываясь на свидѣтельствахъ современниковъ, и оставило, кажется, свой тяжелый слѣдъ, какъ увидимъ въ свое время!

Государь разгнѣвался на Карамзина, но вскорѣ послѣ того охладѣлъ явно и къ Сперанскому. Карамзинская записка не была, разумѣется, причиною охлажденія, прежде возникшаго, но могла имѣть нѣкоторое дѣйствіе.

Позволю себѣ войдти здѣсь, кстати, въ нѣкоторыя разсужденія.

Карамзинъ и Сперанскій, почти ровесники, — это два самые высшіе умы Русскіе въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Оба любили пламенно отечество, оба желали ему добра искренно, оба трудились безпримѣрно, оба готовы были на всякія жертвы,—и были не согласны между собою, мѣшали другъ другу. Такъ трудно *Русскимъ* людямъ, самымъ высшимъ, дѣйствовать сообща.

Какъ объяснить себѣ это!

Сперанскому не доставало Исторіи прошедшаго, а Карамзину недоставало настоящаго, современнаго знанія подробностей въ государственномъ механизмѣ. Я увѣренъ, что между ними было недоразумѣніе. Если-бъ случилось, чтобъ они сначала объяснились между собою, то, вѣрно, какъ умные, благонамѣренные и геніальные люди, поняли бы другъ друга, и изъ двухъ направленій образовалось бы одно, среднее, которое повело бы къ добру. Такъ не случилось къ прискорбію нашему,—такъ не случается часто.

Сперанскій, семинаристъ, увидѣлъ Французское законодательство, какъ Петръ первый Европу, очаровался, началъ преобразовывать. Карамзинъ, пройдя тысячу лѣтъ безпримѣрнаго въ Европейскихъ лѣтописяхъ Русскаго терпѣнія, и не находя по опыту ничего лучше, полезнѣе этого терпѣнія, не видя въ современномъ положеніи Русскаго общества другихъ обезпеченій успѣха, боялся ступить шагу не по столбовой дорогѣ, между тѣмъ Сперанскій готовъ былъ по проселкамъ мчаться хоть на тройкѣ.

Карамзинъ былъ въ своей запискѣ, говоря нынѣшнимъ языкомъ, консерваторъ, (охранитель), въ лучшемъ значеніи этого слова; Сперанскій—реформаторъ, (преобразователь), можетъ быть иногда поспѣшный и опрометчивый.

Надо присоединить еще различіе въ характерахъ: Карамзинъ былъ искрененъ и простодушенъ; Сперанскій хитръ и скрытенъ. Карамзинъ не имѣлъ ни какихъ отношеній, а Сперанскій былъ связанъ ими. Карамзинъ имѣлъ дѣло съ теоріей, а Сперанскій съ практикой. Карамзинъ имѣлъ положеніе, по своимъ занятіямъ, особое, независимое; Сперанскій былъ связанъ и людьми и вещами. У Карамзина заднихъ мыслей по природѣ не было и быть не могло; у Сперанскаго онѣ, можетъ быть, господствовали, хотя въ

благорамѣренности, въ искреннемъ желаніи добра, они не уступали можетъ быть другъ другу. Впослѣдствіи Карамзинъ отдалъ справедливость Сперанскому.

Съ тяжелымъ чувствомъ *(если показанія современниковъ вѣрны)* долженъ былъ выѣхать Карамзинъ изъ Твери, какъ ни утѣшала его, можетъ быть, Великая Княгиня. Вѣрно дорогою представлялись ему опасныя слѣдствія тѣхъ отношеній, въ кои сталъ онъ теперь съ Государемъ, о коихъ онъ вовсе и не думалъ прежде сгоряча, смотря на дѣло съ одной стороны отвлеченной, идеальной, піитической, открывая свою душу. Теперь, на оборотъ, оно представилось съ матеріальной, житейской—прозаической. Негодованіе Государя, отъ котораго зависѣла его судьба, судьба его семейства, его Исторіи, должно было тревожить его. Вѣрно никогда не дѣлалъ онъ этого путешествія, изъ Твери въ Москву, съ такимъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ.

Къ счастію—его чистая совѣсть, его кроткій характеръ, его способность углубляться въ свой предметъ, и забывать все окружающее, его преданность волѣ Провидѣнія, послужили ему, какъ всегда, успокоеніемъ, ободреніемъ.

Воротясь въ Москву, онъ тотчасъ принялся за свое дѣло, какъ будтобъ съ нимъ ничего не случилось. Онъ совершилъ великій гражданскій подвигъ, онъ написалъ безсмертное сочиненіе, онъ поставилъ противъ себя самодержавнаго Государя, да и позабылъ обо всемъ, нисколько необезпокоился, садясь за свой работный столъ, описывать времена Василія Темнаго.

«Отдыхалъ и отдыхаю,» писалъ онъ *къ Дмитріеву, отъ 9 Апрѣля*, послѣ Тверскихъ путешествій, «собираюсь съ мыслями, и стараюсь возвратиться въ свое прежнее мирное состояніе духа, т. е. отъ настоящаго къ давно-минувшему, отъ шумной существенности къ безмолвнымъ тѣнямъ, которыя нѣкогда также на землѣ шумѣли.»

12 Апрѣля. къ брату....» Исполняя волю любезнѣйшей Великой Княгини, я ѣздилъ опять въ Тверь, чтобы быть тамъ представленнымъ Государю, который и самъ приказалъ Ивану Ивановичу Дмитріеву написать ко мнѣ о желаніи своемъ видѣть меня въ этомъ городѣ. Осыпанный милостивыми привѣтствіями Императора, я читалъ ему нѣкоторыя мѣста изъ моей Исторіи. Онъ былъ доволенъ. Четыре раза обѣдали мы съ нимъ у Великой Княгини. Онъ звалъ меня и жену мою въ Петербургъ, и простился съ нами особенно въ кабинетѣ; даже предлагалъ намъ жить въ Аничковскомъ дворцѣ, который отдалъ Великой Княгинѣ. Милость велика; однакожъ, любезнѣйшій братецъ, я совсѣмъ не думаю ѣхать въ Петербургъ. Привязанность моя къ Императорской фамиліи должна быть безкорыстна: не хочу ни чиновъ, ни денегъ отъ Государя. Молодость моя прошла, а съ нею и любовь къ мірской суетности.»

Отъ 1 Мая. «Великая Княгиня зоветъ насъ въ Тверь. Люблю ее душевно, и признателенъ ко всѣмъ ея милостямъ; однакожъ, будучи усердным домосѣдомъ, не плѣняюсь мыслію скакать по большимъ дорогамъ, и жить дней по десяти въ праздности, и безпокоиться о дѣтяхъ. Время летитъ, а Исторія моя ползетъ. Хотѣлось бы дойти скорѣе хоть до Романовыхъ и напечатать, пока есть сила въ душѣ и зрѣніе въ глазахъ.»

30 Мая, къ брату. «Мы съ дѣтьми прожили въ деревнѣ только двѣ недѣли и возвратились въ Москву, съ тѣмъ, чтобы завтра ѣхать въ Тверь дней на восемь. Какъ ни пріятно намъ пользоваться милостію прелестной Великой Княгини, однакожъ грустно разставаться съ малютками, да и моя Исторія отъ того терпитъ. Впрочемъ, любя искренно Великую Княгиню, не могу не исполнить ея воли. Она пишетъ ко мнѣ самыя ласковыя письма, и желаетъ познакомить меня съ отцемъ Принца, который теперь у

нихъ гоститъ. Человѣкъ рѣдко-умный и добродѣтельный. Наполеонъ отнялъ у него Ольденбургское герцогство.»

«Политика наша все еще не ясна. Я желаю мира болѣе нежели когда-нибудь. По крайней мѣрѣ дай Богъ, чтобъ не было новой войны. Слышно, что Французамъ не хорошо въ Гишпаніи. Въ Португаліи они не смѣли атаковать Англичанъ и съ величайшею потерею ушли назадъ».

Тверскія путешествія отнимали у него дѣйствительно много времени, (въ Маѣ, Іюнѣ, Ноябрѣ), и въ этомъ отношеніи можетъ быть должно осудить нѣсколько его податливость и угодливость. Конечно приглашенія «Тверской полубогини» были очень любезны, но Исторія должна бы относиться къ нимъ строже. Ихъ можно оправдать развѣ тѣмъ, что онѣ служили Карамзину необходимымъ отдохновеніемъ.

«Послѣ трехъ путешествій въ Тверь отдыхаю за Исторіей,» писалъ онъ къ *Тургеневу*, отъ *21 Апрѣля*, «и спѣшу окончить Василія Темнаго: тутъ начинается дѣйствительная Исторія Россійской монархіи; впереди много прекраснаго.»

Въ этомъ письмѣ Карамзинъ благодаритъ Тургенева за присылку Устава съ книгою Вольтмана о Мюллерѣ:... «Ни Уставъ, ни Вольтманъ мнѣ не нравятся, въ томъ и другомъ наврано не мало. Можно-ли о мертвомъ и другѣ писать такія мерзости? Кромѣ злобы, что за пустая метафизика? *Всѣ учатъ какъ писать Исторію, а много-ли хорошихъ Исторій?* Мюллеръ безъ сомнѣнія дѣльно вооружился противъ метафизическаго бреда тамъ, гдѣ надлежитъ изображать дѣйствія и характеры. Мюллеръ былъ историкъ, и притомъ одинъ изъ лучшихъ; а Вольтманъ умный враль, и притомъ чернаго разбора Объ Уставѣ ни слова; объ Историческомъ обществѣ ни слова, кромѣ того, что я въ немъ не былъ, и не буду; ибо не люблю пустяковъ. Говорить-ли о К—вѣ? Онъ самъ себя нака-

зываетъ злобою: это чувство непріятно. По сіе время не удалось ему сдѣлать мнѣ зла; а что будетъ впредь, не знаю, и знать не хочу. Мщенія не люблю; довольствуюсь презрѣніемъ, и то невольнымъ».

«Иду впередъ съ петерпѣніемъ быть какъ можно далѣе», писалъ онъ къ брату, отъ *1 Августа*. «Старость приближается и глаза тупѣютъ: худо, если года въ три не дойду до Романовыхъ! Тутъ могъ бы я и остановиться, но да будетъ, какъ угодно Богу.»

Къ Дмитріеву, отъ *9 Августа*. «Работаю усердно, и готовлюсь описывать времена Ивана Васильевича! Вотъ прямо историческій предметъ! Доселѣ я только хитрилъ и мудрилъ, выпутываясь изъ трудностей. Вижу за собою несчастную степь Африканскую, а передъ собою величественныя дубравы, красивые луга, богатыя поля и проч. Но бѣдный Моисей не вошелъ въ обѣтованную землю!..»

20 Августа, къ брату. «Вы, любезнѣйшій братецъ, были въ пути, а мы постоянно жили на одномъ мѣстѣ, такъ что я по возвращеніи изъ Твери ни разу не заглянулъ въ Москву; не люблю города лѣтомъ, тѣмъ болѣе, что всегда какая-нибудь непріятность заставляетъ насъ туда ѣздить. Если будемъ здоровы, то располагаемся прожить въ деревнѣ до Октября. Скучно, что не имѣемъ своего дома въ городѣ, но не хочется купить его на земныя деньги, а доходовъ не остается. Имѣемъ теперь съ женою въ своемъ владѣніи тысячу душъ и нуждаемся, по неумѣренной дороговизнѣ всѣхъ вещей; да и впереди мало надежды къ лучшему».

«Я мѣсяца два хлопоталъ о дѣлѣ нашего молодаго Князя, у котораго экономическіе крестьяне, подкупивъ гражданскую палату, самымъ наглымъ образомъ отняли было землю. Это испортило у меня не мало крови. Странное время. Взяткобрательство сдѣлалось общимъ, и справедливость,

не подкрѣпленная деньгами, слаба, какъ соломенка. Мнѣ надобно было дѣйствовать всѣми баттареями, чтобы одержать верхъ надъ самыми глупыми плутами. Вотъ чѣмъ занимался нынѣшнимъ лѣтомъ Исторіографъ Россійскій! Не смотря на всѣ мои связи, я, право, ни въ чемъ не увѣренъ, кромѣ того, что люблю добро и честь.»

24 Ноября, въ день ангела Великой Княгини, Карамзинъ подарилъ ей альбомъ (Августѣйшей именинницѣ отъ Карамзина, Москва, 1811 г.), въ коемъ своею рукою написалъ избранныя мѣста изъ писателей.

Предложимъ замѣчаніе объ этомъ альбомѣ словами г. Лыжина, которому Русская Словесность обязана первымъ объ немъ извѣстіемъ:

...«Предстоявшее вторженіе Наполеона побудило, вѣроятно, Карамзина начать свой Альбомъ выпискою изъ Боссюета, содержаніе которой слѣдующее: Возникновеніе и паденіе государствъ зависитъ отъ воли Провидѣнія: оно руководитъ дѣйствіями мудрыхъ государей, оно-же даруетъ побѣду завоевателямъ и готовитъ имъ гибель въ то время, когда они взойдутъ на верхъ славы и могущества;—такъ что сами правители должны признать надъ собою власть, которая сильнѣе ихъ. Не смотря однако на эту немощность даже сильныхъ міра сего, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о судьбахъ человѣчества, мы не должны оставаться праздными зрителями: нашими дѣйствіями, какъ-бы они ни казались намъ самимъ малозначущими, должна управлять любовь къ отечеству; — и потому переходомъ отъ перваго отрывка къ послѣдующему служатъ въ альбомѣ выписки изъ Руссо и другихъ о любви къ отечеству. Она предписывается намъ чувствомъ благодарности къ согражданамъ, которые были нашею опорою въ дѣтствѣ, обусловливается сознаніемъ долга и даже вѣрно понимаемою пользою каждаго частнаго лица. Для того-же, чтобы понимать свою пользу

и быть счастливымъ, надо уяснить себѣ рядъ вопросовъ, возбуждаемыхъ жизнью: и вотъ Карамзинъ приводитъ нѣсколько мыслей изъ Попе и Іисуса, сына Сирахова, какъ образцы практической философіи. Стройность явленій въ мірѣ вещественномъ и духовномъ убѣждаетъ насъ въ существованіи Божества. Не пытаясь постичь его, обязанность каждаго смиряться и помышлять о томъ, чтобы сдѣлаться подобіемъ Его. Для этого-же необходимо опредѣлить, какими были люди до паденія, въ первобытномъ состояніи;—и потому Карамзинъ оканчиваетъ отдѣлъ, въ которомъ говорится объ обязанностяхъ человѣка относительно отечества и вѣры, Мильтоновымъ описаніемъ рая. Несовершенство людей обусловливаетъ необходимость власти, которая въ правѣ требовать отъ каждаго подданнаго, если не всегда любви, то покорности; но въ свою очередь принуждена бороться съ препятствіями, почти неопреодолимыми при помощи одного ума: доброта и щедрость увеличиваютъ требованія со стороны лицъ, приближенныхъ къ государю; низкопоклонство съ одной стороны заставляетъ его презирать людей, съ другой вредитъ ему самому; отсутствіе искренности въ совѣтникахъ затрудняетъ выборъ лицъ подвѣдомственныхъ, который по необходимости зависитъ отъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ. Все это и монарху напоминаетъ, что, если онъ хочетъ принести пользу народу, то долженъ съ молитвою обращаться къ Богу. Спрашивается: какъ-же всего успѣшнѣе можно править народомъ, которая-же изъ формъ правленія лучше другихъ?»

«Карамзинъ объявляетъ себя въ пользу самодержавія, мотивируя свое убѣжденіе словами Руссо: найдти форму правленія, которая поставила-бы законъ выше человѣка—это задача, не менѣе не разрѣшенная, чѣмъ квадратура круга; и потому надо перейдти къ другой крайности и поставить вдругъ человѣка выше всякаго закона, т. е.

установить неограниченнѣйшее самодержавіе. Статья XIV состоитъ изъ ряда мыслей Помпиньяна, Бюффона, Паскаля, Монтэня, книги Іова. Большая часть этихъ изрѣченій выписана съ цѣлью подкрѣпить авторитетомъ писателей, пользующихся извѣстностью, взглядъ самого Карамзина на государственные вопросы, занимавшіе въ то время умы. Въ чемъ-же заключалась правительственная теорія людей, подобныхъ Карамзину? Вотъ главныя ея начала: не стѣснять дѣятельности народа ненужными, скорѣе вредными, чѣмъ полезными предосторожностями; не увлекаясь толпою, (подъ которою Карамзинъ подразумѣвалъ конечно и многихъ знатныхъ господъ), держаться разъ избраннаго пути, не поддерживать и не вводить того, что̀ не согласно съ духомъ времени и народа, не измѣнять безъ нужды постановленій, освященныхъ временемъ. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ Карамзинъ сообщаетъ свои воззрѣнія на отношенія частныхъ лицъ другъ къ другу, и содержаніе послѣдняго отдѣла составляютъ въ Альбомѣ статьи о добродѣтельномъ образѣ дѣйствій, безъ котораго не мыслимы ни семейное счастье, ни дружба.»

«Первая выписка изъ Боссюета должна была напомнить, что міровыя событія зависятъ отъ воли Провидѣнія, и что потому надо смотрѣть на будущее довѣрчиво. Въ послѣдней, которая примыкаетъ къ изображенію семейнаго счастія и дружбы, Карамзинъ снова напоминаетъ о «Ветхомъ деньми, молніи Котораго благотворны. Съ дѣтскимъ трепетомъ должны мы глядѣть на нихъ и не забывать, что мы не болѣе какъ одно лишь звѣно въ цѣлой цѣпи поколѣній».

Присоединимъ еще нѣсколько замѣчаній автора: Записка о древней и новой Россіи написана съ цѣлью доказать, что установившіяся у насъ государственныя формы коренятся въ Исторіи, и потому насильственное ихъ измѣненіе даже со стороны самой власти ничѣмъ-бы не оправды-

валось; въ Альбомѣ выставляются преимущества самодержавія передъ конституціоннымъ правленіемъ, и въ то же время первому противуполагается недостижимая впрочемъ форма правленія, въ которой бы законъ стоялъ выше человѣка. И такъ Кантъ и Карамзинъ требовали отъ правительства, во первыхъ, уваженія къ тому, что развилось исторически, и во вторыхъ, рѣшимости ограничить кругъ своей дѣятельности строгою бдительностью за тѣмъ, чтобы насиліе и самовластіе, съ чьей-бы стороны ни было, не препятствовали частнымъ лицамъ совершенствоваться нравственно.»

«Понятенъ этотъ образъ мыслей обоихъ, если припомнить, что передовые люди 19-го вѣка къ тому лишь одному и стремились, чтобы въ основаніи государства легла идея справедливости. Сочувствуя свободному развитію народа, при бдительномъ лишь правительствѣ, Карамзинъ не скрывалъ своего удивленія къ Екатеринѣ и нѣкотораго нерасположенія къ Петру. Впрочемъ ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что Карамзинъ обрекалъ правителей на какую-то пассивность. Нѣтъ, онъ возлагалъ на нихъ обязанность: не плѣняться ни блескомъ силы военной, ни однимъ матеріальнымъ развитіемъ націи, а любить ее.— Какъ же понималъ Карамзинъ послѣднее, объ этомъ дадутъ понятіе слѣдующія слова Канта: «любовь,—какъ долгъ относительно человѣчества—не есть эстетическое чувство, заставляющее насъ радоваться при видѣ совершенства другихъ людей: она есть правило доброжелательности, влекущая за собою добрыя дѣла».

«Не стану распространяться далѣе о сходствѣ идей Карамзина съ идеями Канта; замѣчу только, что оно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Карамзинъ слѣдилъ за современнымъ ему развитіемъ философіи на Западѣ, и, издавна знакомый съ сочиненіями Руссо, онъ не могъ не

остановить вниманія на ученіи мыслителя, значеніе котораго, какъ практическаго философа, заключается именно въ томъ, что онъ формулировалъ идеи Руссо, конечно отчасти видоизмѣнивъ ихъ.»

26 Декабря къ брату.... «У насъ удивительная зима. Термометръ не показываетъ болѣе четырехъ или пяти градусовъ холода. Дороги худы и не мало болѣзней. Въ Москвѣ на сихъ дняхъ умерло нѣсколько извѣстныхъ людей скоропостижно, ударомъ: Князь Иванъ Сергѣевичъ Борятинскій, Князь Егоръ Алексѣевичъ Голицынъ и проч. Это многихъ пугаетъ; но когда-же смерть у насъ не за плечами?»

«Дороговизна у насъ и вездѣ возрастаетъ, и мы, неимущіе деревень на пашнѣ, ни фабрикъ, ни заводовъ, часъ отъ часу становимся бѣднѣе. Ждали мира, но до сего времени тщетно, хотя и не теряемъ надежды. Это имѣло бы хорошія слѣдствія. Французскія дѣла въ Гишпаніи еще не близки къ концу.

«Наполеонъ теряетъ тамъ множество людей и денегъ. Однимъ словомъ, всѣ теряютъ; а кто выигрываетъ, не знаю. Надобно утѣшиться вѣрою, что все къ лучшему».

Между тѣмъ работа шла у Карамзина, кажется очень споро, особенно послѣ тяжкой болѣзни въ Августѣ, такъ что въ *Февралѣ* 1812 года онъ писалъ къ *Тургеневу:* «Я теперь здоровъ,—готовлюсь перейдти въ XVI вѣку. Мнѣ сказывали, что у Лерберга есть Англійскій переводъ Арабскаго географа Гаукала: не можетъ ли онъ прислать его мнѣ недѣли на двѣ»?

Около этаго времени, молодой изслѣдователь Русской Исторіи, который принесъ ей столько пользы, К. Ѳ. Калайдовичъ, имѣлъ счастіе представиться Исторіографу, и былъ имъ обласканъ, ободренъ къ трудамъ. Вотъ какъ онъ самъ вспоминаетъ о томъ въ письмѣ къ С. Н. Глинкѣ:

«Много, много я обязанъ тогдашнему Обществу Исторіи и древностей Россійскихъ и достопочтенному нашему предсѣдателю, Платону Петровичу Бекетову; несравненно болѣе Исторіографу Карамзину. Онъ тогда жилъ въ Москвѣ и писалъ Исторію отечества. Я часто ходилъ къ нему: онъ меня любилъ; всегда укрѣплялъ на томъ пути, на который я не имѣлъ и не могъ еще стать прочною ногою. Полный любовію къ славѣ Россіи, вопрошатель и судія (вѣковъ) давно почившихъ, окрылялъ онъ мою душу святымъ восторгомъ, и къ пылу юности приливалъ огня божественнаго».

Предлагаемъ изображеніе Карамзина, начертанное Жуковскимъ въ посланіи къ Дмитріеву, который не задолго предъ тѣмъ поселился въ Москвѣ.

—

Жуковскій, говоритъ. М. А. Дмитревъ, воспоминаетъ о домѣ. И. И. Дмитріева, сгорѣвшемъ во время нашествія иноплеменниковъ, и объ обществѣ, собиравшемся въ его саду. За чаемъ, подъ тѣнію широкой липы.

Сколь часто прохлажденный
Сей тѣнью Карамзинъ,
Нашъ Ливій Славянинъ,
Какъ будто вдохновенный,
Предъ нами разрывалъ
Завѣсу лѣтъ минувшихъ,
И смертнымъ сномъ заснувшихъ
Героевъ вызывалъ
Изъ гроба передъ нами!
Съ подъятыми перстами,
Со пламенемъ въ очахъ,
Подъ сѣрымъ юберрокомъ,
И въ пыльныхъ сапогахъ,
Казался онъ пророкомъ,
Открывшимъ въ небесахъ
Всѣ тайны ихъ священны!

«Я видалъ Карамзина въ этомъ видѣ, съ поднятыми перстами и съ пламенемъ въ очахъ. Изображеніе очень вѣрно».

«Въ первый разъ я узналъ Карамзина», продолжаетъ М. А. Дмитріевъ, «5 іюня 1812 г. когда я еще былъ въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Онъ пріѣзжалъ къ начальнику пансіона, Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому, и пожелалъ меня видѣть, сколько по дружбѣ своей съ моимъ дядей, столько и по воспоминанію о моемъ отцѣ. Мнѣ было тогда 16 лѣтъ. Я смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ: такимъ уваженіемъ я былъ преисполненъ къ его сочиненіямъ, которыя были мнѣ извѣстны съ малолѣтства, такъ привыкъ я слышать въ нашей семьѣ его имя, повторяемое съ уваженіемъ къ его дарованіямъ. Пришедши назадъ въ пансіонъ, я записалъ все, что Карамзинъ говорилъ, и сохранилъ донынѣ эту тогдашнюю записку».

«Не было человѣка обходительнѣе и добрѣе Карамзина въ обращеніи. Голосъ краснорѣчивѣйшаго нашего писателя былъ громокъ и благозвученъ. Онъ говорилъ съ необыкновенною ясностью; спорилъ горячо, но логически, и никогда не сердился на противорѣчія.

Вскорѣ начались опасенія военныя».

Отъ 6 марта, 1812 года, писалъ Карамзинъ къ *брату:*

«Мира съ Турками нѣтъ, и мы готовимся къ войнѣ съ Французами. Надобно молиться Богу. Слышно, что самъ Государь будетъ командовать арміею, и выѣдетъ изъ Петербурга 13 или 15 нынѣшняго мѣсяца. Любя отечество, съ усердіемъ къ его цѣлости и славѣ, я стараюсь успокоивать себя вѣрою въ Провидѣніе. Мы живемъ во времена трудныя. Небо не хочетъ проясниться надъ нами. Великая Княгиня уѣхала въ Петербургъ. Я былъ въ Твери на одинъ день, и простился съ нею на долго, какъ думаю. Она останется въ Петербургѣ».

«Я нѣсколько разъ былъ нездоровъ, между тѣмъ работаю, и стараюсь не давать воли своимъ печальнымъ мыслямъ».

Отъ 28 мая.... «Исторія Сперанскаго есть для насъ тайна. Публика ничего не знаетъ. Думаютъ, что онъ уличенъ въ нескромной перепискѣ. Его всѣ бранили, теперь забываютъ. Ссылка похожа на смерть. Французскія войска стоятъ по Вислѣ, наши отъ Галиціи до Курляндіи. Война кажется неизбѣжною. Наполеонъ въ Дрезденѣ, и скоро будетъ въ арміи. Дѣла его въ Гишпаніи идутъ худо. Что будетъ, извѣстно одному Богу!»

Война съ Наполеономъ началась.

Въ Іюнѣ перейденъ Неманъ. Императоръ Александръ собрался ѣхать въ Вильну. Онъ хотѣлъ вызвать къ себѣ Карамзина въ званіи Государственнаго секретаря. Балашевъ, выходя изъ кабинета, сказалъ Дмитріеву, (отъ котораго, равно какъ и отъ Блудова, это я слышалъ), что колеблется выборъ между Карамзинымъ и Шишковымъ, въ должность Государственнаго секретаря. Рѣшено облечь въ это, важное для того времени званіе, Шишкова, на котораго указалъ, кажется, самъ Балашевъ. Шишковъ производилъ въ это время въ Петербургѣ восторгъ своимъ разсужденіемъ о любви къ отечеству, читаннымъ въ Русской Бесѣдѣ.

Обстоятельства день отъ дня становились тревожнѣе.

Отъ *5 Іюля* Карамзинъ писалъ къ *брату:* «Мнѣ бываетъ иногда очень, очень грустно, и я совсѣмъ не могу заниматься обыкновенною моею работою.»

Наполеонъ шелъ быстро впередъ. Русскіе войска отступали. Карамзинъ переселился изъ деревни въ Москву.

Отъ *29 Іюля* писалъ онъ къ *брату*: «Живемъ въ неизвѣстности. Ждемъ главнаго сраженія, которое должно рѣшить участь Москвы. Добрые наши поселяне идутъ на

службу безъ роптанія. Безпокоюсь о любезномъ отечествѣ, безпокоюсь также о своемъ семействѣ: не знаю что съ нами будетъ. Мы положили не выѣзжать изъ Москвы безъ крайности: не хочу служить примѣромъ робости. Пріятели * ссудили меня деньгами. О происшествіяхъ вы знаете по газетамъ. Главная наша армія около Смоленска. По сю пору въ частныхъ дѣлахъ мы одерживали верхъ, хотя и не безъ урона: теперь все зависитъ отъ общей битвы, которая недалека.»

Сраженія подъ Смоленскомъ не остановили непріятеля, который приближался къ Москвѣ. Карамзинъ отпустилъ жену съ дѣтьми въ Ярославль, гдѣ находилась тогда Великая Княгиня.

Отъ 7 Августа писалъ онъ къ ней.... «Вчера не хотѣлъ писать чувствуя грусть. Принималъ у себя гостей. Обѣдалъ у графа. Вечеръ дома съ Геймомъ, Жуковскимъ и Княземъ.... Главная квартира наша въ Вязьмѣ или около. Кутузовъ долженъ быть уже тамъ.»

Московскій градоначальникъ, его старинный благопріятель, Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ, пригласилъ его жить къ себѣ въ домъ, въ Сокольникахъ.

«Готовъ умереть за Москву, если такъ угодно Богу,» писалъ онъ къ *Дмитріеву отъ 20 Августа*, «наши стѣны ежедневно болѣе и болѣе пустѣютъ, Уѣзжаетъ множество. Хорошо, что имѣемъ Градоначальника умнаго и добраго, котораго люблю искренно какъ патріотъ патріота: я радъ сѣсть на своего сѣраго, коня, и вмѣстѣ съ Московскою удалою дружиною примкнуть къ нашей арміи. Не говорю тебѣ о чувствахъ, съ которыми я отпускалъ мою безцѣнную подругу и малютокъ: можетъ быть въ здѣшнемъ мірѣ уже не увижу ихъ! Впрочемъ душа моя довольно тверда,

* Николай Селиверовичъ Муромцовъ далъ Карамзину въ займы 10 тысячъ рублей.

я простился и съ Исторіей: лучшій и полный экземпляръ ея сдалъ женѣ, а другой въ Архивъ Иностранной Коллегіи. Теперь безъ Исторіи и безъ дѣла читаю Юма о происхожденіи идей!! Многіе изъ нашихъ общихъ знакомыхъ уже въ бѣгахъ. Я благословилъ Жуковскаго на брань: онъ вчера выступилъ отсюда на встрѣчу къ непріятелю.»

Еще прежде благословилъ онъ на войну молодаго изслѣдователя, К. Ѳ. Калайдовича, который пишетъ объ этомъ такъ въ письмѣ къ Глинкѣ:

«Карамзинъ въ это время жилъ въ 30 верстахъ отъ столицы, въ селѣ князя Вяземскаго, Астафьевѣ. Я нетерпѣливо желалъ его видѣть до моего отъѣзда въ армію. На лицѣ его я прочелъ нѣкоторое уныніе, соединенное съ надеждою несомнѣнною. Историографъ унялъ меня на цѣлый день; прощаясь со мною заплакалъ и сказалъ: Если-бы я имѣлъ взрослаго сына, въ это время ничего не могъ бы пожелать ему лучшаго.»

Къ женѣ, отъ 21 Августа.... «Живу четвертый день у Графа, на лѣво отъ гостинной. Армія наша приближается къ Москвѣ, и вступила въ Гжать. Вязьма сожжена, и въ рукахъ непріятеля. Будетъ-ли сраженіе, незнаютъ, хотя и пріѣхалъ Кутузовъ. Вообрази, что правителемъ канцеляріи у него Фуксъ! Этотъ выборъ мнѣ весьма не нравится.»

23 Августа.... «Думаю, что мнѣ нельзя было иначе, хотя пребываніе мое здѣсь и безполезно для отечества. Покрайней мѣрѣ неуподоблюсь трусамъ, и служу примѣромъ государственной, такъ сказать, нравственности.»

«Вчера пріѣзжалъ сюда Платовъ на нѣсколько часовъ, думая найдти здѣсь Государя, и опять уѣхалъ въ армію. Привезли уже около 3 т. раненыхъ. Не отпускай лошадей въ деревню. Будь готова къ отъѣзду.»

«Князь Петръ ѣдетъ къ своему генералу Милорадовичу. Мы простились.»

25 Августа. «Вчера непріятель въ 115 верстахъ атаковалъ нашъ арріергардъ. Ставятъ 5 тыс. лошадей на станціяхъ отъ Москвы до Можайска для раненыхъ».

26 Августа, въ понедѣльникъ. «Знаемъ, что наши дерутся сильно на лѣвомъ флангѣ».

27 Августа, во вторникъ. «Вчера въ 10 часу началось ужасное сраженіе, и кончилось ночью».

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ девять часовъ.

«Мы удержали мѣсто, но, вѣроятно, отступили для приведенія арміи въ новое устройство. Непріятель также разстроенъ».

Въ тотъ же день писалъ Карамзинъ къ *брату:*

...«Живу у гр. Ростопчина, но *безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы.* Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ: для этого не выѣду изъ Москвы, пока все не рѣшится. Вчера началось кровопролитнѣйшее сраженіе, и нынѣ возобновилось. Слышно, что мы еще удерживаемъ мѣсто. Убитыхъ множество; Французовъ болѣе. Изъ нашихъ генераловъ ранены: Багратіонъ, Воронцовъ, Горчаковъ, Коновницынъ. Съ обѣихъ сторонъ дерутся отчаянно: Богъ да будетъ намъ поборникъ! Черезъ нѣсколько часовъ окажется, что Россія спасена, или что она пала. Я довольно здоровъ и твердъ: многіе кажутся мнѣ малодушными. Вѣрно, что есть Богъ! Участь моя остается въ неизвѣстности. Буду-ли еще писать къ вамъ, не знаю; но благодарю Бога за свое доселѣ хладнокровіе, не весьма обыкновенное для моего характера. Чѣмъ ближе опасность, тѣмъ менѣе во мнѣ страха. Опытъ знакомитъ насъ съ самими нами.»...

Въ домѣ Графа Ростопчина, увидѣлъ Карамзина А. Я. Булгаковъ, воротясь изъ арміи съ извѣстіями, и описалъ свою встрѣчу въ любопытной статьѣ, которую мы здѣсь и передадимъ сполна:

«Съ утра другаго дня (27 Августа) былъ я у Графа, жившаго тогда въ Сокольничьей рощѣ на дачѣ своей, предъ симъ Графу Брюсу принадлежавшей. Онъ былъ блѣденъ, на лицѣ его изображалось волненіе души его, особенно когда приходили ему докладывать, (а это случалось весьма часто), что привезена еще партія раненыхъ изъ арміи».

«....Отворилась дверь кабинета и къ намъ вошли Николай Михайловичъ Карамзинъ и Сенаторъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій. Графъ ихъ обоихъ отлично любилъ и уважалъ, и они имѣли во всякое время свободный къ нему доступъ. Разговоръ продолжался еще болѣе получаса о томъ же предметѣ. Я никогда не забуду пророческихъ изрѣченій нашего Исторіографа, который предугадывалъ уже тогда начало очищенія Россіи отъ несноснаго ига Наполеона. — Карамзинъ скорбѣлъ о Багратіонѣ, Тучковыхъ, Кутайсовѣ, объ ужасныхъ нашихъ потеряхъ въ Бородинѣ, и наконецъ прибавилъ: «Ну, мы испили до «дна горькую чашу.... Но за то наступаетъ начало *его* «и конецъ нашихъ бѣдствій. Повѣрьте, Графъ: обязанъ «будучи всѣми успѣхами своими дерзости, Наполеонъ отъ «дерзости и погибнетъ!» — Казалось, что прозорливый гласъ Карамзина открывалъ уже вдали убійственную скалу Св. Елены! Въ Карамзинѣ было что-то вдохновеннаго, увлекательнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ отраднаго. Онъ возвышалъ свой пріятный мужественный голосъ; прекрасные его глаза, исполненные выраженія, сверкали. Въ жару разговора онъ часто вставалъ вдругъ съ мѣста, ходилъ по комнатѣ, все говоря; и опять садился. Мы слушали молча. Нелединскій такъ былъ тронутъ, что я не одинъ разъ замѣчалъ слезы на его глазахъ.»

«Графъ Растопчинъ тоже слушалъ невозражая ничего, но какъ скоро ненавистное для него имя Наполеона по-

разило слухъ его, лицо его тотчасъ перемѣнилось, покраснѣло, и онъ сказалъ Карамзину съ досадою: Вы увидите, что онъ вывернется!»

«Разговоръ такъ былъ серьезенъ, что *лестный* титулъ, коимъ Графъ возвеличилъ Наполеона, не заставилъ никого изъ насъ даже усмѣхнуться, и Карамзинъ, какъ бы не вслушавшись въ оный, съ какимъ-то твердымъ убѣжденіемъ возразилъ: Нѣтъ, Графъ! тучи, накопляющіяся надъ главою его, врядъ ли разойдутся!.... У Наполеона все движется страхомъ, насиліемъ, отчаяніемъ; у насъ все дышетъ преданностію, любовію, единодушіемъ....Тамъ сборъ народовъ, имъ угнетаемыхъ, и въ душѣ его ненавидящихъ; здѣсь одни Русскіе.... Мы дома, онъ какъ бы отъ Франціи отрѣзанъ. Сегодня союзники Наполеона за него, а завтра они всѣ будутъ за насъ!.... Можно-ли думать, чтобы Австрійцы, Прусаки, охотно дрались противъ насъ? Зачѣмъ будутъ они кровь свою проливать? Для того-ли, чтобъ утвердить еще болѣе гибельное, гнусное могущество всеобщаго врага? Нѣтъ! не можетъ долго продлиться положеніе содѣлавшееся для всѣхъ нестерпимымъ! Карамзинъ былъ въ большомъ волненіи: онъ остановился, задумался и прибавилъ: *одного можно бояться!* Всѣ молчали и искали угадать смыслъ сихъ послѣднихъ таинственныхъ словъ,—какъ Ростопчинъ вдругъ воскликнулъ: Вы боитесь, чтобы Государь не заключилъ мира»?

— Вотъ одно чего бояться можно, отвѣчалъ Карамзинъ. Но этотъ страхъ не имѣетъ основанія. Всѣ политическія уваженія, всѣ посторонніе прописки, уступятъ прозорливости Государя нашего. Впрочемъ не далъ ли онъ намъ и цѣлому свѣту торжественный залогъ въ Манифестѣ своемъ?... Онъ меча не положитъ.... не возметъ пера, покуда Россія будетъ осквернена присутствіемъ новыхъ Вандаловъ.»

«Въ Карамзинѣ тоже начиналъ развиваться жаръ, волновавшій Ростопчина; разговоръ его продолжался не съ

прежнимъ уже хладнокровіемъ, и онъ началъ проклинать Наполеона, какъ бичъ, Богомъ ниспосланный.»

«Достопамятное сіе утро останется всегда въ памяти моей. Я тогда же слова Карамзина передалъ немедленно на бумагу, но увѣренъ, что онѣ и безъ того глубоко бы врѣзались въ душу мою. Продолжая разговоръ свой, онъ дѣлалъ прекрасное, истинно-піитическое сравненіе между положеніемъ и душевными качествами Императора Александра и Наполеона, какъ въ ту минуту, къ сожалѣнію, пришли доложить, что насъ ждутъ къ обѣду.»

«Когда гости разъѣхались, то Графъ пошелъ со мною въ свой кабинетъ, и началъ разговоръ сими словами: Comment avez vous trouvé Karamzine tantôt? N'est ce pas, qu'il y avait beaucoup d'extase poétique dans ce qu'il disait! (Какъ вамъ показался давича Карамзинъ? Не правда-ли, что въ его рѣчахъ слишкомъ много было поэтическаго восторга?) — Конечно, будущее сокрыто отъ всѣхъ, отвѣчалъ я; но Карамзинъ излагаетъ мысли свои и чувства убѣдительно, пламенно, и желательно было бы, чтобы всѣ Русскіе одинаково съ нимъ мыслили».

— Какъ ни убѣдительны, а можетъ быть и справедливы разсужденія Карамзина,—возразилъ Графъ; но я болѣе дамъ вѣры словамъ и мнѣнію военныхъ. Платовъ и Васильчиковъ боятся за Москву: неизвѣстно, станутъ-ли ее отстаивать! Другаго Бородина ожидать нельзя, а ежели падетъ Москва,... что будетъ послѣ? Мысль эта не даетъ мнѣ минуты покоя! Послѣдствій нельзя исчислить.»

До сихъ поръ Булгаковъ.

Карамзинъ былъ увѣренъ, что Москва спасется:

«Ты удивляешься неосторожности Москвитянъ,» писалъ онъ послѣ къ Дмитріеву, *отъ 26 Ноября*, «но отцы и дѣды наши умерли, а мы дожили почти до старости безъ помышленія о томъ, чтобы непріятель могъ добраться до

святыни Кремлевской: не хотѣлось трусить въ собственныхъ лазахъ своихъ; насъ увѣряли, ободряли, клялись сѣдыми волосами,»...

По свидѣтельству графа Блудова, отъ котораго я это слышалъ, Карамзинъ, въ искреннихъ бесѣдахъ съ графомъ Ростопчинымъ, возставалъ однакожъ противъ его намѣренія сжечь Москву. Разумѣется, кротость и человѣколюбіе его не могли помириться съ такою страшною мѣрою.

Послѣдствія доказали вскорѣ справедливость опасеній Графа Ростопчина.

29 Августа писалъ Карамзинъ *къ женѣ*: «Непріятель въ 80 верстахъ. Мы отступаемъ. Графиня завтра ѣдетъ. Графъ переѣзжаетъ на Тверскую. Сенатъ и присутственныя мѣста закрываются. Князь Петръ нашъ возвратился изъ арміи, и, слава Богу, не раненъ».

30 Августа. «Вижу зрѣлище разительное: тишину ужаса, предвѣстницу бури. Въ городѣ встрѣчаются только обозы съ ранеными и гробы съ тѣлами убитыхъ. Теперь я видѣлъ князя Лобанова, котораго участь являться позже для дѣла: за нимъ полки рекрутъ».

31 Августа. «Нынѣшнюю ночь видны были здѣсь огни нашей арміи. Надежды мало. Графиня сію минуту ѣдетъ въ Ярославль».

Карамзинъ выѣхалъ наканунѣ вступленія Французовъ, не принявъ никакихъ мѣръ для сохраненія даже своей библіотеки. «Я жилъ тамъ до 1-го Сентября,» писалъ онъ къ Тургеневу, «когда *наша армія предала ее въ жертву непріятелю*. Что мы видѣли, слышали, чувствовали въ то время!»

Въ этихъ словахъ слышится еще его негодованіе, точно какъ и въ письмѣ къ *Дмитріеву, отъ 11 Октября:* «Выѣхалъ изъ Москвы въ тотъ день, когда наша армія *предала ее въ жертву непріятелю*».

Карамзинъ, кажется, упалъ тогда духомъ, по крайней мѣрѣ, на первое время. Въ Ярославлѣ онъ нашелъ свое семейство. Онъ сказалъ тамъ однажды, разумѣется, въ минуту досады или негодованія, вопреки тому, что самъ говорилъ прежде (см. выше, с. 100.): si nous ne savons pas faire la guerre, il faut faire la paix.

Такъ ошибаются иногда свѣтлые умы и горячія сердца, отличаясь только тѣмъ, что они легко и охотно сознаются въ своихъ ошибкахъ. Кажется, Карамзинъ самъ почувствовалъ это, сказавъ, послѣ въ разговорѣ о назначеніи Шишкова, вмѣсто его, по первому предположенію, Государственнымъ Секретаремъ: «Все къ лучшему; можетъ быть, находясь при Государѣ, я сталъ бы вступаться въ дѣла и подалъ бы совѣты, которые оказались бы вредными.»

Карамзинъ переѣхалъ съ семействомъ изъ Ярославля въ Нижній, и вскорѣ принялъ рѣшеніе ѣхать оттуда на поприще дѣйствій. «Думаю», писалъ онъ *къ Дмитріеву, отъ 11 Октября*, «опять странствовать, но только безъ жены и дѣтей, и не въ видѣ бѣглеца, но съ надеждою увидѣть пепелище любезной Москвы. Графъ П. А. Толстой предлагаетъ мнѣ итти съ нимъ и съ здѣшнимъ ополченіемъ противъ Французовъ. Обстоятельства таковы, что всякій можетъ быть полезенъ, или имѣть эту надежду. Обожаю подругу, люблю дѣтей, но мнѣ больно смотрѣть издали на происшествія, рѣшительныя для нашего отечества; осудишь ли меня? По тому же побужденію я и въ Москвѣ оставался. Вѣрю Провидѣнію. Не буду говорить много, хотя и съ другомъ.»...

У насъ любятъ сравненіе изъ Римскаго міра. Это намѣреніе писателя, историка, отца семейства, почти старика, есть великая черта,—оставшаяся до сихъ поръ неизвѣстною,—предъ которой нельзя не благоговѣть.

Карамзинъ не успѣлъ исполнить своего патріотическаго

намѣренія, которое оказалось ненужнымъ. Обстоятельства обратились скоро въ нашу пользу. Москву Французы принуждены были оставить.

Карамзинъ писалъ къ князю *Вяземскому*, отъ *16 Октября*: «Поздравляю съ освобожденіемъ Москвы: вчера узнали мы, что Наполеонъ вышелъ изъ нея, заслуживъ проклятіе вѣковъ. Что-то будетъ! Теперь работа мечу, а тамъ работа уму.—...Я собирался было идти отсюда съ ополченіемъ къ Москвѣ, чтобы участвовать въ ея предполагаемомъ освобожденіи, но *дѣло обошлось и безъ меча исторіографскаго*».

Такъ точно писалъ онъ и къ *Дмитріеву*, *отъ 28 Октября*: «Москва возвратилась намъ *безъ меча исторіографа*: остаюсь съ своимъ семействомъ въ Нижнемъ».

Въ письмѣ *отъ 11 Октября* онъ увѣдомляетъ Дмитріева: «Вся моя библіотека обратилась въ пепелъ, но Исторія цѣла: Камоэнсъ спасъ Лузіаду. Жаль многаго, а Москвы всего болѣе: она возрастала семь вѣковъ! Въ какое время живемъ. Все кажется сповидѣніемъ.»

Къ брату, *отъ 16 Октября*. «Вчера курьеръ отъ Владимирскаго губернатора привезъ намъ извѣстіе, что Наполеонъ совсѣмъ вышелъ изъ Москвы, подорвавъ Грановитую палату, и направилъ адскія стопы свои къ Смоленску, захватывая и Калужскую дорогу. Надобно ждать кровопролитной битвы. Злодѣй ѣдетъ не по розамъ, а по трупамъ. Дѣло еще не кончилось, но, кажется, что Богъ не совсѣмъ оставилъ Россію.—...Я ѣздилъ въ свою деревню, и видѣлъ много жалкаго; не знаю, чѣмъ будемъ жить. Но главное то, чтобы спаслась Россія.»

«Какъ ни жаль Москвы,» писалъ онъ *къ Дмитріеву* отъ *26 Ноября*, «какъ ни жаль нашихъ мирныхъ хижинъ, и книгъ, обращенныхъ въ пепелъ, но слава Богу, что отечество уцѣлѣло, и что Наполеонъ бѣжитъ зайцемъ

пришедши тигромъ.» (Продолженіе этого письма см. выше, с. 101, а окончаніе здѣсь, ниже).

Карамзинъ радовался успѣхамъ, но долго не могъ примириться съ Русскими военоначальниками за неожиданную сдачу Москвы, и не отдавалъ имъ должной справедливости. Вѣроятно имѣло здѣсь вліяніе, мнѣніе о Кутузовѣ Ростопчина, котораго онъ увидѣлъ вблизи, и весьма уважалъ. («Скажи графу Ростопчину», писалъ онъ къ Дмитріеву:» сколько искренно люблю его и почитаю: у него благородная патріотическая душа»).

«Французы истребляются рукою неба, а не нашимъ умомъ и мужествомъ», писалъ онъ къ брату. «Послѣднія извѣстія отъ Кутузова были изъ Минска: онъ надѣялся скоро быть въ Вильнѣ. Наполеонъ все еще бѣжитъ. Жаль только, что его упустили... Онъ могъ бы погибнуть на Березинѣ, между Витгенштейномъ и Чичаговымъ. Думаютъ, что мы займемъ Варшавское герцогство: хорошо бы! Однакожъ новая компанія повидимому ожидаетъ насъ.»

Къ Дмитріеву, отъ *28 Октября*. «Живемъ день за день, не зная, что будетъ съ нами. Я теперь, какъ растеніе, вырванное изъ корня: лишенъ способовъ заниматься, и едва-ли, когда нибудь, могу возвратиться къ своимъ прежнимъ мирнымъ упражненіямъ. Не знаю даже и того, какъ и гдѣ буду жить.»

Отъ 26 Ноября, къ Дмитріеву. «Съ нетерпѣніемъ жду, чѣмъ заключится эта удивительная компанія. Есть Богъ; Онъ наказываетъ и милуетъ Россію... Еще не знаю, гдѣ буду жить, на Московскомъ пепелищѣ, или въ Петербургѣ, гдѣ единственно могу продолжать Исторію, т. е. найдти нужныя для меня книги, утративъ свою библіотеку. Теперь еще не могу тронуться съ мѣста: не имѣю денегъ, а крестьяне не даютъ оброка по нынѣшнимъ труднымъ обсто-

ятельствамъ. Между тѣмъ боюсь загрубѣть умомъ, и лишиться способности къ сочиненію. Невольная праздность изнуряетъ мою душу. Такъ угодно Богу. Авось весною найду способъ воскреснуть для моего исторіографскаго дѣла и выѣхать отсюда. Здѣсь худо для насъ книжныхъ людей; здѣсь и Степенная книга мнѣ въ диковинку».

Къ Дмитріеву, 18 Декабря, 1812 г. «Очень, очень желаю не только ѣхать въ Петербургъ, но и поселиться тамъ, по крайней мѣрѣ, въ ожиданіи, когда Москва сдѣлается обитаемою. Время для меня дорого: склоняюсь къ старости, нѣсколько лѣтъ еще могу писать, пять, шесть, если Богу угодно; а тамъ на покой, временный или вѣчной: слѣдственно надо пользоваться днями и часами для довершенія моего исторіографства. Здѣсь я теряю время, не имѣя нужныхъ книгъ; — только въ Петербургѣ могу продолжать работу. ...Грущу и по своей библіотекѣ, которую я собиралъ четверть вѣка. Утѣшаюсь только мыслію, что Богъ чрезъ насъ истребляетъ всемірнаго злодѣя. Россійская Исторія можетъ сдѣлаться еще любопытнѣе. Я былъ не здоровъ... Теперь опять гуляю на конѣ по высокимъ берегамъ Волги».

Января 14-го, 1813 года, къ Дмитріеву. «Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, съ наступившимъ годомъ, желая, чтобы онъ стоплъ Россіи и намъ менѣе крови и слезъ, пролитыхъ въ теченіи минувшаго. Несчастіе нашей любезнѣйшей Великой Княгини искренно оплакивается нами. Не знаю, гдѣ она, въ Твери ли, въ Петербургѣ ли? Устоитъ ли ея молодость и здоровье въ этой бурѣ? Пиши ко мнѣ, что объ ней узнаешь. Слышно, что она никого не хочетъ видѣть въ своемъ горькомъ отчаяніи: такъ и быть должно. Одно время бываетъ утѣшителемъ. — Хотѣлось бы мнѣ писать къ ней, но не смѣю. Богъ знаетъ, когда увижу

ее, и въ какомъ положеніи! Остаюсь въ прежнемъ невѣденіи о времени нашего отсюда выѣзда по извѣстнымъ тебѣ обстоятельствамъ.»

«Усердно желаю мира. Но кажется, что война еще продлится. Тамерланъ не околѣлъ, а Нѣмцы будутъ курить табакъ.»

Съ новымъ годомъ, по мѣрѣ успѣховъ нашего оружія, мысль объ Исторіи начала брать верхъ въ душѣ Карамзина. Письмо къ *Тургеневу, отъ 21 Января*, служитъ тому доказательствомъ: «Давно я не писалъ къ вамъ, но всегда помнилъ и любилъ васъ. Сколько происшествій! Какъ не хотѣлось мнѣ бѣжать изъ Москвы! (продолженіе см. выше, с. 102.)... Сколько разъ въ день спрашиваю у судьбы, на что она велѣла мнѣ быть современникомъ Наполеона съ товарищи? Добрый, добрый народъ Русской! Я не сомнѣвался въ твоемъ великодушіи, но хотѣлъ бы лучше писать древнюю твою Исторію въ иной вѣкъ, и не на пепелищѣ Москвы. Библіотека моя имѣла честь обратиться въ пепелъ, вмѣстѣ съ Грановитою палатою, однакожъ рукописи мои уцѣлѣли въ Остафьевѣ. Жаль Пушкинскихъ манускриптовъ; они всѣ сгорѣли, кромѣ бывшихъ у меня. Потеря невозвратимая для нашей Исторіи! Университетъ также всего лишился: библіотеки, кабинета.»

«По крайней мѣрѣ дай намъ Богъ славнаго мира, и поскорѣе? Между тѣмъ сижу, какъ ракъ на мели: безъ дѣла, безъ матеріаловъ, безъ книгъ, въ несносной праздности, и въ ожиданіи горячки, которая здѣсь и во многихъ мѣстахъ свирѣпствуетъ. Просторно будетъ въ Европѣ и у насъ. Но вы, Петербурскіе господа, сіяя въ лучахъ славы, думаете только о великихъ дѣлахъ! Извините меланхолію бѣдныхъ изгнанниковъ Московскихъ.»

«Оставимъ шутку невеселую и поговоримъ о другомъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, исполните ваше обѣщаніе, и пришлите *Льва Дьякона*. Сергѣй Семеновичъ также обѣщалъ доставить его мнѣ: скажите ему мой усердный поклонъ. Я и здѣсь

шелъ нѣчто любопытное: *Степенную книгу* съ прибавленіями неизвѣстными, касательно временъ Царя Ивана Васильевича. Не можете ли прислать мнѣ еще *Архангелогородскаго* печатнаго *лѣтописца?* Вы его, думаю, знаете. Маленькая книжка въ четвертку».

Отъ 18 Февраля, 1813 г., къ Дмитріеву. «По сю пору я не въ Петербургѣ отъ того, что я считаю безразсудностію ѣхать туда безъ денегъ и безъ извѣстнаго намъ дохода. Я мужъ и отецъ четырехъ дѣтей; мнѣ надобно имѣть болѣе, нежели прогоны. Доселѣ я жилъ своимъ: на пятомъ десяткѣ не хочется входить въ долги и кланяться. Состояніе крестьянъ жалкое: у меня нѣтъ духа требовать съ нихъ полнаго оброка, хотя и весьма умѣреннаго. Будущее также не ясно. Долго ли станутъ воевать? Чего еще потребуется отъ насъ и крестьянъ, для славы и безопасности Россіи? Однимъ словомъ, думаю, что мнѣ надобно еще покрайней мѣрѣ дождаться здѣсь лѣта, вопреки моему сильному желанію обнять тебя, видѣть любезнѣйшую Великую Княгиню, и снова заняться моимъ исторіографскимъ дѣломъ, для котораго не имѣю здѣсь достаточныхъ способовъ. Болѣе нежели благодарность привязываетъ меня къ Великой Княгинѣ: люблю ее всею душею; по ей не до меня. Слышно, что она не хочетъ никого видѣть, и живетъ только горестію, изнуряя свое здоровье. Это очень тревожитъ насъ. Мы богаты прискорбіями. Дай Богъ, чтобы вамъ въ Петербургѣ было веселѣе, и чтобы вы тѣшили насъ хорошими извѣстіями. Изъяви искреннюю мою благодарность Митрополиту Сестренцевичу за книгу, которую ты мнѣ отъ него доставилъ; я съ удовольствіемъ написалъ бы къ нему письмо, если бы могъ согласить истину съ учтивостію, а лгать не хочется. Ученая книга его безъ сомнѣнія заслужитъ похвалу нашихъ журналистовъ. Ты знаешь Бардовскаго? Онъ публиковалъ въ газетахъ, что Императоръ приказалъ ему описать бѣдствіе Москвы.»

Къ Малиновскому, 17 Февраля ...«Мысль, что будетъ? тревожитъ сердце. Толкаю себя въ правый и лѣвый бокъ, чтобы чаще взглядывать на небо; но суетная земля еще крѣпко удерживаетъ свои права на мою слабую душу. Желаю работать: только не имѣю всего, что надобно. Читаю Монтаня и Тацита: они жили также въ бурныя времена. Ожидаемъ весны, не позволяя себѣ въ мысляхъ устранвать будущаго... Если война продолжится, то Москва не скоро встанетъ изъ пепла: у дворянъ мало денегъ, а купцы одни не построятъ города, лавочки не палаты. Радуюсь, что Синодальная библіотека цѣла, и не перестаю тужить о Пушкинской. Исторія наша лишилась сокровища».

Къ общему несчастію присоединилось и семейное горе. Первый сынъ Карамзина занемогъ отчаянно. Увѣдомляя объ его болѣзни Князя Андрея Петровича *Оболенскаго*, (съ которымъ К. былъ соединенъ узами родства и дружбы), онъ писалъ отъ *13 Марта:* «Любя дѣтей нашихъ истинно, для нихъ, а не для себя, право, кажется, должны мы оплакивать тѣхъ, которыя остаются, а не тѣхъ, которыя въ чистотѣ ангельской оставляютъ міръ сей, и присоединяются къ чистѣйшимъ существамъ въ райскихъ селеніяхъ. Міръ достигаетъ высочайшей степени развращенія. Слабый человѣкъ не въ силахъ остановить зрѣніе на картинѣ, которую представляетъ свѣтъ въ политическомъ и моральномъ смыслѣ. Ежели мы Христіане, то принимая съ покорностію насылаемыя на насъ печали, получаемъ отъ нихъ большую пользу, прилѣпляясь наиболѣе къ Богу, единственному утѣшенію и свѣту человѣка, не предавшаго себя совсѣмъ грѣху».

Къ нему же. Нижній Новгородъ. 23 Апрѣля, 1813 г. «Любезный и почтенный другъ! Нашъ сынъ еще живъ, но не можемъ позволить себѣ надежды человѣческой.

Наташа въ лихорадкѣ. Катерина Андреевна имѣетъ не много силъ; мои также весьма изнурились. Богъ видитъ мою слабость невольную: я не чуждаюсь Его, ободряю себя, стараюсь поддерживать, но дрожу всѣми нервами; худо сплю, и утро не освѣжаетъ меня. Силъ моихъ было достаточно только на мѣсяцъ, а теперь уже исходитъ другой. Жаль, что вы отъ насъ далеко. Такъ и быть. Господь съ нами. Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ милыхъ, прося Бога, чтобы онъ хранилъ ваше здоровье и спокойствіе. Простите и любите насъ бѣдныхъ».

Къ Дмитріеву, отъ 30 Апрѣля. «Здравствуй, любезнѣйшій другъ мой! Я дома не имѣлъ сердца писать къ тебѣ въ нашей горести и тоскѣ. Катерина Андреевна отъ безпокойства выкинула, и еще не совсѣмъ здорова. Андрюша еще живъ, и все также безнадеженъ. Болѣзнь его обратилась по видимому въ чахотку: онъ высохъ и заливается мокротами. Ждемъ непрестанно, чѣмъ Богъ рѣшитъ судьбу нашу. Уже насталъ третій мѣсяцъ: силъ у меня не много въ запасѣ. Удерживаюсь отъ ропота: много въ свѣтѣ нещастливыхъ; не я первый, не я послѣдній. Мы здѣсь удалены почти отъ всѣхъ, кто насъ любитъ: но Богъ насъ видитъ, и да не оставитъ! Не время дѣлать планы. Выѣдимъ-ли отсюда, и когда? не знаемъ. Отъ всего сердца предаемся во власть Божію».

«Не смотря на свою тоску, я съ умиленіемъ смотрю на подвиги Россіи. Мы наказаны, но спасены со славою. Отечество наше, потрясенное бурею, укрѣпится, можетъ быть, въ корнѣ своемъ, на новое тысящелѣтіе».

20 Мая, къ Дмитріеву. «Мы погребли милаго ангела Андрюшу, болѣе десяти недѣль страдавъ безпокойствомъ и тоскою. Наша горесть велика, и мы жалки самимъ себѣ. Было у насъ двое дѣтей прекрасныхъ, здоровыхъ, милыхъ: обоихъ схоронили. Такъ угодно Всевышнему. Жизнь

и свѣтъ для меня стали бѣднѣе. Мысленно обнимаю тебя съ нѣжностію, зная, что ты берешь искреннее участіе въ нашей печальной судьбѣ. Мы собираемся ѣхать въ Москву, хотя и не имѣемъ тамъ вѣрнаго пристанища. Думаю отправиться послѣ и въ Петербургъ, чтобы выдать написанные мною томы Россійской Исторіи и тѣмъ исполнить долгъ чести. Но подожду возвращенія Государева».

Наконецъ Карамзинъ съ семействомъ рѣшился оставить Нижній, и возвратиться въ Москву на пепелище.

Іюня 15, писалъ онъ уже изъ Остафьева, *къ Дмитріеву*:

«...Я плакалъ дорогою, плакалъ и здѣсь, смотря на развалины; Москвы нѣтъ: остался только уголокъ ея. Не одни домы сгорѣли; самая нравственность людей измѣнилась въ худое, какъ увѣряютъ. Замѣтно ожесточеніе; видна и дерзость, какой прежде не бывало. Правительство имѣетъ нужду въ мѣрахъ чрезвычайнаго благоразумія. Впрочемъ это не мое дѣло: есть Богъ; онъ все знаетъ лучше нашего. Мое дѣло грустить о сынѣ, жалѣть о другѣ, и собираться въ Петербургъ, чтобы обнять тебя, и напечатать свою Исторію съ дозволенія Государева. Не можешь ли на нѣсколько дней дать намъ у себя въ домѣ три или четыре комнаты, не болѣе? Мы живали и въ двухъ. Не хотѣлось бы мнѣ съ дѣтьми въѣхать въ трактиръ, да и богатство наше не велико. Разумѣется, что ты не долженъ церемониться со мною и дѣлать себѣ непріятность. Скажи искренно. Чрезъ нѣсколько дней я найду себѣ или казенную квартиру, или найму уголокъ по выбору и по удобности: не употреблю во зло твоего снисхожденія. Назначаю Августъ для путешествія къ вамъ. Теперь хочется отдохнуть въ Остафьевѣ».

«...Желаю мира; только не имѣю яснаго понятія о возможности заключить его съ Наполеономъ».

6 Іюля, къ Дмитріеву. «Буду ждать вѣсти о вѣроятности скораго Государева возвращенія въ Петербургъ: что должно рѣшить нашъ выѣздъ отсюда. Едва ли непріятельскія дѣйствія не возобновятся: въ такомъ случаѣ не время думать о напечатаніи моей Исторіи; надобно будетъ подождать конца. Доживемъ ли до спокойствія? Или найдемъ его только во гробѣ»? Я нездоровъ. Я очень перемѣнился, любезнѣйшій другъ, со времени разлуки нашей: остылъ къ пріятностямъ міра, и даже едва ли могу продолжать Исторію; для того болѣе и хотѣлъ бы напечатать, что готово. Чувствительность моя цѣла единственно для горестей. Иногда разсудкомъ убѣждаю себя быть суетнѣе! Впрочемъ да будетъ со мною, что угодно Провидѣнію. Не я самъ произвелъ себя; не я самъ захотѣлъ быть въ здѣшнемъ свѣтѣ: это говорю себѣ въ утѣшеніе».

Императрица Марія Ѳедоровна предлагала Карамзину помѣщеніе въ Павловскомъ и Петербургѣ.

Карамзинъ благодарилъ ее *отъ 21 Іюня, 1813 г.*: «Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ извѣстилъ меня, что Ваше Императорское Величество милостиво предлагасте мнѣ жилище въ Павловскомъ и въ Петербургѣ: пріимите мою всенижайшую благодарность. Столь лестный знакъ благоволенія усугубляетъ мое желаніе представиться Вашему Императорскому Величеству. Я не царедворецъ, мало привязанъ къ свѣту, но умѣю чтить добродѣтель въ Августѣйшей Вашей особѣ».

Императрица отвѣчала Карамзину, *отъ 15 Августа*: «Я имѣла удовольствіе получить письмо ваше, и признаю себя обязанною Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, за поданный отъ него случай, вступить въ сношеніе съ однимъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ писателей, давно мнѣ извѣстнымъ. не только по изящному въ семъ званіи дарованію, но и по другимъ уваженія достойнымъ качествамъ. Я всегда

желала, и теперь искренно радуюсь надеждѣ лично съ вами познакомиться, и я подтверждаю симъ данное вамъ увѣреніе, что на все время пребыванія моего въ Павловскѣ, комнаты здѣсь въ замкѣ Бипсѣ для пріема вашего готовы, и, состоя въ вашемъ распоряженіи, ожидаютъ только пріѣзда своего знаменитаго жильца. Пріимите между тѣмъ письменное изъявленіе того уваженія и доброжелательства, съ каковыми я пребываю къ вамъ благосклонною».*

«Знаю привязанность вашу къ дочери моей, В. К. Екатеринѣ Павловнѣ. Я думаю, что удовольствіе сдѣлаю вамъ, извѣщая, что она покуда находится въ Вѣнѣ; хотя здоровье ея еще не совсѣмъ возвращено, однако она чувствуетъ себя сильнѣе».

Августа 8, Карамзинъ писалъ *Тургеневу:* «Искренно сожалѣю о преждевременной кончинѣ достойнаго Лерберга. Географическія его работы должны быть интересны. Менѣе довѣряю его княжескимъ генеалогіямъ, если онъ не зналъ *Кіевской и Волынской* лѣтописи. Надѣюсь, что ученый Кругъ не полѣнится исполнить дружескаго завѣщанія».

«Вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе сообщеніемъ любопытнѣйшихъ новостей въ историческихъ произведеніяхъ. Я желалъ бы прочесть Миллера о Всемірной Исторіи, и Гереново *введеніе*, которое вамъ полюбилось. Нельзя ли какъ нибудь выручить Льва Дьякона и мнѣ доставить, хотя на самое короткое время? Надѣюсь на благосклонность А. Н. Оленина».

«Богъ знаетъ, скоро ли буду въ Петербургѣ, куда готовлюсь ѣхать для того, чтобы издать свою Исторію. Послѣдняя горесть наша сильно сжала мое сердце, и про-

* Это первое письмо писано рукою писца и только подписано Императрицею. Но слѣдующая приписка къ нему и за тѣмъ прочія письма всѣ безъ исключенія писаны ею собственноручно.

хладила къ свѣту, слѣдственно и къ Исторіи. Оставляю авторское кокетство, и желаю скорѣе расплатиться съ публикою; а тамъ будетъ, что будетъ».

Лѣто прожилъ Карамзинъ въ Остафьевѣ, и ревностно принялся тамъ за Исторію. Онъ писалъ царствованіе Василья Ивановича. Ему посвящена была и зима.

Ноября 2, писалъ Карамзинъ къ *Тургеневу:* «Мы наконецъ совсѣмъ переѣхали въ жалкую и безобразную Москву, гдѣ все теперь неудобно и дорого. Судъ божественный совершился, и Германія должна быть свободною.»

18 Марта, 1814 года, Императрица Марія писала къ Карамзину: «Полученная мною чрезъ любезнѣйшую дочь мою, Великую Княгиню, Марію Павловну, назначенная для васъ отъ сестры ея, Великой Княгини Екатерины Павловны, посылка, при семъ препровождаемая, доставляетъ мнѣ пріятный случай писать къ вамъ, и я онымъ съ особливымъ удовольствіемъ пользуюсь, чтобы удостовѣрить васъ о непремѣняющихся моихъ къ вамъ расположеніяхъ. Я прошу васъ быть увѣрену, что хотя другія занятія, каковы были въ нынѣшнюю зиму отъѣзды Императрицы, любезнѣйшей моей невѣстки, и сыновей моихъ Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича, не позволяли мнѣ вамъ о себѣ напомнить, я однако тѣмъ не менѣе раздѣляю вашу печаль и безпокойствіе о здоровьѣ дочери вашей, сохраняю искреннее желаніе съ вами лично познакомиться, и надежду, во время пребыванія моего въ Павловскѣ, васъ тамъ видѣть и вамъ изустно повторить изъявленіе уваженія и доброжелательства, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною.»

Къ Малиновскому, (безъ числа): «Оборотъ дѣлъ политическихъ исполняетъ мое сердце благодарностію къ Богу, хотя и не весьма доволенъ нѣкоторыми поступками дѣйствующихъ».

Письмо Императрицы Маріи Ѳедоровны, отъ 10 Апрѣля.

«Съ особливымъ, въ разныхъ отношеніяхъ, удовольствіемъ читала я письмо ваше отъ 30 Марта. Сколь пріятно мнѣ выраженіе усердныхъ вашихъ чувствованій, и подтверждаемая надежда видѣть васъ у меня въ Павловскѣ, столько же обрадовалась я намѣренію вашему заняться Исторіею нынѣшняго достопамятнаго времени и важнѣйшихъ происшествій, въ глазахъ нашихъ совершившихся и совершающихся. Я не только сужденіе ваше о семъ предметѣ нахожу весьма справедливымъ, но и предпріятіе такое достойнымъ вашихъ дарованій, и весьма любопытствую видѣть исполненіе онаго, къ чему кажется и назначенный вами срокъ уже приближается, послѣ славнѣйшаго въ лѣтописяхъ событія, которымъ, по полученнымъ здѣсь достовѣрнымъ извѣстіямъ, Всевышній увѣнчалъ подвиги Императора, любезнѣйшаго моего сына, съ побѣдоносными войсками нашими, 19 Марта въ Парижѣ, посреди радостныхъ восклицаній избавленнаго имъ народа: съ чѣмъ васъ симъ усерднѣйше поздравляю. Между тѣмъ я наслаждаюсь ожиданіемъ слышать чтеніе части нашей Исторіи, вами уже обработанной, о которой данное мнѣ любезнѣйшею дочерью моею, Великою Княгинею Екатериною Павловною, понятіе, сильно возбудило мое любопытство и нетерпѣливость съ нею познакомиться, равно какъ и съ сочинителемъ, котораго прошу я быть увѣрену, что онъ принятъ будетъ съ чувствительнымъ удовольствіемъ, и что я всякой случай почитаю пріятнѣйшимъ, когда могу изъявить ему истинное уваженіе и доброжелательство, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною»...

Апрѣля 20, 1814 г., къ Дмитріеву: «Думаемъ переѣхать въ Остафьево, какъ скоро будетъ можно. Надѣюсь тамъ кончить Василья Ивановича и прибавить главу о состояніи Россіи; а послѣ увидимъ. Мысль описать происшествія

нашего времени мнѣ довольно пріятна; но должно знать многое, чего не знаю. Не возьмусь за перо иначе, какъ съ повелѣнія Государева. Не хочу писать для лавокъ: писать или для потомства, или не говорить ни слова. У меня есть Царь Иванъ Васильевичъ: довольно для остатка дней моихъ и способностей»!

11 Мая, къ Дмитріеву. «Не имѣю нужды увѣрять тебя, какое живое участіе беру въ великихъ происшествіяхъ, въ особенности столь славныхъ для нашего любезнѣйшаго Государя. Я готовъ явиться на сцену съ своею полушкою, и если буду живъ, то непремѣнно предложу усердное перо мое на описаніе Французскаго нашествія; но мнѣ нужны, любезный, свѣдѣнія, безъ которыхъ могу только врать: почему и буду просить ихъ. Читалъ я Петербургское краснорѣчіе, и хотя не знаю, что ты думаешь, но соглашаюсь съ тобою, довѣряя твоему вкусу. Мы очень славны: авось будемъ и разумны; всему есть свое время. Я въ бреду написалъ было нѣсколько строфъ; но теперь не имѣю силъ писать ни стихами, ни прозою.»

Карамзинъ говоритъ здѣсь о послѣднемъ своемъ стихотвореніи: Освобожденіе Европы и слава Александра I.

Въ предисловіи онъ выразилъ публично свое намѣреніе написать Записку о послѣднихъ происшествіяхъ.

«Съ вами, добрые Москвитяне, провелъ я четверть вѣка, и лучшее время жизни моей; съ вами видѣлъ грозу надъ сею столицею отечества; съ вами ободрялся великодушіемъ достойнаго нашего Градоначальника; съ послѣдними изъ васъ удалился отъ древнихъ стѣнъ Кремлевскихъ, и съ вами хожу нынѣ по священному пеплу Москвы, нѣкогда цвѣтущей. Сердце мое принадлежитъ вамъ болѣе, нежели когда нибудь. Въ эти тревоги и бѣдствія видѣлъ я вашу доблесть: лица горестныя, но ознаменованныя твердостью; слезы, но слезы умиленія, всегда исчисляемыя

Отцемъ Небеснымъ: онѣ были для тирана Европы гибельнѣе самаго оружія героевъ Россійскихъ. Пріимите жертву моей искренности. Счастливъ буду, если пользуясь остаткомъ дней моихъ и способностей, успѣю изобразить на скрижаляхъ Исторіи чудесную, безпримѣрную славу Александра I и нашу: ибо слава Монарха есть народная.»

Переписка съ вдовствующею Императрицею и Великою Княгинею продолжалась. — Онѣ осыпали Карамзина ласками.

Отъ 12 Іюня онъ увѣдомляетъ *Дмитріева*. «На сихъ дняхъ я получилъ изъ Павловскаго.... угадай, что?... розу, сорванную для меня, смиреннаго, рукою Императрицы, и высушенную нимфами тамошнихъ садовъ, въ награду, какъ сказано, за мое смиренное стихотвореніе. Въ тоже время предложили мнѣ загадку: что мѣшало Ю. А. Нелединскому быть совершенно счастливымъ, когда онъ въ бесѣдкѣ Флоры, сидя между Государынею и Великою Княгинею, читалъ имъ мою бездѣлку, въ пріятный вечеръ, близъ кристальныхъ водъ? Я отвѣчалъ: комары; и думаю, что не ошибся. Похвали новаго Эдипа. Сфинксова загадка была не мудренѣе этой. Милость Государыни трогаетъ мою душу. Ты вѣрно при случаѣ скажешь ей, какъ всѣ знаки ея благоволенія для меня безцѣнны.»

Сообщимъ здѣсь граціозное письмо Карамзина къ Нелединскому, которое доказываетъ, что ни духъ его, ни сердце его, ни любезность, не старились.

Милостивый Государь,
Юрій Александровичъ!

Давно оставленный розами, могъ ли я ждать такой гостьи? Развертываю, удивляюсь, читаю остроумное письмо съ любопытствомъ, нетерпѣніемъ — и вдругъ отъ живѣйшей признательности чуть не плачу. Важный Историографъ любуется розою, какъ пастушекъ. Она священна: не смѣю цѣловать ее, но смѣю гордиться ею. Какимъ

наградамъ позавидую? Вопреки старинной пословицѣ о розахъ, моя роза будетъ нетлѣнною, будетъ всегда благоухать для моего сердца милостію богини Павловской, напоминая мнѣ прекрасный вечеръ, тихое сіяніе катящагося къ западу солнца, на лазуревомъ небѣ, бесѣдку Флоры, а въ ней добродѣтельную Государыню Имиератрицу и любезнѣйшую Великую Княжну, съ благоволеніемъ внимающихъ чтенію скромныхъ стиховъ, которые только въ сію минуту сдѣлались счастливыми. А вы, любезный чтецъ, одушевивъ мои строфы голосомъ чувства, сдѣлаете другое одолженіе автору: повергните его къ священнымъ стопамъ богини съ усерднѣйшимъ изъявленіемъ сердечной благодарности.»

«Теперь должно отгадать загадку» (вѣроятно помѣщенную въ письмѣ Ю. А. Нелединскаго къ Карамзину). Авторъ былъ счастливъ, но чтецъ не совсѣмъ, хотя сидѣлъ между августѣйшею матерью и сестрою Александра истинно-Великаго; хотя онѣ смотрѣли чтецу въ глаза, и слушали его со вниманіемъ!! *Лѣтній вечеръ, близость воды, дымъ жертвъ*.. . довольно для Эдипа! Отвѣтствую Сфинксу апологомъ Персидскаго стихотворца Сади: Великій Козрой, побѣдивъ множество народовъ, сидѣлъ въ садахъ своихъ на тронѣ; предъ нимъ стояли вельможи въ глубокомъ безмолвіи. Царь спросилъ: о чемъ думаете? вельможи отвѣчали съ низкимъ поклономъ: *о гибели враговъ твоихъ, всѣ лежатъ въ землѣ. Кто отныне дерзнетъ безпокоить тебя?* Козрой ударилъ себя по лбу и сказалъ: комаръ! Укусивъ меня онъ скрылся отъ моей мести. Вельможи бросились за комаромъ. Царь улыбнулся, сошелъ съ трона, и возвратился во дворецъ, потирая свой лобъ.»

«Выпускаю правоученіе басенника; но не случилось ли съ вами того же, что съ великимъ Козроемъ? Комары —

самые злѣйшіе враги мои въ свѣтѣ. Вамъ досталось отъ нихъ за меня, потому что я, миролюбивый гражданинъ, нещадно проливалъ ихъ кровь въ своей жизни »

«Простите; не скажу для васъ ничего новаго, говоря о душевной къ вамъ привязанности и высокопочитаніи...

11 Іюня, 1814.

27 Іюня, къ Тургеневу... «Изъ Германіи получилъ я не грамоту, въ спискѣ, а Дреера, въ которомъ она напечатана отъ слова до слова и безъ сомнѣнія, вѣрно; все существенное выбралъ я изъ нее, и внесъ въ Исторію, а грамоту Латинскую въ примѣчанія. — Съ удовольствіемъ сообщу вамъ нѣкоторыя замѣчанія на грамоты Булгаковскія, какъ скоро буду въ состояніи заниматься своимъ обыкновеннымъ дѣломъ. Хвалю ваше намѣреніе издать ихъ. Это полезно и нужно: обнимаю васъ дружески, кланяясь Блудову - Риворолю и Батюшкову - Парни.»

Отъ 5 Іюля, къ брату:... «Я дописываю Василья Ивановича, чтобъ скорѣе приняться за Грознаго царя Ивана.»

Къ Тургеневу, Іюля 15. «Сердечно благодарю васъ за ваше дружеское письмо, которое дало мнѣ почувствовать, что я еще имѣю изрядную мѣру самолюбія. Такъ и быть, по крайней мѣрѣ, не хочу притворяться смиреннымъ и нечувствительнымъ къ одобренію такихъ людей, какъ вы. Вы имѣете право сдѣлать все, что вамъ угодно съ моими стихами; напрасно и спрашивали моего согласія. — И такъ мы можемъ обѣщать себѣ времена спокойныя; всякой день: радуюсь и благодарю небо. Вы меня гораздо моложе: слѣдственно вамъ должно быть еще веселѣе моего.»

«Оканчиваю Василья Ивановича и мысленно уже смотрю на Грознаго: какой славной характеръ для исторической живописи! Жаль, если выдамъ Исторію безъ сего любопытнаго царствованія! Тогда она будетъ, какъ павлинъ безъ хвоста.»

Письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

(*Августа 4.*) Я имѣла удовольствіе получить оба письма ваши, и приложенное при первомъ изъ нихъ стихотвореніе, вдохновенное достопамятнѣйшимъ и славнѣйшимъ для Россіи и ея Монарха происшествіемъ, составило пріятнѣйшее чтеніе одного вечерняго собранія, въ моемъ розовомъ павиліонѣ, здѣсь въ Павловскѣ, который-бы вѣрно вамъ понравился, и я немедленно послала одинъ экземпляръ Императору, любезнѣйшему моему сыну. Что касается до Исторіи нашего безпримѣрнаго въ бытописаніяхъ времени, то я нахожу сужденіе ваше о родѣ писанія такого весьма справедливымъ, особливо-же одобряю въ полной мѣрѣ благородное чувство, побуждающее писать для потомства, а не для однихъ книжныхъ лавокъ. Таковая цѣль соотвѣтствуетъ какъ предмету, вами себѣ предположенному, такъ и дарованіямъ сочинителя, имѣющаго уже неоспоримое право на вниманіе и уваженіе потомства. Въ пособіяхъ къ совершенію сего труда вы безъ сомнѣнія недостаточествовать не будете, и если я возмогу доставленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и подробностей къ тому содѣйствовать, я поставлю то въ особенное себѣ удовольствіе. Мы дошли уже почти до конца прекраснаго лѣта, и кажется, что неостается мнѣ уже надежды въ теченіи онаго слышать отъ васъ самихъ чтеніе отрывковъ отечественной Исторіи, вами написанной, и лично изъявить вамъ истинное мое уваженіе, которое столько-же неизмѣнно, какъ доброжелательство, съ каковымъ я пребываю всегда вамъ благосклонною.»

Августа 24. «Я всѣ ваши письма читаю съ великимъ удовольствіемъ, но, я чаю, вы не обидитесь, если скажу вамъ, что послѣднее отъ 16 сего мѣсяца мнѣ пріятнѣе прежнихъ, потому что не только оживило опять надежду, которая уже начинала изчезать, надежду лично съ вами познакомиться, но и подало мнѣ совершенное удостовѣреніе

о ея исполненіи, показывая намѣреніе ваше переселиться въ Санктпетербургъ ради предмета, васъ занимающаго. Поздравляя нашъ Петербургъ съ симъ пріобрѣтеніемъ, я душевно утѣшаюсь мыслію о пріятномъ препровожденіи времени, котораго теперь навѣрное ожидать могу для наступающей зимы. Для знакомства вашего съ розовымъ павиліономъ время на сей разъ конечно пройдетъ; но въ замѣнъ я надѣюсь, что будущимъ лѣтомъ вы тѣмъ болѣе пользоваться будете, и я смѣю предполагать, что не только павиліонъ, а и вообще Павловскъ вамъ понравится. Я по крайней мѣрѣ усердно того желаю, и не хвастаю безкорыстіемъ сего желанія; а признаюсь чистосердечно, желаю для того, чтобы вамъ и отлучаться оттуда не хотѣлось. Я весьма любопытствую слышать нашу отечественную Исторію изъ устъ самого сочинителя, но неодобряю намѣренія вашего заключить вашъ трудъ Исторіею Іоанна Васильевича Грознаго, послѣ котораго останется еще столько предметовъ, достойныхъ вашего пера. Я вамъ напередъ сказываю, что по пріѣздѣ сюда, и по окончаніи Исторіи нынѣшняго времени, въ которой вамъ не только никакъ мѣшать не хочу, но паче содѣйствовать готова, я непремѣнно просить буду васъ приняться за продолженіе прежняго труда, и оный довершить. Кому окончить начатое вами? Но я столько надѣюсь на приверженность вашу ко мнѣ, что не полагаю нужды въ большомъ усиліи васъ къ тому склонить, а увѣрена, что вы меня охотно послушаетесь. Будьте столько-же увѣрены въ моемъ къ вамъ уваженіи и въ доброжелательствѣ, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною...»

21 Сентября, къ Тургеневу. «Посылаю вамъ нѣсколько замѣчаній на грамоты. Усердно желаю, чтобъ вы поскорѣе издали Булгаковскія сокровища. Умные люди скажутъ вамъ спасибо. Если Богъ дастъ, то послѣ завтра начну Царя Іоанна, а кончу ли?»

20 Октября. «Незнаю, поѣдемъ ли въ Петербургъ, куда влечетъ меня намѣреніе издать написанные мною томы Исторіи. Пишу Царя Ивана Васильевича, но не думаю, чтобы я могъ продолжать далѣе: слабѣютъ силы и охота.»

Въ 1814 году К. Ѳ. Калайдовичъ, который ревностно принялся за Русскую Исторію, по возвращеніи изъ ополченія, бывалъ часто у Карамзина, и описалъ свои посѣщенія въ одной тетради, послѣ него оставшейся:

«*1814 года, 11-го Февраля,* былъ у Н. М. Карамзина. Много переговорили; между прочимъ онъ сказалъ, что на вопросъ, предложенный гр. Н. П. Румянцевымъ: когда внесенъ въ Россію мѣс. праздникъ перенесенія мощей св. Николая (Мая 9)? онъ отвѣчалъ, что праздника сего нѣтъ въ Греческихъ святцахъ, а въ Русскія онъ внесенъ Ефремомъ, Епископомъ Переяславскимъ, тѣмъ самымъ, который теперь очень сдѣлался извѣстнымъ по жаркому спору о банномъ строеніи. Это отыскано въ каталогахъ Архіереевъ, находящихся при нѣкоторыхъ рукописныхъ лѣтописяхъ. Я замѣтилъ съ своей стороны, что сего праздника нѣтъ въ Уставѣ Церковномъ, хранящемся въ Синод. библ., и писанномъ по всѣмъ вѣроятіямъ въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ, между тѣмъ какъ онъ помѣщенъ въ Евангеліи, тамъ-же хранящемся—1144 года, и писанномъ, кажется, близъ Дуная.

Н. М. замѣтилъ, что въ 1-й изданной части Государственныхъ грамотъ и договоровъ находится одна грамота, данная В. К. Василіемъ Іоанновичемъ Смольнянамъ по взятіи сего города, будто 1 дня, не припомню мѣсяца, но Смоленскъ сдался 30 числа. Ошибка вѣроятно произошла отъ того, что лѣвая черта буквы люди, изгладившись, была похожа на 1. Въ заключеніе Н. М. просилъ меня поискать въ Греческихъ и старыхъ Русскихъ требникахъ молитвы при постриженіи волосъ.»

13 Февраля... «Н. М. Карамзинъ замѣтилъ въ подлинной пѣсни Игоревой, что гдѣ напечатано: *вѣчи Троянѣ*, (кажется въ двухъ мѣстахъ), тамъ читается въ рукописяхъ *сѣчи*. Онъ тоже находитъ и въ другихъ словахъ, въ коихъ сходныя въ той рукописи между собою буквы *в* и *с* были принимаемы противно.»

19 Февраля обѣдалъ я у Н. М. Карамзина, и съ большимъ удовольствіемъ, какъ и всегда, провелъ время въ сладостной съ нимъ бесѣдѣ. Я привозилъ ему два древнихъ требника, переведенные съ Греческаго,—извѣстный Ѳеогностовъ, и другой, хранящійся въ одной съ первымъ Синод. библ. въ 4, подъ № 552, въ коихъ помѣщена молитва на постриганіе волосъ, по крещеніи. Подобную, и слово въ слово переведенную, я отыскалъ въ Греческомъ требникѣ, котораго Венеціанское изданіе 1684 года, я тогда же ему показывалъ. Молитва сія есть общая во всѣхъ теперешнихъ требникахъ нашихъ. Странно для меня, почему преосвященный Августинъ ничего не могъ сказать Исторіографу о семъ предметѣ? Н. М. между прочимъ упоминалъ, что первая (извѣстная) къ Французскому Королю грамота была Царя Василія Іоанновича, и что имена посланниковъ къ Ярославу для сватовства Генриха, Короля Французскаго, на дочери перваго Аннѣ, найдены на переплетѣ одной древней книги, какой не упомню.»

«Г-нъ Карамзинъ долго не соглашался со мною, чтобы письмо по листамъ требника, переведеннаго при Ѳеогностѣ, было подложное; онъ былъ увѣренъ, что почеркъ сей дѣйствительно принадлежитъ къ XIV вѣку, и есть рука самого митрополита Ѳеогноста. Я ему возражалъ, приводя причины, заставившія наше духовенство употребить сіе непозволенное средство противъ раскола: скорописное письмо, едва-ли бывшее въ началѣ сего вѣка, свѣжесть

чернилъ и самый образъ сочиненія сего извѣстія, — и Карамзинъ остался спокоенъ. Въ сей рукописи замѣчательно, что въ послѣсловіи ея поставленъ годъ отъ сотворенія міра и Рождества Христова, и въ первой разъ, въ подлинникѣ, названъ князь Иванъ Даниловичъ *Калитою*.

«Прощаясь со мною, онъ возвратилъ двѣ книги, присланныя мнѣ г. Волковымъ, одну пергаментовую, вѣроятно XIII или XIV вѣка, писанную на древнемъ Шведскомъ языкѣ, и содержащую, какъ можно нѣсколько замѣтить, какіе-то законы и установленія, а другую, въ коей найденъ любопытный отвѣтъ епископа Симеона, данный Полоцкому князю Константину въ концѣ XIII вѣка. Я увѣдомилъ Н. М., что я исполнилъ общее наше желаніе, и написалъ къ г. Волкову, чтобы онъ для чести своей и общей пользы внесъ II своихъ рукописей, ко мнѣ присланныя, въ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.»

Графъ Румянцевъ (Сергѣй Петровичъ) сказалъ мнѣ, что г-нъ Карамзинъ отозвался очень хорошо въ разсужденіи моего безпристрастія и не желанія поддерживать вымышленное, приводя въ примѣръ жаркой споръ, бывшій у меня съ нимъ о требникѣ Ѳеогноста, на коемъ въ подлогѣ руки сего митрополита онъ призналъ доказательства мои несомнѣнными.»

«Къ числу прежнихъ сомнѣній подлога пѣсни Игоревой графъ привелъ, что образъ Богоматери, привезенный Пирогощею, въ 1160 г., перенесенъ былъ изъ Кіева во Владимиръ, то какъ Игорь Святославичъ, возвратившійся въ 1185 г. изъ плѣна Половецкаго, могъ идти молиться въ Кіевъ Богородицѣ Пирогощей? Самое рожденіе его въ 1151 г. еще болѣе сіе запутываетъ.»

«Я, не могши ничего припомнить, согласился было съ симъ, но г-нъ Карамзинъ, съ коимъ я на другой день

видѣлся, сказалъ мнѣ, что все сомнѣніе Графа произошло отъ смѣшенія двухъ различныхъ иконъ, Пирогощиной и писанной Евангелистомъ Лукою, коей перенесеніе изъ Кіева должно дѣйствительно полагать въ 1160 году, что не противно будетъ неподверженному сомнѣнію мѣсту сему въ пѣсни Игоревой. Это должно изслѣдовать.»

26 Февраля. «Былъ у Н. М. Карамзина. Онъ былъ нездоровъ, и повредилъ себѣ ногу, упавши съ лошади. Г-нъ Карамзинъ утвердительно сказалъ мнѣ, что счисленіе съ мѣсяца Сентября началось у насъ съ В. К. Василья Дмитріевича, и именно Духовная тогдашняго митрополита Кипріяна положена съ Сентября, равно какъ и въ лѣтописи смерть предшествовавшаго князя.»

«*17 Марта.* Николай Михайловичъ сказывалъ, что у него былъ Капнистъ; разговаривая о старинѣ Капнистъ между прочимъ замѣтилъ, сказывалъ Карамзинъ, что у Грековъ «Славяне» отъ того назывались Склавинами, что они не могли выговаривать слога: Сла. Часу въ 11 я отъ него поѣхалъ.»

«*19 Октября.* Обѣдалъ у Н. М. Карамзина. Говорилъ ему о повомъ открытіи: оно ему нѣсколько извѣстно, но видно изъ другаго неполнаго списка. Г. Карамзинъ сказывалъ мнѣ, что онъ нашелъ у Графа Толстаго весьма важный Псковскій лѣтописецъ, простирающійся далѣе всѣхъ ему извѣстныхъ, и писанный въ XVI вѣкѣ. Н. М. много словъ, находящихся въ пѣсни Игоревой, встрѣчаетъ въ найденной имъ Волынской лѣтописи.»

«*29 Октября.* Былъ у Н. М. Карамзина. Онъ на радостяхъ; у него родился сынъ Андрей. Николай Михайловичъ показывалъ мнѣ рукописную лѣтопись Синодальной библіотеки, въ коей помѣщено описаніе сраженія кн. Димитрія съ Мамаемъ, сходное съ найденнымъ профессо-

ромъ Тимковскимъ. Только въ немъ пропущены первыя слова: повѣдай Уранъ, и послѣднія о Владимирѣ, и не находятся лучшея типическія картины.»

«*Ноября 3*. Былъ у Н. М. Карамзина. Говорили о Барсовѣ. Отдавая ему полную честь, какъ грамматику, замѣтилъ, что онъ никогда съ такимъ обиліемъ мыслей не возвращался отъ Х. А. Чеботарова, какъ отъ Барсова. Барсовъ свою Русскую грамматику, по просьбѣ княгини Дашковой, послалъ въ Россійскую академію, гдѣ она была предсѣдателемъ. По смерти профессора ею воспользовались въ академической Россійской граматикѣ.»

Въ піэсѣ: «Великій мужъ Русской грамматики», Карамзинъ описалъ Барсова, только, разумѣется, въ смѣшномъ видѣ. Я сказалъ ему о желаніи издать каталогъ Синодальной библіотеки, и просилъ доставить мнѣ просмотрѣть 20 №, у него находящійся; онъ обѣщалъ и похвалилъ намѣреніе.

Н. М. показывалъ мнѣ каталогъ Софійской Новогородской и Кириллова монастыря библіотеки, присланный ему отъ Евгенія, епископа Калужскаго.

Въ послѣднемъ я замѣтилъ въ числѣ важнѣйшихъ книгъ *Патерикъ Печерскій на пергаминѣ*. Г. Карамзинъ говорилъ мнѣ о закопахъ князя Іоанна Васильевича, весьма для него драгоцѣнныхъ, которыхъ нигдѣ не можетъ онъ найдти полнаго списка. Ихъ составлялъ въ княженіе сего Государя нѣкто Гусевъ.»

«Н. М. говорилъ мнѣ, что Татищевъ пользовался весьма важною Кіевскою лѣтописью, въ окончаніи которой, говоритъ Татищевъ, находятся нѣкоторыя безтолковыя слова, кои суть ничто иное, какъ начало лѣтописи Волынской, начинающееся похвалою кн. Роману Галицкому, который сравнивается съ птицами.»

«*Ноября... дня*. Сегодня же вечеромъ былъ у Н. М. Карамзина. Онъ между прочимъ замѣтилъ, что въ граж-

данскихъ бумагахъ рѣченіе: *Бояре приговорили*, стало извѣстно только съ Царя Василія Ивановича, сына князя Іоанна Васильевича. Карамзинъ приписываетъ подробныя извѣстія о сраженіяхъ и дѣлахъ гражданскихъ, находящіяся въ лѣтописяхъ, не иному чему, какъ что извѣстія сіи были вѣроятно обнародываемы въ церквахъ.»

1815 г.

21 Января, къ Тургеневу. «Пишу о царѣ Иванѣ и вѣнчаю его Мономаховымъ вѣнцемъ».

Апрѣля 20, къ брату. «Не долго были мы въ покоѣ: Бонапарте опять нагрянулъ на Европу, и новые ужасы готовятся. Это разстроило и мой планъ ѣхать въ Петербургъ. Богъ знаетъ когда Государь возвратится. И такъ собираемся ѣхать въ Остафьево. Теперь не до того, чтобы заниматься печатаніемъ Исторіи. Увидимъ ли дни прочнаго спокойствія? О вѣстяхъ не хочется говорить: хорошія оказались несправедливыми, а вѣрно то, что Наполеонъ властелинъ всей Франціи. Дай Богъ, по крайней мѣрѣ, чтобы союзники остались вѣрными другъ другу и человѣчеству.»

Мая 31, къ нему же. «Судьба Европы, какъ вамъ извѣстно, опять въ туманѣ. Даже и гвардія наша выступила. Снова начнется кровопролитная война. Видно что мы большіе грѣшники и недостойны спокойствія. Думаю, что къ осени надобно ждать набора рекрутскаго, труднаго особенно для тѣхъ губерній, которыя давали ратниковъ.»

Опасенія продолжались, къ счастію, не долго—сто дней.

Іюля 24.... «Если Богъ дастъ намъ миръ, и будемъ здоровы, то зимою опять начну помышлять о Петербургѣ, чтобы издать свою Исторію, и тѣмъ доставить себѣ возможность къ воспитанію дѣтей и къ заплатѣ долга, если Богъ поможетъ. Дописываю осьмой томъ, содержащій въ себѣ завоеваніе Казани и Астрахани, а въ девятомъ надобно описывать злодѣйства Царя Ивана Васильевича.»

«Не знаю вѣстей послѣдней почты; но уже знаемъ, что Парижъ сдался, и что Наполеонъ бѣжалъ—въ Америку, какъ пишутъ. Франція въ мятежѣ, и солдаты еще нехотятъ признать Короля. Между тѣмъ милость Божія велика. Наполеонъ не всталъ, а упалъ еще глубже въ грязь. Съ Франціею какъ-нибудь управятся, и якобинцы не воскреснутъ. Жду съ петерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій, всего болѣе желая согласія между главными державами.»

Къ Тургеневу, отъ 9 Сентября.» Желалъ бы я взглянуть на Венгерскую Исторію Феслера, удивляясь, какъ онъ могъ писать ее въ Саратовской губерніи.»

«Честь и хвала нашему Канцлеру! У него благородный вкусъ, достойный истиннаго вельможи.»

«Утвердите нашего поэта Жуковскаго въ Петербургѣ, съ условіемъ, чтобы разсѣяніе не мѣшало ему писать Владимира. Кланяюсь ему дружески.»

«Думаю какъ прежде, издать написанное мною, когда Государь возвратится; для чего мнѣ надобно будетъ съѣздить въ Петербургъ.»

«Управляюсь мало по малу съ Царемъ Иваномъ.—Казань уже взята, Астрахань наша, Густавъ Ваза побитъ, и орденъ Меченосцевъ издыхаетъ; но еще остается много дѣла, и тяжелаго: надобно говорить о злодѣйствахъ, почти неслыханныхъ. Калигула и Неронъ были младенцы въ сравненіи съ Иваномъ.»

«Здоровъ-ли почтенный Кругъ, и занимается-ли Исторіею? Желаю скорѣе видѣться съ нимъ, равно какъ и съ вами.»

Къ брату Сентября 20. «Мы, слава Богу, здоровы, и желаемъ пробыть въ подмосковной до Ноября, не столько для удовольствія, сколько изъ экономіи: потому что здѣсь проживаемъ менѣе. Расходы безпрестанно умножаются, а доходы тѣже. Остается одна надежда на Исторію, но и та весьма невѣрна.»

«Мы должны благодарить Бога за счастливый оборотъ политическихъ дѣлъ, однакожъ жду съ нетерпѣніемъ, чтобы нашъ Государь и войска благополучно оставили Францію мятежную, то-есть, чтобы судьба ея рѣшилась скорѣе и мирно. Мы ничего не знаемъ о намѣреніи союзниковъ. Мысль дѣлить Францію мнѣ не нравится; но будетъ вѣрно то, что Богу угодно!»

Императрица Марія Ѳеодоровна писала изъ Гатчины:

«Николай Михайловичъ! Нѣтъ худа безъ добра, гласитъ Русская пословица. Упрекъ, исторгнутый вашимъ молчаніемъ, доставилъ мнѣ пріятнѣйшее письмо, составилъ счастіе нѣжной Борнгольмской четы, а васъ увѣрилъ въ непзмѣняющихся моихъ расположеніяхъ, въ которыхъ, я надѣюсь, что скромный Исторіографъ впередъ никогда сомнѣваться не будетъ, да и при всей своей скромности не долженствовалъ бы сомнѣваться, а того менѣе опасаться быть скучнымъ. Правда, что я осталась вамъ должна отвѣтомъ, но въ свое оправданіе скажу, что я ожидала удовольствія вамъ отвѣчать изустно на послѣднее письмо ваше, по данной мнѣ вами надеждѣ, такъ для меня пріятной, которой исполненіе, однако, къ чувствительному моему сожалѣнію, опять отсрочивается. Еще прошло лѣто, и все еще Розовый павильонъ извѣстенъ вамъ только по имени, и все еще письменно только съ вами бесѣдую. Хотя и примѣчаютъ обыкновенно, что чѣмъ далѣе ожидаешь какого добра, тѣмъ оно менѣе при достиженіи его; но повѣрьте, что отлагательство умножаетъ одно только мое нетерпѣніе, а не можетъ увеличить ни любопытства моего слышать чтеніе вашей Исторіи, ни удовольствія, котораго я отъ онаго ожидаю, и съ которымъ васъ самихъ пріиму. Я весьма радуюсь, однако, успѣшному ходу вашихъ трудовъ: ибо надѣюсь, что вы тѣмъ скорѣе приметесь за наше достопамятнѣйшее время, превосходящее всѣ прошедшія чудесными происшествіями, и можетъ быть, вы

увидите здѣсь противоложность вашему замѣчанію: *малое подлѣйствуетъ на важное,* и Розовый павильонъ, въ которомъ я праздновала возвращеніе Императора съ побѣдителями, возымѣетъ, можетъ быть, пріятное вліяніе на Исторіографа ихъ славныхъ подвиговъ. На всякой случай пріѣзжайте къ намъ поскорѣе, а между тѣмъ, побѣждайте по чаще вашу скромность, пишите не опасаясь наводить скуку, которой, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не находилъ въ вашихъ сочиненіяхъ и бесѣдахъ: изъ чего кажется основательно заключить можно, что она чуждается вашего присутствія. Особливо же будьте всегда увѣрены въ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми я пребываю вамъ благосклонною.

21 Сентября, 1815 г. Марія.

Октября 29, къ Тургеневу: «Благодарю за Феслерову Исторію, которую еще читаю. Ф. пишетъ складно, умно, но только выписываетъ изъ другихъ безъ разбора, безъ критики, напримѣръ, повторилъ всѣ ошибки Энгеля, отъ недоразумѣнія впалъ въ новыя, не имѣетъ источниковъ передъ глазами; внесъ свой мистицизмъ въ Исторію, и непріятно подражаетъ Іоанну Миллеру въ описаніяхъ. Это компиляція, а не твореніе; нѣтъ единства, характера, души. Вамъ мое мнѣніе, сказанное только для васъ.»

«Не знаю, о какихъ стихахъ къ портрету Ивана Ивановича говорилъ вамъ нашъ любезный Жуковскій. Лѣтъ за пять передъ симъ написалъ я слѣдующіе (сколько помню):

Министръ, поэтъ и другъ: я все, тремя словами
Объ немъ для похвалы и зависти сказалъ.
Прибавлю, что чиновъ и рифмъ онъ не искалъ,
Но рифмы и чины къ нему летѣли сами.

Теперь онъ уже не Министръ; развѣ скажемъ:

Онъ съ честью былъ Министръ, со славою поэтъ;
Теперь для дружества и счастія живетъ.

«Эпиграммы сыплются на К. Шаховскаго, даже и Московскіе пріятели нашихъ пріятелей острятъ на него перья. Василій Пушкинъ только что не въ конвульсіяхъ; въ здѣшнемъ свѣтѣ все воюетъ, и Наполеоны и Шаховскіе у насъ, и вездѣ любятъ брань. Пусть Жуковскій отвѣчаетъ только новыми прекрасными стихами, Шаховской за нимъ не угонится. Желалъ бы я видѣть *Славянку*, особливо, если она напечатана. Князь Петръ ждетъ отъ васъ отрады, которую вы обѣщали доставить ему.»

«Что нашелъ Кругъ въ *Гардунѣ* для Россійской Исторіи. Живъ или умеръ Чацкій? Я уже не буду говорить ни вамъ, ни Уварову, о Львѣ Дьяконѣ: вы оба столько разъ обѣщали его мнѣ! А. Ѳ. Малиновскій купилъ за 160 руб. харатейное *Слово о полку Игоревѣ:* жаль только, что списокъ не исправенъ, и не поясняетъ печатнаго. Очень буду благодаренъ, если пришлете мнѣ сочиненія І. Миллера; люблю его умъ и талантъ.»

Октября 24, къ брату. «Надѣюсь на свою Исторію: авось она въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ дастъ мнѣ способъ и заплатить долгъ, и устроить себя до конца жизни. Если же обманусь въ надеждѣ, то рѣшимся продать часть имѣнія и жить по мѣщански».

Къ Тургеневу, 17 Ноября, изъ Остафьева. «Десять дней тому, какъ мы (потеряли) милую дочь Наташу, а другія дѣти въ той же болѣзни, въ скарлатинѣ. Не скажу ничего болѣе. Вы и добрый Жуковскій объ насъ пож. лѣете. Это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать цѣну и знаки вашей дружбы. Только не легко говорить. Отвѣчаю на главное. На ваше omnis morior. Жить есть исписать Исторію, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душею къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая и моихъ осьми или девяти томовъ. Чѣмъ далѣе живемъ, тѣмъ болѣе

объясняется для насъ цѣль жизни, и совершенство ея. Страсти должны не счастливить, а разработывать душу. Сухой, холодный, но умный Юмъ, въ минуту невольнаго живаго чувства, написалъ: douce paix de l'âme resignée aux ordres de la Providence! Даже Спиноза говоритъ о необходимости какой то неясной любви къ Всевышнему, для нашего благодетствія! Мало разницы между мелочными, и такъ называемыми важными занятіями; одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣлайте, что и какъ можете: только любите добро; а что есть добро, спрашивайте у совѣсти. Быть Статсъ-Секретаремъ, Министромъ или авторомъ, ученымъ—все одно».

«Пока живу и движусь, присылайте мнѣ относящееся къ Русской Исторіи: Византійцевъ, Лерберга, Круга. Прошу васъ изъявить мою душевную признательность г. Аделунгу: умѣю цѣнить достоинство труда его. Вы упомянули о скептикѣ К. Знаете-ли, что онъ сошелъ съ ума? А умъ его, tel quel, былъ лучше его характера. Когда Богъ дозволитъ мнѣ возвратиться въ Москву, посмотрю на купленное Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ Слово о полку Игоревѣ: это любопытный подлогъ».

«Получили-ли вы отъ меня обратно нѣсколько Ватиканскихъ грамотъ, съ нѣкоторыми легкими замѣчаніями? Могу доставить и еще что нибудь».

19 Января, 1816 г., къ брату. «Имѣю намѣреніе ѣхать черезъ двѣ недѣли въ Петербургъ, чтобы представить Государю восемь томовъ моей Исторіи,—разумѣется, если жена и дѣти будутъ здоровы Великой Княгини уже не могу тамъ застать, къ сожалѣнію. Впрочемъ чему быть, то будетъ. Императрица Марія нѣсколько разъ милостиво звала меня въ Петербургъ; самъ Государь *никогда* изъявлялъ желаніе видѣть меня тамъ. Но все это не обольщаетъ меня: *знаю, что могу съѣздить, и возвратиться ни съ чѣмъ.* По крайней мѣрѣ надобно, кажется, это испытать: уже не

время откладывать печатаніе Исторіи: старѣюсь и слабѣю, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ грусти. Больно, очень больно оставить жену въ горести. Думаю, если Богъ дастъ, возвратиться въ началѣ Марта. Манифесты вамъ извѣстны. Болѣе нѣтъ ничего новаго. Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ вельможа: Графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми! Не будетъ ничего безъ воли Провидѣнія».

Къ Малиновскому, 20 Января. «Благоразуміе, кажется, требуетъ, чтобъ скорѣе рѣшить судьбу труда моего; я писалъ къ Великой Княгинѣ, и не получилъ отвѣта. Она занята, и въ насъ не имѣетъ нужды. Лѣта располагаютъ насъ къ умѣренности и къ смиренію. Если отправлюсь въ Петербургъ, то возьму съ собою запасъ *терпѣнія, уничиженія, нищеты духа.* Хотѣлъ бы я спросить у васъ о многомъ: напримѣръ, представлялись ли вы Государю? Подали ли ваши любопытныя сочиненія и проч».?

Наконецъ Карамзинъ кончилъ всѣ свои приготовленія, написалъ мастерское предисловіе и посвятительное письмо, и собрался въ дорогу.

Онъ повезъ въ Петербургъ, для представленія Государю, восемь томовъ Исторіи Государства Россійскаго, трудъ, которому отдалъ свою жизнь, трудъ, который могъ совершить только онъ силою своею таланта, воли, удивительныхъ, необыкновенныхъ способностей ума и сердца...

О еслибы Шлецеръ могъ увидѣть его! Что сказалъ бы знаменитый критикъ, обозрѣвая это изящное произведеніе, совершенное впродолженіи двѣнадцати только лѣтъ? Онъ, который относился къ предпріятію съ недовѣрчивостію, и, можетъ быть, негодованіемъ?

Шлецеръ, изумленный и обрадованный, обратился бы теперь вѣрно къ Карамзину съ апострофою, подобною той, съ которой привѣтствовалъ онъ славныхъ изобрѣтателей Славянской грамоты, Кирилла и Мефодія.

Такъ вѣрно поступилъ бы Шлецеръ, а я обращусь къ читателямъ, преимущественно къ молодому поколѣнію. Карамзинъ сдѣлалъ великое дѣло, воздвигнулъ вѣковѣчный памятникъ, которому удивились, удивляются и будутъ удивляться всѣ порядочные Русскіе люди, пока жива Россія, а припомните, что самъ сказалъ о немъ знаменитый труженикъ, въ письмѣ къ Тургеневу, незадолго предъ тѣмъ написанномъ: «Жить есть не писать Исторію, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душею къ его источнику; все другое есть шелуха, не исключая и моихъ осми или девяти томовъ».

Вотъ глаголы истинной мудрости, которую вы ищете... не тамъ, гдѣ она пребываетъ!

Однажды, когда Жуковскій, Тургеневъ и другіе, съ чувствомъ говорили, какъ много Карамзинъ сдѣлалъ для Исторіи нашей, онъ отвѣчалъ: «Что я ни дѣлалъ, не имѣло бы нималаго успѣха безъ помощи Божіей. Есть же и у другихъ таланты, которымъ не было средствъ не только развиться, даже и обнаружиться, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ; есть и трудолюбіе, которое не имѣетъ удачи. Я дѣлалъ, какъ только умѣлъ; но въ чемъ успѣлъ, въ томъ обязанъ единственно милости Божіей.»

Предчувствія Карамзина, были грустныя, какъ это показываютъ послѣднія изъ приведенныхъ писемъ. Можетъ быть онѣ были, вызваны отчасти мыслями о Тверскомъ неудовольствіи Государя. Во всякомъ случаѣ онѣ оправдались въ высшей степени. Карамзинъ прожилъ въ Петербургѣ слишкомъ шесть недѣль, въ напрасныхъ, тягостныхъ и иногда мучительныхъ ожиданіяхъ, — время, названное имъ своею пятидесятницею, — пока наконецъ Государь принялъ его, возблагодарилъ и наградилъ достойнымъ образомъ, но будемъ разсказывать по порядку...

ГЛАВА VIII.

1816—1818.

Прибытіе въ Петербургъ.—Посѣщеніе Императрицъ М. Ѳ. и Е. А. и Вел. Княгини Е. П. — Первыя свѣдѣнія и сомнѣнія. — Предложеніе Гр. Румянцова.—Знакомство съ Шишковымъ.—Напрасныя ожиданія.—Нетерпѣніе.—Чтенія. — Жуковскій объ Исторіи. Недоразумѣнія.—Намѣреніе возвратиться въ Москву.— Посѣщеніе Графа Аракчеева.— Пріемъ Государя и поднесеніе Исторіи.—Исполненіе всѣхъ требованій и высочайшія награды.— Водвореніе въ Петербургѣ. — Печатанія и хлопоты. — Затрудненія. — Жизнь въ Царскомъ селѣ.— Отношеніе ко Двору. — Исторія выходитъ въ свѣтъ.—Взглядъ на И. со стороны критики, науки, искусства. — О системѣ и преднамѣренной цѣли —Отзывъ Стурдзы. — Быстрая распродажа. — Состояніе общества: мистики, фанатики, аракчеевцы, либералы. — Мнѣніе Никиты Муравьева и эпиграммы Пушкина. — Отвѣтъ К. — Ученые и журналисты. —Стихотвореніе Батюшкова.

2-го Февраля, 1816 года, вечеромъ, Карамзинъ, вмѣстѣ съ Княземъ Вяземскимъ, пріѣхалъ въ кибиткѣ въ Петербургъ,—и на другой день начались его посѣщенія, ожиданія и тревоги. Я буду приводить собственныя его слова изъ писемъ къ женѣ, исключая ненужныя или частныя подробности.

Благоволятъ читатели обращать вниманіе на числа, имѣющія значеніе и для біографіи Карамзина и для біографіи Императора Александра.

3 Февраля... «Вчера, въ 6 часовъ вечера, въѣхали мы въ городъ благополучно, долго искали пристанища, и наконецъ вошли въ холодныя комнаты». *

...» Сію минуту былъ у Великой Княгини, по старому милостивой; завтра, какъ думаю, увижу Императрицу вдовствующую, а когда Императора, еще не знаю.»

7 и 8 Февр... «На другой день я былъ у Императрицы Маріи: не удивился ея милостивому пріему, но до крайности удивился ея молодости и свѣжести: это прекрасная женщина въ 40 лѣтъ; говоритъ любезно, складно и съ рѣдкою легкостію.—Разговоръ нашъ продолжался минутъ 20, или еще менѣе; а мы коснулись и до нравственности, и до самыхъ отвлеченныхъ идей, не забывъ, разумѣется, Исторіи. *Жду повелѣнія Государева явиться къ нему съ Исторіею*, черезъ Графа Н. А. Толстаго: такъ ему угодно; онъ не приказалъ, (какъ объявили мнѣ), чтобы я представлялся черезъ Оберъ-Каммергера. Боюсь только, что это можетъ продлиться, и недѣлю, и двѣ, и три, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Готовятся къ свадьбѣ и праздникамъ: развѣ около 20 затихнетъ шумъ. *Сколько дней для меня потеряно*! Впрочемъ не могу похвалиться учтивостію, привѣтствіями и ласками здѣшнихъ жителей и *бояръ*.»

«...Будучи безпрестанно въ движеніи, я не ступилъ почти ни шагу къ главной цѣли.—Одинъ *вельможа* или боярин (ибо здѣсь пѣть вельможъ, кромѣ одного Графа Аракчеева, какъ сказываютъ) вымолвилъ моему пріятелю такое слово: Карамзинъ хочетъ, чтобы казна дала деньги на печатаніе его Исторіи; но сумма велика, и, вѣроятно, что по новымъ правиламъ экономіи, ему откажутъ, или не откажутъ, да не дадутъ. Въ такомъ случаѣ я съ удовольствіемъ предложилъ бы ему 50 тысячъ для сего дѣла? Я радъ, что у насъ

* Въ гостинницѣ.

есть такіе Бояре; но скорѣе брошу свою Исторію въ огонь, нежели возьму 50 т. отъ партикулярнаго человѣка. Хочу единственно должнаго и справедливаго, а не милостей и подарковъ.

«Съ хорошимъ или дурнымъ намѣреніемъ распустили слухъ, что мнѣ уже дано то и то.»

«Знай, что я видѣлъ и Шишкова: бесѣдовалъ съ нимъ втроемъ около трехъ часовъ. Сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною... о происхожденіи Славянскихъ словъ, j'ai du tendre pour mes ennemis, si j'en ai.» *

По словамъ Н. И. Греча, «Николай Михайловичъ разсказывалъ (ему), что онъ въ первый разъ встрѣтился съ Шишковымъ у Великой Княгини Екатерины Павловны. Александръ Семеновичъ, услышавъ имя Карамзина, не много смутился. Николай Михайловичъ, не медля, сказалъ ему: Люди, которые не знаютъ коротко ни васъ, ни меня, вздумали приписывать мнѣ вражду къ вамъ. Они ошибаются. Я не способенъ къ враждѣ; напротивъ того я привыкъ питать искреннее уваженіе къ добросовѣстнымъ писателямъ, трудящимся для общей пользы, хотя и не согласнымъ со мною въ нѣкоторыхъ убѣжденіямъ. Я не врагъ вашъ, а ученикъ: потому, что многое высказанное вами было мнѣ полезно, и если не все, то иное принято мною, и удержало меня отъ употребленія такихъ выраженій, которыя безъ вашихъ замѣчаній были бы употреблены.— Разумѣется, что такое объясненіе совершенно перемѣнило мысли Шишкова о Карамзинѣ. Съ тѣхъ поръ они были, если не друзьями, то по крайней мѣрѣ, добрыми искренними знакомыми.»

Такъ разсказывалъ Н. И. Гречъ. «Присовокуплю къ сему,» говоритъ К. С. Сербиновичъ, «что я, еще при жизни Карамзина, тоже почти самое слышалъ изъ устъ первой супруги Александра Семеновича, почтенной Дарьи Алексѣевны

* У меня есть нѣжность къ моимъ врагамъ, если ихъ имѣю.

(въ 1824 году), съ тою только розницею, что, по словамъ ея, встрѣча была у Державина, который пригласилъ къ обѣду обоихъ корифеевъ двухъ противныхъ партій нашей Словесности. Она съ особеннымъ чувствомъ разсказывала мнѣ о томъ пріятномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на нее Карамзинъ, и о той скромности, съ какою онъ началъ свое знакомство съ ея супругомъ.»

«Кажется вѣрнѣе, что они видѣлись прежде всего у Державина, тѣмъ болѣе что Н. М., въ своемъ письмѣ, не упоминаетъ при этомъ случаѣ ничего о Великой Княгинѣ.

11 Февраля. «Отъ Государя ни слова. Императрица Марія нерѣдко говоритъ обо мнѣ съ другими, какъ мнѣ сказываютъ».

«Что будетъ далѣе, не знаю; но знаю, что 10 Марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ѣхать къ вамъ назадъ, и болѣе не заглядывать въ Петербургъ, * хотя не могу довольно нахвалиться ласками здѣшнихъ господъ и пріятелей...»

«Однакожь знай, что нашелся одинъ человѣкъ, старый знакомецъ, который принялъ меня весьма холодно, и объявилъ, что ему извѣстенъ мой образъ мыслей, contraire aux idées libérales, то есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара. Онъ думаетъ, что мнѣ лучше печатать свою Исторію въ Москвѣ, и я съ нимъ согласился, это между нами...

Здѣсь теперь все занято праздниками: авось скоро узнаю что-нибудь рѣшительное въ разсужденіи моей Исторіи. До селѣ не сержусь и такъ спокоенъ, какъ младенецъ **. Что-то наши младенцы?»

---

* Что значитъ эта угроза? Вѣрно произошло что нибудь такое, что возбуждало въ Карамзинѣ опасенія, и не было повѣрено письму, даже къ женѣ. Какимъ образомъ иначе могла придти ему въ голову мысль о такомъ дальнемъ срокѣ, чрезъ мѣсяцъ, и мысль о возможности уѣхать ни съ чѣмъ, безъ рѣшенія о судьбѣ своей Исторіи!

** Карамзинъ говоритъ: до селѣ не сержусь, слѣд. можно было сердиться? За что же? Разумѣется за откладываніе пріема, требовавшаго не болѣе пяти минутъ. Такъ, противъ воли, вырываются значительныя слова.

14 Февраля. «Я видѣлъ Императора, но только видѣлъ. Вчера по утру сказали именемъ Государя, что онъ послѣ праздниковъ пришлетъ за мною, и прибавили отъ себя, что всякое мое справедливое желаніе безъ сомнѣнія будетъ имъ исполнено. Болѣе ничего не знаю. Государыня, Елисавета Алексѣевна, изъявила намѣреніе принять меня безъ чиновъ на сихъ дняхъ, и слушать мою Исторію. Я любовался вчера всею Императорскою фамиліею, и тѣмъ пріятнѣе, что они всѣ, какъ мнѣ сказывали, милостиво отзываются о твоемъ другѣ; всѣ, кромѣ самого Государя, о расположеніи котораго не имѣю никакого понятія. *Не хочу угадывать.** C'est avec intérêt que je l'ai vu entrer dans la salle, conduisant sa mère; je l'ai fixé bien des fois et pensé: je l'admire et je voudrais l'aimer beaucoup! Il a une belle physionomie».

«Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными *непріятелями*, и скажу имъ: есмь единъ посредѣ васъ, и не устрашуся!»

«*Неизвѣстность еще безпокоитъ меня. Повторяю, что 10 Марта надѣюсь сидѣть въ кибиткѣ.*»

18 Февраля. «Государь, какъ ты знаешь, обѣщался позвать меня въ кабинетъ, *послѣ праздниковъ*. Черезъ два дни постъ; но говѣнье опять можетъ быть препятствіемъ. Увидимъ. Добрые люди на всякій случай даютъ мнѣ мысль продать свою Исторію тысячъ за сто, то есть, если не увижу Государя еще недѣли три, или казна не выдастъ мнѣ денегъ для ея печатанія. Покупщикъ, можетъ быть, найдется; но согласно ли это съ достоинствомъ Россійской Имперіи, и съ честію Исторіографства? Между тѣмъ мнѣ щастье въ Императрицахъ и въ публикѣ: первыя милостиво говорятъ обо мнѣ, съ кѣмъ могутъ. Великая Княгиня (по словамъ Графа Ростопчина) сказала ему: notre historiographe court la ville,

* «Не хочу угадывать» и это выраженіе, также, имѣетъ значеніе.

mais pourquoi est-ce qu'on le cajole? Онъ отвѣчалъ: c'est qu'il est le suisse de l'immortalite! * Она засмѣялась, и послѣ съ важностію примолвила: je voudrais pourtant, que cela fut déjà fini». **

«Я не хотѣлъ и не думалъ быть на праздникахъ; однакожь, какъ тебѣ извѣстно, былъ на балѣ у Императрицы, а нынѣшній день буду въ маскарадѣ Таврическаго дворца, потому что едва ли не по приказанію Государеву доставленъ мнѣ билетъ, чрезъ Кн. А. Н. Голицына, и потому, что Императоръ весьма занимается симъ праздникомъ, такъ, что знатную часть вчерашняго утра провелъ въ Таврическомъ дворцѣ, все самъ учреждалъ и пр. Какъ не ѣхать къ такому доброму хозяину, когда онъ зоветъ! Гостей будетъ около 3000, а отставныхъ только 60; тремъ стамъ, большею частію класснымъ, не дали билетовъ. Вотъ подробности, самыя исторіографическія, по крайней мѣрѣ историческія»!

«Скажи Ивану Ивановичу, что нашъ великомудрый законодатель Розенкампфъ, столь ему извѣстный, самъ явился ко мнѣ для знакомства и былъ привѣтливъ до крайности. Съ Румянцовыми живу душа въ душу: слава ихъ отца и собственныя ихъ достоинства вселили въ меня искреннюю любовь къ нимъ, хотя мы отчасти и разныхъ системъ. Измѣнилъ мнѣ только одинъ человѣкъ: бѣдный! Славный мой обѣдъ съ *непріятелями* не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя я и старался забавлять ихъ грамматикою, синтаксисомъ, этимологіею. Добрый старикъ Державинъ вздумалъ было произвести меня въ члены Россійской Шишковской Академіи, но я сказалъ ему, что до конца моей жизни *не назовусь* членомъ никакой Академіи, и не буду ни въ какомъ такъ называемомъ ученомъ обществѣ.

---

* Нашъ Исторіографъ рыскаетъ по городу, но почему его такъ ублажаютъ? Потому что онъ швейцаръ у воротъ безсмертія.

* Однакожъ, я желала бы, чтобъ все это уже окончилось.

Милая хозяйка моя не измѣняется въ своихъ ласкахъ. Вотъ истинная жена Михаила Никитича! * немогъ я выбрать лучшаго жилища и это украсило для меня Петербургъ. Съ Кн. Петромъ только иногда обѣдаемъ вмѣстѣ, за исключеніемъ одного вечера, который онъ до втораго часа ночи провелъ у меня съ нашими Московскими пріятелями. Онъ на всѣхъ балахъ, однакожъ, по его словамъ, не очень веселится: Я умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ, и потому веселюсь, пою какъ соловей».

Къ этому времени принадлежитъ слѣдующее письмо Жуковскаго къ И. И. Дмитріеву, о впечатлѣніи Исторіи, *отъ 18 Февраля*, 1816 г.

«У насъ здѣсь праздникъ за праздникомъ. Для меня же лучшій изъ праздниковъ: присутствіе здѣсь нашего почтеннаго Николая Михайловича. Здѣсь всѣ жаждутъ его узнать, и видѣть его въ этомъ кругу также пріятно, какъ и быть съ нимъ въ его семьѣ: онъ обращаетъ въ чистое наслажденіе сердца то, что для большой части есть только безпокойное удовольствіе самолюбія. Что же касается до меня, то мнѣ весело необыкновенно объ немъ говорить и думать. Я благодаренъ ему за счастіе особеннаго рода: за счастіе знать и (что еще болѣе) чувствовать настоящую ему цѣну. Это, болѣе нежели что нибудь, дружитъ меня съ самимъ собою. И можно сказать, что у меня въ душѣ есть особенное хорошее свойство, которое называется *Карамзинымъ:* тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго. Недавно провелъ я у него самый пріятный вечеръ. Онъ читалъ намъ описаніе взятія Казани. Какое совершенство! И какая эпоха для Русскаго появленіе этой Исторіи! Какое сокровище для языка, для поэзіи, не говорю уже о той дѣятельности, которая должна будетъ родиться въ умахъ. Эту Исторію можно назвать *воскресителемъ прошедшихъ вѣковъ бытія нашего народа.*

* Катерина Ѳедоровна Муравьева приготовила помѣщеніе для Карамзина, куда онъ и переѣхалъ, черезъ недѣлю по пріѣздѣ въ Петербургъ.

По сію пору они были для насъ только мертвыми муміями, и всѣ Исторіи Русскаго народа, доселѣ извѣстныя, можно назвать только гробами, въ которыхъ мы видѣли лежащими эти безобразныя муміи. Теперь всѣ оживятся, подымутся, и получатъ величественный, привлекательный образъ. Счастливы дарованія, теперь созрѣвающія! Они начнутъ свое поприще, вооруженныя съ ногъ до головы ..»

22 Февраля. «*Неизвѣстность, для тебя и для меня огорчительная*, непродолжится болѣе двухъ недѣль: еще повторяю, что около 10 Марта съѣзжу къ Оберъ Гофмейстеру, и скажу ему, что я оставилъ въ Москвѣ жену и дѣтей, прошу позволенія ѣхать къ нимъ обратно. Не можешь вообразить, какъ я по милости Божіей спокоенъ въ душѣ и выше элементовъ придворныхъ! *Нехочу презирать себя.* C'est tout dire, et tu me comprends. *

«*Не сдѣлаю ничего непристойнаго;* знаю отношенія подданнаго къ Государю и долгъ нашего къ нему благоговѣнія. Государь и вся Императорская фамилія были заняты праздниками, теперь заняты говѣньемъ и молитвою, на второй недѣлѣ будутъ заняты прощаніемъ съ Великою Княгинею, а въ половинѣ третьей я уже *займусь* своимъ отъѣздомъ въ Москву; *мѣра терпѣнія моего исполнится.* J'ai assez bien vu les choses, etant encore à Moscou; j'a fait ce que je dois faire; ton ami sait ce qu'il doit à son souverain, mais il sait aussi, ce qu'il doit à sa propre dignité morale. **

---

* «Здѣсь все сказано, и ты меня понимаешь.»
Нельзя не видѣть здѣсь намёка въ томъ же значеніи.

** «*Въ Москвѣ еще я видѣлъ вещи довольно хорошо;* я сдѣлалъ, что долженъ былъ сдѣлать, и сдѣлаю, что долженъ сдѣлать; твой другъ знаетъ свои обязанности въ отношеніи къ своему Государю, но онъ знаетъ также свои обязанности въ отношеніи къ своему нравственному достоинству.»

Вотъ опять слова, которыя нуждаются въ объясненіи. Замѣтимъ, что Карамзинъ писалъ это только чрезъ двѣ недѣли своего пребыванія въ Петербургѣ, а онъ будетъ принужденъ оставаться тамъ еще мѣсяцъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ!

«...Не могу похвалиться дружбою Великой Княгини: она мнѣ только съ ласкою кланялась во дворцѣ; говоритъ, что занимается *моимъ дѣломъ;* хочетъ звать меня къ себѣ, и не зоветъ. Богъ съ нею и со всѣми! ничего не требую и доволенъ.—Скоро будутъ къ вамъ Малиновскіе съ перстнемъ и раскриптомъ, а *я, можетъ быть, ни съ чѣмъ*, но безъ зависти и съ благодарностію къ Богу, если онъ сохранитъ тебя, милая, и нашихъ остальныхъ дѣтей.»

24 и 25 Февраля.... «Уже три недѣли я здѣсь, и *теряю время* на суету: не подвигаюсь впередъ, и дѣйствительно *имѣю нужду въ терпѣніи*. Почти ежедневно слышу, и въ особенности черезъ Великую Княгиню, что Государь благорасположенъ принять меня—и все только *слышу*. Видишь, какъ трудно войти въ святилище его кабинета! Вчера графъ Капо д'Истрія, (сидѣвшій у меня три часа), въ утѣшеніе говорилъ мнѣ, что Государь во все это время еще никого непринималъ у себя въ кабинетѣ: слѣдовательно надобно ждать! Ты милая, заставила меня посмѣяться надъ тобою, сказавъ, *что я вѣрно не употребляю всѣхъ способовъ отдѣлаться поскорѣе:* дѣйствительно жду только, и болѣе ничего не дѣлаю; но для того, что дѣлать нечего. Государь не можетъ забыть, что Исторіографъ здѣсь: ибо самъ, какъ мнѣ сказывали, говоритъ обо мнѣ; а принудить его никто безъ сомнѣнія не возмется... Буду молчать до третьей недѣли поста; а тамъ скажу, что пора мнѣ домой, какъ я уже писалъ къ тебѣ. Государь причиною того, что не вижу и милостивыхъ, любезныхъ Императрицъ, ни Великихъ Княгинь. Скажу тебѣ нѣсколько словъ о *вельможѣ* (Графѣ Аракчеевѣ): вчера входитъ ко мнѣ ординарецъ его, съ запискою отъ адъютанта, что Графъ ждетъ меня въ 6 часовъ вечера. Догадываюсь и отвѣчаю, что не я, а братъ мой Ѳедоръ, старинный сослуживецъ Графа, былъ у него на канунѣ,

не имѣвъ счастія видѣть его. Адъютантъ извиняется весьма учтиво и пишетъ, что онъ дѣйствительно ошибся, и что Графъ ждетъ брата. Братъ является, и Графъ съ низкимъ поклономъ говоритъ ему: «радуюсь случаю познакомиться съ такимъ *ученымъ* человѣкомъ, тѣмъ болѣе что я былъ нѣкогда пріятелемъ вашего братца.» Ѳедоръ Михайловичъ отвѣчаетъ: «Ваше Сіятельство! я не Исторіографъ, а самый вашъ старинный знакомецъ!» Слѣдуютъ объятія, ласки. Открылось, что Графъ ждалъ Исторіографа, узнавъ, что пріѣзжалъ къ нему Карамзинъ. Но могъ-ли я, имѣя извѣстный тебѣ характеръ, ѣхать къ незнакомому мнѣ *фавориту?* Это было бы нахально и глупо съ моей стороны. Однакожь, этотъ случай ставитъ меня въ непріятное положеніе: *другъ Государевъ* уже объявилъ свое расположеніе принять меня учтиво и обязательно: если не буду у него, то не покажусь-ли ему грубіяномъ? а если буду, то *не заключатъ-ли, что я пролазъ и подлый искатель?* Лучше, кажется, не ѣхать. Пусть вельможа несправедливо сочтетъ меня грубіяномъ. Такъ-ли думаешь, милая?

«...Ты хочешь знать, что сдѣлалъ для меня Графъ Петръ Александровичъ: познакомилъ съ братомъ своимъ, оберъ-гофмаршаломъ, и говорилъ, кажется, съ Императоромъ, давая мнѣ чувствовать, что трудъ мой не останется безъ Всемилостивѣйшаго вниманія. У друга твоего нѣтъ покровителей: разумѣешь меня. Hélas! j'ai déjà peu de tems à vivre: changerais je de caractère? Je ne suis rien aux yeux de mon Dieu; mais les hommes ne me feront pas baiser les yeux! *

28 Февраля.... «Мое положеніе не перемѣнилось: къ Императору не зовутъ меня, и даже Великой Княгини не

---

* Жить мнѣ остается не долго: измѣнять-ли мнѣ свой характеръ? я ничто предъ Богомъ, но люди не заставятъ меня опускать предъ ними глаза.

вижу. Почти желаю, чтобы она уѣхала въ четвергъ не простившись со мною. Мнѣ будетъ легче, или такъ же легко, какъ и теперь. Нынѣшній день былъ я у Великой Княгини Маріи: A sa demande, si je passais bien mon tems à Pétersbourg, je lui ai répondu: Madame, j'en suis enchanté; on me traite parfaitement bien ici; mais séparé de ma famille chérie, je perds et mon tems et ma santé à Pétersbourg, car j'y mène une vie, à laquelle je ne suis nullement accoutumé: je ne fais rien et je cours toute la journée. Она: mais l'Empereur est si occupé! Я: un Empereur de Russie est toujours occupé, et voit pourtant ceux qu'il veut voir. Dans 8 jours je demanderai la permission de repartir pour Moscou». *

«Завтра отправляюсь къ Великой Княгинѣ, Аннѣ Павловнѣ въ 11-ть часовъ утра: вѣроятно и ею буду доволенъ. Впрочемъ я всѣми доволенъ, не смотря на сплетни, и вотъ какія: Генералъ Писаревъ, котораго знаешь, пріятель графа Аракчеева и генералъ-адъютанта Сипягина, (какъ мнѣ объявили), разсказывалъ за секретъ въ одномъ домѣ, что Государь, услышавъ о шестидесяти тысячахъ, коихъ должна стоить казнѣ моя Исторія, сказалъ: Какой вздоръ! дамъ-ли я такую сумму! Вѣришь-ли? *Я и вѣрю и не вѣрю.* Это не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія, ибо я уже рѣшился не говорить объ Исторіи, вести ее пазадъ, спрятать до иныхъ временъ и надписать надъ манускриптомъ: à l'usage de mes enfans et de la postérité.**

Сдѣлай милость, любезнѣйшая, не говори объ этомъ никому. Скажи любопытнымъ, что надѣюсь выѣхать изъ

* На вопросъ: хорошо-ли я провожу время въ Петербургѣ, я отвѣчалъ: В. В. какъ нельзя лучше, меня принимаютъ всюдѣ отлично. но. въ разлукѣ съ моимъ любезнымъ семействомъ, я теряю въ Петербургѣ и время свое и здоровье, потому что веду здѣсь *жизнь, къ какой я непривыкъ: я ничего не дѣлаю* и разъѣзжаю цѣлый день. В. К. сказала: но Императоръ такъ занятъ! Я возразилъ: Императоръ Всероссійскій всегда занятъ, и видитъ однакожъ тѣхъ, кого желаетъ видѣть, Чрезъ недѣлю я попрошу позволенія возвратиться въ Москву.

** Для моихъ дѣтей и для потомства.

Петербурга около 10 Марта, и что я, какъ и правда, весьма доволенъ Петербургомъ. Въ самомъ дѣлѣ, меня всѣ ласкаютъ: чего болѣе? По милости Бога мы не умремъ съ голоду и безъ Исторіи.—Chasse Petersbourg et la cour de tes idées; n'y vois que ton ami qui n'aspire, qu'à retourner auprès de toi; oublie jusqu'à mon Histoire même. Revenu à Moscou je continuerai pourtant cet ouvrage: il appartient à mes enfans et à ma patrie. Vive le travail! Je prévois un cas pénible: si l'Empereur ne répond rien à ma demande de retourner à Moscou? Prendrois-je cela pour une permission? J'espère, que tout sera plus clair dans 8 ou 9 jours d'ici. Je ne veux pas être fou, et ne veux rien précipiter; mais je me sens plus fier, que jamais, après avoir respiré l'air de Pétersbourg!... *.

29 Февр... Шпаревъ, можетъ быть, солгалъ: а вчера другой человѣкъ опять за тайну объявилъ мнѣ, что меня сдѣлаютъ каммеръ-геромъ. Не говори объ этомъ. Увидимъ, кто правъ.—Въ изъясненіе моего непредставленія Государю еще прибавлю, что Принцъ Ольденбургскій уже давно добивается аудіенціи въ кабинетѣ и напрасно...

1 Марта... Мы говорили съ Великой Княгинею минутъ 20. Она сказала: l'Empereur parle de vous et voudra peut-être entendre encore quelques chapitres de votre histoire **. Я отвѣчалъ: Je n'ai à présent qu'une seule grâce à demander

---

* Изгоняй Петербургъ и дворъ изъ своей головы, ты должна видѣть въ немъ только своего друга, который думаетъ только о возвращеніи. Позабудь даже и мою Исторію. Однакожъ я буду продолжать ее, воротясь въ Москву: она принадлежитъ дѣтямъ и отечеству. Да здравствуетъ работа. Предусматриваю тягостный случай: если Государь не отвѣтитъ ничего на мою просьбу о возвращеніи въ Москву. Принимать ли это за разрѣшеніе. Надѣюсь, что все объяснится черезъ недѣлю. Я не сдѣлаю глупостей, не буду ни на что настаивать, торопить, спѣшить безъ толку, но никогда я не чувствовалъ себя такъ гордымъ, какъ подышавъ Петербургскимъ воздухомъ.

** Государь говоритъ о васъ, и захочетъ можетъ быть услышать еще нѣсколько главъ изъ вашей Исторіи.

à Sa Majesté: c'est la permission de retourner a Moscou; je ne veux plus rien. Mon coeur redemande ma femme et mes enfans... * Однимъ словомъ, мы разстались пристойнымъ образомъ: я сказалъ ей все, *что сказалъ бы самому Государю.*

2 Марта... Вчера, говоря съ В. К. Екатериною Павловною, я только что *не дрожалъ отъ негодованія* при мысли, что меня держатъ здѣсь безполезно, *и почти оскорбительнымъ образомъ.* Je lui ai demandé, si je pouvais repartir pour Moscou sans permission: elle m'a répondu que non, et que je devois attendre les ordres de sa Majesté. Je dis à tous ceux, qui veulent m'entendre, que je n'ai actuellement qu'une seule idée, celle de m'en aller. On m'etouffe ici sous des roses, mais on m'étouffe; je ne dois pas mener longtems un pareil genre de vie; je suis trop en scène; je parle trop; cela surexcite mes nerfs outre mesure et j'ai besoin de repos. Je me fâche très sérieusement contre celui, qui a l'air de ne se soucier guère ni de moi, ni de mon histoire; ne m'imite pas, mon ange, et sois plus généreuse: je te le demande; surtout n'en parle pas avec les autres. Dans 4 ou 5 jours d'ici je demanderai absolument par l'entremise du comte Nicolas Tolstoy la permission de m'en aller. La Grande Duchesse est partie ce matin. ** — Вчера передъ обѣдомъ

* У меня теперь просьба только объ одной милости—о позволеніи воротиться въ Москву. Мнѣ ничего болѣе не нужно. Мое сердце требуетъ жены и дѣтей.

**Я спросилъ ее, не могу ли я уѣхать въ Москву безъ разрѣшенія. Она отвѣчала нѣтъ, должно ожидать приказаній Его Величества. Я говорю всѣмъ, кто хочетъ меня слушать, что у меня теперь одна только мысль—отправиться домой. Меня душатъ здѣсь подъ розами, но душатъ; я не могу долго жить такимъ образомъ; я слишкомъ на виду, говорю слишкомъ много, это возбуждаетъ сверхъ мѣры мои нервы, а мнѣ нуженъ покой: я сержусь не на шутку на того, кому нѣтъ дѣла кажется ни до меня ни до моей Исторіи. Не подражай мнѣ, мой другъ, и будь великодушнѣе; особенно не говори о томъ никому. Дней черезъ четыре или пять я буду просить чрезъ Графа Толстаго непремѣнно позволенія отправиться. Великая Княгиня уѣхала.

провелъ я два часа съ любезнымъ Шторхомъ à discuter sur l'affranchissement des paysans. Il a été tout-à-fait aimable, prêtoit la plus grande attention à mes argumens, ne les combattoit que faiblement, et dit à la fin avec une noble franchise: j'entends des choses neuves; s'est fort, et j'avoue que j'ai pu errer. * Ему, какъ и мнѣ, около 50 лѣтъ; онъ уменъ и пріятенъ. А у Капо д'Истрія я все еще не былъ, ни у Князя Голицына. Вѣроятно даже, что и Графъ Аракчеевъ считаетъ меня неучтивцемъ: слѣдственно, я худой *царедворецъ*. Не мудрено, что выѣду ни съ чѣмъ, и что моя Исторія останется въ пыли...»

«...Сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе Арзамасцевъ: съ ними бы жить и умереть. Вообще, милая, хотѣлъ бы я переѣхать съ тобою въ Петербургъ, но если не удостоятъ меня *лицезрѣнія*, то надобно забыть Петербургъ: докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу не противная гордость; продадимъ Вторусскую деревеньку и станемъ вѣкъ доживать въ Москвѣ. Еще повторяю: не сердись, не говори о томъ для меня; даже и сердцемъ мы могли бы унизиться; будемъ только жалѣть, и *есть объ чемъ жалѣть!* Пестро, очень пестро; но все дѣлается, какъ Богу угодно; вотъ что всегда успокоиваетъ мою душу, исполненную любви къ Россіи и къ ея доброжелательному Монарху. Comme les gens d'esprit sont bêtes, quand ils s'éloignent de ce grand principe! La religion de mon coeur m'a fait presque trouver la pierre philosophale...

«Кругъ думаетъ обо мнѣ хорошо, и признавался, что нашелъ меня *ученѣе*, нежели воображалъ! Впрочемъ *теперь* нѣтъ нужды читать ему моей Исторіи.»

** Въ разсужденіяхъ объ освобожденіи крестьянъ. Онъ былъ очень любезенъ, слушалъ съ большимъ вниманіемъ мои доказательства, возражая только слегка, и въ заключеніе сказалъ съ благородною откровенностію: Это для меня новости и очень важныя; сознаюсь, что могъ заблуждаться.

6 и 7 Марта... «Дѣйствительно ничего, ничего, кромѣ *нетерпѣнія и негодованія*, я не чувствую, какъ ты угадываешь; и то временно, минутно. Гораздо рѣшительнѣе и постояннѣе во мнѣ признательность къ Петербургу, гдѣ все, кромѣ N и Шаховскаго, сыплетъ на меня цвѣты...»

«Въ пятницу былъ я у Великихъ Князей. Милая! не повѣришь, какъ сердце мое оживилось, обрадовалось: я нашелъ, чего не воображалъ, двухъ прекрасныхъ, добросердечныхъ, прямыхъ, умныхъ молодыхъ Принцевъ, которыми я горжуся, веселюся какъ ребенокъ. О! я не имѣлъ объ нихъ понятія. Николай Павловичъ или еще полнѣе любовью, или увѣреннѣе въ самомъ себѣ: я видѣлъ въ немъ—подивись—я видѣлъ въ немъ юнаго брата. Онъ меня обнялъ, благодарилъ за мою *снисходительность!* Моя рука была въ его рукѣ нѣсколько минутъ. Милая! ты не ошибаешься въ моихъ чувствахъ: нѣтъ, не самолюбіе удовлетворенное, а любовь къ Царскому Дому и Россіи произвела въ душѣ моей какое-то сладкое, тихое, безкорыстное удовольствіе. Мы говорили, какъ водится, о Россійской Исторіи, о великихъ происшествіяхъ, о состояніи Европы, о славѣ Императора и Россіи. Я даже предлагалъ имъ легкіе вопросы, и радовался ихъ отвѣтамъ: ils ont de l'étoffe, oui, oui. Не знаю, что они будутъ черезъ два года; но знаю, что они теперь любезны, любезны! Это благодѣяніе природы и вдовствующей Императрицы. Удивительная женщина! Можетъ быть, потомство отдастъ ей справедливость громогласнѣе, нежели мы, вѣтреные, невнимательные современники: это гораздо святѣе. Мнѣ такъ пріятно говорить о Великихъ Князьяхъ, что я долженъ удерживаться *.

* Это письмо ясно доказываетъ, и для нашихъ молодыхъ судей, искренность чувствъ Карамзина, безкорыстную преданность къ Царскому Дому. Онъ писалъ къ женѣ—съ какою живостію описываетъ онъ свое удовольствіе, убѣдясь въ достоинствахъ Великихъ Князей!

«... Мы говорили до *десятаго* часу (съ Императрицею Маріею), и я съ величайшею искренностію сказалъ, что какъ ни пріятенъ ласковый Петербургъ, какъ ни велико счастіе пользоваться знаками Императрицыныхъ милостей, но что сердце мое просится къ женѣ и къ дѣтямъ. Государыня добрая предложила мнѣ *склонить Императора къ скорѣйшему свиданію*. Наконецъ мы встали и все еще говорили.»

...» Видно, что мнѣ всѣхъ надобно узнать въ Петербургѣ: вчера обѣдалъ я у Вельяшева съ *Пуколовымъ*, который здѣсь выше всѣхъ Статсъ-Секретарей, по увѣренію знающихъ людей. Онъ съ умомъ, и объявилъ себя моимъ *старымъ* знакомымъ: я отдѣлался учтивымъ поклономъ и не просилъ о возобновленіи знакомства. Видишь, что мужъ твой Гуронъ: не поѣхалъ къ Графу Аракчееву, не воспользовался даже и благорасположеніемъ Пуколова! Чего же мнѣ ждать? Уваженія твоего и собственнаго. Я никого не хочу оскорбить грубостію; но мое ли дѣло идти криво?»

«Вотъ записка отъ Нелединскаго»: мнѣ *приказано* извѣстить васъ, что вы завтра (7 Марта) приглашены будете къ Государю. Это хорошо; но теперь около 11 часовъ утра, а приглашенія нѣтъ, вѣроятно уже и не будетъ. По крайней мѣрѣ будетъ то, что угодно Богу.»

10 Марта... «Положеніе мое таково, что дѣйствительно имѣю нужду въ совѣтахъ.—Сердце рвется отъ нетерпѣнія; а между тѣмъ опасаюсь рѣшить, можетъ быть навсегда, судьбу нашей здѣшней жизни какъ нибудь легкомысленно. Не хочу притворяться, говорю искренно, но боюсь преступить границу благоразумія. Вотъ обстоятельства: не смотря на торжественное обѣщаніе Государя пригласить къ себѣ 7 числа, я до сей минуты ничего отъ него не слышу; ждалъ два дни и пересталъ ждать. 10 Марта наступило, а другъ твой въ главномъ неподвинулся впередъ.

«Вчера я долженъ былъ обѣдать у привѣтливаго, любезнаго (для меня) Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, но вдругъ въ два часа зовъ къ Императрицѣ: меня ищутъ по городу, и я едва успѣлъ къ обѣду Государыни доброй, милостивой. Тутъ была вся Императорская фамилія, кромѣ Государя и И. Елизаветы Алексѣевны. Я сидѣлъ противъ Августѣйшей хозяйки; и все было хорошо, кромѣ того, что твой простосердечный мужъ еще невидалъ ни Института, ни Монастыря, управляемыхъ ею. Признаюсь, что вопросъ ея, и даже милостивый, деликатный упрекъ кольнулъ меня въ сердце. Такъ и быть; это доказываетъ, что я не хитрецъ придворный. Государыня сказала: vous verrez cela au moins à votre retour *. Замѣть это слово: не есть ли оно слѣдствіе разговора ея съ Императоромъ?

«Когда же увижу Императора. Вооружимся терпѣніемъ еще на нѣсколько времени. Богъ все сдѣлаетъ, чему быть надобно. Милая! проси Бога, чтобы онъ далъ тебѣ спокойствіе и свѣтлость души: вся душа моя въ этихъ словахъ. Еще замѣчу, что Императрица за столомъ, взглянувъ на меня, сказала: *Московская* дорога еще неиспортилась!»

«Выслушай другое происшествіе. Фактотумъ Графа Аракчеева, объ которомъ я писалъ къ тебѣ, передалъ мнѣ черезъ Вельяшева, что Графъ желаетъ видѣться со мною, и говоритъ: «Карамзинъ, видно, не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда, и не забросилъ даже ко мнѣ карточки!» Вотъ какъ судятъ люди: скромность считаютъ за грубость! Фактотумъ, (по крайней мѣрѣ такъ здѣсь думаютъ), прислалъ ко мнѣ карточку, и велѣлъ меня звать къ себѣ въ воскресенье на вечеръ для свиданія съ Графомъ. Вообрази мое положеніе! не хочу никого оскор-

* Вы увидѣте ихъ покрайней мѣрѣ по возвращеніи.

бить; но могу ли дать себѣ видъ пролаза? Я также отослалъ къ нему свою карточку, отвѣтствуя Вельяшеву, что мнѣ не ловко ѣхать къ такому человѣку, который у меня самъ не былъ. *Между тѣмъ, надѣвъ мундиръ, я отвезъ карточку къ Графу.* * Что будетъ далѣе, не знаю. Помоги намъ Богъ выпутаться изъ всѣхъ придворныхъ обстоятельствъ съ невинностію и честію, которыми я обязанъ моему сердцу, милой женѣ, дѣтямъ, Россіи и человѣчеству!»

Отъ того же дня.—...» Постой: ко мнѣ идетъ фактотумъ Графа Аракчеева.... Онъ пробылъ у меня съ часъ: много учтивости. На зовъ въ воскресенье я отвѣчалъ, что буду у Императрицы. Тѣмъ и кончилось. За визитъ отплачу визитомъ, это необходимо....»

13 Марта.—...» Во первыхъ я все надѣюсь, что дѣло мое кончится на сихъ дняхъ: какъ скоро увижу Императора, то безъ сомнѣнія на третій день выѣду. Во вторыхъ, если бы сверхъ чаянія и продлились недосуги его еще недѣлю, двѣ или болѣе, то заклинаю тебя быть спокойною на мой счетъ, предаться въ волю Божію и ждать меня

---

* Читатели! съ какими чувствами Карамзинъ надѣвалъ мундиръ, чтобъ завести карточку къ графу Аракчееву. О, это была минута трагическая! Но почему же надо было надѣть мундиръ, для того чтобъ только завести карточку?

Такъ мнѣ представлялось дѣло, но вотъ какъ объясняетъ его Князь Вяземскій, которой читалъ мое сочиненіе по листамъ въ рукописи:

«За 50 лѣтъ тому мундиръ былъ не то, что теперь. Тогда не знали пальто и проч., визитовъ въ сюртукахъ не дѣлали. И за просто все-таки должно было надѣвать фракъ и бѣлый галстукъ. Стало быть, ничего для Карамзина трагическаго не было въ общепринятой обязанности надѣвать мундиръ, когда онъ готовился явиться къ государственному сановнику, но еще и незнакомому. Не будемъ дѣлать изъ мухъ слоновъ. Смѣшно придавать нравственную важность туалетному дѣлу. Теперь Карамзинъ въ подобномъ случаѣ, какъ и мы всѣ, надѣлъ бы мундирный фракъ, но тогда мундирный фракъ не былъ еще выдуманъ.»

въ Москвѣ. Самый послѣдній срокъ есть отъѣздъ Государевъ: это развяжетъ мнѣ руки и ноги; если и не увижу его, то все буду свободенъ ѣхать къ тебѣ, милая, а онъ, какъ слышно, въ самомъ началѣ весны отправится. Теперь уже дѣло зашло далеко: не могу пристойнымъ образомъ и просить дозволенія возвратиться въ Москву, не видавъ Государя: мнѣ со всѣхъ сторонъ кладутъ въ ротъ, что онъ расположенъ сдѣлать для меня все справедливое и пристойное.... Рѣшится судьба моего труда долговременнаго и отчасти самой жизни нашей: двѣ лишнія недѣли разлуки могутъ нѣкоторымъ образомъ наградить насъ за шесть, уже прошедшихъ....»

«Я отвезъ карточку къ графу Аракчееву, и на третій день получилъ отъ него зовъ; пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера, и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. Говорили съ нѣкоторою искренностію. Я разсказалъ ему мои обстоятельства, и на вызовъ его замолвить за меня слово Государю отвѣчалъ: «не прошу Ваше Сіятельство; но если вамъ угодно, и если будетъ кстати» и проч. Онъ сказалъ: «Государь безъ сомнѣнія расположенъ принять васъ, и не на двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь». Пришелъ третій человѣкъ, его *ближній*, и разговоръ нашъ перемѣнился. Слышно, что онъ думаетъ пригласить меня къ обѣду. Вообще я нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ и съ хорошими правилами. Вотъ его слова: «учителемъ моимъ былъ дьячекъ: мудрено ли, что я мало знаю? Мое дѣло исполнять волю Государеву. Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться: теперь уже поздно». Не думай, милая, что это насмѣшка; нѣтъ, онъ хорошо трактовалъ меня, и сказанное мною не могло подать ему повода къ такой насмѣшкѣ. Слѣдственно и Графъ Аракчеевъ обязался способствовать моему скорѣй-

шему свиданію съ Государемъ; даже увѣрилъ меня, что это откладываніе не продолжится. Неужели все будетъ напрасно? По крайней мѣрѣ надобно ждать, и не пристойно требовать, чтобы меня ни съ чѣмъ отпустили въ Москву.»

16 Марта. «Милая! Вчера въ 5 часовъ вечера пришелъ я къ Государю. Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты; встрѣтилъ ласково, обнялъ и провелъ со мною *часъ сорокъ минутъ* въ разговорѣ искреннемъ, милостивомъ, прекрасномъ. Воображай, что хочешь: не вообразишь всей его любезности, привѣтливости. Я хотѣлъ прочесть ему дедикацію: два раза начиналъ и не кончилъ. Скажи: *тьмъ лучше!* ибо онъ хотѣлъ говорить со мною. Я предложилъ наконецъ свои *требованія:* все принято, дано, какъ нельзя лучше: на печатаніе 60 тысячъ, и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ селѣ; право быть искреннимъ и проч.

Марта 17. «Вчера я отвезъ карточку къ Графу Аракчееву: онъ догадается, что это въ знакъ благодарности учтивой. Вѣроятно, что онъ говорилъ обо мнѣ съ Императоромъ.»

«...Авось все устроится къ лучшему! Могу сказать лишнее; могу и поступить въ иномъ не совсѣмъ благоразумно, но Богъ поправитъ, вступится за мою простоту!...»

21 Марта. ...»Ты уже знаешь, другъ безцѣнный, что Государь пожаловалъ мнѣ еще Аннинскую ленту черезъ плечо, и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ.»

«...Выѣду, какъ надѣюсь, въ четвергъ. Теперь проси Бога, чтобы онъ соединилъ насъ благополучно.»

—

Вотъ искренніе отчеты Карамзина въ письмахъ задушевныхъ къ обожаемой женѣ, о пребываніи его въ Петербургѣ, по дѣлу Исторіи, объ его пятидесятницѣ, какъ онъ называлъ это пребываніе. Что долженъ былъ перечувство-

вать впродолженіи этой пятидесятницы, въ своемъ уголкѣ, послѣ роскошныхъ обѣдовъ и пышныхъ пріемовъ, смотря на восемь пирамидъ своихъ трудовъ неутомимыхъ, на кои положилъ онъ всѣ свои силы, весь свой талантъ, всю свою душу. Что онъ вытерпѣлъ, можно судить по тѣмъ выраженіямъ, которыя вырывались у него изъ груди: «Я дрожалъ отъ негодованія » писалъ онъ, кроткій, терпеливый, смиренный, о разговорѣ своемъ съ Великою Княгинею Е. П., которая недавно еще была для него полу богинею.

Почему же Государь не принималъ его такъ долго, и оставлялъ въ мучительной неизвѣстности?

Я не умѣю отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. Могу только сдѣлать нѣсколько предположеній.

1) Можетъ быть Государь хотѣлъ напомнить ему Записку о древней и новой Россіи, оставившую въ немъ непріятное впечатлѣніе. *

2) Можетъ быть Графъ Аракчеевъ хотѣлъ показать здѣсь свое всемогущество, отклонялъ пріемъ по какимъ нибудь соображеніямъ, чтобъ ничего не было сдѣлано мимо его, а Карамзинъ къ нему не обращался. Когда же обратился, то на другой день послѣдовалъ и пріемъ.

3) Можетъ быть замедленіе произошло просто и естественно, потому что на верху вещи представляются иначе, и немедленное рѣшеніе о печатаніи Исторіи не казалось столько нужнымъ и важнымъ, чтобъ должно было пожертвовать ему другими дѣлами, наконецъ

4) Ѳ. Н. Глинка, служившій въ то время въ центрѣ управленія, и близкій къ разнымъ властямъ, думаетъ, что

* К. С. Сербиновичъ возражаетъ: «Но вѣдь Государь еще въ 1812 году думалъ поручить ему должность удаленнаго Сперанскаго. Слѣд. нельзя предполагать не благоволенія. По моему одно не противорѣчитъ другому: Государь могъ поручить Карамзину должность Г. С., несмотря на свое не благоволеніе.

правительство желало прежде познакомиться ближе съ Исторіей, съ ея духомъ и направленіемъ, чѣмъ разрѣшить печатаніе по Высочайшему повелѣнію: тѣмъ болѣе, что ходили по городу многіе неблагопріятные слухи,—и съ этою цѣлію устроивались по разнымъ домамъ чтенія изъ Исторіи.

Смѣю возразить на послѣднее предположеніе тѣмъ, что образъ мыслей Карамзина, и духъ его Исторіи, слишкомъ былъ извѣстенъ Государю, изъ его разговора въ Твери— не говоря уже объ Великой Княгинѣ и Императрицахъ, которыя могли о ней свидѣтельствовать вѣрнѣе всѣхъ.

Какъ бы то ни было, мы должны замѣтить, что всѣ старанія и всѣ посредства оканчивались ни чѣмъ до свиданія съ Графомъ Аракчеевымъ, который обѣщалъ исходатайствовать аудіенцію, и на другой день сдержалъ свое слово: Карамзинъ былъ принятъ и осыпанъ ласками и милостями.

—

Слѣдуя за Карамзинымъ по главному дѣлу, за которымъ пріѣхалъ онъ въ Петербургъ, мы пропускали его отношенія къ обществу, его посѣщенія, знакомства, чтенія.

Всѣхъ пріятнѣе для него были сношенія съ Государственнымъ Канцлеромъ, Графомъ Румянцовымъ, и его братомъ. Впрочемъ и другіе вельможи вслѣдъ за дворомъ, Лопухинъ, Куракинъ, Разумовскій, осыпали его ласками, приглашали на обѣды и вечера, въ особенности онъ подружился съ Каподистріей.

Стурдза оставилъ нѣсколько строкъ о впечатлѣніи, произведенномъ Карамзинымъ въ Петербургскомъ обществѣ: «Предубѣжденія личныя и самородное чувство зависти, которое гнѣздится въ человѣкѣ естественномъ, кривые толки педантовъ и свѣтскихъ людей, все умолкло, онѣмѣло при его появленіи. Почтенный старецъ А. С. Шишковъ чистосердечно и публично отрекся отъ прежнихъ своихъ

невыгодныхъ мнѣній о писателѣ Карамзинѣ... ...Мудрая кротость Карамзина, его непринужденное радушіе, сильны были обезоружить противниковъ и порицателей, даже самыхъ упорныхъ. Горечь, злорадство, униженіе другихъ и высокое мнѣніе о себѣ, такъ были чужды уму и сердцу Карамзина, что въ лѣтописяхъ всеобщей литературы равнаго ему въ незлобіи отыскать невозможно. Я встрѣтилъ въ первый разъ Карамзина въ гостиной Софьи Петровны Свѣчиной; онъ читалъ намъ вслухъ блистательный отрывокъ изъ своей Исторіи, а именно: сказаніе о Дмитріѣ Донскомъ; я внималъ ему въ толпѣ слушателей, отчасти любопытныхъ, отчасти недовѣрявшихъ его учености и таланту. Сквозь легкомысліе и вѣжливое лицемѣріе нѣкоторыхъ проглядывало глубокое, иногда забавное изумленіе. Эти домашнія чтенія повторялись во многихъ почетныхъ домахъ; вездѣ сыпались на автора похвалы, которыя онъ принималъ безъ услады и восторга, просто, съ неподражаемымъ добродушіемъ».

...«Карамзинъ отмѣнно любилъ мирныя пренія, искренно радовался противорѣчію, никогда не сердился, и не утомлялся въ продолженіе этихъ задушевныхъ бесѣдъ. Чѣмъ болѣе забывалъ онъ личную славу, тѣмъ мы усерднѣе вспоминали о ней. На стезѣ жизни мнѣ никогда не случалось встрѣтить писателя, менѣе самолюбиваго и болѣе благосклоннаго къ рождающимся талантамъ. Чего не сдѣлалъ онъ для Пушкина, то умѣряя порывы сего своенравнаго генія, то горячо вступаясь за виновнаго, и заботливо пролагая ему новые пути къ достиженію родной ему славы и знаменитости? Въ семъ отношеніи сколь многіе и многіе остались у незабвеннаго въ долгу! Забывчивость эту можно приписать отчасти тревожному движенію нашего вѣка, который нерѣдко, стоя на одной точкѣ, въ упоеніи гордости мечтаетъ, что ушелъ далеко впередъ».

Карамзинъ находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ Арзамаса: съ Тургеневымъ, Жуковскимъ, Дашковымъ, Уваровымъ, Батюшковымъ, Блудовымъ, этими славными преемниками Карамзина въ дѣлѣ Русскаго образованія.

«Здѣсь изъ мужчинъ всѣхъ любезнѣе для меня Арзамасцы: вотъ истинная Русская академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ! *Жаль, что они не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ*».

Примѣчательныя слова, которыя показываютъ, что Карамзинъ ясно видѣлъ вредъ отъ Петербурга для занятій литературныхъ. И дѣйствительно, всѣ Арзамасцы оставили литературу въ Петербургѣ, кромѣ Жуковскаго. — Петербургскія разсѣянности мѣшали ихъ литературнымъ занятіямъ. (Князь Вяземскій не жилъ въ Петербургѣ).

«Все (въ Петербургѣ) кромѣ N. и Шаховскаго, сыплетъ на меня цвѣты. A propos de N. Сказываютъ, что онъ на сихъ дняхъ старался доставить Графу Аракчееву записку съ новыми доносами на меня; но посредникъ отказался. C'est un fou, ce N. Къ счастію твоему онъ трусъ; иначе твой мужъ былъ бы конечно или застрѣленъ или зарѣзанъ ночью. Не слишкомъ-ли много дѣлаю ему чести, упоминая объ немъ въ письмѣ къ милой женѣ.

Прежде Карамзинъ сказалъ объ немъ:

«К. обѣдалъ съ нами (у Державина) онъ въ волненіи духа, и спрашивалъ меня, когда уѣду въ Москву! Онъ вѣрно не безъ страха, и мнѣ почти хотѣлось бы успокоить его; вотъ казнь злобы и душевной мерзости. Не знаю, кто больше обрадуется: ты-ли моему пріѣзду, или онъ моему отъѣзду».

---

* Арзамасомъ называлось, какъ извѣстно, частное литаратурное общество, котораго членами были: Жуковскій, онъ же и секретарь, Блудовъ, Дашковъ, Батюшковъ, Уваровъ, Тургеневъ, Вяземскій, Вигель, Жихаревъ, Сѣверинъ, В. Л. Пушкинъ, а послѣ и А. С. Пушкинъ.

Въ послѣднихъ числахъ Марта, Карамзинъ выѣхалъ изъ Петербурга. Онъ несовсѣмъ однакожъ былъ увѣренъ въ своемъ положеніи. «Милость Государства не ослѣпляетъ меня», писалъ онъ къ брату, отъ *4 Апрѣля, «не ручаюсь за ея продолженіе»*. Это письмо онъ заключаетъ знакомъ восклицанія: «я былъ у графа Аракчеева»! Значитъ, что ему непріятна была необходимость по обстоятельствамъ посѣтить его.

Н. М. Марія прислала ему перстень съ своимъ портретомъ, отъ *20 Марта* 1816 г. *П. М.* Удовольствіе лично съ вами познакомиться и время пріятно препровождаемое въ слушаніи чтенія вашей исторіи, сохраняются въ моей памяти, но чтобы непзгладилось изъ вашей обѣщаніе ваше возвратится вскорѣ сюда и довести труды ваши до окончанія, я прошу глядѣть почаще на приложенный при семъ перстень съ изображеніемъ истинно уважающей ваши достоинства и пребывающей съ искреннимъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонной Маріи».

По возвращеніи въ Москву, къ дорогому семейству, онъ тотчасъ обратился къ своей работѣ, какъ будто недолженъ былъ немедленно сбираться для переселенія.

«Я еще никуда не выѣзжалъ, «пишетъ онъ къ *Тургеневу отъ 30 Марта*» и непринимался за работу однакожь бумаги и книги уже разложены. «Это письмо начинается такъ; «обнимаю васъ съ чувствомъ нѣжности и признательности за все доброе чѣмъ вы преисполнили мою душу въ теченіе моей Петербургской пятидесятницы».

Хлопоты по Петербургскому водворенію поручилъ онъ этому «любезному своему помощнику, котораго благодарилъ горячо и за все дѣланное для него въ Петербургѣ. Вотъ это письмо, (*отъ 3 Апрѣля*) примѣчательное по мыслямъ въ немъ выраженнымъ: «Дружеское письмо ваше

отъ 3 Апрѣля тронуло меня до глубины сердца. Давно знаю, что вы меня любите, но когда это чувствую, тогда въ сердцѣ моемъ дѣлается какое-то особенное движеніе. Мы два Симбиряка, платимъ и даемъ въ займы другъ другу; разсчитаемся вѣрно въ день послѣдней земной разлуки. Однакожъ могу посмѣяться надъ вами, надъ вашею ко мнѣ вѣрою! Она не обманетъ васъ въ одномъ смыслѣ: вѣрьте моей искренности и дружбы остальное не важно. Я не мистикъ и не адептъ. Хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ, хочу любить какъ можно болѣе; не мечтаю даже и о возрожденіи нравственномъ въ тѣлѣ. Будемъ въ середу не много получше того, какъ мы были во вторникъ, и довольно для насъ лѣнивыхъ. Жуковскій есть истинный нашъ братъ. Съ такими людьми хорошо жить и умереть. Да здравствуетъ Арзамасъ! Очень желаю свѣдать что-нибудь павѣрное о Царскомъ селѣ; мнѣ хотѣлось бы ѣхать отсюда прямо туда, *а не въ Петербургъ*, гдѣ у меня нѣтъ пристанища. Вамъ все поручаю; можете напомнить и доброму обязательному Князю (Голицыну А. Н.) Жаль будетъ мнѣ оставить Москву: это мирная гавань! не говорю о людяхъ; говорю только о своемъ спокойствіи. Да будетъ, что угодно Всевышнему!»

Отъ 20 Апрѣля писалъ онъ къ *Тургеневу*:... «Не надѣйтеся на Графа» остается для меня загадкою. Желаю однакожъ, чтобъ Графъ Л. непринадлежалъ къ этому числу, и чтобы онъ, какъ можно скорѣе, и пояснилъ Государево повелѣніе, и отвелъ мнѣ домъ въ Царскимъ Селѣ, куда бы я могъ прямо отсюда ѣхать. Май наступаетъ, а мнѣ нельзя будетъ тронуться съ мѣста, если не получу отъ васъ извѣстія о домѣ. Нѣтъ нужды просить васъ, моего юнаго друга, потому что вы сами все для меня дѣлаете такъ ревностно, такъ мило! Жду и буду ждать. Между тѣмъ я поздоровъ, и похудѣлъ въ Москвѣ, какъ церковная мышь. Спѣшите вывезти меня отсюда поскорѣе:

иначе могу умереть до изданія моей Исторіи. Безъ шутки не хорошо себя чувствую, но люблю. Сверхъ жены и дѣтей люблю и васъ, моихъ душевныхъ пріятелей очень живо.»

Отъ Мая 8. «Какъ добръ вашъ почтенный князь (А. Н. Голицынъ), думая о томъ, чтобъ намъ было не худо въ Царскомъ Селѣ. Домъ, кажется дѣйствительно очень тѣсенъ для человѣка съ семействомъ и съ маленькими дѣтьми. Поручаю вамъ судьбу моего тамошняго житья-бытья. Устроите какъ лучше.»

Временное пристанище въ Петербургѣ, на случай надобности онъ располагался имѣть у любезной, святой своей Катерины Ѳедоровны Муравьевой, какъ онъ называлъ ее, достойной супруги Михаила Никитича, который рѣшилъ судьбу его исторіографства.

Въ концѣ Мая 1816 г. Карамзинъ съ семействомъ оставилъ Москву, чтобъ никогда уже туда не возвращаться, и только безпрестанно думать объ ней? *

Отъ 16 Мая писалъ К. *къ брату:* Думаемъ послѣ завтра ѣхать въ Петербургъ, или, лучше сказать, въ Царское село, гдѣ Государь приказалъ отвести мнѣ домъ на лѣто. Еще незнаю, останусь ли въ Петербургѣ, или въ Августѣ возвращусь въ Москву печатать свою Исторію. Петербургскіе типографщики требуютъ слишкомъ дорого за тисненіе; да и жить тамъ весьма не дешево.»

Онъ пріѣхалъ прямо въ Царское село 24 Мая, и увѣдомилъ Тургенева:

«Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Мы въ Царскомъ селѣ: въ Петербургѣ ли вы? Думаю, или

* Я имѣлъ счастіе увидѣть Карамзина предъ. его отъѣздомъ. изъ Москвы въ Оружейной палатѣ, вмѣстѣ съ семействомъ. Дмитріевымъ и Малиновскимъ, который показывалъ имъ тамошнія сокровища. Мальчикомъ, изъ 2 класса гимназіи, я пришелъ туда по какому-то счастливому случаю, съ товарищами, и къ величайшей радости встрѣтилъ тамъ знаменитыхъ посѣтителей, отъ которыхъ не отходилъ уже ни на шагъ, и проводилъ послѣ до экипажей.

надѣюсь. Можете ли заглянуть къ намъ? или мнѣ ѣхать къ вамъ? — Между тѣмъ дружески прошу васъ сказать Князю Александру Николаевичу выразительное слово о моей искреннѣйшей благодарности: мы очень довольны пріятнымъ домикомъ. Не можетъ ли онъ, будучи столь благосклоненъ ко мнѣ, доложить Государю, что я, по Его высочайшей милости сдѣлавшись теперь жителемъ Царскаго села, ожидаю, когда мнѣ позволено будетъ видѣть моего Монарха и благотворителя?—Обнимаю васъ отъ души и сердца. Напишите строчку въ отвѣтъ. Не замедлю быть въ Петербургѣ. До свиданія. *24 Мая ввечеру.*

Потомъ увѣдомилъ Дмитріева:

«Мы пріѣхали благополучно 24 Мая въ 5 часу вечера, и нашли свой домикъ пріятнымъ: уютно и все изрядно; только кабинетъ мой долженъ быть въ особенномъ флигелѣ; за то у меня тамъ двѣ комнаты. Императоръ уѣхалъ отсюда третьяго дня, и будетъ назадъ послѣ завтра».

«Вдовствующая Императрица велѣла поздравить меня съ пріѣздомъ, и сказать, что могу быть въ Павловскѣ когда хочу, и что она всегда приметъ меня съ удовольствіемъ. Увидимъ, такъ ли любезенъ будетъ Государь: сдва ли.!»

Изъ этихъ словъ видно, что сомнѣніе не оставляло Карамзина. На какомъ же основаніи?

«Авось будемъ къ Сентябрю въ Москвѣ, впрочемъ не дѣлаю плановъ.»

Карамзинъ усомнился напрасно: онъ былъ принятъ вскорѣ Государемъ, и получилъ много знаковъ Его благоволенія.

Нѣсколько времени продолжалась перѣшимость, гдѣ печатать Исторію, въ Петербургѣ ли, гдѣ просили за ея печатаніе дорого, или въ Москвѣ. Карамзинъ боялся дорогой жизни въ Петербургѣ.

Онъ писалъ къ *Дмитріеву отъ 8 Іюня:* «Государь призывалъ меня къ себѣ и говорилъ со мною весьма милостиво о вещахъ обыкновенныхъ. Увидѣвъ меня на балѣ въ Павловскѣ въ Розовомъ павильонѣ, тотчасъ подошелъ спросить о здоровьѣ жены, и на другой день прислалъ лакея своего спросить о томъ же. Это милостиво, и тронуло меня. Императрица также привѣтлива. Однакожъ все еще незнаю, останусь ли печатать здѣсь Исторію. Типографщики дорожатся, или не имѣютъ нужнаго для такаго печатанія. Будетъ, чему быть надобно; а пора мнѣ гдѣ-нибудь основаться до конца и работать постоянно, безъ всякихъ развлеченій.»

Къ брату 12 Іюня. «Жить въ Петербургѣ очень дорого; могу много задолжать въ два года... Царское село есть прекрасное мѣсто, и безъ сомнѣнія лучшее вокругъ Петербурга. Здѣсь все напоминаетъ Екатерину. Какъ перемѣнился времени и обстоятельства! Часто въ задумчивости смотрю на памятники Чесмы и Кагула.»

Къ Дмитріеву, отъ 28 Іюня. «Меланхолическія слова твои: *старость, одиночество, все бѣдно и скучно*, тронули меня до глубины сердца. Утѣшаюсь однакожъ мыслію о твоей душевной твердости, въ которой всякій изъ насъ имѣетъ большую нужду. Пріѣзжай на время сюда: ты возратишься спокойнѣе и довольнѣе въ Москву. Говорю по собственному, искреннему, глубокому чувству.»

«Меня еще ласкаютъ: но Московская жизнь кажется мнѣ прелестнѣе, нежели когда-нибудь, хотя стою въ томъ, что въ Петербургѣ болѣе общественныхъ удовольствій, болѣе пріятныхъ разговоровъ. Ты знаешь и свѣтъ и дворъ лучше меня, думаю; но время изглаживаетъ, ослабляетъ впечатлѣнія. Люби, люби Москву: будешь веселѣе. Такое философствованіе готовитъ тебя къ слѣдующему. Не смотря на ласки Двора, вѣроятно, что мы возвратимся къ тебѣ

въ концѣ Августа. Сверхъ цѣны нахожу, что у Селивановскаго можно печатать Исторію скорѣе, нежели въ здѣшнихъ типографіяхъ. Жить дорого, а квартиры просить не хочу. Смѣшно будетъ въ два года издержать напередъ то, что можетъ мнѣ принести Исторія. Я благодаренъ и доволенъ; однакожь où peut on être mieux и проч. Воспоминіе о пріятной Царскосельской жизни, о праздникахъ, обѣдахъ Павловскихъ, о любезной привѣтливости Государя, Императрицъ, останется и въ воображеніи и въ сердцѣ. Не каюсь, что пріѣхалъ сюда; надѣюсь, что не буду каяться и возвратясь въ домъ Кокошкина. Я писалъ къ тебѣ, что Государь однажды призывалъ меня къ себѣ; встрѣчаюсь съ нимъ въ прогулкахъ: онъ всегда останавливается, чтобы сказать нѣсколько пріятныхъ словъ—и только. Онъ снисходителенъ, добродушенъ, какъ ты самъ знаешь. Третьяго дни на балѣ въ Павловскѣ нашъ умный Министръ, говорилъ со мною въ уголкѣ часа два, и такъ искренно, такъ обязательно! Тутъ мы сошлись съ Клингеромъ: онъ распрашивалъ о тебѣ. Наконецъ явился Милорадовичь съ военною трубою, и время показалось мнѣ коротко. Три раза былъ я въ Петербургѣ и гулялъ по Невѣ съ женою, съ дочерьми, съ Огаревою и съ Тургеневымъ.—Императрица звала насъ на Каменный островъ.— Въ добавокъ къ извѣстіямъ скажу, что Пукаловъ посѣщалъ меня, но не засталъ дома; также и Затрапезновъ. Съ Капо д'Истрія видѣлся я только на балѣ. Онъ хотѣлъ пріѣхать къ намъ обѣдать; а если не будетъ, то и я никогда не буду у него. Они образуютъ: Стурдза уже образовалъ Бессарабію, а Принцъ Ольденбургскій убѣдилъ Эстляндскихъ дворянъ дать свободу крестьянамъ: Я за что и получилъ Владимира. Прости, милый другъ. не очень здоровъ, но благодарю Бога за жену и дѣтей. Иногда мысли въ туманѣ; но вспомню, что безъ Бога ничего не дѣлается, и дѣлаюсь спокойнѣе: Vive la Providence

Почти хотѣлъ бы сказать: vive la mort! Люблю жить съ женою, съ дѣтьми и съ друзьями; но мысль о смерти даетъ особенную пріятность жизни: все милѣе отъ того, что не вѣчно! Это не въ твоемъ вкусѣ: нужды нѣтъ, on ne se gêne pas avec les amis! «Еще прости, любезный! будь здоровъ и долговѣченъ, веселъ умомъ и спокоенъ сердцемъ.»

Къ Малиновскому, 4 Іюля. «Доселѣ мы живемъ единообразно, бываемъ въ Павловскѣ у милостивой Императрицы, видимъ иногда и Государя милостиваго, гуляемъ въ саду, изрѣдка обѣдаемъ съ пріятелями, пишу кое-какъ и проч. Москва у меня въ сердцѣ; я доволенъ здѣшнимъ пребываніемъ, но помышляю возвратиться, и рѣшительно, въ половинѣ или исходѣ Августа. Кажется, что мнѣ лучше провести остатокъ жизни тамъ же, гдѣ провелъ молодость, въ любви семейственной и дружеской. Жду извѣстія отъ Селивановскаго и не получаю. Здоровъ ли онъ? Мнѣ хотѣлось бы знать навѣрное о печатаніи у него моей Исторіи.»

18 Іюля, къ Дмитріеву. »Ты съ грустію писалъ ко мнѣ о смерти нищелюбиваго П. В. Лопухина, моего старшаго благопріятеля, а я съ грустію же пишу къ тебѣ о кончинѣ Г. Р. Державина. Въ одинъ день узнали мы о той и другой. Меня кольнуло въ сердце. Естественно воспоминать объ усопшихъ только добромъ. Нашъ Пиндаръ готовился дать сельскій пиръ друзьямъ своимъ, и палъ въ могилу, которая часто бывала рифмою въ его стихахъ! До сей минуты не знаю никакихъ подробностей. Здѣсь мало занимаются мертвыми. Въ воскресенье мы обѣдали въ Павловскѣ: никто не сказалъ мнѣ ни слова о смерти знаменитаго поэта! Одинъ Гречь ревнуетъ въ Сынѣ отечества. Sic transit gloria mundi.»

«Въ первомъ письмѣ могу сказать тебѣ что нибудь рѣшительное о нашей судьбѣ: здѣсь ли останемся года на два, или къ Сентябрю будемъ въ Москвѣ. Государь безъ

моей просьбы далъ приказаніе К. Волконскому, чтобы военная типографія печатала мою Исторію на условіяхъ, какія предложу ей; но Г. Закревскій учтиво пишетъ ко мнѣ, что онъ готовъ исполнить приказаніе, не ручаясь за скорое печатаніе. Я отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ не могу имѣть съ ними дѣла. — Помышляемъ теперь о Петергофѣ, гдѣ милостивый Императоръ велѣлъ К. Волконскому нанять для насъ домикъ, не сказывая намъ. О тебѣ не рѣдко воспоминаютъ въ Павловскѣ, особенно вдовствующая Императрица. —Мнѣ иногда бываетъ очень грустно, что я не въ Москвѣ: это не слово, а чувство. Иные дни проводимъ весьма уединенно; пишу въ особенномъ сельскомъ домикѣ; верхомъ гуляю въ саду Александровскомъ и въ звѣринцѣ. Мѣсто прелестное; только мнѣ кажется, что я не въ Россіи, когда слышу вокругъ себѣ языкъ чухонскій.»

Къ Малиновскому, Августа 2. Судьба наша рѣшилась тѣмъ, что мы должны остаться въ Петербургѣ года на два, слѣдственно почти на всю жизнь по моимъ лѣтамъ и здоровью, если не ошибаюсь. Государь безъ моей просьбы велѣлъ печатать Исторію мою въ военной типографіи, желая тѣмъ изъявить къ намъ милость! Отказаться невозможно, хотя, кромѣ всего прочаго, самая Исторія будетъ тамъ напечатана весьма некрасиво. Не могу изобразить вамъ, какъ мнѣ бываетъ тяжело и грустно. Чувствую, что я не созданъ для здѣшней жизни, и что мнѣ оставалось бы только доживать вѣкъ свой въ уединеніи, съ вами, моими не многими друзьями Московскими. Можетъ быть я сдѣлалъ ошибку: да будетъ воля Божія! Хотѣлось бы поговорить съ вами: обо всемъ не напишешь. Прошу васъ, моего любезнѣйшаго, немедленно отправить ко мнѣ въ Царское Село остальные ящики съ книгами, числомъ три кажется; имѣю въ нихъ нужду. Я былъ увѣренъ, что уже

благодарилъ васъ за весьма любопытныя для меня бумаги о Сибирскомъ Кучумѣ: и впредь одолжайте меня такимъ образомъ. Это будетъ однимъ изъ доказательствъ вашей ко мнѣ дружбы. Здѣсь мы какъ спроты... по крайней мѣрѣ скажу вамъ нѣчто о нашей жизни. Дворъ очень милостивъ къ Исторіографу и женѣ его. Мы два раза обѣдали у Государя; вчера звали насъ и третій разъ, но я былъ въ Петербургѣ. Въ Павловскѣ бываемъ часто, раза два въ недѣлю; обѣдаемъ, иногда и ужинаемъ. Между тѣмъ хлопочу о печатаніи, поправляю поты, нанимаю домъ и нанялъ близъ Литейнаго двора, на Захарьевской улицѣ за 4000 р. въ годъ. — Нева въ 100 саженяхъ, не далекъ и Таврическій садъ; дворъ хорошъ и съ садикомъ; всего довольно, и сараевъ и амбаровъ, комнаты весьма недурны, только безъ мебели, на которыя надо еще издержать тысячи двѣ, если не болѣе. А наши доходы? Указываю на манускриптъ свой, и вишюсь въ сходствѣ съ дѣвкою молочницею, которая несетъ на головѣ кринку и мечтаетъ о богатствѣ.»

Къ Дмитріеву, отъ 2 Августа. «Предаюсь въ волю Божію съ своею меланхоліей. Я жилъ въ Москвѣ: не придется ли умереть въ Петербургѣ... Не можемъ похвалиться любезною привѣтливостію милостиваго Императора и всей Царской фамиліи. Въ Павловскѣ бываемъ и въ Воскресенье, и въ простые дни, раза два въ недѣлю; т. е. обѣдаемъ. Ласкаютъ равно и меня и жену. Однимъ словомъ, здѣсь не знаю ничего милѣе Царскосельскихъ и Павловскихъ хозяевъ. Признательность моя обыкновенно состоитъ въ любви. А доволенъ ли я? Покрайней мѣрѣ не собою; не совсѣмъ доволенъ и другими, любя, желаю, желаю, желаю; а многія желанія безпокоятъ душу, какъ извѣстно... Что вамъ ска-

* Тогда этотъ домъ былъ *Баженовой*, послѣ принадлежалъ долго *І. В. Дубельту*, теперь принадлежитъ *Калачеву*.

зать о здѣшнемъ нашемъ пребываніи? Ласка Двора къ намъ необыкновенная. Мое положеніе могло бы восхитить молодаго человѣка, а я уже старъ и мраченъ духомъ: цвѣты мало веселятъ меня. Люблю добраго Царя всею душею, желая, чтобы всѣ такъ любили его. Онъ послѣ завтра ѣдетъ въ Москву, Смоленскъ, Варшаву, и возвратится къ 14 Октябрю. Если милость его къ намъ продолжится, то мы не употребимъ ее во зло, и постараемся быть совершенно безкорыстными».

Къ Дмитреву, 21 Августа. «Слово твое, что мы видѣлись, можетъ быть, въ послѣдній разъ, меня очень тронуло. Конечно: какъ знать? Однакожъ надѣюсь, что мы еще будемъ жить вмѣстѣ, въ Петербургѣ ли, въ Москвѣ ли, куда, если буду только живъ, возвращуся по изданіи Исторіи: я не придворный! Исторіографу естественнѣе умереть на грядѣ капустной, имъ обработанной, нежели на порогѣ Дворца, гдѣ я не глупѣе, но и не умнѣе другихъ. Правда, не мало времени въ двухъ годахъ: да будетъ воля Божія! Все дѣлается для чего нибудь, хотя мы и не знаемъ, для чего! Мнѣ бывало очень тяжело: теперь уже легче отъ привычки. Ты какъ поэтъ описалъ мнѣ украшенную Москву».

«Едвали въ исходѣ Сентября увижу первый листъ печатный. Между тѣмъ пересматриваю поты и для меня скучныя; каковы же будутъ для читателей».

Карамзинъ счелъ нужнымъ оправдываться въ примѣчаніяхъ, даже и въ предисловіи къ Исторіи. Онъ все еще не могъ освободиться отъ молодаго своего мнѣнія объ исторической занимательности, и не сознавалъ, что въ его Исторіи занимательность есть дѣло второстепенное, и что найдутся люди, которые за примѣчанія будутъ благодарить его столько же, какъ и за самую Исторію. Одна мысль приложить такія примѣчанія къ Исторіи доказываетъ всю силу и обширность его здраваго смысла!

Переѣхавъ въ городъ, Карамзинъ обремененъ былъ трудами; начались корректуры, и очень тяжелыя, множество досадъ причиняли типографіи, и онъ часто долженъ былъ жаловаться въ письмахъ къ Дмитріеву и брату:

12 Сентября, къ Дмитріеву: «...Мы думаемъ къ 20 числу пріѣхать въ городъ, гдѣ типографія и корректуры будутъ ближайшими для моего сердца предметами. Желаю скорѣе начать эти дѣло, чтобы скорѣе кончить и рѣшить судьбу остальныхъ дней моихъ. Незнаю, какъ расположу свою жизнь въ Петербургѣ. Вѣроятно, что у меня останется не много времени для общества, или по крайней мѣрѣ для выѣздовъ... Вчера я видѣлся съ нашимъ любезнымъ Канцлеромъ. Онъ весьма доволенъ своимъ наблюдательнымъ путешествіемъ, и возвратился съ новыми доказательствами мнимой истины старыхъ своихъ историческихъ парадоксовъ. Ты познакомился съ графомъ Капо д'Истрія вотъ умнѣйшій человѣкъ нынѣшняго двора; кажется искреннимъ, однакожъ не безъ тонкости. Государь, Императрица, любятъ хвалить его, и я безъ лести могу имъ вторить.—Ты не любишь дѣлать пустыхъ вопросовъ: слѣдственно не спросишь, весело ли намъ? Въ нѣкоторыхъ лѣтахъ и съ нѣкоторымъ характеромъ люди перестаютъ думать о веселье. Умъ и сердце согласно предписываютъ мнѣ жизнь семейную и работу».

Замѣтимъ слѣдующія за симъ слова изъ письма къ Дмитріеву: «Невольная или лучше сказать естественная, благоразумная скромность удаляетъ меня отъ всякихъ льстивыхъ мечтаній самолюбія. * Если не могу, то и не

---

*) Эти слова должны относиться къ государственной службѣ. Если не желаніе, то готовность служить, принять участіе въ дѣлахъ, была у Карамзина, и къ ней, кромѣ этихъ словъ относятся еще нѣкоторыя слова въ предсмертномъ письмѣ къ Каподистріи: Графу милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня: я всегда былъ готовъ служить ему сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать».

хочу нравиться людямъ. Здѣсь многіе перестали быть ласковы со мною; у того я не былъ съ визитомъ, другому не сказалъ учтивости и проч., иной считаетъ меня даже гордецомъ, хотя я въ душѣ ниже травы».

Къ Дмитріеву, Октября.... «Теперь мнѣ скучно и хлопотно. Типографія смотритъ на меня медвѣдемъ; въ домѣ всего недостаетъ, а денегъ выходитъ много. Ѣздить не хочется; все торопимся и ничего не дѣлаемъ. Только читаю корректуры; даже смотрю безъ удовольствія на первые листы.... Жалѣю не только объ Москвѣ, но и объ Царскомъ селѣ! Ободримся»!..

Непріятностей такъ было много, что Карамзину даже недоставили удовольствія первые печатные листы! Послѣ 12 лѣтъ исполинскаго труда не почувствовать автору удовольствія при видѣ первыхъ листовъ своего любимаго, завѣтнаго труда—это значитъ, что ему было уже слишкомъ тяжело.

Къ Малиновскому, 12 октября.... «Хлопоты хозяйственные, корректуры, визиты, etc. Грустно думать, что все это продолжится около двухъ лѣтъ, если буду живъ, и если не случится чего чрезвычайнаго. Москва! Москва! Издали смотрю на васъ съ умиленіемъ! Однакожъ умѣю быть и твердымъ. — Въ отвѣтъ на одно мѣсто вашего письма скажу, что Московскія догадки и соображенія, по моему мнѣнію, не справедливы. Слѣдствія новаго Эстляндскаго устава о крестьянъ развѣ *впредь* окажутся благодѣтельными; тогда, и не прежде совѣтую вамъ говорить объ этомъ способѣ для соглашенія выгоды крестьянъ и дворянства. Будемъ молиться Богу: онъ все устроитъ къ лучшему»...

Къ брату, 20 октября. «Мы уже недѣли три въ городѣ, гдѣ пустые визиты и печатаніе Исторіи отнимаютъ у меня время. Хлопотно и скучно. Жалѣю, жалѣю о Царскомъ

селѣ, и Петербургъ сдѣлался мнѣ почти противенъ. Хотѣлось бы дожить вѣкъ въ тишинѣ и покоѣ, а здѣсь едвали могу имѣть ихъ.— ..Государь возвратился 18 числа. Не знаю, буду ли имѣть счастіе видѣть его. Въ военной типографіи печатаютъ мою Исторію весьма не исправно, и дѣлаютъ мнѣ досады, къ которымъ я не привыкъ. Надобно все испытывать въ жизни.—....Если Богъ благословитъ изданіе моихъ трудовъ, то надѣюсь провести остатокъ жизни въ Москвѣ. Впрочемъ да будетъ его святая воля»!

Къ Дмитріеву, 26 октября. «О себѣ скажу, что намъ не очень весело. Исторія печатается худо и весьма худо. Сверхъ того военные господа, начальники типографіи, старались дѣлать мнѣ разныя неудовольствія, и въ отсутствіе Государя даже остановили было печатаніе, требуя, чтобы я отдалъ книгу свою въ цензуру. Но теперь это кончилось. Государь велѣлъ печатать безъ цензуры. Записку мою подавалъ Князь А. Н. Голицынъ. Я не видалъ Императора, и *едва ли увижу*. Мы разстались повидимому съ дворомъ. *Богъ съ нимъ*»!

Вотъ записка, написанная Карамзинымъ для Государя: «Исторія моя по Высочайшему повелѣнію печаталась въ военной типографіи: но Г. З. (Закревскій) на сихъ дняхъ остановилъ печатаніе, объявивъ, что эта книга должна быть еще разсмотрѣна цензурою; хотя онъ самъ сказалъ мнѣ прежде (22 Іюня въ Петербургѣ), что для типографіи нѣтъ нужды въ одобреніи цензурномъ, когда Государь приказываетъ печатать. Ожидаю теперь Высочайшаго рѣшенія. Академики и профессоры не отдаютъ своихъ сочиненій въ публичную цензуру. Государственной историографъ имѣетъ, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, *что и какъ* писать; собственная его отвѣтственность не уступаетъ цензорской; надѣюсь, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры,

Государя и нравственности; но быть можетъ, что цензоры не позволятъ мнѣ, напримѣръ, говорить свободно о жестокости Царя Ивана Васильевича.—Въ такомъ случаѣ что будетъ Исторія»?

По объясненіи недоразумѣнія, когда печатаніе безъ цензуры было разрѣшено, К. писалъ къ Тургеневу:

«Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій, и буду ждать слѣдствія, оставляя на время мою плѣшницу, т. е. Исторію, въ рукахъ Татаръ». К. *14 Октября, 1816 года.*

Очень тяжело для Карамзина было употреблять все свое время на одинъ механическій трудъ—корректуръ. «...«Читаю корректуры съ утра до вечера, слѣпну, досадую, что Исторія моя худо печатается.... скоро забуду», писалъ онъ къ *Дмитріеву отъ 2 Ноября*, «какъ пишутъ Исторію: переѣхавъ въ городъ я не прибавилъ ни строки къ 9 тому. Между тѣмъ Государь освободилъ меня отъ цензуры»;

Къ Дмитріеву, Декабря 3. «Здѣшняя моя дѣятельность, т. е. чтеніе корректуръ, идетъ порядочно: слѣдственно приближаюсь къ цѣли, къ изданію Исторіи, и къ Москвѣ тихой. Въ военной типографіи напечатано 20 листовъ 1-го тома, и за недостаткомъ въ мелкихъ литерахъ для примѣчаній начали тамъ набирать III томъ; а второй печатается въ медицинской, теперь еще медленно, но мѣсяца мѣсяцъ два пойдетъ скорѣе. Остается желать, чтобы былъ здоровъ, хотя для корректуръ. Глаза слабѣютъ, но еще не измѣняютъ».

10 Декабря, къ брату:...«Безпрестанное чтеніе корректуръ тупитъ мое зрѣніе, и еще цѣлый годъ надобно читать.... Слава Богу, что въ свѣтѣ мало шума. Это худо для однихъ журналистовъ. Какъ состояніе нашихъ финансовъ ни затруднительно, но Государь, какъ слышно, никакъ не хочетъ обременять народа новыми налогами: за то ему спасибо».

Карамзинъ читалъ корректуры иногда до обмороковъ. Такъ прошла зима.

18 Января 1817, къ Дмитріеву: «Типографскія дѣла мои идутъ медленно, къ моему не малому сожалѣнію: потому что мнѣ хочется возвратиться въ Москву еще съ глазами и съ ногами, чтобы видѣть, слышать тебя и гулять въ твоемъ саду».

Между тѣмъ начали доходить до него слухи о приготовляемыхъ нападеніяхъ на Исторію.

5 Февраля. «Многіе ждутъ моей Исторіи, чтобы атаковать меня. Она же печатается безъ цензуры,» писалъ онъ къ Дмитріеву,..... «все это въ порядкѣ вещей. Но есть Богъ. Надобно только имѣть терпѣніе. *Да и на долго ли!* Я уже крѣпко опускаюсь къ землѣ. Блестящій свѣтъ не для меня. Скорѣе бы въ Москву. Дворъ отъ васъ, а мы къ вамъ, если въ 1818 году будемъ еще живы».

(Замѣтьте, читатели, это заключеніе: *на долго ли!* Сколько въ немъ глубины, смысла и чувства!)

Къ брату, 16 Февраля... «Съ утра до вечера занимаюсь корректурами—и время проходитъ. Веселья для меня уже нѣтъ въ свѣтѣ: благодарю Бога за нѣкоторыя минуты тихія и пріятныя. Ѣздить лѣнюсь. По праздникамъ бываю во дворцѣ, съ поздравленіемъ, или на балѣ; въ двѣ недѣли разъ обѣдаю у вдовствующей Императрицы. Государя вижу издали. Только одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ; но на сихъ дняхъ изъявилъ мнѣ большую милость тѣмъ, что по моей просьбѣ велѣлъ причислить къ герольдіи одного дѣйств. стат. совѣтника. Будучи связанъ пріязнію съ этимъ человѣкомъ, я осмѣлился написать къ Императору письмо, которое имѣло счастливое дѣйствіе. Это обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Буду любить его, пока живу въ свѣтѣ. Люди здѣсь довольно привѣтливы; но я уже старѣюсь и не

имѣю охоты таскаться изъ дому въ домъ. Иногда посѣщаютъ насъ пріятели, и мы проводимъ вечера не скучно. Думаемъ, напечатавъ Исторію, возвратиться въ Москву, чтобы тамъ кончить жизнь».

Марта 12, къ Дмитріеву. «Корректурная дѣятельность моя продолжается и доводитъ меня иногда до обмороза: вообрази, что печатаю вдругъ въ трехъ типографіяхъ: въ военной, медицинской и сенатской! Но вообрази также, что до сего времени не могутъ кончить и 1-го тома, хотя печатаютъ уже и второй, и третій, и четвертый».

«Если бы ты зналъ, какую піесу я поправлялъ, даже переводилъ на сихъ дняхъ! Не имѣю духа сказать, но и ты не поступилъ бы иначе на моемъ мѣстѣ».

26 Марта, къ Дмитріеву:... «Въ послѣднемъ письмѣ ты жалуешься на худое здоровье: надѣюсь, что приближеніе осени облегчитъ твою голову вмѣстѣ съ моею, которая не рѣдко бываетъ тяжеле отъ чтенія листовъ корректурныхъ. До сего времени глаза и терпѣніе мое, почти великодушное, неизмѣнно служатъ масы типографскимъ дѣломъ. Мало думаю о будущемъ. Вижу передъ собою только смерть или Москву въ 1818 г. Авось еще будемъ пить чай подъ сѣнію твоей липы! Главная моя усердная молитва къ Богу-не переживать милыхъ. Судьбу Исторіи поручаю судьбѣ! C'est une grande bataille livrée à l'ennemi, je peux la perdre, pourvu, que je ne perde point ma femme, mes enfants et mes amis. *

Марта 27, къ брату... «Съ утра до вечера занимаюсь изданіемъ моей Исторіи, т. е. печатаніемъ: это еще продолжится около года. Тогда, если будемъ живы, возвратимся въ Москву, чтобы кончить жизнь въ тишинѣ».

---

* *Это великое сраженіе, которое я даю непріятелю.* Могу потерять его, но лишь не потерять бы мнѣ жены, дѣтей, друзей

Къ Дмитріеву, 23 Апрѣля. «Если Богъ дастъ намъ увидѣться въ 1818 году, то безъ сомнѣнія найдемъ и перемѣну другъ въ другѣ. Ты старѣешься не болѣе моего. Старѣюсь и физически и нравственно, то есть, зрѣю для другой жизни, а для здѣшней перезрѣваю. Милыхъ люблю, кажется, не менѣе прежняго, но свѣтъ сталъ для меня мрачнѣе: теряю цѣну въ его глазахъ, онъ въ моихъ теряетъ».

Въ Маѣ 1817 переѣхалъ Карамзинъ опять въ Царское Село, въ прежній домикъ.

Приведемъ одну забавную черту: домикъ Карамзина былъ вновь расписанъ «хитрою кистію Бруни», * какъ писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву. Бруни хотѣлъ изобразить Карамзина въ трехугольной шляпѣ, между музами, Несторомъ и Щербатовымъ. Живопись была готова. Но строгой начальникъ Царскаго Села, генералъ Захаржевскій, неблаговолившій за что-то къ Карамзину, разсердился и велѣлъ замазать всѣ фигуры...

«Наслаждаемся прекраснымъ мѣстомъ и прекраснымъ временемъ,» писалъ онъ *къ брату, 22 Мая*, «Императрицы обошлись съ нами милостиво: мы у нихъ были съ поклономъ и обѣдами въ Павловскѣ; а Государя видѣли въ саду: онъ также милостиво разговаривалъ съ нами. Впрочемъ, думаемъ жить уединенно, и здѣсь главнымъ моимъ дѣломъ будетъ печатаніе Исторіи: изъ города присылаютъ ко мнѣ корректуры. Теперь печатаютъ 2, 3, 4, 5 и 6 томы; готовъ одинъ первый; надѣюсь однакожъ, что все кончится къ Декабрю.... Въ послѣднемъ дошелъ я только до 1560 года, и остановился на злодѣйствахъ Іоанна Грознаго. Богъ знаетъ, буду ли продолжать? Покрайней мѣрѣ теперь занимаюсь единственно печатаніемъ. Боюсь отвыкнуть отъ сочиненія. Впрочемъ я довольно потрудился. Да будетъ, что Богу угодно»!

* Однофамилецъ знаменитаго академика.

Европейскими происшествіями Карамзинъ былъ очень недоволенъ; онъ писалъ *къ брату* въ этомъ же письмѣ *отъ 22 Мая:* «Еслибъ у меня былъ веселый характеръ, то я сталъ бы смѣяться; но будучи меланхоликомъ, хмурю брови на дерзскую глупость, на безстыдное шарлатанство, на подлое лицемѣріе, въ тоже время смиряясь душею предъ Богомъ. Жизнь моя склоняется къ западу»!

А вотъ какъ онъ отзывался о мистическомъ направленіи, господствовавшемъ тогда въ Петербургѣ, * въ письмѣ *къ Дмитріеву, отъ 6 Іюня:* «Спасибо за добрыя вѣсти: ты здоровъ и гуляешь въ собственномъ саду, сидишь подъ собственною липою. Неблагодарный! Ты мнѣ завидуешь? Развѣ свое не милѣе чужаго? Я, можетъ быть, кончу жизнь странникомъ, таскаясь изъ дому въ домъ, изъ сада въ садъ, а ты владѣтель на землѣ: на что ни взглянешь, все твое..., даже и небо, съ того времени, какъ ты сдѣлался членомъ Библейскаго Общества, о чемъ дошелъ до меня слухъ. Слѣдственно ты уже сѣешь не одинъ макъ, садишь не одинъ картофель! См. рѣчи Попова и Сѣвер. почту».

Въ другомъ мѣстѣ, *отъ 17 Іюля,* онъ писалъ: «Князь Голицынъ хорошій человѣкъ и всегда учтивъ со мною, но я къ нему совсѣмъ не близокъ и съ Кошелевымъ незнакомъ; даже и текстами не промышляю. Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на него смотрятъ».

Послѣднее письмо очень примѣчательно въ психическомъ отношеніи. Вотъ его окончаніе: «Вообще могу сказать, что я не имѣю здѣсь никакой связи съ такъ называемыми свѣжими людьми; это мнѣ не честь, но и не безчестье. *Я лѣнивъ, гордъ смиреніемъ и смиренъ гордостію.* Суетность во мнѣ есть, къ сожалѣнію; но я искренно *презираю ее въ себѣ,* и еще болѣе, нежели въ другихъ: слѣдственно

* Подъ покровительствомъ Министра просвѣщенія Князя Голицына, при его директорѣ Поповѣ, при содѣйствіи Магницкаго.

она покрайней мѣрѣ не сведетъ меня съ ума. Болѣе нежели когда нибудь, въ искреннія минуты чувствую свою ничтожность».

Вотъ еще позднѣйшее замѣчаніе о господствовавшемъ направленіи: «Читаешь ли Инвалида»? спрашивалъ Карамзинъ Дмитріева (въ письмѣ отъ 28 Февраля, 1819). «Въ послѣднемъ нумерѣ издатель пишетъ, что и Евангеліе не совсѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Карнеевымъ, — Philosophie divine. Многіе сердятся и предсказываютъ бѣды нашему просвѣщенію; а я даже и не смѣюсь. Все идетъ своимъ порядкомъ».

Отъ 3 Іюля... «Думаемъ остаться въ Петербургѣ до весны, а тамъ на вѣки, т. е. до смерти, въ Москву, гдѣ дай Богъ намъ здоровымъ обнять тебя здороваго! Печатаніе идетъ теперь медленнѣе. Авось къ Ноябрю или Декабрю отдѣлаюсь. Вообрази, что одинъ 1-й томъ вышелъ совсѣмъ изъ дѣла, хотя семь печатается! Всего болѣе затрудняютъ *ноты*, отъ недостатка въ мелкихъ литерахъ».

17 Іюля, 1817 года, Карамзинъ послалъ Дмитріеву первый томъ, прося никому не давать и сообщить ему дружескія замѣчанія: «Я всѣмъ жертвовалъ и жертвую скорости печатанія, не только наружною красивостію печати, но и своими глазами; никто усерднѣе моего не читывалъ корректуръ. За недостаткомъ литтеръ примѣчанія набираются разными: и корпусомъ, и петитомъ; думаю бѣда не велика: не многіе будутъ читать ихъ. Къ Декабрю отдѣлаться»...

«Съ живѣйшею признательностію пользуюсь знаками августѣйшаго благоволенія; но лѣта и характеръ склоняютъ меня къ тихой жизни въ семействѣ и съ дружбою. Уже не мое дѣло нравиться людямъ: я старъ, мраченъ, не гибокъ. Дай Богъ только, чтобы мы разстались съ Дворомъ въ такомъ къ нему расположеніи, въ какомъ мы теперь

къ Государю и къ Императрицамъ: т. е. исполненные любви и благодарности! Они къ намъ ласковы. Я, какъ Гуронъ, не былъ на свадебныхъ праздникахъ, и не представлялся новой Великой Княгинѣ. Она же сама послѣ обѣда въ Павловскѣ подошла ко мнѣ съ милостивымъ привѣтствіемъ, говорила о Королѣ, о покойной Королевѣ, объ ихъ благоволеніи къ старому Русскому путешественнику. Государь пригласилъ насъ обѣдать съ молодыми и съ Павловскимъ Дворомъ».

«Все это хорошо, даже трогательно для насъ, простодушныхъ людей, искренно преданныхъ Императорскому Дому; но думаю о Москвѣ! Готовь мѣстечко въ своемъ саду, гдѣ намъ пить чай и мирно бесѣдовать вдвоемъ или втроемъ. *Ось міра будетъ вертѣться и безъ насъ.* Поблагодарю Бога, когда съ цѣлымъ семействомъ и къ цѣлому другу Московскому возвращуся, и буду въ состояніи купить домикъ, а для роскоши и землицу для огородовъ, подъ Москвою. Буду ли продолжать Исторію или нѣтъ, все равно, или почти равно; могу написать болѣе, но уже не могу написать лучше».

Нѣтъ, въ этомъ ошибался Карамзинъ по своей скромности, по своему смиренію. Ни 9-й, ни 10-й, ни 11-й, ни даже 12-й томы Исторіи не показываютъ ослабленія силъ. Напротивъ, перо его, кажется, со всякой страницей становилось тверже и тверже, выраженіе находилось счастливѣе.

Къ брату онъ писалъ отъ *14 Августа*: «...Я уже старѣюсь. Не извинительно быть суетнымъ, когда могила передъ глазами, а польза сомнительна; способности мои уже не цвѣтутъ, а вянутъ, какъ думаю: остальное надобно посвятить продолженію Исторіи»...

21 Августа, къ Дмитріеву. «Сердечно благодарю тебя за высокую цѣну, которую даешь ты моей Исторіи, говоря, что она занимала тебя и поутру, и въ полдень, и вечеромъ. Знаешь ли, что это меня тронуло до глубины сердца?

Дружба твоя выше комплиментовъ.—Винюсь: едва ли не отступилъ я отъ формы въ дедикаціи для краткости».

«Жена, слава Богу, оправляется. Она въ десятый день имѣла счастіе принять въ нашемъ смиренномъ домикѣ Царскосельскаго хозяина, т. е. Государя. Вотъ новый знакъ Его къ намъ милости. Наканунѣ я у него обѣдалъ, и послѣ обѣда былъ въ кабинетѣ съ часъ или болѣе....

Мы сидѣли дома съ Арзамасцами, и вдругъ говорятъ: Императоръ! Гости разбѣжались, и я едва успѣлъ встрѣтить Августѣйшаго гостя въ передней комнатѣ. Ты повѣришь, когда скажу, что сердца наши Ему преданы. Онъ спрашивалъ, за чѣмъ не хотимъ ѣхать въ Москву, * и позволилъ намъ, если будемъ живы, встрѣтить его весною въ Царскомъ селѣ... За всѣмъ тѣмъ, строгое благоразуміе велитъ мнѣ оставить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и прекрасную Неву, и прекрасное село Царское, чтобы доживать вѣкъ въ тихой Москвѣ съ семействомъ и съ дружбою. Я уже старѣюсь. Дай Богъ только управиться съ Исторіею безъ стыда, но не безъ... угадай, чего? Мы здѣсь прожили около 40 тысячъ: желаю продажею Исторіи успокоить мою экономическую заботливость, хотя лѣтъ на пять».

По случаю отъѣзда Двора въ Москву, Карамзинъ написалъ записку о Московскихъ достопамятностяхъ для Императрицы Маріи Ѳеодоровны,—о которой вскорѣ поднялся такой шумъ въ нашей Литературѣ (См. ниже, с. 231).

Къ Дмитріеву, отъ 26 Сентября: «Нѣсколько времени употреблено мною на сочиненіе записки о Московскихъ достопамятностяхъ для вдовствующей Императрицы; между тѣмъ типографскія дѣла мои остановились, и я былъ въ хлопотахъ: еще и теперь не все въ порядкѣ. Мы уже 10 дней въ городѣ, и еще не дѣлали визитовъ, большею частію пустыхъ, но предписываемыхъ учтивостію.»

* Государь и весь Дворъ отправлялись на зиму въ Москву.

«Мы разстались хорошо съ Императорскою фамплію. Передъ отъѣздомъ Императрицъ я пять дней сряду ѣздилъ во дворецъ! Весь блескъ отъ насъ перешелъ къ вамъ.»

«Вѣроятно, что мы будемъ жить уединенно: мнѣ какъ-то тяжело выѣзжать, и еще три мѣсяца надо крѣпко работать глазами. Хорошо, если бы Богъ благословилъ мой трудъ въ главныхъ отношеніяхъ... а тамъ къ тебѣ въ Москву. Я не веселъ, но благодарю Всевышняго.»

Къ брату, 26 Октября.... «Худо, если Исторія не поправитъ нашего состоянія»...

Карамзинъ пробылъ въ Царскомъ Селѣ до зимы, въ совершенной тишинѣ, по отъздѣ Двора, и переѣхалъ въ Петербургъ уже послѣ снѣга.

Исторія была напечатана.

Возникъ вопросъ, кому же принадлежитъ изданіе.

«На вопросъ твой о публикаціи,» писалъ онъ *къ Дмитріеву, отъ 1 Ноября,*— «отвѣчаю, что Государь пожаловалъ мнѣ деньги на печатаніе, а книгу оставилъ моею собственностію. Рѣшивъ прошлаго года недоумѣніе въ разсужденіи цензуры, онъ чрезъ Министра приказалъ мнѣ сказать, (по-крайней мѣрѣ Кн. Голицынъ, т. е. Министръ, такъ написалъ ко мнѣ), что я безъ сомнѣнія не откажусь исполнить обрядъ, и отослать, куда слѣдуетъ нѣсколько экземпляровъ, т. е. въ Императорскую библіотеку, и проч. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ Исторія предполагалась моею собственностію, какъ иначе и быть не могло. Государь при отъѣздѣ изволилъ сказать мнѣ, чтобъ адресовалъ экземпляръ ея прямо на его имя въ Москву. Натурально, чтоославъ къ нему книгу, подожду недѣли двѣ; и не отдамъ ея въ продажу. Всѣ твои замѣчанія для меня важны и любезны. Скажи, что тебѣ не полюбилось сверхъ того, что уже замѣтилъ.»

Цѣна назначена 55 руб. ассигнаціями.

«Есть люди,» писалъ онъ *къ Дмитріеву* (отъ того же числа), — «которые находятъ, что она очень дорога, но здѣшніе книгопродавцы не того мнѣнія: они продавали бы ее рублей по 70, еслибъ она имъ принадлежала.»

Къ Малиновскому, отъ 29 Ноября: «Спасибо вамъ за дружескую попечительность о подпискѣ на мою Исторію. Я уже писалъ о томъ къ К. Я. Булгакову. Незнаю, для чего Московскіе жители затруднялись мыслію о вѣсовыхъ деньгахъ, которыхъ теперь съ нихъ не требуютъ, и которыя они заплатятъ уже при полученіи книги тому, кто принесетъ ее имъ съ почты: *рубля три*, не болѣе. Всякій, кто пошлетъ 55 руб. въ здѣшнюю газетную экспедицію, получитъ Исторію. Однакожъ я прошу Константина Яковлевича принимать подписку и въ Московскомъ Почтамтѣ, чтобы не было уже никакого недоумѣнія.»

—

Января 28-го, 1818 года, поднесъ Карамзинъ экземпляръ своей Исторіи Государю. Въ посвятительномъ письмѣ, упомянувъ въ двухъ словахъ, со всею скромностію, о своемъ трудѣ, онъ воспоминаетъ о чтеніи Государю въ Твери нѣкоторыхъ отрывокъ, въ 1811 году, когда великія опасности угрожали отечеству, и заключаетъ:

«Туча грянула надъ Россіею, но мы спасены, прославлены, врагъ истребленъ, Европа свободна, и глава Александрова сіяетъ въ лучезарномъ вѣнцѣ безсмертія. Государь! если счастіе Вашего добродѣтельнаго сердца равно Вашей славѣ, то Вы счастливѣе всѣхъ земнородныхъ.»

«Новая эпоха наступила: будущее извѣстно единому Богу, но мы, судя по вѣроятностямъ разума, ожидаемъ мира твердаго, столь вожделѣннаго для народовъ и Вѣнценосцевъ, которые хотятъ властвовать для пользы людей, для успѣховъ нравственности, добродѣтели, наукъ, искусствъ гражданскихъ, благосостоянія государственнаго и частнаго. Побѣдою устранивъ препятствія въ семъ истинно царскомъ

дѣлѣ, даровавъ златую тишину намъ и Европѣ, *чего Вы Государь, не совершите*, въ крѣпости мужества, въ теченіи жизни долговременной, обѣщаемой Вамъ и закономъ природы и теплою молитвою подданныхъ! Бодрствуйте, Монархъ возлюбленный! Сердцевѣдѣцъ читаетъ мысли, Исторія предаетъ дѣянія великодушныхъ Царей, и въ самое отдаленное потомство вселяетъ любовь къ ихъ священной памяти. Пріимите милостиво книгу, служащую тому доказательствомъ. Исторія народа принадлежитъ Царю.»

О поднесеніи Карамзинъ такъ увѣдомилъ Дмитріева, отъ *Января 28*: «я все не очень здоровъ. Выѣзжалъ, чтобъ поднести Исторію Государю, былъ у него въ кабинетѣ и имѣлъ счастіе обѣдать въ тотъ день: слѣдственно одно дѣло сдѣлано; другое сдѣлается на сихъ дняхъ, т. е. выйдетъ книга для публики. Около Августа, любезнѣйшій, располагаемся быть въ Москвѣ. Дай Богъ, чтобы мы обняли другъ друга съ радостію! Дадимъ порученіе, немедленно по отъѣздѣ Двора, искать намъ жилище въ древней столицѣ: гдѣ я жилъ, провелъ молодость, началъ старѣться, тамъ должно мнѣ и умереть; тамъ земля дружелюбнѣе откроетъ мнѣ свои нѣдра, какъ старому знакомому. Берега Невы прекрасны; но я не лягушка и не охотникъ до болотъ».

Императрица Марія Ѳедоровна благодарила Карамзина слѣдующимъ письмомъ за поднесеніе Исторіи:

«Съ чувствомъ истиннаго удовольствія получила я письмо ваше, Николай Михайловичъ, и Исторію нашего Отечества, столь долго желаемую, и плодъ вашего усердія, знанія и безпрерывнаго трудолюбія: чтеніе ея будетъ для меня пріятнѣйшимъ упражненіемъ и ученіемъ, въ чемъ вы тѣмъ болѣе можете быть увѣрены, помня истинное удовольствіе, съ коимъ я слышала тѣ частицы изъ ней, которыя вы сами изволили мнѣ читать, и которыя мнѣ дали почувствовать, сколько всѣ мы обязаны за распро-

страненіе знанія отечественныхъ нашихъ славныхъ пропзшествій, и особливо духа благочестія, твердости и мужества, показывающагося въ словахъ и дѣяніяхъ предковъ нашихъ».

«Я виновата предъ вами, Николай Михайловичъ, не отвѣчавъ еще на первое ваше письмо отъ 25 Октября, однако не менѣе того, полученіе его мнѣ пріятно было, но принимала перо въ руку, и всегда была отвлечена, и я искала время, чтобы мнѣ досужно было съ вами подолѣе говорить. Я съ великимъ сожалѣніемъ слышала, что вы нездоровы были, что меня очень безпокоило, а нынѣ радуюсь, узнавъ о вашемъ выздоровленіи. Вы сожалѣете, что вы не были при заложеніи храма Спасителя, и вы имѣете къ тому причину. День сей останется у меня въ памяти, смѣю сказать dans la mémoire du coeur, такъ долго, какъ я буду чувствовать его біеніе; онъ останется у меня въ памяти, какъ прекраснѣйшая картина, и по чувствамъ, которыя со взглядомъ на оную соединены были: благодарности къ Богу, радости, видя огромную и великолѣпную столицу, поднявшуюся изъ пепла, чувствительности о прошедшемъ ея страданіи, удовольствія при видѣ любимаго нашего народа, покрывавшаго всю гору, всю долину въ молчаніи, моляся Богу и крестяся съ вѣрою и умиленіемъ: все сіе въ соединеніи наполнило душу мою такимъ чувствомъ, котораго я не могу изъяснить, но которое сердце ваше разумѣть будетъ. Не вамъ, а намъ должно сожалѣть, что Исторіографъ нашъ не былъ тому свидѣтелемъ.»

«Записку вашу я читала, перечитывала и буду еще читать. Суровость нынѣшней зимы очень препятствовала все видѣть, что я хотѣла видѣть, но весною я надѣюсь съ запискою вашею въ рукахъ познакомиться съ нашими древностями: я была однако въ Симоновскомъ монастырѣ, и не могла довольно наслаж-

даться прекраснѣйшимъ видомъ и положеніемъ сего монастыря, но какъ сожалительно, что много въ немъ уже древняго не существуетъ. Весною я надѣюсь тамъ быть еще, и хотя лѣстница, которая ведетъ къ древнему жилищу нашихъ Государей, очень ветха, однако, какъ я слышала послѣ, что другіе еще по ней ходятъ, то и я дамъ себѣ это удовольствіе».

«Вы мнѣ сказывали, что въ Маѣ вы будете жить въ сосѣдствѣ Павловска: я прошу васъ часто гулять въ моихъ садахъ, меня помнить и сами себя увѣрить о истинной моей къ вамъ привязанности и доброжелательствѣ, съ которымъ я всегда пребываю,

Ваша благосклонная Марія.

«Любезной вашей супругѣ и милымъ дѣтямъ вашимъ поклонъ и благословеніе».

Королева Виртембергская, Екатерина Павловна, благодарила Карамзина за поднесеніе экземпляра слѣдующимъ письмомъ, отъ *3 Апрѣля*, 1818 года:

«Послѣдняя почта доставила мнѣ Россійскую вашу Исторію; старый мой знакомый мною былъ съ большимъ удовольствіемъ принятъ; каждой день я читаю, учусь и мысленно благодарю автора за его труды; пріятеля благодарю за то, что онъ обо мнѣ вспомнилъ. Милой вашей супругѣ прошу сказать, что она должна материнскимъ сердцемъ принять сихъ восмерыхъ новыхъ отроковъ, которые имѣютъ преимущество безсмертія. Король поручилъ мнѣ вамъ сказать, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ перевода, дабы познакомиться съ моими предками».

«Живите щастливо, трудитесь для потомства, но не забывайте старыхъ своихъ друзей, въ числѣ которыхъ всегда прошу щитать вамъ преданную

Екатерину.»

—

Тридцать лѣтъ стоитъ предъ нами эта Египетская пирамида, исполинскій трудъ Карамзина, и мы до сихъ поръ не собрались съ силами разобрать, оцѣнить его по достоинству: разительное доказательство его превосходства!

Не мѣсто здѣсь разсматривать въ подробности великое произведеніе,—я постараюсь указать лишь главныя черты, приведенныя уже мною въ Похвальномъ словѣ К.

Всякое историческое произведеніе, само по себѣ, можетъ быть разсматриваемо съ трехъ сторонъ: 1-е, критики, 2-е искусства, 3-е науки.

Критика изслѣдуетъ, очищаетъ, приготовляетъ матеріялы.

Искусство воспроизводитъ событія, и представляетъ ихъ воображенію, какъ бы онѣ теперь происходили.

Наука проникаетъ въ ихъ внутреннюю связь и открываетъ ихъ законы, или божественныя идеи.

Это три раздѣльныя сферы, очень обширныя, требующія, каждая для себя, особливыхъ талантовъ — творческаго, умозрительнаго и критическаго: одно дѣло приготовить краски, другое писать картину, иное показать на ней законы изящнаго. Всѣ три дѣла мѣшаютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ одно другому: искусство требуетъ живости, критикѣ необходимо терпѣніе и вниманіе, условія науки— глубокомысліе и проницательность; творческій полетъ художника останавливается кропотливою работою критика, а философу опасно увлекаться воображеніемъ.

Карамзинъ принужденъ былъ по необходимости принять на себя всѣ три обязанности, и мы должны показать его заслуги съ этихъ трехъ сторонъ.

Въ приготовленіи матеріаловъ Карамзину принадлежали труды, какъ мы видѣли, безчисленные.

Онъ разсмотрѣлъ и изслѣдовалъ всѣ извѣстные до него историческіе источники, и множество новыхъ, имъ самимъ

открытыхъ; ни одного списка лѣтописи не осталось не прочтеннаго, не пересмотрѣннаго, и на всѣхъ сіяютъ слѣды его руки. Этого мало, онъ перечелъ столь же добросовѣстно историковъ, которые прежде его пользовались ими, и показалъ, гдѣ и какъ они уклонялись, часто даже—почему. Вообразите же себѣ это множество списковъ лѣтописей, это множество грамотъ и различныхъ сказаній, это множество изслѣдованій и иностранныхъ свидѣтельствъ, кои должно было обдумать и имѣть въ виду! Взгляните на примѣчанія къ каждому тому. Отвсюду извлекалъ Карамзинъ сущность и употреблялъ въ дѣло, указывалъ при всякомъ положеніи на то свидѣтельство, которое служило ему основаніемъ, приводя важнѣйшія мѣста изъ древнихъ источниковъ, такъ что, если бъ мы имѣли несчастіе потерять ихъ всѣ,—наука могла бы еще идти далѣе и совершенствоваться изъ одного его сочиненія. Въ его примѣчаніяхъ заключается почти другая Исторія, столь же драгоцѣнная, изъ подлинныхъ словъ составленная.

Обратимся къ самымъ событіямъ—какое разнообразіе! Государственныя, военныя, законодательныя, ученыя! Сколько вопросовъ во всѣхъ сихъ областяхъ, вопросовъ важныхъ, требующихъ долговременнаго изученія, тщательнаго вниманія. Обо всѣхъ представилъ Карамзинъ свое мнѣніе, часто вѣрное, всегда замѣчательное, плодъ яснаго ума и прилежнаго размышленія, мнѣніе, которое непремѣнно долженъ имѣть въ виду всякой будущій изслѣдователь, хотябъ онъ посвятилъ много лѣтъ на изученіе одного предмета, о коемъ Карамзину случилось разсуждать только мимоходомъ. Юристы, Филологи, Богословы, всѣ должны начинать съ него, ссылаться на него, всѣ получаютъ отъ него пособіе, и никто не покажетъ большаго недоразумѣнія. Карамзинъ останется для всѣхъ навсегда благонадежнымъ руководителемъ.

Еще болѣе,—Карамзинъ, о всѣхъ будущихъ мысляхъ въ наукѣ, имѣлъ какъ будто предчувствіе, и выражался почти всегда такъ, что онѣ не покажутся опроверженіемъ, а только дополненіемъ и объясненіемъ, развитіемъ его положеній. Какъ часто случается съ изслѣдователемъ обрадоваться своему открытію, и придать ему великую важность, а это открытіе находится у Карамзина спрятанное въ углу какого нибудь примѣчанія!

Люди, незнакомые съ критическимъ дѣломъ, не могутъ понять, не могутъ оцѣнить такихъ замѣчаній, по видимому ничтожныхъ, но спросите знатоковъ: чего стоитъ часто одна строка, одно слово, одинъ знакъ препинанія, при объясненіи древняго свидѣтельства, и они объяснятъ вамъ, что значатъ подобныя рѣшенія.

Мнѣніе о древности Славянъ въ Европѣ принадлежитъ новѣйшей критикѣ, но перечтите, что говоритъ о нихъ Карамзинъ, и вы увидите, что начиная ихъ Исторію съ 6 вѣка, вслѣдъ за прочими изслѣдователями, онъ былъ увѣренъ въ Европейскомъ ихъ пребываніи гораздо прежде: онъ все предчувствовалъ, все указалъ, обо всемъ догадывался!

Сколько хронологическихъ разнорѣчій, по лѣтописямъ, своимъ и иностраннымъ, онъ долженъ былъ согласить и объяснить!

Всѣ дѣйствовавшія лица были, кажется, предъ его глазами, со всѣми случаями изъ ихъ жизни; удѣльныхъ Князей, напримѣръ, которыхъ было по множеству въ одно время, и которые ежегодно почти мѣняли свои города, и дрались между собою; а дружились, измѣняли другъ другу еще чаще, Карамзинъ распредѣлилъ каждаго въ свое мѣсто, въ свое время, въ свои отношенія, и въ двадцать пять лѣтъ не нашлось никакихъ важныхъ противорѣчій въ тысячахъ показаній этого рода.

Дѣятельный ученый принялъ на себя обязанность составить Указатель къ сочиненію Карамзина, и этотъ Ука-

затель занялъ два большіе тома, съ тысячами предметовъ. Всѣ занимающіеся Исторіею поклонились благодѣтельной книгѣ, а эта книга была только оглавленіемъ, исчисленіемъ предметовъ, изслѣдованныхъ, описанныхъ Карамзинымъ, въ ихъ послѣдовательности и связи.

Мы переходимъ къ разсмотрѣнію Исторіи Карамзина со стороны искусства.

Истинно, разсматривая многочисленные, утомительные, тягостные, часто даже мучительные труды Карамзина, въ области критики, не понимаешь, какъ послѣ нихъ оставалось ему еще время писать Исторію, и невольно приходитъ мысль, что она изливалась сама собою изъ глубины его души и сердца, естественнымъ слѣдствіемъ его чтенія и размышленія, какъ будто кристаллизовалась, нестоя ему ни малѣйшаго труда.

Великолѣпнѣйшій литературный памятникъ, какой существовалъ гдѣ-либо, произошелъ самъ собою! Восемь томовъ Исторіи, изъ которыхъ каждый, или даже десятая доля каждаго доставила бъ дипломъ на славу всякому писателю, представляется намъ только окончаніемъ его работнаго времени, отдохновеніемъ послѣ трудовъ! Не чудо ли это? И потому не знаемъ, чему болѣе удивляться въ Исторіи Карамзина: его труду или его дарованію?

Весь языкъ со всѣми своими словарями, весь запасъ будущихъ словарей, разсѣянный въ памятникахъ, находился въ его распоряженіи, и послушныя слова, и обороты, на повелительный зовъ его, стекались изъ лѣтописей, грамотъ, прологовъ, миней, житій, сказаній, и совокуплялись въ какую-то волшебную гармонію, которою можно наслаждаться, даже не зависимо отъ ея содержанія. А посмотрите на его черновые листы, вы почти не найдете тамъ строкъ, оставшихся въ первоначальномъ видѣ: все перемарано, измѣнено нѣсколько разъ, пока получено на-

стоящее выраженіе: мнимая легкость представляется плодомъ многотрудной работы и размышленія.

Послушайте вступленіе въ Исторію Іоанна III.

«Отселѣ Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно «Государственной, описывая уже не безсмысленныя драки «княжескія, но дѣянія Царства, пріобрѣтающаго незави- «симость и величіе. Разновластіе изчезаетъ съ нашимъ «подданствомъ; образуется держава сильная, какъ бы но- «вая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удив- «леніемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ си- «стемѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ «важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣд- «ствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. «Народъ еще коснѣетъ въ невѣжествѣ, въ грубости, но «правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣ- «щеннаго. Устрояются лучшія воинства, призываются ис- «кусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и граждан- «скихъ; посольства великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ «дворамъ знаменитымъ, посольства иноземныя одно за «другимъ являются въ нашей столицѣ. Императоръ, Папа, «Короли, Республики, Цари Азіятскіе, привѣтствуютъ Мо- «нарха Россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями отъ «предѣловъ Литвы и Нова-Города до Сибири. Издыхающая «Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго вели- «чія. Италія даетъ первые плоды раждающихся въ ней «художествъ. Москва украшается великолѣпными зданіями. «Земля открываетъ свои нѣдра, и мы собственными ру- «ками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоцѣнные. Вотъ «содержаніе блестящей Исторіи Іоанна III, который имѣлъ «рѣдкое счастіе властвовать 43 года, и былъ достоинъ «онаго, властвуя для величія и славы Россіи».

Не ужели это не музыка? Какая стройность, полнота; благозвучіе, величіе! Этого языка ни кто не превзойдетъ,

никто съ нимъ не сравняется, никто его не достигнетъ! Только одинъ разъ, только въ однѣхъ устахъ, могъ онъ такъ произвестися,—и повториться такое явленіе не можетъ, какъ не можетъ повториться храмъ Св. Петра, Рафаелева Мадонна, Моцартова Симфонія. Въ Исторіи Государства Россійскаго Карамзинъ поставилъ языку свои Геркулесовскіе столпы, которыхъ прейти не возможно. (Предупреждаю возраженіе и поясняю свою мысль: въ *этомъ* родѣ, на *этотъ* ладъ, по *этой* дорогѣ, говорю я, идти уже не куда). Мы будемъ имѣть много геніальныхъ произведеній, потому что наука, искусство, жизнь, языкъ, безконечны; но уже въ *другомъ* родѣ, *другаго* ладу, *другаго* сочиненія.

Впрочемъ, языкъ какими бъ не отличался совершенствами, есть только выраженіе, орудіе искусства. Карамзинъ представилъ многія событія такъ, что онѣ именно воспроизводятся въ нашемъ воображеніи; изобразилъ многія лица такъ, что онѣ живутъ предъ нами, если иногда не своею собственною, то по крайней мѣрѣ тою жизнію, которую сообщилъ имъ художникъ, въ разныя минуты ихъ дѣятельности. Прочитавъ, напримѣръ, внимательно 6-й томъ, вы видите предъ собою величественный образъ Іоанна III, вы слышите его тяжелые шаги, вы встрѣчаетесь съ его суровыми взглядами, отъ которыхъ женщины падали въ обморокъ, вы уклоняетесь отъ его повелительнаго движенія,—это торжество искусства!

А счастливый и злосчастный Борисъ, потомокъ Татарскаго Мурзы Чета, между родовыми Князьями, среди колѣнопреклоненій и заговоровъ, съ его изобрѣтательностью, осторожностью, мнительностію, поражаемый непреклонною судьбою, ударъ за ударомъ, несмотря на всѣ благія предположенія и разумныя мѣры! А легковѣрный Самозванецъ, умный, веселый, живой, пирующій наканунѣ

гибели, пляшущій на краю пропасти, между Нѣмцами и Поляками, подъ зоркими взглядами угрюмыхъ Россіянъ, которые, кланяясь, выбираютъ на тѣлѣ его мѣсто, гдѣ нанести ударъ смертоносиѣе? Всѣ эти лица изображены такъ вѣрно, такъ близко къ природѣ, какъ только можетъ искусство.

Точно тоже должно сказать о многихъ пропзшествіяхъ: мы присутствуемъ съ Карамзинымъ на Флорентійскомъ Соборѣ, и слышимъ строгую рѣчь Марка Ефесскаго, который лучше хочетъ подвергнуться игу Турковъ, нежели отступить на шагъ отъ восточнаго православія. Трепетъ объемлетъ ваше сердце, когда вы видите предъ своими глазами висѣлицы, воздвигнутыя на Московской площади, и смотрите украдкою на Грозпаго Іоанна, пріѣхавшаго въ толпѣ Опричниковъ судить и казнить своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Или перенесясь въ Успенскій Соборъ, внемлете торжественному слову Св. Филиппа, угрожающаго злобпому Царю гнѣвомъ небеснымъ за его беззаконное правленіе.

Повѣствованія Карамзина часто сами собою возвышаются до поэзіи: грудь воздымается, дышешь тяжеле, читая описаніе почнаго нападенія Татаръ на Ермака.... «пробуж-«денный звуками мечей и стонами издыхающихъ, Ермакъ «воспрянулъ, увидѣлъ гибель, махомъ сабли еще отра-«зилъ убійцъ, кинулся въ бурный, глубокій Иртышъ, и «не доплывъ до своихъ лодокъ, утонулъ, отягченный же-«лѣзной бронею, данною ему Іоанномъ. Конецъ, горькой «для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, онъ могъ думать, «что лишается и славы!.... Нѣтъ! волны Иртыша не погло-«тили ея: Россія, Исторія и Церковь гласятъ Ермаку вѣч-«ную память.»

А избраніе на престолъ Бориса Годунова, когда весь народъ Московскій, подъ предводительствомъ Владимирской

и Казанской Божіей Матери, подъ хоругвями отечества, съ Патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, идутъ въ Дѣвичій монастырь умолять знаменитаго правителя возсѣсть на престолъ Мономаховъ? А осада Троицкаго монастыря—какія величественныя картины!

Читая отношенія Россіи къ Ордѣ, Литвѣ, Крыму, Польшѣ, Швеціи, предвидишь, какъ онѣ неминуемо поклонятся двуглавому Орлу. Точно также чувствуешь, какъ всѣ древніе удѣлы — и Тверь, и Рязань, и Новгородъ, и Смоленскъ, тянетъ къ Москвѣ, которой судьба назначила быть верховной главою Россіи.

Чѣмъ далѣе шелъ Карамзинъ, чѣмъ болѣе писалъ, тѣмъ болѣе талантъ его усиливался, даръ слова увеличивался; и только въ первыхъ томахъ, пока онъ не освободился отъ той теоріи, въ коей былъ воспитанъ, встрѣчаются изображенія лицъ и вещей невѣрныя, возвышенныя вопреки истинѣ, хотя и тамъ сердце отдыхаетъ на привлекательныхъ образахъ Мономаха, Василька, Мстиславовъ, Даніила...

Говоря объ искусствѣ, нельзя пропустить удивительную стройность этого огромнаго зданія. Сколько умѣнья требовалось для того, чтобъ связать множество разнородныхъ предметовъ, разсѣянныхъ на такомъ ужасномъ пространствѣ, представить въ одной картинѣ и Государство, и Церковь, и нравы, и торговлю, и политику. Какъ удобно ставитъ Карамзинъ всякой предметъ на свое мѣсто? Какъ легко, не чувствуя никакихъ неудобствъ, никакого стѣсненія, переходите вы съ нимъ изъ Кіева въ Новгородъ, изъ Новагорода въ Литву, изъ Литвы въ Крымъ, изъ Крыма въ Орду! Какъ ясно видите вы, что происходитъ въ одно время на Сѣверѣ и Югѣ, Востокѣ и Западѣ! Предметъ изученія для молодыхъ людей!

Припомнимъ, что со стороны искусства, равно какъ и науки, теперь господствуютъ совершенно другія требованія,

а Карамзинъ писалъ для своихъ читателей, не для нашихъ. Ни Ливій, ни Тацитъ, не угодятъ нашимъ современникамъ: припомнимъ, что Карамзинъ считалъ еще нужнымъ опровергать Мабли, о которомъ теперь мы упоминать стыдимся; въ его время, сорокъ лѣтъ назадъ, также была страшна природа и простота, какъ нынѣ искусственность и щегольство. Мы не любимъ наряжаться, (можетъ быть и потому что не во что), а тогда писателямъ нельзя было явиться въ публикѣ безъ убранства.

Разсматривая Исторію Карамзина со стороны науки, мы должны прежде всего замѣтить, что онъ не успѣлъ кончить своего исполинскаго труда, не успѣлъ замкнуть своего высокаго свода, не успѣлъ произнести своего завѣтнаго слова.

Карамзинъ изобразилъ ужасное состояніе Россіи во время междуцарствованія, показалъ издали прекрасную зарю освобожденія отъ враговъ, но здѣсь, сраженный болѣзнію, остановился; на роковомъ выраженіи *Орлюкъ не сдавался*, перо выпало изъ рукъ великаго писателя, и Русская Исторія осиротѣла!

Всего болѣе должно сожалѣть о томъ, что Карамзинъ не написалъ предположеннаго имъ обозрѣнія, гдѣ въ краткихъ, но ясныхъ, по особенному свойству его ума, чертахъ, мы увидѣли бъ его понятіе о Русской Исторіи, прошедшей, настоящей и будущей, его мнѣніе о судьбѣ и назначеніи Россіи, его завѣщаніе наукѣ. Вотъ гдѣ должно было представиться органическое развитіе Исторіи, вотъ гдѣ должна была выразиться система! Потеря эта вознаграждается отчасти его Запискою о древней и новой Россіи, но эту Записку писалъ онъ еще очень рано, занимаясь не болѣе семи лѣтъ Русской Исторіей. Послѣ нея онъ трудился еще пятнадцать лѣтъ, пережилъ нашествіе 1812 года, служащее великимъ комментаріемъ на разныя наши задачи,

сблизился съ Императоромъ Александромъ... испыталъ, передумалъ многое, и достигъ того возраста, что люди по преимуществу называютъ мудрымъ. Какое сокровище ума, опыта, любви къ отечеству, мы потеряли въ этомъ завѣщаніи Историка! Карамзинъ имѣлъ, правда, друзей, коимъ сообщалъ мысли о разныхъ предметахъ, политическихъ и человѣческихъ, но писатель выражаетъ свое мнѣніе, даже понимаетъ самъ себя вполнѣ, только тогда, какъ пишетъ.

(Это онъ самъ замѣтилъ въ особенности о себѣ).

Повѣствуя Карамзинъ, не думалъ ни объ какой системѣ; онъ полагалъ, кажется, что система должна исходить естественно изъ повѣствованія; онъ хотѣлъ только истины, которая сама собою уже будетъ учить,—а всякое предпамѣренное направленіе Исторіи вредитъ ей. * Онъ довольствовался видимою связію произшествій, какъ онѣ одно за другимъ слѣдовали, и эта связь, эта рѣка Русской Исторіи, представлена имъ отчетливо, вразумительно. Всѣ событія, имѣвшія вліяніе на судьбу Государства, указаны, оцѣнены болѣе или менѣе, и наука, если не вполнѣ удовлетворяется его Исторіей въ настоящемъ видѣ, то по крайней мѣрѣ имѣетъ въ ней всѣ данныя, на коихъ должна основываться система, и обладаетъ многими замѣчаніями, кои должны войти въ составъ системы.

Въ твореніи Карамзина сохраняется богатый запасъ свѣдѣній всѣхъ родовъ о Русской Исторіи, и Карамзинъ сдѣлалъ ее «извѣстнѣе не только для многихъ, даже и для строгихъ судей своихъ» какъ съ смиреніемъ надѣялся, но и для всѣхъ вообще соотечественниковъ. Русскіе узнали, и, смѣло сказать можно, полюбили болѣе отечество, чѣмъ прежде, ибо то можемъ мы только любить, что знаемъ, и чѣмъ болѣе что знаемъ, тѣмъ болѣе любимъ; полюбили

---

* Сравни ниже въ замѣчаніяхъ Стурдзы, с. 204.

тѣмъ болѣе, что Карамзинъ передавалъ свое знаніе съ сердечнымъ участіемъ, какъ самъ прекрасно выразился въ предисловіи: «чувство—мы, наше, оживляетъ повѣствованіе, «и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго, или «души слабой, несносно въ историкѣ, такъ любовь къ «отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ «нѣтъ любви, нѣтъ и души».

Что сказать о нравственномъ вліяніи Исторіи Карамзина на его читателей? Всякая наука, какъ истина, должна быть сама себѣ цѣлію; но истинной наукою не можетъ не достигаться нравственная цѣль, иначе она была бъ недостойна своего имени, заключала бъ ложь. Какъ возвышаетъ Карамзинъ человѣческое достоинсто! Какъ питаетъ всѣ благородныя чувства! Что сказать объ его глубокомъ уваженіи Русскаго народа! Съ какою силою гремитъ онъ противъ вѣнчаннаго порока, и съ какимъ жаромъ прославляетъ добродѣтель, ловитъ всякую черту ея въ людяхъ.

«Карамзинъ, живой примѣръ безпримѣрнаго добродушія, незлобія и даровитости ума, началъ и открылъ для насъ періодъ народнаго самосознанія,» сказалъ Стурдза. «До него Исторія Россіи походила на тѣ полярныя страны, въ которыя должно пробираться по сугробамъ и глубокимъ снѣгамъ, при багровомъ отливѣ сѣверныхъ сіяній, или въ полуночномъ мракѣ. Онъ проложилъ и разработалъ стези къ знанію прошедшаго, а безъ сего знанія нравственная жизнь и доблесть какого бы то ни было народа поглощается долу преклоннымъ влеченіемъ къ веществу, или раболѣпствомъ ко всему чужеземному. Такая заслуга выше всѣхъ заслугъ, въ особенности, когда человѣкъ не ниже великаго писателя.* Горе тому, кто нечистою жизнію порочитъ изящество своихъ умственныхъ произведеній. Но Карамзинъ, и въ семейномъ кругу, и на службѣ отечеству,

* Срав. выше письмо Жуковскаго с. 141.

и въ скромной храминѣ ученаго, и въ сношеніяхъ съ міромъ и людьми, оправдалъ аксіому Цицерона, гласящаго, что ораторъ долженъ быть vir bonus, и подлинно гармонія созерцательности съ дѣятельностію, какъ умилительный напѣвъ на слова и чувства высокія, мирить насъ съ неравенствомъ способностей и даровавій, убѣждаетъ насъ въ первобытномъ единствѣ истины и красоты, однимъ словомъ, кладетъ свѣтлую печать Божескаго избранія на мысли и труды, на самыя страданія человѣчества».

—

12 *Февраля*, 1818 г. увѣдомлялъ онъ брата, что Исторія расходится хорошо: «Осталась только половина экземпляровъ. Весьма желаю сбыть ее съ рукъ до отъѣзда въ Москву, чтобы не тащить обоза книжнаго съ собою. Мы по крайней мѣрѣ уже безъ долгу, и положили 30 тысячъ въ Воспитательный Домъ, хотя при всей экономіи прожили здѣсь много сверхъ дохода. За что и благодарю Бога.... А мы остались при своемъ твердомъ планѣ ѣхать въ Москву около Августа: тамъ я жилъ, тамъ мнѣ и умереть.»

Къ Дмитріеву, отъ 13 Февраля. «Не имѣю ни малѣйшей нужды въ энергіи, чтобы выѣхать изъ великолѣпнаго Петербурга. Авось грузъ моихъ экземпляровъ къ тому времени уменьшится. Въ два года безъ трехъ мѣсяцевъ прожили мы 35 тысячъ сверхъ нашего дохода, не смотря на всю экономію, такъ что не можемъ купить домика въ Москвѣ, не смотря на продажу тысячи восьмисотъ экземпляровъ. До сего дня одна Москва не показываетъ охоты имѣть Россійскую Исторію: чему здѣсь многіе дивятся, полагавъ, что въ спокойной Москвѣ читаютъ болѣе, чѣмъ въ разсѣянномъ Петербургѣ; я не такъ думалъ, и не дивлюсь, что въ Москвѣ и Иркутскѣ разошлось почти равное число экземпляровъ моей старины. Къ тому же я самъ Москвичъ: меня видали за бостономъ, нѣтъ замапки для воображенія; къ тому же у васъ дворъ, балы или трауры.»

Къ Малиновскому, 28 Февраля. «Не жалуюсь на хлопоты книжной продажи: авось буду свободенъ къ Апрѣлю, а до того времени едва ли возьмусь за перо для продолженія Исторіи. Прежде типографщики, а нынѣ переплетчики заботятъ празднаго Исторіографа.»

P. S. «Сбылъ съ рукъ послѣдніе экземпляры моей Исторіи, и дня черезъ два буду свободенъ отъ книжныхъ хлопотъ. Это у насъ дѣло безпримѣрное, въ 25 дней продано 3 тысячи экз.»

11 Марта онъ написалъ къ *Дмитріеву:* «Моя Исторія въ 25 дней скончалась: не осталось у меня ни одного экземпляра: сверхъ трехъ тысячъ проданныхъ требовали у меня еще шестисотъ. Не равняемся съ Англіею, однакожъ это замѣчательно. Пусть мои пріятели успокоятся: наша публика почтила меня выше моего достоинства; мнѣ остается только быть благодарнымъ и смиреннымъ.»

Такъ приняла Исторію публика; но какъ приняли ее партіи, ученые, журналисты, молодое поколѣніе?

—

Припомнимъ, въ какомъ положеніи находилось Русское общество того времени. На верху преобладало мистическое направленіе князя Голицына, покровителя библейскихъ обществъ, религіозныхъ сектъ, масонскихъ ложъ, распространившихся по Россіи, и всѣхъ сочиненій этого направленія. Самъ Государь благоволилъ къ нему. Директоромъ Департамента былъ у него Поповъ, уличенный послѣ, въ 1837 году, въ предводительствѣ мнимо-вдохновенною сектою, и принуждавшій собственныхъ дочерей вступить въ это общество. Лабзинъ, Магницкій, Руничъ, Кавелинъ, играли важныя роли. Вотъ первое отдѣленіе Русскаго общества: ему не было дѣла до Исторіи.

Второе—составляли фанатики, которые впослѣдствіи подъ предводительствомъ Фотія, выступили противъ Князя Голицына, съ Графинею Орловой и Митрополитомъ Серафимомъ. Этому отдѣленію не было также дѣла до Исторіи.

Еще менѣе третьему, во главѣ котораго стоялъ всемогущій Графъ Аракчеевъ съ военными поселеніями, преданностію безъ лести и многочисленною свитою.

Наконецъ четвертое отдѣленіе — гвардейская молодежъ, приготовлявшаяся къ 14 Декабря, была противъ Исторіи Карамзина, не находя въ ней подтвержденія своимъ теоріямъ и утопіямъ.

Никита Муравьевъ, сынъ его покровителя, воспитателя Александрова, незабвеннаго Попечителя Московскаго Университета, Михаила Никитича и Катерины Ѳедоровны, въ домѣ которой жилъ Карамзинъ, и называлъ ее святою, написалъ мнѣніе, ходившее по рукамъ и начинавшееся словами: «Исторія принадлежитъ народамъ,» въ противоположность заключенію Карамзина въ посвятительномъ письмѣ: «Исторія народа принадлежитъ Царю.»

Критикъ, изъ уваженія къ Карамзину, показалъ ему свою записку прежде всѣхъ. Николай Михайловичъ предоставилъ ему сообщать ее кому пожелаетъ.

Изъ предлагаемыхъ выписокъ читатели увидятъ сущность требованій отъ Исторіи молодаго тогдашняго поколѣнія. Карамзинъ думалъ, что отъ нея должно требовать только истины, (даже не мудрости нравоучительной), а противники его требовали отъ Исторіи такъ названной ими дѣльности, т. е. направленія къ извѣстной цѣли. Карамзинъ ожидалъ всего отъ верховной власти, отъ правительства; а противники указывали на общее мнѣніе. Карамзинъ проповѣдывалъ миръ и спокойствіе, а противники желали борьбы. Карамзинъ обращался къ разуму, а они къ страстямъ. Одинъ изъ передовыхъ современниковъ и знакомыхъ Карамзина такъ объяснялъ мнѣ приверженность его къ самодержавію: Карамзинъ не надѣялся на политическія способности Русскаго народа, и въ осо-

бенности современнаго дворянства, и видя Россію великою, прославленною ея самодержцами, онъ боялся, чтобъ это величіе не утратилось безсильными стремленіями къ лучшему, со стороны людей слабыхъ и непадежныхъ, и вмѣстѣ не опытныхъ, не приготовленныхъ, — но пусть лучше говорятъ они сами:

.... «Неужели твореніе сіе не возродило многихъ различныхъ сужденій, вопросовъ, сомнѣній!» Такъ начинаетъ авторъ свое разсужденіе. «*Горе странѣ, гдѣ всѣ согласны.* Можно ли ожидать тамъ успѣховъ просвѣщенія? Тамъ спятъ силы умственныя; тамъ не дорожатъ истиною, которая подобно славѣ пріобрѣтается усиліями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода сужденіямъ читателей! Сомнѣнія, изложенныя съ приличіемъ, могутъ ли быть оскорбительными?»

.... «Остановимся сперва на предисловіи; въ немъ увидимъ, какимъ образомъ нашъ писатель обнялъ предметъ свой, и какими правилами онъ руководствовался: «Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи..... Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, *какъ искони мятежныя страсти* волновали гражданское общество, и какими способами *благотворная власть* ума *обуздовала ихъ бурное стремленіе*, чтобъ учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ *возможное щастіе*».

«Исторія представляетъ намъ иногда,» возражаетъ авторъ, «какъ благотворная власть обуздывала бурное стремленіе мятежныхъ страстей. Но согласимся, что сіи примѣры рѣдки. Обыкновенно страстямъ противятся другія же страсти: борьба начинается, способности душевныя и умственныя съ обѣихъ сторонъ пріобрѣтаютъ наибольшую силу. Наконецъ противники утомляются, познаютъ общую выгоду, и примиреніе заключается благоразумною опытностію. Вообще

весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народовъ, къ коимъ принадлежатъ они сами, быть благоразумнѣе вѣка, и удерживать стремленіе цѣлыхъ обществъ. Слабы соображенія наши противъ естественнаго хода вещей. И тогда даже, когда мы воображаемъ, что дѣйствуемъ по собственному произволу, и тогда мы повинуемся прошедшему — дополняемъ то, что сдѣлано, то, чего требуетъ отъ насъ общее мнѣніе, послѣдствіе необходимое прежнихъ дѣйствій. Идемъ, куда влекутъ насъ происшествія, куда порывались предки наши.»

«Вообще отъ самыхъ первыхъ временъ одинѣ и тѣже явленія. Отъ времени до времени рождаются новыя понятія, новыя мысли — онѣ долго маятся, созрѣваютъ, потомъ быстро распространяются и производятъ долговременныя волненія, за которыми слѣдуетъ новый порядокъ вещей, новая нравственная система.»

«Какой умъ можетъ предвидѣть и объять эти волненія? Какая рука можетъ управлять ихъ ходомъ? Кто дерзнетъ въ высокомѣріи своемъ *насильствами* учреждать и самый порядокъ? Кто противустанетъ одинъ общему мнѣнію? Мудрый и добродѣтельный человѣкъ не прибѣгнетъ въ такихъ обстоятельствахъ ни къ ухищренію, ни къ силѣ. Слѣдуя общему движенію, благая душа его будетъ только направлять оное уроками умѣренности и справедливости. Насильственныя средства и беззаконны и гибельны; ибо высшая политика и высшая нравственность — одно и то же. Къ тому же существа, подверженныя страстямъ, въ правѣ ли гнать за оныя? Страсти суть необходимыя принадлежности человѣка и орудія Промысла, непостижимаго для ограниченнаго ума нашего. Не ими ли влекутся народы къ цѣли всего человѣчества? Въ нравственномъ, равно какъ и физическомъ мірѣ, согласіе цѣлаго основано на борени частей.»

«Но и простой гражданинъ долженъ читать Исторію. «Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка «вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ «вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, «свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали «ужаснѣйшія, и государство не разрушалось».....

Критикъ возражаетъ:

«Конечно несовершенство есть неразлучный товарищъ всего земнаго; но Исторія должна ли только мирить насъ съ несовершенствомъ, должна ли погружать насъ въ нравственный сонъ квіетизма. Въ томъ ли состоитъ гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ; добродѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ противу заблужденій и пороковъ. Не примиреніе наше съ несовершенствомъ, не удовлетвореніе суетнаго любопытства, не пища чувствительности, не забавы праздности, составляютъ предметъ Исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ, пробуждаетъ душевныя силы наши, и устремляетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ. Священными устами Исторіи праотцы взываютъ къ намъ: *Не посрамите земли Русскія!*»

«*Несовершенство видимаго порядка вещей* есть безъ сомнѣнія обыкновенное явленіе во всѣхъ вѣкахъ, но есть различіе между несовершенствами. Кто сравнитъ несовершенства вѣка Фабриціевъ или Антониновъ съ несовершенствами вѣка Нерона или гнуснаго Геліогабала, когда честь, жизнь и самые нравы гражданъ, зависѣли отъ произвола развращеннаго отрока, — когда владыки міра, Римляне, уподоблялись безсмысленнымъ тварямъ».

«Преступленія Тиверія, Калигулы, Каракаллы, опустошавшаго одинъ городъ послѣ другаго, принадлежатъ ли

къ обыкновеннымъ явленіямъ вѣковъ? Наконецъ несовершенства великодушнаго, воинственнаго народа временъ Святослава и Владимира, сходствуютъ ли съ несовершенствами временъ порабощенной Россіи, когда цѣлый народъ могъ привыкнуть къ губительной мысли необходимости. Еще унизительнѣе для нравственности народной эпоха *возрожденія* нашего, рабская хитрость Іоанна Калиты, далѣе холодная жестокость Іоанна III, лицемѣріе Василія и ужасы Іоанна IV».

«Исторія можетъ ли также утѣшить насъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось. Кто поручится за будущее? Кто знаетъ, не постигнутъ ли внуковъ нашихъ бѣдствія еще ужаснѣе тѣхъ, которыя претерпѣвали наши дѣды? Государственныя бѣдствія могутъ имѣть послѣдствіемъ и разрушеніе самаго государства. Въ 98 году Венеціане, читая въ лѣтописяхъ своихъ, какъ нѣкогда они противились Камбрейскому союзу, могли ли тѣмъ утѣшиться, теряя свою независимость и славу»? *

«Не всѣ согласятся, чтобъ междоусобія удѣльныхъ князей были маловажныя для разума: ими подтверждается извѣстный стихъ Горація:

Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi.**

«Сравнивая Исторію Россійскую съ Древнею, Историографъ нашъ говоритъ:

Толпы дѣйствуютъ, ръжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дому: не много разности, ежели забудемъ, что сіи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли *Софокловы* трагедіи, и статуи *Фидіасовы.*

---

* Въ 1797 г. Бонапарте овладѣлъ Венеціею, уничтожилъ республику, и отдалъ ее Австріи.

** Тѣ же мысли выражены въ словѣ о полку Игоревѣ: въ княжихъ крамолахъ, вѣци человѣкомъ сократишася.

«Я нахожу нѣкоторую разность. Тамъ граждане сражались за власть, въ которой они участвовали; здѣсь слуги дрались по прихотямъ господъ своихъ. Мы не можемъ забыть, что *полутиры Греціи* наслаждались всѣми благами земли, свободою и славой просвѣщенія».

«Нашъ писатель говоритъ, что въ Исторіи красота повѣствованія и сила, есть главное! Сомнѣваюсь. «*Знаніе правъ..... ученость..... остроуміе..... глубокомысліе.....* въ Историкѣ незамѣняютъ таланта изображать дѣйствіе!»— Безспорно, но это не доказываетъ, чтобы искусство изображать было главное въ Исторіи. Можно весьма справедливо сказать, что талантъ повѣствователя не можетъ замѣнить познаній, учености, прилѣжанія, и глубокомыслія, что́ важнѣе. Мнѣ же кажется, что главное въ Исторіи есть *дѣльность* опой. Смотрѣть на Исторію, единственно какъ на литературное произведеніе, есть унпчижать опую. Мудрому Историку мы простимъ недостатокъ искусства; краснорѣчиваго осудимъ, ежели не знаетъ основательно того, о чемъ повѣствуетъ».

«Осуждая холодность Юма, нашъ писатель весьма справедливо замѣчаетъ, что *любовь къ отечеству даетъ кисти Историка жаръ, силу, прелесть! Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.* Согласенъ; но часто ли попадались Юму Алфреды, а можно ли любить притѣснителей и заклены? Тацита одушевляло негодованіе».

Муравьевъ, какъ и его товарищи, видѣли только мѣста въ Исторіи, гдѣ Карамзинъ воздаетъ честь, по своимъ убѣжденіямъ, самодержавію, но не видали, предубѣжденные, тѣхъ мѣстъ въ Исторіи, гдѣ онъ говоритъ о самодержцахъ и читаетъ имъ наставленія. *

---

* В. Д. Корнильевъ, знакомый Карамзину, читалъ мнѣ, еще студенту, въ двадцатыхъ годахъ, изъ своей записной книжки, описаніе вечера въ домѣ Муравьевыхъ, гдѣ молодежь разсуждала съ хозяиномъ

Молодой Пушкинъ, только что кончившій курсъ въ Лицеѣ, при всемъ своемъ благоговѣніи къ Карамзину, которое у него возрастало во всю жизнь, не могъ преодолѣть искушенія сказать острое слово, и выразилъ общее настроеніе окружавшей его передовой молодежи, въ двухъ эпиграммахъ, одна другой злѣе: эти эпиграммы имѣютъ для насъ историческое значеніе, какъ отголосокъ ихъ мнѣнія, отъ котораго самъ Пушкинъ впослѣдствіи торжественно отказывался.

1. Въ его Исторіи изящность, простота,
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

2. Послушайте меня, я сказку вамъ скажу,
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ и время золотое,
И наконецъ про Грознаго Царя.
И, бабушка, затѣяла пустое:
Докончи намъ Илью богатыря.

«Нерѣдко случалось мнѣ слышать», говоритъ Стурдза, «упреки Исторіи Карамзина и за то, что авторъ вывелъ изъ творенія своего невѣрныя и односторонніе заключенія. Нѣкто, ревностный чтитель безсмертнаго его труда, однажды при мнѣ выразилъ ему самому это замѣчаніе. Карамзинъ отвѣчалъ на сіе вопросомъ: «Вы, можетъ быть, правы: но скажите, какое впечатлѣніе производитъ на васъ моя Исторія? Если оно не согласно съ моимъ мнѣ-

---

объ Исторіи. Вдругъ вошелъ къ нимъ самъ Николай Михайловичъ, жившій въ одномъ домѣ. Они обратились къ нему съ своими возраженіями. «Да не буду я первый въ своемъ отечествѣ», отвѣчалъ онъ имъ.... По продолженія не сохранила мнѣ память. Г. Корниліевъ скончался въ 50-хъ годахъ. Я спрашивалъ объ его записной книжкѣ, но не могъ получить никакого свѣдѣнія.

ніемъ, то въ этомъ я не вижу бѣды. Добросовѣстный трудъ повѣствователя не теряетъ своего достоинства потому только, что читатели его, узнавъ съ точностію событія, разногласятъ съ нимъ въ выводахъ. *Лишь бы картина была вѣрна,—пусть смотрятъ на нее съ различныхъ точекъ.*»

Изъ вельможныхъ стариковъ недовольны были приверженностію къ самодержавію: Графы Румянцевы, и еще какой то старый знакомецъ, который принялъ Карамзина очень холодно и объявилъ, что знаетъ его образъ мыслей, contraire aux idées libérales, см. выше, ст. 138. (Это долженъ быть Козодавлевъ.)

Вотъ еще мѣсто о немъ изъ письма Карамзина къ Дмитріеву, отъ 22 Ноября, 1817 г.

«Давно не говорилъ я тебѣ объ умномъ Министрѣ: онъ не всегда ласковъ ко мнѣ, и жалуется, что я хвалю самодержавіе, а не либеральныя идеи, т. е. хвалю печи зимою въ Сѣверномъ климатѣ! Жизнь коротка: иногда хочется сказать правду людямъ. Съ Канцлеромъ уже не спорю, для того что не хочу говорить о нѣкоторыхъ предметахъ во услышаніе всему дому его». (Румянцевъ въ это время оглохъ).

Прежде было замѣчено, что Карамзинъ былъ съ нимъ отчасти разныхъ системъ.

Замѣтимъ, что самъ Государь былъ расположенъ такъ, болѣе или менѣе. Припомнимъ разговоръ его съ Карамзинымъ въ Твери о самодержавіи.

А вотъ что писалъ Карамзинъ къ *Дмитріеву, отъ 8 Апрѣля*: «Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые. Я радъ всему хорошему, но только хорошему. Все будетъ какъ надобно»...

Отъ 29 Апрѣля. «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать—въ Сынѣ Отечества, въ рѣчи Уварова; иное уже вышло, другое готовится. И смѣшно и жалко! Но будетъ, чему быть. Знаю, что Государь ревностно желаетъ добра; все зависитъ отъ Провидѣнія. И слава Богу! Не перестаю наслаждаться своимъ образомъ мыслей, или лучше сказать, сердечнымъ удостовѣреніемъ, что мы такъ, а Богъ по своему. Въ сей системѣ какой покой для ума зрителей, т. е. для нашей братіи! Пусть молодежь ярится: мы улыбаемся».

Приложимъ здѣсь кстати мысли Карамзина о свободѣ, записанныя въ его памятной книжкѣ:

«Можно ли въ нынѣшнихъ книгахъ или журналахъ, (книги не достойны своего имени, ибо не переживаютъ дня), можно ли въ нихъ безъ жалости читать пышныя слова: настало время истины; истиною все спасемъ; истиною все ниспровергнемъ.... Но когда же было время не истины? Когда не было Провидѣнія и вѣчныхъ его уставовъ?—Умные безумцы! и вы не новое на землѣ явленіе, вы говорили и дѣйствовали еще до изобрѣтенія буквъ и типографій!.... Настало время истины: т. е. настало время спорить объ ней.»

«Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностію? Вы всѣ Авгуры, и боитесь заглянуть въ глаза другъ другу, чтобы не умереть со смѣху. Аристократы, Сервилисты, хотятъ стараго порядка, ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, Либералисты хотятъ новаго безпорядка, ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ.»

«Аристократы! Вы доказываете, что вамъ надобно быть сильными и богатыми въ утѣшеніе слабыхъ и бѣдныхъ;

но сдѣлайте же для нихъ слабость и бѣдность наслажденіемъ! Ничего нельзя доказать противъ чувства: нельзя увѣрить голоднаго въ пользѣ голода. Дайте намъ чувство, а не теорію. — Рѣчи и книги Аристократовъ убѣждаютъ Аристократовъ; а другіе, смотря на ихъ великолѣпіе, скрежещутъ зубами, но молчатъ или не дѣйствуютъ пока обузданы закономъ или силою: вотъ неоспоримое доказательство въ пользу Аристократіи: палица а не книга! И такъ сила выше всего? Да, всего, кромѣ Бога, дающаго силу!»

«Либералисты! Чего вы хотите? Счастія людей! Но есть ли счастіе тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти?»

«Основаніе гражданскихъ обществъ непзмѣнно: Можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ, и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе.»

«Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу даетъ не Государь, не Парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностію къ Провидѣнію!»

Слѣдующее замѣчаніе Карамзина *записано* въ памятной книжкѣ *А. И. Верстовскимъ.*

«Если Государство, при извѣстномъ образѣ правленія, созрѣло, укрѣпилось, обогатилось, разпространилось и благоденствуетъ, не троньте этого правленія, видно оно сродно, прилично Государству и введеніе въ немъ другаго было бы ему гибельно и вредно.

Намъ остается описать пріемъ Исторіи государства Россійскаго учеными и журналистами.

Между учеными и журналистами того времени, бывшими на сцепѣ, не было ни одного, который бы могъ судить о цѣломъ сочиненіи, и вмѣстѣ обладалъ достаточнымъ безпристрастіемъ. Мелкія страсти, самолюбіе, зависть, были ихъ удѣломъ, при ограниченности кругозора.

Качеповскій напалъ на предисловіе, и разобралъ его съ желчію, и то опираясь на Французскомъ переводѣ (въ письмахъ Кіевскаго жителя). Его адепты написали нѣсколько статеекъ, въ его духѣ (напримѣръ Саларевъ, впрочемъ очень любезный, образованный молодой человѣкъ, вскорѣ скончавшійся).

Арцыбышевъ, примѣчательный труженикъ, но въ полномъ смыслѣ кропотунъ, представилъ нѣсколько замѣчаній частныхъ, мелкихъ, отчасти дѣльныхъ, отчасти придирчивыхъ.

Ходаковскій сообщилъ нѣсколько поправокъ географическихъ, и замѣчаній, относившихся къ его системѣ городищъ.

Лелевель, — ученѣйшій между противниками, только что началъ печатать критическія замѣчанія въ Сѣверномъ Архивѣ, и отозвался невыгодно о духѣ всего сочиненія.

Всѣ они выставляли на видъ недостатки Исторіи по ихъ мнѣнію. Достоинствъ не оцѣнилъ никто. Такъ точно впослѣдствіи поступали и другіе незваные критики, весьма посредственные, по частнымъ своимъ видамъ.

Прочіе журналисты и газетчики, по замѣчанію самого Качеповскаго, отдали честь Исторіи, какъ гауптвахты отдаютъ честь ружьемъ проѣзжающимъ генераламъ.

Кто же былъ за Карамзина? Кто раскупилъ въ двадцать дней четыре почти тысячи экземпляровъ? *

За Карамзина была та безъименная часть Русскаго народа, разсѣянная по всѣмъ областямъ Русскаго царства,

---

* Изданіе состояло изъ 3 тысячъ экз., и требованій явилось гораздо болѣе, см. выше.

во всѣхъ сословіяхъ, живущая своимъ умомъ, вдали отъ партій, интригъ, посторонних видовъ, — самостоятельная, живая, здоровая, толковая, истинная представительница народа, — которая даетъ знать о себѣ, обнаруживаетъ свою силу, вмѣстѣ съ существованіемъ, только въ важныхъ событіяхъ отечественной Исторіи!

Арзамасцы, среди ея, почувствовали живѣе всѣхъ красоты новаго творенія, обогатившаго и украсившаго собою Русскую Словесность. Выше помѣщено письмо Жуковскаго. Блудовъ, Дашковъ, Вяземскій, молодой Пушкинъ приняли Исторію государства Россійскаго съ такимъ же восторгомъ. Послѣдній сказалъ, несмотря на свои эпиграммы, согласно съ Жуковскимъ и Стурдзою, * что древняя Россія открыта Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ.

Батюшковъ, отъ имени непзвѣстнаго, написалъ письмо къ супругѣ Николая Михайловича:

Милостивая Государыня, Екатерина Андреевна.

Не имѣю счастія быть извѣстнымъ ни Вамъ, ни почтенному супругу Вашему, но зная изъ опыта, что снисходительность есть свойство прекрасныхъ и великихъ душъ, смѣло прибѣгаю къ Вамъ съ усердѣйшею прозьбою. — Тронутый глубоко, восхищенный чтеніемъ Исторіи Государства Россійскаго, я написалъ нѣсколько стиховъ къ безсмертному оной творцу. — Полагая, что самые посредственные стихи, прочитанные Вами, покажутся ему прелестными, покорнѣйше прошу немедленно прочитать ихъ. Вмѣсто предисловія можете сказать:

La main ne peut atteindre au noble front des Dieux,
Et dopose à leurs pieds ses dons religieux;
Tel son luth n'atteint point le faite de ta gloire,
Mais brule un grain d'encens aux pieds de la victoire.

* См. выше с. 141 и 195.

Не подпишу своего имени, обреченнаго забвенію, но покорнѣйше прошу вѣрить чувствамъ глубокаго почитанія и совершенной преданности, съ которымъ пребуду Вамъ на всегда... неизвѣстнымъ.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ Исторіи читалъ,
Какъ Грекъ разилъ вождей Азійскихъ,
И силы гордыхъ сокрушалъ—
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ, и весь вниманье былъ.

Но въ сей толпѣ многонародной,
Какъ старца слушалъ Ѳукидидъ,
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцевъ дѣянья знамениты,
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьѣ,
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное, и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

ГЛАВА II.

(1818 и 1819).

Второе изданіе.—Работы для IX тома.—Рѣшеніе остаться въ Петербургѣ для корректуръ.—Рѣчь въ академіи.—(Преимущества Словесности.—О критикѣ.—О задачахъ.—О національномъ, о сочувствіи съ читателями .—Отрывки изъ записки К. С. Сербиновича.—Журнальная война изъ Записки К. о Моск. достопамятностяхъ.—Отказы Дмитріеву возражать и содѣйствіе избранію Каченовскаго въ члены Академіи.—Посланіе К. Вяземскаго къ Каченовскому.—Отношеніе ко Двору.—Мнѣніе Русскаго гражданина о Польшѣ.—Бесѣда съ И. Александромъ.—Письма къ Дмитріеву и Батюшкову.—Отрывокъ изъ замѣсокъ Булгарина объ обхожденіи К. съ людьми. Вечера К., повѣствію Б. М. Ѳедорова.

По окончаніи изданія и сопряженныхъ съ нимъ хлопотъ, Карамзинъ намѣренъ былъ возратиться въ Москву, и тамъ продолжать свой трудъ. Онъ поручалъ уже пріискивать себѣ квартиру. но предложеніе книгопродавца Сленина предпринять второе изданіе, остановило его распоряженія. Переговоры начались тотчасъ, какъ разошлось первое. Отъ *8 Апрѣля* писалъ онъ *къ Дмитріеву*: «Въ цѣнѣ мы согласны, но требую залога въ вѣрномъ платежѣ. Все это едва дастъ намъ способъ жить, какъ живемъ.»

Къ *брату*, отъ *8 Апрѣля:* «Здѣшніе книгопродавцы торгуютъ у меня второе изданіе, и соглашаются дать мнѣ 50,000 въ пять лѣтъ; это не много, но избавитъ меня отъ хлопотъ изданія.»

Договоръ состоялся съ Сленинымн.

«Весьма неохотно,» писалъ Карамзинъ, *29 Апрѣля*, я продалъ второе изданіе Сленинымъ: они могутъ разориться,

а мнѣ будетъ это прискорбно, кромѣ того, что не возьму денегъ. Противъ обыкновенія я не хвалилъ своего товара, а предостерегалъ купцовъ.»

Между тѣмъ Карамзинъ началъ свои приготовленія къ IX тому, для котораго въ Москвѣ было написано страницъ 30.

Мы предложимъ здѣсь свѣдѣнія о занятіяхъ историческихъ, въ 1818 и 1819 году, вмѣстѣ съ другими извѣстіями объ его жизни.

«Я снова принялся за 9-й томъ, увѣдомилъ онъ *Дмитріева* отъ 25 Марта 1818 года, «пишу ноты къ первой главѣ. Здѣсь удалось отыскать мнѣ нѣчто любопытное объ учрежденіи Опричины, Русское, современное, оффиціальное.»

13 Мая. Карамзинъ благодарилъ *Малиновскаго* за выписку о мѣстничествѣ: «Это все для меня любопытно. Я ненасытимъ: присылайте какъ можно болѣе. Теперь снова пишу. Надобно пользоваться временемъ, особенно изъ благодарности къ публикѣ, къ Государю.»

Къ брату, отъ 10 Іюня. «О возвращеніи нашемъ въ Москву не могу вамъ сказать ничего вѣрнаго прежде Іюля: тогда начнется второе тисненіе моей Исторіи, и если увижу, что оно можетъ идти безъ меня, то въ Августѣ поѣдемъ, а если увижу противное, то останемся здѣсь еще на годъ, чего мнѣ не хочется, но будетъ какъ Богу угодно; 8 мѣсяцевъ жили мы въ Петербургѣ какъ въ деревнѣ: мало выѣзжали, мало людей видѣли, и я спокойно продолжаю свою Исторію. Переѣдимъ-ли въ Царское Село, не знаю; слышу стороною, что Государь приказалъ очистить для насъ прежній домикъ; но между тѣмъ не дано мнѣ знать о томъ отъ Царскосельскаго начальника, а лѣто уже въ срединѣ.»

11 Іюня, къ Калайдовичу: «Усердно благодарю васъ, милостивый Государь мой, Константинъ Ѳедоровичъ, за извѣстіе о птицахъ Изокахъ, и ожидаю по вашему обѣщанію, что вы благосклонно мнѣ сообщите полную выписку изъ Ше-

стоднева, также и ваши замѣчанія на 1-й томъ моей Исторіи, какъ пишетъ ко мнѣ Ал. Ѳедор. Мнѣ пріятно будетъ отдать вамъ полную справедливость во второмъ изданіи Росс. Исторіи, которое уже начинаютъ печатать. Я не присвою себѣ вашихъ открытій, и скажу публикѣ, чѣмъ вамъ обязана Исторія.»

13 Іюля, писалъ онъ къ *Дмитріеву*: «Сленпнскія 50 т. будутъ мнѣ дорого стоить, если здѣсь останемся. Въ добрые часы описываю ужасы Іоанна Грознаго.»

Къ Малиновскому, отъ 17 Іюня. «Сдѣлайте одолженіе, по первой почтѣ, если можно, пришлите мнѣ 2-й № *Турецкихъ дѣлъ*: онъ мнѣ необходимъ; я не захватилъ его вмѣстѣ съ другими. Наконецъ у насъ лѣто, и мы въ городѣ. Черезъ 2 недѣли начнутъ второе тисненіе Исторіи. Не сообщите ли или мнѣ, любезнѣйшій, какихъ замѣчаній хотя на 1-й томъ?»

Отъ 20-го Іюня. «Г. Калайдовичъ показывалъ В. А. Жуковскому одно мѣсто въ какой-то рукописи, гдѣ упоминается о птицахъ Изокахъ: сдѣлайте милость, попросите отъ меня Г-на Калайдовича, чтобъ онъ выписалъ это мѣсто, и чрезъ васъ сообщилъ мнѣ, какъ можно скорѣе, съ объясненіемъ, что это за рукопись.»

Карамзинъ надѣялся провести лѣто въ Царскомъ Селѣ по прежнему, и самъ Государь ему объ этомъ сказалъ; но Царскосельское начальство не увѣдомило его о томъ по отъѣздѣ Государевомъ, и онъ не могъ переѣхать: вотъ образчикъ придворныхъ непріятностей. Этого мало: домикъ Карамзина отданъ былъ другому лицу.

Къ Дмитріеву, отъ 27-го Іюня. «Государь удивился, свѣдавъ, что въ нашемъ Царскосельскомъ домикѣ живетъ Г-нъ Ф: ему велѣно было тотчасъ выѣхать, и мы думаемъ дней черезъ пять быть въ Царскомъ Селѣ.»

Къ брату отъ 4-го Іюля: «Вѣроятно, что второе изданіе Исторіи остановитъ меня еще на годъ въ Петербургѣ. Теперь собираемся переѣхать въ Царское Село, гдѣ самъ Государь приказалъ очистить для насъ прежній домикъ, который въ его отсутствіе отдали было другому.»

Карамзинъ по поводу этого случая пишетъ къ *Малиновскому, 11-го Іюля:* «Государь пріѣзжаетъ въ Царское Село, смотритъ на домикъ, кланяется дамѣ, посылаетъ ей плоды, и къ изумленію своему узнаетъ, что тутъ живутъ не Карамзины, а Г. Фр. съ своею супругою. Онъ былъ высланъ въ другую квартиру; но мы между тѣмъ лишились двухъ мѣсяцевъ пріятной Царскосельской жизни.»

«Едва ли 2-ое изданіе пуститъ насъ въ Москву. Вотъ что привязываетъ насъ къ Петербургу; все другое есть тонкій волосъ для пятидесятилѣтняго человѣка съ моимъ характеромъ.»

11-го Іюля, Дмитріеву: «Наконецъ опять пишу къ тебѣ изъ Царскосельской кущи, откуда было вытѣснила насъ дружина Государева, но куда съ новою честію ввелъ насъ самъ милостивый Государь. Вотъ слѣдствіе того, что я ни къ кому не приближенъ и всѣмъ чуждъ; но у насъ пока есть истинный благотворитель—Александръ; онъ не даетъ насъ въ обиду и чествтъ безкорыстно; напримѣръ велѣлъ заплатить 2000 р. за домикъ для насъ въ Петергофѣ, на 48 часовъ. Я не продалъ души за 2000 р., но въ ней живетъ истинная любовь къ Государю, произведенная и многими Его прекрасными свойствами и сердечною благодарностью.»

«Мы въ Петербургѣ какъ на станціи: не имѣемъ дружественнаго пріюта; кланяемся многимъ, а сидимъ дома одни, пока не явится добрый Тургеневъ, или Жуковскій. Однакожъ мы не вправѣ жаловаться: сами не льнемъ къ людямъ. Въ 50 лѣтъ кажется, что это все не стоитъ

труда, пока Богъ къ намъ милостивъ, пока есть милое семейство, кусокъ хлѣба и другъ въ Москвѣ. День за день, а тамъ и конецъ. Дай Богъ только любви къ Нему и мира душевнаго.

«Хорошо, еслибъ Бекетовъ захотѣлъ быть вторымъ членомъ Московскаго Архива иностранныхъ дѣлъ, тогда и я сталъ бы искать себѣ третьяго на этой высокой скамьѣ, покрытой благородною пылью.»

Августа 2-го, къ Дмитріеву: «Первые листы втораго изданія доказали мнѣ необходимость остаться здѣсь на зиму: иначе будетъ ошибка на ошибкѣ, чего при жизни не хочу видѣть. Остаюсь не безъ грусти. Здѣсь мы не на мѣстѣ, а жить уже не долго. Увѣренъ въ твоей дружбѣ: слѣдственно увѣренъ и въ томъ, что тебѣ жаль не быть съ нами, какъ намъ жаль не быть съ тобою въ одномъ городѣ. Не смотря на знаки Государевой милости, стремлюсь душой въ даль отъ блестящаго свѣта, съ которымъ у меня нѣтъ симпатіи. Тѣмъ живѣе чувствую потребность дружбы, истинной, старой, непзмѣнной. Здѣсь у насъ только молодые друзья». .

22 Августа. «Сохранимъ живѣйшую благодарность за милостивые знаки его къ намъ добраго расположенія, и только его: тѣмъ лучше. Мы старики, не прочимъ себя для двора, а Государя любить весело и вдали. За чѣмъ такъ часто звали насъ, не знаемъ; зачѣмъ нѣкоторые весьма примѣтно (avec affectation) охолодѣли къ намъ, не вѣдаемъ»....

27 Августа, къ брату: «Нынѣшній день добрый Государь нашъ уѣхалъ за границу на 4 мѣсяца. Вчера былъ у насъ въ смиренномъ домикѣ, чтобы проститься съ Катериной Андреевною и со мною. Всякую недѣлю мы обѣдали у него раза два. Онъ изъявляетъ ко мнѣ даже и нѣкоторую милостивую довѣренность въ разговорѣ. Нельзя не любить его всею душою, когда видишь его образъ и слышишь разсужденія прекрасныя».

«Мы перемѣнили квартиру въ городѣ: будемъ жить у Аничкова моста, на Фонтанкѣ, въ домѣ К. Ѳ. Муравьевой. Платимъ пять тысячъ, и то по дружбѣ хозяйки къ намъ, то есть съ большою уступкою противъ другихъ».

*Къ Строеву.** Царское село, *29 Августа*. «Сердечно благодарю васъ, милостивый государь мой, Павелъ Михайловичъ, за ваше обязательное письмо, и за всѣ любопытныя для меня выписки. Съ такою же благодарностью возвращаю вамъ и лѣтопись Сибирскую, вмѣстѣ съ прочими бумагами; а другую лѣтопись возвращу скоро. Буду ждать выписки о *Иванѣ Варяѣ*. Нельзя ли вамъ взглянуть на большую Московскую пушку, и сообщить мнѣ ея надпись? Хронографы различныхъ сочинителей: отвѣчаю вамъ за *три;* въ которыхъ извѣстія и порядокъ различны. Хронографъ не могъ быть источникомъ для Новогород. Лѣтописи, которая писана прежде его. Всякое замѣчаніе ваше для меня любопытно; за все скажу вамъ спасибо—а всего болѣе за ваше доброе расположеніе къ вашему покорнѣйшему, Н. Карамзину».

«Крайне меня обяжете, если доставите мнѣ *Наказъ Берсеневу и Тютину*, также и выписку изъ Воскресенской Лѣтоп. о Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, буде есть въ ней что-нибудь любопытное, особенное о семъ чудакѣ».

11 Сентября, къ Дмитріеву. «Мы наконецъ живемъ въ тишинѣ. Государь разстался съ нами очень ласково, былъ у насъ, заглянулъ даже въ мой кабинетъ, то есть, въ нашу спальну, подивился тѣснотѣ и безпорядку; говорилъ любезно о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ; говорилъ какъ ангелъ. На другой день, въ 5 часовъ утра, уже почти садясь въ коляску, отдалъ К. Голицыну одну бумагу, чтобы показать мнѣ, для перемѣны въ ней нѣкоторыхъ словъ, которыя ему не нравились, (а прежде онъ столь же мило-

* Этотъ молодой тогда изслѣдователь Русской Исторіи доставилъ Исторіографу много важныхъ свѣдѣній, которыя, какъ и доставленныя К. Ѳ. Калайдовичемъ, сообщены въ примѣчаніяхъ втораго изданія.

стиво велѣлъ мнѣ поправить краткій манифестъ о мирѣ съ Персіею). Все это останется между нами. Знаки его добраго расположенія для меня драгоцѣнны, потому что люблю его душевно. Знай, любезнѣйшій, что я ничего не хочу, уже приближаясь къ старости. Полно! Благодарю Бога за то, что имѣю. Надобно доживать дни съ семействомъ, съ другомъ и съ книгами. Мнѣ гадки лакеи и низкіе честолюбцы, и низкіе корыстолюбцы. Дворъ не возвыситъ меня. Люблю только любить Государя. Къ нему не лѣзу и не ползу. Не требую ни конституціи, ни представителей, но по чувствамъ останусь республиканцемъ, и при томъ вѣрнымъ подданнымъ Царя Русскаго: вотъ противорѣчіе, но только мнимое.»

Письмо Карамзина къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

(*Въ Сентябрѣ, 1818 года.*) «Въ день вашего отъѣзда, Карамзины, мужъ, жена и дѣти, гуляли въ Павловскомъ; видѣли издали, какъ Ваше Императорское Величество сѣли въ карету: вмѣстѣ съ добрыми Павловскими жителями мы провожали васъ глазами и благословеніями, столь искренними, что Богъ конечно слышалъ ихъ. Вы уже далеко; но мы не перестаемъ слѣдовать за вами душею и сердцемъ. Оставивъ страну, ознаменованную вашими благотвореніями, видите ту, которая славится вашимъ рожденіемъ. Германія—сестра Россіи. Вы утвердили союзъ между ими. Обѣ представляютъ вамъ воспоминанія: которыя сладостнѣе? Мѣсто родины всегда пріятно для души чувствительной, но мѣсто, гдѣ мы дѣлаемъ добро, еще пріятнѣе. Вы должны любить Германію: не завидуемъ ей, ибо вы любите Россію еще болѣе, и не можете вспоминать объ ней безъ умиленія, которымъ Богъ награждаетъ добродѣтель въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Съ радостнымъ же участіемъ воображаемъ ваши, Всемилостивѣйшая Государыня, семейственныя радости. Нако-

нецъ видите тѣхъ, кого вы любили только заочно. Такія знакомства милы сердцу. Въ дѣтяхъ мы любимъ себя, а въ ихъ дѣтяхъ и себя и дѣтей. Вы счастливы, ибо вы достойны счастія.

Даемъ отчетъ Вашему Императорскому Величеству въ нашихъ мысляхъ и чувствахъ; вотъ что мы ежедневно говоримъ объ васъ въ своемъ семействѣ, смотря на карту, и останавливаясь глазами на Варшавѣ, Стутгардѣ, Брюсселѣ или Гагѣ, Веймарѣ, Меклепбургѣ. Не выѣзжавъ изъ Царскаго Села, мы твердо знаемъ теперь Географію отъ Невы до Рейна. Время благопріятствуетъ вашему пути: по крайней мѣрѣ у насъ прекрасное; одинъ день лучше другова, и мы въ гордости своей не завидуемъ солнцу Италіи: Царскосельское, Павловское, такъ ярко, что Русская пословица: смотрѣть сентябремъ на сей разъ не имѣетъ смысла. Наслаждаемся и надѣемся: барометръ поднимается непрестанно выше и выше, какъ Россія! Злословіе умолкло. Никто уже не смѣетъ бранить Невскаго климата, и всѣ люди кажутся мнѣ добрѣе. Таково дѣйствіе солнца! Не даромъ уподобляютъ ему все благотворное въ нравственномъ мірѣ. Однакожь нѣтъ добра безъ худа: люди въ садахъ, а кабинеты пусты, много ходимъ, слѣдственно мало работаемъ. Одно счастіе писать къ Вашему Императорскому Величеству имѣетъ силу, въ самый лучезарный полдень, засадить меня за мой хрониками отягченный столъ; но счастіе лучше и краснаго солнца.

Это письмо можетъ найти васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, въ Стутгардѣ: для того осмѣливаюсь приложить другое къ ея Величеству Королевѣ Ей былъ я обязанъ первыми драгоцѣнными знаками вашего благоволенія къ Исторіографу.

Желалъ бы я донести Вашему Императорскому Величеству о какихъ нибудь новыхъ успѣхахъ Россійской

Словесности, но авторы наши—гуляютъ. Поэты занимаются грамматикою, (разумѣю Жуковскаго), Академія Россійская лексикономъ, и такъ далѣе. Все это, безъ сомнѣнія полезно для будущаго!

Всѣмъ семействомъ повергаемъ себя къ вашимъ стопамъ. Утѣшаемся воспоминаніемъ о вашихъ къ намъ милостяхъ и мыслію о вашемъ благополучномъ возвращеніи.»

Къ Малиновскому, 11 Сентября. «Возвращаю вамъ дѣло о ссылкѣ Воротынскаго. А приложенное отдайте г. Строеву. Что Калайдовичъ? Обѣщалъ сообщить мнѣ свое замѣчаніе на 1-й т. Исторіи, и выписку объ Изокѣ, но не сдержалъ слова. Въ лѣтописи, отысканной г. Строевымъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, нѣтъ ли чего *особеннаго* о царѣ Иванѣ Васильевичѣ? Буде есть, то сдѣлайте милость прикажите списать и доставить мнѣ. Вотъ еще просьба: очень желаю имѣть краткое описаніе Святославова сборника и копію съ изображеніями его княжескаго семейства».

Къ Калайдовичу, 20 Сентября. «Изъявляю вамъ искреннѣйшую благодарность за всѣ ваши любопытныя замѣчанія и выписки, которыми я воспользуюсь при второмъ изданіи Исторіи. Все, что вы мнѣ и впредь сообщите, приму съ такою же благодарностью. Вы тѣмъ докажите и вашу безкорыстную любовь къ исторической истинѣ, и ваше доброе расположеніе ко мнѣ».

Къ Дмитреву, 10 Октября. «Не смотря на сильный насморкъ, всякое утро хожу пѣшкомъ отъ Аничкова моста къ дворцу, берегомъ Невы до сада, и садомъ на Фонтанку, гдѣ нашъ домъ. Вѣроятно ли, что намъ должно сдѣлать 50 визитовъ. Можемъ остаться при одномъ добромъ желаніи. Дѣлаюсь часъ отъ часу лѣнивѣе на выѣзды. Завидовать ли молодости? По крайней мѣрѣ безполезно. Ты вѣрно отгадалъ, кто охолодѣлъ ко мнѣ; угадываешь и причину: что же? Скажи хотя намекомъ. Я право ничего не знаю. Богъ съ ними»!

Къ Малиновскому, 10 Октября. «Вопросъ: въ грамотахъ Азіятскихъ съ Нишапомъ всегда ли бываетъ нѣсколько словъ, писанныхъ золотомъ»?

Къ брату, 2 Октября. «Новое изданіе Исторіи оставляетъ мнѣ мало времени для другой работы, т. е. для продолженія Іоаннова царствованія. Боюсь, чтобы и печатаніе не остановилось, если не буду здоровъ»

Воротившись въ городъ, въ Октябрѣ, 1818 г. Карамзинъ, по просьбѣ Шишкова, который съ нимъ примирился, и сдѣлался вскорѣ, по прочтеніи Исторіи его почитателемъ, написалъ рѣчь для произнесенія въ торжественномъ собраніи Академіи (5 Декабря, 1818).

Въ головѣ у него была, кажется, кладовая: всѣ предметы, литературные, гражданскіе, человѣческіе, были обдуманы и тамъ хранились. Ему стоило только открыть какой угодно ящикъ, и перепосить оттуда на бумагу готовыя мысли въ наилучшемъ порядкѣ, внутреннюю свою, удивительную кристаллизацію,—а потомъ исправлять, или совершенствовать выраженіе.

Странное явленіе! Рѣчь эта, заключающая въ себѣ множество прекрасныхъ мыслей, вѣрныхъ замѣчаній, счастливыхъ выраженій, какъ сей часъ увидимъ, какъ-бы завѣтъ опытнаго, геніальнаго писателя, прошла почти безъ вниманія. Ее надобнобъ было читать и перечитывать во всѣхъ училищахъ, разбирать до мельчайшихъ подробностей, а надъ нею чуть ли не смѣялись, и я помню, еще бывши студентомъ, какъ гдѣ то выставлено было иронически одно ея мѣсто объ *утѣшеніи* великимъ *утѣшеніемъ!*

Выпишемъ нѣсколько мѣстъ:

...«Языкъ и Словесность суть не только способы, но и *главные* способы народнаго просвѣщенія; *богатство языка есть богатство мыслей*;... Онъ служитъ первымъ училищемъ для юной души, незамѣтно, но тѣмъ сильнѣе

впечатлѣвая въ ней понятія, на конхъ основываются самыя глубокомысленныя науки.... Сіи науки занимаютъ только особенный, весьма немногочисленный, классъ людей, а Словесность бываетъ достояніемъ всякаго, кто имѣетъ душу;... Успѣхи наукъ свидѣтельствуютъ вообще о превосходствѣ народа, являя степень его образованія, умъ и чувствительность къ изящному! (111,640).

«Изданіемъ словаря и грамматики заслуживъ нашу благодарность, Академія заслужитъ конечно и благодарность потомства ревностнымъ, неутомимымъ исправленіемъ сихъ двухъ главныхъ для языка книгъ, всегда богатыхъ, такъ сказать, бѣлыми листами, для дополненія, для перемѣнъ необходимыхъ по *естественному*, безпрестанному *движенію* живаго слова къ дальнѣйшему совершенству: движенію, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ». (643).

«Главнымъ дѣломъ вашимъ было и будетъ *систематическое образованіе языка*: непосредственное же его *обогащеніе* зависитъ отъ успѣховъ общежитія и Словесности, отъ дарованія писателей—а дарованія единственно отъ судьбы и природы. Слова не изобрѣтаются Академіями: онѣ рождаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое *вдохновеніе*. Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова, входятъ въ языкъ *самовластно*, украшаютъ, обогащаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ. Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ: надобно только открыть или показать оныя». (644).

...«Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія» говоритъ Карамзинъ, разсуждая о критикѣ, «но *дарованіе не бываетъ безъ чувствительности*: должно щадить ее. Употребимъ сравненіе не новое, но выразительное: что дыханіе хлада для цвѣтущихъ растеній, то излишне-строгая критика для юныхъ способностей души:

мертвитъ, уничтожаетъ; а мы должны оживлять и питать—привѣтствовать славолюбіе, не устрашать его: ибо оно ведетъ къ славѣ, а слава автора принадлежитъ отечеству.

«*Пусть низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ охужденіемъ, въ надеждѣ возвыситься уничиженіемъ другихъ:* но вамъ извѣстно, что *самый легкій умъ находитъ несовершенства;* что только *умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты* въ сочиненіяхъ. Гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все—молчаніемъ. Когда увидимъ важныя злоупотребленія, новости неблагоразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны. Судя о произведеніяхъ чувства и воображенія, не забудемъ что приговоры наши основываются единственно на *вкусѣ, неизъяснимомъ для ума*; что они не могутъ быть всегда рѣшительны; что вкусъ измѣняется и въ людяхъ и въ народахъ; что удовольствіе читателей раждается отъ ихъ тайной симпатіи съ авторомъ, и не подлежитъ закону разсудка; что мы никогда не согласимся съ Англичанами или Нѣмцами во мнѣніи о Шекспирѣ или Шиллерѣ; что примѣръ изящнаго сильнѣе всякой критики дѣйствуетъ на успѣхи литературы; что мы не столько хотимъ учить писателей, сколько ободрять ихъ нашимъ къ нимъ вниманіемъ, нашимъ сужденіемъ, исполненнымъ доброжелательства. Какъ ни пріятна для автора хвала публики и самое одобреніе Академіи, но будетъ еще пріятнѣе, если соединится съ благонамѣреннымъ разборомъ книги его, съ показаніемъ ея красотъ особенныхъ; когда опытный любитель искусства углубится взоромъ, такъ сказать, въ сокровенность души писателя, чтобы вмѣстѣ съ нимъ чувствовать, искать выраженій и стремиться *къ какому-то образцу мысленному,* который бываетъ цѣлію, болѣе или менѣе ясною для всякаго дарованія. Самолюбіе грубое довольствуется и *пѣлою* хвалою: она пѣма, когда не изъясняетъ своего предмета; но самолюбіе нѣжное требуетъ

хвалы *краснорѣчивой*: она краснорѣчива, когда изображаетъ хвалимое» (646).

«Академія, желая возбудить дѣятельность умовъ, и прежде задавала темы писателямъ, обѣщая награды успѣху: сей способъ, одобряемый примѣромъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Обществъ, Французской Академіи и другихъ, безъ сомнѣнія, также весьма дѣйствителенъ, когда выборъ предметовъ, соотвѣтствуя образованію народа, заманчивъ для ума и воображенія, благопріятствуетъ новости, богатству идей или картинъ, обращаетъ вниманіе на истинное достояніе искусства, гдѣ вещество ждетъ руки художника или мысль изображенія. Скажутъ, что всякій писатель слѣдуетъ собственному внутреннему влеченію: избираетъ, что ему нравится, и не имѣетъ нужды въ указаніяхъ. Нѣтъ, сіи указанія бываютъ иногда плодотворны: чуждое, новое, неожидаемое имѣетъ особенную силу для разума дѣятельнаго; онъ спѣшитъ присвоить данную ему мысль, вслѣдъ за нею стремится къ другимъ и находитъ сокровища, которыя безъ сего внѣшняго побужденія остались бы для него, можетъ быть, недоступными. Обширное поле предъ нами: Философія нравственная съ своими наблюденіями, Исторія съ преданіями, Поэзія съ вымыслами, свѣтская и семейственная жизнь съ картинами и характерами: вездѣ предметы для Генія, не чуждаго Россіянамъ, и въ самыя темныя времена невѣжества: ибо онъ не ждетъ иногда Наукъ и просвѣщенія, летитъ и блескомъ своимъ озаряетъ пустыни. Такъ въ остаткахъ нашей древности, въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ народныхъ — сочиненныхъ, можетъ быть дѣйствительно во мракѣ пустынь — видимъ явное присутствіе сего Генія; видимъ живость мыслей, ему свойственную; чувствуемъ, такъ сказать, его дыханіе. Но онъ любитъ искусство и гражданское образованіе: мелькаетъ и во мракѣ, но красуется постоянно въ свѣтѣ разума; не есть наука, но заимствуетъ отъ нее силу для вышняго паренія. Не

дикіе имѣютъ Гомеровъ и Виргиліевъ. Прекрасный союзъ дарованія съ искусствомъ заключенъ въ колыбели человѣчества: они братья, хотя и не близнецы. Жалѣемъ объ утраченныхъ пѣсняхъ *древняго соловья*, Бояна; жалѣемъ, что *Слово о Полку Игоревѣ*, одно служитъ для насъ памятникомъ Россійской Поэзіи XII вѣка; но вѣкъ Перикловъ, Августовъ, еще впереди для Россіи: да настанетъ онъ въ благословенное царствованіе Александра I, и да назовется Его великимъ именемъ!» (648).

....«Петръ Великій, могущею рукою своею преобразивъ отечество, сдѣлалъ насъ подобными другимъ Европейцамъ. Жалобы безполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ Россіянъ прервалася на вѣки. Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ-же образцы ума и вкуса; участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть слѣдствіе самаго ихъ просвѣщенія. Красоты *особенныя*, составляющія характеръ Словесности *народной*, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для Россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей. Если намъ оскорбительно итти позади другихъ, то можемъ итти рядомъ съ другими къ цѣли всемірной для человѣчества, путемъ своего вѣка, не Мономахова, и даже не Гомерова: ибо потомство не будетъ искать въ нашихъ твореніяхъ ни красотъ *Слова о Полку Игоревѣ*, ни красотъ Одиссеи, но только свойственныхъ нынѣшнему образованію человѣческихъ способностей. Тамъ нѣтъ *бездушнаго подражанія*, гдѣ говоритъ умъ или сердце, хотя и *общимъ* языкомъ времени; тамъ есть *особенность личная*, или характеръ, всегда новый, подобно какъ всякое твореніе физической Природы входитъ въ классъ, въ статью, въ семейство ему подобныхъ, но имѣетъ свое частное знаменіе Съ другой стороны, Великій *Петръ*, измѣнивъ многое, *не измѣнилъ всего коренного Русскаго*: для того ли,

что не хотѣлъ, или для того, что не могъ: ибо и власть самодержцевъ имѣетъ предѣлы. Сіи остатки, дѣйствіе ли природы, климата, естественныхъ или гражданскихъ обстоятельствъ, еще образуютъ народное свойство Россіянъ: подобно какъ юноша еще сохраняетъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя черты его младенчества, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ. Сходствуя съ другими Европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ, что хотя и не можно иногда отличить Россіянина отъ Британца, но всегда отличимъ Россіянъ отъ Британцевъ: *во множествѣ* откроется *народное*. Сію истину отнесемъ и къ Словесности: *будучи зерцаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное*, не замѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ Французовъ, имѣемъ и свой собственный: хвалимъ, чего они не хвалятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца Русскаго, есть игра ума Русскаго въ произведеніяхъ нашей Словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ» (650).

....Кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости, будетъ наконецъ *самъ собою* — оставитъ путеводителей, и свободный духъ его, какъ орелъ дерзновенный, уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ. Семуто возвышенію отечественныхъ талантовъ, мы должны содѣйствовать, Милостивые Государи, для ихъ и нашей славы, для ихъ и нашего удовольствія. Слава! чье сердце, пока живо, можетъ совершенно охладѣть къ ея волшебнымъ прелестямъ, не смотря на всю обманчивость ея наслажденій? Плѣняя юношу своими лучезарными призраками, вѣнкомъ лавровымъ и плескомъ народнымъ, она манитъ и старца къ своимъ монументамъ долговѣчнымъ, къ памятникамъ заслугъ и благодарности. Мы желали-бы изъ

самаго гроба дѣйствовать на людей, подобно невидимымъ добрымъ Геніямъ, и по смерти своей еще имѣть друзей на землѣ. По ежели слава измѣняетъ, то есть другая, вѣрнѣйшая, естественнѣйшая награда для писателя, отъ Рока и людей независимая: *внутреннее услажденіе дѣятельнаго таланта*, изъясняющее для насъ удивительную любовь къ трудамъ и терпѣнію, коему мы обязаны столь многими безсмертными твореніями, и которое Бюффонъ называлъ *превосходнѣйшимъ даромъ:* ибо не одни сочинители фоліантовъ, не одни антикваріи, имѣютъ нужду въ терпѣніи: оно можетъ быть, еще нужнѣе для великаго Поэта, для великаго Оратора или великаго живописца Природы. «Удаленный отъ свѣта» (сказалъ мнѣ, въ юности моей, старецъ Виландъ) «не имѣя ни читателей, ни слушателей, въ дикой пустынѣ, среди необитаемаго острова, я въ восторгѣ бесѣдовалъ бы съ уединенною Музою, неутомимо исправляя стихи мои, хотя бы и неизвѣстные міру». Вотъ тайна писателей, часто, но не всегда ласкаемыхъ славою! Сильная мысль, истина, красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляютъ душу, и питаютъ ее такимъ чистымъ, полнымъ, ей *сроднымъ* удовольствіемъ, что она въ сіи счастливыя минуты забываетъ всякое иное земное счастіе. Когда, въ торжественномъ безмолвіи храма и пышнаго двора Людовикова, указывая на гробъ Великаго Конде, безсмертный Боссюэтъ гремѣлъ священнымъ гласомъ Вѣры, совлекалъ блестящіе покровы съ суетнаго величія, обнажалъ ничтожность мірскихъ идоловъ, унижалъ гордыню, но возвышалъ душу откровеніями Неба: тогда, волнуя сердца, видя вездѣ слезы и самъ обливаясь ими, онъ безъ сомнѣнія наслаждался полнотою чувствъ и дѣйствій ихъ на слушателей; но, можетъ быть, еще болѣе наслаждался, когда писалъ сію вдохновеніемъ ознаменованную рѣчь; когда, углубясь въ свою душу, черпалъ въ ней сіи разительныя слова и

мысли? Юноши, рожденные съ истинными дарованіями! призываемъ васъ къ ученію и къ трудамъ: въ нихъ найдете для себя благороднѣйшія, непзъяснимыя пріятности: награду, которая выше похвалъ и славы!»

«*Внутреннее удовольствіе любимца Музъ дѣйствуетъ всегда на душу читателей:* они вмѣстѣ съ нимъ восхищаются умомъ или сердцемъ, забывая иногда житейскія безпокойства, переселяясь духомъ въ тихій, спокойный міръ умозрѣній, гдѣ обитаютъ вѣчныя истины, или вкушая сладость чувствъ добродѣтельныхъ, которыя одни имѣютъ силу приводить насъ въ умиленіе. Видимъ иногда злоупотребленіе таланта; но цвѣты его на ядовитомъ полѣ разврата скоро увядаютъ и тлѣютъ; неувядаемость принадлежитъ единственно благу. Въ самыхъ мнимыхъ красотахъ порочнаго есть безобразіе, оскорбительное не только для чувства нравственнаго, но и для вкуса въ изящномъ, коего единство съ добромъ тайно для разума, но извѣстно сердцу. Низкія страсти унижаютъ, охлаждаютъ дарованіе; пламень его есть пламень добродѣтели».

«Будучи источникомъ душевныхъ удовольствій для человѣка, Словесность возвышаетъ и нравственное достоинство Государствъ. Великія тѣни Паскалей, Боссюэтовъ, Фенелоновъ, Расиновъ, спасали знаменитость ихъ отечества и въ самыя ужасныя времена его мятежей народныхъ. Если бы Греки, если бы самые Римляне только побѣждали: мы не произносили бы ихъ имени съ такимъ уваженіемъ, съ такою любовію, но мы плѣнялись Иліадою и Энеидою, вмѣстѣ съ Аѳинянами слушали Демосѳена, съ Римлянами Цицерона. Побѣждали и Монголы: Тамерланы затмили бы Ѳемистокловъ и Цесарей, но Монголы только убивали, а Греки и Римляне питаютъ душу самаго отдаленнаго потомства вѣчными красотами своихъ твореній. Для того ли образуются, для того-ли возносятся Державы на земномъ шарѣ, чтобы единственно изумлять насъ грознымъ колос-

сомъ силы и его звучнымъ паденіемъ; чтобы одна, низвергая другую, черезъ нѣсколько вѣковъ обширною своею могилою служила вмѣсто подножія новой Державѣ, которая въ чреду свою падетъ немпнуемо? Нѣтъ? и жизнь наша и жизнь Имперій должны содѣйствовать *раскрытію великихъ способностей души человѣческой*; здѣсь все для души, все для ума и чувства; все безсмертно въ ихъ успѣхахъ! Сія мысль, среди гробовъ и тлѣнія, утѣшаетъ насъ какимъ-то великимъ утѣшеніемъ. — Возвеличенная, утвержденная побѣдами, да сіяетъ Россія всѣми блестящими дарами ума безсмертнаго, да умножаетъ богатства Наукъ и Словесности; да слава Россіи будетъ славою человѣчества — и да исполнится такимъ образомъ желаніе Екатерины Второй и Александра Перваго!» (654).

О рѣчи Карамзинъ писалъ *къ Дмитріеву, отъ* 10 *Октября*.... «Мнѣ не хочется читать ея, это совсѣмъ не въ духѣ Устава (?). Скажутъ, что хочу дразнить людей, а я миролюбивъ. Добрый Шишковъ одобрилъ эту рѣчь, не знаю, искренно ли».

Опасенія Карамзина кажутся въ этомъ случаѣ преувеличенными: какое заключеніе можетъ вывести изъ этой рѣчи судья, самый строгій, и даже придирчивый?

Въ Ноябрѣ 1818 года, представленъ былъ Карамзину ревностный въ послѣдствіи исполнитель ученыхъ его порученій, К. С. Сербиновичъ, которому и настоящій трудъ обязанъ многими свѣдѣніями и указаніями. Вотъ какъ онъ описываетъ свое представленіе:

«Участіе мое въ переводѣ Исторіи доставило мнѣ въ томъ же 1818 году возможность удостоиться вниманія самого Автора. По возвращеніи его изъ Царскаго села (уже въ позднюю осень) я просилъ дозволенія ему представиться, и скоро получилъ радостную вѣсть, что Николай Михайловичъ изъявилъ желаніе видѣть меня. Въ назначенный день, вечеромъ, мы съ Сен-Тома отправились

къ нему, въ домъ Е. Ѳ. Муравьевой, возлѣ Аничкова моста, (куда Николай Михайловичъ только-что переѣхалъ съ Захарьевской улицы). Я былъ внѣ себя, когда мы подошли къ крыльцу и всходили по лѣстницѣ. Отворилась дверь въ гостинную, ярко освѣщенную и оживленную разговоромъ посѣтителей, изъ которыхъ я не зналъ никого, и никто не зналъ меня. Сен-Тома представилъ меня тому, къ кому давно влеклось сердце мое, которое тутъ еще сильнѣе забилось. Николай Михайловичъ всталъ, привѣтливо подалъ руку ему и мнѣ, и обратясь къ супругѣ, сказалъ ей обо мнѣ, и я почтительно поклонился. Слуга подалъ намъ два стула. Карамзинъ посадилъ меня подлѣ себя.

По немногу сталъ я осматривать комнату и всѣхъ въ ней. Екатерина Андреевна сидѣла на диванѣ возлѣ правой отъ входа стѣны; передъ диваномъ на кругломъ столѣ стоялъ чайный сервизъ съ самоваромъ; чай разливала старшая 16 лѣтняя дочь Николая Михайловича, Софья Николаевна, вокругъ бесѣдовали посѣтители. Съ той стороны, которая обращена къ дверямъ, сидѣлъ Николай Михайловичь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, такъ что отсюда онъ могъ удобнѣе принимать входящихъ. Я понялъ, что занимаю самое счастливое мѣсто, потому что находился подлѣ него самого. Бесѣдуя со всѣми, Карамзинъ обращалъ и ко мнѣ разные вопросы, такъ что это дало мнѣ пріятную возможность не только безъ смущенія, а даже съ особеннымъ удовольствіемъ оставаться здѣсь до самаго разъѣзда гостей. Между ими я болѣе всего замѣтилъ Поэта Батюшкова и Александра Ивановича Тургенева. Перваго я тотчасъ узналъ по сходству съ недавно видѣннымъ портретомъ его; онъ собирался въ Италію для поправленія здоровья, и такъ я видѣлъ его здѣсь въ первый и въ послѣдній разъ. Говорили о Жуковскомъ и жалѣли, что онъ не пріѣхалъ за болѣзнію. Не могу вспомнить всего; я былъ погруженъ болѣе въ

чувство: мнѣ было сладостно смотрѣть на геніальнаго мужа, котораго прекрасная душа столько же, какъ и свѣтлый умъ, подчиняли вліянію своему лучшее образованное Русское общество. Время пролетѣло для меня незамѣтно. Всѣ стали разъѣзжаться. Когда же и Екатерина Андреевна удалилась, Николай Михайловичь еще подробнѣе, съ большимъ участіемъ, сталъ разспрашивать меня о моихъ родителяхъ, семействѣ, воспитаніи, службѣ, и прощаясь прибавилъ, что надѣется и послѣ видѣть меня у себя.»

Въ концѣ 1818 года В. П. Каразинъ напечаталъ въ Харьковскомъ вѣстникѣ Записку о Москвѣ, написанную Карамзинымъ для Императрицы Маріи Ѳедоровны. Карамзинъ былъ очень огорченъ этимъ поступкомъ, тѣмъ болѣе что Записка напечатанная безъ его вѣдома, съ невѣрнаго списка, была обезображена многими ошибками.

«Пристойно ли критиковать» писалъ онъ отъ *24 Іюня*, «заложеніе Церкви на Воробьевыхъ горахъ послѣ ея торжественнаго заложенія? Я могъ судить (и то не публично) о планѣ Витберга, еще не утвержденномъ, по теперь, и въ журналѣ! Каразинъ вѣрно не хотѣлъ отдать меня подъ судъ, въ такомъ случаѣ онъ весьма не разсудителенъ».

Въ Запискѣ сказано было объ Московскомъ Университетѣ, что надобно «возстановить его физически и нравственно». Эти слова возбудили неудовольствіе нѣкоторыхъ профессоровъ.

Каченовскій подъ этимъ предлогомъ напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы бранный разборъ Записки.

Дмитріевъ былъ въ страшномъ негодованіи на дерзкія, по его мнѣнію, выходки Каченовскаго, и приступалъ къ Карамзину, чтобы онъ требовалъ удовлетворенія. Карамзинъ впрочемъ объяснилъ свой отзывъ въ письмѣ къ *Дмитріеву:* «Мнѣ грустно, что Гг. Профессоры Московскаго Университета оскорбились моимъ выраженіемъ въ Запискѣ, сочиненной мною для Императрицы. Я не думалъ

ничего худаго, сказавъ «надобно возстановить Университетъ и физически и нравственно». Это совсѣмъ не касается нравовъ. Я желалъ только, чтобы Университетъ еще болѣе возвысился, болѣе одушевился и сдѣлался полезнѣе. Желаніе мое отчасти исполнилось: Профессоры ободрены награжденіями. Общіе наши любезные пріятели распустили эту Записку по Москвѣ, къ моему неудовольствію; она была писана совсѣмъ не для публики».

...«Я готовъ воспользоваться всякими замѣчаніями на мою Исторію. Увижу, что сказалъ К. въ Вѣстникѣ о Карсунскихъ воротахъ».

Августа 2, къ Дмитріеву: «Сердечно благодарю тебя за милое письмо, въ которомъ ты упоминаешь о нападеніи Вѣстника Европы на мою Записку. Я читалъ, но безъ сердца. Вольному воля. Я могъ бы отвѣчать только одно; что записка о Московскихъ достопамятностяхъ дѣйствительно написана мною, вопреки обязательному невѣрствію Г. Анонима. Но и въ этомъ нѣтъ большой нужды. Я старъ и лѣнивъ. Дѣлать зла не желаю и тѣмъ, которые хотятъ сдѣлать его мнѣ».

22 Августа, къ Дмитріеву. «Кротость моя тебя сердитъ, но я люблю быть кроткимъ. Не стою ни за что, мнѣ не принадлежащее; а что мое, того у меня не отнимутъ. Я долженъ благодарить Бога. Ты говоришь о достоинствѣ Исторіографа, но Исторіографъ еще менѣе Карамзина, (межъ нами будь сказано)».

Журнальная война продолжалась долго, но Карамзинъ не принималъ, разумѣется, никакого въ ней участія.

28 Февраля, 1819 года, писалъ онъ къ Дмитріеву: «Жуковскій уѣхалъ на двѣ недѣли въ Дерптъ. Я ничего не слыхалъ отъ него о поединкѣ, * и не давалъ ему никакихъ порученій касательно Г. Каченовскаго, ни хвастливыхъ, ни скромныхъ.

А въ заключеніе вотъ что сдѣлалъ Карамзинъ. *21 Августа, 1819 года.* «Вѣдаешь ли, что мы избрали Каченовскаго въ члены Россійской Академіи? Я положилъ бѣлый шаръ и за себя, и за тебя, и за Жуковскаго, и за Олепина. Это совсѣмъ не великодушіе. Критика его весьма поучительна и добросовѣстна. Не имѣю духа бранить тебя за твое негодованіе, но самъ не хочу сердиться».

Нужно ли прибавить что нибудь къ этимъ безпримѣрнымъ словамъ, (о которыхъ, замѣтимъ, до сихъ поръ ничего не было извѣстно), въ похвалу этого несравненнаго характера!

Кстати мы помѣстимъ здѣсь одно позднѣйшее письмо о томъ же предметѣ, *къ Дмитріеву.*

21 Ноября, 1819 года. «А ты все еще думаешь, что мнѣ надобно отвѣчать на критики? Нѣтъ, я лѣнивъ. Хочу доживать вѣкъ въ мирѣ. Умѣю быть благодарнымъ; умѣю не сердиться и за брань. Не мое дѣло доказывать, что я какъ Папа безгрѣшенъ. Все это дрянь и пустота. Такъ мнѣ часто кажется, желаю, чтобъ и всегда казалось, или... или слѣдственно и проч.»

Такъ думалъ и поступалъ Карамзинъ, продолжая работать въ священномъ безмолвіи, извиняя, прощая своихъ враговъ, толкуя ихъ нападенія въ хорошую сторону, но они не укрощались, а друзья и почитатели не хотѣли подражать ему въ кротости.

Каченовскій послѣ бранчаго разбора Записки о Московскихъ достопамятностяхъ, началъ въ Вѣстникѣ Европы, въ концѣ 1818 года, и продолжалъ въ 1819 г. письма Кіевскаго жителя къ его другу, въ коихъ терзалъ предисловіе къ Исторіи Государства Россійскаго, сравнивая Французскіе переводы между собою, и задѣвая мимоходомъ

---

* Я не могъ добраться также, что это за поединокъ, и кто затѣвалъ его. Князь Вяземскій замѣчаетъ: «Во всякомъ случаѣ поединокъ не могъ относиться ни до Карамзина, ни до Жуковскаго. Не въ шутку-ли все это сказано»? Кажется такъ.

Исторію. Тамъ же помѣщались разныя письма къ Лужницкому старцу отъ его сотрудниковъ, съ рѣзкими замѣчаніями на то или другое мѣсто въ Исторіи.

Князь Вяземскій, ревностный почитатель Карамзина, вышелъ изъ терпѣнія, и выразилъ свое негодованіе въ знаменитомъ посланіи къ Каченовскому, которое напечатано было въ Сынѣ Отечества, Воейкова и Греча, и перепечатано въ Вѣстникѣ Европы:

Передъ судомъ ума, сколь, Каченовскій, жалокъ.
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зоилъ.
Какъ опый вѣчный огнь при олтарѣ Весталокъ,
Такъ въ тайнѣ вѣчный ядъ, даръ лютый адскихъ силъ,
Въ груди несчастнаго неугасимо тлѣетъ.
На немъ чужой успѣхъ, какъ ноша тяготѣетъ,
Счастливца свѣжій лавръ, колючій тернъ ему;
Всегда онъ ближняго довольствомъ недоволенъ,
И вольный мученикъ чужимъ здоровьемъ боленъ. *

Печатаніе 2-го изданія задерживало Карамзина въ Петербургѣ еще на годъ.

Сообщимъ здѣсь письма его въ 1819 году, относящіяся къ Исторіи.

9 Февраля, 1819, къ Дмитріеву: ... «пишу объ Ивашкѣ.»

10 Февраля къ Малиновскому: «Крайне одолжите, если найдете еще что нибудь о временахъ Царя Ивана Васильевича. Скоро ли выйдетъ II томъ грамотъ?»

Къ нему же, отъ 7 Марта: Не возвратить ли вамъ часть статейныхъ списковъ, уже мнѣ не нужную, то есть до 1573 года? Или уже все вмѣстѣ? вотъ просьба: пришлите мнѣ изъ портфеля Миллера его піесу о бракахъ Царя Ивана Васильевича, а изъ архивскихъ книгъ Кояловича Исторію Литвы, и изъ моихъ книгъ два или три тома in folio

---

* Такое сильное, личное нападеніе возбудило реакцію, и старикъ Аксаковъ, тогда еще молодой, написалъ отвѣтъ К. Вяземскому, котораго имя Каченовскій выразилъ въ Греческомъ и Латинскомъ переводѣ:

Передъ судомъ ума, сколь, Ителинскій, смѣшенъ и пр.

Польскихъ историковъ, чѣмъ меня одолжите. Жду также отъ васъ, за деньги, 2 тома грамотъ.

Апрѣля 4, 1819 г. къ нему же. «Часть статейныхъ списковъ отправлю къ вамъ на Св. недѣлѣ или на Ѳоминой. Нѣтъ ли у васъ *особенной* Миллеровой піесы о бракахъ Царя Ив. Вас.? Кажется, что я гдѣ-то читалъ ее; искалъ въ *Ежемѣсячн. сочиненіяхъ* и не нашелъ.»

1 Мая 1819 г. къ нему же: «Вы крайне одолжите меня сообщеніемъ грамотъ Царя Ив. Вас., какія найдутся въ Государ. Московскомъ Архивѣ, если онѣ могутъ быть чѣмъ-либо интересны.—Дней за 10 передъ симъ отправилъ я въ вашъ Архивъ 16 книгъ статейныхъ списковъ.»

Отъ того же числа, къ Калайдовичу: «Искренно благодарю васъ, М. Г. м. К. Ѳ., за обязательное письмо и за выписку изъ харатейнаго пролога, для меня любопытную. О крестѣ Ольгиномъ говорится и въ печатномъ прологѣ. Сынъ Мстиславовъ былъ Изяславъ, а не *Мстиславъ:* не описка ли это? Загляните въ подлинникъ.—Буду ждать выписки изъ житія Антоніева, сочиненнаго Царевичемъ Иваномъ Ивановичемъ.»

15 Мая.. къ брату: «Зимою должно кончиться 2 изданіе моей Исторіи....»

8 Іюля, къ Дмитріеву: «9 томъ изрѣдка пишется и требуетъ еще мѣсяцевъ трехъ прилежной работы, чтобы поступить въ типографію (*), если рѣшусь печатать его, ибо меня беретъ раздумье: въ немъ ужасы!»

7 Іюля 1819 г., къ Калайдовичу: «Замѣчанія и бумаги для меня любопытны. Первыми я воспользуюсь въ *прибавленіи* къ Исторіи, которое д. быть напечатано въ концѣ 8 тома. Какъ вы изъясняете... вымолъ? и что хотѣли сказать о *батогѣ* Ярославовой Правды?»

(*) Карамзинъ проработалъ еще полтора года, и 19 Окт. 1820 г. писалъ, что ему нужно еще шесть недѣль, см. ниже.

1 Августа, къ Дмитріеву: «Въ самомъ дѣлѣ мнѣ трудно рѣшиться на изданіе 9-го тома: въ немъ ужасы, а цензурою моя совѣсть. Я говорилъ объ этомъ съ Государемъ: онъ не расположенъ мѣшать исторической откровенности, но меня что-то останавливаетъ. Духъ времени не есть ли вѣтеръ? А вѣтеръ перемѣняется. Вопреки твоему мнѣнію, нельзя писать такъ, чтобы не возможно было прицѣпиться. Впрочемъ мнѣ еще надо много писать, чтобы дописать Царя Ивана.»

26 Августа, 1819 г. къ Малиновскому: ...«То ѣзжу въ Павловское къ добродѣтельной Императрицѣ, то читаю корректуры, то пишу 9 томъ Исторіи, хотя и мало.»

—

Благоволеніе Двора увеличивалось. Обѣ Императрицы, Марія Ѳеодоровна и Елизавета Алексѣевна, осыпали Карамзина ласками и любезностями. Карамзинъ становился у нихъ домашнимъ человѣкомъ, очень часто обѣдалъ, пилъ чай, проводилъ вечера, говорилъ искренно о всѣхъ возможныхъ предметахъ.

Самъ Императоръ Александръ сближался съ Карамзинымъ болѣе и болѣе.

Вотъ письмо Карамзина къ *Дмитріеву* объ его отношеніяхъ, (1819 г. *Марта* 31). «Четвертаго дня я обѣдалъ и былъ у него (у Государя) въ кабинетѣ съ одною бумагою, которую онъ присылалъ ко мнѣ поправить или передѣлать. Тебѣ его любезность извѣстна.»...

Въ Маѣ Карамзинъ занемогъ, и Государь всякой день присылалъ спрашивать объ его здоровьѣ.

13-го Іюня, къ Дмитріеву:» ...Какъ скоро онъ узналъ, что Катерина Андреевна родила, то приказалъ устилать двѣ улицы соломою, и всякій день освѣдомлялся объ ея здоровьѣ, присылая сперва камердинера, а потомъ своего лакея. За три дни до родинъ жены онъ посѣщалъ ее, провелъ у насъ два часа и пилъ чай.»

1-го Августа: «Съ Государемъ разстался я очень хорошо. Желаю такъ разстаться съ нимъ и передъ отъѣздомъ нашимъ въ Москву.»

5-го Сентября, къ брату. Вчера видѣлъ я нашего добраго Государя, а въ нынѣшнюю ночь онъ ѣдетъ въ Варшаву, оттуда возвратится къ 14 Октября.»

«Въ послѣднемъ моемъ искреннемъ разговорѣ съ Императоромъ я сказалъ ему, что не хочу болѣе ни чиновъ, ни денегъ казенныхъ: надобно сдержать слово. Суета суетъ...»

6-го Октября, къ Дмитріеву...» Думаемъ переѣхать въ городъ послѣ 15 Октября. Мы были въ Гатчинѣ. Собирались опять съѣздить туда завтра на одинъ день, а къ 14 надобно опять быть тамъ съ поздравленіемъ. И Елизавета Алексѣевна ожидаетъ здѣсь возвращенія Государева. Мы у нея раза три обѣдали въ маленькомъ обществѣ. Государь будетъ 13 или еще ранѣе, онъ простился со мною очень милостиво, но мнѣ кажется, что человѣку свободному, за 50 лѣтъ, не надобно привязываться къ Двору и утомлять Царскую милость.»

По возвращеніи Государя, Императоръ Александръ, въ одной изъ искреннихъ бесѣдъ сообщилъ Карамзину, что хочетъ возстановить Польшу въ ея древнихъ границахъ. Карамзинъ воспламенился, и ушедши отъ него написалъ свою знаменитую Записку 17 Октября (въ Царскомъ Селѣ).

«Государь! въ волненіи души моей, любящей отечество и Васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.»

Карамзинъ показываетъ различіе между закономъ гражданскимъ, политическимъ...

«Вы думаете возстановить *древнее* Королество Польское, но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? согласно ли съ Вашими священ-

ными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости?

«Можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царстованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были *Россіею,* когда Митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами назвали *Великою*. Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить Ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ Государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ Исторіи за свое дѣло, но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ Политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же *и по старымъ крѣпостямъ* Бѣлоруссія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Досель нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди, ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію, но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части, и дарить ими, кого заблагоразсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами,

но если бы возстановилась древняя Польша, (чего Боже сохрани!), и произвела нѣкогда Историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго Отечества, доброй, сильной Россіи. Сей Историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ Поляки, извиняемъ ихъ, но Вамъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе.»

«Государь, нынѣ славный, великій, любезный, отвѣтствую Вамъ головою за сіе немпнуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю, остыли бы душею и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ Государства, но и духомъ, унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы конечно дворецъ, Вы и тогда имѣли бы Министровъ, Генераловъ, но они служили бы не Отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ, и хотите дать намъ свободу.»

«Однимъ словомъ... и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину, однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую, и снова возьмутъ штурмомъ Прагу!»

«Нѣтъ, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ Ваше цар-

ствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны, а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынь, * желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало не вѣроятной, (ибо кому теперь возстать на Россію?), могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.»

«Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую Державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха Христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи. Первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ, второе хорошими законами, и еще лучшею управою. Вы пріобрѣли уже имя *Великаго*: пріобрѣтите имя *Отца* нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Королевство Польское, *какъ оно есть*, но да существуетъ и Россія, *какъ она есть*, и какъ оставлена Вамъ Екатериною!.. Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше Отечество. Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ .. умолкаю.»

На этой Запискѣ, остававшейся въ бумагахъ Карамзина, приписано его рукою: «Читано Государю въ тотъ же ве«черъ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли «вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до

* Разумѣется—шляхта въ Литвѣ и Волыни.

«часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ, «обѣдалъ еще и въ Петербургѣ... помы душею разстались, «кажется, на вѣки... Потомство! достоинъ ли я былъ «имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли Отечество? «вѣрилъ ли добродѣтели? вѣрилъ ли Богу?»

Милостивые Государи! Мы можемъ отвѣчать здѣсь на вопросъ Карамзина: Да, ты достоинъ былъ имени гражданина Россійскаго! Ты любилъ Отечество! Ты вѣрилъ добродѣтели! Ты вѣрилъ Богу!

Насъ здѣсь не много, въ этой смиренной аудиторіи, но не одно количество придаетъ значеніе мнѣніямъ: съ чувствомъ горячей признательности, глубокаго почтенія, помянемъ же въ эту торжественную минуту, когда трепещутъ наши сердца, и слезы льются изъ глазъ, помянемъ Карамзина, великаго гражданина Русскаго, и произнесемъ ему вѣчную память! *

Окончаніе приписки Карамзина:

«Я не зналъ нужды по своей бережливости и по ми«лости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣлъ многочис«ленное семейство, безъ способовъ воспитывать дѣтей, «какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего раз«говора моего съ Государемъ, но между прочимъ вотъ «что я сказалъ ему по французски:» «Государь! у Васъ «много самолюбія. Я не боюсь ничего. Мы всѣ равны пе«редъ Богомъ. Что говорю я Вамъ, то сказалъ бы я «Вашему Отцу, Государь! Я презираю либераловъ нынѣш«нихъ, я люблю только ту свободу, которой ни какой «тиранъ не можетъ у меня отнять... Я не прошу болѣе «Вашего благоволенія, я говорю съ Вами можетъ быть въ «послѣдній разъ. Но вообще я мало говорилъ, и не хо-

* Біографія была предметомъ публичныхъ чтеній въ залѣ Московскаго Университета, въ Мартѣ 1865, и Апрѣлѣ 1866 года.

«тѣлъ говоритъ. *Душа моя остыла*... Довольно сказан-«наго для потомства, и для сыновей моихъ, если они бу-«дутъ живы и выростутъ. Прибавлю, что я не измѣ-«нилъ скромности: не сказалъ ни кому ни слова о на-«шемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены «моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. «С.-Петербургъ, Декабря 19, 1819 г. Н. Карамзинъ.» *

Объ этой припискѣ есть намекъ въ письмѣ къ Дмитріеву, отъ 29 Декабря:.. «Минутъ за десять передъ симъ я выронилъ нѣсколько слезъ, написавъ нѣсколько строчекъ для потомства, не въ своей Исторіи, а въ другой бумагѣ, которую оставилъ въ наслѣдство сыновьямъ.»

Не стану распространяться о достоинствѣ этихъ священныхъ словъ. Онѣ служатъ украшеніемъ Русской Исторіи, нашего времени, и только по нашему общественному невѣжеству мало оцѣниваются, хоть уже три года, какъ напечатаны....

Прибавимъ, что Карамзинъ ошибся въ мнѣніи своемъ, будто разстался душею съ Государемъ на вѣки. Нѣтъ— Александръ сохранилъ къ нему прежнее благоволеніе, какъ въ свое время увидимъ.

Въ перепискѣ Карамзина, около 17-го Октября, не осталось ни малѣйшаго повода думать, чтобъ въ это время онъ находился въ такомъ высокомъ положеніи, и занимался такими великими вопросами. Удивительная ровность характера. Все, великое и малое, шло у него своимъ обыкновеннымъ порядкомъ!

Вотъ что и какъ писалъ онъ *къ Дмитріеву, 20 Октября*, 1819 г. «Любезнѣйшій другъ! Не хочу выѣхать изъ Царскаго села безъ того, чтобы несказать тебѣ двухъ словъ. Вообрази, что мы нашли способъ прожить здѣсь шесть мѣся-

---

* «Сказалъ еще одному человѣку: Императрицѣ Елизаветѣ, 21-го Февраля, 1821 г.» *Позднѣйшая приписка.*

цевъ! Видѣли здѣсь весну, лѣто, осень, теперь видимъ и зиму. Выпалъ снѣгъ, озеро замерзло—и мы завтра, если Богъ дастъ, отправимся въ Петербургъ, куда уже поѣхали наши дѣти съ мамушкою Третьягодня уѣхалъ Государь съ Императрицею Елизаветою Алексѣевной, а вчера изъ Гатчины Императрица Марія. Я уже не буду писать къ тебѣ о моихъ придворныхъ подвигахъ: они кончились прощальнымъ обѣдомъ третьягодня. Думаю теперь единственно о томъ, чтобы кончить къ Рождеству второе изданіе и 9-й томъ къ лѣту. Въ Парижѣ давно вышелъ 1-й томъ; но не знаю, полученъ ли въ Петербургѣ. Я видѣлъ его у Императрицы: пробѣжалъ и замѣтилъ 30 ошибокъ. Нѣмецкій переводъ еще не вышелъ, думаю. Въ печатныхъ листахъ 1-го тома мною полученныхъ, также есть грубыя ошибки. Богъ съ ними господами переводчиками!—И Наталья Яковлевна насъ оставила, проводивъ съ нами всѣ вечера съ Іюня мѣсяца. На праздникѣ въ Гатчинѣ было 148 человѣкъ, т. е. за обѣдомъ. Добрый Шишковъ поручилъ мнѣ убѣдительно просить тебя, чтобы ты написалъ рѣчь или что нибудь къ торжественному засѣданію Академіи въ Декабрѣ: и такъ прошу, убѣждаю. Жуковскій взялся писать рѣчь. Здѣсь, т. е. въ Петербургѣ, открылось Тюремное Общество, составленное изъ мущинъ и женщинъ: будутъ просвѣщать мракъ темницъ. Но ты, вѣроятно, уже читалъ о томъ въ газетахъ. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ. Будь здоровъ, милый другъ. На вѣки твой...

Катерина Андреевна гуляетъ въ саду по снѣгу; но смѣло могу увѣрить тебя въ ея нѣжнѣйшей къ тебѣ любви. Еще разъ обнимаю тебя.

Отъ того же числа написалъ К. большое письмо къ Батюшкову, которое мы приложимъ здѣсь также сполна, чтобъ читатели еще яснѣе увидѣли то удивительное спокойствіе души К., до котораго какъ будто не касались никакія внѣшнія обстоятельства, ни большія, ни малыя. Онъ

былъ всегда одинъ и тотъ же истинный житейскій философъ въ высокомъ значеніи этого слова. Въ важныя критическія минуты своей жизни онъ былъ твердъ, рѣшителенъ, смѣлъ, горячъ, но тотчасъ послѣ углублялся въ свою Исторію, въ совершенномъ, невозмутимомъ спокойствіи, писалъ или наводилъ справки для примѣчаній, забывая о великомъ подвигѣ, имъ совершенномъ.

«Любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ! Хотя и поздно, но тѣмъ неменѣе искренно благодарю васъ за ваше дружеское письмо, которое мы, друзья ваши, нѣсколько разъ читали съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Мыслимъ, чувствуемъ и наслаждаемся съ вами. Не завидую единственно для того, что стараюсь ничему не завидовать. Помпея для меня любопытнѣйшій монументъ Римскихъ древностей: не достаетъ однихъ лицъ и голоса. Тутъ въ одинъ часъ лучше, очевиднѣе узнаешь Римлянъ, нежели въ десять лѣтъ чтенія. Чѣмъ мы ближе къ старости, тѣмъ болѣе любимъ старину, тѣмъ краснорѣчивѣе бесѣдуемъ съ нею, видя далѣе взадъ, нежели впередъ. А васъ люблю еще болѣе старины и всѣхъ памятниковъ, между которыми вы гуляете тѣломъ и душею; но прошу не сказывать того антикваріямъ. Зрѣйте, укрѣпляйтесь чувствомъ, которое выше разума, хотя и любезнаго въ любезныхъ: оно есть душа души—свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни. Пишите, стихами ли, прозою ль, только съ чувствомъ: все будетъ ново и сильно. Надѣюсь, что теперь уже замолкли ваши жалобы на здоровье, что оно уже цвѣтетъ, и плодомъ будетъ милое дитя съ вѣнкомъ лавровымъ для родителя; поэма, какой не бывало на святой Руси! Такъ ли, мой добрый поэтъ? говорю съ улыбкой, но безъ шутки. Сохрани васъ Богъ еще хвалить лѣнь, хотя бы и прекрасными стихами! Напишите мнѣ Батюшкова, чтобы я видѣлъ его, какъ въ зеркалѣ, со всѣми природными красотами души его, въ цѣломъ, не

въ отрывкахъ, чтобы потомство узнало васъ, какъ я васъ знаю, и полюбило васъ, какъ я васъ люблю. Въ такомъ случаѣ соглашаюсь долго, долго ждать отвѣта на это письмо. Спрошу: что дѣлаетъ Батюшковъ! зачѣмъ не пишетъ ко мнѣ изъ Неаполя? и если невидимый Геній шепнетъ мнѣ на ухо: Батюшковъ трудится надъ чѣмъ-то безсмертнымъ, то скажу: пусть его молчитъ съ друзьями, лишь бы говорилъ съ вѣками! Но вы насъ такъ любите, что я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ о себѣ, о женѣ, о дѣтяхъ. Мы благодаримъ Бога: это все. Карамзины живы, здоровы и ничѣмъ не прослужились передъ вами.— Дочитываю корректуры VII тома, второй эдиціи: авось допишу и IX томъ къ лѣту. Общіе друзья наши также не перемѣнились.—Скажу вамъ за достопамятность, что мы нашли способъ прожить внѣ города шесть мѣсяцевъ, отъ 26-го Апрѣля до 20-го Октября. Лѣто здѣсь было удивительное, не хуже Италіянскаго. Не скрою однакожъ, что завтра отправимся въ Петербургъ уже по снѣгу! — Наконецъ простите, любезный другъ, обнимаю васъ нѣжно. Будьте здоровы, спокойны, дѣятельны, веселы, и разлюбите насъ единственно тогда, когда мы перестанемъ васъ любить, или сдѣлаемся недостойны любви вашей, quod absit.

—

Предложимъ здѣсь отрывокъ изъ воспоминаній Г. Булгарина, относящійся къ этому времени, и представляющій Карамзина въ обыкновенномъ его обращеніи. Близкіе Карамзину люди свидѣтельствуютъ, что это изображеніе вѣрно.

Г. Булгаринъ встрѣтилъ Карамзина на литературномъ вечерѣ у одного содержателя Пансіона въ Петербургѣ зимою, въ 1819 году, и вотъ какъ описываетъ эту встрѣчу:

.... «Началось чтеніе Мольеровой пьесы. Вдругъ дверь въ залу потихоньку отворяется, и входитъ человѣкъ, высокаго роста, не молодыхъ лѣтъ и прекрасной наружности. Онъ такъ тихо вошелъ, что ни мало не разстроилъ

чтенія, и, пробираясь за рядомъ креселъ, присѣлъ въ самомъ концѣ полукруга. Орденская звѣзда блестѣла на темномъ фракѣ, и еще болѣе возвышала его скромность. Другой вошелъ бы съ шумомъ и шарканьемъ, что бъ обратить на себя вниманіе и получить почетное мѣсто. Незнакомецъ никого не обезпокоилъ. Лице его было продолговатое, чело высокое, открытое, носъ правильный, римскій. Ротъ и губы имѣли какую-то особенную пріятность, и такъ сказать, дышали добродушіемъ. Глаза небольшіе, нѣсколько сжаты, но прекраснаго разрѣза, блестѣли умомъ и живостью. Въ половину посѣдѣлые волосы зачесаны были съ боковъ на верхъ головы. Физіономія его выражала явственно душевную простоту и глубокую проницательность ума. Отличительныя черты его лица были двѣ большія морщины при окончаніи щекъ, по обѣимъ сторонамъ рта. На его одушевленной физіономіи живо отражались всѣ впечатлѣнія, производимыя чтеніемъ. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера, не ускользнули отъ его вниманія. Неудовольствіе изображалось на лицѣ, какъ облако въ чистой водѣ, когда чтецъ дошелъ до нѣкоторыхъ плоскостей, встрѣчающихся въ комедіяхъ Мольера, жертвовавшаго иногда вкусу для современнаго своего партера.»

«....Я не преминулъ воспользоваться позволеніемъ Карамзина посѣтить его, и черезъ нѣсколько дней отправился къ нему. Онъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста, въ домѣ Г-жи Муравьевой, въ верхнемъ этажѣ. Меня впустили въ залу безъ доклада; въ первой комнатѣ за круглымъ чайнымъ столикомъ, на которомъ стоялъ самоваръ, помѣщалось цѣлое семейство Карамзина; самъ онъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, въ полукругѣ посѣтителей. Карамзинъ встрѣтилъ меня въ половинѣ комнаты, дружески пожавъ руку, произнесъ громко мою фамилію, представляя другимъ собесѣдникамъ, и просилъ садиться.

Въ его пріемахъ, обращеніи и во всѣхъ движеніяхъ соединялось глубокое познаніе свѣтскихъ приличій съ какимъ-то необыкновеннымъ добродушіемъ и простотою патріархальныхъ временъ. Каждое его слово, каждое движеніе шло прямо отъ сердца. Находясь въ обществѣ незнакомыхъ людей, въ первый разъ въ домѣ, я не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія и принужденія. Общество составлено было изъ людей разнаго званія и происхожденія: Русскихъ первоклассныхъ чиновниковъ, литераторовъ и иностранцевъ; но всѣ сіи разнородныя части спаивались въ одно цѣлое умомъ и душею хозяина. Въ обращеніи его не видно было, чтобы онъ отдавалъ кому-либо преимущество насчетъ другаго. Добродушная его нѣжность разливалась равно на всѣхъ. Онъ говорилъ со всякимъ однимъ тономъ, и слушалъ каждаго съ одинаковымъ вниманіемъ. Люди сближались между собою—Карамзинымъ. Всѣ преимущества нисходили или возвышались на одинакую степень въ его присутствіи. Онъ былъ душею, и невидимо давалъ направленіе, и располагалъ движеніями членовъ своего общества.»

«Въ это время, когда я познакомился съ Карамзинымъ, весьма въ немногихъ домахъ въ Петербургѣ принимали литераторовъ, и вообще всѣхъ гостей, по ихъ внутреннему достоинству. Я говорю теперь о Карамзинѣ. Сей великій писатель былъ любезнѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ. Онъ зналъ въ совершенствѣ искусство бесѣдовать, которое вовсе различно съ искусствомъ разсказывать. Хорошій разскащикъ нравится намъ иногда, когда мы расположены слушать; но человѣкъ, умѣющій поддерживать разговоръ, и сообщать ему занимательность, нравится всегда, ибо онъ умѣетъ быть и слушателемъ и разскащикомъ.»

«Карамзинъ охотно говорилъ по Русски—и говорилъ прекрасно. Иностранные языки онъ употреблялъ только съ иностранцами. Въ его рѣчахъ не было изысканныхъ вы-

раженій и ссылокъ на авторовъ, столь утомительныхъ въ разговорахъ, но рѣченія его сами по себѣ имѣли полноту и круглость; онъ никогда не изъяснялся отрывисто. Соблюдая вообще хладнокровіе въ разговорахъ, онъ воспламенялся только, когда рѣчь заходила о Россіи, объ Исторіи и объ его старинныхъ друзьяхъ. Тогда физіономія его одушевлялась особенною выразительностію, и взоры искрѣли. Онъ никогда изъ вѣжливости не соглашался съ чужимъ мнѣніемъ вопреки собственнаго убѣжденія, но не спорилъ, и умѣлъ своему противорѣчію сообщать такую нѣжность и снисходительность, что всегда побѣждалъ своего противника, который, если не перемѣнялъ мнѣніе, то, по крайней мѣрѣ долженъ былъ замолчать. Карамзинъ никогда не хотѣлъ торжествовать въ разговорѣ, и если примѣчалъ, что противникъ его уклонялся отъ противорѣчій, то нѣжно, ласково и постепенно, не перескакивая быстро къ другому предмету, перемѣнялъ разговоръ, выводя всегда своихъ собесѣдниковъ на самыя блестящія мѣста разговорнаго поприща... Одинъ изъ собесѣдниковъ распространился въ похвалахъ веселости и уму Французскаго народа. Карамзинъ сказалъ. «Вы правы: но въ Русскомъ народѣ веселость и умъ также врожденныя качества. Не мудрено веселиться подъ свѣтлымъ небомъ Франціи, подъ тѣнью каштановъ, среди виноградниковъ, по близости большихъ городовъ, но у насъ, среди трескучихъ морозовъ, въ дымныхъ избахъ, или въ тяжкомъ трудѣ краткаго лѣта, крестьянинъ всегда веселъ, всегда поетъ или шутитъ. У насъ безъ школъ поселяне самоучкою выучиваются грамотѣ; и разрядъ нашихъ сельскихъ поэтовъ и романистовъ едва ли не многочисленнѣе класса привилегированныхъ литераторовъ. Много ли можно насчитать тѣхъ счастливцевъ, которыхъ сочиненія сохраняются столь долго, какъ Русскія пѣсни и сказки. Общее правило: счастье состоитъ въ тотъ, что бы довольствоваться ма-

лымъ, а нѣтъ человѣка въ мірѣ, который имѣлъ бы менѣе нуждъ, какъ Русскій крестьянинъ, и который бы такъ охотно и такъ весело трудился. Разговоръ обратился на Русскія сказки и пѣсни, и Карамзинъ, объясняя красоты нѣкоторыхъ пѣсней и занимательность сказокъ, примолвилъ: Я давно уже имѣлъ намѣреніе собрать и издать Русскія пѣсни, если возможно, расположивъ хронологически, и присоединить къ нимъ историческія и эстетическія замѣчанія. Другія занятія отвлекли меня отъ сего предпріятія, но я не отказался отъ него, недоволенъ всѣми нашими собраніями: въ нихъ нѣтъ ни выбора, ни порядка. Само по себѣ разумѣется, что всѣ мы искренно пожелали, что бы Карамзинъ исполнилъ свое предпріятіе.»

«Нѣсколько дней спустя послѣ перваго моего посѣщенія, я встрѣтилъ Карамзина въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, пѣшкомъ, по утру въ восемь часовъ. Погода была самая несносная: мокрый снѣгъ падалъ комками и ударялъ въ лицѣ. Оттепель испортила зимній путь. Одинъ только процессъ, или другая какая бѣда, могли выгнать человѣка изъ дому въ эту пору. Я думалъ, что Карамзинъ меня не узнаетъ, ибо онъ два раза только видѣлъ меня, и то вечеромъ. Но онъ узналъ меня. Я изъявилъ ему мое удивленіе, что встрѣчаю его въ такое время. Я имѣю обыкновеніе, сказалъ Карамзинъ, прогуливаться пѣшкомъ по утру до десяти часовъ. Въ эту пору я возвращаюсь домой къ завтраку. Если я здоровъ, то дурная погода не мѣшаетъ мнѣ; напротивъ того послѣ такой прогулки лучше чувствуемъ пріятность теплаго кабинета.»

«Но должно сознаться, возразилъ я, что вы выбираете не лучшія улицы въ городѣ для своей прогулки.— Не обыкновенный случай завелъ меня сюда, отвѣчалъ Карамзинъ; чтобъ не показаться вамъ слишкомъ скрытнымъ, я долженъ вамъ сказать, что я отыскиваю одного

бѣднаго человѣка, который часто останавливаетъ меня на улицѣ, называетъ себя чиновникомъ, и проситъ подаянія именемъ голодныхъ дѣтей. Я взялъ его адресъ, и хочу посмотрѣть, что могу для него сдѣлать. Я взялся сопутствовать Карамзину. Мы отыскали квартиру бѣднаго чиновника, но не застали его дома. Семейство его было въ самомъ дѣлѣ въ жалкомъ положеніи. Карамзинъ далъ денегъ старушкѣ, и распросилъ ее о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни отца семейства.»

«Выходя изъ воротъ, мы встрѣтили его, но въ такомъ видѣ, который тотчасъ объяснилъ намъ загадку его бѣдности. Карамзинъ не хотѣлъ обременить его упреками; онъ покачалъ только головою, и прошелъ мимо. Досадно, сказалъ Карамзинъ улыбаясь, что мои деньги не попали туда, куда я назначилъ ихъ. Но я самъ виноватъ: мнѣ надлежало бы прежде освѣдомиться объ его поведеніи. Теперь буду умнѣе, и не дамъ денегъ ему въ руки, а въ домъ.»

«Благородный человѣкъ! Вотъ какъ онъ услаждалъ свои прогулки передъ утреннею работою. Мудрено ли послѣ этого, что каждая его строка дышетъ любовью къ человѣчеству, ко всему доброму, полезному. Бюффонъ справедливо, сказалъ и Карамзинъ повторилъ, что человѣкъ изображается въ слогѣ своемъ. Правильность, нѣжность, простота, занимательность слога Карамзина, были отпечатками его характера. Различіе въ мнѣніяхъ никогда не могло ослабить уваженія къ нему въ человѣкѣ благомыслящемъ. Отдаленное потомство скажетъ: Карамзинъ былъ великій писатель, и благородный, добрый человѣкъ. Одно стоитъ другаго. Но какое счастіе если это соединено въ одномъ лицѣ.»

—

Историческая работа между тѣмъ не смотря на хлопоты изданія, продолжалась: отъ *3 Ноября* писалъ онъ къ *Дмитріеву:* «Если бы я успѣлъ кончить 9 томъ къ веснѣ, или весною. то мы могли бы здѣсь напечатать его, и въ Августѣ отправиться!»

24 Ноября, къ Малиновскому. «Сообщите мнѣ путешествіе казаковъ въ Китай: оно есть у меня не полное. Я долженъ по крайней мѣрѣ упомянуть о немъ въ 9 томѣ. Мнѣ кажется, что это сказка: какъ думаете? Казаки точно посланы были для развѣдыванія о Китаѣ, но подробности невѣроятны. Находка рублей любопытна. Я скажу о томъ въ прибавленіяхъ.»

«Собираемся къ вамъ на будущее лѣто. Хотѣлось бы только издать здѣсь 9 томъ, но едва ли успѣю. Въ мѣсяцъ не прибавилъ ни строки къ написанному. Утра мелькаютъ, и старость приближается; но за зимою ждетъ насъ весна.»

15 Декабря, къ Дмитріеву. «Я почти ни куда не ѣзжу и ничего не дѣлаю, а времени празднаго не имѣю.»

16 Декабря, къ Малиновскому. Очень благодарю за бумаги мнѣ сообщенныя, а вы поблагодарите отъ меня Г. Строева.»

Наконецъ, *26 Января*, 1820 года, написалъ онъ къ *Дмитріеву*: «Теперь 2 изданіе кончилось: увижу, могу ли писать отъ души.»

Съ этого времени начинается, такъ сказать, новой періодъ жизни Карамзина, Петербургской, впродолженіи коего онъ написалъ четыре тома Исторіи, то есть IX, X, XI и большую половину XII.

Прослѣдимъ ходъ его работы по письмамъ къ брату Дмитріеву, Малиновскому, Тургеневу, Калайдовичу. Но прежде предложимъ описаніе его дня, во все это время, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ К. С. Сербиновичемъ и Б. М. Ѳедоровымъ.

Карамзинъ работалъ обыкновенно по утрамъ, какъ и въ Москвѣ. День его былъ, расположенъ слѣдующимъ образомъ:

«Онъ вставалъ въ 9-мъ часу утра, и всякой день въ 10 часу дѣлалъ прогулку, довольно большую. Всегда съ самаго начала дня онъ былъ совершенно одѣтъ, и не надѣвалъ шлафрока иначе, какъ уже къ ночи, ложась спать. Когда онъ жилъ въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой у Анич-

кова мосту, и потомъ на Моховой, въ домѣ Межуева, то гулялъ обыкновенно по Фонтанкѣ до Прачешнаго мосту, иногда и по Дворцовой набережной, и по Невскому проспекту; когда же погода не позволяла, прогулка ограничивалась Невскимъ проспектомъ. Большею частію онъ гулялъ одинъ; иногда же случалось видѣть его съ одною изъ дочерей. Помню, что зимою онъ былъ въ темнозеленомъ бекешѣ съ бобровымъ воротникомъ, въ теплыхъ темнаго цвѣта перчаткахъ, и съ тростью въ рукѣ. Нѣкоторые изъ знакомыхъ мнѣ, искренніе почитатели его высокаго таланта грустили, что не имѣли случая видѣть его, и очень рады были, когда, по описанію моему, могли встрѣтить его въ этотъ часъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ гулялъ».

«Возвратясь домой, Н. М. садился за работу свою, и занимался ею безъ отдыха до самаго обѣда, т. е. до 5-ти часовъ. Случалось однакожь, что постоянное занятіе его было прерываемо посѣщеніями лицъ, которымъ онъ не могъ отказывать. Съ другой стороны, хотя и очень рѣдко, необходимость требовала, чтобъ передъ обѣдомъ онъ самъ сдѣлалъ кому-либо посѣщенія. Эти исключенія всегда ему были очень тягостны».

«Послѣ обѣда онъ обыкновенно отдыхалъ съ полчаса или съ четверть часа на диванѣ въ полулежачемъ положеніи. Мнѣ только нужно немного забыться, чтобы освѣжить себя, говорилъ онъ. Послѣ короткаго сна слѣдующее время до 9-ти часовъ у него назначено было для чтенія полученныхъ въ тотъ день Русскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ газетъ, и журналовъ, а также и новыхъ книгъ.

«За тѣмъ онъ приходилъ въ гостиную, гдѣ семейство и добрые знакомые ожидали его.—Тутъ пріѣзжали друзья, ученые, литераторы и люди государственные, или тѣ молодые таланты, которымъ было суждено въ послѣдствіи занять важнѣйшія государственныя мѣста. Разговоръ шелъ обо всѣхъ предметахъ, которые могли интересовать Русскаго гражданина и образованнаго человѣка. Новости ли-

тературныя и политическія, отечественныя и иностранныя, вопросы по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, извѣстія объ отсутствующихъ родныхъ и друзьяхъ, разсказы о временахъ прошедшихъ царствованій, о тогдашнемъ состояніи Россіи, о замѣчательныхъ людяхъ того времени; особенно же о тѣхъ, которыхъ собесѣдующіе застали еще въ живыхъ, всѣ эти предметы смѣнялись одни другими. Разговоръ всегда шелъ оживленный. Н. М. особенно одушевлялся, когда дѣло шло о Россіи и объ ея пользахъ. Онъ умѣлъ особеннымъ образомъ поддерживать бесѣду, давая каждому свободу высказаться, и рѣзкія сужденія нѣкоторыхъ смягчая легкими замѣчаніями. Онъ цѣнилъ это пріятное для общежитія искусство и въ другихъ людяхъ. Н. М. умѣлъ сверхъ того въ присутствіи многихъ знатныхъ давать возможность и неизвѣстному, скромному посѣтителю, не оставаться въ совершенной тѣни».

«Ложился спать обыкновенно въ 12-мъ часу; но пріятная бесѣда съ друзьями длилась иногда и за полночь».

«Такъ было, по большей части, въ Петербургѣ, а въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Карамзинъ старался оставаться всегда какъ можно долѣе, до поздней осени, свободнаго времени по вечерамъ оставалось гораздо больше. Оно посвящалось чтенію очень часто за полночь, особенно съ романами Вальтеръ Скотта.»

«Приходя ранѣе другихъ въ осенніе вечера» пишетъ Б. М. Ѳедоровъ, «я заставалъ все семейство Карамзиныхъ у круглаго стола, на которомъ иногда, какъ будто бы въ живой картинѣ Греза, сидѣлъ и улыбался очаровательный прелестный малютка. Волнистыя, свѣтлорусыя кудри его перевязаны были голубою лентою. Это былъ младшій сынъ Николая Михайловича. Я не могъ безъ восхищенія смотрѣть на него. Онъ казался мнѣ ангеломъ, спорхнувшимъ съ неба въ семейный кругъ Карамзиныхъ. Въ 11 часовъ подавали чай, который разливала сама Екатерина Андреевна

Еще прежде того четверо младшихъ дѣтей, три сына и меньшая дочь, подходили къ отцу принять благословеніе, и онъ отпускалъ ихъ на покой, перекрестивъ и поцѣловавъ, послѣ того они принимали благословеніе матери.»

«Обыкновенными посѣтителями Карамзина были Графъ Румянцевъ, сынъ Фельдмаршала, помнившій до самыхъ мелочныхъ подробностей весь Дворъ Екатерины Великой. Дмитрій Николаевичь Блудовъ, живая энциклопедія всевозможныхъ свѣдѣній и современныхъ извѣстій; Князь П. А. Вяземскій, остроумный поэтъ, родственникъ и другъ Карамзиныхъ, В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ, уже любимые Россіи поэты, взросшіе предъ глазами Карамзина. Д. В. Дашковъ, пылкій приверженецъ Карамзина, владѣвшій перомъ человѣка государственнаго; А. И. Тургеневъ, который успѣвалъ быть вездѣ, любознательный и разсѣянный, истинный Русскій Говардъ по сердцу, искавшему случая облегчить судьбу несчастныхъ, принять участіе въ каждомъ добромъ дѣлѣ.»

Таково было общество Карамзина, въ которомъ Пушкинъ въ искренней бесѣдѣ съ семействомъ иногда заливался громкимъ смѣхомъ, гримасничалъ и рѣзвился, какъ дитя, сохраняя впрочемъ полное уваженіе и вниманіе въ Николаю Михайловичу и къ каждому слову Екатерины Андреевны, иногда останавливавшей однимъ взглядомъ его пылкія выходки».

Заключаемъ вѣрнымъ замѣчаніемъ Б. М. Ѳедорова:

«Карамзинъ, въ письмахъ Русскаго путешественника, отдавая отчетъ о свиданіи своемъ съ Боннетомъ, сказалъ объ немъ: «*онъ все выслушивалъ до конца, во все входилъ, на все отвѣчалъ. Ни съ кѣмъ я не говорю такъ смѣло, такъ охотно, какъ съ нимъ. И слова, и взоръ его, ободряютъ меня.*» Ни о комъ справедливѣе нельзя сказать этого, какъ о самомъ Карамзинѣ.»

ГЛАВА IX.

(1820—1825).

Продолженіе Исторіи.—Томъ 9.—Переводы.—Отзывъ Монитера.—Берне. Томы 10 и 11.—Отмѣтки для 12 т.—О механизмѣ работы Карамзина. Его времепрепровожденіе.—Чтенія.—О новой Русской Исторіи.—Романы Валтеръ Скотта.—Общество: Жуковскій, Тургеневъ, Батюшковъ, Блудовъ, Дашковъ, К. Вяземскій, Кривцовъ,и проч.—Письма.—Графъ Румянцовъ, Каподистрія, Шишковъ. О Сперанскомъ, объ Аракчеевѣ.—Отношенія ко Двору.—Письма И. Маріи и Елисаветы, И Александра.—Характеристическія письма Карамзина къ Дмитріеву и графу Каподистріи.

Кончивъ второе изданіе Исторіи, отнимавшее много времени, въ 1818 и 1819 годахъ, Карамзинъ могъ предаться вполнѣ предложенію своего великаго труда, и работа двинулась быстро, какъ прежде, что видно изъ его писемъ:

20 Февраля, къ Дмитріеву «Планъ нашей будущей жизни простирается не далѣе 9, часто упоминаемаго тома Исторіи: лучше издать его здѣсь, а тамъ будемъ, гдѣ Богу угодно:»

Отъ того же числа, къ Малиновскому: «Прошу прислать ко мнѣ *списокъ съ перемирной грамоты Датскаго короля съ Россіею*, № 1, 1580 г., Августа 28. Это мнѣ крайне нужно—и поскорѣе».

1 Марта, къ нему же: «Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ первые два нумера Папскихъ дѣлъ и пятый Цесарскихъ, крайне для меня нужныхъ».

20 Марта, къ Дмитріеву: «Дописываю 5 главу 9 тома. Надобно еще написать и шестую и седьмую, чтобы издать его.»

26 Марта, къ брату: «Съ нѣкотораго времени пишу опять довольно прилежно, авось къ зимѣ, если Богъ дастъ, допишу 9-й томъ».

1 Апрѣля, 1820 г., къ Дмитріеву:.. «Пишу, читаю»...

19 Апрѣля, къ нему же: «Думаемъ недѣли черезъ двѣ ѣхать въ Царское Село на лѣто. Хорошо, если бы Богъ далъ мнѣ дописать тамъ царя Ивана. Еще двѣ главы остается о Сибири, и проч.»

25 Мая, къ Малиновскому:.. «Вы уже знаете, что мы едва было не сгорѣли вмѣстѣ съ дворцомъ; но вѣтеръ затихъ, и домикъ нашъ остался цѣлъ: цѣлы и бумаги и книги архивскія. Ожидаю А. И. Тургенева, чтобы послать къ вамъ черезъ него прибавленіе къ Дипломат. собранію etc. Ибо здѣшній почтмейстеръ не беретъ отъ меня казенныхъ бумагъ. Лѣтопись, которой вы требуете, отъ временъ В. К. Василія Дм. до 1560 г., давно возвращена мною въ Архивъ, то есть, передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ; у меня осталась только Ростовская и Разряды. Увѣдомьте, найдется ли она у васъ: это меня безпокоитъ».

«Авось и мы къ вамъ возвратимся на то лѣто! Между тѣмъ живемъ день за день, безъ дальнихъ плановъ. Готовлюсь писать о Сибири: она составитъ главу; а тамъ будетъ послѣдняя. Работа все еще занимаетъ меня пріятнымъ образомъ, и все еще жалѣю, что утро коротко».

21 Іюня 1820 г., къ Дмитріеву, «Между тѣмъ я въ Сибири: пишу о твоемъ героѣ Ермакѣ. Но жалуюсь на худые матеріалы: ищу и не нахожу ничего характернаго; все бездушно, а выдумывать нельзя».

(Жалоба эта вскорѣ оказалась напрасною: онъ нашелъ новую Сибирскую лѣтопись, и увѣдомилъ Дмитріева):

9 Іюля, 1820 г. «Я кончилъ главу о завоеваніи Сибири: вотъ еще поэма Ермаку! Теперь остается одна глава до конца тома».

27 Августа. «Около мѣсяца уже ничего не дѣлаю, описавъ завоеваніе Сибири и подвиги Ермаковы. Остается одна глава, но Богъ знаетъ, когда напишу ее».

20 Сентября. «Кое-какъ опять начинаю марать бумагу».

28 Сентября. «Пишу все еще слишкомъ мало и плохо; но если буду здоровъ, то въ Октябрѣ публикую въ газетахъ о подпискѣ на 9-й томъ, чтобъ знать, сколько экземпляровъ печатать».

19 Октября. «Видишь, что мы еще наслаждаемся сельскими красотами. Вывезу отсюда Ермака съ Сибирью и смерть Иванову, но безъ хвоста, который требуетъ еще добрыхъ недѣль шести работы. Между тѣмъ объявлю подписку на 9-й томъ, и мѣсяца черезъ три отдамъ его въ типографію, если Богъ дастъ».

10 Декабря, къ Малиновскому: «Послѣдняя глава IX тома мною дописана; на сихъ дняхъ отдамъ въ печать, а на слѣдующей почтѣ отправлю къ вамъ ящикъ съ статейными списками, прося васъ, любезнѣйшій, доставить мнѣ скорѣе всѣ матеріалы для описанія: кромѣ дѣлъ не найдете ли и другихъ бумагъ любопытныхъ? Вспомните и поройтесь. Вы меня дружески одолжите».

Въ Январѣ, 1821 г. «IX томъ поступилъ въ типографію».

25 Января, 1821 г. къ Дмитріеву: «9-й томъ печатается, но развѣ только около Мая выйдетъ».

30 Января, къ Малиновскому: «Прилагаю записку о нужныхъ для меня бумагахъ архивскихъ. Требую многаго; но что дѣлать: все необходимо. Убѣдительно прошу васъ, любезнѣйшій, немедленно отправить ко мнѣ ящикъ; жду его, чтобы начать 10-й томъ. Это теперь отъ васъ зависитъ; а время дорого для автора пятидесятилѣтняго съ хвостикомъ. 9-й томъ печатаютъ огромный, съ нотами. Доставлю его вамъ въ листахъ, но не прежде Апрѣля. Хотѣлось бы дописать до Романовыхъ: тутъ

конецъ поэмы—остальное наслѣдникамъ. Еще бы два тома, и поклонъ Исторіи! но не обманываю себя: едва-ли удастся, развѣ Богъ поможетъ! Лѣта склоняютъ мой умъ къ метафизикѣ: это негодится для изображенія дѣйствій и характеровъ. Одна надежда на сердце, еще не совсѣмъ старое.»

«Укладываю теперь ящикъ для отправленія къ вамъ: книгъ 20, и статейныхъ списковъ и печатныхъ».

«Вмѣсто записки возвращаю вамъ реэстры, и прошу всѣхъ бумагъ, при коихъ поставленъ знакъ ×. Не найдете ли по вашей дружбѣ и еще чего-нибудь»?

«Сдѣлайте милость, реэстры пришлите мнѣ назадъ, чтобы я видѣлъ, все ли мнѣ доставлено».

27 Февраля, 1821 г., къ Дмитріеву: «Могу спокойно заниматься корректурою. Эта работа продолжится, думаю, еще мѣсяца два. Я сталъ, кажется, лѣнивѣе, и, кажется, менѣе жалѣю о времени, которое уходитъ».

3 Марта, къ Малиновскому: «Сердечно благодарю васъ за доставленіе двухъ ящиковъ съ архивскими бумагами: ожидаю еще. Полученное разбираю, и нѣсколько строкъ X тома уже написано. Кажется, что это царствованіе не займетъ ни половины его. Хорошо, если бы до Января кончить, ибо работа моя уже не спора. 13 листовъ IX тома отпечатаны: къ Маю выйдетъ».

3 Марта, къ нему же: «Прилагаю записку къ г. Калайдовичу. Надѣюсь, что въ Архивѣ полученъ отъ меня ящикъ съ статейными списками и проч.»

«Сдѣлайте мнѣ дружеское одолженіе, прикажите г. Калайдовичу, или другому, сдѣлать подробное описаніе наружности, лица и вида царя Ѳеодора Іоанновича, съ гео изображенія надъ гробницею въ Архангельскомъ соборѣ— и какъ можно скорѣе мнѣ доставьте».

Отъ того же *3 Марта, къ Калайдовичу* (записка): «Очень, очень благодарю васъ, милостивый государь мой, К. Ѳ., за ваше любопытное письмо о Славянинѣ Изокѣ:

хотя и съ сожалѣніемъ, но должно разжаловать его изъ птицъ въ сверчки. Въ концѣ IX тома напечатано нѣсколько строкъ изъ вашего письма. Продолжайте открывать, объяснять, продолжайте и быть благосклонны къ вашему, и проч.

10 Марта, къ Малиновскому: «Отъ души и сердца благодарю васъ за доставленіе мнѣ архивскихъ бумагъ и за ваше дружеское письмо. Прилагаю росписку. Развѣ уже нѣтъ статейныхъ списковъ сего времени въ книгахъ (кромѣ столбцовъ), ни Цесарскихъ, ни Шведскихъ, etc? Польскія дѣла идутъ у меня только до 1588 г.; сдѣлайте милость, пришлите слѣдующія, весьма для меня нужныя, до кончины Ѳеодора; также и то, что вы мысленно для меня намѣтили, и чего буду ждать съ нетерпѣніемъ. Обяжите исторіографа и друга»!

31 Марта, къ Дмитріеву: «Текста отпечатано 21 листъ. Примѣчаній болѣе половины. Авось къ Маю весь томъ будетъ готовъ! Здѣсь кто-то разгласилъ, что онъ уже запрещенъ. Блудовъ предпочитаетъ его всѣмъ осьми томамъ. Это Петербургская работа, кромѣ 20 или 30 страницъ въ началѣ. Хотѣлось бы дойти до Романовыхъ, и тогда проститься съ Исторіей».

4 Апрѣля, къ Малиновскому: «Прилагаю росписку. Вы меня одолжите всѣмъ, что сообщите мнѣ о временахъ Ѳеодора. Я началъ X томъ кое-какъ. Еще занимаюсь корректурами IX, котораго печатаніе продолжится до Мая; не замедлю доставить его вамъ. Скажите спасибо К. Ѳ. Калайдовичу за описаніе Ѳеодорова лица».

Прервемъ здѣсь свѣдѣнія о ходѣ работы исторической извѣстіями о переводахъ Исторіи, которые отнимали у Карамзина много времени. Онъ долженъ былъ просматривать нѣкоторые и исправлять ошибки.

О Французскомъ переводѣ Исторіи Государства Россійскаго К. С. Сербиновичъ доставилъ мнѣ слѣдующее свѣдѣніе.

«Первый переводчикъ Исторіи Государства Россійскаго на Французскій языкъ въ 1817 году, былъ *Сен-Тома* (St-Thomas), тогдашній воспитатель сына генерала Бороздина, нѣкогда служившій въ арміи Наполеона. Онъ искалъ себѣ помощника изъ Русскихъ для ближайшаго къ подлиннику переложенія, которое потомъ облекалъ бы въ изящныя формы Французскаго слога. Мнѣ случилось съ нимъ познакомиться, и заняться этимъ дѣломъ, въ видѣ опыта. Николай Михайловичъ одобрилъ нашъ первый опытъ, именно переводъ предисловія, которое потомъ и напечатано было особою брошюрою, и съ объявленіемъ подписки разослано внутри Россіи и за границею. Къ переводчикамъ Карамзинъ написалъ слѣдующее письмо:

Милостивые Государи!

Съ живѣйшею признательностію читалъ я обязательное письмо ваше, въ которомъ изъявляете желаніе перевести мое твореніе. Хотя я и увѣренъ въ талантѣ вашемъ, боюсь однакожъ, что сія Исторія, писанная въ духѣ національномъ, и единственно для моихъ соотечественниковъ, Французамъ не понравится Русскимъ своимъ характеромъ, столь отличнымъ отъ характера другихъ націй. Впрочемъ, если вы крѣпко стоите въ намѣреніи, столько для меня лестномъ, то я вызываюсь повѣрить точность вашего перевода, и беру на себя пересмотрѣть его отъ начала до конца. Буду весьма радъ, милостивые государи, когда возмогу такимъ образомъ показать вамъ мою благодарность, и проч.

Къ половинѣ Августа окончен былъ переводъ 1-го тома, съ сокращеніями, по усмотрѣнію самого автора, примѣчаніями. Сен-Тома уже не показывалъ мнѣ своей редакціи, а прямо относилъ ее къ Карамзину, который съ величайшимъ терпѣніемъ читалъ ее, и выправлялъ невѣрности, поручая считываніе старшей дочери своей.

Между тѣмъ и другой Французъ, *Жоффре*, преподаватель Французскаго языка въ Смольномъ, обратился также къ Карамзину съ желаніемъ переводить Исторію. Зная достаточно нашъ языкъ, онъ почти не нуждался въ Русскомъ помощникѣ. Николай Михайловичъ не хотѣлъ, чтобы кто либо изъ нихъ остался въ убыткѣ, и постарался соперничество ихъ обратить въ союзъ ко взаимной пользѣ.

Они между собою согласились и раздѣлили трудъ, бо́льшая половина котораго пришлась на долю Сен-Тома. Въ Февралѣ слѣдующаго 1819 года переводъ всѣхъ восьми томовъ оконченъ. Сен-Тома уѣхалъ въ Парижъ и напечаталъ его подъ заглавіемъ: Histoire de l'Empire de Russie. par M. Karamsin, traduite par MM. St. Thomas et Iauffret Paris, De l'imprimerie de A. Belin. 1819.

Николай Михайловичъ былъ доволенъ слогомъ Сен-Тома, но собственно переводъ не удовлетворялъ его, а тѣмъ менѣе изданіе его въ Парижѣ съ большими ошибками, уже послѣ сдѣланныхъ имъ исправленій, и съ такими опечатками, которыхъ на счетъ собственныхъ именъ, могъ бы избѣгнуть только Русскій корректоръ.

IX Томъ былъ переведенъ уже въ 1821 году тѣмъ же Сен-Тома, при помощи извѣстнаго О. М. Сомова.»

Соберемъ главныя мѣста изъ писемъ о переводахъ).

Октября 20, 1819 г., къ Дмитріеву: «Въ Парижѣ давно вышелъ 1-й томъ, но не знаю, полученъ ли въ Петербургѣ. Я видѣлъ его у Императрицы. Пробѣжалъ, и замѣтилъ 30 ошибокъ. Нѣмецкій переводъ еще не вышелъ, думаю. Въ печатныхъ листахъ 1-го тома, мною полученныхъ, также есть грубыя ошибки. Богъ съ ними, господами переводчиками!»

15 Декабря, къ нему-же: «Съ двухъ сторонъ терзаютъ меня переводчики моей Исторіи; труда много и вздору много; въ томъ и въ другомъ переводѣ ошибки смѣшныя».

29 Декабря, къ нему-же: «Ты прислалъ мнѣ проэктъ весьма умнаго отвѣта къ Жофре, и я посылаю тебѣ оригиналъ забавно-глупаго письма во вкусѣ Пирогова: разсмѣешься ли? Переводъ Французскій не дуренъ и по большей части вѣренъ; но довольно ошибокъ отъ небреженія. Одинъ Парижскій журналистъ говорилъ: la traduction est facile et agreable, а другой: la traduction n'est pas élégante et n'est pas assez française. Въ сочиненіи же находятъ ясность, хорошее раздѣленіе, искусство, быстроту, философскія мысли; но одинъ журналистъ, якобинецъ Comte, упрекаетъ меня робостію, другой (le Courrier) недостаточнымъ проницаніемъ въ разборѣ того, что свойственно всѣмъ народамъ, и что одному Русскому. Употребляютъ выраженія такія: les bons juges admirerent то и другое; хотятъ сообщить выписки, однимъ словомъ, довольно пустословія, а мало дѣльнаго. На Французскомъ уже вышло 4 тома, т. е. вся суть, а на Нѣмецкомъ еще одинъ томъ, въ которомъ я счелъ 100 ошибокъ, отчасти грубыхъ и непонятныхъ; напр. 17-й вѣкъ вмѣсто VI; до Рож. Хр. вмѣсто до введенія Христіанской вѣры».

26 Января, 1820 г. къ Дмитріеву: «Еще отнимаютъ у меня время переводчики. Изъ Венеціи прислали ко мнѣ манифестъ о новомъ Италіянскомъ переводѣ: Storia scritta di Consigliere di Karamsin. Москини и Гамба переводятъ ее съ Французскаго. Вода къ водѣ, ошибки къ ошибкамъ. *Я писалъ для Русскихъ, для купцовъ Ростовскихъ, для владѣльцевъ Калмыцкихъ, для крестьянъ Шереметева*, (см. имена пренумерантовъ въ VIII томѣ), а не для Западной Европы».

11 Ноября, 1820 года, къ нему-же: «Знаешь-ли, что я, читавъ равнодушно десять или двадцать благопріятныхъ отзывовъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Италіянскихъ, былъ тронутъ статьею Монитера о моей Исторіи. Этотъ академикъ посмотрѣлъ ко мнѣ въ душу: я услышалъ какой-то глухой голосъ потомства. Но... chut?»)

Не правда-ли, читатели, что очень любопытно узнать отзывъ, который доставилъ такое удовольствіе Карамзину, объ которомъ упоминаетъ онъ съ такою теплотою: «критикъ заглянулъ мнѣ въ душу... я услышалъ глухой голосъ потомства»?

К. С. Сербиновичъ отыскалъ этотъ нумеръ Монитера; предлагаемъ его цѣликомъ, чтобъ читатели увидѣли все высокое, безпримѣрное смиреніе Карамзина.

Le Moniteur Universel, 1820, Mercredi, 1 Novembre. № 306.

«A l'époque, ou la Russie est parvenue à exercer sur les affaires de l'Eupore une influence relative à l'étendue de sa puissance, on recherche avec curiosité tous les details, toutes les notions positives, qui peuvent développer les causes de la grandeur toujours croissante de cet empire. Quelques ouvrages historiques les avaient rapidement representées, mais se hâtant d'arriver aux époques contemporaines, ils négligeaint une foule de renseignemens precieux sur un peuple à peine connu de nous au commencement du 18 siècle, et placé aujourd'hui à la hauteur de la civilisation européenne, Ces motifs expliquent les succès meritès de l'ouvrage de M. de Karamzin. En effet dans son plan methodique, dont les parties dissimilaires arrivent successivement sous les yeux du lecteur sans confusion, sans obscurité, l'auteur offre un vaste tableau de sa patrie, depuis la plus haute antiquité jusqu'a nous. Ses reflections, toujours judicieuses, son dictées par une saine philosophie et l'impartialité; son style est grave, soutenu et respire je ne sais quel air de bonne foi, de nationalité (si on peut s'exprimer ainsi), qui montre dans l'historien l'honnête homme avant le savant: tout est appuyé sur des documents authentiques, et cette histoire, fruit de quatorze années de travail, basée sur les recherches les plus exactes, dans les annales et les archives nationales, doit

être placée au rang des ouvrages classiques, qui font le plus d'honneur à la littérature moderne.»

Можно ли автору быть умѣреннѣе, скромнѣе въ своихъ ожиданіяхъ? Явленіе удивительное! Вотъ черта, которая лучше всего изображаетъ намъ высокую душу Карамзина. Великій писатель, заслуженный историкъ, знаменитый гражданинъ, забывая о всѣхъ своихъ заслугахъ и правахъ на признательность потомства, радуется больше всего тому, что потомство признаетъ его честнымъ человѣкомъ. И тутъ еще онъ боится сказать лишнее слово въ письмѣ къ другу.., chut!

«Либеральный Constitutionnel въ № 13 Октября, (продолжаетъ Карамзинъ въ томъ же письмѣ), осыпалъ меня похвалами; сказалъ: M. Karamsin s'est placé au premier rang des historiens les plus célèbres; son histoire plait à l'Europe: elle plaira à la posterité. Хвалитъ даже мою либеральность, вопреки либералистамъ! Странно, что они, Французы, въ тѣни находятъ болѣе, нежели иные мои братья Русскіе въ вещи! (Тѣнью называю переводъ). Я мысленно и словами часто бранилъ Французскихъ переводчиковъ, а первые Парижскіе журналисты хвалятъ ихъ даже ревностно»!

Присоединимъ здѣсь отзывъ Берне, (указанный Г. Стасюлевичемъ), который дополнилъ бы удовольствіе Карамзина, еслибъ былъ ему извѣстенъ. Берне, извѣстный Нѣмецкій писатель, либералъ, вотъ что написалъ объ Исторіи Карамзина:

«Можно-ли книгу, состоящую изъ однихъ оглавленій, читать иначе, какъ съ неохотою и скукою? А имена королей составляютъ именно оглавленіе исторической книги ихъ народовъ. Вотъ, почему съ равнодушіемъ пробѣгаешь пустынныя чащи Европейской Исторіи, гдѣ не встрѣтишь ни тѣни, ни крови, ни ночлега, который подкрѣпилъ-бы усталаго изслѣдователя. Европейская Исторія походитъ на

домовую книгу сельскаго хозяйства, гдѣ Государства измѣрены вдоль и поперекъ съ цѣлью собиранія податей, и люди записаны или отписаны, какъ то бываетъ при покупкѣ, мѣнѣ или смертныхъ случаяхъ. Кто не убѣгаетъ радостно въ тотъ иной край свѣта, гдѣ не слабая трость является хитростною опорою силы, а слабѣйшій умъ повинуется сильнѣйшему? Кто не поднимется охотно къ тому древнему времени, когда Исторія человѣчества была живымъ источникомъ изъ природы, когда потоки народовъ прокладывали себѣ избранное ими ложе, и не заботясь о своихъ родословныхъ и грамотахъ, продолжали начатый путь... Все это мы находимъ въ Русской Исторіи».

«Эту мысль можно было-бы изложить въ яспыхъ и понятныхъ словахъ; но мы, грѣшные, вынуждены прибѣгнуть къ священному языку пророковъ, и какъ Іезекіиль, говорить въ картинахъ. Русское Государство, если сравнить его, какъ отдѣльнаго человѣка, съ его товарищами по дѣтскимъ играмъ, еще дитя; но медленность роста говоритъ и о продолжительности дѣтства; однако оно, какъ и Геркулесъ, еще въ колыбели, раздавило гигантскихъ змѣй, обхватывавшихъ Европу. Чѣмъ оно еще можетъ быть, довольно сказать, что оно въ Европѣ единственное восходящее свѣтило. Какъ-бы кто ни былъ настроенъ, въ пользу или противъ, съ надеждою или страхомъ, но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ быть равнодушнымъ, надобно всегда, даже съ потерею необходимаго сна, держать глаза открытыми и не дозволить себя убаюкать тѣмъ, которые, подобно жителямъ Везувія, спокойны, потому что гора не дымитъ. Если въ странѣ чума, то бываютъ рады спасительной зимѣ, и за жизнь платятъ удовольствіями жизни. Въ человѣчествѣ никогда не было недостатка въ возвратномъ Геркулесѣ: стоитъ только переполниться Агіевымъ конюшнямъ».

«Уже это одно служитъ признакомъ величія народа, если онъ въ своей средѣ находитъ великаго историка; ибо каждый художникъ, если онъ и прикрашиваетъ, вдохновляется прекрасною дѣйствительностію. Карамзина «Исторія Россійскаго Государства» мастерское произведеніе, достойное своего предмета. Распредѣленіе частей соотвѣтствуетъ цѣли, ясно и разумно. Перепутанная масса странъ и народовъ, изъ которыхъ мало по малу сложилось громадное Государство, съ большимъ искусствомъ разобрана, и, сообразно своему значенію, болѣе или менѣе освѣщена. Слогъ благородный, сильный, и, гдѣ слѣдовало, живописный. Нѣтъ недостатка въ превосходныхъ разсужденіяхъ, но онѣ вытекаютъ свободно изъ событій, а не приданы сочинителемъ въ видѣ высокопарныхъ вставокъ. Гдѣ требовала правда, Карамзинъ, если не такъ радостно, то тѣмъ не менѣе вѣрно, говорилъ объ ошибкахъ и пораженіяхъ своего народа, равно какъ и о его побѣдахъ и доблестяхъ. Особенно поражаетъ его откровенность съ которою онъ тепло и одобрительно выставлялъ нѣкоторые принципы, отъ принятія которыхъ въ жизнь Россія еще такъ далека, не столько потому, что правительству недостаетъ любви къ свободнымъ учрежденіямъ, сколько вслѣдствіе недостатка въ обществѣ чувства свободы...»

18-го Ноября 1820 г. «S. Thomas выдалъ въ Парижѣ съ 7 и 8 томъ Французскаго перевода моей Исторіи, не показавъ мнѣ въ манускриптѣ, и не дождавшись того перевода, который былъ посланъ къ нему отсюда, и мною пересмотрѣнъ. Будетъ много нелѣпицы. Жаль! иностранная критика приняла переводы благосклонно.»

3-го Января 1821 г.: къ Дмитріеву: «Во Французскомъ переводѣ VII и VIII тома есть грубыя ошибки: впрочемъ не стоитъ труда писать объ этомъ для Французской публики. «Самолюбіе мое не излишне щекотливо, а другимъ вредить не люблю. Будетъ съ меня и того, что имѣю».

Возвращаемся къ сообщенію свѣдѣній о ходѣ работы исторической:

3-го Мая, 1821 г. къ Дмитріеву. «Послѣдніе листы 9-го тома въ корректурѣ; желаю писать 10-й, пока еще могу писать».

24-го Мая, къ брату: «Государя ожидаютъ сюда (въ Царское Село) къ вечеру. Я долженъ вручить ему 9-й томъ своей Исторіи. Пишу 10-й томъ, хоть и не споро. Работа для меня все еще необходима, если уже и менѣе пріятна».

24-го же Мая, къ Малиновскому: «Очень благодарю за рукопись Татищева: въ ней есть кое-что. Развѣ въ Архивѣ нѣтъ дѣлъ Нагайскихъ сего времени, т. е. *статейныхъ списковъ переплетенныхъ?* Увѣдомьте. Пишу X-й томъ мало по малу».

10-го Іюня, къ Дмитріеву: «Пишу 10-й томъ, если не для славы и не для денегъ, то по крайней мѣрѣ для своего тихаго удовольствія».

13-го Іюня, къ Калайдовичу: «Спѣшу сказать вамъ въ отвѣтъ, что я не знаю другаго Турова, кромѣ Минскаго, существующаго нынѣ въ видѣ бѣднаго мѣстечка. Тамошній монастырь Бориса и Глѣба исчезъ вмѣстѣ со многими иными въ Россіи. Убѣдительно прошу васъ исполнить обѣщанное, т. е. доставить мнѣ новыя, какъ говорите, свѣдѣнія о Лжедимитріѣ.

2-го Августа, къ Малиновскому: «Сердечно благодарю и за дружеское письмо и за доставленіе бумагъ, въ которыхъ есть нѣчто для меня любопытное: напримѣръ, извѣстіе о дядькѣ Царя Ѳеодора. Все возвращу вамъ изъ Петербурга. Между тѣмъ сдѣлайте милость, постарайтесь, чтобы К. Ѳ. Калайдовичъ *скорѣе* доставилъ мнѣ лѣтопись, купленную для графа Румянцова: она содержитъ въ себѣ что-то неизвѣстное о Димитріѣ etc. Пожалуйста исполните мою просьбу. *Я теперь весь въ Годуновѣ:* вотъ харак-

теръ исторически трагическій! Кончилъ первую главу Ѳеодорова царствованія».

30-го Сентября, къ нему же. «Я бреду впередъ; описываю теперь убіеніе Димитрія. Ради Бога и дружбы давайте мнѣ, что найдете въ прибавокъ къ матеріаламъ. Даставьте мнѣ, любезнѣйшій мой пособникъ, генеалогію Шуйскихъ до царя Василія Ивановича; она вѣрно есть въ Архивѣ. Да нѣтъ ли еще какой бумаги о посвященіи нашего перваго патріарха, Іереміи; вы мнѣ одну сообщили и не полную. Печатное мнѣ извѣстно, какъ въ Собраніи грамотъ, такъ и въ Вивліоѳикѣ. Нѣтъ ли чего въ библіотекѣ Синодской? Поговорите о томъ съ К. Ѳ. Калайдовичемъ, котораго очень благодарю за лѣтопись о Димитріѣ; у меня былъ ея списокъ, но весьмо худой. О найденной золотой медали въ Черниговской губерніи ничего не знаю: буду ждать отъ васъ слѣпка или описанія».

5-го Декабря, 1821 г., къ Малиновскому: «Нетерпѣливо желаю читать *обозрѣніе сношеній Россіи съ Портою,* и буду просить его. Я давно не видалъ графа Каподистріи, хотя пріятельская связь наша и не измѣнилась: онъ занятъ, а я лѣнивъ на выѣзды; еще лѣнивѣе прежняго. Вотъ дѣйствіе лѣтъ и мысли о непрочности житейской! Однакожъ занимаюсь еще усердно Исторіею; скоро отправлю къ вамъ ящикъ съ архивскими бумагами, и прошу васъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, изготовить для меня все, относящееся къ царствованію Годунова: желаю спѣшить, спѣшить! Въ Греческой грамотѣ о патріаршествѣ не имѣю большой нужды: не присылайте ее. Но сдѣлайте милость, не забудьте ничего любопытнаго о временахъ Годунова: хочется отдѣлать его цѣльно, не отрывкомъ. Радуюсь, что и вы съ живымъ удовольствіемъ описываете добрую Москву: это прекрасный подарокъ для современниковъ и потомства. На сихъ дняхъ встрѣтилось мнѣ въ бумагахъ 1597 года описаніе двадцати или тридцати блюдъ

царскаго стола: находка любопытная! Извѣстіе о надписи Фотіева сакоса оставляю для третьяго изданія Исторіи, если доживу до него».

3-го Января, 1822 г., къ Дмитріеву: «Въ Исторіи приближаюсь къ концу Ѳеодорова царствованія: пишу еще съ удовольствіемъ, и буду доволенъ, если Богъ дастъ мнѣ кончить этотъ томъ къ слѣдующему Январю».

19-го Января, къ Малиновскому: «На сей почтѣ отправляю въ Архивъ всѣ бумаги Ѳеодоровыхъ временъ, и дружески прошу васъ доставить мнѣ *немедленно* статейные списки и столбцы царствованія Годунова и Лжедимитрія, дѣла Европейскія и Азіатскія: Польши, Австріи, Англіи, Швеціи, Италіи etc., Турецкія, Крымскія, Нагайскія, Персидскія, Грузинскія, Кабардинскія etc; также и дѣла *внутреннія*: безъ вашей дружеской милости не могу начать Годунова; буду ждать съ нетерпѣніемъ. Спѣшу къ цѣли: ибо могу умереть или сдѣлаться неспособнымъ къ работѣ; могутъ перемѣниться и обстоятельства; а не худо, по моему удостовѣренію, чтобы вышло еще тома два моей исторіи. Богъ сдѣлаетъ по своему, но наше дѣло гадать, совѣтуясь съ умомъ и совѣстію.»

«Прошу еще прислать мнѣ *духовную* Іоанна Грознаго и похвальное слово Годунову, доктора Фридека, (или какъ его зовутъ?); еще la legende, еще Historiam belli Suevo Moskovitici decennalis, Видекиндову, еще Мильтоновъ History of Moscovia и the ancient and present state of Moscovia.»

«Ради дружбы скорѣе шлите мнѣ матеріалы».

9-го Февраля, къ Дмитріеву: «Утра мои не праздничныя: мараю, какъ обыкновенно, бумагу, въ ожиданіи новой присылки изъ Архива Московскаго».

27-го Февраля, къ Калайдовичу: «Очень благодарю за ваше обязательное письмо, любопытную грамоту и примѣчанія. Крайне одолжите меня, если возмете на себя трудъ выписать и доставить мнѣ страницы двѣ изъ статейныхъ

списковъ Австрійскаго двора, № 8 и 341, о движеніяхъ Кіевскаго митрополита и духовенства въ пользу Уніи: я отослалъ эту книгу въ Архивъ не выписавъ того, что мнѣ весьма нужно».

31-го Марта къ Дмитріеву: «Я кончилъ 4-ю главу 10-го тома, и примусь за Годунова, описавъ судьбу Россіи подъ скипетромъ Варяжскаго дому».

4-го Мая, къ Малиновскому: «Увѣдомьте, осталась ли въ Грановитой палатѣ на стѣнахъ старая живопись; и что? мнѣ это нужно знать, Пишу запросъ къ г. Калайдовичу: убѣдите его отвѣчать мнѣ съ нѣкоторою подробностію, объ одной изъ рукописей гр. Толстаго»...

Того же числа, къ Калайдовичу: «Въ каталогѣ графа Ѳ. А. Толстаго, подъ № 237, въ четвертку; есть извѣстіе объ умершемъ въ 7087 году Ростовцѣ Иванѣ. Сдѣлайте одолженіе, выпишите мнѣ нѣкоторыя подробности его жизни и сообщите».

29-го Мая, къ Малиновскому: «Прошу васъ убѣдительно сдѣлать мнѣ еще истинно-дружеское одолженіе — доставить если не всю Беерову Московскую лѣтопись, то хотя выписку изъ нея о временахъ Годунова и Лжедимитрія: возвращу вамъ, если прикажете, черезъ недѣлю, и даю слово не огласить, что знаю и видѣлъ эту лѣтопись, пока Графъ Н. П. самъ не дастъ ее мнѣ; теперь было бы долго съ нимъ описываться, а мнѣ часъ дорогъ. Занимаюсь именно соображеніями происшествій и характеровъ сего времени. Не огорчите исторіографа: не столько его труды, сколько дружба къ вамъ достойна исполненія этой просьбы, почти слезной, Говорю не въ шутку. Ради Бога! черезъ двѣ недѣли лѣтопись возвратится къ вамъ сохранно: исправность почты и любезнаго Булгакова вамъ извѣстна. Порадуйтесь моимъ нетерпѣніемъ: оно доказываетъ, что я еще не умеръ душою. — Буду ждать отъ васъ отвѣта милостиваго. Ободрите меня!»

«Откуда вы взяли планъ Кремля XVII вѣка, пріобщенный къ вашему описанію Москвы? Сдѣлайте также одолженіе, пришлите мнѣ космографію, въ которой находится древнѣйшая карта Россіи, временъ Годунова: вы знаете эту книгу вашей архивной библіотеки».

31-го Мая, «Уже двѣ недѣли живемъ здѣсь, и хвалимся краснымъ лѣтомъ. Садъ цвѣтетъ и благоухаетъ. Мы здоровы и благодаримъ Бога. Только худо работаю: больше сижу, нежели пишу ва кабинетѣ, но и на это не хочу жаловаться, чтобъ какъ можно менѣе быть малодушнымъ»...

5-го Іюня, *къ Малиновскому*: «Со всею дружескою чувствительностію благодарю васъ, за сообщеніе мнѣ драгоцѣнной лѣтописи: это конечно трогательное доказательство вашей милой дружбы; оно дѣйствительно тронуло меня до глубины души Я дозволилъ себѣ быть нескромнымъ по любви къ дѣлу, не безполезному для ума и нравственности нашего отечества; обрадовался вашему пакету, какъ ребенокъ, и три дня сижу за рукописью, читая и замѣчая, не жалѣя глазъ, ибо письмо нечетко, связно, крючковато. Эту лѣтопись имѣлъ Шведъ Петрей, и взялъ изъ нея почти всѣ свои извѣстія о временахъ Годунова, Лжедимитрія etc.»

«Есть любопытныя подробности; надѣюсь управиться недѣли въ двѣ, и прямо отсюда въ казенномъ пакетѣ отправлю рукопись чэрезъ Архивъ къ вамъ.»

«Между тѣмъ надѣюсь увидѣть и Графа на сихъ дняхъ: онъ въ Петербургѣ. Буду просить у него лѣтописи, не упоминая объ васъ: онъ самъ нѣкогда говорилъ мнѣ объ ней. Заключу тѣмъ, что обнимаю васъ за это одолженіе съ дружескою нѣжностію».

7-го Іюня: «Калайдовичъ сообщилъ еще дополнительныя извѣстія объ Іоаннѣ большомъ колпакѣ, о времени его кончины, о кончинѣ въ 1430 г. иконописца

Андрея Рублева, который погребенъ вмѣстѣ съ своимъ спостникомъ Даніиломъ Чернымъ, въ Московскомъ Андроніевомъ монастырѣ, гдѣ они расписали церковь.» «Къ сему присоединяю, (пишетъ Калайдовичъ), если вамъ непзвѣстно, молитву надъ чашею. Въ Степенной, изъ которой я оную выписалъ, замѣчено, что Годуновъ приказалъ сію высокопарную молитву сочинить своимъ ученымъ, и провозлашать при питьѣ за здоровье Царя на трапезахъ».

16-го Іюня, къ Дмитріеву: «Исторіи еще не измѣняю: сижу въ кабинетѣ часовъ по пяти, хотя иногда и безплодно.»

20-го Іюня, къ Малиновскому: «Возвращаю Берову хронику, сличивъ ее съ Петреемъ, который выписалъ изъ нея всѣ свои извѣстія о Россіи, но утаивъ источникъ. Кое-что пропущенное имъ я замѣтилъ для себя, напримѣръ: числа, имена мѣстъ, людей и случаевъ пятьшесть любопытныхъ. И Канцлеръ обѣщалъ мнѣ эту рукопись, но забылъ, гдѣ она, и хочетъ искать.

«Здѣсь работаю какъ-то не очень удачно; однакожъ не теряю усердія и прилеженія. Хотѣлось бы, если буду живъ издать зимою X томъ».

20-го Августа, къ нему же: «Въ X томѣ я также написалъ нѣсколько строкъ о Москвѣ, въ главѣ особенной, гдѣ говорю о тогдашнемъ гражданскомъ состояніи Россіи. Спасибо за сочиненіе Матвѣева; но точно ли оно Матвѣева?... Отъ Гр. Румянцева получилъ я хронику Бера въ Русскомъ переводѣ, и еще кое-что. Скажите ему, что я желалъ бы имѣть копію съ историческихъ бумагъ, вамъ отъ него сообщаемыхъ: вѣроятно онъ не откажетъ. Рязанскія древности я уже имѣлъ отъ самого Государя, съ которымъ мы на долго разстались, къ нашему сердечному сожалѣнію. Скоро надѣюсь отправить къ вамъ почти всѣ архив. бумаги, т. е. дипломатическія; я кончилъ главу о нашихъ сношеніяхъ съ Европою и съ Азіею при

Годуновѣ. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь годнаго для меня въ портфеляхъ Миллеровыхъ? Метрика Литовская и коронная здѣсь въ третьемъ департаментѣ Сената: въ ней есть нѣчто любопытное, но мало. Она начинается со временъ короля Александра. Канцлеръ обѣщалъ мнѣ III томъ грамотъ, но еще не прислалъ; онъ велѣлъ исключить сказанное вами объ немъ въ предисловіи. Я замѣтилъ одну маловажную ошибку въ текстѣ грамотъ, пробѣжавъ ихъ пять или шесть на скоро въ кабинетѣ у Графа».

7-го Сентября къ Дмитріеву: «Нынѣшняя зима, т. е. Сленинъ и X томъ Россійской исторіи могутъ рѣшить, здѣсь ли мнѣ умереть, или въ Москвѣ, или въ Арзамасѣ». (*)

22-го Сентября, къ Малиновскому: «Наполнивъ два ящика архивскими бумагами, черезъ три дня отправлю ихъ къ вамъ, если только примутъ на здѣшней почтѣ, а между тѣмъ прошу сдѣлать милость—немедленно доставить мнѣ № 26 (двадцать шестой) Польскихъ дѣлъ, гдѣ разсказывается Исторія Отрепьева, чрезъ нѣкоторое же время, (т. е. когда получите мои ящики), и всѣ дѣла, всѣ бумаги, отъ временъ Годунова до Михаила Ѳедоровича: ихъ не много, какъ думаю. По вашей дружбѣ къ историку не забудьте ничего, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ. Описавъ всѣ наши дипломатическія сношенія Борисова царствованія, начинаю описывать гоненіе Романовыхъ, голодъ, разбои и явленіе Самозванца: это ужаснѣе Батыева нашествія.»

30-го Октября, къ Дмитріеву: «На прошедшей недѣлѣ я почевалъ въ Гатчинѣ, и читалъ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ главу объ избраніи Годунова въ цари, вмѣсто главы изъ романа Вальтеръ-Скоттова, и Гатчинское общество не дремало. Хорошо, если бы

(*) Въ Арзамаскомъ уѣздѣ находилось имѣніе супруги Николая Михайловича.

удалось съ нѣкоторою живостію дойти до конца, мною предполагаемаго, чтобы высоко-благородное потомство, дочитавъ, могло сказать: жаль! — Нарочно для тебя я велѣлъ перевести статью славнаго Нѣмецкаго историка Герена о моей Исторіи.»

«Я хотѣлъ выдать 10-й томъ нынѣшнею зимою, но теперь раздумываю: лучше кажется дописать Исторію Самозванца и тогда выдать: слѣдственно не прежде лѣта или осени».

19 *Ноября, къ нему же*: ...«Совѣтуешь мнѣ издать скорѣе 10-й томъ.... Я самъ не хотѣлъ бы откладывать, но лучше, кажется, выдать Исторію Лжедимитрія уже полную: въ царствованіе Годунова онъ только начинаетъ дѣйствовать. Впрочемъ увижу, какъ пойдетъ.»

11 *Декабря, къ Малиновскому*: «Благодарю васъ за всѣ бумаги архивскія; я не скуденъ матеріалами, однакожъ все еще прошу поискать, не найдется ли чего въ Миллеровыхъ портфеляхъ. Ваше дружеское содѣйствіе оживляетъ мою добрую волю къ исторической работѣ. Выдуманныя рѣчи Гр. Вас. Годунова и Клешнина не прельщаютъ моего воображенія: пусть издаетъ ихъ г. профессоръ! У насъ избраніе Борисово описано весьма подробно въ государственныхъ бумагахъ. Сдѣлайте одолженіе, сообщите мнѣ надпись большой Кремлевской пушки и пищали Троилъ, вылитыхъ Анд. Чоховымъ, съ означеніемъ ихъ вѣса и года (1586 и 1590?.) Нетерпѣливо ожидаю вашего Китая и Бѣлаго города. Въ особенной главѣ, послѣ царствованія Ѳеодора, я сказалъ все, что нашолъ о почтеннѣйшей Москвѣ. Теперь пишу о Самозванцѣ, стараясь отличить ложь отъ истины. Я увѣренъ въ томъ, что онъ былъ дѣйствительно Отрепьевъ-Разстрига. *Это не новое, и тѣмъ лучше*».

(Молодые ученые! Замѣтьте это высокое выраженіе настоящаго ученаго, который радуется истинѣ, а не новости, какъ бы она ни была блистательна).

14 Декабря, къ Дмитріеву: «Выступилъ на сцену, въ Сѣверномъ Архивѣ, мой новый неблагопріятель, какой-то ученый Полякъ *, начинающій свою глубокомысленную критику объявленіемъ, что онъ ни въ чемъ не согласенъ со мною, и что всѣ мои мысли объ искусствѣ историческомъ ложны. Богъ съ ними и со всѣми! Всего забавнѣе, что и Ѳаддей Булгаринъ, издатель Сѣвернаго Архива, считаетъ за должность бранить меня, и пересталъ ко мнѣ ѣздить. По крайней мѣрѣ я дѣломъ либералистъ. Пусть говорятъ и пишутъ, что хотятъ».

1 *Января*, 1823 г., *къ Дмитріеву*: «Мы встрѣтили новый годъ у нашей любезной хозяйки. Я съѣздилъ поздравить Императрицъ, и до обѣда успѣлъ еще написать строкъ десять о Самозванцѣ.»

«Работаю довольно и хожу пѣшкомъ».

12 *Апрѣля, къ Малиновскому*: «Сердечно благодарю васъ и за дружеское письмо и за бумаги Миллеровскія, въ которыхъ я уже нашелъ кое-что любопытное: именно разряды до Михайла Ѳедоровича; бывшіе у меня или такъ далеко не шли, или не такъ подробны. Работаю еще усердно; кончилъ Ѳедора Борисовича и начинаю Лжедимитрія. Буду очень доволенъ, если Богъ дастъ мнѣ хотя осенью начать Шуйскаго. Въ такомъ случаѣ X и XI томы могли бы къ веснѣ поступить въ книжныя лавки, осталось бы написать XII томъ и coup d'oeil до нашихъ временъ, для роскоши, а тамъ.... субботствовать до отбытія въ нашу родину — вѣчность, гдѣ хотѣлось бы мнѣ самому приготовить хорошія мѣста для всѣхъ моихъ милыхъ живыхъ до нынѣ.»

---

* Это Лелевель.

«Сдѣлайте одолженіе, прикажите между моими книгами, лежащими въ Архивѣ, найти 3 или 4 тома in quarto подъ титломъ Geschichte der Slaven, von Gebhardi, и доставитъ мнѣ скорѣе.»

10 *Іюня, къ Дмитріеву*: «Много времени пропало для Самозванца, (вслѣдствіе болѣзни), но можетъ быть это дастъ живость будущей работѣ».

10 *Августа, къ Малиновскому*: «За работу кое-какъ принимаюсь, но не усердно». *

5 *Октября, къ Калайдовичу*: (Карамзинъ благодаритъ его за любопытное извѣщеніе о надгробной надписи Белевой.) «Въ Псковской лѣтописи нѣтъ ничего особеннаго объ этомъ героѣ: тотъ ея списокъ, о которомъ вы говорите, уже давно возвращенъ мною графу Толстому чрезъ его зятя. Монеты Владимировы, золотую и серебряную, я видѣлъ здѣсь и считаю истинными, неподдѣльными. Такъ думаетъ и знаменитый Кругъ. Продолжайте ревностно заниматься нашими древностями, ищите, открывайте и будьте всегда благосклонны къ вашему покорнѣйшему слугѣ, Н. Карамзину».

18 *Октября, къ Дмитріеву*: «Дописываю теперь Самозванца, и думаю въ началѣ зимы приступить къ печатанію двухъ томовъ или томиковъ: въ одномъ будетъ царствованіе Ѳеодора Іоанновича и взглядъ на тогдашнее состояніе Россіи; въ другомъ Годуновъ, сынъ его и Лжедимитрій. Послѣ болѣзни имѣю къ себѣ мало довѣренности: не ослабѣла ли голова съ памятью и воображеніемъ?»

14 *Ноября, къ Калайдовичу*: (Благодаритъ за приложенныя бумаги, особенно за Даніилово слово). «Объ этомъ заточникѣ упомнается въ V томѣ, въ прим. 48 Рос. Ист. Онъ жилъ при Георгіѣ Долгорукомъ. Ростп-

* Разумѣется—вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія.

славъ, не хотѣвшій княжить въ Курскѣ, долженъ быть сыномъ Георгія. Думаю помѣстить въ прибавленіяхъ VIII тома и Даніилово слово, и ваше любопытное извѣстіе о найденныхъ рубляхъ, равно какъ и подпись о Калитѣ. Вы хотѣли мнѣ сказать что-то о вымолѣ. Продолжайте одолжать меня вашими замѣчаніями и сообщеніемъ любопытныхъ бумагъ. Собору я не очень вѣрю. Какъ вы думаете?»

27 *Ноября къ Дмитріеву*: «Новые томы Исторіи печатаю уже на свой счетъ. Сленинъ худо платитъ».

Того же числа, къ Дмитріеву: «Всякій день хожу на поклонъ къ журналисту и содержателю типографіи Гречу: вотъ мой дворъ».

1-го Декабря, къ брату: «Теперь я занимаюсь печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ моей Исторіи, 10 и 11. Хорошо, если они также разойдутся, какъ 9 томъ. Кромѣ авторскаго самолюбія это могло бы поправить и наши экономическія обстоятельства».

3-го Декабря, къ Малиновскому: «Ежедневные мои хлопоты умножились печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ Росс. Исторіи: брожу въ типографію, порчу глаза корректурами, и при томъ оставляю не мало ошибокъ, къ немалой своей досадѣ. XI томъ заключается избраніемъ Шуйскаго. Дописываю ноты къ Самозванцу; а тамъ примусь и за Шуйскаго, если Богъ дастъ».

1-го Января 1824 г., къ Дмитріеву: «Не безъ частыхъ досадъ занимаюсь печатаніемъ, не жалѣю денегъ, а идетъ плохо. О! народъ Русской, котораго Исторію писалъ я съ такимъ чувствомъ! Лучше писать, нежели печатать ее въ Русской типографіи».

21-го Января 1824 г.: «X Томъ отпечатанъ, кромѣ ось-

мушки. Бѣлыя тетради царствованія Разстригина остались у Государя; я велѣлъ снова писать эту главу».

22-го Января, къ Малиновскому: «Спасибо вамъ за дружескіе совѣты, въ разсужденіи печатанія; отчасти я такъ и дѣлалъ, впрочемъ полагаюсь на честность типографіи. Не жалѣю глазъ, усердно занимаясь корректурами. Набираютъ уже XI-й томъ; авось къ половинѣ Марта отдѣлаюсь. Теперь совсѣмъ не пишу Исторіи; отдыхаю или грубѣю умомъ, ослабленнымъ можетъ быть и болѣзнію».

4-го Февраля, къ Дмитріеву: ...«И въ простудѣ хлопочу съ типографіею. Каждый день для меня дорогъ, а печатаютъ медленно отъ безпорядка Русскаго истиннаго».

15-го Февраля, къ Малиновскому: «Прикажите выписать съ точностію, буква въ букву, изъ 1-го № Римскихъ дѣлъ, изъ наказа, даннаго папою Александру Комулею, на Италіянскомъ языкѣ, то мѣсто, которое напечатано въ приложенномъ листочкѣ, въ нотѣ 320, десятаго тома моей Исторіи. Тутъ есть пропускъ и напечатано Sr вмѣсто кажется Sid, и mancaranno вмѣсто mancheranno: такъ ли? буду ожидать поправки. (Нельзя ли прислать на первой почтѣ?). Около 15 Марта надѣюсь раздѣлаться съ типографіею, и доставить вамъ оба тома. Прошу также прислать мнѣ Польскихъ дѣлъ № 28 — 31. Нѣтъ ли у васъ еще чего-нибудь относящагося къ междуцарствію? Прошу еще вашей книжки о Пожарскомъ.»

«На сихъ дняхъ отберу всѣ архивскія бумаги и книги, уже для меня не нужныя, и отправлю къ вамъ.

«Сдѣлайте милость, прикажите скорѣе выписать изъ Римскихъ дѣлъ, что мнѣ надобно. Въ концѣ второй недѣли поста, авось, все отпечатается, а на третьей, или на четвертой, можете получить мои два тома».

20-го Февраля, 1824 года, къ Малиновскому: «Мнѣ почти совѣстно безпокоить васъ одною просьбою за другою: сдѣлайте одолженіе, прикажите найти между моими Нѣмецкими книгами, оставленными въ Архивѣ, Mannerts Geographie der Griechen und Römer, и еще Ueber den Verkehr der alten Welt, von Heeren, и прислать ко мнѣ. Кажется, что то и другое сочиненіе было уже послѣ Московскаго пожара».

5-го Марта 10-й и 11-й томы Исторіи были готовы. За эти томы Карамзинъ получилъ чинъ Дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и вотъ какъ увѣдомилъ о томъ Дмитріева:

Отъ 7-го Апрѣля: «Я какъ-то особенно мраченъ душою, не смотря на данный мнѣ чинъ. Вотъ сюрпризъ! Стою на одномъ ряду съ куликомъ, но еще не дошелъ до нашего любезнаго Кашкина и ученаго графа Ѳед. Андр. Толстаго. Я пробылъ у Государя въ первый день праздника минутъ съ 40, но онъ не сказалъ мнѣ ни слова объ этомъ повышеніи за Годунова и Самозванца».

30-го Мая, къ Калайдовичу: «Съ любопытствомъ и благодарностію читалъ я ваши замѣчанія, которыми вы весьма меня одолжили, и которыми надѣюсь воспользоваться, если еще издамъ новый томъ Исторіи... тутъ видны будутъ ваши труды. Ожидаю и Экзарха Болгарскаго. Хорошо, если бы вы потрудились извѣстить меня о гробѣ Шуйскаго: есть ли на немъ надпись? Какая? Онъ между Царскими памятниками?»

13-го Іюня, къ Дмитріеву: «Пишу Шуйскаго кое-какъ. Исторія моя худо продается. Такъ и быть, кончить надобно, пока живу и могу писать».

22-го Іюня, къ брату: «К. А. хотѣла меня везти въ Ревель, чтобы купаться въ морѣ, но я поупрямился, желая посвятить нынѣшній годъ работѣ. Кажется, однакожъ,

что не много напишу, часто недомогая. Хотѣлось бы скорѣе кончить, прежде охлажденія душевнаго. Впрочемъ, какъ Богу угодно»!

7-го Іюля, къ Дмитріеву: «Пишу мало, однакожъ пишу, во всякомъ случаѣ послѣдній XII томъ. Имъ заговѣюсь для двухъ тысячъ современниковъ (NB. по числу куплепныхъ экземпляровъ) и для потомства, о которомъ мечтаютъ орлы и лягушки авторства съ равнымъ жаромъ».

Къ брату: «По обыкновенію еще занимаюсь своей работой: описываю мятежное царствованіе Шуйскаго; но 12-й томъ долженъ быть послѣднимъ. Если Богъ дастъ мнѣ описать воцареніе Михаила Ѳеодоровича, то заключу мою Исторію обозрѣніемъ новѣйшей до самыхъ нашихъ временъ».

16-го Сентября, къ Калайдовичу: «Отъ всего сердца благодарю васъ за столь обязательное исполненіе моей просьбы, за описаніе Тушинскаго стана, и за доставленіе мнѣ изданной вами важной книги. Съ любопытствомъ занимаюсь теперь ея чтеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Россійская академія оцѣнитъ, какъ должно, трудъ вашъ. При первомъ свиданіи съ г. Министромъ спрошу о томъ. Я спрашиваю у васъ о гробѣ царя Шуйскаго, а не Скопина, дѣйствительно героя, какъ вы говорите».

21-го Октября, къ Дмитріеву: «Съ сердечнымъ удовольствіемъ исполняя твою волю, посылаю тебѣ свой измаранный экземпляръ Маржерета. Пусть остается въ твоей библіотекѣ памятникомъ того, какъ я читалъ и маралъ въ своей исторической дѣятельности! Она уже близка къ концу. Списываю вторую главу Шуйскаго; еще главы три съ обозрѣніемъ до-нашего времени, и поклонъ всему міру, не холодный, съ движеніемъ руки на встрѣчу потомству, ласковому или спѣсивому, какъ ему угодно.

Признаюсь, желаю довершить еще съ нѣкоторою полнотою духа, живостію сердца и воображенія. Близко, близко; но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ, до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого-нибудь паралича. Но да будетъ воля Божія!»

2-го Декабря, къ Малиновскому: «Я написалъ двѣ главы Шуйскаго, но уже около мѣсяца стою на одномъ мѣстѣ».

21-го Января 1825 г., къ Дмитріеву: «Думаю еще болѣе посвятить себя уединенію, если Богъ дастъ совершить историческій трудъ свой, т. е. дописать 12-й томъ и напечатать».

25-го Января, къ Малиновскому: «Евгенія ждутъ сюда. Уважаю его, хотя и не знаю въ лицо. Выѣзжаю такъ рѣдко и съ такимъ трудомъ, что едва-ли могу пользоваться знакомствомъ этого любителя нашихъ древностей. О Десятинной церкви я ничего не слыхалъ: гдѣ объ этомъ писано?»

18-го Февраля, къ Дмитріеву: «Будучи и моложе я не хотѣлъ сражаться съ нашими литературными забіяками. Пусть ихъ единоборствуютъ! Ты говоришь о нападкахъ Булгарина: это передовое легкое войско, а главное еще готовится къ дѣлу, какъ мнѣ сказывали: Магницкій etc. etc. вступаются будто бы за Грознаго. И тутъ ничего не предпринимаю. Есть Богъ и Царь! Безпокойство мое было бы виною передъ Государемъ; онъ долженъ меня знать, а я знаю то, что люблю его душевно. Въ четвергъ, на первой недѣлѣ поста, я имѣлъ счастіе съ нимъ бесѣдовать и пить чай. — Если моя, такъ называемая, слава есть мыльный пузырь, то Богъ съ нею! Желаю не сердиться, и кажется не сержусь»...

19-го Марта, къ Дмитріеву: «Я кончилъ третью главу Шуйскаго: а его еще не скоро кончу. Хотѣлось бы спѣшить: для того не пишу примѣчаній, чтобы скорѣе управиться съ текстомъ. Мнѣ бы здѣсь кончить свой трудъ».

17-го Апрѣля, къ Малиновскому:.. «И я все еще работаю: дописываю Шуйскаго».

Отъ этого же числа писалъ онъ къ *Дмитріеву*. «Спѣшу сказать тебѣ, что ты доставилъ мнѣ письмо М. П. Погодина, но безъ диссертаціи; * слѣдственно не могу еще благодарить его, не видавъ, что имъ написано».

Отъ 27-го Апрѣля, къ нему же: «Прилагаю письмо къ М. П. Погодину, желая ему всѣхъ возможныхъ успѣховъ въ дальнѣйшихъ историческихъ розысканіяхъ:

«М. Г. Михаилъ Петровичъ! Примите изъявленіе искреннѣйшей моей признательности. Съ живѣйшимъ любопытствомъ читаю ваше разсужденіе, писанное основательно и пріятно. Усердно желаю, чтобъ вы и впредь занимались такими важными для Россійской Исторіи предметами, къ чести нашего имени и нашей исторической литературы. Прося о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонности, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть» и проч.

6-го Сентября, къ Тургеневу: «Въ три съ половиною мѣсяца едва написалъ я 30 страницъ».

Къ концу 1825 года, Карамзинъ опять ревностно началъ заниматься Исторіею. **

Въ это время, то есть въ Октябрѣ, Ноябрѣ и первой половинѣ Декабря Карамзинъ кончилъ, должно полагать, царствованіе Шуйскаго, и приступилъ къ описанію междуцарствія, т. е. написалъ 4 главу двѣнадцатаго тома, и можетъ быть началъ 5-й.

* Въ письмѣ своемъ я сказалъ: «У васъ началъ я учиться добру, языку и Исторіи: позвольте мнѣ посвятить вамъ въ знакъ искренней, глубокой моей благодарности первый мой ученый трудъ». (О происхожденіи Россіи).

** См. ниже.

Предлагаемъ здѣсь отметки Карамзина, перечни, и указанія источниковъ для XII тома, которыя сохранились въ его бумагахъ.

Объяснимъ предварительно употребленныя сокращенія.

Грамоты.	Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. М. 1813—1826.
Договоры.	Та же книга.
Д.	Димитрій или Лжедимитрій.
Ермолаевъ.	Выписки, сообщенныя Исторіографу Ермолаевымъ изъ сборника, хранящагося въ Императорской публичной библіотекѣ.
Ж.	Жолкевскій.
Журналы.	«Rzeczy Bіskich za Dymitra opizanie» и «Dyariusz Poslow».
Камень.	Дипломатическое собраніе Бантыша Каменскаго.
Латух.	Латухинская Степенная книга.
Львов.	Львовскій Лѣтописецъ.
Л.	Лѣтописецъ.
Л.	Листъ.
Н. Л. Ник.	Никоновскій лѣтописецъ.
Об.	На оборотѣ.
Румянц.	Румянцовская рукопись.
Ryeczy Rz.	Rzeczy Polskich za Dimitra opisanie.
Уваровъ.	Хронографъ, принадлежавшій Уварову.
Ф.	Рукопись Патріарха Филарета.
Ш.	Шуйскій.

ЦАРСТВОВАНІЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Carax imperii, nisi imperasset,

Г. 1606 = 1610.

—

Никон. 76.
Родъ—Клятва—Грамоты—Іовъ прощаетъ вѣроломныхъ: Ермолаевъ. Никон. Патріархъ:—
Журнал.
Ссылка Власьева—Игнатія заключаютъ—
Грамоты о томъ, П. Л. 79 Никон.
Мощи Іюня 3 Разсылаютъ Поляковъ—Посольство въ Литву — Измѣны * городовъ — П. Л. 79. Осада Ельца—Моръ въ Новѣгородѣ — Петрушка — бунтъ крестьянъ и холопей. 80.

Грамоты 300.
1) Присяга Царю.
2) отъ Бояръ.
3) отъ Царя.
4) отъ Мареы.
Іюня 2.
5) Царя о подробностяхъ.
Никон. (Палицынъ).
6) Мареы о мощахъ къ жителямъ Ельца.

1) родъ
2) клятва
3) грамоты
4) мощи
} Коронація? не 24 24 Патріар.

Матеріалы:

Журналы 2.
Беръ —
Паерле —
Де-Ту —
Филаретъ,
Никон.,
Морозов.,
Аврамій.,
Латух.,
Хронографы.
Псков. Лѣт.

* Хронографъ.: Сѣвера боится мести, и къ Полякамъ—Царь къ миру уговаривать Митроп. Пафнутія.

Іовъ ослѣпъ: разрѣшаетъ народъ (Ермолаевъ?)

Петрушка: Иваномъ Ивановичемъ — холопъ Свіяжск. Головы Стрѣлецкаго Григорія Елагина—

—

(2 Іюня Rzeczy 67)

21 Мая Маршу къ Минску, который обходился съ нею, etc. 101.— См. Нѣмцев.

Жолкеровъ
Выслали Поляковъ къ границѣ: Rzeczy 67.

6 Іюня (Н. С.) Послы съ боярами во дворцѣ. 103 об. (пышность исчезла;какъ похороны).

Рѣчь: «объ немъ не можемъ жалѣть.»-76. Rz.

Коронація 1 Іюня (въ Воскресенье) Rzeczy 67 и 119 об.
2 — тѣло Димитріево въ Москву (въ другомъ 123 об., какъ убили Романка)
9. Іюня. Мнишекъ у Бояръ. 67: вещи присланы къ Маринѣ.
78: Наши Послы въ Литву 22 Іюня. 25 Іюня смятеніе въ Москвѣ: 79.
79: Сослали Аѳон. Власьева :къ нему въ домъ воеводу и Марину (домъ Борисовъ горитъ 83) См. другой журналъ 111.
—Бояре властнѣе царя.
Іюля 1 Слухъ, что Дим. живъ—Слух. о пораженіи. 82.
80) 1 Авг. Мятежъ: шлютъ войско на мятежниковъ.—
80) Вишнев. etc. въ Кострому—другіе въ Ростовъ, Тверь. 81.
81) Царь къ Троицѣ.
82) Мнишекъ въ Ярославль.
84) Сосланъ въ Сибирь Боярин Ив. Томилчинъ (Троекуровъ. Ник. Лѣт. 95.)
86: — 17 Авг. вѣсть, что 5000 у Ельца побито—96 еще побито.—еще 97.—98. Побѣда.—107.—Смятеніе 108 и 109 —111 Клятва Ш. побѣдить—114. 117.—112. въ желѣзы Медиковъ.

въ Окт. 1607. Письмо Харлескаго о второмъ Димитріи, въ Нѣмцевич. переводѣ 23, въ оригиналѣ 302.

ПОВѢСТЬ О РАЗОРЕНІИ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА. № 95.

л. 7: Атаманы: Истома Пашковъ, сынъ Болрскій, и Ивашко Болотниковъ, человѣкъ Телятевскаго. Прилагаются къ Петрушкѣ холопи.

См. Дѣла Польск.

Кто второй Димитрій? Веревкинъ.
Между тѣмъ Шуйскій подъ Гулою.—
л. 8: Тушинскій казнитъ Самозванцевъ. (NB. Грамота къ его войску отъ бояръ. См. въ Румянцевѣ.)
1½ года осаждаютъ Троицу.
Приходитъ К. М. Шуйскій—воръ бѣжитъ. Михаилъ умеръ. Шведы бѣгутъ.
Панъ Жолкевскій приходитъ къ Москвѣ.
Шуйскаго монаха ссылаютъ въ Іосифовъ монастырь. Тутъ и. гл. Салтыковъ о Владиславѣ.
Впускаютъ Поляковъ въ Москву: посольство къ Королю.

л. 9. Отвозятъ Шуйскаго.

Воръ отъ Москвы къ Калугѣ, и тамъ убитъ.

Трубецкой, Ляпуновъ.

Общій постъ въ Россіи.

Третій Димитрій въ Иванѣ городѣ, иво Псковѣ: см. Псков. Лѣтоп.

Войско подъ Москвою крестъ ему цѣлуетъ; но Троица нѣтъ..

Казнь вору.

Лучшаго воеводу, Ляпунова, убиваютъ мятежники; лучшіе люди разъѣхались,

л, 10. —Заруцкій съ Мариною и съ ея сыномъ бѣжитъ отъ Москвы, пойманъ и казненъ съ Мариною.

БЕРЪ.

1606.

Король: «не вступаюсь за убіенныхъ; но если ихъ ближніе за нихъ захотятъ мстить, то не помѣшаю: подарки возвращаю. Послы и другіе Поляки свободны.

л. 74. об. Выгоняетъ Докторовъ; но Васмара Лейбъ-Медикомъ.

Умерщвленіе младенца въ Угличѣ.

75: К. Григ. Шаховской, похитивъ, во время убіенія Д., золотую Госуд. печать, съ двумя Поляками бѣжитъ въ Путивль: тамъ собираются Казаки; избираютъ въ вожди Истому Пашкова,—до Ельца все ему покорно.

77. въ Авг. къ Ельцу Царское войско; бьютъ его.

78. Перевозятъ тѣло Борисово: тутъ Ксенія.

79. Истома къ Коломнѣ и на Котлахъ; многіе бѣгутъ изъ Москвы.

—Болотниковъ къ Истомѣ (изъ Венеціи) съ войскомъ: видѣлся съ Дим. у воеводши Сендомирской.

см. Никон. Лѣт. 83.

80. Истома передается Шуйскому: переговоры съ Болотниковымъ. Требуютъ мнимаго Д., но онъ остался въ Польшѣ. (81)

Ш. бьетъ Болотникова—и осаждаетъ его въ Калугѣ отъ 30 Дек. до 3 Мая, 1607.

1607.

82. Шаховской призвалъ Петрушку и съ нимъ въ Тулу.

— Шведъ предлагаетъ помощь: отвержена.

83. Д. Фидлеръ берется отравить Болотникова; обманываетъ— и сосланъ въ Сибирь.

84. Петрушка бьетъ Москвитянъ.
— въ Іюнѣ Царь осаждаетъ Тулу.
85. Изъ Тулы посылаютъ въ Польшу требовать Димитрія:—является школьный учитель съ Поляками.
87. Онъ въ Стародубѣ (NB. письмо Поляка въ Нѣмцевичѣ? 23)
Simonis.
89. Тула сдается въ день Симона и Іуды.
— Судьба Болотникова и Петрушки.
см. Никон. Лѣт. 91.
90. Шаховской на свободѣ—50 Нѣмцевъ въ Сибирь.
— Калуга не сдается: Козаки обманываютъ Царя.

1608.

Къ Димитрію многіе Поляки; идетъ къ Брянску. См. Никон. Лѣт. 92.
92. Измѣны Нѣмца.
93. Раздаетъ помѣстья (Ник. Лѣт. 80).
— Измѣна Нѣмцевъ.
94. Сраженіе Ружинскаго съ Москвитянами (Никон. Лѣт. 95.)
95. 1 Іюня Димитрій подъ Москвой.
—въ Тушинѣ отъ 29 Іюня до 29 Дек. 1609.—
96. Посылаютъ Маршу въ Польшу: Д. беретъ ихъ, разбивъ провожатыхъ.
— Волшебства Шуйскаго. Мосальскій къ Д., и объявляетъ, что онъ воръ, 97.
97. Скопина къ Шведамъ. } У Д. 100 т. воиновъ
— Сапѣга осаждаетъ Троицу }
98. Переславль сдается. Филаретъ Патріархомъ — Ростовъ, Ярославль.
99.—Кострома, Галичь, Вологда.

1609 (годъ ужаснѣйшій!)

100. Сигизмундъ къ Смоленску съ 20 т. (осаждалъ около двухъ
11. Іюлп. Ф.
лѣтъ, до 13 Іюня 1611): славная оборона; съ обѣихъ сторонъ погибло 80,000.
101. об. Разореніе отъ Крымцевъ.
Возсталъ Ляпуновъ, будто и противъ Д. и Шуйскаго и Поляковъ.
— Отпали отъ Д. Вологда, Галичь, Кострома, Романовъ, Ярославль, Суздаль, Молога etc. Возстаніе крестьянъ.
103. въ Генвар. 1609 Скопинъ и Де-ла--Гарди въ Новгородъ съ 3000—Осада Новагорода—Поляки бѣгутъ.

Титулъ Д.—
104—105. Скопинъ къ Москвѣ—Лисовскій во Псковѣ послѣ передачи Д—ва войска къ Королю.
105. об. Сигизмундово посольство въ лагерь къ Д. въ Дек. 1609.
106. Бѣгство Димитрія въ Калугу: строгость къ Нѣмцамъ. Беръ etc.

г. 1610.

109. Убіеніе Скотницкаго.
110. Марина въ Калугу.
— Салтыковъ къ Королю.
— Скопинъ и Де-Ла-Гарди въ Москву.
111. Умореніе Скопина.
— Переговоры Поляковъ съ Д.
113. Шведы разбиты и Русскіе.
114. Д. хочетъ топить Нѣмцевъ: Беръ.
120. Бунтъ противъ Шуйскаго трехъ Бояръ, Ляпунова, Молчанова. Рѣзецкаго.
121. Владислава избираютъ: посольство къ Королю,
123. Д. къ Москвѣ.
Поляки въ Москвѣ.
124. 11 Дек. Убіеніе Димитрія.
125. Марина родитъ сына.
— Шуйскаго въ Польшу.

См. о сынѣ въ бумагахъ Малиновскаго.

г. 1611.

127. Всѣ города Димитріевы къ Москвѣ.
130. Рѣзанье въ Москвѣ.
136. Заключеніе Патріарха,
137. Поляковъ осаждаетъ въ Кремлѣ Ляпуновъ.

ПАЕРЛЕ.

1606.

62. 4 Іюня Послы должны къ рукѣ Царя; но мятежъ въ народѣ и стрѣльцахъ.—Мощи Димитрія: также объ убитомъ младенцѣ.
63. 5 Іюня. Одинъ Госѣвскій у Дм. Шуйскаго; 6-го съ Боярами видѣлись; рѣчи какъ въ Журналѣ.
78. об. Слухъ убитъ втѣсто Д. его драбантъ изъ Праги.

1607.

20. Марта. наши Послы назадъ въ Москву отъ Короля.
88. на об. 25 Сент. комета въ Москвѣ.

90. об. 10 Ноября Шуйскій изъ-подъ Тулы въѣзжаетъ въ Москву съ 2000 всадниками; народъ ему на встрѣчу; Царь въ каретѣ на бѣлыхъ коняхъ, выходитъ и идетъ за образами въ Кремль. 12 Н. къ Троицѣ; 17 возвратился въ Москву.

92. Представленіе Пословъ Польскихъ.

КАМЕНСКІЙ.

Имѣніе Марины 382.

Послы наши сказываютъ, что К. Телятевскій, Гр. Шаховскій, Мосальскій и Болотниковъ пристали къ Самозванцу Петру. 388.

Шуйскій женился 17 Генв. 1608 на дочери Буйнос. Ростов. Екатеринѣ: ей въ Царицахъ дали имя Маріи и у нихъ дочь, Царевна Анастасія. 391.

392. Перемиріе съ Польшею на 3 года: въ слѣдствіе того Мнишка отпустили: см. условія и о Маринѣ, о возвратѣ имѣнія.

394. Второй Д. у Вишневецкаго и Ружинскаго.

397. Нарушеніе договора Послами: ѣдутъ къ нему. (№ 30, л, 98.)

398. Письма, Марины къ отцу, Папѣ etc.

Настояніе Мнишка объявить намъ войну.

Палицынъ.

402. Король объявляетъ намъ войну. — Дѣла важныя. Зло но и добро.

Поведеніе Духовенства. Прекрасная заря славы Пожарскаго.

Въ Исторіи о междоцарствіи. л. 33 на об. «въ ѣто 7133, въ Іюлѣ, преставися Царица Елена, дочь Боярина К. Петра Пв. Буйносова—Ростовскаго.»—36 об. Царица Пв. Вас., Дарья Ив. Колтовская умерла около 7136. Жена Царевича Ив. Пв. (л. 33) умерла около 7132.

См. грамоту Англ. къ Іакову, чтобы Англія взяла Россію.

НИКОН. ЛѢТ.

г. 1606.

1 Іюня

Присяга Царя. — Ему присяга. — Вѣнчаніе. —

Іовъ ослѣпъ по Хронографу Ключарев. (при Полякахъ спова Патріархъ.)

Посвященіе Патріарха. — Заключеніе Игнатія въ

(въ Перс. къ Цесарю; Шведы)

Чудовѣ. — Разсылка Поляковъ: — наши послы въ Литву—Царь мститъ многимъ людямъ.— Дѣла. л. 9, 123, 125 об., 127.

Бунтъ въ Украйнѣ отъ Шаховскаго — Пренесеніе

убіеніе младенца

мощей Димитрія.—Грамоты Царскія во всѣ города См. Бер. 75, 77, 79. ДѣлаПольскія № 26, л. 253 и Камен. 388).

въ Авг.
о Димитріи. — Войско въ Украйну и къ Ельцу безъ успѣха—Моръ въ Новѣгородѣ—воръ Петрушка. (См. Хронографъ Уварова объ Астрахани и Петрушкѣ, о бунтѣ, о Ляпуновѣ и проч.)—

(См. Бера). Беръ перепозъ тѣла Борисова и Ксенія (78).

(послѣ Сент.)

Хронограф. Ключарев. о Шуйскомъ: Царь безъ денегъ и людей храбрыхъ есть о-щипанный орелъ.

Бунтъ крестьянъ и людей боярскихъ подъ начальствомъ Болотникова (Беръ 79 об.) Воеводы отъ Ельца идутъ. У Царя не много людей въ Москвѣ.—

См. Уварова Хронографъ.

Бунтъ Рязани, Тулы, Коширы: къ Шутивлю. Избираютъ Пашкова и соединяются съ Болотниковымъ; идутъ къ Москвѣ; берутъ Коломну. — Бунтъ Астрахани: туда войско; цынга—Мордва и крестьяне осаждаютъ Нижній—Смоляне славно идутъ на помощь Москвы; раскаяніе нѣкоторыхъ городовъ и Рязани.—Скопинъ бьетъ Болотникова.—Пашковъ передается Царю (Беръ 80).—Болотниковъ осаждаетъ въ Калугѣ.

См. Уварова. (Ляпуновъ по Уварову пожалованъ въ Думные Бояре). См. Уварова: тутъ Князь Телятевскій.

1607.

Вездѣ см. Уварова.

Посылка Бояръ съ войскомъ противъ разныхъ городовъ. Осада Калуги. — Прокофій Ляпуновъ въ Переславлѣ. Въ Тулѣ осаждаютъ Князя Андрея Телятевскаго, который бьетъ Царское войско.—

См. Берд о Шаховскомъ и Петрѣ.

Иванъ по Уварову 536, 85
К. Вас. Мосальскій съ ворами побиты близъ Калуги: воры подрывались порохомъ.—

85
Петрушка въ Путивль, бьетъ вездѣ Воеводъ, мучительство (пишетъ къ Королю: Дѣла Польск. №26, л. 253); войско его изъ Тулы въ Калугу, и бьютъ нашихъ—наши бѣгутъ отъ Калуги. Подъ Козельскимъ бьютъ воровъ: воевода Измайловъ въ Мещовскъ.

87
Царь къ Тулѣ (въ Іюнѣ). Бьютъ воровъ подъ Каширою, храбро. Царь беретъ Алексинъ: бьютъ воровъ на Воронеѣ.—Осада Тулы.—Измѣна Князей Урусовыхъ.

Уваровъ.

Тутъ Ляпуновъ по Уварову

Явленіе Димитрія въ Стародубѣ—(Дѣла, л. 186 об., 197, 199, 200, 213, 215, 293: Заболоцкой, и бородовка на лицѣ). — Д. къ Тулѣ: Царь беретъ ее въ день Симона и Іуды: судьба Петрушки, Шаховскаго и Болотникова, (см. и Бера 89. об. 90 и на об.).

Повѣсть о разоренія, л. 7.

Письмо о Лжедим. въ Нѣмцевичѣ. Характеръ сего вора въ Нарушев.

Беръ л. 85 и об. 91. 92, 93. (См. Уварова: 1 Окт.).

1608.

Д. бѣжитъ на Сѣверу—къ нему Ляхи. Воръ къ Брянску, гдѣ голодъ, Къ вору Козаки и привели къ нему Царевича Ѳедьку: его казнилъ.

Уваровъ 541 об.: Свадьба Царя (см. Каменскаго) и посылка войска съ Дм. Шуйскимъ.

Брянскъ запасенъ. Храбрость нашихъ; битвы. Но воеводы отходятъ къ Карачеву. Воръ впередъ, и зимуетъ въ Орлѣ. Къ вору, Панъ Ружинскій,— (См. Бера 94).

544. об. Ляпуновъ ранепъ.

Бракъ Царя (NB. [95] въ Псков. Лѣт. гдѣ о его разслабленіи?)—Бояре къ Болхову и къ Орлу. Битва съ Ружинскимъ (Беръ 94); теряютъ пушки etc. Болховъ сдается.

Увар. 545.

Дѣти Боярскіе [96] къ Москвѣ. — Скопинъ противъ вора. Умыселъ трехъ Бояръ и [97] наказаніе—(См. Журналъ).

См. Львов. 220 221, 223.

Воръ къ Уваровъ Москвѣ,—и въ Тушинѣ. (Уваровъ, 545: Царь противъ него).

Беръ, (95) 29 Іюня.

Ружинскій требуетъ отъ Царя свободы Пословъ: въ расплохъ Литва бьетъ наше войско.

(ихъ имена).

(Тутъ измѣны въ Москвѣ по Ув. 548.).

См. Нѣмц. Липовскій бьетъ Захар. Ляпунова подъ Зарайскимъ; беретъ [98] Коломну—Наши бьютъ его на Москвѣ рѣкѣ. 99.

(Увар. 549.) Ув. 549

Осады Троицы по Ув. 548 об.

Отпускаютъ пословъ и Сендомирскаго въ Литву— Заговоръ нашихъ измѣнниковъ съ Госѣвскимъ— Марина съ отцемъ къ вору.— [100]

Ув. 549.

(1609 г.)
По Увар. 548. об. 550

Скопинъ въ Новгородъ нанимать войско [Шведы 10000] (Его лѣта и Де-ла-Гарди въ Видекиндѣ). 1, 2.

См. Бера.

Сапѣга и битва — наши расходятся по [101] домамъ.—

См. Ув. 550.

Цѣлованіе креста [101] въ Москвѣ.—Измѣны— Царь вступаетъ въ Москву.

Осада Троицы (102).—Измѣна Суздаля.[103]

Измѣна Переславля: доблесть Филаретова въ Ростовѣ; везутъ его въ Тушино.

Берутъ Шую. — Измѣна городовъ (см. Бера;) бьютъ Литву подъ Коломною—*Пожарскій* бьетъ ее тамъ же.[106]

Въ Уваров. битвы подъ Москвою до Троицы—1609 л. 350.

Скопинъ: бѣжитъ въ Орѣшекъ, гдѣ Мих. Салтыковъ пакостник. Измѣна Пскова. Скопинъ опять въ Новгородъ и собирастъ войско. Воры туда изъ Тушина. Убиваютъ Татищева по наговору въ измѣнѣ. 108. Литва уходитъ.

Мордва и воры къ Нижнему: бьютъ ихъ, и вѣшаютъ вора Вяземскаго. Шереметевъ очищаетъ многіе города и идетъ къ Москвѣ—Нижегородцы бьютъ воровъ.

Вологда, Устюгъ, обращаются; но нашихъ бьютъ. 111.

Бунтъ противъ Царя. 111; въ немъ одинъ К. Василій Голицынъ. Твердость Патріарха и Царя. Человѣкъ 300 бѣгутъ въ Тушино.

Осада Коломны.

Казнь Боярина Колычева.

Дороговизна въ Москвѣ; бѣгутъ въ Тушино.[112] Нѣкоторы изъ Тушина и говорятъ, что воръ. Народъ удерживается. Хорошія вѣсти изъ Новагорода.

Бьемъ Бобовскаго[113] подъ Москвою. Шереметевъ идетъ къ Москвѣ. Владиміръ обращается: убиваютъ Воеводу измѣнника.[114]

Бьемъ Литву подъ Москвою.

Шереметевъ въ Нижнемъ, ратуя счастливо;[115, 116] беретъ Муромъ, Каспмовъ.

На Троицынъ день.

Царевичи въ Астрахани:[117] ихъ вѣшаютъ въ Тушинѣ. Не вѣдаютъ Тушинскаго. Знаетъ Церковный кругъ.

1609 (см. Бера 103.)

Нѣмцы въ Новгородѣ въ Генварѣ. (см. Договоры.

Битвы съ измѣнниками[118] Исковскими. Бьютъ Литву у Торопца.
Битва у Торопца[119] (см. Филарета). Походъ
Скопина къ Москвѣ: битвы.[120]
Города казну[121] Скопину. Битвы:[122] бьютъ насъ у Суздаля.
Беремъ Переславль.
Дороговизна въ Москвѣ, и опять на Царя:
смиряются,[123] свѣдавъ о Скопинѣ.
Подъ Слободою бьемъ Литву.
(См. Бера 101.)
Ляпуновъ поздравляетъ Скопина на Царство, браня Царя: Скопинъ деретъ грамоты, но отпускаетъ вручителей: отселѣ злоба Царя на Скопина.
Сходъ войска у Скопина.[124] Ув. 551. об.
Худо въ Москвѣ.[125] Измѣна въ Красномъ селѣ.
Югутъ Деревянный городъ, но бьютъ Литву. Спшбка у Николы.
Пожарскій бьетъ[126] Литву. Еще спшбка у Можайска.
Неудача Скопина на Суздаль.
Салтыковъ въ Тушинѣ и къ Королю о Владиславѣ, бѣжитъ воръ въ Калугу (см. Бера): шумъ въ его лагерѣ.

1610.

Марина въ Калугу.
Осада Троицы.
Скопинъ бьетъ Сапѣгу 130.
Бѣгство изъ Тушина: освобожденіе[131] Филарета. Ув. 551.
Входъ въ Москву Скопина 131. Смерть его, 132 (о характерѣ его Ключаревъ и Видекиндъ). Ув. 552.
Войско наше къ Смоленску. Войско не любитъ Дм. Шуйскаго за гордость. См. Ключарев. и Палицына.
(См. Бера 101.) (См. Бера 101.)
Ляпуновъ возстаетъ 133 за Скопина. Пожарскій непристаетъ къ нему.
Бьютъ нашихъ и Нѣмцевъ 135. Ув. 552 об. и 553 об.
Князь Василій Голицынъ съ Ляпуновымъ. Арзамасъ 553.
Воръ къ Москвѣ изъ Калуги. Крымцы въ помощь, дерутся и уходятъ назадъ 136. Ув. 553 об.
Змѣевъ въ Пафнутьевѣ: храбрость Волконскаго. Убіеніе Кн. Голунова.
Воръ беретъ монастырь.

Измѣна Коломны 137.
Пожарской въ Зарайскѣ вѣренъ.
Въ Іюлѣ 1610, бунтъ противъ Царя. Ссылаются съ ворами Тушинскими. Сводятъ въ свой домъ. Числа см. въ Ключаревѣ.
Чудеса по Ключареву; совѣты съ Тушинскимъ.
Владѣютъ Бояре 129 и ссылаются съ Тушинскими, чтобы поймали вора: тѣ смѣются. Постригаютъ Шуйскаго (см. Филарета). См. Увар. 555 и Ключарева.
Въ Ключаревѣ бунтъ, брань, пьянница, блудникъ Шуйскій: оправданіе; твердость Царя въ Февралѣ; бѣгутъ къ Тушкинокому.
Увар. 554, совѣтъ: дають ему удалъ.
См. Также Львова 220 etc. Ядро Р. И. 325, 326. Палицын. 189.

ПРОДОЛЖЕНІЕ НИКОН. ЛѢТ. ПОСЛѢ ШУЙСКАГО.
ЛѢТОПИСЬ О МЯТЕЖАХЪ.

1610.

Смоляне изъ Москвы къ Жолкѣвскому, 140.
141
Гетманъ Ж. къ Москвѣ. Ермогенъ съ условіемъ. Салтыковъ и Молчановы требуютъ благословенія у Патріарха.
143
Посольство наше къ Королю.
144
Впускаютъ Литву въ городъ.
Воръ бѣжитъ въ Калугу.
145
Литва, Колязинъ, Луки. Посылаютъ изъ Москвы Ив. Салтыкова съ войскомъ въ Новгородъ.
Іюля 5 (?? Августа. по Увар. Келарь Аврам. Имѣна всѣхъ пословъ: ихъ дѣла.
Ссылаютъ Шуйскаго въ Іосифовъ монастырь, жену его въ Суздаль. (У нихъ дочь).
Наши Послы у Короля: Шеинъ.
147
Гетманъ съ Царемъ къ Королю.
149
Убіеніе вора въ Калугѣ: Увар. 558.
Увар. 555: кто владѣютъ въ Москвѣ?
150
Убіеніе Бѣльскаго въ Казани.
Аврамій уѣхалъ въ Москву 557.
131
Утѣсненіе Москвитянъ; Ляпуновъ. Собраніе войскъ.
Письма Ермогеновы къ городамъ 557.
Сношеніе съ Калугою. Увар. 558.

Г. 1611.

Въ Ключаревѣ характеръ Ермогена.

Увар. 558 об. Ляпунов. 559. Увар. 558 и 559: Трубецкій и Заруцкій изъ Калуги.

Бояре и Патріархъ:гнусный Салтыковъ. 152

Утѣсненіе нашихъ Пословъ. 154

Дѣйствія Ляпунова: Пожарскій.

Патріархъ подъ стражею. 156

Никто нейдетъ за вербою.

Поляки начинаютъ убійства.

Войско наше къ Москвѣ. 159.

Сводятъ Ермогена: на его мѣсто опять Игнатія, 160.

Берутъ подъ стражу нашихъ Пословъ подъ Смоленскимъ.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ О МЯТЕЖАХЪ.

227. Измѣнники убѣждаютъ Ермогена писать къ городамъ.
227. Убіеніе Ив. Салтыкова въ Новѣгородѣ.
228. Воеводы изъ-подъ Москвы посылаютъ оберегать Новгородъ.
229. Король велитъ бить Смоленскихъ Дворянъ.
— Взятіе Смоленска.
231. Битвы Сапѣги подъ Москвою.
— Идетъ къ Переславлю.
233. Воеводы наши берутъ Бѣлгородъ.
— Посылаютъ въ Новгородъ выбирать Шведскаго Принца.
— Убіеніе Ляпунова.
236 Приносятъ образъ изъ Казани.
237. Даютъ Смолянамъ земли въ Арзамасѣ.

(См. Уваров. 562, выгнали ихъ оттуда; призваны въ Нижній къ Мининну): тутъ вся Исторія Пожарскаго: о ворѣ Псковскомъ.

237. Взятіе Новагорода Шведами .. цѣлуютъ крестъ Королевичу.

Уваровъ 560, 561 об. въ Іюлѣ приходятъ подъ Москву Казанцы etc., берутъ Дѣвичій.

563. Трубецкій и Козаки цѣловали крестъ вору Псковскому, Матюшкѣ Дьякопу Заяузскому. Шереметева на колъ посадили.

240. Лай Козаковъ. Разъѣзжаются изъ-подъ Москвы.
241. Сапѣга къ Москвѣ.
— Черкасы берутъ Козельскъ.
— Гетманъ подъ Москву; битва. Идетъ зимовать въ Рогачевъ.

564. Сковали вора и привезли подъ Москву. Шведы взяли Новгородъ въ 1608 г.

Уваров. 565 на об. берутъ Кремль: Михаилъ избранъ.

242. О Сидоркѣ, ворѣ Псковскомъ.
243. Тайный постъ; видѣніе.
245. Бьютъ Черкасъ.
— Шведы берутъ Иваньгородъ, Ямy etc.
246. Пожарскій и Мининъ: вся исторія.

250. Смерть Ермогена.
256. Псковскаго вора берутъ: Трубецкій и Заруцкій исправляются.
256. Подъ Москвою хотятъ къ Шведу: посылка въ Новгородъ.
257. Казанцы къ Москвѣ.
258. Шлютъ противъ Черкасъ.
259. Бой съ Козаками подъ Угличемъ.
260. Митрополитъ Кириллъ въ Ростовѣ.
— Выгоняютъ Козаковъ изъ Переславля.
— Послы изъ Новагорода.
261. Умыселъ Заруцкаго противъ Пожарскаго.
263. Трубецк. и Заруцк. зовутъ Пожарскаго къ Москвѣ.
264. Пожарскій шлетъ часть.
265. Украинцы подъ Москву.
266. Пожарскій къ Москвѣ.
267. Побѣгъ Заруцкаго.
268—295. Походъ и взятіе Москвы.
292. Черкасы берутъ Вологду.
295. Козаки бунтуютъ.
296. Король въ Вязьмѣ.
297. Жолкѣвскій къ Москвѣ.
298. Приступъ Литвы къ Волоку.
— Король изъ Россіи.
299. Бьютъ Заруцкаго у Переславля.
300. Шведы о своемъ Принцѣ. имъ прямой отказъ.
301. etc. Избраніе Михаила.

ПАЛИЦЫНЪ.

Царь посылаетъ Митрополита Крутицкаго утоваривать Сѣверянъ, 30.
Ежегодно грабятъ Татары и Черкасы.
Лжедимитрій есть сынъ поповскій, Матвѣй Веревкинъ, 31.
Пируютъ за столомъ; а тамъ одни (изъ Москвы) идутъ въ палаты къ Царю, а другіе ѣдутъ въ Тушино.
Перебѣжчики, *перелеты*.
Русскіе злѣе хуже Поляковъ, 32: *расписать* это звѣрство.
Измѣны, подлость Тушинскихъ.
Насилія женъ, 34, 45, 46.
35 И въ битвахъ прельщаютъ другъ друга.
36 Царемъ играли какъ дѣтищемъ: отъ одного къ другому.
37 Считается за стыдъ доносить на измѣнниковъ; но казнитъ Царь и невинныхъ.
40. Измѣна Князя Петра Уруса, женатаго на вдовѣ А. Шуйскаго.
Касимовскій Царь къ вору.
Осквернсніе святынь и 47.
41. Бѣгство, пожары ночью вмѣсто луны.
43. Звѣри вырываютъ хлѣбъ изъ ямъ: измѣнники все истребляютъ, (доброе поведеніе Духовенства).
44. Ругательство надъ Филаретомъ и Епископами.
50. Гдѣ? гдѣ!
52. Палицынъ въ Москвѣ во время осады.
55. Одни Поморскіе города вѣрны (и 56).
— Какъ проходятъ въ Москву.
57. Заслуги Лавры (59, 60).
58. Посольства Царя въ Англію, Данію.
61. Начало осады 23 Сент. 1608.
63. Воеводы осадные.
64. Вылазка.
62. Выжигаютъ селенія вокругъ.
— Литва строитъ станъ и остроги.
63. Устроеніе осады въ монастырѣ.
65. Цѣлованіе креста.
66. Грамоты.
72. Приступы, туры, валъ.
73. Стрѣльба Окт. 3.
76. Покаяніе.

77. Подкопы и миръ, Сапѣги.
78. Приступы.
83. Вылазка и плѣнъ.
85. 86. Паны, число войска.
Раненыхъ тяжело постригаютъ.
88. 91. Узнали, гдѣ подкопъ.
94. 500 Козаковъ на Донъ.
95. Ворота въ ровъ.
95. Рветъ ноги и руки у Старцевъ.
97. Ядра въ церковь.
98. Сбиваютъ славную пушку.
100. Вылазка; *Исакъ Сергій*; находятъ подкопъ, зажигаютъ. умираютъ.
101. Умираетъ за брата измѣнника.
104. Ноябр. 9: отнимаютъ батареи.
На Красной горѣ батареи Литовскія и на Волкушѣ и въ Терентьевск. рощѣ.
106, 107, 8 пищалей: цѣлый день драка. Число убитыхъ (108) Литовцевъ 1500. Вѣсть къ Царю 109.
109. Хитрость Сапѣги тщетная.
110. Вылазки: имена тутъ Старцевъ, 111.
113. Герой Суета, даточной. Имена Героевъ.
114. Раненъ Лисовскій. 115. Убитъ Горской.
116. За дровами, 127.
116. Измѣна казначея.
121. Измѣнники воду отнять, 122. — Еще измѣна, 123.
123. Литва отступаетъ въ таборы.
124. Вылазки свободныя.
129. Моръ, 17, цынга.
130. 132. Умерло, 297 иноковъ, иныхъ 500: всѣхъ 2125 (134): смрадъ, 133.
134. Престаютъ вылазки.
— Литва съ деревьевъ смотрятъ въ монастырь, зовутъ.
135. Посольство къ Василію, Келарь напрасно.
136. 60 Козаковъ и порохъ.
— Казнь плѣнныхъ.
140. Панамъ даютъ меду; обманы.
141. Трубачъ въ дружбѣ съ Воеводою.
142. Панъ нѣмой къ намъ.

144. Открываютъ измѣну трубача.
145. *Охрабряетъ* чудотворецъ.
146. Витязь Ананія ранитъ Лисовскаго.
147. Еще витязи,—7 Мая.
148. Освященіе храма; болѣзнь минуетъ.
149. Приступы 27 Мая (прежде негодные сдѣлались храбрецами).
154. Вѣсть о Скопинѣ и Шереметевѣ, 156.
155. Поляки встрепенулись; готовятся къ битвѣ.
155. Михайло Салтыковъ и Грамотинъ измѣнники, обманываютъ: будто сдался и Скопинъ и Шереметевъ.
157. Не вѣрятъ.
158 Пришолъ отъ Скопина.
— Памѣтка Зборовскаго: *лукошко*.
158. Приступъ *Іюля 31* (??).
— Въ обители не болѣе *двухъ сотъ*.
160. Бѣгутъ Литва.
161. За дрова бьютъ, 162.
— Отчаяніе въ монастырѣ.
Августа?
168. *Паки* идутъ противъ Скопина. Іюля 5 (??).
170. Надъ ними побѣда: опять къ Троицѣ и еще битвы, 171.
171. Узнавъ отъ перебѣжчика, Троицкіе вылазку.
172. Награбленныя стада у Троицы 15 Авг.
173. Къ Скопину о помощи: приходитъ Жеребцовъ.
174. Сколько еще хлѣба?
175. Іоасафъ *проститъ*.
— Когда ушолъ Сапѣга?
179. Генв. 12 ($16^{9}/_{10}$?).
177. До Жеребцова *просто* дрались, да было *лучше*, безъ Нѣмецкой *мудрости*, 178.
178. 4 Генв. Волуевъ отъ Скопина съ 500; битва съ Сапѣгою: бѣжитъ, бросая богатство.
180. Изъ Троицы со Св. водою въ Москву.
168. Скопина битва.
173. 179. Побѣгъ Сапѣги.
188. Корыстолюбіе купцевъ Московскихъ въ закупкѣ хлѣба.
189. Укоризны Царю несчастіемъ.
— Собраніе народа въ Москвѣ: Патріархъ, Царь.
191. Троицкій дешевый хлѣбъ: 2 рубля четверть.
197. Какіе Государи и сколько занимали денегъ у Троицы: Годуновъ, Гришка, Шуйскій.

200. Берутъсосуды у Троицы.
201. Навѣты Царю на Скопина.
203. Смерть Скопина *сомнительна.*
204. Воины не любятъ Дмитрія Шуйскаго за его гордость.
205. Царь призываетъ Крымцевъ: ихъ грабежи.
206. Переговоры Москвитянъ съ Тушинскими, чтобы свести Шуйскаго и погубить Лжед.
— Постриженіе Царя. Ермогенъ противъ.
208. Условіе Владиславова избранія.
— Послы къ Королю.
210. Впускаютъ Поляковъ въ Москву для чего?
— Везутъ Шуйскаго къ Королю.
211. Худо Посламъ у Короля.
(Филарета etc).
— Однихъ Пословъ отсылаютъ въ Литву, другіе уѣзжаютъ.
212. Смерть вора въ Калугѣ.
213. Возстаетъ на Поляковъ П. Ляпуновъ
216. Разореніе Москвы. 19 Марта 1611.
217. Ермогена заключаютъ.
218. Лавра дѣйствуетъ,
221. Описаніе Воеводъ, идущихъ отовсюду къ Москвѣ.
224. Убіеніе Ляпунова.
225. Многіе Русскіе уходятъ изъ-подъ Москвы.
227. Лавра поднимаетъ и Мининa.
229. Новый Димитрій во Псковѣ.
230. Неудовольствіе на Пожарскаго за медленность.
232. Заруцкой хочетъ убить Пожарскаго.
— Вора Псковскаго берутъ и привозятъ къ Москвѣ.
233. Заруцкій бѣжитъ съ Мариною.
— 14 Авг. Пожарскій въ Москвѣ.
234. Робость Пожарскаго.
235. Бой съ Ходкѣвичемъ.
239. Авраамій убѣждаетъ Козаковъ. Исакъ: *Сергіевъ! Сергіевъ!*
240. Бой.
240. Ходкѣвичъ бѣжитъ.
242. Опять Козаки бунтуютъ.
243. Лавра предлагаетъ имъ сосуды: не берутъ отъ стыда.
245. Берутъ Китай 22 Окт.
246. Поляки сперва Мстиславскаго выпускаютъ.
248. Ужасный видъ Кремля.

250. Избраніе Михаила.
253. Кто сперва избираетъ?
254. Ни *одного* противорѣчія.
259. *14 Марта названъ Царемъ.*
268. Владиславъ: въ Смоленскъ къ Сигизмунду всѣ наши воры.

г. 1618 въ Сент.

270. Къ Троицѣ: Левъ Сапѣга присылаетъ въ Лавру Образъ Св. Николая Можайскаго.
277. Въ Дек. миръ въ Деулинѣ.

ДѢЛА ПОЛЬСКІЯ.

№ 26.

Г. 1606.

Л. 9. Вѣнчаніе 1-го Іюня.
Поляковъ разослать. Пословъ держать въ Москвѣ на Посольскомъ Дворѣ.
13-го Іюня. Посылаетъ въ Литву. К. Григ. Констант. Волконскаго и Дьяка Андрея Иванова (10): сказать, что Гришка съ Поляками точно хотѣли побить Святителей, Бояръ etc. (18).
18. Кто посланы въ Угличъ?
Погребли подлѣ отца.
100. Воръ Власьевъ.
125. Послы къ Рудольфу.
126 об. Ромодановскаго къ Шаху.
127. Швед. Посланникъ къ Москвѣ.
133. Возвратился К. Волконской 13 Февраля 1607.
182. Пословъ нашихъ: «матерны лаяли, измѣнники называли,» грязью метали. «Короля не слушаютъ» (на об.)
Еще, какъ и прежде, велѣли Волконскому узнать, какъ Польша съ Австріею, Турціею, Крымомъ.

ВЪ КРЫМСК. ДѢЛАХЪ:

Царь: не имѣлъ времени думать объ васъ. 338.
186 об. 321.
197 об. 200, 213. 215. Дмитрій живъ: въ Сендомирѣ, у жены Воеводы: и бородавка на лицѣ. (Август. 12). 293. Лице 199 об. 215.

У него (288) К. Вас. Мосальскій (188 об.) или
онъ на Москвѣ.

187 об. «Взяли изъ хоромъ, убили: тутъ была Марина.»
— Михаилъ Молчановъ бѣжалъ: жилъ у Д. для чернокнижья,
188. Молчан. кнутомъ битъ.
197 об. Слухъ, что кто-то изъ Годуновыхъ на престолѣ.
223. Пословъ не сажаютъ: Король въ черномъ платьѣ.
253. Петръ на Сѣверѣ: шлетъ Пословъ къ Королю.
Пріѣзжаютъ въ Польшу Русскіе, ищутъ, спрашиваютъ Димитрія.
255 об. Густавъ проситъ войска на Ливонію.
287. Угроза: «если вы отпустите нашихъ изъ Москвы, то Дмитряшки и Петрушки не будетъ; а если нѣтъ, то наши имъ будутъ помогать.»
299. О Петрушкѣ: «мои сестры были при родахъ Ирины.»
319. Побѣда надъ Сѣверянами подъ Москвою.
325. Крымцы воюютъ Польшу.

№ 27.

42 об. Ц. Шуйскій въ ссылкѣ съ Цесаремъ, Англіею, Даніею, Шахомъ.

49. Дьякъ Думный Посольскій Василій Телепневъ.
174. Послы хотѣли и Пословъ и Сендомирскаго для договора.
Въ перемири. грамотѣ: «которые Польскіе и Литов. люди, и Князь Романъ Ружинской и Вишневецкой и иные, вторгнулись въ нашу землю, и Королю промышляти, чтобы тѣ люди вернулись (и Лисовской).

ДѢЛА ШВЕДСКІЯ.

№ 8.

л. 16 об. Нашъ Воевода пишетъ къ Шведскому (20 Февр. 1607), что мы еще не думали посылать Пословъ на съѣздъ, и вашихъ сборовъ не боимся.
л. 17. Шведы пособлять готовы.
18 об. (См. еще 56): не хотимъ помощи.
19. Въ Новѣгородѣ моръ.
52. Грамота Царя къ Арцы-Карлу, Свейскаго Королевства владѣтельному и вотчинному Князю.

52 об. Первый гонецъ Данило Юртъ; второй Беритъ Ниманъ.
59. *Королемъ* писать.
62. Пріемъ гонца.

№ 9.

Договоръ о вспоможеніи. уступаемъ Корелу и Ливонію. Даютъ 5000 человѣкъ и болѣе. Л. 5 об.
14 об. 43 об. и 49: 100 тысячь ефимковъ на мѣсяцъ.

ПСКОВСКІЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ.

27. Скопинъ въ залогъ Шведамъ Корелу, Кекегольмъ.
об. Даютъ отраву Скопину отъ зависти.
28. Шведы назадъ къ Новугороду и требуютъ найма.
— Берутъ города, Корелу, Яму etc.
30 об. въ 1611 г. Ходкѣвичь осаждаетъ Печерскій м.
33 об. Шведы тоже осаждаютъ.
36 об. Царь Шуйскій: «поятъ жену, и начатъ ясти и пити и веселитися, а о брани не бреже.»
Воины расходятся.
37. Шуйскій истощаетъ казну, беретъ сосуды церковные.
Междоусобіе страшное, сынъ на отца etc.
об. Скопинъ нанялъ 12 тысячь.
38 об. Зависть на Скопина невиннаго.
39 об. Жена Дм. Шуйскаго дала ему отраву, Христина, дочь Скуратова.
40. Бьютъ Дм. Шуйскаго и Шведовъ.
об. Шведы владѣютъ Новымгородомъ 6 лѣтъ: грабежъ.
— Псковъ отложился; Казань бунтуетъ, хочетъ быть снова Царствомъ.
41. Упреки Шуйскому. Его ненавидятъ больше Бояре. Ермогенъ противъ его враговъ: «развѣ нельзя вамъ избрать изъ своихъ? *Ипъ, его не слушаютъ воины.*
Свергаютъ Шуйскаго.
42. Упреки Короля Русскимъ измѣнникамъ: «повѣрю ли вамъ сына?»
об. Жолкѣвскій обезоруживаетъ Москву.
43. Умыселъ Поляковъ: рѣзанье.
44 об. Король къ Можайску—и не успѣлъ. Ходкѣвичь. Мнишъ.
46. Хотятъ Шведскаго на Царство.

49. Избраніе Михаила.
об. Мать править Царствомъ.
50. Условіе не казнить Бояръ.
об. Крадутъ Бояре доходы.
— Безпорядки.
Нашествіе Шведовъ: миръ съ Поляками.
52 об. Царь сперва на Хлоповой женится; ссылаютъ ее.
53. Начинаетъ Филаретъ всѣмъ править. Сватовства въ чужихъ земляхъ.
54. Въ угодность матери не женится на Хлоповой (злодѣйство и ссылка Салтыковыхъ предъ тѣмъ). На *Долгорукой*.
77. Мятежъ Псковскій. Смутныя грамоты въ Псковъ отъ Тушинскаго, въ Авг. умеръ Геннадій отъ скорби.
об. Мятежъ въ пользу вора.
78 об. Сажаютъ на колья добрыхъ гражданъ. Давятъ Шереметева.
79 об. Злодѣйства.
82. Вѣче. 200 человѣкъ погибло.
об. Пришелъ воръ Матюшка.
83. Бой съ Новогородцами: ихъ только 300.
84. Лисовской въ Псковѣ: пьянство Литвы. Происшествія.
87 об. Г. 1611 на Св. недѣлѣ. Роздьяконъ Матюшка назвался Дмитріемъ: будто ушелъ изъ Калуги—въ Іюлѣ къ Пскову.
89. Псковъ его призываетъ въ Цари.
об. Берутъ и везутъ его къ Москвѣ.

ПСКОВ. ЛѢТ.

ГДѢ ЗАГНУТО.

353. 1605. Чудеса передъ бѣдами.
354. Начало разврата въ Псковѣ.
об. 1066 Навѣтъ Василія на Псковичь.
и хозяина
355 об. Клевѣта семи купцевъ на своихъ.
356. Мудрая грамота Лжедим. къ Псков. Преклоняются или не доумѣваютъ.
800
357. 1607. Плѣнныхъ Сѣверянъ Василій въ Псковъ.
об. Пригороды къ Дмитрію.
358. Междоусобіе.

— Грабежъ Шереметева и Грамотина.
359 об. 1609. Главный виновникъ бунта Плещеевъ: цѣлуютъ крестъ Димитрію. Сѣверянъ выпускаютъ.
360. Пріѣзжаютъ Воевода и Дьякъ. Новогородцы и Нѣмцы къ Пскову.
362. Злодѣйства въ Псковѣ.
363. Казнь Хозина.
Духовенство, бояре, гости.
364. Лучшіе люди за Василья; мелкіе, Стрѣльцы, Козаки.
— Торжество Васильевыхъ друзей.
365. При Салтыковѣ Новогородцы къ Пскову.
366. Лучшіе бѣжали въ Новгородъ, въ Печерскій Монастырь.
об. Просовецкій Волуева побилъ. Волуевъ отъ Короля, выжегъ Луки.
367. 23 Марта явился воръ (1611 г.) Люди Ходкѣвича подъ Печерою 10 Марта: онъ самъ 17 Марта, стоялъ 6 недѣль и 2 дни, разбилъ стѣны, 7 приступовъ, и пошелъ къ Москвѣ.
об. Лисовскій грабитъ Печеры, но не взялъ; съ нимъ 2000 Литвы и Нѣмцевъ.
— Козаки изъ Пскова къ вору.
368. Псковъ безъ Воеводъ, одинъ Дьякъ. Послы ихъ отъ Ляпунова въ Іюлѣ.
— 8 и 16 Іюля воръ къ Пскову.
об. Авг. 24 воръ отъ Пскова; Лисовскій Красной взялъ.
— Шведы и Новогородцы къ Пскову, вышибаютъ ворота: См. Видек.
— Воеводы въ Псковѣ отъ Заруцкаго и Трубецкаго.
— Воръ въ Псковѣ Дек. 4: другой (Лѣтописи) выше 89.
369. Будто 47 т. Литвы къ Себежу.
— Апр. 11. Ив. Плещеевъ изъ-подъ Москвы въ Псковъ обозначать.
— Лисовскій взялъ Заволочье.
— 18 Мая воръ ушелъ изъ Пскова; 20 его схватили и привели въ Псковъ.
— Іюля 1 повезли къ Москвѣ.
— Лисовскій нападалъ на провожатыхъ.
об. Цѣна хлѣбу въ Псковѣ.
370. Шведы взяли Яму, Копорье, и наконецъ Новгородъ, гдѣ мерли съ голоду, и гдѣ было много казны, пушекъ и пороху.
— Избраніе Михаила; а Лисовскій еще тамъ.

ГРАМОТЫ ЕРМОЛАЕВА.

ДВА ВИДѢНІЯ, ВЪ НАЧАЛѢ ШУЙСКАГО.

№ 23 и 24 Г. 1606.

г. 1606. Грамота Филарета Ноября 29, 1606. Тверскій Епископъ побѣждаетъ воровъ. Разскаяніе городовъ — Вѣрность Смоленска, Вязмы etc. въ Ноябрѣ — Велитъ Патріархъ Ермогенъ торжественно молиться, поучать народъ....

Тогда воры стояли уже подъ Москвою въ Коломенскомъ и велятъ холопямъ побивать господъ.

Воры суть бѣглые холопи въ *сверной* Сѣверѣ: соединясь съ Козаками, пришли въ Рязанскую землю.—Клятвы Москвитянъ: слово *шпынк*. Противъ нихъ Тверскій Ѳеоктистъ. Тверитяне къ Москвѣ. 16.

Колычевъ очистилъ Волокъ 15 об.

Прокофій Ляпуновъ въ числѣ кающихся. 16 об. изъ Коломенскаго.

Ноябрѣ

Приступъ воровъ въ Сент. къ Москов. Слободамъ 19—20.

Въ Дек. (25 об. 26, 27).

Пашкова взяли: пѣть молебны по 3 дня.

г. 1607. Зовъ Патріарха къ Царю вести ослятю и у него обѣдать.

Февр. 2. Удумали послать по Іова для разрѣшенія.

14 Февр. Пріѣхалъ: 16 совѣтъ. Упреки Іова: «вы мнѣ не вѣрили». Іова со слезами просятъ: прощаетъ шестой части земли, еже есть Россія.

№ 30. Пошелъ Царь на воровъ 21 Мая.

№ 31. 5 Іюня битва А. Голицына съ ворами на рѣчкѣ Восмѣ близъ Копиры: на голову ихъ бьетъ и беретъ...

№ 32. 10 Окт. Тульскіе сидѣльцы, К. А. Телятевскій, Шаховскій, Болотниковъ сдались Царю и крестъ цѣловали и выдали Петрушку.

г. 1610. № 34. Шуйскій по просьбѣ Бояръ сходитъ съ престола.

Тогда: Король у Смоленска, Жолкѣвскій въ Можайскѣ, воръ въ Коломенскомъ.

Присягаютъ всѣ противъ вора подъ властію Бояръ.

№ 35. Первые о Владиславѣ Ив. Мих. Салтыковъ, Волуевъ.

Первое условіе между Королемъ и Мих. Салтыковымъ Авг. 30.

У вора К. Алексѣй Спцкій, Александръ Пагой, Гр. Сунбуловъ, Ѳ. Плещеевъ, К. Засѣкинъ.

Договоръ съ Владиславомъ.

Тоже какъ у Шуйскаго: не конфисковать имѣнія, не казнить безъ Боярскаго приговора.

г. 1611. Апр. Грамота Ляпунова.

Ермогенъ: второй Златоустъ. Тоже твердый адамантъ.

г. 1612. № 37. Письмо Пожарскаго etc. къ городамъ о спасеніи: тутъ о происках Марины въ Коломнѣ.

№ 38. 7 Апрѣл. 1612; изъ Ярославля отъ Пожарскаго же къ городамъ.

Съ злымъ намѣреніемъ убиваютъ Ляпунова.

Гнусныя дѣла Заруцкаго.

Трубецкій и Заруцкій пишутъ къ Пожарскому, чтобы имъ не выбирать Царя безъ всей земли, но цѣловали крестъ вору Сидорку.

Призываютъ Депутатовъ.

NB. См. рукоприкладчиковъ (Мининъ не зналъ грамотѣ).

Іюнь. Грамоты Новогородцевъ о Швед. Принцѣ: они выбирали его только себѣ въ Государи.

№ 41. Грамота Де-ла-Гарди къ Пожарскому.

№ 43. Присланъ отъ Короля Жидовинъ Богданко (второй Самозван.)

Прислали Бутурлина изъ-подъ Москвы для договора о Шведскомъ Принцѣ.

Договоръ Новогородцевъ съ Де-ла-Гарди о любомъ сынѣ изъ двухъ Шведскаго.

Карлъ Шведскій умеръ: Густавъ Адольфъ.

Предложеніе Новогородцамъ.

Пожарскій: «мы готовы, если Королевичь приметъ нашу Вѣру.»

РУКОПИСЬ ФИЛАРЕТОВА.

Вѣнчаніе 1 Іюня въ Воскресенье. Кого за тѣломъ Димитрія?

Патріархъ уже избранъ, когда привозятъ мощи Димитрія въ Москву.

7. Зборовскій и Шаховскій идетъ къ Старицѣ.

7 об. Скопинъ съ Шведами. Подъ Тверью бой.

8. (Осада Смоленска),

11. Царь подъ Тулою.
16. Совѣтъ Ермогена: Царь самъ идетъ съ войскомъ противъ Д.
18. На Поляковъ идутъ подъ Троицу: бьютъ: одни бѣгутъ къ Королю, другіе въ Калугу къ Самозванцу.
об. Смерть Скопина: его свойства. См. и Видекинда.
19. Приходъ Филарета въ Москву Марта 14: См. выше, ц. 8 на об.
—Салтыковъ къ Королю: его смерть и судъ.
об. Шведы и Русскіе побиты съ Дм. Шуйскимъ.
20 об. Жолкѣвскій и Д. къ Москвѣ.
21. Сводятъ Шуйскаго съ трона 18 Іюля.
22. Плачь жены его.
— Берутъ Шуйскаго; см. л. 28.
23. Поляки уже въ Кремлѣ: это къ л. 28 на об.
24. Совѣтъ Ермогена съ Боярами: взять-ли Владислава? Авг. 3.
об. Цѣлуютъ Крестъ.
25. Д. бѣжитъ въ Калугу.
— Посольство къ Королю.
27. Король отъ себя М. Салтыкова въ Москву.
— Патріархъ противъ него (см. о Ермогенѣ выписку у меня въ портфелѣ).
об. Салтыковъ дѣлаетъ, что впускаютъ Гетмана въ Москву 21 Сент. 1610.
— Жолкѣвскій уѣзжаетъ; оставляетъ Госѣвскаго.
— Василія Поляковъ до Марта.
28. Изъ Чудова берутъ Царя Василія съ братьями.
— Народъ прибѣгаетъ къ Патріарху, Обѣды у Поляковъ.
29. Убиваютъ кого-то не въ Москвѣ (Ляпунова?)
— Ермогенъ пишетъ въ города противъ Поляковъ.
— Пишетъ къ Прокофью Ляпунову.
30. Съ Госевскимъ пришелъ купецъ Ѳ. Андроновъ.
об. Ермогена подъ стражу.
31. Расхищеніе. слѣдствіе плѣненія Москвы, 19 Марта 1611.
об. Сокровища посылаютъ къ Королю. Злодѣйства Салтыкова и Андроникова.
32. об. Обломали раку Василія.
33. 26 Мая Король взялъ Смоленскъ. Іюля 16 Де-ла Гарди взялъ Новгородъ.

Ляпуновъ, Трубецкій, Волуевъ, Заруцкій къ Москвѣ.
1-го Апрѣля. Битва: храбрость Ляпунова.
35. Заруцкій научаетъ Козаковъ убить Ляпунова.
Осада.
37. Выжигаютъ Китай-городъ.
38. Заруцкій врагъ Пожарскаго.
— 17 Генв. 1612 (по Ист. Междоцарствія 17 Февр.) умеръ Ермогенъ: задохся.
Король подъ Волокомъ.
Окт. 22, Берутъ Китай.
39. Воевода Туренинъ съ Кузьмою Авг. 21.
40. Сраженіе съ Холкѣвичемъ. Сдастся Кремль.
43. Что терпѣли Поляки въ осадѣ.
об. Остатки Царскихъ сокровищъ. Окт. 22.
44. Король во свояси.
об. Измѣнники увозятъ образъ Николая въ Литву.
45. Избранъ Михаилъ.

МОЯ АРХИВ. РУКОПИСНАЯ ИСТОРІЯ О МЕЖДОЦАРСТВІИ.

Ополченіе—Походъ.
4 об. Пожарскій согласенъ взять Швед. Принца Филиппа.
5. Негодяи Казанцы.
Смятеніе въ Ярославлѣ, усмиренное Митрополитомъ Ростовскимъ.
7 об. Бѣгство Заруцкаго.
Берутъ Москву: Доблести Пожарскаго.
13. Король тогда предлагаетъ намъ сына.
об. Нѣмцы въ Архангельскъ на помощь: ихъ уже не надобно.
Заруцкій беретъ Марину съ сыномъ.
14 об. Многіе Вельможи хотятъ быть Царемъ.
16. Михаилъ на Престолѣ 18 Апр. 1613.
19 об. Заруцкаго на колъ. Ѳед. Андронова и Маринина сына повѣсили; Марина умерла въ Москвѣ.

СОБР. ГОС. ГРАМ.

Метиславскій *Конюшій* и *Слуга*, Грамоты 465.
Донесенія Пословъ нашихъ къ Боярамъ, Грамоты 468.

Согласепъ. Король. 478—504, 521.
NB Возстаніе Ляпунова 213, 216.
540. Патріархъ 518. Грамоты 489, 499. Патріархъ. См. о происшествіяхъ Новогородскихъ грамоты 452 отъ 17 Ноября отъ Ив. Салтыкова.
См. Каменск. о Салтыковѣ.
Генваря 1611 Казань цѣлуетъ крестъ Димитрію 490: картина Москвы.
Еще 494. Патріархъ. 497. Отобрали Дьякова у Патріарха.
497. 518. 493. Ему повольнѣе.
Въ Генварѣ Грамота Москвитянъ ко всѣмъ Рос. о возстаніи 496.
Ляпуновъ въ Нижній. Февр.
Сапѣга къ Калужскому 508, 509.
Корол. къ Сапѣгѣ 543 Март. Бояре къ Королю и Шеину: «сдайся!»
Будто Пословъ къ сыну, а не въ неволю 522.
Апр. 2. На какихъ условіяхъ Король хочетъ занять Смоленскъ: 526.
Отвѣтъ Шеина 531.
536. 540. Король о кровопролитіи Московскомъ.
549. О взятіи Смоленска 13 Іюня.
550. Ссылка Филарета и Голицыныхъ съ Шеинымъ и 573.
К. Куракинъ за Владислава побитъ у Владиміра. Грамоты 513.
Бояре: «пошлите нашихъ Пословъ къ Владиславу; Смоленскъ, сдайся. Королю цѣловать» 517.
Голицынъ и Филаретъ не хотятъ ѣхать къ Владиславу 522.
Астрахань, Казань, Черемиса etc хотятъ къ Персидскому Шаху.
Псковъ etc. къ Шведамъ.
NB Письмо къ Іакову Англ. о подданствѣ Россіи.
Не слушаютъ указовъ Сигизмунда, ни Думы; денегъ не посылаютъ.
525. Въ Мартѣ Грамота Короля къ Патріарху о Послахъ его въ Москву послѣ сожженія.
535. Злодѣйства Сапѣги.
537. Клятва отстать отъ Владислава.
552. Ив. Мих. Салтыкова на колъ. Іюль.
553. Договоръ Новогородцевъ о признаваніи Шведскаго Королевича Царемъ.
564. Погап противъ Поляковъ съ нами.
567. Ермогенъ: «не присягать Маринкину сыну.» (Его смерть 599, у Каменскаго 429: 17 Февраля 1612.)
568. Убіеніе Ляпунова поборателя.

NB Безпрестанно Король и сынъ его жалуютъ помѣстьями и деньгами своихъ усердныхъ: т. е. велятъ Боярамъ.
570. Король Ходкѣвича къ Москвѣ, а самъ въ Варшаву Авг 26, и Пословъ нашихъ туда же, если имъ вѣрите.
577. Отъ Троицы ко всѣмъ: спѣшить къ Москвѣ, къ Трубецкому. Въ Окт.
580. Бояре ко всѣмъ о вѣрности къ Владиславу.
NB Грамоты Пожарскаго къ Россіи и къ нему Де-ла-Гарди.
598. Избрать ли Королевича Карла Филиппа? 601.
599. О кончинѣ Ермогена.
604. О Маржеретѣ.
608. Король обѣщаетъ сына, извиняясь въ медленности его болѣзнію въ Сент. 1612.

ДОП. КЪ ДѢЯНІЯМЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО Т. II.

139. Честность Луговскаго.
144. Имена уѣхавшихъ.
146. Насмѣшки Захарія Ляпунова.
147. Города присягнувшіе Королю и Королевичу.
160. Вѣст. Посламъ о убіеніи Самозванца,
163. *Адамъ* Жолкѣвскій, племянникъ.
167. Жалоба на Бояръ Голицына.
173. Не Послы, а воры.
174. З. Ляпуновъ.
179. О Смоленскѣ, 187.
190. Пв. Салтыковъ.
197. Заруцкій высѣкъ Тулу. Переговоры о Смоленскѣ.
198. Орелъ и Болховъ принадлежали Лжедимитрію и пристали къ Москвѣ, а Ляхами за то опустошены.
201. Кондиціи Смоленска.
202. Послы подъ стражу 25 Марта.
218. Михаилъ въ Москвѣ. Сокровища древнія.
224. Пв. Салтыкова къ Посламъ.
230. Если бы Король прибылъ, «то зла-бы не случилось.»
331. «Что же дѣлать?»
236. Пословъ въ Литву 13 Апр.
242. Войско цѣлуетъ крестъ Лжед., Маринѣ и сыну его.
259. Новгородъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible] 1588 (?) [illegible]

[illegible] (Феодосией). [illegible] 4000 [illegible]

[illegible] (Прим. 132, никон. 80, мил. 249 [illegible]). [illegible] (Кн. Ш. № 27, л. 41, и никон. 80), [illegible]

[illegible] (Дел. Т. № 26, л. 300);

томъ XII. изд. 1829.
стр. 1.

Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго.

г. 1606 = 1610.

г. 1606.

[illegible]

Василій Іоанновичъ Шуйскій происходя отъ одного колена съ Димитріемъ [illegible], старшимъ [illegible] вел. князя [illegible] Донскаго [illegible] въ время Іоанна [illegible] [illegible] Шуйскіе съ 1577 г. [illegible] ( ).

Василій Іоанновичъ Шуйскій происходя отъ одного колена съ [illegible], старшимъ [illegible] великимъ княземъ, какъ [illegible] Андре[illegible] въ время [illegible] Шуйскіе отъ 1577 г. [illegible] ( ).

Если великое [illegible] [illegible] съ [illegible] [illegible] [illegible]; если [illegible] первыя требуетъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] царствованіе [illegible]

[illegible] Россіи [illegible] [illegible]

О механизмѣ работъ Карамзина такъ отвѣчаетъ г. Сербиновичъ на мои вопросы:

«Въ уцѣлѣвшихъ черновыхъ листахъ Исторіи можно видѣть, какъ иное было у него набрасываемо на бумагу, прежде надлежащаго изложенія. Но иногда онъ принимался прямо за самое изложеніе, которое нерѣдко послѣ уступало мѣсто новому изложенію. Черновые листы Исторіи въ первопачальномъ ихъ видѣ подвергались большимъ передѣлкамъ или перемаркамъ: цѣлыя строки бывали перечеркиваемы и замѣняемы новыми строками; даже случалось видѣть, что и между этихъ строкъ вставлены были другія слова и выраженія. вмѣсто зачеркнутыхъ, до такой степени, что только глазъ, привычный къ его почерку, можетъ надлежащимъ образомъ разобрать и прочесть все. А между тѣмъ онъ никогда не упускалъ означать *въ строкахъ, между скобками,* сокращенное названіе источника съ указаніемъ страницъ. Всѣ такіе листы непремѣнно требовали собственноручной его переписки; затѣмъ являлись и передѣланныя имъ цѣлыя главы, съ указаніемъ, *уже на поляхъ*, книгъ и страницъ, откуда взяты событія.»

«Мнѣ довелось видѣть это большею частію въ манускриптахъ послѣдняго XII тома; но интереснѣе было бы видѣть черновые листы первыхъ томовъ, напримѣръ II-го и III-го, гдѣ безчисленное множество лицъ и мелкихъ событій перепутывали описаніе.»

«Прилагаю два черновые листа: одинъ полный изъ XI тома (см. въ 2 изданіи Исторіи стр. 251—254). Другой изъ XII тома (начало царствованія Шуйскаго) неполный, но яснѣе представляющій ходъ работы съ ея передѣлками. *

---

* См. снимки.

«Окончательно переписывала, если не всѣ, то очень многія главы Исторіи, супруга Николая Михайловича, Екатерина Андреевна; эту обязанность въ послѣдствіи стала раздѣлять съ нею старшая дочь его Софья Николаевна, а потомъ уже и Екатерина Николаевна. Такимъ образомъ переписанное подносилось и Государю.»

«Мнѣ очень мало извѣстно о жизни Н. М. въ Москвѣ; но въ Петербургѣ, знаю, что онъ не только сообщалъ своимъ знакомымъ, какое время описываетъ, но и читалъ имъ отрывки. Вотъ, напримѣръ, между прочимъ, и мнѣ, еще мало извѣстному ему юношѣ, разсказывалъ въ Царскомъ селѣ, 16-го Мая, 1820 года, что онъ описываетъ покореніе Сибири, которое особенно занимаетъ его, какъ интереснѣйшій эпизодъ въ Русской Исторіи, съ такими картинами, какихъ въ ней еще не было. Въ разсказѣ объ этомъ онъ нѣсколько даже распространился о замѣчательномъ характерѣ Ермака, о превращеніи его изъ разбойника въ героя, и о тѣхъ высокихъ нравственныхъ условіяхъ и обѣтахъ, которыми онъ обязалъ своихъ сподвижниковъ, и чрезъ которые пріобрѣлъ успѣхъ.»

«Въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой, въ 3-мъ этажѣ, одна большая комната, о 4-хъ окнахъ, была перегорожена на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной помѣщался кабинетъ. Библіотека находилась въ 3-хъ шкафахъ, каждый о двухъ отдѣленіяхъ: въ верхнемъ отъ 4-хъ до 6-ти полокъ, въ нижнемъ двѣ. Книгъ помѣщалось болѣе 400 званій, кромѣ тѣхъ, которыя лежали при немъ самомъ для безпрестанныхъ справокъ. Это мнѣ извѣстно потому, что я самъ смотрѣлъ за перемѣщеніемъ библіотеки въ домѣ Межуевой, и составилъ ей каталогъ.

«Въ домѣ же Межуева, что на Моховой, во 2-мъ этажѣ, въ квартирѣ Н. М., кабинетъ былъ о 2-хъ окнахъ, и въ немъ стояли тѣ же шкафы.»

«Какъ въ прежнемъ, такъ и въ этомъ кабинетѣ, стояли посреди два небольшіе письменные стола, плотно, приставленные одинъ къ другому съ ящиками, обращенными въ разныя стороны. За однимъ столомъ онъ сидѣлъ, имѣя окна съ лѣвой стороны, другой столъ передъ глазами его былъ уставленъ нужными ему книгами. Кругомъ на стульяхъ также лежали книги, а нѣкоторые фоліанты стояли вблизи на полу, такъ, что бы можно было доставать ихъ рукою. Чернилица и песошница были безъ всякихъ затѣй.

«Мнѣ очень рѣдко случалось видѣть его за работою, но тѣмъ болѣе дорожилъ я этими минутами, желая запечатлѣть ихъ въ своей памяти. Сидя за какимъ нибудь его порученіемъ у другаго столика возлѣ окна, я изрѣдка взглядывалъ на его спокойный видъ, съ выраженіемъ глубокаго вниманія, и взоромъ, оживленнымъ мыслію, его занимавшею. Въ послѣдніе годы А. И. Тургеневъ присылалъ ему писцевъ изъ Канцеляріи, которые запимались у него въ кабинетѣ переписываніемъ однѣхъ примѣчаній, и уже считали себя счастливцами».

«Сотрудниковъ для Исторіи онъ не имѣлъ, а пользовался выписками и переводами разныхъ документовъ и отрывковъ, присылаемыми отъ Государственнаго Канцлера Графа Румянцева, отъ Директора Императорской Публичной Библіотеки Оленина, отъ А. Ѳ. Малиновскаго, Бантыша-Каменскаго, Калайдовича и многихъ другихъ. — Съ 1820 года онъ употреблялъ и меня для перевода изъ Латинскихъ и Польскихъ писателей, большею частію о временахъ Самозванцевъ и Междоцарствія.»

ГЛАВА X.

(1818 и 1819).

Чтенія о новой Русской Исторіи.—Иностранныя книги.—Романы Вальтеръ-Скотта.—Вечернее общество: Жуковскій, А. И. Тургеневъ. (ходатайство предъ Государемъ по поводу его увольненія)—Батюшковъ.—Пушкинъ.—Кн. Вяземскій.—Кривцовъ.—Переписка съ Гр. Каподистріей.—Графы Румянцевы.—Шишковъ.—Сперанскій.—М. И. Полетика.—Гр. Аракчеевъ.—Переписка съ И. Елисаветой и Маріей, И. Александромъ.—Стремленіе къ Москвѣ.—Что привязывало К. къ Петербургу.—Ходатайства.—Свѣдѣнія, сообщенныя Дмитріеву объ обстоятельствахъ въ Европѣ, въ Россіи.—О здоровьѣ К. и расположеніи его духа.—Шутки.—Впечатленіе Записокъ Дмитріева.—К. въ семействѣ.—Доходы и расходы, хозяйство К.—Характеристическія письма къ Дмитріеву и Каподистріи.—Послѣднія минуты спокойствія.—Извѣстіе о болѣзни и кончинѣ И. Александра Павловича.

Предыдущую главу мы кончили описаніемъ рабочаго утра Карамзина; послѣобѣденное время его, какъ сказано выше, было посвящено чтенію.

Онъ прочелъ впродолженіи этого времени 1819—1825 много документовъ, таившихся подъ спудомъ, о новой Русской Исторіи. Сообщимъ свѣдѣнія объ нихъ:

Къ Малиновскому, 13 Іюня, 1819. «Извѣстна ли вамъ біографія Кн. Дашковой? Я досталъ экземпляръ, но такъ худо переписанный, что тяжело читать».

15 Декабря, 1819 г., къ Дмитріеву: «Я читалъ выписки изъ Записокъ Храповицкаго, съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Екатерина знала людей. Ея сужденія любопытны и основательны. Недавно читалъ я письма ея къ

графу Зах. Гр. Чернышеву—и какія?...! Слыхалъ ли ты объ этой связи? Чернышевъ былъ предмѣстникомъ Понятовскаго. Можно ли было думать тогда, чтобы судьба готовила ее возвеличить Россію»!

1-го Апрѣля... «Читалъ записки Герцога Лиріи о Петрѣ II, объ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: какъ любопытно! Вижу передъ собой и Долгорукихъ, и Голицыныхъ, и Бирона, и Остермана. Это манускриптъ, почти никому неизвѣстный. Недавно читалъ я также допросы Лестоку и Бирону; жалѣю, что не буду писать Исторіи сего времени. Прелесть!»

4-го Мая, 1822. «Нынѣшнею зимою читалъ я Записки Екатерины Великой, доведенныя ею только до 1760 года: очень, очень любопытно! Дворъ Елисаветы, какъ въ зеркалѣ: времена удивительно перемѣнились. Если пріѣдешь къ намъ въ Петербургъ, то угостимъ тебя и Записками Екатерины. Недавно досталъ я Брюса, который описываетъ смерть Царевича Алексѣя Петровича: онъ самъ былъ посланъ за лекарствомъ, которое отправило Царевича на тотъ свѣтъ. Эта книга на Англійскомъ языкѣ. Вообще я такъ много читалъ здѣсь о происшествіяхъ Петербурскихъ, что этотъ городъ сдѣлался для меня уже историческимъ: Нева, крѣпость, дворецъ напоминаютъ мнѣ столько людей и случаевъ! Отживя вѣкъ для настоящаго, съ какимъ нѣжнымъ чувствомъ обращаемся къ прошедшему.»

19 Мая, «Записки Екатерины у нашего любезнаго Тургенева; но прошу объ этомъ не говорить. Онъ хранитъ ихъ, какъ зѣницу ока, и тайтъ, списавъ съ экземпляра Куракинскаго. Я читалъ и Станиславовы, весьма любопытныя, хоть и соблазнительныя.»

27-го Ноября 1823. «Я читаю теперь дѣла временъ Императрицы Анны. Передо мною большой сундукъ. Ужасно»!

Іюня 1815. «Графъ Воронцовъ давалъ мнѣ читать письма Безбородки къ Графу Александру Романовичу о временахъ Екатерины и Павла: онъ былъ хорошій министръ, если и не великой; такого теперь не имѣемъ. Вижу въ немъ умъ государственный, ревность, знаніе Россіи—то, чего теперь не вижу. Жаль, что не было въ Безбородкѣ ни высокаго духа, ни чистой нравственности. Заключимъ обыкновенною поговоркою: нѣтъ совершеннаго! Тутъ есть кое-что о Марковѣ, Мятлевѣ, Державинѣ. Вообще любопытно».

Еще прежде были у него въ рукахъ записки Порошина, которыя онъ давалъ читать Императрицѣ Е. А., и записки Миниха.

Вѣрно Исторія новая предстояла уже въ его воображеніи совершенно готовая, живая. Стопло бы только написать ее. И какъ бы онъ написалъ ее! Не даромъ, читая матеріалы, онъ восклицалъ: прелесть!—и жалѣлъ, что не будетъ описывать это время.

—

Сообщимъ здѣсь извѣстія о прочихъ чтеніяхъ, сколько собрать ихъ было можно.

11 Ноября, 1818 года, къ Дмитріеву. «Читалъ ли ты Correspondance de Gagliani. Онъ былъ уменъ во многихъ отношеніяхъ; и гораздо умнѣе, гораздо плутоватѣе нашихъ либералистовъ, слѣдовательно умнѣе нашей умершей или безсмертной г-жи Сталь. Читая я бранилъ его только за цинизмъ».

6-го Октября, 1819. «Путешествуемъ съ Форбеномъ по Египту».

28 Сентября, 1820 г. къ нему же. «Теперь я читаю Гара (Garal) Memoires... Писано какъ-то не гладко, сбивчиво, но занимательно. Видишь 18 вѣкъ передъ собою со всѣми геніями Французской литературы».

27 Февраля, 1821 г. «Читалъ ли ты La France telle qu'elle est. Довольно любопытная книга».

14 Іюня, къ нему же. «Съ головною болью читаю Soirées de St. Petersbourg Графа Местра, глубокомысленнаго до безсмыслицы».

27 Февраля, 1822 г. къ «Дмитріеву. «Отдохнулъ ли ты отъ сильныхъ движеній послѣ масленицы? Я уже опять лѣпюсь дома, и читаю Нѣмецкихъ метафизиковъ, за которыхъ не поскупился заплатить Грефу двадцать рублей. Снова завожу библіотеку для себя и для дѣтей; а если выдамъ 10-й томъ, то употреблю вдругъ тысячи двѣ на книги. Стыдно не оставить библіотеки въ наслѣдство сыновьямъ, когда главнымъ дѣломъ жизненнымъ было марать бумагу для типографіи».

Мая 31-го, къ нему же. «Читаю теперь Mémoires du règne de Napoléon, изданные Гурго и Монтолономъ. Занимательно, но не очень. Есть ли въ Москвѣ Ростопчина любопытная тетрадка: Vérité sur l'incendie de Moscou»?

19 Ноября. «Читаю любопытную Англ. книгу о Наполеонѣ, издан. докторомъ Омирою: ежедневные разговоры его о главныхъ актерахъ большой сцены, о революціи, о будущей судьбѣ Европы, и проч. Много и вдору и лжи».

20 Іюля, 1823 года. «Государыня М. Ѳ. наслала мнѣ множество новыхъ книгъ, отчасти любопытныхъ: журналъ Лас-Казаса, новѣйшій романъ непстощимаго Валтеръ-Скотта, Sejour au Temple, герцогини d'Ангулемъ, Memoires sur l'Angleterre, etc.

Августа 10. «Жаль, если ты не достанешь Memorial Лас-Каза. Тутъ Наполеонъ какъ въ зеркалѣ.»

«Я плачу, какъ ребенокъ, и доволенъ», писалъ Карамзинъ *къ Дмитріеву, отъ 21 Октября, 1824 г.*

Ноября 10, 1824 г. «Читаю теперь двѣ любопытныя книги: Memoires de Fouché и Conversations de Byron. Первыя

кажутся невымышленными, ни послѣднія, гдѣ Байронъ въ зеркалѣ; какое лице странное?

25 Января, 1825 г. къ Малиновскому. ...«Читаю безпрестанно, но мало отечественнаго, читаю единственно въ пищу душѣ и сердцу. Я недостоинъ восхищаться нашею литературою, даже и историческою. Кажется, искренно смиряюсь передъ вѣкомъ.»

9-го Іюня, къ Дмитріеву. «Читаю все еще съ удовольствіемъ—и романы. Цензура, думаю, не запретитъ новаго Вальтеръ-Скоттова романа, котораго ожидаемъ».

Романы, въ особенности Вальтеръ-Скоттовы, составляли вечернее наслажденіе Карамзина. Валтеръ-Скоттъ увлекалъ его. Часто, около полночи, когда прекращалось семейное чтеніе, онъ упрашивалъ чтецовъ остаться на нѣсколько минутъ, на десять, хоть на пять, и прочесть сколько нибудь болѣе.

Въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ, но болѣе всего осенью, чтеніе замѣняло Карамзину общество, котораго былъ лишенъ въ этомъ уединеніи. Но чтобы не утомлять глазъ онъ не читалъ самъ: читали ему вслухъ супруга и дочери, при чемъ онъ всегда садился спиною къ свѣту, сберегая зрѣніе.

—

Самое пріятное общество Карамзина въ Петербургѣ составляли Арзамасцы, приносившіе ему столько удовольствія и въ первый его пріѣздъ: ближе всѣхъ были къ нему Жуковскій и А. Тургеневъ.

Сообщимъ здѣсь отзывы Карамзина объ нихъ изъ писемъ къ Дмитріеву. Малѣйшія черты любопытны для насъ по многимъ отношеніямъ.

Жуковскій былъ почти —его воспитанникомъ со времени Вѣстника Европы, и представленъ имъ ко Двору чрезъ Императрицу Марію Ѳеодоровну, въ учители Русскаго языка для молодой Великой Княгини, супруги Великаго Князя Николая Павловича.

«...Жуковскій ѣдетъ въ Берлинъ (отъ 20 *Сентября* 1820 г.). Увы, онъ влюбленъ, но не женихъ (передъ этимъ Карамзинъ писалъ о свадьбѣ Кривцова). Ему хотѣлось бы жениться, но при Дворѣ не легко найти невѣсту для стихотворца, хоть и любимаго.»

19 Октября. ...«Жуковскій совсѣмъ не суетенъ, и еще менѣе корыстолюбивъ, но лѣтній Дворъ приводитъ его въ разсѣяніе, не весьма для музъ благопріятное, и въ любовную меланхолію, хотя пінтическую, но не стихотворную. Онъ еще молодъ, авось и встанетъ, и возрастетъ! Какой безсмертный откажется отъ такихъ лакомствъ, чтобы вмѣсто рыбаковъ посылать въ Сына отечества Рыболововъ. (?) Обстоятельства рѣшатъ судьбу талантовъ.»

10 Марта, 1821 г. «Жуковскій видитъ и хвалитъ Шатобріана. Собирается путешествовать, искать мыслей и чувствъ. Батюшковъ едва ли нашелъ ихъ въ Италіи»...

9-го Февраля, 1822 г. «Наконецъ явился Жуковскій съ любовію къ Берлину, и съ пріятными воспоминаніями о своемъ путешествіи, но безъ жены, вопреки сказкамъ... Говоритъ, будто въ Берлинѣ сердца теплѣе и умы дѣятельнѣе. Чего добраго»...

19-го Мая, «Жуковскій отъ Іоанны Шиллеровой... перешелъ къ Виргиліеву Энею».

7-го Сентября. «На сихъ дняхъ я съ удовольствіемъ слушалъ переводъ Жуковскаго изъ Энеиды. Онъ теперь въ состязаніи съ цензурою за свою послѣднюю балладу.»

—

Александръ Ивановичъ Тургеневъ, находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Карамзину, извѣстныхъ уже читателямъ изъ прежнихъ писемъ; онъ былъ самымъ вѣрнымъ исполнителемъ его порученій, сообщалъ ему всякія новости, доставлялъ свѣдѣнія объ историческихъ сочиненіяхъ и предпріятіяхъ во всей Европѣ.

Сообщимъ здѣсь письма, принадлежащія къ этому періоду.

1-го Апрѣля, 1820 г. «Христосъ воскресе, любезный, добрый другъ Карамзиныхъ! Что съ вами было, что дѣлается? Васъ било (на ухабахъ), а теперь ласкаютъ: не правда ли? Просимъ однакоже въ ласкахъ Московскихъ не забывать и Петербургскихъ...

Еще мы рукъ не опускали,
Которыми тебя прощаясь обнимали.

Графъ Хвостовъ.

«Скорѣе пріѣзжайте: или руки наши устанутъ. Мы живы, ибо къ вамъ пишемъ; здоровы, ибо такъ пишемъ. Здѣсь говорятъ: у насъ чай всегда на столѣ, а ваша чашка закрыта мыслями О, узника, или просто, невольника. Вы догадаетесь, что здѣсь разумѣется не А. И. О., а извѣстная книжка, которой къ вамъ еще не посылаю».

Тургеневъ, вслѣдствіе катастрофы съ Княземъ А. Н. Голицынымъ, имѣлъ разныя непріятности по службѣ, въ которыхъ Карамзинъ принялъ живѣйшее участіе. «Онъ былъ сильно огорченъ мыслію, что Тургенева обнесли предъ Императоромъ Александромъ, и рѣшился высказать Государю все, что зналъ объ этомъ человѣкѣ, котораго благородное сердце было создано для чести и добра. Тогда многіе въ публикѣ, недовольные Княземъ и Тургеневымъ, радовались ихъ паденію, стараясь осуждать ихъ всякій по своему. Тѣмъ болѣе Карамзинъ считалъ долгомъ своимъ всякаго, заводившаго о томъ рѣчь, ставить на настоящую точку зрѣнія, при оцѣнкѣ Тургенева, во все независимо отъ обстоятельствъ, приготовившихъ переворотъ въ Министерствѣ. «Вотъ слова сказанныя Николаемъ Михайловичемъ въ моемъ присутствіи», пишетъ ко мнѣ К. С. Сербиновичъ, о Тургеневѣ: «Я давно знаю его чистую открытую душу, чуждую всякихъ интригъ, ненавидящую лесть, его рѣдкое стремленіе къ добру. Такихъ людей у насъ мало. Онъ лишается мѣста, а могъ бы укра-

шать собою отечество. Для насъ же, для нашего дома, онъ не замѣнимъ.

Царское Село, 18 Мая, 1824 г. «Любезнѣйшій другъ!* Вамъ остается все жалованье, то-есть 12 тысячъ рублей, и приказано отвести комнаты въ домѣ, гдѣ жилъ Розенкампфъ, если не ошибаюсь. Желаютъ, чтобы вы непремѣнно остались въ службѣ; и я о томъ дружески *прошу* васъ. Болѣе двухъ часовъ было говорено о случившемся, которое интересно для меня, единственно въ отношеніи къ вамъ. Не участвую въ дѣлахъ, но люблю моего Тургенева, зная его чистую душу...»

22 Мая, 1824 г. «Любезнѣйшій другъ! Сегодни, въ новомъ объ васъ разговорѣ, сказалъ мнѣ Государь, что совѣтуютъ вамъ идти въ отставку тѣ, которые не хотятъ видѣть васъ въ службѣ; что черезъ недѣлю онъ будетъ въ городѣ, и дастъ два повелѣнія: Князю Лопухину о вашей квартирѣ, а Министру финансовъ о вашемъ полномъ жалованьѣ: «Vous (Карамзинъ) serez satisfait et le public se taira sur M. Tourguéneff». Мое послѣднее слово было: n'en parlons plus; потому что я, кажется, уже все сказалъ объ васъ, сказавъ и повторивъ, какъ привязано къ вамъ мое сердце. Я не думалъ, чтобы мнѣ когда-нибудь пришлось плакать отъ васъ; а на этихъ дняхъ до-

---

* «Это письмо,» говоритъ самъ Тургеневъ, «такъ какъ и послѣдующія, изъ Царскаго Села, отъ 22, 23 и 25 Мая, отъ 8 Іюня и отъ 3 Августа, относятся до моего увольненія отъ должности Директора Департамента духовныхъ дѣлъ. Записка отъ 8 Іюля (см. ниже) объяснятъ нѣсколько содержаніе моихъ писемъ къ Карамзину.»

«Здѣсь позволю себѣ одно замѣчаніе, характеризующее К-на. Различіе въ лѣтахъ между имъ и мною давало ему право неназывать меня въ своихъ письмахъ *другомъ*, не смотря на его дружбу ко мнѣ. Но съ той минуты, какъ я былъ уволенъ отъ должности, всѣ его письма начинаются словомъ: *другъ*. Это не простая случайность, и можетъ объясниться лишь рѣдкимъ благородствомъ характера, благородствомъ, въ которомъ вся жизнь К-на служитъ однимъ непрерывнымъ свидѣтельствомъ. *Примѣч. А. Тургенева.*

вольно слезъ кануло изъ моихъ глазъ, можетъ быть отъ слабости моихъ нервъ. Нѣжно, нѣжно васъ обнимаю...»

23 Мая, 1824 г. «Любезнѣйшій другъ! Нынѣ поутру самъ Государь началъ разговоръ объ васъ: еще подтвердилъ, что хочетъ рѣшительно, чтобъ вы остались въ службѣ *съ довѣренностію къ нему,* и не изъ *милости*; онъ находитъ справедливымъ оставить вамъ все жалованье, и доставить квартиру вмѣсто той, которую вы имѣли; поручилъ мнѣ убѣдить васъ, чтобы не выходили въ отставку. Милой Тургеневъ! не только исполняя порученіе, но и слѣдуя моей къ вамъ любви, убѣждаю васъ не требовать отставки: Государь искренно того не хочетъ; я ему вѣрю; а онъ говоритъ, что вѣря мнѣ, не вѣритъ клеветамъ; что знаетъ ваши способности, etc. Указъ Министру финансовъ и повелѣніе К. Лопухину будетъ для публики доказательствомъ, что доброе мнѣніе объ васъ не перемѣнилося, и что службою вашею дорожатъ. Ради дружбы, пока все оставьте, ѣздите въ свѣтъ, въ коммиссію, и не объявляйте досады; улыбайтесь, какъ улыбается невинность и душевное благородство, — а тамъ увидимъ. Во всякомъ случаѣ не предпринимайте ничего безъ совѣта съ однимъ изъ вашихъ друзей, то-есть, со мною.»

25-го Мая. «Государь отправился въ городъ на цѣлую недѣлю. Надѣюсь, что сдѣлаетъ по крайней мѣрѣ обѣщанное, дастъ повелѣніе Министру финансовъ и к. Лопухину. Въ нынѣшнее утро мы много говорили объ васъ» (съ Государемъ).

13-го Іюня, къ Дмитріеву. «Тургеневъ спокоенъ въ чувствѣ своей правости; а я, любя его, какъ брата роднаго, любя искренно и добраго Царя, былъ грустенъ, и все еще жалѣю, очень жалѣю...»

8-го Іюля, къ Тургеневу. «Любезнѣйшій другъ! Вашу просьбу исполню; писать Государю не буду, потому, что я нынѣ по

утру видѣлся, и говорилъ съ нимъ. Дѣло шло не о *вынужденной милости*, а только о совершенной правости вашей въ его мысляхъ, такъ какъ вы правы, чисты, благородны и любезны, въ моемъ сердцѣ.»

«Теперь васъ прошу: *пока* ничего не предпринимать, не требовать увольненія, и всегда любить Государя, какъ вы его любили, и какъ я люблю. Вы меня не упросите быть спокойнымъ. Ваше дѣло есть мое и всѣхъ честныхъ людей.... Нѣжно обнимаю васъ...»

3-го Августа. «Любезнѣйшій другъ! Жуковскій пріѣхалъ, а со мною невидался. Я думаю, что вамъ лучше со всѣмъ не писать къ Государю, и не требовать отставки *до зимы*: думаю такъ, не уступая никому въ искренней къ вамъ любви, и въ уваженіи ко всѣмъ обязанностямъ чести. Проситесь въ отпускъ на 28 дней, и довольно. Вотъ лучшее по моему удостовѣреніе; вотъ чего желаю, и о чемъ даже прошу васъ! Зимою же увидите. И тогда не поздно будетъ итти въ отставку. Обнимаю васъ нѣжно.»

18 Февраля, 1825, къ Дмитріеву... «Уже бесѣдуемъ по старому съ А. И. Тургеневымъ за чайнымъ столомъ. Убѣждаю его пока остаться въ службѣ. Ничто не гонитъ и не тѣснитъ. Свобода можетъ обратиться въ скуку...

19 Марта, 1825 г. къ Дмитріеву. «Мы много бесѣдовали, и все еще бесѣдуемъ о тебѣ съ А. И. Тургеневымъ, съ которымъ видимся по старому; но долго ли будемъ видѣться? Онъ хочетъ ѣхать къ брату въ Германію, въ Карлсбадъ или въ другое мѣсто, гдѣ онъ будетъ пить воды. У насъ немного добрыхъ сердечныхъ пріятелей: тѣмъ болѣе жаль ихъ.»

10-го Іюля, 1825 г. къ нему же... «Съ Тургеневымъ мы простились въ слезахъ, и можетъ быть навсегда. Онъ былъ здѣсь нашимъ нѣжнѣйшимъ другомъ, истиннымъ роднымъ:

безъ него сиротствуемъ. Когда возвратится неизвѣстно. Нынѣ я уже не говорилъ объ немъ ни слова.»

22-го Октября. «Петербургъ для насъ опустѣлъ безъ Тургенева.»

Царское село, «*6 Сентября, 1825 г.*» «Любезный другъ*, Сердечно благодаримъ васъ за три истинно дружескія письма, скоро одно за другимъ полученныя, изъ Берлина, Дрездена и Карлсбада. Вы объ насъ думаете, а мы объ васъ, съ живѣйшимъ участіемъ, радуясь всѣмъ пріятностямъ вашего путешествія, которое должно освѣжить васъ для будущей постоянной, будничной жизни въ отечествѣ: вотъ польза, душа пріятностей! все чужое есть для насъ только зрѣлище: смотри, а дѣла не забывай. Вы еще въ долгу у Россіи. То-есть, уже напоминаю вамъ о возвращеніи, и даю срокъ не весьма дальній: годъ, полтора, неболѣе; или надобно идти въ отставку, чего крайне ни для государства, ни для васъ, не желаю; «въ дому отца моего многи обители суть.» Не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ найдется для васъ дѣятельность полезная; чѣмъ менѣе другіе требуютъ ее отъ насъ, тѣмъ болѣе мы должны требовать ее отъ себя, какъ существа нравственныя. Для насъ, Русскихъ съ душею, одна Россія самобытна ,одна Россія истинно существуетъ, все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи, или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка, есть только двуножное животное... Такъ мы съ вами давно разсуждали: значитъ что я не перемѣнилъ своихъ понятій въ ваше отсутствіе; съ ними, вѣроятно, и закрою глаза, для здѣшняго свѣта, pour voir plus clair. — Грустно намъ знать, что здоровье любезнаго Н. И. все еще не окрѣпло; вмѣстѣ съ вами утѣшаемся надеждою на дальнѣйшее хорошее дѣйствіе

* Это письмо отъ Карамзина писано въ Парижъ.

Карлсбадскихъ водъ. Я также все хилѣю, не знаю, прибавить ли: еще. Мы на сихъ дняхъ не безъ горести разстались съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною, которую медики отправили въ Таганрогъ. Мысль — увидимся ли? естественно представилась ей и намъ, или мнѣ: въ 8 мѣсяцевъ много воды утечетъ! Блудовъ уже въ Петербургѣ, но мы еще не видались. Онъ не хвалится здоровьемъ, ни блаженствомъ, какъ Mauue *: Князь П. А. былъ у него. Желаемъ остаться въ глубокомъ уединеніи Царскаго Села до Ноября, съ Исторіею и съ романами; послѣдніе мнѣ не измѣняютъ; а первая и такъ и сякъ: въ 3½ мѣсяца едва написалъ я 30 страницъ. Обнимаю васъ нѣжно. Свидѣтельствую душевное почтеніе Н. И. и С. И. Будьте вы здоровы, и любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Богъ съ вами и съ нами! «Вашъ Н. К.

—

Кромѣ Жуковскаго и Тургенева, любимыми собесѣдниками Карамзина были: Блудовъ, Батюшковъ, Дашковъ, Уваровъ, Каверинъ, Кривцовъ... Всѣ они поперемѣнно выѣзжали изъ Петербурга и возвращались туда, привозя всякія Европейскія новости.

Батюшкова Карамзинъ называлъ, вмѣстѣ съ другими, Парни. Мы представили выше его письмо къ Батюшкову, а здѣсь помѣстимъ письмо Батюшкова къ Карамзину, изъ Неаполя, отъ 24 Мая, 1819 года:

«Не знаю самъ, что могло быть причиною моего молчанія, почтеннѣйшій Николай Михайловичъ. Вѣрьте, что въ каждомъ городѣ Италіи я сбирался писать къ вамъ, но полный мыслей и чувствъ не могъ написать ни одной строки. То не имѣлъ случая отправить письма моего, и боялся, чтобы оно не состарѣлось въ моемъ письменномъ столикѣ, то имѣвъ вѣрный случай, не имѣлъ времени. Короче не писалъ къ вамъ, будучи исполненъ вами. Ибо не думайте, Бога ради,

* Mauue—авторъ Русской грамматики для нѣмцевъ.

чтобы видѣнное мною могло хотя не много изгладить изъ памяти моей друзей, оставленныхъ въ отечествѣ, и васъ, и Катерины Андреевны, которую я столь же люблю, сколько уважаю. Ваши ласки и дружество глубоко запечатлѣны въ моемъ сердцѣ, которое здѣсь на чужой сторонѣ, отдыхаетъ помышляя о васъ. Здѣсь я кажется живѣе чувствую цѣну вашу, и тѣхъ сладкихъ минутъ, которыя провелъ у васъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Вы сами знаете опытомъ, что не въ чужихъ краяхъ дѣлаются связи, украшающія жизнь; можетъ быть знаете и то, что не въ Италіи живутъ сердцемъ. Я угадывалъ это покидая Россію, и все что имѣю драгоцѣннаго; и потому-то мнѣ было такъ грустно съ вами разставаться. Никогда не забуду, съ какимъ искреннимъ, горячимъ чувствомъ вы пожелали мнѣ счастливаго пути, и благословили на добро и благополучіе. Ваше желаніе сбылось: благополучно я пріѣхалъ сюда, не ограбленный, и довольно бодрый, послѣ утомительнаго путешествія въ зимнее время, самое непріятное въ Италіи, гдѣ нѣтъ ни убѣжищъ, ни каминовъ. Первые дни въ Неаполѣ я провелъ со своими, и очутился одинокимъ только по отъѣздѣ Великаго Князя. Четыре недѣли сряду посвятилъ на обозрѣніе окрестностей Неаполя, любопытныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, единственныхъ, несравненныхъ. Четыре раза былъ въ Помпеи, и два раза на Везувіѣ, два мѣста, которыя заслуживаютъ вниманія самаго нелюбопытнаго человѣка. Судьба конечно не безъ причины таила около двухъ тысячъ лѣтъ, подъ золой Везувія, Помпею, и вдругъ открыла ее: это живой коментарій на Исторію и на поэтовъ Римскихъ. Каждый шагъ открываетъ вамъ что нибудь новое, или повторяетъ старое: я какъ невѣжда, но полный чувствъ, наслаждаюсь зрѣлищемъ сего кладбища цѣлаго города. Помпеи не можно назвать развалинами, какъ обыкновенно называютъ остатки древности. Здѣсь не видите слѣдовъ времени или разрушенія.

Основанія домовъ совершенно цѣлы; не достаетъ кровель. Вы ходите по улицамъ изъ одной въ другую, мимо рядовъ колоннъ, красивыхъ гробницъ, и стѣнъ, на коихъ живопись не утратила ни красоты, ни свѣжести. Форумъ, гдѣ множество храмовъ, два театра, огромный циркъ, уцѣлѣли почти совершенно. Везувій еще дымится надъ городомъ, и, кажется, грозитъ новою золою. Кругомъ виды живописные, море, и повсюду воспоминанія; здѣсь можно читать Плинія, Тацита и Виргилія, и ощупью повѣрять музу Исторіи и Поэзіи. Но съ Везувія виды еще великолѣпнѣе. Мы наслаждались ими недавно большимъ обществомъ Русскихъ; съ нами были Щербатовы, которые поручили вамъ усердно кланяться. Везувій нашъ безпрестанно измѣняется, какъ море, или какъ міръ политической. Онъ ужасенъ и плѣнителенъ. Съ Гр. де Бре мы были въ Байи; Графиня скажетъ вамъ безсомнѣнія, что мы говорили о васъ на мысѣ Мизенскомъ, и пили какое то вино за ваше здоровье, на томъ мѣстѣ, гдѣ Римляне роскошничали, гдѣ Сенека писалъ, гдѣ жилъ Помпій, и Цицеронъ философствовалъ. Гдѣ лучше было вспомнить васъ, нашего историка? Но прошу васъ сказать Гр. и Графинѣ де Бре, что я всегда съ новымъ удовольствіемъ брожу по тѣмъ тропинкамъ, по коимъ ходилъ съ ними въ первый разъ въ жизни. Я имъ обязанъ лучшими моими знакомствами въ Неаполѣ, гдѣ хорошое пріятное общество столь же рѣдко, какъ худая погода и пасмурные дни. Всѣ жалуются на общество, но всѣ съ радостію посѣщаютъ нашъ городъ. Англичанъ здѣсь тучи: я живу окруженъ ими и лазаронами. Нынѣ, по пріѣздѣ Императора Австрійскаго, было очень шумно, и, говорятъ, весело. Здѣсь, говорятъ, климатъ лѣчитъ закоренѣлыя болѣзни: я до сихъ поръ не испыталъ этого на себѣ, и хвораю часто. Предвижу, что съ насмѣшкою прочитаете мою вѣчную жалобу на здоровье. Я по крайней мѣрѣ, вамъ, Катеринѣ Андреевнѣ, которой сто разъ цѣлую

ручку, и всему семейству вашему, отъ искренняго сердца желаю здравія, благоденствія и долгоденствія. Усердно кланяюсь любезнымъ дѣтямъ вашимъ, и еще разъ прошу незабывать преданнѣйшаго вамъ изъ людей,

Константина Батюшкова.

1 Ноября, 1819 г., письмо К. къ Дмитріеву: «Сѣверинъ долженъ быть въ Италіи или въ Ниссѣ, для поправленія здоровья. Батюшковъ любуется Римомъ или Неаполемъ; Блудовъ скучаетъ Лондономъ; Дашковъ оффиціально осматриваетъ Грецію. А здѣсь Жуковскаго не вижу, Тургенева почти не вижу, хотя и люблю ихъ всѣмъ сердцемъ. Я старъ для молодыхъ; и самые старики для меня молоды. О чемъ говорить? Уже все сказано. Я рѣдко скучаю. Но всѣмъ дозволяю скучать со мною. Vive la liberté»!

«Батюшковъ пишетъ изъ Рима», увѣдомляетъ Карамзинъ *Дмитріева отъ 10 Марта, 1821 г.*, «что революція глупая надоѣла ему до крайности. Хорошо, что онъ убрался изъ Неаполя бурнаго, гдѣ уже было, какъ сказываютъ, рѣзанье».

«Однажды», разсказываетъ Г. Сербиновичъ, «Н. М. взялъ стихотворенія Батюшкова послѣ извѣстія о безвозвратной потери его для литературы и общества. Онъ раскрылъ книгу и читалъ вслухъ, что первое попалось на глаза, читалъ тихимъ и ровнымъ голосомъ, лице не мѣнялось, но глаза постепенно дѣлались влажны, и наконецъ слеза, скатившаяся по лицу, остановила чтеніе. Живо и глубоко чувствовалъ онъ несчастіе своихъ друзей».

31 Мая. «Наши полумолодые пріятели уже обѣдали и пили чай съ нами въ Царскомъ селѣ: Блудовъ, Дашковъ, Сѣверинъ. Послѣдній всѣхъ спокойнѣе, довольнѣе и едва-ли не разсудительнѣе, уступая имъ въ другомъ».

7 Сентября, 1822 года. «Недавно Дашковъ (à propos d'Arsamas) ночевалъ у насъ, и мы довольно поговорили о

Востокѣ, а съ Блудовымъ о Западѣ! Послѣдній занимается теперь дѣлами Бессарабіи, подъ начальствомъ Гр. Кочубея, но все плохъ здоровьемъ».

10 Іюля, 1825 г. «Сѣверинъ блаженствуетъ; дай Богъ, чтобъ и всегда блаженствовалъ. Онъ былъ всегда нашимъ добрымъ пріятелемъ.»

—

Пушкинъ съ молодыхъ лѣтъ былъ принятъ въ домѣ Карамзина. Принадлежавъ близко-знакомому семейству, онъ нашелъ въ Карамзинѣ перваго покровителя и совѣтника, котораго часто впрочемъ выводилъ изъ терпѣнія. Въ Царскомъ селѣ всякой день, послѣ классовъ, прибѣгалъ онъ къ Карамзинымъ изъ Лицея, проводилъ у нихъ вечера, разсказывалъ и шутилъ, заливаясь громкимъ хохотомъ, но любилъ слушать Николая Михайловича, и унимался, лишь только взглянетъ онъ строго, или скажетъ слово Катерина Андреевна; онъ любилъ гулять съ его семействомъ, и играть съ дѣтьми; рѣзвился, кривлялся, досаждая мамушкѣ ихъ, Марьѣ Ивановнѣ, которая безпрестанно на него кричала: да полноте Александръ Сергѣевичъ, вы уроните, вы ушибете... что это такое, ни на что не похоже, перестаньте шалить!—и шалунъ унимался. Однажды случилась съ нимъ большая бѣда, за которую онъ поплатился дорого. Онъ написалъ изъ Лицея два письма, одно къ Катеринѣ Андреевнѣ Карамзиной по какой то надобности, а другое къ своему знакомому пажу, Князю Мещерскому, о разныхъ шалостяхъ, можетъ быть, не совсѣмъ приличныхъ, да и перепуталъ адресы: послѣднее письмо попало въ руки Катерины Андреевны. Николай Михайловичъ разсердился, и когда пришелъ Пушкинъ, сдѣлалъ ему строгой выговоръ за непростительную вѣтренность. Пушкинъ стоялъ предъ нимъ какъ вкопанный, потупивъ глаза, и вдругъ залился слезами...

Въ домѣ Карамзиныхъ Пушкинъ познакомился и сблизился съ Жуковскимъ, Тургеневымъ, Вяземскимъ.

По окончаніи курса, Лицейское начальство, сердитое на Пушкина (онъ писалъ на всѣхъ эпиграммы, и досаждалъ насмѣшками) присудило ему послѣдній классъ, 14-й. Карамзинъ вступился предъ Директоромъ, говоря: какъ же вы хотите выпустить его послѣднимъ, если самъ Богъ отличилъ его дарованіями, всѣмъ извѣстными, — и Пушкинъ получилъ десятый классъ.

9 Іюня, 1819 г. ...«Пушкинъ спасенъ Музами.»

19 Апрѣля, 1820 г., къ Дмитріеву: «Надъ здѣшнимъ поэтомъ Пушкинымъ если не туча, то по крайней мѣрѣ облако, и громоносное (это между нами): служа подъ знаменами либералистовъ, онъ написалъ и распустилъ стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. Это узнала полиція и проч. Опасаются слѣдствій. Хотя я уже давно истощилъ всѣ способы образумить эту безпутную голову, и предалъ несчастнаго Року и Немезидѣ, однакожь изъ жалости къ таланту, замолвилъ слово, взявъ съ него обѣщаніе уняться. Не знаю, что будетъ. Мнѣ уже поздно учиться сердцу человѣческому: иначе я могъ бы похвалиться новымъ удостовѣреніемъ, что либерализмъ нашихъ молодыхъ людей со всѣмъ не есть геройство и великодушіе. *

Іюня 7. «И въ прежнихъ письмахъ я забылъ сказать тебѣ, что ты по моему мнѣнію не отдаешь справедливости таланту или поэмкѣ молодаго Пушкина, сравнивая ее съ Энеидою Осипова: въ ней есть живость, легкость, остроуміе, вкусъ: только нѣтъ искуснаго расположенія частей, нѣтъ или мало интереса; все сметано на живую нитку. Его простили за эпиграмму и за оду на вольность: дозволили ему ѣхать въ Крымъ и дали на дорогу 1000

* Едва ли эти слова относятся къ Пушкину, (замѣчаетъ князь Вяземскій), которому, впрочемъ, тогда едвали минуло 20 лѣтъ. Кажется, онѣ имѣютъ общее значеніе,—и я съ нимъ совершенно согласенъ.

рублей. Я просилъ о немъ изъ жалости къ таланту и молодости: авось будетъ разсудительнѣе, по крайней мѣрѣ далъ мнѣ слово на два года».

25 Сентября, 1822 г. «Въ поэмѣ либерала Пушкина слогъ живописенъ: я недоволенъ только любовнымъ похожденіемъ. Талантъ дѣйствительно прекрасный: жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія.»

7 Апрѣля, 1824 г. «Полюбился ли тебѣ «Фонтанъ» Пушкина? Слогъ живъ, черты прекрасныя, но въ цѣломъ недовольно силы и связи. О евнухѣ слишкомъ много; рѣчь Заремы слаба, кромѣ пяти или шести стиховъ, окончаніе хорошо....»

Февраля 13, 1825 года, Карамзинъ доставилъ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ (вѣроятно Онѣгина) новую поэму Пушкина. Она отвѣчала:

«Cette lecture m'a amusée; en attendant que nous puissions en parler, veillez recevoir ici tous mes remerciements.»

Пушкинъ сохранилъ во всю жизнь свою глубочайшее почтеніе къ Карамзину и благоговѣлъ предъ нимъ. Первый свой значительный трудъ, «Бориса Годунова,» написанный въ годъ кончины Карамзина, посвятилъ его памяти съ надписью: «Драгоцѣнной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина, сей трудъ, геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ Александръ Пушкинъ.»

—

Къ «Арзамасу» принадлежалъ Князь Вяземскій, служившій въ Варшавѣ, младшій братъ его жены, котораго Карамзинъ любилъ, какъ сына.

Ноября 28, 1818 *г., къ Дмитріеву*: ....«И князь Петръ въ Варшавѣ пылаетъ свободолюбіемъ.»

1 Іюня, 1820 г., къ нему же: «Свиданіе съ Кн. Петромъ было для насъ нечаяннымъ, сердечнымъ удовольствіемъ. Онъ проживетъ у насъ еще съ недѣлю или болѣе; а тамъ опять въ Варшаву, гдѣ однакожь не думаетъ остаться на долго. Зрѣетъ умомъ и характеромъ, какъ сынъ, достойный отца.»

10 Іюня, 1821г., къ нему же: «Душевно огорчились, я и жена, непріятностію Кн. Петра Андреевича. Новосильцевъ пишетъ къ нему оффиціально, что за нескромные разговоры его о политикѣ не велѣно ему возвращаться въ Варшаву. Для объясненія мнѣ Государь позволилъ придти къ нему въ кабинетъ, и милостиво сказалъ, что Кн. Петръ можетъ имѣть мѣсто въ Петербургѣ, если хочетъ; но Князь не хочетъ. Либерализмъ его мнѣ самому не нравится; однакожь по любви моей къ нему эта исторія печальна для моего сердца. Княгиня одна поѣдетъ за дѣтьми въ Варшаву, а Князь отправится къ вамъ въ Москву, чтобы экономить и платить долги.»

21 Декабря, къ Дмитріеву: «Теперь читаю...., догадываешься, что? * Сдѣлаю нѣсколько замѣчаній для милаго Князя Петра, который при всемъ своемъ умѣ, худо ладитъ съ языкомъ. Не затруднится ли въ другихъ мѣстахъ ценсура?»

9 Января, 1822 г. «Милый Князь Петръ пишетъ умно, но фразами не легкими и не ясными; умнѣе всѣхъ нашихъ писателей. Дай Богъ, чтобы онъ нашелъ истинное наслажденіе въ сильномъ дѣйствіи мысли и слова, переставъ излишно рыцарствовать за либерализмъ.»

16 Іюня. «Мы безпокоимся о Кн. Петрѣ Андреевичѣ; слышимъ, что онъ не спитъ ночи, и что первы его очень разстроены.... Намекни мнѣ о немъ. Я люблю его, какъ брата, хотя и не послушнаго.»

---

* Разумѣется предисловіе къ новому изданію сочиненій Дмитріева, написанное Княземъ Вяземскимъ.

10 Іюля, 1825 г. «Князь Петръ отправился въ Ревель купаться. Я нашелъ въ немъ новую любезность и старую нерѣшительность: хочетъ и не хочетъ службы. И я не знаю, какую избрать ему лучше. Жаль, что не могу посовѣтоваться съ тобою: на письмѣ трудно. Однакожь сдѣлай одолженіе, скажи свою мысль. Быть ли за Оберъ-прокурорскимъ столомъ въ надеждѣ на Оберъ-прокурорство, или ѣхать въ Германію или Италію къ какому-нибудь посольству, съ жалованьемъ 5000 рублей бумажками, или что другое? Это рѣшится между нами по его возвращеніи изъ Ревеля; а послѣ, какъ будетъ угодно Государю, расположенному къ нему не весьма хорошо, какъ тебѣ извѣстно.»

—

Письма Карамзина къ Н. И. Кривцову.

6 Ноября, 1818 года. «Любезнѣйшій Николай Ивановичъ! ...Часто объ васъ и думаемъ и говоримъ, жалѣемъ и почти грустимъ: Англія хороша, но чужая сторона, хотя и съ конституціею! Спорите ли, или единственно такаете въ Лондонѣ? А я уже почти не спорю. Живемъ тихо и смирно безъ дальнѣйшаго плана. Къ Петербургу привязываетъ меня теперь второе изданіе Исторіи. Въ теченіе лѣта Государь былъ къ намъ милостивъ. Мы любимъ его очень, очень искренно.—Скажите намъ, любезнѣйшій, слова два о вашемъ житьѣ-бытьѣ и даже образѣ мыслей. Авось мы еще увидимся въ здѣшнемъ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ будемъ любить васъ, пока живы. Обнимаю отъ души и сердца; а вы обнимите за насъ Дм. Ник. Блудова. Курьеръ требуетъ письма. Простите».

Царское Село, Іюля, 1819 г. «Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо, любезнѣйшій Николай Ивановичъ: мы читали его и съ чувствительностію и съ веселостью. Остафьево достопамятно для моего сердца: мы тамъ наслаждались всею пріятностію жизни, не мало и

грустили; тамъ текли среднія, едва ли не лучшія лѣта моего вѣка, посвѣщенныя семейству, трудамъ и чувствамъ общаго доброжелательства, въ тишинѣ страстей мятежныхъ. Отъ вашихъ строкъ, одушевленныхъ дружбою, у меня навернулись слезы. И я жалѣю, что мы не вмѣстѣ смотримъ на бѣлой свѣтъ, въ Москвѣ ли святорусской, въ Петербургѣ ли, чудномъ твореніи судьбы причудливой. У этой же судьбы дозволяю вамъ спросить мимоходомъ, зачѣмъ я въ Петербургѣ? Но кто знаетъ, гдѣ будутъ лежать мои кости? Можетъ быть, и въ глинистой землѣ Московской. Вы же хвалитесь дешевизною, а здѣсь Слѣнинъ начинаетъ не платить мнѣ за Исторію: слѣдственно могу, спасаясь отъ банкрутства, и на старое жилье перебраться. Но вы гдѣ тогда будете?»

«Измѣны Остафьевскаго плота уже давно славятся, въ свѣтѣ. Не въ первый ли разъ, отъ начала міра, утонуло мороженое? Князь Петръ могъ бы на этотъ случай написать остроумное посланіе къ щукѣ опаснаго пруда своего. * Сердечно радуемся вашимъ добрымъ объ немъ вѣстямъ: то есть, о не мрачномъ расположеніи его духа. Клятва Адамовскаго грѣха именно состоитъ въ томъ, чтобы никому изъ людей не быть на землѣ щастливымъ, кому отъ судьбы, другому отъ себя; кому отъ бѣды, кому отъ скуки. Слава Богу, если нашъ умной, любезной хозяинъ Остафьевской начинаетъ менѣе скучать въ жизни!—Вы, можетъ быть, и правы, думая, что путешествія стираютъ

---

* Въ день какого то праздника въ Остафьевѣ, куда съѣхалось много пріятелей изъ Москвы, «объясняетъ князь Вяземскій,» случилась бѣда, о которой здѣсь упоминается. Общество перебиралось по плоту черезъ прудъ на другой берегъ, гдѣ происходило народное празднество, хороводы, качели и проч. Плотъ какъ-то покачнуло: всѣ перетревожились и начали бросаться, то въ ту, то въ другую сторону, разумѣется, движеніе и качка усилились: стало заливать плотъ водою. Но всѣ достигли пристани, хотя и мокрые. Тутъ находился Нв. Нв. Дмитріевъ, который очень смутился, Батюшковъ и проч.

съ насъ клеймо Русскаго характера, но и то правда. что не всѣ родятся съ клеймомъ, также, какъ не всѣ родятся съ народною физіономіею.»

«У насъ все, какъ было; новаго нѣтъ, кромѣ сердечнаго удовольствія видѣть Ивана Ивановича, которой теперь въ Царскомъ Селѣ, и живетъ подлѣ насъ въ Китайскомъ домикѣ, но уже собирается ѣхать назадъ въ Москву. Онъ вамъ дружески кланяется».

27 Января, 1824 г. ...«Мы безпрестанно безпокоились о дѣтяхъ съ самаго Августа: болѣзни не переводились у насъ въ домѣ; а мнѣ трудно писать и къ друзьямъ въ душевномъ безпокойствѣ. Между тѣмъ часто думаемъ и говоримъ объ васъ, принимая живѣйшее участіе въ обстоятельствахъ вашей, жизни и службы. То радуемся, слыша, что вы дѣйствуете съ ревностію къ общему благу; то жалѣемъ, слышао многихъ неудовольствіяхъ личныхъ. Отсюда судить не можемъ, по лучшей ли системѣ вы дѣйствуете въ разсужденіи Туляковъ. Ошибаются самые умнѣйшіе, самые добрые люди: слѣдственно и вы, любезнѣйшій, можете ошибаться; но, можетъ быть, и не ошибаетесь, а только поставлены судьбою въ затруднительныя отношенія. Я еще не успѣлъ поговорить объ васъ съ А. Д. Балашовымъ, видѣвъ его только однажды».

«Вашъ добрый братъ намъ очень полюбился: видимъ его не рѣдко. Онъ даетъ хорошія мысли о Фелленберговомъ институтѣ».

«Мы были встревожены болѣзнію Государя: теперь, слава Богу, онъ почти здоровъ; остаются еще ранки на ногѣ, вслѣдствіе бывшей рожи».

«Живемъ, какъ и прежде, не въ свѣтѣ, а въ семействѣ. Видимъ часто нашихъ общихъ пріятелей, но споровъ уже почти не бываетъ между нами. Усердно занимаюсь печатаніемъ 10-го 11-го тома своей Исторіи, и въ три мѣсяца не написалъ ни строки для 12-го тома».

27 Іюля, 1825 г. «Сердечно благодарю за дружеское письмо. Я никогда не упускалъ случая объ васъ навѣдываться: желалъ, желаю и всегда буду желать вамъ всего добраго въ здѣшнемъ не розовомъ свѣтѣ. Истинная пріязнь не слабѣетъ и въ долговременномъ отсутствіи. Жаль, что вы не хотѣли сказать мнѣ ничего яснаго о вашемъ положеніи. Жалѣю также, что не могу удовлетворительно отвѣчать на вопросъ, будетъ ли Государь въ Царскомъ Селѣ до глубокой осени, или куда поѣдетъ. Кажется, что это еще не рѣшено, и царедворцы не перестаютъ говорить о путешествіи въ Москву, гдѣ, какъ сказываютъ, все готово на случай прибытія Государева и двора. Еще повторяю: никто не знаетъ ничего вѣрнаго. По совѣсти не могу сказать, что лучше для васъ, ѣхать ли сюда немедленно, или ждать, когда рѣшится всякое сомнѣніе худѣю и хилѣю почти ежедневно; не могу почти и работать.«

2 Сентября, 1825 г. «Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо, которое читалъ я съ живѣйшимъ участіемъ, хотя и въ худомъ расположеніи духа отъ худаго здоровья. Если на гасну, то изнемогаю. Совѣтуюсь иногда съ медиками, однакожъ не лечусь формально, вѣря волѣ Божіей и дѣйствію природы.»

«Препятствовать злу есть благотворить; негативное бываетъ иногда лучше *позитивнаго*. Много труда и непріятностей; но сердце вѣщунъ: если дѣлаемъ пользу, то внутренно наслаждаемся. Желаю вамъ какъ можно болѣе такихъ внутреннихъ наслажденій. Въ свое время и люди отдадутъ всю справедливость: нужно терпѣніе. Я никогда не сомнѣвался въ вашей благородной ревности; но доходили до меня слухи о вашей излишней вспыльчивости или крутости. Дай Богъ вамъ хладнокровія не менѣе ревности! Людей ни въ столицахъ, ни въ губерніяхъ не

перемѣнишь; а злымъ радость, когда добрые въ порывахъ живости преступаютъ черту закона, довольно и на Руси яснаго. Не тѣшьте злыхъ, а даруйте вашихъ друзей службою усердною, чистою, примѣрною»!

«Имѣю не весьма ясное понятіе о новомъ губернскомъ совѣтѣ: я хотѣлъ бы знать его выгоды; но вамъ нѣтъ времени описывать etc».

«Государь вчера отправился въ Таганрогъ и думаетъ возвратиться *къ Январю*; завтра ѣдетъ туда и Императрица Елисавета Алекс., чтобы провести тамъ зиму, менѣе здѣшней холодную и сноснѣйшую для ея, къ нещастію, слабаго здоровья. Мы остаемся въ Царскомъ селѣ одни, до Ноября, какъ бы хотѣлось».

«Не стыдно ли вамъ, что вы не сказали намъ ни слова о любезной Катеринѣ Ѳедоровнѣ и любезной малюткѣ? Надѣемся, что онѣ здоровы, и своею ласкою разглаживаютъ иногда губернаторскія морщины вашего умнаго лба. У маменьки цѣлую ручку, а дочку въ обѣ щеки».

—

12 Апрѣля, 1823 г., къ Малиновскому: «Вчера посѣщалъ я нашего фабулиста Крылова, у котораго покривился ротъ отъ легкаго удара: сидитъ одинъ на софѣ съ своеюславою, въ ожиданіи, что будетъ, какъ былъ, или совсѣмъ не будетъ.»

—

Ноября 28, 1818 г., къ Дмитріеву: Видѣлъ ли ты книгу о налогахъ, Тургенева, Николая Ивановича? Онъ страшный либералистъ, но добрый, хотя иногда и косо смотритъ на меня, потому что я объявилъ себя не либералистомъ.»

—

«Разъ я зашелъ съ Гречемъ,» пишетъ ко мнѣ Ѳ. Н. Глинка,—«къ Н. М. въ самое то время, когда онъ, по зову, собирался на парадный обѣдъ во Дворецъ. Уже совсѣмъ собрался онъ, какъ вошелъ А. И. Тургеневъ, и увидя на шеѣ Карамзина огромный старинный Владимир-

скій крестъ, объявилъ, что съ нимъ не ловко показаться на парадный обѣдъ, что никто уже не носитъ теперь такихъ крестовъ; ибо по новой формѣ, положено носить маленькіе крестики. Что тутъ было дѣлать? Н. М. озаботился и не зналъ, какъ быть? Тогда я снялъ съ себя и предложилъ ему маленькій, очень изящно отдѣланный, Владимирскій крестикъ. Ник. Мих. принялъ, благодарилъ, и, снявъ съ шеи свой огромный крестъ, подалъ мнѣ, сказавъ съ любовію и ласкою: «примите моего стараго това«рища, съ которымъ я свыкся; по завѣтному, Русскому «обычаю, обмѣняемся крестами, и отнынѣ мы будемъ кре«стовыми братьями.» — Онъ и доказалъ это на дѣлѣ. Разъ, А. П. Тургеневъ, пріѣхавъ изъ Павловска, сказалъ мнѣ: «Я сегодня обѣдалъ съ Карамзинымъ у Императрицы, «и когда она завела рѣчь о письмахъ Русскаго Офицера, «и обратилась къ Карамзину, онъ говорилъ объ васъ съ «такимъ чувствомъ и жаромъ, что не всякій братъ такъ «о братѣ отзовется!»

26 Сентября 1817... «Ты увидишь Гр. Каподистрію: вотъ нашъ благопріятель. Въ послѣдній разъ онъ пробылъ у насъ часовъ пять, съ глазу на глазъ.

13 Іюня 1818. «Умной Гр. Каподистрія обѣдалъ у насъ на сихъ дняхъ, и мы провели съ нимъ пріятно часовъ шесть. Онъ разсказалъ намъ всю свою Исторію. Люблю его, но вижу рѣдко.»

Изъ государственныхъ людей въ Петербургѣ Карамзинъ подружился съ 1816 года съ Графомъ Каподистріемъ, о которомъ писалъ:

28 Іюля 1822 г., къ Дмитріеву: «Люблю его искренно, еще болѣе за душу, нежели за умъ.»

5 Августа, къ нему же: «Никто не балуетъ меня здѣсь ласкою, (никто изъ придворныхъ), кромѣ одного Графа Каподистріи, съ которымъ иногда философствуемъ.»

10 Августа 1822 г., къ Малиновскому: .... «Жаль, что любезный, умный Графъ Каподистрія насъ оставляетъ. Такихъ людей мало.»

Письмо Карамзина къ Графу Каподистріи въ Мартѣ, 1818 г.

«Примите, Графъ, мою искреннюю благодарность за честь, оказанную Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ моему сочиненію. Если это не есть уже ободреніе для меня (потому что, увы! я уже слишкомъ старъ), то по крайней мѣрѣ пріятная награда за труды, и за усердіе, съ которымъ я старался сдѣлать нашу Исторію извѣстнѣе, и слѣдовательно полезнѣе».

«Мое полуофиціальное письмо окончилось бы здѣсь, Графъ, если бы мнѣ было надобно выразить только признательность за благородный образъ дѣйствія Министерства въ отношеніи къ Исторіографу; но чувство, которое вы въ особенности мнѣ внушили, требуетъ языка болѣе свободнаго, болѣе искренняго. Скромность не дозволяла мнѣ благодарить васъ за прекрасную новость, сообщенную мнѣ Г. Малиновскимъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ; я умѣлъ остановить движеніе чувствительности и живости, раздѣляемое моей женою. Вамъ это не должно быть непріятно, Графъ. Отъ васъ, государственныхъ людей, требуется только справедливость: доброта, дружба, были бъ вмѣнены вамъ въ слабость при разсужденіи о наградахъ. Это опять Исторіи я обязанъ такими удивительными соображеніями. Несмотря на шутку, я глубоко тронутъ вашею благосклонностію къ намъ, которая уже столько разъ высказывалась, и съ такою обязательностію. Я могъ бы прибавить къ этому еще многое, если бы далъ волю своей болтливой откровенности; я былъ бы въ состояніи не пощадить вашей скромности, но я щажу ваше время. И такъ я оканчиваю письмо, говоря вамъ еще разъ, что Карамзины васъ любятъ много: этимъ выражается все.

Monsieur le comte,

Agréez mes très sincères remercieens de l'honneur que le Ministère des affaires étrangères a bien voulu faire à mon ouvrage. Si ce n'est plus un encouragement pour moi (car, helas! je suis déjà trop vieux), c'est au moins une douce récompense de mes travaux et du zèle que j'ai mis à rendre notre histoire plus connue et par conséquent plus utile.

Ma lettre demi-officielle finirait ici, Monsieur le comte, si je n'avais à exprimer que ma reconnaissance pour le noble procédé du Ministère par rapport à l'historiographe, mais le sentiment, que vous m'avez inspiré pour vous particulièrement, demande un langage plus franc, plus familier. J'ai été assez discret pour ne pas vous remercier de l'excellente nouvelle que Monsieur de Malinovsky m'a donnée au mois de Décembre, j'ai su arrêter ce mouvement de sensibilité et de naïveté, partagé par ma femme. Vous devez m'en savoir gré, Monsieur le comte. Vous autres hommes d'état, vous ne faites que ce qui est juste: bonté, amitié serait faiblesse pour vous, quand il s'agit de récompenses. C'est encore à l'histoire que je dois ces admirables combinaisons! tout en plaisantant je suis profondément touché de votre bienveillance pour nous, qui s'est prononcée tant de fois et d'une manière si obligeante. Je pourrais y ajouter bien des choses, si je me laissais aller à ma sincérité babillarde; je me sentirais capable de ne pas ménager votre modestie; mais je ménage votre temps. Je finis donc par vous dire encore une fois que les Karamzines vous aiment beaucoup: c'est tout dire.

S.-Pétersbourg.
Le-Mars 1818.

Письма Графа Каподистріи къ Карамзину.

I

У меня нѣтъ словъ, любезный, многоуважаемый другъ, чтобы выразить вамъ удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ, которое вы написали мнѣ вмѣстѣ съ вашею супругою. Это драгоцѣнное письмо нашло меня въ кругу моего семейства, и конечно увеличило счастіе, которое я ощущаю, пользуясь такимъ великимъ преимуществомъ. Всего пріятнѣе для меня получать доказательства добраго расположенія людей, похожихъ на Карамзиныхъ, и живущихъ въ такомъ отдаленіи, какъ вы въ настоящую минуту. Дружба, испытываемая такимъ образомъ, благонадежна. Внѣ семейныхъ привязанностей, лучшее въ мірѣ, это есть искренняя дружба. Такая дружба, какою удостоиваютъ меня Карамзины, болѣе чѣмъ искренняя: она сердечна; я дорожу

ею, и прошу васъ сохранить мнѣ ее навсегда... Мое здоровье, въ которомъ вы по своей добротѣ принимаете участіе, было въ самомъ дѣлѣ очень разстроено въ началѣ зимы. Путешествіе въ Италію и въ особенности родной воздухъ, принесли мнѣ безконечно много пользы, и я можетъ быть уже совершенно выздоровѣлъ бы, если бъ не мѣшала живость участія, какое я принимаю во всемъ касающемся лицъ, которыя удостоиваютъ меня своего довѣрія, и тѣ тревоги, которыя отъ него происходятъ. Вы можете потому легко судить о моемъ положеніи на родинѣ, послѣ одиннадцатилѣтняго отсутствія, въ обстоятельствахъ, въ какихъ эта страна находится. Вмѣсто покровительства, Великобританія поступаетъ съ нею такимъ образомъ, какому нѣтъ имени, какого вообразить нельзя отъявленному недоброжелательству. Исполнивъ, на сколько отъ меня будетъ зависѣть, обязанности сына и гражданина, я отплыву опять въ Италію. По дорогѣ, я воспользуюсь въ продолженіи недѣль двухъ минеральными водами, чтобъ избавиться отъ той желчи, которая накопилась у меня здѣсь, а потомъ отправлюсь прямо къ вамъ въ Царское Село. Я буду радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьи, съ вашимъ IX томомъ, и дитятей, который имѣетъ явиться на свѣтъ. Я не смѣю писать объ этомъ Г-жѣ Карамзиной, чтобы не утомить ее своими каракулями. Къ тому же вы составляете съ нею такое прекрасное и такое полное единство, что было бы и трудно говорить съ вами порознь. Будьте здоровы, и вѣрьте искренности чувства, которыя я питаю къ вамъ обоимъ.

Corfou le $^{11}/_{23}$ avril 1819.

Je n'ai pas d'expression, mon très cher et très révéré ami, pour vous témoigner la satisfaction que m'a procuré la lettre, que vous avez eu la bonté de m'écrire conjointement avec Madame votre épouse. Cette précieuse lettre est venue me trouver au sein de ma famille, et elle a ajouté assurément au bonheur que j'éprouve en jouissant de cet immense avantage. Rien ne me fait plus de plaisir, que, de me savoir dans les bonnes grâces des personnes, qui ressemblent aux Karamzines, et qui se trouvent à la distance qui nous sépare actuelle-

ment. L'amitié, qui est à cette épreuve est de la bonne espéce. Hors de-affections domestiques il n'y a de bon dans le monde que l'amitié sins cère. Celle dont les Karamzines m'honorent est plus que sincère: elle est cordiale. Je la chérie donc, et je vous prie de me la conserver tout entière. Ma santé à la quelle il vous plait de vous interesser, était en effet délabrée tout au commencement de l'hiver. Le voyage d'Italie et surtout l'air natal m'ont fait infiniment de bien, et je serais peut-être complétement rétabli, moins la vivacité de l'interêt que je prends à tout ce qui concerne les personnes qui m'honorent de leur confiance et moins les tracasseries qui en sont la suite. En partant de là il vous sera facile de juger de ma position dans mon pays natale après une absence d'années et dans les circonstances, où mon pays se trouve. Au lieu d'être protégé par la Grande Bretagne il est venu.... d'une manière qui n'a pas de nom et que nul esprit malveillant ne saurait pas même concevoir. Après avoir rempli autant qu'il peut dépendre de moi les devoirs de fils et de citoyen, je vais m'embarquer encore une fois pour l'Italie—je compte prendre en passant les eaux minérales pour une quinzaine de jours à l'effet de me débarasser de toute la bile que j'ai fait ici, et puis je vous arrive droit à Czarskoé Sélo. Je serai bien aise de vous voir en bonne santé, ayant votre IX volume et le petit enfant qui arriverait au monde. Je n'ose pas en écrire à M-me de Karamzine pour ne pas la fatiguer de mon griffonnage. D'ailleurs vous formez une si belle et si parfaite unité avec elle, qu'il est difficile de vous parler séparément. Portez vous bien, et croyez à la sincérité des sentiments que j'ai voués à tous les deux.

votre dévoué Capodistrias.

II

Ваше любезное письмо, достопочтенный другъ, писано 8 Ноября; зачѣмъ оно не отъ 20! До сихъ поръ только изъ газетъ я узналъ объ ужасномъ днѣ 19 Ноября. Какъ ни мало вообще довѣрія внушаютъ онѣ къ себѣ, однако дурныя ихъ извѣстія сжимаютъ сердце. Мое облегчается только размышленіемъ о Петербургскомъ бѣдствіи съ высшей точки зрѣнія. Бѣдствіе велико, безъ сомнѣнія. Но если бы оно постигло огромную столицу ночью, среди глубокаго сна, или въ такое время, когда важныя дѣла удерживали бы Императора вдали отъ нея, тогда что сталось бы съ нею? Эти два обстоятельства доказываютъ мнѣ, что десница Божія надъ вами, и что по его святой волѣ катастрофа, которою кончается 1824 годъ, равно какъ и та, которая увѣковѣчитъ послѣдній періодъ 1812 года, послужатъ

только къ тому, чтобы явить во всемъ блескѣ могущественныя силы Россіи, и увеличить еще, если можно, славу Государя. Можетъ быть для великаго народа, сильнаго своею юностію и чистотою своихъ нравственныхъ началъ, такіе кризисы значатъ тоже, что для частнаго человѣка трудныя и несчастныя положенія, которымъ онъ часто бываетъ обязанъ самыми лучшими и самыми блистательными послѣдствіями на поприщѣ его жизни. Но въ сторону размышленія—я жду съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ моихъ друзей, которые еще любятъ поддерживать сношенія со мною. Я жду ихъ съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ.

Возстановленіе вашего здоровья принесетъ мнѣ истинное удовольствіе. Ваши болѣзни—классическія, потому что все ваше не можетъ быть посредственно. Однако берегитесь новой болѣзни, и рѣшитесь лучше твердо и непоколебимо вытребовать у послѣдней привиллегію, не только на здоровье, но и на долговѣчность.—Это не для васъ, а для вашихъ дѣтей, для вашей супруги, и для Россіи.

Знаки вашего участія находятъ въ чувствахъ моей признательности и въ воспоминаніяхъ, которыя никогда не изгладятся изъ моей души, самый искренній отголосокъ. Когда живешь въ свѣтѣ и находишься подъ ежедневнымъ вліяніемъ человѣческихъ искушеній, то какъ ни старайся сосредоточиться, спускаться въ глубину совѣсти, а все видишь тамъ вещи только въ отраженіи внѣшняго міра.

Но добровольное удаленіе, и полнѣйшее уединеніе охраняютъ, кажется, отъ этой опасности. И подъ этой-то двойной охраной, чѣмъ больше я пересматриваю чувства свои, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что заслуживаю ваше хорошее о себѣ мнѣніе. Ваша дружба идетъ далѣе. Она не останавливается на прошедшемъ... Она любитъ читать въ будущемъ. Всякій разъ, однако, когда это касается меня, я позволяю себѣ читать тамъ только главу объ обязанностяхъ. А такъ какъ только я изучалъ ее всегда и

вездѣ, тщательно и постоянно, то и смѣю надѣяться, что ея откровенія не застанутъ меня при закатѣ дней моихъ на ложной дорогѣ!

Что касается до происшествій въ странахъ, сосѣднихъ съ моею родиною, я ограничиваюсь наблюденіемъ событій, стараюсь понимать ихъ,—и оканчиваю всякій день благословляя Провиденіе за чудеса, совершаемыя имъ для спасенія народа, который старается изъ всѣхъ силъ сдѣлаться достойнымъ его покровительства. Это зрѣлище не одно привлекаетъ мое вниманіе: потому что въ нравственномъ порядкѣ все держится въ связи. Но когда внутренно убѣжденъ, что этотъ порядокъ, подобно порядку физическихъ явленій, имѣетъ свои законы, и слѣдовательно своего Верховнаго Законодателя, то повторяешь за вами *нынче болѣе чѣмъ когда нибудь, что моя религія есть моя политика.* И остаешься въ мирѣ съ самимъ собою, и съ своими ближними! Этотъ внутренній миръ есть предвозвѣстникъ вѣчной жизни, составляя лучшую часть моего существованья, и я имъ счастливъ. Трудъ, который увеличиваетъ кругъ наслажденій, имѣетъ для меня всегда новую привлекательность. И время, шествуя съ быстротою мысли, не дозволяетъ мнѣ смотрѣть на настоящее иначе, какъ глазами потомства. Впрочемъ, что я вижу въ немъ своими собственными глазами, и съ невыразимою радостію, это—дружбу, которая отыскиваетъ меня иногда въ моемъ уединеніи. Я цѣню ее тѣмъ болѣе, что оставляю свои старыя книги только для того, чтобы идти гулять, или, въ свою очередь, искать, на крыльяхъ воображенія тѣхъ людей, которые удостоиваютъ меня неизмѣнною благосклонностію. Это все равно, что я присутствую, и очень часто, въ вашемъ семейномъ кругу, и что я очень радъ занять въ немъ мѣсто нынѣ этими строками, и выразить вамъ мои благожеланія по случаю новаго года.

Еслибы это не было слишкомъ дерзко, я попросилъ-бы

васъ повергнуть ихъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ и къ стопамъ ея Величества, Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Вы пишите, что она удостоиваетъ меня своего воспоминанія. Это увѣреніе оправдываетъ мою смѣлость.

Кончу двумя словами о своемъ здоровьѣ. Эту зиму мнѣ было легче и свободнѣе чѣмъ въ прошедшемъ году. Тѣло выноситъ, и кажется привыкаетъ къ моимъ строгостямъ. Сомнѣваюсь однако, чтобы можно было управлять имъ всегда по своему желанію. Потому что тѣло—вещество, и силы его ослабѣваютъ.

Прощайте, прощайте. Передайте мое почтеніе вашей супругѣ и поклонъ всѣмъ tutti quanti. Скажите пожалуйте Дашкову, что я получилъ его послѣднее письмо, и не замедлю засвидѣтельствовать ему мою благодарность.

Весь вашъ...

III

Genève le $\frac{24 \text{ Decembre}}{5 \text{ Janvier}}$ $2\frac{4}{5}$.

Très cher et très respectable ami.

Votre aimable lettre est du 8 Novembre. Pourquoi n'est elle pas du 20? jusqu'ici ce sont les gazettes seules qui me parlent de l'affreuse journée du 19. Quelque peu de confiance qu'elles inspirent en toute chose, pourtant lorsqu'elles donnent de mauvaises nouvelles, elles serrent le coeur. Le mien ne se soulage qu'en me portant à considérer d'en haut le desastre qui vient de frapper S.-Petersbourg. Sans doute que le desastre est grand, mais s'il eut surpris cette immense capitale au milieu de la nuit et du sommeil, ou dans une époque ou de graves interêts tiennent l'Empereur loin de son sein, que serait-elle devenue? Ces deux circonstances me montrent que la main de Dieu est sur vous et que sans Sa sainte direction la catastrophe par laquelle finit l'année 1824, comme celle qui rendra à jamais mémorable la dernière période de l'année 1812, ne servira qu'à placer encore dans un beau jour les forces puissantes de la Russie et à ajouter, s'il se peut, à la gloire de l'Empereur. Il en est peut-être de ces crises majeurs pour un grand peuple, fort de sa jeunesse et de la pureté de ses principes, comme des situations difficiles et malheureuses, auxquelles l'homme doit souvent ses plus belles et ses plus honorables destinées dans la carrière de la vie. Quoiqu'il en soit de ces réflexions il me tarde de recevoir quelques mots de la part des amis qui aiment encoreà entretenir des relations avec moi. Et je les attends avec impatience et inquiétude.

Le rétablissement de votre santé me fait un grand plaisir. Vos maladies, mon cher Karamsin, sont classiques, parce que tout ce qui vient de vous ne peut pas être médiocre. Gardez vous bien cependant d'en faire une nouvelle, et décidez vous plutôt, mais d'une volonté ferme et inébranlable d'obtenir de la dernière un brevet non seulement de santé, mais de longévité — ce n'est par pour vous, mais pour vos de enfans—pour votre épouse—et pour la Russie.

Les temoignages d'interét que vous vöulez bien me donner, trouvent dans les sentimens de ma reconnaissance et dans des souvenirs qui ne s'effaceront jamais de mon âme le retour le plus sincère. Lorsqu'on est dans le monde et sous l'action journalière des séductions humaines on a beau se concentrer et descendre dans le fond de la conscience, qu'on risque toujours de n'y voir que par les refflets des choses du dehors. Mais une retraite volontaire, et une solitude complète me semblent garantis de ce danger. Et c'est sous cette double sauve-garde que plus je passe en revue mes sentimens, et plus je crois mériter la bonne opinion que vous avez de moi. Votre amitié va plus loin encore. Elle ne s'arrête pas au passé. Elle se plait à lire dans l'avenir. Toutes les fois cependant qu'il s'agit de moi, je ne me permets d'y lire que le chapitre des devoirs. Et puisque c'est le seul que j'ai étudié de tout temps et en tout lieu avec soin et persévérance, j'ose espérer que ses revélations ne me surprendront pas dans le déclin de l'âge sur une fausse route.

Pour ce qui est des événemens qui se passent dans les contrées qui avoisinent ma terre natale, je me borne à observer les faits—je tache de les comprendre, et je finis tous les jours par bénir la Providence des miracles qu'Elle opère, afin de sauver un peuple qui fait de nobles efforts pour se rendre digne de Sa protection. Ce spectacle n'est pas le seul qui attire mon attention: car tout se tient dans l'ordre moral. Mais lorsqu'on est intimement convaincu que cet ordre comme celui des phénomènes physiques a ses lois, et son suprême Legislateur, on dit avec vous — *aujourd'hui plus que jamais ma religion est ma politique*. Et on reste en paix avec soi-même et avec ses semblables. Aussi c'est cette paix intérieure et avant-garde de la vie éternelle qui fait tous les frais de mon existence, et j'en suis heureux. Le travail qui étend la sphère des jouissances a toujours de nouveaux attraits pour moi. Et le temps en marchant avec la celerité de la pensée ne me laisse voir le présent, qu'avec les yeux de la Postérité... Au demeurant ce que j'y vois de mes propres yeux et avec une joie inéxprimable, c'est l'amitié, qui vient quelquefois me chercher dans ma solitude. Je lui en sais gré d'autant plus, que je ne quitte mes vieux livres que pour me promener ou pour aller chercher à mon tour sur les ailes de l'imagination les personnes qui m'honorent de leur invariable bienveillance. C'est vous dire, mon cher Karamsin, que j'assiste aussi et très souvent à vos cercles de famille, et que je suis charmé aujourd'hui d'y prendre ma place par ces lignes et de vous exprimer mes voeux à l'occasion de la nouvelle année.

Si ce n'était pas trop oser, je vous prierais d'en porter l'hommage respectueux aux pieds de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth. Vous me dites, qu'Elle daigne se rappeller de moi. Et cette assurance justifie les ibertés, que je prends.

Je finirai en vous disant un mot de ma santé. Elle est cet hiver moins fastidieuse et moins difficile que l'année dernière. Elle me supporte et parait s'habitur à mes sévérités. — Je doute cependant de pouvoir la façonner selon mon bon plaisir. Parceque le corps est matière et ses forces s'usent. Adieu, mille et mille fois. Présentez mes respects à M.me Karamsine et mes amitiés à *tutti quanti*. Ayez la bonté de dire à M-r Daschkoff que j'ai reçu la dernière lettre qu'il a bien voulu m'écrire et que je ne manquerai pas de lui adresser directement tous mes remerciemens.

IV

Эмсъ. $\frac{23\text{ Іюля}}{4\text{ Августа}}$ 25.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ! Д. Н. Блудовъ, который является къ вамъ въ Царское село, можетъ слишкомъ замѣнитъ длинное письмо отъ меня. И такъ я скажу вамъ только немногое. Я счастливъ, что предпочелъ въ нынѣшнемъ году Эмсъ всякому другому лѣтнему путешествію. Здѣсь нашелъ я не одну пользу отъ минеральныхъ водъ. Дни, проведенные мною съ добрыми старыми знакомыми, сдѣлали мнѣ добро, которымъ я буду наслаждаться даже и въ своей келіи въ Женевѣ, куда теперь возвращаюсь. Давайте мнѣ, любезный Н. М. иногда знать о себѣ. Скажите, что вы здоровы, что Екатерина Андреевна и всѣ дѣти здоровы также—и что вы довольны, сколько человѣкъ можетъ быть доволенъ въ этомъ мірѣ. Жму вамъ руку, и цѣлую васъ отъ всего сердца.

Ems le $\frac{23\text{ Juillet}}{4\text{ Août}}$ 25.

Très cher et très respectable ami! Monsieur Bloudoff, qui vous arrive à Czarskoé Sélo, vaut bien une longue lettre de ma part. Ainsi elle ne vous parlera que peu de choses. Je suis heureux d'avoir préféré cette année Ems à tout autre pélérinage d'été. J'y ai trouvé plus que le remède des eaux minérales. Les jours que j'y ai passées avec de bonnes et anciennes connaissances m'ont fait infiniment de bien, dont je jouirai encore dans ma cellule à Genève, où je vais rentrer. Donnez-moi, mon cher Karamsin, quelquefois de vos nouvelles. Dites moi que votre santé est bonne, que M-me Karamsine et toute sa famille

se portent très bien et que vous etes content eutent que l'homme peut h e're dans ce bas mond e. Je vous serre la main et je vous embrasse h e tout mon coeur.

— Capodistrias.

Съ Графами Румянцовыми: Николаемъ Петровичемъ и Сергѣемъ Петровичемъ, Карамзинъ находился въ постоянной дружеской связи.

Вотъ что писалъ онъ объ нихъ въ первый свой Петербургскій пріѣздъ:

«Съ Румянцовыми живу душа въ душу; слава ихъ отца, и собственныя ихъ достоинства, вселили въ меня искреннюю любовь къ нимъ, хотя мы отчасти и разныхъ системъ.»

Къ Дмитріеву, 11 Февраля, 1818 г. «Бываю у почтеннаго глухаго Канцлера, который видитъ мое лицо, но не слышитъ моего голоса.»

8 Ноября, къ Малиновскому. «Говоримъ объ васъ со всѣми, съ кѣмъ говорить можемъ; а всего болѣе съ любезнымъ Павломъ Ѳедоровичемъ, (котораго однакожъ, къ сожалѣнію, рѣдко видимъ), съ Графомъ Сер. Петровичемъ и съ Канцлеромъ, хотя съ послѣднимъ весьма трудно говорить, такъ что ѣзжу къ нему болѣе съ грустью, нежели съ удовольствіемъ. Онъ видитъ мое лицо, и только; надобно въ разговорѣ прибѣгать къ перу. Человѣкъ ко всему привыкаетъ! За то Графъ Сергѣй Петровичъ бодрствуетъ и споритъ, какъ обыкновенно.»

0 Марта, 1821 г. къ Дмитріеву: «Вчера былъ у Канцлера: его слышалъ, а онъ меня почти не слыхалъ; сѣтуетъ о Черниговскомъ голодѣ и Бѣлорусскомъ, издержавъ тысячь сто на покупку хлѣба. *Пріѣхалъ...(?)» меня* по экономическимъ дѣламъ. Я на его мѣстѣ не сталъ бы хлопотать.»

16 Іюня 1822 г. къ нему же: «Канцлеръ едва ходитъ и стоитъ, отъ слабости въ погахъ: это болѣзнь наслѣдственная: славный отецъ его также нѣсколько лѣтъ не двигался. Не смотря на то, хочетъ ѣхать въ Москву недѣль черезъ пять, и еще съ живостью говоритъ о древ-

постяхъ Россіи, о политикѣ и будущей судьбѣ Европы. Горестно, что нельзя говорить съ нимъ. Какъ всѣ люди должны казаться ему скучны и сухи..

Сентября къ немуже· ... «Уѣхалъ ли отъ васъ Канцлеръ? Онъ дѣйствительно, какъ ты говоришь, прекрасно сражается съ смертію, или съ авангардомъ ея подъ командою неумолимой глухоты. Несмотря на нѣкоторыя странности обоихъ братьевъ, люблю ихъ душевно: это остатки стараго лучшаго міра! Нынѣшніе вельможи, буде ихъ можно такъ назвать, не имѣютъ въ себѣ ничего піитическаго, ни историческаго. Кто изъ нихъ могъ бы запѣть: o Richard, o mon Roi! Нѣтъ ни чувства, ни голоса.»

«Странныя измѣненія въ свѣтѣ и въ душахъ. Но все хорошо, какъ думаю, въ почтовой скачкѣ нашего бытія земнаго. Между тѣмъ прошу тебя скакать, по землѣ какъ можно долѣе, и мысленно обнимаю со всею нѣжностію дружбы.»

6 Апрѣля 1823 г. къ Дмитріеву:... «А Канцлеръ на меня сердится, что не бываю у него безъ зова. Но больно видѣть его въ такомъ состояніи. Скоро будетъ у васъ, съ своею постоянною ревностію къ Россійскимъ древностямъ.

12 Апрѣля, къ Малиновскому: «Вы спрашиваете меня о Канцлерѣ: иногда обѣдаю у него, и всегда съ нѣкоторою грустью, не имѣя способа сообщаться съ нимъ свободно! Какъ всѣ люди для него перемѣнились, стали холодны и сухи, изъясняясь на письмѣ короткими бездушными фразами! У него же, по несчастію, лежитъ на столѣ всегда негодная доска и негодный грифель, да и глаза слабѣютъ. Впрочемъ онъ бодръ духомъ. Скоро его увидите, въ концѣ Апрѣля, или въ началѣ Мая: ѣдетъ на Кавказъ, гдѣ братъ его кончилъ жизнь. —

Письмо Н. М. Карамзина къ Графу Николаю Петровичу Румянцову, *8 Января*, 1823 г.

Милостивый Государь!

Графъ Николай Петровичъ!

Приносимъ, мужъ и жена, Вашему Сіятельству, искреннѣйшую благодарность за ваше драгоцѣнное для насъ воспоминаніе. Милость ваша къ намъ бываетъ часто предметомъ нашихъ семейственныхъ разговоровъ, и всякое новое доказательство ея трогаетъ наше сердце. Душевно преданные вамъ и Графу Сергѣю Петровичу, не умѣемъ раздроблять и сравнивать чувствъ своихъ; но если позволите мнѣ и женѣ моей назвать васъ обоихъ, какъ вы говорите, *любимцами*, то конечно не въ смыслѣ *временщиковъ*: чувство наше къ вамъ не можетъ измѣниться, пока мы живы.»

«Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ вашего благополучнаго къ намъ прибытія. Петербургъ лишился существенной для насъ пріятности съ того времени, какъ вы оставляете его на столь долгое время. Вы и въ Гомелѣ благотворите Россіи и человѣчеству; но мы не можемъ привыкнуть къ вашему отсутствію.

С.-Петербургъ.

До Графа Сергѣя Петровича относятся слѣдующія письма.

1 Мая 1819 г, къ Маминовскому: «Графъ Сергѣй Петровичъ скоро отправится къ вамъ. Мы провели съ нимъ нѣсколько пріятныхъ вечеровъ въ бесѣдахъ искреннихъ. Онъ не веселъ; но гдѣ веселые?»

27 Мая, къ Дмитріеву: «Ты провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ съ любезнымъ Графомъ Сергѣемъ Петровичемъ: такъ и мы бесѣдовали съ нимъ въ теченіе прошедшей зимы! Онъ дѣйствительно менѣе другихъ старѣется — увы! — и еще тоскуетъ о государственной дѣятельности, о дворѣ, тайно, про себя! О, бѣдное сердце человѣческое! И въ старости мы все еще худо знаемъ.»

11 Мая 1822 г. къ нему же: «Сергѣй Петровичь видѣлся съ нами; ѣздилъ и ко Двору: обѣдалъ, былъ въ спектаклѣ у Императрицы; однакожъ недоволенъ. Любезенъ и оригиналенъ.»

6 Апрѣля, къ Дмитріеву: «Завтра Графъ Сергѣй Петровичь даетъ намъ дружескій обѣдъ: Блудову, Тургеневу, Кривцову. Видишь, какъ онъ молодѣетъ для жизни, хотя и часто говоритъ о смерти.

12 Апрѣля 1823 г. къ Малиновскому: «Графъ Сергѣй Петровичь бываетъ у насъ по вечерамъ еще чаще прежняго: живъ и любезенъ, какъ молодой человѣкъ; уже, слава Богу! ничего не ждетъ отъ Двора, и думаетъ остаться въ Петербургѣ.

19 къ Дмитріеву: «Сергѣй Петровичъ съ балу на балъ, и всякой разъ во Дворцѣ, и у насъ часто.»

3 Декабря къ Малиновскому: «Часто говоримъ объ васъ съ любезнымъ Графомъ Сергѣемъ Петровичемъ, который сдѣлался человѣкомъ свѣтскимъ въ полномъ смыслѣ: ѣздитъ и во дворецъ и въ разные домы, даетъ обѣды» etc.

22 Января, 1824 г. къ немуже: «Скоро будетъ сюда Канцлеръ, весьма слабѣющій, какъ онъ пишетъ къ Графу Сергѣю Петровичу, который все еще даетъ обѣды въ своихъ жаркихъ комнатахъ, и споритъ о древностяхъ Славянскихъ.»

8 Декабря 1824 г. къ Дмитріеву: «6 Декабря набралось у насъ довольно людей, и между прочими былъ Графъ Сергѣй Петровичъ, съ которымъ и съ Графинею Лаваль проговорили мы часа три о привидѣніяхъ.»

Въ послѣднемъ еще письмѣ (отъ *22 Апрѣля 1826 г.*), за мѣсяцъ до кончины, Карамзинъ писалъ о немъ къ А. Ѳ. Малиновскому: «Пожалуйте, скажите Графу Сергѣю Петровичу, сколь высоко мы его уважаемъ, и сколь истинно, горячо любимъ.»

Шишковъ прочелъ Исторію Карамзина, и остался ею очень доволенъ. Мы видѣли уже, что онъ просилъ Карамзина сказать рѣчь въ Академіи, которая и была произнесена снисходительнымъ Исторіографомъ, см. выше.

12 Января, 1820 г. къ Дмитріеву: «Едва собрался я съ силами и для академическаго собранія; однако былъ, и читалъ около 80 минутъ, не обозрѣніе Европы, а о перемѣнѣ Іоаннова царствованія; о началѣ тиранства, о вѣрности и геройствѣ Россіянъ, терзаемыхъ мучителемъ. Докладывали напередъ Государю: онъ позволилъ. Тургеневъ къ тебѣ писалъ о дѣйствіи: можешь загляпуть и въ Сына Отечества. Съ начала Академіи, говорятъ, не бывало такого многолюднаго, блестящаго собранія: забыли правило, и раздалось всеобщее рукоплескаиіе, когда добрый Президентъ подалъ мнѣ огромную медаль съ изображеніемъ Екатерины. Это меня тронуло, — меня, холоднаго меланхолика! Тутъ не было ни интриги, ни заговора, ни друзей (кромѣ Тургенева). Филаретъ благословилъ меня усердно. К. А. Н. Голицынъ сказалъ, кажется, доброе слово Императору объ этомъ чтеніи. Государь, сію минуту встрѣтивъ жену на Фонтанкѣ, говорилъ очень любезно объ академическомъ торжествѣ Исторіографа.»

1822 г. 14 Декабря, къ Дмитріеву: «Добрый Шишковъ убѣждаетъ меня завести вечера для чтеній и бесѣдъ о литературѣ; но что читать? съ кѣмъ и о чемъ бесѣдовать? Могу представить ему только Блудова и Дашкова, въ надеждѣ на его голубиное незлобіе. Между тѣмъ положено быть торжественному засѣданію въ Академіи 27 или 28 Декабря. Я намѣренъ читать о Годуновѣ, а Кн. Шаховской двѣ сцены изъ своей новой комедіи Аристофанъ, Жуковскій — нѣкоторыя мѣста изъ Энеиды, Воейковъ что-то о Ломоносовѣ въ стихахъ.

1 Іюля къ нему же: «Люблю его (Шишкова) за доброе сердце.»

19 Января, 1823 г., къ нему же: «На сихъ дняхъ было блестящее собраніе въ Россійской Академіи: читали кое-что, и я о Димитріѣ и Годуновѣ. Двѣ сцены Шаховскаго очень изрядны, и переводъ Жуковскаго изъ Виргилія мнѣ полюбился своею живостію. За то добрый Соколовъ душилъ публику своимъ Лівіемъ и гусями Капитолія за новость! Говорятъ, что Графъ Аракчеевъ плакалъ; по крайней мѣрѣ многіе плакали, но не отъ гусей.»

8-го Декабря, 1824 г., къ Дмитріеву: «Въ этотъ вечеръ узналъ я о незапной смерти умнаго и добраго Мих. Ив. Полетики: въ часъ онъ былъ у Натальи Яковлевны, веселъ, любезенъ, совершенно здоровъ; сѣлъ съ своими обѣдать, почувствовалъ дурноту, легъ, захрапѣлъ и заснулъ вѣчнымъ сномъ. Грустно оставшимся, но такая смерть хороша и достойна метафизика: ты знаешь, что Мих. Ив. написалъ метафизическую книгу.—Нынѣ я выѣхалъ, обѣдалъ у Императрицы, много слышалъ и говорилъ о покойникѣ, который столько лѣтъ служилъ при ней; человѣкъ достоинствъ необыкновенныхъ, и съ рѣдкимъ у насъ просвѣщеніемъ: для того хотѣлось мнѣ видѣть его Министромъ просвѣщенія; но Богъ дѣлаетъ по своему, и Его воля, безъ сомнѣнія, лучшая. It faut de l'ombre à la lumière.»

Отъ того же числа, къ Тургеневу: «Завтра погребаютъ умнаго, добраго Михаила Ивановича Полетику. 5 Декабря, за обѣдомъ, всталъ и скончался. Такихъ людей не много въ Россіи. Жалѣю объ немъ вдвое: онъ былъ искренній мой благопріятель.»

О Сперанскомъ встрѣчаются въ письмахъ слѣдующія упоминовенія:

31 Марта, 1821 г., къ Дмитріеву: «Съ новопріѣзжимъ (Сперанскимъ) я еще не видался, а слышу, что онъ хочетъ быть у меня. Завтра обѣдъ у Канцлера: могу тамъ увидѣть его.»

11 Апрѣля, къ нему же: «Сперанскаго еще не видалъ.»

2-го Мая, къ нему же: «Видѣлъ на сихъ дняхъ и пріѣзжаго, какъ ты назвалъ его. Онъ былъ у меня: не ловокъ, не свободенъ духомъ и слишкомъ остороженъ; еще не знаетъ, что съ нимъ будетъ, но безъ сомнѣнія не поѣдетъ, откуда пріѣхалъ.»

28 Іюня, 1821 г., къ Дмитріеву: «На сихъ дняхъ мы обѣдали у Государя съ Сперанскимъ, который будетъ жить въ Царскомъ Селѣ, и останется здѣсь (въ Петербургѣ). Послѣ обѣда онъ былъ у насъ, и мы познакомились короче.»

15 Августа, къ нему же: «Сперанскій холоденъ со мною, какъ ледъ: едва говоритъ, и то уже въ случаѣ необходимости; къ намъ не ходитъ, и я къ нему не хожу. Отъ чего такая не милость, не знаю».

—

О К. Ѳ. Муравьевой. *28 Ноября, 1818 г., къ Малиновскому*: «Домомъ, а особливо любезнѣйшею хозяйкою, не можемъ нахвалиться: она въ Петербургѣ едва ли не всѣхъ ближе къ нашему сердцу.»

7-го Марта, 1819 г., къ нему же: «Мы живемъ пріятно у нашей любезнѣйшей Катерины Ѳедоровны. Съ нею намъ будетъ не легко разстаться.»

—

Мы обозрѣли главныя знакомства и связи Карамзина въ Петербургѣ. Посѣщали его также: Мордвиновъ, Столыпинъ, Лобановы-Ростовскіе, Графиня Лаваль, Графъ Брэ (Бавар. посланникъ), оба Графы Местры и проч.

—

Объ отношеніяхъ къ Графу Аракчееву находимъ слѣдующее письмо *къ Дмитріеву*, отъ 31 Іюня, 1825 года: «И я, домосѣдъ, путешествовалъ, даже и плавалъ: ѣздилъ смотрѣть военныя поселенія для себя, а въ Петергофъ для дочерей,—но все плохъ здоровьемъ. Зная милостивое рас-

положеніе ко мнѣ Государя, Графъ Аракчеевъ угостилъ меня съ ласкою необыкновенною. Поселенія удивительны во многихъ отношеніяхъ. Тамъ, гдѣ за восемь лѣтъ были непроходимыя болота, видишь сады и города. Но *Русскій путешественникъ* уже старъ и лѣнивъ на описанія»....

Путешествіе это случилось вотъ какъ: Карамзинъ говорилъ часто Государю противъ военныхъ поселеній. Государь видѣлъ въ нихъ свое любимое созданіе,—и будущую замѣну рекрутскихъ наборовъ; онъ выражалъ нѣсколько разъ Карамзину свое желаніе, чтобъ онъ осмотрѣлъ ихъ, и наконецъ убѣдилъ поѣхать, удостовѣриться въ ихъ мнимомъ благосостояніи. Карамзинъ долженъ былъ наконецъ исполнить его желаніе.

Аракчеевъ писалъ къ нему слѣдующее письмо: *

Милостивый Государь, Николай Михайловичъ!

Желаніе мое показать Вашему Превосходительству самому военные поселенія; то я и прошу васъ пожаловать ко мнѣ въ Грузино въ будущей четвергъ, то-есть 16 числа Іюля къ обеду откушать у меня деревенскаго хлѣба соли, а послѣ обеда мы отправимся въ мѣстѣ съ вами въ военное поселеніе. Я бы просилъ васъ, Милостиваго Государя, и въ первые дни будущей недели, но чувствуя себя не очень здоровымъ, то и надеюсь къ 16 числу оправится.

Честь имею быть съ истиннымъ почтеніемъ...

С. Грузино 10 Іюня, 1825 г.

Аракчеевъ самъ показывалъ и объяснялъ Карамзину всѣ заведенія. Но онъ остался при своемъ мнѣніи.

—

Мы должны говорить теперь объ отношеніяхъ Карамзина къ Двору, который осыпалъ его ласками, болѣе и болѣе. Въ письмѣ своемъ *къ брату, отъ 26 Октября*, 1818 г.,

* Печатается съ соблюденіемъ орѳографіи Гр. Аракчеева.

онъ говоритъ: «Если спросите, кого люблю здѣсь болѣе, то скажу въ отвѣтъ: Государя, Императрицъ и Неву».

1-го Апрѣля 1820 г. къ Дмитріеву. «Не принадлежитъ ли къ странностямъ нашего времени и то, что другу твоему не худо у Двора, другу лѣнивому, почти старику, холодѣющему къ свѣту».

27 Февраля, 1821 г. «Выѣзды мои здѣсь ограничиваются почти однимъ Дворцомъ, гдѣ бываю два раза въ недѣлю: у Императрицы Маріи Ѳеодоровны обѣдаю за маленькимъ столомъ; у Елизаветы Алексѣевны бываю по вечерамъ; обѣ ко мнѣ милостивы».

11 Ноября. «Вообще самые пріятнѣйшіе для меня выѣзды къ двумъ Императрицамъ, любимымъ мною душевно: нельзя обходиться милостивѣе и простѣе, какъ онѣ обходятся. Вмѣсто Гатчинскихъ стиховъ, (изъ которыхъ на сей разъ я забылъ одинъ), вотъ тебѣ Царскосельскіе, къ портрету Елизаветы Алексѣевны:

«Корона на главѣ, а въ сердцѣ добродѣтель.
«Душой плѣняетъ умъ, умомъ душѣ мила!
«Въ благотвореніяхъ ей только Богъ свидѣтель.
«Хвалима .. но предъ ней безмолвствуетъ хвала.

Но вотъ и Гатчинскіе: я вспомнилъ это поздравленіе со днемъ рожденія, 14 Октября:

«Живи, Монархиня, ко счастію людей!
«Для суетныхъ забавъ жизнь наша скоротечна;
«Для добродѣтели всегда есть время въ ней.
«Добромъ безсмертна ты: такъ будь же долговѣчна.

Карамзинъ сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Сообщаемъ нѣсколько отрывковъ изъ ихъ переписки, въ коихъ видны близкія дружескія отношенія.

Князь Вяземскій справедливо замѣчаетъ: «Разумѣется, много есть переписокъ съ Царями, но нигдѣ не найдемъ такого добродушія, такой теплоты, такой сердечной вза-

имности, какъ здѣсь. Эти письма составляютъ драгоцѣнныя страницы въ Исторіи Русской литературы. Можно и должно указывать на нихъ нашимъ нынѣшнимъ либералистамъ и прогрессистамъ, которые видятъ раболѣпство съ одной стороны, и неуваженіе къ таланту и личностямъ, со стороны верховной власти, въ дѣлахъ давно минувшихъ лѣтъ».

Предлагаемъ сперва отрывки изъ переписки Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

26 Іюля, 1820 г. «Приношу сердечную благодарность за *воспоминаніе*, еще болѣе нежели за газеты. На сей разъ обвертка въ тысячу разъ дороже вложеннаго».

«Радуюсь прекрасному времени: Вы можете гулять и на сушѣ и на водѣ въ Ораніенбаумѣ. Сынъ.... или правнукъ Океана, залпвъ Финскій, съ гордостію и веселіемъ, какъ думаю, поситъ Вашу ладью, не смотря на свою холодность».

«Что принадлежитъ до Царскосельскаго Исторіографа, то онъ наслаждается..... рюматизмомъ въ правой рукѣ, который однакоже не мѣшаетъ ему ни мыслить о вашихъ милостяхъ, ни чувствовать живѣйшей за нихъ признательности.»

«Повергаю себя къ Вашимъ стопамъ, не только съ благоговѣніемъ, но и съ любовію».

Отвѣтъ, *29 Іюля:* Je suis bien fachée, Monsieur, de savoir en état de souffrance une main droite qui a si bien employé son temps; elle devrait être exempte de rhumatisme, et j'espère du moins que son mal ne sera pas de durée. Vous me confondez presque en me témoignant de la reconnaissance de ce que je tiens ma parole à Oranienbaum comme a Zarskosélo; j'ai trop de plaisir en vous envoyant des gazettes à vous rendre le seul service, qui dépende de moi pour meriter le moindre remerciement. C'est moi, qui vous en dois de ce que vous pensez aux plaisirs, que je peux trouver ici; mais cette fois, malheureusement, votre imagination a été en défaut: je n'ai pas navigué encore comme vous le supposez; un léger rhume m'a imposé quelques privations de ce genre, mais je suis convaincue,

comme vous, qu'il ne faut pas que nous perdions ici bas l'habitude des contrariétés.

Je vous prie, Monsieur, de faire mille complimens de ma part à Madame Karamsine et de recevoir tous deux l'assurance de mon constant et sincère intêret.

Переводъ. Очень прискорбно мнѣ узнать о болѣзни той правой руки, которая такъ хорошо употребляла свое время; ей слѣдовало бы быть поцаженной ревматизмомъ, и я надѣюсь по крайней мѣрѣ, что ея страданіе будетъ непродолжительно. Вы почти смущаете меня благодарностію за то, что я держу мое слово въ Ораніенбаумѣ, какъ въ Царскомъ селѣ: мнѣ слишкомъ пріятно посылать вамъ газеты; это единственная услуга въ моемъ распоряженіи, и не стоитъ благодарности. Я напротивъ обязана Вамъ благодарностію за то, что вы думаете объ удовольствіяхъ, которыми я могу здѣсь пользоваться, но на этотъ разъ къ сожалѣнію, ваше воображеніе ошиблось: я еще не каталась на водѣ, какъ вы полагаете; легкій насморкъ причинилъ мнѣ нѣсколько лишеній въ этомъ родѣ, но я убѣждена, какъ вы, что въ этомъ мірѣ мы не должны отвыкать отъ препятствій и непріятностей.

Всемилостивѣйшая Государыня!

30 Іюля, 1820. «Позвольте мнѣ быть послушнымъ и безпрестанно благодарить В. И. В. Могу еще хвалиться скромностію, оставляя многое въ душѣ, чего и выразить не умѣю, не смотря на то, что мнѣ 52 года отъ роду, и что я болѣе тридцати лѣтъ учусь выражать свои мысли и чувства. Для Васъ я радовался прекрасному времени, а Вы были между тѣмъ въ простудѣ: покрайнѣй мѣрѣ *были*, какъ надѣюсь. Вы не приказываете мнѣ благодарить Васъ, но молиться не запретите? Я желалъ бы, чтобы моя для здѣшняго свѣта печальная *система* казалась Вамъ пелѣпостію; то есть, чтобы Вы, вопреки ей, наслаждались и на землѣ

безпрерывнымъ счастіемъ. Это желаніе для меня почти великодушно: на томъ свѣтѣ изъясню Вамъ смыслъ этой фразы. Не забудьте, что Вы обѣщали быть милостивою къ Исторіографу и въ поляхъ Елисейскихъ, гдѣ я буду ждать Васъ однакожъ съ терпѣніемъ: ибо въ *вѣчности* для всего найдется время; ничто не уйдетъ. Къ тому же тѣни летаютъ, куда хотятъ: ссылаюсь на преданія всѣхъ народовъ. Могу оттуда заглянуть опять въ Царское село, даже и въ Ораніенбаумъ. Буду васъ видѣть, хотя и невидимъ; буду Васъ слушать, хотя и безсловесенъ... а почему знать? можетъ быть и шепну Вамъ что нибудь *на ухо*, хотя теперь и не люблю *наушничества*: шепну нескромную вѣсть Ангельскую, чтобы Вы лишній разъ улыбнулись какъ Ангелъ и на землѣ. Но еще не время: обращаюсь къ земной скромности, однакожъ не придворной.»

«Съ отбытія Вашего изъ Царскаго Села я пріобрѣлъ новую опытность въ рюматизмѣ, какого еще не зналъ до нынѣ. Теперь и враги моего авторскаго таланта не скажутъ, чтобы я *писалъ безъ чувства*: всякое движеніе пера отдается у меня въ нервахъ. Платя дань суетности, безъ стыда хвалюсь передъ Вами твердостію, которая состоитъ въ томъ, чтобы платить нѣкоторою болью въ рукѣ за щастіе писать къ любезнѣйшей изъ всѣхъ Императрицъ, не исключая и будущихъ: другія спорить со мною не будутъ; а Ваше Императорское Величество не имѣете голоса въ своемъ дѣлѣ.»

«Еще болѣе рюматизма тревожила меня болѣзнь старшей дочери: мы опасались горячки; но теперь ей, слава Богу, лучше.»

«Жена моя повергаетъ себя къ Вашимъ стопамъ съ живѣйшею признательностію за Ваше милостивое, любезнѣйшее объ ней слово, и не хочетъ уступить мнѣ въ чувствахъ моей душевной къ Вамъ преданности. Мы

вмѣстѣ просимъ Бога, чтобы Онъ хранилъ Васъ и для всѣхъ и для насъ.»

Сколько ума и прелести въ этомъ письмѣ,—письмѣ, очевидно, писанномъ, излившемся, а не сочиненномъ, прелести, именно Карамзинской.

Луизѣ, въ день ея рожденія, 13 Января, (1821 г.) при вручении ей подарка.

Луиза! Прiими даръ искренней любви.
Твой умъ, Твоя душа питаются прекраснымъ;
Ты Ангелъ горестныхъ, мать сирымъ и несчастнымъ;
Живешь для счастія другихъ... И такъ живи!

Не каждый ль день и часъ ты въ жизни сей добрѣе,
Прекраснѣе душей и дружеству милѣе,
Достойнѣе святой, Божественной любви,
Достойнѣе Небесъ?... И такъ живи, живи!

Здѣсь все мечта и сонъ; но будетъ пробужденье!
Тебя узналъ я здѣсь въ прелестномъ сновидѣньѣ.
Узнаю на яву!... Есть вѣчность для любви,
Безсмертіе добра, есть Богъ... И такъ живи!

Марта 15, 1821. Позвольте наконецъ сказать хотя два слова В. И. В. Вы были нездоровы, и теперь еще не совсѣмъ здоровы; а преданный Вамъ Исторіографъ очень безпокоился, и теперь еще не совсѣмъ покоенъ. Обрадуюсь сердечно, когда узнаю, что Вы уже выѣзжаете.... когда же? А время прекрасное для насъ Русскихъ: легкой морозъ съ яркимъ солнцемъ живитъ нервы.

Всѣмъ семействомъ повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ, не исключая и новорожденной, которая родилась для того, чтобы любить Васъ и тѣмъ заслуживать нашу любовь.

Отвѣтъ: J'ai été fort au regrêt d'avoir manqué l'occasion de vous voir dernièrement, Monsieur; ma santé me l'aurait

permis, mais je n'ai su, que vous aviez été vous même à ma porte que longtemps après votre départ. Je serai charmée de vous remercier de l'interêt, que vous me témoignez, et j'espère être en état de vous voir lundi soir, si vous pouvez me faire le plaisir de venir chez moi. On ne me permet pas de sortir encore, et j'éprouve la vérité de vos principes en ce que la privation d'air atmosphérique influe sur moi: je vous demande donc de l'indulgence à tous égards.

Переводъ, (*19 Марта*). Я очень сожалѣла, прошедшій разъ, что пропустила случай васъ видѣть; нездоровье мнѣ помѣшало, но я узнала, долго спустя послѣ вашего посѣщенія, что вы были сами. Мнѣ было бы очень пріятно благодарить васъ за участіе, которое вы принимаете во мнѣ, и я надѣюсь быть въ состояніи видѣть васъ въ понедѣльникъ вечеромъ, если вы можете доставить мнѣ удовольствіе пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ еще не позволяютъ выѣзжать, и я чувствую справедливость вашихъ правилъ въ томъ, что лишеніе атмосферическаго воздуха имѣетъ на меня вліяніе; и такъ прошу вашего снисхожденія во всѣхъ отношеніяхъ. Е.

20 Марта. Сердечно благодарю В. И. В. за любезнѣйшія строки, отъ которыхъ я сталъ здоровѣе: потому что, несмотря на благотворное дѣйствіе *атмосферическаго воздуха* въ моихъ ежедневныхъ прогулкахъ, я чувствовалъ въ себѣ почти болѣзненную томность. Нелживымъ словомъ исторіографа могу увѣрить Васъ, что Ваше нездоровье тревожило мою душу, еще не совсѣмъ остылую. И такъ, завтра около семи часовъ, если не умру, буду у дверей Вашего кабинета съ большимъ запасомъ *снисходительности*. Повергаемъ себя къ вашимъ стопамъ, мужъ, жена и дѣти.

Поздравленіе *5 Сентября, 1821*. «Пріимите усерднѣйшее поздравленіе вѣрныхъ Царскосельскихъ жителей. Вся Россія празднуетъ Ваши имянины торжественно, и мы

семейственно, съ живѣйшимъ чувствомъ любви и преданности. Всѣ любятъ Васъ, всѣ молятъ о Васъ Бога; а мы знаемъ Васъ еще лучше, нежели многіе другіе: слѣдственно....»

«Чего желать Вамъ? Добра; оно безконечно и неизмѣримо: какъ ни много его въ Васъ, но можете и будете имѣть еще болѣе.»

«Если бы Вы были нынѣшній день здѣсь, то я попросилъ бы дозволенія вписать нѣсколько новыхъ строкъ въ Вашъ Album, (если онъ цѣлъ), и къ числу Русскихъ пословицъ прибавилъ бы въ немъ слѣдующую: «вѣкъ живи, вѣкъ учись — *жить*»! Она всѣмъ извѣстна, но безъ окончательнаго слова, которое важно, и найдено мною недавно въ одной древней рукописи.»

«Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ Вашего благополучнаго возвращенія. Здѣсь все по старому: и садъ и вѣрный исторіографъ, который, слѣдуя пословицѣ, неутомимо учится, но уже не выучивается новому; даже и любитъ Васъ по старому.»

30 Сентября, 1821, писалъ Карамзинъ *къ Дмитріеву*:

«Я узналъ короче Императрицу Елисавету, женщину рѣдкую. Съ прошедшей осени я имѣлъ счастіе бесѣдовать съ нею еженедѣльно, иногда часа по два и болѣе, съ глазу на глазъ; иногда мы читали вмѣстѣ, иногда даже спорили, и всегда я выходилъ изъ ея кабинета съ пріятнымъ чувствомъ. Государь сказалъ мнѣ, что и она не скучала въ Его отсутствіе бесѣдами исторіографа. Къ ней написалъ я, можетъ быть, послѣдніе стихи въ моей жизни, въ которыхъ сказалъ:

«Здѣсь все мечта и сонъ, но будетъ пробужденье.
«Тебя узналъ я здѣсь въ прелестномъ сновидѣньѣ:
«Узнаю на яву!...

Поздравленіе 4 *Сентября*, 1822. «Отъ всего сердца и всѣмъ семействомъ имѣемъ счастіе поздравить В. П. В. съ свѣтлымъ для насъ днемъ Вашего тезоименитства, усердно моля Бога о Вашемъ тѣлесномъ и душевномъ здравіи; но какъ въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ совершеннаго безкорыстія, то молимъ Бога и о продолженіи Вашей къ намъ милости, за которую благодаримъ Его и Васъ.»

«Съ этою живѣйшею признательностію и съ искреннѣйшею любовію, повергаетъ себя къ Вашимъ стопамъ преданный Вамъ Карамзинъ.»

P. S. «Добрая и нездоровая Н. Я. Плюскова, сквозь слезы умиленія и благодарности за всѣ Ваши къ ней милости, также приноситъ Вашему Императорскому Величеству усерднѣйшее поздравленіе, но не смѣетъ писать, чтобы не облить письма слезами. Ея молитва доходна къ Богу!»

Отвѣтъ: J'ai été bien sensible, Monsieur, au souvenir, que vous avez donné au jour de ma fête, et je vous en fais mes remerciements; veuillez les exprimer aussi de ma part à votre famille et M-elle Pluskoff, dont les larmes, j'espère, ne couleront pas à cette occasion. Pour n'en pas verser aussi facilement qu'elle, je n'en suis pas moins touchée de chaque preuve d'affection bienveillante qu'on veut bien me donner, et vous, vous direz si je sais apprécier celles que je reçois de vous, Monsieur, et du cercle de votre famille.

Nous avons enfin reçu anjourd'hui des nouvelles de l'Empereur; elles sont dateés de Vienne et du 27; il se portait bien, grâce à Dieu, mais ne fesant que d'arriver, il ne pouvait donner d'autre nouvelle, si non que c'est définitivement à Verone que s'achèvera le congrès et non à Vienne, comme on commençait à le dire généralement.

Je vous prie, Monsieur, de prendre dans toute son étendue et de vous appliquer personnellement la phrase de très affectionnée que l'on prodigue souvent.

Переводъ, (*7 Сентября, 1822 г.*) «Я была очень тронута вашимъ воспоминаніемъ въ день моихъ именинъ: примите мою благодарность, и передайте ее, прошу васъ, вашему семейству, и дѣвицѣ Плюсковой, у которой, надѣюсь, не потекутъ слезы при этомъ случаѣ. Хоть я не такъ легко плачу, какъ она, но тѣмъ не менѣе бываю тронута, и умѣю цѣнить всякое доказательство доброжелательной привязанности, которую мнѣ оказываютъ: вы именно можете это засвидѣтельствовать за себя и за ваше семейство.

Наконецъ мы получили сегодня извѣстія отъ Императора; онѣ помѣчены изъ Вѣны 27; благодаря Бога, онъ здоровъ, но въ минуту пріѣзда, не могъ сообщить другихъ извѣстій, какъ только то, что конгресъ соберется окончательно въ Веронѣ, а не въ Вѣнѣ, какъ начинали говорить вездѣ.

Прошу васъ, принять въ полномъ значеніи слова, и отнести къ себѣ лично, выраженіе, часто употребляемое, весьма доброжелательной... Елисаветы.

Каменный островъ.

(*Іюля 25, 1823.*) «Въ первый разъ беру перо, чтобы спросить о драгоцѣннѣйшемъ здоровьѣ В. П. В.—Я со вчерашняго дня безпокоюсь, узнавъ, что Вы не очень хорошо себя чувствуете. — Изъявленіе моей сердечной благодарности за всѣ знаки Вашего милостиваго, трогательнаго участія въ моей минувшей болѣзни, оставляю до той минуты, когда буду имѣть счастіе Васъ видѣть.

Отвѣтъ: Je ne puis vous exprimer, mon cher Monsieur Karamsin (pardonnez moi ce mouvement de mon coeur), combien la vue de votre écriture m'a fait plaisir. Je vous remercie pour le bon moment que vous m'avez causé par là, autant que pour le motif de votre billet.

J'ai été charmée de ne voir aucune trace de faiblesse dans votre écriture, et bien au regret de n'avoir pas pu vous répondre à l'instant même. Sans être malade, je ne suis pas trop bien depuis quelque–tems: j'ai une petite fièvre journalière, qui n'est pas fort incommode, mais dont je tache cependant de me débarasser avec le secours de la medecine. Puisse-t-elle contribuer à vous rendre bientôt toutes vos forces, afin qu'il me soit permis de penser au moment de vous revoir. En attendant ménagez vous,je vous prie, et n'abusez ni de la lecture ni de la conversation.

Переводъ. (*7 Сентября, 1822 г.*). Не могу выразить вамъ, любезный Н. М., (извините это движеніе сердца), сколько удовольствія доставилъ мнѣ вашъ почеркъ: благодарю васъ за пріятное мгновеніе, которое вы мнѣ доставили, равно какъ и за предлогъ, побудившій васъ написать вашу записку.

Я была очень рада видѣть, что не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ слабости въ вашемъ почеркѣ, и очень сожалѣла, что не могла отвѣчать вамъ въ ту же минуту. Хотя я не больна, но и не совсѣмъ здорова: съ нѣкоторыхъ поръ, у меня ежедневная легкая лихорадка; хотя она не очень безпокоитъ меня, я однако стараюсь избавиться отъ нея съ помощью лекарства. Желаю чтобы оно содѣйствовало къ скорому возвращенію всѣхъ вашихъ силъ, и что бы я получила возможность думать о свиданіи съ вами. А вы между тѣмъ берегите себя, прошу васъ, и не употребляйте во зло ни чтенія, ни бесѣды. Е.

Августа 21. Изъявляю душевную признательность В. И. В. за любезнѣйшее письмо, которое меня истинно обрадовало. Вы умѣете знаками благоволенія трогать сердца преданныхъ Вамъ людей.

...Вы хвалите прекрасное время, а здѣсь уже бури. Шумный дождь и вѣтеръ не давали намъ спать ночью;

вода лилась изъ окопъ въ комнаты. Я хотѣлъ бы именно теперь взглянуть на Ваше море, любя видѣть сѣдыя, огромныя волны, и слушать ихъ ревъ. Даже и смирное наше Царскосельское озеро почти какъ море.»

«Это смятеніе сѣверной природы конечно не мѣшаетъ Вамъ наслаждаться тишиною, которой Вы искали въ Ораніенбаумѣ, и въ которой чувствительная душа отдыхаетъ на свободѣ. Отдохните и благополучно возвратитесь къ намъ, живущимъ здѣсь почти какъ въ пустыни. Не видимъ ни гуляющихъ, ни проѣзжихъ, ни прохожихъ, (потому что большую дорогу передъ нами загородили); сидимъ одни, если не въ скукѣ, то въ грусти. Ввечеру, уложивъ дѣтей, читаемъ романы Г-жи Сузы—и я все еще плачу, какъ ребенокъ.»

5-го Марта, 1824 г. Карамзинъ писалъ *къ Дмитріеву*... «Смерть доброй Герцогини Вюртембергской чрезмѣрно огорчила Императрицу Елизавету Алексѣевну, которая была съ нею дружна: Судьба отнимаетъ у нея всѣхъ, ей милыхъ, какъ бы для того, чтобы она уже не имѣла никакой земной привязанности...»

(*9 Ноября, 1824 г.* Къ Императрицѣ Е. А.): ...«Отъ бѣдствія общаго мысли мои непрестанно обращаются къ Вашему нездоровью. Надѣюсь на Вашу твердость, но боюсь Вашей чувствительности въ такомъ горестномъ случаѣ. Прошу не Васъ, а Бога хранить Ваше здоровье. Судьба удалила меня отъ зрѣлища ужаснаго; но не знаю, что больше: видѣть или воображать. Сколько жертвъ, сколько отчаянія! Желаю скорѣе быть въ городѣ, то есть ближе къ Вамъ, чтобы всякій день знать, какъ Вы себя чувствуете. Меня задерживаетъ здѣсь старая, подновленная простуда, хотя и не важная болѣзнь. Всѣ мои здоровы, и вмѣстѣ со мною горюютъ. Каждый порывъ вѣтра насъ тревожитъ. И здѣсь видимъ слѣды разрушенія: нѣсколько сотъ де-

ревьевъ лежитъ на землѣ вверхъ корнями. Странно, что никто изъ насъ, слушая третьяго дня ревъ бури, не вздумалъ о наводненіи: мы боялись только за мореплавателей. Видно, что временныя бѣдствія для государствъ и городовъ такъ же естественны и необходимы въ здѣшнемъ свѣтѣ, какъ временныя болѣзни для людей; видно, что Петербургу назначено бѣдствовать два раза въ вѣкъ отъ наводненій.»

«Любезнѣйшему Государю теперь не до насъ Царскосельскихъ; иначе я попросилъ бы Васъ сказать Ему, что садъ мало потерпѣлъ отъ бури; паркъ гораздо болѣе; но когда приберутъ сломленныя и вырванныя деревья, то опустошеніе не очень будетъ замѣтно. Все загладится временемъ. Лишь бы нашъ Царь былъ здоровъ.»

«И Вы, и Вы! къ Вамъ привязана душа моя, а душа нетлѣнна. Кажется, что я люблю Васъ еще болѣе, нежели прежде; и какъ Вы равно милостивы ко мнѣ и къ женѣ моей, такъ мы оба нераздѣльны въ нашемъ общемъ нѣжномъ къ Вамъ чувствѣ.»

Ноября 10. «Какъ сладко чувствовать и съ любовію изъявлять Вамъ признательность, хотя и не могу выразить всего, что чувствую! Нѣкогда я Васъ угадывалъ, уже давно знаю, но все еще, кажется, узнаю съ новой стороны, чтобы тѣмъ болѣе любить Васъ.»

«Слѣдственно не могу быть спокойнѣе: этотъ кашель отзывается у меня въ сердцѣ.»

Января 13, 1825 г. «Примите сердечное поздравленіе и желаніе совершеннаго здоровья отъ нездороваго. Это желаніе есть ежедневная, утренняя и вечерняя молитва наша, моя и жены моей; но сегодни чувствуемъ его еще болѣе.»

«Вы любимы и любите: живите же какъ можно долѣе: то есть, какъ можно долѣе заслуживайте на землѣ Небо! Чѣмъ долговременнѣе служба, тѣмъ болѣе и награды.»

«Мнѣ грустно, что въ нынѣшній торжественный день не могъ я нарядиться, выѣхать и видѣть Васъ, по крайней мѣрѣ быть въ предверіи Вашего кабинета. Впрочемъ я только-что не совсѣмъ здоровъ; душа моя свѣтла: праздную.»

Отвѣтъ: J'apprends avec infiniment de peine, Monsieur, que vous ne vous portez pas bien, et ce sentiment prédomine trop en moi, pour que je ne vous l'exprime pas avant ma reconnaissance pour le souvenir si bon, si affectueux, que vous donnez à mon jour de naissance. Je vous remercie de ce que vous me dites, et je reconnais, que vous avez raison: il faut travailler pour mériter, et il y a de la paresse à désirer d'abréger l'ouvrage. Il en sera, ce qu'il plaira à Dieu; qu'il daigne au moins conserver ceux, dont l'amitié et l'affection font encore la nourriture de mon âme. Vous sentez que ce voeu vous impose aussi des obligations.

Le remplirai la commission, dont vous me chargez pour l'Emp. Veuillez remercier Madame Karamsin de la part, qu'elle a dans sentiments, que vous m'exprimez, et portez vous bien, je vous en prie; du moins ne negligez rien de ce qui tient à votre santé.

Переводъ. (*13 Января, 1824 г.*). «Съ величайшимъ сожалѣніемъ узнаю я, что вы не здоровы, и это чувство такъ сильно во мнѣ, что я не могу не выразить его прежде чѣмъ благодарить васъ за память, столь нѣжную и сердечную въдень моего рожденія. Благодарю васъ за то, что вы говорите, и сознаю, что вы правы: надо работать, чтобы заслужить награду, и есть доля лѣни въ желаніи сократить работу. Пусть будетъ, что Богу угодно; да сохранитъ Онъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, чья любовь и привязанность составляютъ пищу моей души. Вы чувствуете, что это желаніе налагаетъ и на васъ обязанности.

Я исполню препорученіе ваше къ Императору. Поблагодарите Г-жу Карамзину за участіе, которое она принимаетъ въ выраженіи вашихъ чувствъ, и, будьте здоровы, прошу васъ, по крайней мѣрѣ не пренебрегайте ничѣмъ изъ того, что относится къ вашему здоровью. Е.

«*Января 13.* «Мысленно цѣлую Вашу руку за сіе любезнѣйшее начертаніе. Сокровище къ сокровищамъ и благодарность къ благодарности! Да исполнитъ Богъ мою молитву о Васъ, а я радъ исполнять Ваше милостивое приказаніе, и жить, пока Ему угодно.»

письмо И. Елисаветы.

J'ai beaucoup regretté, Monsieur, d'avoir manqué aujourd'hui l'occasion de vous voir. Vous savez, que votre présence me fait toujours plaisir, et j'ai de plus des remerciements à vous faire de l'aimable attention, que vous avez eu de m'envoyer le nouveau poëme de Pouchkine. Cette lecture m'a amusée; en attendant que nous puissions en parler, veuillez recevoir ici tous mes remerciements. Du matin au soir chaque jour nous sommes dans l'attente d'un événement, dans lequel je dois jouer un rôle, si mes orces me permettent; par cette raison je ne dispose pas de mon temps d'avance. Mais dès que le moment sera passé, ce qui ne saurait tarder, je vous demanderai un jour et une heure fixe et pour moi toute seule. Portez vous bien jusque là, je vous en prie, de même que tous ceux qui vous sont chers. E.

Je m'aperçois que grâce à la délicatesse de mon langage mon billet pourrait s'appliquer à une conspiration aussi bien, qu'à une couche, et comme je n'aime pas les choses à double entente, je vous prie de le bruler.

Переводъ. (*23 Февраля, 1825 г.*). Я очень сожалѣла, потерявъ сегодня случай видѣть васъ. Вы знаете, что ваше присутствіе мнѣ всегда пріятно; сверхъ того я должна благодарить васъ за ваше любезное вниманіе, за новую поэму Пушкина, которую вы мнѣ прислали. Это чтеніе доставило мнѣ удовольствіе; въ ожиданіи бесѣды о немъ примите мою благодарность. Съ утра до вечера мы ожи-

* Въ 25 день Февраля послѣдовало рожденіе Великой Княжны Маріи Михайловны.

даемъ событія * въ которомъ и я должна быть дѣйствующимъ лицемъ, если силы мои позволятъ; по этой причинѣ я не располагаю моимъ временемъ заранѣе. Но какъ скоро оно совершится, а замедлить оно не можетъ, я попрошу у васъ опредѣлить день и часъ для меня одной. До тѣхъ поръ будьте здоровы, прошу васъ, и желаю того же всѣмъ тѣмъ, кто вамъ дорогъ.

Я замѣчаю, что записка моя, благодаря сдержанности языка, можетъ отнестись къ заговору, равно какъ и къ родамъ, а такъ какъ я не люблю вещей двусмысленныхъ, то прошу васъ сжечь ее.

Отвѣтъ: (*24* Февраля, *1824 г.*). «Меня не было дома, когда принесли Вашу любезнѣйшую записку *двусмысленную*: я разсмѣялся, и тѣмъ болѣе дорожу сю. Она можетъ сгорѣть развѣ въ пожарѣ, вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ живемъ. Жаль, что Вы означили въ припискѣ le mot de l'énigme, и такимъ образомъ устранили любопытную догадку какого нибудь ученаго комментатора вѣковъ будущихъ!»

«Ждемъ пушечныхъ выстрѣловъ. Дай Богъ, чтобы все благополучно кончилось, а Вы какъ можно менѣе безпокоились, и какъ можно болѣе обрадовались, безъ малѣйшаго вреда для Вашего здоровья драгоцѣннаго?»

«*Іюля 11.* Становлюсь на колѣни и винюсь въ винѣ неумышленной. Вы думали вчера (какъ сказалъ мнѣ Государь), что я приду—а я не пришелъ! Вотъ мое оправданіе: я надѣялся имѣть щастіе видѣть Васъ послѣ Вашей прогулки, но единственно въ такомъ случаѣ, когда бы Государь еще не возвратился; свѣдавъ же, что Онъ уже здѣсь, и зная, что Вы обыкновенно бываете съ Нимъ въ это время, я остался дома, не воображая, что каммердинеръ могъ доложить Вамъ о словѣ, произнесенномъ мною въ полголоса, и которое было для меня только мыслію.

Теперь же молю о великодушномъ прощеніи неосторожнаго, разсѣяннаго, *ветхаго* Исторіографа, (это прибавляю для того, чтобы Васъ разжалобить); а въ наказаніе себѣ смиренно требую, чтобы Вы никакъ не отвѣчали ни полустрокою: тогда буду спокоенъ. Сегодни не смѣю къ Вамъ явиться, зная, что у Васъ будетъ довольно гостей, и что Вамъ нужны силы.»

«Встаю на ноги, по поклонившись вамъ въ землю!

всеподданнѣшій, Карамзинъ.

К. С. Сербиновичъ сообщаетъ свѣдѣніе: «Когда состоялось предположеніе, чтобы Императрица Елисавета Алексѣевна провела зиму въ Таганрогѣ, Николай Михайловичъ началъ собирать для нея объ этомъ городѣ историческія свѣдѣнія. Находясь тогда (въ Августѣ мѣсяцѣ) еще въ Царскомъ Селѣ, онъ поручалъ мнѣ присылать къ нему изъ его городской библіотеки тѣ книги, въ которыхъ полагалъ найти что-либо о Таганрогѣ (Миллера Sammlung Russ. Geschichte и проч.), и сверхъ того по его же порученію дѣланы были мною, подъ руководствомъ А. П. Ермолаева, выписки о томъ же предметѣ въ Императорской публичной библіотекѣ изъ путешествій нашихъ Академиковъ Екатерининa времени. «Это поручаю вамъ»— писалъ онъ ко мнѣ — «сдѣлать для Императрицы Елисаветы Алексѣевны.»

Императрица отправилась въ Таганрогъ въ концѣ Августа, а въ слѣдъ за нею и Государь 1 Сентября.

Сентября 24, 1825 г., къ Дмитріеву. «Императрица въ Гатчинѣ, куда думаемъ съѣздить, если мнѣ не будетъ хуже. Сопутствуемъ другой душей и сердцемъ. Вѣсти объ ней съ дороги такъ и сякъ. Теперь она должна быть уже въ Таганрогѣ. Здѣсь нѣкоторые думаютъ, что Царь нашъ возвратится прежде Декабря».

Къ Императрицѣ Е. А. *Октября 6, 1825.* «Вы доѣхали, какъ пишутъ, благополучно: слава Богу! Ждемъ дальнѣйшихъ

вѣстей съ надеждою на дальнѣйшую милость Божію. Мы ежедневно слѣдовали за вами по картѣ: теперь остановились глазами на берегу Азовскаго моря, но еще не совсѣмъ успокоились. Какъ будетъ дѣйствовать на васъ тамошній климатъ? Хотѣлось бы все знать и видѣть. Что ни скажутъ, что ни напишутъ, а все чего-то не достанетъ. Одинъ взоръ на васъ сказалъ бы мнѣ гораздо болѣе. Къ несчастію, воображеніе не замѣняетъ глазъ для сердца: замѣнимъ все теплою молитвою!»

«Знаемъ, что вы, кромѣ удовольствія видѣть хорошій край Россіи, для васъ новый, имѣли въ пути еще живѣйшее удовольствіе, хотя для васъ уже и не новое: видѣть, какъ любятъ васъ Русскіе! Не могу сердиться на ихъ нескромность въ такомъ случаѣ, какъ ни желаю для васъ покоя и *равнодушія здороваго*, (говоря языкомъ философическихъ медиковъ). Кого любятъ добрые люди, того любитъ и Богъ, отъ Котораго еще болѣе, нежели отъ климата и покоя, зависитъ ваше здоровье».

«Если бы здѣшняя погода могла имѣть какую нибудь связь съ Таганрогскою, то я бы безпрестанно смотрѣлъ на небо и на барометръ, чтобы знать или угадывать состояніе вашей атмосферы; но отдаленность уничтожаетъ всякую симпатію между Азовскою и Невскою природою. У насъ холодно и мрачно: у васъ, надѣюсь, тепло и свѣтло. Желаю, чтобы вы могли еще и поѣздить вокругъ Таганрога, если осень хороша, и если движеніе благопріятно для вашего здоровья: живописная Таврида не далеко. — Я, домосѣлъ, ничего не видалъ; но умѣю воображать красоту ея горъ и долинъ.—Каковъ видъ Азовскаго моря? Представляю себѣ, что вы, сидя подъ окномъ вашего кабинета, смотрите на его зыбь или кипѣніе, держите въ рукахъ книгу, читаете, и снова устремляете взоръ на царство Нептуново! Не боюсь за васъ скуки: съ вами Государь, природа, книги и дѣя-

тельность вашей души съ богатствомъ мыслей и воспоминаній. У васъ досугъ безъ праздности; а досугъ есть наслажденіе для такого сердца, какъ ваше.—Дай Богъ только здоровья, здоровья»!

«Вы такъ ко мнѣ милостивы, что скажу и о своемъ: чувствую себя лучше, и, кажется, уже не худѣю. Хожу пѣшкомъ и ѣзжу верхомъ неутомимо. Дни ясные меня развеселяютъ: любуюсь Царскимъ Селомъ, садомъ, паркомъ, и не завидую Италіи. Мы безпокоились о Сонюшкѣ, которая была нездорова: теперь, слава Богу, покойны. Ввечеру занимаемся чтеніемъ, и жалѣемъ, что вечера не длиннѣе. Занимаемся также экзаменами нашихъ двухъ сыновей. Андрей удивляетъ насъ своимъ понятіемъ: Географія свѣта у него на ладони, Ариѳметика и Грамматика въ головѣ, Исторія въ памяти и въ умѣ. Улыбнитесь на счетъ родительскаго энтузіазма: мнѣ кажется, что я еще никогда не видывалъ такихъ учениковъ не только десятилѣтнихъ, но и пятнадцатилѣтнихъ! Передаю вамъ свое живое чувство, и также не безъ меланхоліи: мнѣ и отъ радости бываетъ грустно»!

«Но боюсь утомить васъ письмомъ, какъ нѣкогда боялся утомлять разговоромъ. Пріимите изъ глубины нашихъ сердецъ увѣреніе, что мы любимъ васъ, какъ только умѣемъ любить: я и жена моя нераздѣльно, а дочери и сыновья по ихъ лѣтамъ. Съ умиленіемъ вспоминаемъ минуту прощанія! Мысленно, и съ нѣжнѣйшимъ чувствомъ, цѣлую вашу милую руку, желая весною дѣйствительно поцѣловать ее—и съ радостію! Ваше искреннее благоволеніе конечно составляетъ для меня одну изъ прелестей моей жизни вечерней».

Императрица Марія нѣсколько разъ приглашала Карамзина въ Павловскъ еще изъ Москвы, какъ мы уже видѣли, и писала къ нему самыя лестныя письма.

Къ Дмитріеву Карамзинъ писалъ отъ *1 Апрѣля, 1820 г.*: «Тронула меня Императрица Марія Ѳедоровна своею милостію, сказавъ, что обо мнѣ думаетъ. Она въ нынѣшнюю зиму поровняла меня съ своими ближними людьми, и маленькіе обѣды въ ея кабинетѣ очень пріятны, разговоръ общій, иногда живой».

Сообщимъ теперь нѣсколько писемъ изъ переписки съ Императрицею Маріею Ѳедоровною.

20 Сентября, 1820 г. — Николай Михайловичъ Карамзинъ, нашъ любезный Исторіографъ, будетъ всегда принятъ съ удовольствіемъ и радостію въ старомъ моемъ готическомъ замкѣ. Всѣ жители онаго постараются сдѣлать пребываніе въ опомъ сколь можно пріятнымъ, начиная съ пребывающей вамъ всегда благосклонною—Марія.

Прывычка моя—не принимать мужа безъ жены и дочерей.

1 Февраля, 1821. Истинно сожалѣю о вашемъ нездоровьѣ, но надѣюсь, что естьли вы, батюшка, будете себя беречь, то малыя воспитанницы Общества не лишатся присутствія того, кого умѣютъ почитать и любить столько же, сколько старая ихъ главная начальница, которая, надѣюсь, вамъ извѣстна. Прощайте и выздоравливайте скорѣе».

15 Мая. Премного благодарю васъ за присланное новое произведеніе истинно любезнаго нашего поэта, доказывающее, что пзящнымъ талантомъ своимъ онъ и въ чужбинѣ занимается. Я душевно радуюсь выздоровлѣнію Исторіографа, коего здоровье, такъ сказать, собственность народная, въ которой всякъ искренно участвовать долженъ, кольми паче уважающая его душевно, и пребывающая съ не измѣннымъ доброжелательствомъ ему благосклонною, Марія.

14 Октября: Я принимаю поздравленіе ваше, какъ изліяніе чувствованій сердца, коего приверженность мнѣ извѣстна и драгоцѣнна. Благодаря васъ, Николай Михайловичъ, я сожалѣю очень, что не имѣла удовольствія

васъ видѣть у меня; и надѣюсь на ваше обѣщаніе посѣтить меня еще до вашего переѣзда. Вы знаете, сколь мнѣ всегда пріятно васъ видѣть и пользоваться вашею бесѣдою. Поклонъ мой супругѣ вашей и фрейлинѣ нашей.

14 Ноября, 1821 года, Карамзинъ писалъ *къ Дмитріеву*: «Третьяго дня члены Опекунскаго Совѣта праздновали двадцатипятилѣтіе Маріина управленія Смольнымъ монастыремъ. Постороннихъ не было: Государыня дозволила мнѣ быть на этомъ любезномъ праздникѣ, сказавъ, что я принадлежу къ монастырю. Всѣ плакали. Она болѣе всѣхъ. Иллюминація, музыка, пѣніе, балетъ—все было прекрасно. Среди великолѣпной залы сіяла надпись: «2000 воспитанницъ въ четверть вѣка были здѣсь образованы подъ надзоромъ Маріи». Члены Опекунскаго Совѣта представляли въ сей вечеръ Россію: ибо Россія долженствовала праздновать это двадцатипятилѣтіе человѣческой и государственной добродѣтели».

Письма Императрицы *къ Карамзину*, отъ *1 Сентября 1822 г.* Съ сердцемъ, исполненнымъ веселія, удовольствія и притомъ благоговѣнія ко всеблагому Промыслу, только насъ обрадовавшему, въ день мнѣ драгоцѣнный, я благодарю васъ за поздравленіе ваше, явно истекающее отъ сердца же чувствительнаго; благодарю васъ и за воспоминаніе о мнѣ при душевныхъ наслажденіяхъ: я умѣю цѣнить такія чувствованія, такую приверженность, и оной соотвѣтствую искреннимъ доброжелательствомъ. Дражайшая родильница, такъ какъ и новорожденная, о коей ваши желанія охотно бы приняла за пророчество, находятся, благодаря Бога, въ вожделенномъ здравіи. Хотя ваше сосѣдство я дѣйствительно уже оставила, однако надѣюсь еще видѣться съ природою въ Гатчинѣ, и насладиться послѣдними ея красотами. Не теряю также надежды, тамъ же лично изъявить вамъ особенное уваженіе, съ каковымъ пребываю всегда вамъ и всему семейству вашему благосклонною. Марія.

..Іюля, 1823 года. Сію минуту получаю письмо ваше, и въ ту же минуту отвѣчаю, чтобы изъявить вамъ, батюшка, сколь я радовалась увидѣть начертаніе руки вашей: не будемъ говорить о прошедшемъ, напоминаніе коего уже больно, но благодарить Бога, зная васъ на пути совершеннаго выздоровленія и имѣя надежду васъ скоро видѣть».

Октября 16, 1823 года. Вамъ извѣстно, сколько я знаю и умѣю цѣнить ваши чувствованія и образъ мыслей, и потому вы должны быть увѣрены, что всякое изъявленіе оныхъ, каково и поздравеніе ваше со днемъ моего рожденія, принимаю я съ искреннею признательностію. Я нахожу однако удовольствіе и въ томъ, чтобъ утвердить васъ въ семъ увѣреніи, и всякій удобный для сего случай почитаю пріятнымъ. Я надѣюсь, что всеблагій Промыслъ услышитъ общія наши моленія о возстановленіи здоровья любезной нашей Великой Княгини, которая благодаря Бога находится въ наилучшемъ по обстоятельствамъ состояніи. Поклонитесь супругѣ вашей и дѣтей благословите моимъ именемъ. Я пребываю вамъ истинно привязанною и благодарною.

Іюня 26, 1824 года. Съ большимъ сожалѣніемъ я увидѣла изъ записки вашей, что вы, батюшка, нездоровы. Надѣюсь, что сіе есть только преходящее, и прошу васъ о томъ меня увѣдомить. Поздравленіе ваше мнѣ всегда драгоцѣнно, ибо источникъ онаго мнѣ извѣстенъ. Я вчерашній день провела у дѣтей въ Красномъ селѣ, которое носитъ сіе имя по справедливости. Сегодни начала говѣть, и прошу васъ соединить молитвы ваши съ моей. Поклонъ мой любезной супругѣ вашей, благословеніе мое любезнымъ дѣтямъ вашимъ, и увѣреніе о моей искренней дружбѣ къ вамъ.

Ноября 8, 1824 года. Благодарю васъ, батюшка, за воспоминаніе ваше; вчерашній день былъ страшный, но еще надобно Бога благодарить, что случилось днемъ. Наводненіе было сильнѣе 1777 года, и безъ глубокаго

чувствованія не можно было смотрѣть на сію страшную картину, предвидя злощастныя послѣдствія оной. Хотя уже извѣстны жертвы, однако говорятъ, что милость Божія ограничила ихъ число, а тѣмъ не менѣе очень чувствительно. Потеря въ имуществѣ весьма велика, но хвалимъ Бога, что жизнь людей спасена.

Декабря 6, 1824 года. Пріимите усерднѣйшее мое поздравленіе со днемъ вашего ангела: Богъ васъ сохрани, батюшка, и ниспошли на васъ все свое благословеніе; будьте щастливы и здоровы. Благодарю васъ за воспоминаніе о сынѣ моемъ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ вашего выздоровленія, и чтобы вы могли пріѣхать въ нашу семейную бесѣду».

Мая 31, 1825 года. Съ душевнымъ прискорбіемъ я узнала о вашемъ нездоровьѣ, Николай Михайловичъ, но надѣюсь на милость Божію, что чистый воздухъ, гуляніе и частый пріѣздъ къ намъ, гдѣ вы такъ любимы, способствовать будутъ вашему выздоровленію. Не желаете ли вы поговорить съ нашимъ добрымъ Рюлемъ? Благодарю васъ сердечно за вашу ко мнѣ дружбу.

Августа 17. Сердечно сожалѣю о вашемъ нездоровьѣ; непостоянное время вѣрно тому причиною, и я спѣшу вамъ сказать, батюшка, что садовникъ мой меня увѣрялъ севодни, что мы будемъ имѣть еще теплую и хорошую погоду. Вы знаете, сколько мнѣ пріятно васъ видѣть у меня, сколько я люблю съ вами разговаривать; мнѣ очень жаль удовольствія сего лишиться. Дай Богъ вамъ скораго выздоровленія.

Октября 13. Всѣ сіи дни я васъ ждала съ нетерпѣніемъ, батюшка, и отдаляла мысль о вашемъ нездоровьѣ, но письмо ваше и препорученіе, данное супругою вашею племянницѣ моей, меня о томъ извѣстило, и я очень сожалѣю о причинѣ, лишающей меня удовольствія васъ

видѣть, но полагаюсь на ваше обѣщаніе пріѣхать ко мнѣ послѣ 14-го. Желаніе ваше вѣрно пришесетъ мнѣ щастіе; молитесь Богу за меня, чтобъ я всегда достойна была вашего добраго мнѣнія о мнѣ, и быть вами любимой. Вотъ чего я сердечно желаю и отъ Бога испрашиваю. Поклонъ мой супругѣ и дочерямъ, благословеніе дѣтямъ вашимъ, и считайте на всегда на мою къ вамъ привязанность.

Къ Малиновскому, 10 Февраля, 1820 г. «Вы угадали нашу искреннюю горесть; мы любили Королеву (Екатерину Павловну), какъ немногіе любятъ Королевъ, знали умъ ея, прелести душевныя, и пользовались, смѣю сказать, ея пріязнію, болѣе нежели милостію. Еще недавно она писала ко мнѣ о своемъ щастіи!.. Будемъ помнить ее до свиданія. Императрица перемѣнилась въ лицѣ отъ печали. Я три раза былъ у нея: она говорила только о милой дочери. Вы жалуетесь на холодность Москвы; и здѣсь танцуютъ, хотя безъ музыки, въ знакъ траура. Русскіе люди лѣнивы и для притворства. Они не дорожатъ маскою чувствительности, изобрѣтенною умомъ государственнымъ; что имъ велятъ, то дѣлаютъ, и болѣе ничего».

—

Точно такоеже благоволеніе оказывалъ Карамзину и Императоръ Александръ. Вотъ письма К. къ Дмитріеву о сношеніяхъ съ Государемъ:

1 Апрѣля, 1820 года. «Въ Свѣтлое Воскресенье ходилъ я къ Императору: онъ былъ не очень здоровъ, но любезно принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, и мы поговорили съ обыкновенною искренностію».

9 Іюля. «Мы простились вчера съ любезнымъ Государемъ: считая минуты передъ своимъ отъѣздомъ, онъ провелъ у насъ цѣлый часъ, отъ семи до осьми вечера; сказалъ, чтобы къ нему не перемѣнялись, обнялъ всѣхъ нашихъ малютокъ, мать, отца; пошелъ работать, не ложился спать,

и въ 5½ утра выѣхалъ. Не только отъ знаковъ его добраго расположенія къ намъ, но и по удостовѣренію, что онъ ревностно занимается будущимъ жребіемъ Россіи, я сталъ какъ-то спокойнѣе. Впрочемъ знаю, что все зависитъ отъ Провидѣнія: наше дѣло только желать добра».

14 Іюня, 1821 года. «Нерѣдко видимъ Государя, къ намъ милостиваго и ласковаго. На другой день его прибытія мы гуляли съ нимъ въ саду не менѣе часа, и говорили о политическихъ дѣлахъ Европы».

...«Государь былъ цѣлую недѣлю въ городѣ. Нынѣ по утру мы видѣлись съ нимъ, и по обыкновенію бесѣдовали въ его зеленомъ кабинетѣ, въ саду».

28 Іюня «Государь ѣздилъ дня на четыре осматривать военныя поселенія: возвратился вчера, нынѣ встрѣтился со мною въ саду и долго говорилъ о томъ, что видѣлъ, и что было для меня любопытно; я узналъ нѣкоторыя интересныя подробности».

10 Іюля. «Государь къ намъ очень милостивъ; а я, любя его душевно, не перестаю быть меланхоликомъ».

2 Августа, 1821, къ Малиновскому: ...«Часто имѣю щастіе видѣть Государя, къ намъ милостиваго: я узналъ и люблю его еще болѣе прежняго, желая быть безкорыстнымъ въ этомъ искреннемъ чувствѣ, которое не должно измѣниться, если бы и онъ въ своемъ расположеніи ко мнѣ перемѣнился. Вотъ моя главная привязанность въ здѣшнемъ краю, который однакожъ могу оставить, чтобъ умереть въ старой нашей Москвѣ».

15 Августа, къ Дмитріеву. «Получивъ твое письмо, на другой же день я имѣлъ случай сказать Государю о твоемъ желаніи: на первый пунктъ онъ отвѣчалъ: сдѣлано; на второй: сдѣлано. И такъ все сдѣлано: поздравляю тебя съ камеръ-юнкеромъ * и съ пажемъ. Еще не до-

* Въ званіе камеръ-юнкера пожалованъ племянникъ П. П., Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ.

вольно. Государь сказалъ, что онъ дѣлаетъ это для тебя съ искреннимъ удовольствіемъ, что любитъ твой умъ и характеръ, и проч., однимъ словомъ, говорилъ о тебѣ— такъ, что мнѣ было любо слушать его. Надобно признаться, что не легко быть любезнѣе нашего любезнѣйшаго Монарха. Въ тотъ же день мы имѣли счастіе у него обѣдать, т. е. вчера. Онъ подтвердилъ, что дѣло сдѣлано: разумѣю, что велѣно написать указъ или указы. Объ этомъ нынѣ справлюсь. Догадаешься, что я вчера былъ веселѣе обыкновеннаго, не смотря на печальное время».

30 Сентября. «Сердечно радуюсь твоему доброму расположенію къ нашему доброму Государю. Чувства наши къ нему согласны. Кромѣ его любезнаго обхожденія со мною, онъ имѣетъ въ себѣ что-то особенно привлекательное— вижу въ немъ болѣе человѣка, нежели царя; а какъ вспомню, что это царь, то нахожу его еще любезнѣе. Дай Богъ, чтобы вся Россія и потомство отдали ему со временемъ полную справедливость. Желаю того еще болѣе изъ любви къ Россіи, нежели изъ любви къ Александру. Судьба страннымъ образомъ приблизила меня въ лѣтахъ преклонныхъ къ Двору необыкновенному, и дала мнѣ искреннюю привязанность къ тѣмъ, чьей милости всѣ ищутъ, но кого рѣдко любятъ».

5 Апрѣля, 1822 г., къ Дмитріеву: «Узнавъ, что Государь въ первый день Праздника, послѣ заутрени уѣхалъ въ Царское Село, святить церковь, я написалъ къ Нему поздравительное письмо, и на другой день удостоился получить отъ него собственноручный отвѣтъ, въ которомъ Онъ велитъ мнѣ быть увѣреннымъ въ его пріемѣ. Это стоитъ краснаго яйца.»

Вотъ этотъ отвѣтъ: «Чистосердечно сожалѣю, что возобновленіе погорѣвшаго моего храма, лишило меня удовольствія христоваться съ уважаемымъ мною Исторіографомъ.

Прошу изъявить Катеринѣ Андреевнѣ мою признательность, — поздравить отъ меня ее и всю вашу семью, и быть увѣрену въ искренней моей пріязни.»

Апрѣля 2, 1822 г.

19 Мая, къ Дмитріеву. Цар. Село. «Здѣсь первымъ гостемъ нашимъ былъ Хозяинъ, который просидѣлъ у насъ часа два. На другой день мы у него обѣдали безъ гостей, и 15 Мая простились съ нимъ на 11 дней. Надѣемся, что онъ проведетъ здѣсь все лѣто; осенью же, вѣроятно, поѣдетъ для свиданія съ Австрійскимъ Императоромъ и Королемъ Прусскимъ».

Вотъ что писалъ Карамзину Государь изъ путешествія:

(*Новый Свержень, Августа 10*).

«Въ первые три дни моего путешествія имѣлъ я довольно время, чтобы со вниманіемъ прочесть тетради, вами мнѣ доставленныя. Чтеніе сіе заняло меня весьма пріятно, и произвело во мнѣ увѣреніе, что новый томъ Россійской Исторіи будетъ достойнымъ продолженіемъ прежде напечатанныхъ. Если послѣ сего чтенія встрѣтилъ бы я васъ, на прогулкѣ нашей ежедневной въ Царскомъ Селѣ, то можетъ быть дозволилъ бы я себѣ взойти съ вами въ разсужденіе о трехъ или четырехъ выраженіяхъ, возбудившихъ нѣкое сомнѣніе во мнѣ, о ихъ правильности. — Но на письмѣ сіе неудобно, и для того отлагаю до моего возвращенія, прося васъ не останавливать нимало вашихъ пріуготовленій къ тисненію. Теперь ожидаю съ нетерпѣніемъ перваго фельдъегеря изъ Петербурга, дабы съ обратнымъ отправленіемъ онаго, скорѣе доставить вамъ назадъ ввѣренныя мнѣ тетради, и тѣмъ уничтожить опасенія ваши о ихъ цѣлости.»

«Прежде нежели заключить сіи строки, прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Катеринѣ Андреевнѣ. Искренно сожалѣю, что не удалось мнѣ съ обоими вами проститься

въ день моего отъѣзда. Все было мною сдѣлано для сего, по обыкновенію, но въ сей разъ тщетно».

«Кончаю увѣреніемъ всегдашней моей привязанности къ вамъ. А.

Карамзинъ отвѣчалъ: *(Царское Село, Августа 23, 1822 г.)*. «Примите сердечную мою благодарность за двѣ милости: за трудъ чтенія и за драгоцѣнныя для меня строки. Что значатъ неблагопріятели моей Исторіи противъ *такого* читателя и судіи благосклоннаго? Вы, Государь, умѣете тѣшить людей не однѣми вещественными наградами. Какъ мнѣ жаль, что ваша любезная рука не означила карандашемъ сомнительныхъ выраженій! Съ какою ревностію старался бы отгадать ваши мысли, и согласить съ ними мои, безъ всякой неискренности! Теперь съ нетерпѣніемъ и безъ нескромности буду ждать новаго доказательства Вашей рѣдкой памяти: неужели, мѣсяца четыре занимавшись важнѣйшими дѣлами Европы, по Вашемъ къ намъ возвращеніи, вспомните, что было замѣчено Вами въ чтеніи моихъ тетрадей? И тогда еще не будетъ поздно *согласиться:* ибо надѣюсь, что Богъ возвратитъ Васъ до новаго года, а въ текущемъ не отдамъ манускрипта въ типографію. Не для моей Исторіи, а для моего отечества желаю видѣть васъ скорѣе. Машина заведенная дѣйствуетъ и въ отсутствіе художника; но лучше, когда художникъ стоитъ подлѣ, готовый немедленно исправить малѣйшій безпорядокъ въ ея движеніи. Государь! мы духомъ съ Вами: умѣю издали смотрѣть на Васъ съ тѣмъ чувствомъ, которое возьму съ собою и на тотъ свѣтъ. Для истинной любви здѣшняя жизнь коротка. Я не очень боязливъ, однакожъ боюсь отнимать у Васъ время: иначе сколько бы еще могъ сказать Вамъ о своей привязанности, право нелицемѣрной! Мы любимъ конечно для себя; но дорожу Вами и для всего, что достойно любви человѣче-

ской въ земномъ путешествіи. Дай Богъ Вамъ успѣха въ трудахъ и здоровья для трудовъ! Вы служите орудіемъ Провидѣнію. Здѣсь *либералисты*, тамъ *сервилисты;* истина и добро въ срединѣ: вотъ Ваше мѣсто, прекрасное, славное! Стойте же на часахъ безъ усталости. Я напримѣръ, какъ Исторіографъ, могу дремать, ибо и Гомеръ дремалъ; но Вы бодрствуйте за всѣхъ насъ, и Вамъ скажетъ спасибо Исторія неумытная. Государь! повторю сказанное мною Вамъ однажды въ саду Царскосельскомъ: быть Великимъ Монархомъ именно въ наше время, есть завидная доля для великодушія.»

«Будьте всегда, въ отсутствіи и присутствіи, милостивы къ семейству—Карамзиныхъ.»

(Петербургъ, 1-го Декабря, 1822 г.). «Вѣрный Исторіографъ повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ сердечною благодарностію за милостивое слово, и за *написанныя* примѣчанія, историческія въ полномъ смыслѣ: ибо онѣ должны войти въ Вашу собственную Исторію. Будьте здоровы и веселы духомъ. Россія ожидаетъ Васъ съ нетерпѣніемъ: не смѣю говорить о своемъ. Богъ съ Вами и съ нами».

14 Декабря къ Дмитріеву. «Государь изъ Вероны написалъ къ женѣ моей очень любезное письмо въ отвѣтъ на ея строки, въ моемъ письмѣ къ Нему, и говоритъ, что онъ записалъ свои примѣчанія на 10 томъ моей Исторіи. Ожидаютъ его около половины Генваря».

1-го Января, 1823 г., *къ нему же:* «Ждутъ Государя къ 18-му.»

5-го Февраля, къ нему же: «На другой день Государева прибытія я имѣлъ щастіе видѣть его въ кабинетѣ, а потомъ еще два раза мелькомъ. Онъ милостивъ, какъ и прежде, и, слава Богу здоровъ; немножко похудѣлъ, но свѣжъ и бодръ. Блестящая публика видѣла его уже на двухъ балахъ у Императрицы; но вчера былъ послѣдній.

21 Февраля, къ Дмитріеву: «Въ послѣднее воскресенье я пилъ чай у нашего милаго Императора, и пробылъ у него болѣе трехъ часовъ. Онъ сообщилъ мнѣ свои примѣчанія на 10-й томъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ (между нами): у меня сказано, что слабый Ѳедоръ долженъ былъ зависѣть отъ вельможъ или отъ монаховъ. «Послѣднее не оскорбитъ ли нашего чернаго Духовенства?» Въ другомъ мѣстѣ: ѳеатръ спасенія Іерусалимъ. «Хорошо ли употребить слово ѳеатръ въ отношеніи къ спасенію!» и проч. Но все милостиво и деликатно. — Въ двухъ мѣстахъ я взялся поправить.»

5-го Іюля, 1823 г., къ нему же: «Любовь моя къ Государю и къ Императрицамъ еще умножилась.—Онъ былъ у меня, но тогда я былъ еще очень слабъ *».

10 Августа, къ нему же: «Онъ (Государь) опять беретъ съ собою на дорогу исторіографическій пирогъ: нѣсколько тетрадей моей Россійской Исторіи.»

11 Сентября, къ нему же: «Чувство мое къ нему есть истинное: я вижу въ немъ только человѣка, будучи самъ уже почти внѣ свѣтскихъ отношеній, и дворскихъ, и государственныхъ, *отъ моихъ лѣтъ, религіи и метафизики,* если такъ сказать можно. Однакожъ еще пишу Исторію. Государь опять взялъ себѣ на дорогу, вмѣсто пирога, нѣсколько моихъ тетрадей: царствованіе Годунова и сына его.»

27 Ноября, 1823 г., къ Дмитріеву: «Государь по своемъ возвращеніи изъявлялъ намъ прежнее доброе расположеніе: два раза въ Царскомъ селѣ пилъ у насъ чай; я также пилъ чай у него въ кабинетѣ. Онъ сдѣлалъ самыя любезныя замѣчанія на царствованіе Годунова и сына его. Моя привязанность къ Нему есть сердечная, и не имѣетъ нужды въ новыхъ доказательствахъ его къ намъ милости. Чувство мое дѣлится между имъ и Императрицею Елиза-

*) См. ниже описаніе болѣзни Н. М. въ это время.

вѣтою, которая отъ горести похудѣла, и не перестаетъ плакать о сестрѣ. За то Императрица Марія, которую также люблю искренно, въ полномъ удовольствіи, нашедши милую дочь въ Принцессѣ Шарлоттѣ, умной, привѣтливой, желающей нравиться Русскимъ.»

21 Января, 1824 г., къ нему же: «Мы все еще не совершенно спокойны въ разсужденіи Государева здоровья: жаръ прошелъ, осталась слабость, и три раны на ногѣ, которыя не могутъ закрыться скоро. Онъ еще болѣе лежитъ, нежели сидитъ; хочетъ заниматься дѣлами и не можетъ. Никогда не чувствовалъ я такъ сильно моей любви къ нему, какъ это время. Я предчувствовалъ, что 6-го Генваря будетъ имѣть худое слѣдствіе: въ тринадцать градусовъ мороза, и при сильномъ вѣтрѣ, Государь стоялъ на Невѣ съ открытою головою; поѣхалъ въ Царское село, и тамъ вѣроятно еще снова простудился. Не говорю о нашихъ чуствахъ; скажу только, что здѣсь купцы и народъ приходили къ Оберъ-Полиціймейстеру спрашивать о здоровьѣ Императора: это меня тронуло.—Я уже съ недѣлю не видалъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны. — Марія Ѳедоровна спокойна, находя, что лице больнаго уже гораздо лучше: мы уже снова обѣдаемъ за просто, но мысль, что мы еще, можетъ быть, долго Его не увидимъ на ногахъ, приводитъ меня въ грусть.»

4-го Февраля, 1824 г., къ Дмитріеву: «Слава Богу! мы спокойнѣе въ разсужденіи Государева здоровья.... Вилье увѣряетъ, что мы увидимъ любезнѣйшаго Царя на ногахъ.»

Февраля 18, къ нему же: «Царь нашъ, слава Богу, уже выѣзжалъ въ саняхъ, но я еще не видалъ его: онъ присылаетъ ко мнѣ только поклоны черезъ Императрицъ.»

Марта 10 Карамзинъ подпесъ ему отпечатанные 10 и 11 томы при письмѣ: «Примите милостиво въ печати, что Вы, любезнѣйшій Государь нашъ, такъ милостиво приняли

въ рукописи. Слѣдуя Вашему замѣчанію, я съ особеннымъ вниманіемъ просмотрѣлъ тѣ мѣста, гдѣ говорится о Полякахъ, союзникахъ Лжедимитрія: нѣтъ, кажется, ни слова обиднаго *для народа:* описываются только худыя дѣла *лицъ*, и такъ, какъ сами Польскіе Историки описывали ихъ или судили: ссылаюсь на 522 примѣчаніе *XI* тома. Я не щадилъ и Русскихъ, когда они злодѣйствовали или срамились. Употребляю предпочитательно имя *Ляховъ* для того, что оно короче, пріятнѣе для слуха, и въ сіе время (то есть, въ XVI и въ XVII вѣкѣ) обыкновенно употреблялось въ Россіи.»

«Ваша горесть есть и наша: мы искренно оплакиваемъ кончину доброй Герцогини. Между тѣмъ безпокоились и еще безпокоимся о Вашемъ здоровьѣ: печаль сердечная дѣйствуетъ и на тѣло; къ тому же Вы слишкомъ много ходили и стояли въ этомъ нещастномъ случаѣ. Дай Богъ, чтобы Вы душевно и физически отдохнули въ тихомъ Царскомъ Селѣ.—Всѣмъ семействомъ поручаемъ себя въ Ваше благоволеніе, которое безъ усилія заслуживаемъ нашею сердечною къ Вамъ привязанностію. Съ любовію Вашъ

вѣрноподданный Н. К.

Государь отвѣчалъ: «Съ признательностію пріемлю соболѣзнованіе Ваше, Николай Михайловичь, къ семейной нашей грусти, и участіе о моемъ лично здоровьѣ. — Оно, благодарю Бога, не потерпѣло, ибо я привыкъ повиноваться съ покорностію Его предопредѣленіямъ.»

«*По истинѣ въ тихомъ* Царскомъ Селѣ имѣлъ я все удобное время дать отдыхъ ногѣ моей, занимаясь дѣятельно безъ отвлеченія моими всегдашними упражненіями.»

«Благодарю искренно васъ за присылку. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ видѣть въ печати то, что съ столь большимъ удовольствіемъ читалъ въ рукописи.»

«Екатеринѣ Андреевнѣ и всему семейству вашему мой

дружелюбный поклонъ.—А васъ прошу быть увѣреннымъ въ искренней моей къ вамъ пріязни.»

«Чинъ, въ знакъ моей признательности Исторіографу. А Николаю Михайловичу извѣщеніе, что въ Царскомъ Селѣ сухо и чисто въ саду, а въ Китайскомъ его жильѣ тепло и приборно. Всей семьѣ искренній мой поклонъ.»

Карамзинъ благодарилъ: «Въ лицѣ Исторіографа приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшую благодарность за чинъ, которымъ Вы хотѣли изъявить *для публики* вниманіе къ трудамъ небезполезнымъ, можетъ быть, и въ государственномъ смыслѣ.»

«Теперь же въ лицѣ Карамзина повторю то, что всего болѣе люблю говорить Вамъ: мужъ, жена, дѣти, всѣ мы привязаны къ Вамъ безкорыстно. Богъ съ Вами и съ нами. Будьте здоровы.

На вѣки съ любовію вѣрноподданный.»

22-го Апрѣля, къ Дмитріеву: «Государь любезно писалъ ко мнѣ изъ Царскаго Села, что онъ далъ чинъ исторіографу, а не Карамзину. Впрочемъ исторіографъ старится вмѣстѣ съ Карамзинымъ, и слѣдственно не можетъ уже радоваться чинами, ни лентами. За Государя же молюсь усердно, любя его искренно и считая весьма нужнымъ для Россіи. Да, лучше наслаждаться, нежели смотрѣть Сентябремъ, какъ я смотрю часто, хотя и благодарю Бога за жену, за дѣтей, за друга, за добрыхъ пріятелей, не забывая и милости Царской, трогательной для моего сердца.»

17-го Августа, къ Дмитріеву: «Царь поѣхалъ отъ насъ, слава Богу, здоровъ: дай Богъ, чтобы и возвратился здоровъ. Этого желаю еще болѣе, нежели продолженія его милости къ намъ. Наканунѣ своего отъѣзда, когда со всѣхъ сторонъ къ нему приступали съ дѣлами, онъ провелъ у насъ болѣе полутора часа. Должны ли мы быть признательны. Но любовь моя къ нему существуетъ сама собою и безъ признательности.»

4-го Сентября, къ нему же: Жаль, что ты, любезнѣйшій, не могъ встрѣтить Государя на берегахъ нашей родной Волги, тобой воспѣтой: это было бы пріятно и ему, и тебѣ; но осень конечно неблагопріятна для дальняго путешествія въ наши лѣта. Я, кажется, сказалъ тебѣ, что Государь принялъ отъ меня краткую историческую *записку* о городахъ, которые онъ теперь видитъ: * въ десяти строкахъ о Симбирскѣ не забылъ я нашего *славнаго Бѣлаго ключа*, ни столѣтняго Елисея Кашинцова, звонившаго въ колокола, когда Симбирскъ праздновалъ Полтавскую побѣду, и бывшаго гребцомъ на лодкѣ Петра Великаго, когда онъ плылъ въ Астрахань, начиная войну Персидскую. Я обрадовался, нашедши здѣсь у живописца Орловскаго старинные часы съ вырѣзаннымъ на нихъ именемъ этого Елисея, который утощалъ меня въ ребячествѣ банею и зеленымъ чаемъ. Миръ его праху!»

31-го Октября, къ Дмитріеву: «Государь возвратился къ намъ благополучно, и съ прежнею милостію; пилъ у насъ чай, и разсказывалъ много любопытнаго о своемъ путешествіи, о Пензѣ, Симбирскѣ, Оренбургѣ и проч. Одинъ только изъ монхъ братьевъ, Ѳедоръ Михайловичъ, имѣлъ счастіе видѣть его; вылѣчился отъ подагры, и пишетъ, что до конца дней своихъ не забудетъ милостивыхъ словъ, ему сказанныхъ Государемъ.»

«Я напомнилъ о пенсіи В. В. Измайлова: добрый нашъ Царь отвѣчалъ, что онъ подписалъ указъ еще за два или за три дня до отъѣзда. Слѣдственно Дружининъ ошибся, написавъ къ Тургеневу, что пѣтъ указа ни у Министра финансовъ, ни въ кабинетѣ. Снова справлюсь. Даже и самъ Государь обѣщалъ справиться и дать мнѣ знать, откуда назначено получать эту пенсію 1200 р.».

---

* Всѣ старанія найдти эту *Записку* остались до сихъ поръ тщетными.

6-го Ноября, къ нему же: «Государь заѣзжалъ къ намъ проститься: однакожь сказалъ, что можетъ еще пить у насъ чай до нашего отъѣзда изъ Царскаго Села.»

Ноября, къ нему же: «Безпокоюсь о здоровьѣ Императрицъ, боюсь и за Царя, который былъ свидѣтелемъ бѣдствій. Это могло подѣйствовать и на его ногу.»

23-го Ноября, къ нему же: «Благодѣтельный Царь нашъ думаетъ только объ утѣшеніи несчастныхъ, разоренныхъ наводненіемъ, и не хотѣлъ даже говорить о своей ногѣ. Я встрѣтился съ нимъ въ комнатахъ у Императрицы. Онъ сердечно также огорченъ смертію Ѳ. П. Уварова. Здѣсь все печально или уныло.»

Государь такъ увѣдомилъ Карамзина о наводненіи: «Вы знаете уже о печальныхъ произшествіяхъ 7 Ноября! Погибшихъ много, нещастныхъ и страдающихъ еще болѣе!»

«Мой долгъ быть на мѣстѣ; всякое удаленіе причту себѣ въ вину. — Вамъ не трудно себѣ представить грустьмою. — Воля Божія: намъ остается преклонить главу предъ нею.»

«С. Петербургъ. *Ноября 10,* 1824 г.»

«Это любезное письмо есть историческій памятникъ. Петербургъ никогда не славилъ такой отеческой попечительности Государя, какъ въ нынѣшнемъ бѣдствіи. Народъ, слушая панихиду въ Казанскомъ соборѣ, плакалъ и смотрѣлъ на Царя.»

Письмо Карамзина къ Государю, *отъ 16 Февраля*, 1825 г.

«Всѣмъ семействомъ приносимъ Вамъ, любезнѣйшій Государь, сердечную благодарность. Мы осмотрѣли чистый, уютный, прекрасный домикъ: все въ немъ весело (кромѣ одного воспоминанія). Вмѣстѣ съ другимъ домикомъ онъ былъ бы для насъ помѣстителенъ; но мысль, что Вы, можетъ быть, готовили его на что нибудь другое, насъ тревожитъ. Мы достойны Вашей искренности въ этомъ

случаѣ. Между тѣмъ надѣюсь еще видѣть Васъ въ Свѣтлый праздникъ, какъ бывало.»

«Поздравляю Васъ, любезнѣйшій Государь, и съ новорожденною и съ новоприбывшими.»

«Будьте совершенно здоровы, будьте и всегда милостивы къ семейству преданныхъ Вамъ, Карамзиныхъ.»

Отвѣтъ: «Замедлилъ я моимъ отвѣтомъ вамъ, касательно дома, потому что имѣлъ намѣреніе лично оный вамъ передать, побывавъ у Екатерины Андреевны, и у васъ, въ исполненіе давнишняго моего обѣщанія. Но занятія мои все мнѣ препятствовали. Наконецъ, сегодня въ вечеру, имѣю я свободный часъ, и если вамъ досужно, то я пріѣду къ вамъ въ 9-мъ часу. До свиданія.

Марта 15-го 1825 г.»

19-го Марта, 1825 г. *къ Дмитріеву*: «Въ прошедшее воскресенье отъ 9-го до 12-го часа вечера былъ у насъ Августѣйшій гость, бесѣдовалъ любезно, и пилъ чай, съ хозяйкою и хозяиномъ. Въ чистой любви нашей къ нему есть что-то и меланхолическое: можетъ быть отъ того, что я во всемъ меланхоликъ.»

3-го Апрѣля, къ нему же: «Царю пожелалъ я щастливаго пути въ первый день Праздника: нога его все еще тревожитъ насъ, и путешествіе въ такое время! Онъ въ Царскомъ Селѣ, а завтра выѣдетъ оттуда въ Варшаву. Императрица Марія Ѳедоровна вмѣсто краснаго яйца пожаловала мнѣ перстень съ своимъ портретомъ.»

Письмо Карамзина къ Императору Александру (*Петербургъ, 2 Мая, 1825*).

«Пользуюсь вашимъ милостивымъ дозволеніемъ: вотъ первыя три главы XII тома Исторіи Россійской, списанныя моею женою и дочерью, для чтенія въ колискѣ, на обратномъ пути изъ Варшавы въ Царское Село, куда хотимъ отправиться дней черезъ пять, чтобы ждать тамъ Августѣйшаго хозяина».

«Сердечно радуемся добрымъ вѣстямъ о вашемъ здоровьѣ. Дай Богъ, чтобы вы, Государь любезнѣйшій, возвратились къ намъ съ погою совершенно и прочно исцѣленною»!

«Радуемся и другимъ хорошимъ вѣстямъ: слышимъ, что вы довольны явными успѣхами государственнаго и гражданскаго благосостоянія въ Королевствѣ Польскомъ. Сладко, для добраго сердца, благотворить и частнымъ людямъ; еще сладостнѣе, для души высокой, благотворить Государствамъ».

«Другіе сказываютъ вамъ, что дѣлается въ Петербургѣ; мы скажемъ единственно, что любимъ васъ, какъ умѣемъ любить: отецъ, мать и дѣти Карамзины.»

Отвѣтъ: «Искренно благодарю за присылку продолженія полезныхъ трудовъ вашихъ. Дорогою займусь симъ пріятнымъ и поучительнымъ чтеніемъ».

«Здѣсь я имѣю всѣ причины быть довольнымъ, какъ расположеніемъ общимъ, такъ и ходомъ дѣлъ. О подробностяхъ поговоримъ, если Богъ дастъ, при встрѣчахъ нашихъ въ Царскомъ Селѣ. Поклонъ мой милымъ дѣтямъ. * Васъ любящій Александръ».

Варшава.

Маія 27 1825 г.

2 *Сентября, къ Дмитріеву*: «Государь вчера уѣхалъ, а завтра ѣдетъ Императрица Елисавета Алексѣевна въ Таганрогъ, чтобъ провести тамъ зиму, менѣе здѣшней холодную. Ея здоровье слабо. Любезный Царь на прощанье далъ вензель Катенькѣ. Думаетъ возвратиться къ Январю. Мы разстались не безъ чувства. Привязанность моя къ нему сердечная и вѣчная. Съ грустью иду къ Императрицѣ, чтобы проститься съ нею. Можетъ быть на вѣки. Она нездорова, и я также, а въ 8 мѣсяцевъ много утечетъ воды».

---

* Къ Екатеринѣ Андреевнѣ писалъ Государь особое письмо.

Въ послѣднее путешествіе Карамзинъ проводилъ Государя пѣшкомъ до заставы Царскаго Села. Дорогою говорили они о состояніи Россіи. Государь жаловался на недостатокъ въ людяхъ. «Но почему же не употребите вы Сперанскаго», сказалъ Карамзинъ. «Способности его не подлежатъ сомнѣнію»....

Послѣднее письмо Карамзина къ Государю Александру Павловичу:

«Уединенные жители Царскосельскіе, мужъ, жена, дѣти, съ любовію кланяются своему Августѣйшему хозяину, удаленному отъ ихъ глазъ, но близкому къ ихъ сердцу; дерзаютъ устранить его величіе, и чувствуя только его къ нимъ милость, сказать ему, что они ежедневно объ немъ думаютъ, и молятся, если не совсѣмъ безкорыстно, то покрайней мѣрѣ не раздѣляя своего добра съ общимъ.»

«Можетъ быть, скромность еще удержала бы стремленіе сердца; но прилагаемое письмо извѣстнаго вамъ брата моего, Уфимскаго дворянина, рѣшило меня взяться за перо. Вы имѣли оффиціальныя донесенія о бывшемъ тамъ мятежѣ крестьянскомъ: думаю, что не худо знать и подробности этой немаловажной тревоги, которая еще оставляетъ въ устахъ безпокойство, и должна быть утишена совершенно, отысканіемъ и возвращеніемъ бѣглецовъ. Впрочемъ дворяне хвалятъ дѣятельность и расторопность Военнаго Генералъ-Губернатора. Сколько вамъ дѣла и заботъ! Но мы для того въ здѣшнемъ свѣтѣ. Щастливъ, кто заботится о благѣ милліоновъ! Въ этомъ смыслѣ почти не имѣю къ вамъ жалости, хотя я и не камень.

«Не даю однакожъ воли перу, чтобы сколько-нибудь похвалиться скромностію. Ради Бога не считайте себя въ милостивой обязанности отвѣчать мнѣ. Не умничаю, а говорю искренно. Не вы у меня, а я у васъ въ долгу, записанномъ въ моемъ сердцѣ».

Пишу и къ Императрицѣ и даю ей отчетъ въ нашемъ здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ. Богъ съ вами и съ нами!

Душею вѣрноподданный Н. Карамзинъ».

«P. S. Всеподданнѣйшую, искреннюю благодарность за новую фрейлину мы приносили Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которая милостиво обѣщала намъ довести ее и до вашего свѣдѣнія. *Царское Село. 5 Октября 1825 г.*»

О степени довѣренности Императора Александра къ Карамзину можно судить уже потому, что онъ сказывалъ еще осенью 1823 г. Карамзину и Катеринѣ Андреевнѣ, о распоряженіи касательно наслѣдства, о которомъ не зналъ никто въ Россіи, кромѣ Митрополита Филарета, и князя А. Н. Голицына: одинъ писалъ манифестъ, другой переписывалъ. «Мы не измѣнили тайнѣ», писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву, уже послѣ его кончины.

—

Не смотря на всѣ милости, почести и ласки Петербурга, Карамзинъ постоянно видѣлъ въ своемъ воображеніи Москву, какъ послѣднее пристанище. Соберемъ всѣ мѣста изъ его писемъ объ этомъ желаніи, въ дополненіе къ сообщеннымъ прежде.

28 Ноября, 1818 года къ Малиновскому. «Какъ еще далека отъ меня любезная Москва.»

Января 27, 1818 года къ Дмитріеву. «А мы любезнѣйшій другъ, болѣе нежели когда нибудь мыслимъ о возвращеніи въ нашу добрую, хотя и Азіятскую Москву, какъ говоритъ Князь Петръ. Петербургъ имѣетъ конечно выгоды, но за то и невыгоды для пятидесятилѣтнихъ меланхоликовъ: мы устаемъ, смотря на движеніе.»

9 Февраля, къ нему-же. «Доброй Князь Петръ уѣхалъ въ свою Варшаву; а мы въ своей Москвѣ едва ли будемъ прежде 1820 года.»

7 Марта, къ Малиновскому. «Второе изданіе моей Исторіи кончится не прежде Декабря, слѣдственно не могу думать

о возвращеніи въ Москву прежде той весны. Какъ долго! Много утечетъ воды.»

31 Марта, къ Дмитріеву. «Я благодарю Бога за наше здѣшнее житье-бытье, но какъ часто смотрю отсюда на Москву!»

21 Апрѣля, къ нему-же. «Истинный смыслъ сказаннаго тобою слова: *тебѣ хорошо*, есть: «ты умѣешь быть признательнымъ за ласку, за любезное съ тобою обхожденіе, и между тѣмъ смотришь въ свою нору, т. е. въ Москву». Я старѣюсь, милый другъ: судьба жизни моей рѣшена: поздно замышлять новости. Благодарю Бога за то, что имѣю. Il faut quitter le monde avant qu'il ne nous quitte.—Москву воображаю для себя уединеніемъ, оживляемымъ иногда бесѣдою малочисленныхъ друзей, старыхъ, снисходительныхъ, безкорыстныхъ....»

13 Іюня, 1819 г. къ Дмитріеву. «Считаю это лѣто для себя послѣднимъ въ Царскомъ селѣ. Второе изданіе моей Исторіи должно отпечататься въ Декабрѣ. Если будемъ живы, то въ слѣдующемъ Маѣ отправимся на долгихъ въ Москву доживать вѣкъ. Здѣсь я еще не говорю объ этомъ; но такъ рѣшительно предполагаю, не смотря на милостивое къ намъ расположеніе любезнѣйшаго Государя, (котораго имя пишу крупными буквами и въ письмѣ къ другу!) я хочу возвратиться къ тебѣ съ старыми двумя тысячами пенсіи, и съ чиномъ Статскаго Совѣтника, по крайней мѣрѣ отличусь тѣмъ отъ другихъ, которые мнѣ гадки. Я не имѣю права на новыя благодѣянія Государевы. Признаюсь, что мнѣ жаль будетъ на всегда удалиться отъ него и отъ Императрицъ. Вдовствующая сказала мнѣ, что уже не будетъ впредь звать меня, т. е. что могу ѣздить въ Павловское, когда хочу. Однакожь надобно ѣхать, чтобы умереть тамъ, гдѣ я провелъ почти всю жизнь свою.»

20 Іюня, къ нему-же. «Если буду живъ, то уберусь въ Москву черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.»

8 Іюля, 1819 года, къ Дмитріеву. «Странно, если судьба опять разведетъ насъ: ибо мы стоимъ въ томъ, чтобы возвратиться въ объятія Бригадирши, хотя бы и неблагодарной, хотя и не веселой. Ты представляешь ее въ изрядной каррикатурѣ! Улыбаюсь, даже смѣюсь, а все-таки сбираюсь на Арбатъ или въ Басманную!... Мой другъ! въ мои лѣта и съ моимъ характеромъ надобно думать уже не о любезныхъ обществахъ, а о томъ, чтобы въ тишинѣ доживать свой вѣкъ.»

«Половина историческаго капитала уже разсѣялась, не смотря на бережливость мою.»

«Выѣзжать лѣнюсь; суетности имѣю мало; пользы не предвижу; и такъ лучше бригадирствовать, въ ожиданіи звонка, и съ надеждою на милость Божію въ разсужденіи судьбы дѣтей.»

7 Августа, къ нему-же.... «Желаю такъ разстаться и передъ отъѣздомъ нашимъ въ Москву. Видишь, что я въ этомъ не перемѣняю мыслей.»

3 Ноября, къ нему-же. «Пора въ Москву. Ты въ Петербургъ не ѣдешь: слѣдственно только въ Москвѣ можемъ увидѣться,—въ убѣжищѣ Русскихъ инвалидовъ, свободныхъ душею, хотя и не либералистовъ. Жаль, что у меня нѣтъ хутора на берегу Москвы рѣки! По крайней мѣрѣ есть другъ. Еслибы я успѣлъ кончить 9-й томъ къ веснѣ или весною, то могъ бы здѣсь напечатать его, и въ Августѣ отправиться къ тебѣ: а если увижу, что концу не быть долго, то могу и весною выѣхать отсюда. Впрочемъ какъ Богу угодно!»

20 Февраля, 1820 года къ Дмитріеву. «Москва ближе къ нашему сердцу.»

27 Февраля, 1821 года къ нему-же. «Будешь или весною (къ намъ)? Въ такомъ случаѣ скоро можемъ увидѣться въ Москвѣ, которой все еще не измѣняю въ мысляхъ. Лѣто (если до него доживу) рѣшитъ, гдѣ мнѣ кончить дни.

7 Апрѣля 1823 г. къне му-же: «Съ нѣкотораго времени Москва часто у меня въ мысляхъ: не въ ней ли умереть тому, кто въ ней жилъ, хоть и лѣнь думать о переѣздѣ.

24 Мая къ Малиновскому: «Не забываемъ Москвы. Еще можемъ кончить въ ней дни наши.»

30 Августа, къ Дмитріеву: «Не упрекай меня обманомъ, любезнѣйшій: я не переставъ думать о Москвѣ, хотя мнѣ, лѣнивому отъ пятидесяти четырехъ лѣтъ, и не легко будетъ перевозиться. Иногда думаю, что можно отправиться даже и въ Арзамасъ, если два обстоятельства не отвратятъ этого низоваго путешествія, отъ котораго не улыбаюсь въ воображеніи: 1) третье изданіе Исторіи, и 2) смерть исторіографа.»

21 Ноября, къ нему-же: «Не въ шутку, а въ самомъ дѣлѣ собираемся на Московское пепелище.

11 Декабря, 1822 года къ Малиновскому: «Весьма вѣроятно, что не оставлю здѣсь костей своихъ; если проживу еще нѣсколько лѣтъ, а не мѣсяцевъ.»

Петербургъ былъ Карамзину пріятенъ преимущественно возможностію служить и помогать людямъ.

21 Апрѣля, 1819 года писалъ онъ *къ Дмитріеву*. «Знаешь ли, что бы могло привязать меня къ Петербургу (между нами будь сказано)? Случай дѣлать иногда добро людямъ; но это очень не вѣрно, и колетъ иглымъ глаза; я же (видитъ Богъ) не хвастунъ, и въ самомъ добрѣ не люблю кривой дороги. Allons donc planter nos choux.»

Исчислимъ нѣкоторые случаи, сколько объ нихъ извѣстно по письмамъ:

1 Мая, 1819 года къ Дмитріеву: «Скажу тебѣ за тайну слѣдующее: одна дворянка просила меня черезъ Нелединскаго написать ей письмо къ Государю съ жалобою на

1-й Департаментъ Сената, который осудилъ ее, за недоимку по винному откупу, быть сосланною въ каторжную работу, вопреки дворянской грамотѣ, безъ суда и безъ доклада Императору. Я написалъ и доставилъ письмо по адресу; а Государь отдалъ эту жалобу въ Комитетъ Министровъ, и приказалъ спросить у Сената, какъ онъ могъ поступить такимъ образомъ? Министры знаютъ, кажется, кѣмъ писана жалоба. Не чудно будетъ, если нѣкоторые и разсердятся. Вотъ почему думаю, что просьбы моей объ Александрѣ Ильичѣ * не уважатъ. Но это между нами! Я любопытенъ видѣть конецъ этого дѣла. Неужели, для соблюденія казеннаго интереса, Сенатъ имѣетъ право уничтожать дворянскую грамоту, законъ Государственный? Говорятъ, что Министръ Финансовъ усильно оправдываетъ это дѣйствіе 1-го Департамента.»

27 *Мая, къ нему же*: «Вообрази, что и Столыпинъ сердитъ на меня за письмо, написанное мною для спасенія дворянки отъ каторжной работы! Воля ихъ, а я человѣкъ, и еще не умеръ душею.»

20 *Іюня*, 1819 *года, къ Дмитріеву*: «Дѣло дворянки, приговоренной 1-мъ Департаментомъ Сената быть сосланною въ каторжную работу, послѣ разсмотрѣнія къ Комитетѣ Министровъ рѣшено Государемъ: опредѣленіе Сената въ Имянномъ Указѣ названо противнымъ коренному Государственному закону, (дворянской грамотѣ), и уничтожено. Честь дворянства сохранена; но нѣкоторые не взлюбили меня, а другіе разлюбили. Богъ съ ними и со всѣми!»

27 *Декабря, къ нему же*: «За Поляка (Ходаковскаго), который думалъ бранить меня въ Вѣстникѣ Европы, я вчера (между нами) ходатайствовалъ у К. А. Н. Голицына: бѣдный мой критикъ не имѣетъ ни гроша.»

Вотъ записка Карамзина къ самому *Ходаковскому*:

---

* Татариновъ.

Съ сожалѣніемъ слышу отъ васъ о малой надеждѣ на успѣхъ вашихъ трудовъ въ Россіи, Милостивый Государь мой, Зоріанъ Яковлевичъ. Я радъ сказать еще нѣсколько словъ о пользѣ вашихъ упражненій; но не ручаюсь вамъ за ихъ дѣйствительность. Посылаю 50 руб.; болѣе не имѣю.

Вашъ покорнѣйшій Н. К.

27 *Февраля*, 1822 *года къ Дмитріеву*: ..«С. Тома* не останется у Лаваля, къ несчастію. Желаю ему добра; но лучше, если бы онъ не переводилъ моей Исторіи или остался во Франціи: я не могу ничего сдѣлать для него, выпросивъ ему прошлаго года, однажды навсегда 10,000 рублей. Не только я не совѣтовалъ; но даже и отсовѣтывалъ ему браться за это дѣло.»

20 *Мая* 1821 *г. къ Дмитріеву*: «Я знаю и люблю Измайлова, умнаго и добраго: слѣдственно не можешь сомнѣваться въ моемъ усердіи къ его благу. Но лучше это сдѣлать съ наблюденіемъ строгаго приличія. Я человѣкъ постороннній, не въ дѣлахъ: какое право имѣю выпрашивать пенсіи! Мы съ Тургеневымъ придумали исходатайствовать ее черезъ Министра (К. Алекс. Ник. Голицына): онъ взялся, не успѣлъ доложить, однакожъ и теперь хочетъ, какъ бы въ заключеніе своей министерской дѣятельности, желаетъ только, чтобы ты написалъ къ нему о состояніи и достоинствахъ Владиміра Васильевича. Успѣхъ кажется ему несомнительнымъ. Сдѣлай милость напиши къ Князю. Если же рѣшительно не захочешь.... но я надѣюсь, что захочешь.»

13 *Іюня, къ нему же*: «Ты далъ словамъ моимъ не тотъ смыслъ, въ которомъ я написалъ ихъ: я не отказывался ходатайствовать за пенсію Измайлова, а думалъ только, что приличнѣе выпросить ее чрезъ Министерство; такъ думаю и теперь, надѣясь, что Князь Александръ Нико-

* Одинъ изъ Французскихъ переводчиковъ Исторіи Росс.

лаевичъ по данному обѣщанію доложитъ Государю о нашемъ собратѣ по литературѣ. Увидимъ»...

17 Августа, къ нему же. (Передъ отъѣздомъ Государя Карамзинъ вручилъ ему записку о пожалованіи пенсіи 1200 р. В. В. Измайлову): «Онъ (Государь) по своей милости обѣщалъ. Когда узнаю объ указѣ, дамъ тебѣ знать немедленно. До того времени лучше еще не сказывать Владим. Васильевичу. Я не сомнѣвался въ успѣхѣ: мнѣ хотѣлось только строго соблюсти формы, но не удалось. Это сдѣлано болѣе для тебя, нежели для меня: Государь знаетъ о твоемъ участіи или ходатайствѣ, и любитъ при всякомъ случаѣ доказывать свое къ тебѣ благоволеніе».

Письмо къ Шишкову о Глинкѣ.

Милостивый Государь!

Александръ Семеновичъ.

«Сердечно радуясь, что Ваше Высокопревосходительство благоволили исходатайствовать 6000 р. г. Глинкѣ, издателю Русскаго Вѣстника и Россійской Исторіи, для заплаты его долга въ типографію Московскаго Университета; осмѣливаюсь, безъ его вѣдома, убѣдительно просить Васъ, о довершеніи благодѣянія, котораго онъ достоинъ своимъ трудолюбіемъ, чистою нравственностію, рѣдкимъ добродушіемъ и крайнею бѣдностію, будучи отцомъ многочисленнаго семейства, и не имѣя никакаго дохода, кромѣ скудной платы отъ книгопродавцевъ за его сочиненія. Онъ уже болѣе двадцати лѣтъ пишетъ для публики, начинаетъ старѣться, и если перо, отъ изнеможенія силъ, выпадетъ изъ его рукъ, то жена и семеро дѣтей останутся безъ куска хлѣба. Не льзя-ли сдѣлать милость, доложить Государю Императору о всемилостивѣйшемъ пожалованіи пенсіи этому въ строгомъ смыслѣ доброму человѣку, автору полезному и благонамѣренному, такъ, чтобы она, въ случаѣ его смерти, могла производиться и бѣдному

его семейству? 1000 или 1200 рублей были-бы достаточны для того, чтобы онъ могъ безъ ужаса думать о будущемъ и спокойно трудиться до конца дней своихъ».

10 Февраля, 1825 г. къ Дмитріеву: «Пишу съ добродушнымъ С. Н. Глинкою. Министръ сдѣлалъ для него все, чего онъ желалъ; а я сверхъ того письменно просилъ его исходатайствовать ему хотя небольшую пенсію. Министръ обѣщалъ доложить о моемъ ходатайствѣ. Успѣхъ зависитъ не отъ меня.»

Къ Глинкѣ: Почтенный Сергѣй Николаевичъ.

Мнѣ сердечно жаль, что я не видался съ Вами.—Вѣрьте моему искреннѣйшему усердію.—Обрадуюсь, когда узнаю, что Вамъ дано хорошее мѣсто; иначе просьба о пенсіи впереди.—Надобно выбирать любое: мѣсто или пенсію въ 1000 руб.—Буду навѣдываться о мѣстѣ черезъ Сербиновича.—Александръ Семеновичъ теперь въ горѣ: лишился Дарьи Алексѣевны.—Будьте здоровы съ Вашимъ любезнымъ семействомъ.

навсегда Вамъ преданный

—

О ходатайствѣ Карамзина въ пользу Тургенева, К. Вяземскаго, Пушкина, семейства Новикова, сообщено нами выше.

—

Въ бумагахъ осталось много черновыхъ, писанныхъ имъ просьбъ.

—

Всѣ эти свѣдѣнія Карамзинъ сообщалъ въ письмахъ къ своему старому другу, И. И. Дмитріеву, съ которымъ судьба постоянно почти его разлучала: большею частію не приходилось имъ жить вмѣстѣ,—когда одинъ переѣхалъ въ Москву, другой долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, и на оборотъ. Это обстоятельсто имѣло однакожъ очень выгодное слѣдствіе для литературы: съ

Дмитріевымъ Карамзинъ продолжалъ вести безпрерывную переписку, которая служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ его біографіи, какъ читатели уже видѣли. Мы сообщимъ здѣсь остальныя извѣстія Карамзина о современныхъ происшествіяхъ въ Европѣ, равно какъ и Петербургскія новости о Россіи. Онѣ любопытны, и по отношенію къ ихъ лицамъ, и въ отношеніи къ содержанію.

31 Марта, 1819 г. къ Дмитріеву: «Коцебу зарѣзанъ въ Мангеймѣ студентомъ за его немодный образъ мыслей. Что-то будетъ съ Стурдзою?»

4 Апрѣля, къ Малиновскому:... «Что скажете о убіеніи Коцебу? Каково просвѣщеніе? Коцебу переводилъ мою Исторію, и писалъ ко мнѣ письмо любезное».

21 Апрѣля къ Дмитріеву: «Вмѣстѣ съ тобою жалѣю о временахъ, когда мирно гуляла фантазія въ стихахъ и прозѣ: законодательное и нравственное умничанье дѣлается несноснымъ для ума не дѣтскаго. Хотятъ уронить троны, чтобы на ихъ мѣсто навалить кучи журналовъ, думая, что журналисты могутъ править свѣтомъ. Я не пророкъ: не знаю, что будетъ въ Европѣ; но знаю, что можетъ быть; а всего болѣе знаю то, что нынѣшніе умники недалеки отъ глупцовъ. Право!..»

7 Мая, къ Малиновскому: «Люди во всемъ сходятъ съ ума: либерализмъ сдѣлался болѣзнію. Все къ лучшему, но не въ смыслѣ здѣшняго свѣта. Мнѣ съ нѣкотораго времени кажется, что просвѣщеніе Европы угрожается затмѣніемъ. Есть Богъ: будемъ спокойны»!

26 Августа, къ нему же: «Графъ Каподистрія былъ предметомъ общаго вниманія въ Парижѣ, а теперь въ Лондонѣ, откуда будетъ сюда черезъ Варшаву, какъ вѣроятно, гдѣ ждутъ Государя къ 20-му Сентября. Въ Европѣ есть колыханіе, или какъ послѣ бури или какъ передъ бурею. Мнѣ часто кажется, что Государи могли

бы весьма легко устроить благодепствіе гражданскихъ существъ; но это, думаю, не угодно Провидѣнію. Покой ждетъ насъ въ другомъ мірѣ».

23 *Декабря*, 1819 г. *къ Дмитріеву*: «Что если бы Академія Наукъ или Россійская задала ученымъ рѣшить, въ какомъ отношеніи находится размноженіе кабаковъ къ успѣхамъ просвѣщенія, нравственности и вѣры христіанской? Это показалось бы дерзостью въ вѣкъ либеральный. Не знаю, дойдутъ ли люди до истинной гражданской свободы; но знаю, что путь дальній, и дорога весьма негладкая».

20 *Февраля*, 1820 г, *къ нему же*: «Знаешь ли о новомъ Парижскомъ злодѣйствѣ? Фанатикъ-Бонапартистъ зарѣзалъ Герцога Берри при выходѣ изъ оперы, и пресѣкъ колѣно Лудовика XIV для трона? Каковъ вѣкъ»?

1 *Апрѣля, къ нему же*: ...«Между тѣмъ я не совсѣмъ холоденъ къ Европейскимъ происшествіямъ; думаю, что Гишпанская исторія не останется безъ хвоста. — Армія даетъ законы Королю».

27 *Августа, къ нему же*: « Въ Парижѣ открытъ заговоръ противъ Бурбоновъ: взято 32 человѣка подъ стражу, болѣе военныхъ чиновниковъ. Государь поѣдетъ въ Вѣну изъ Варшавы, какъ сказываютъ.

20 *Сентября, къ Дмитріеву:* «Вѣкъ конституцій напоминаетъ Тамерлановъ: всегда солдатъ въ ружьѣ. Можетъ быть, что послѣ насъ будетъ хорошо въ Европѣ».

28 *Сентября, къ немуже*: «Поздравляю съ новою революціею (Португальскою). Скоро ли пройдетъ эта мода? Или мы пройдемъ скорѣе, т. е. уйдемъ отъ всѣхъ революцій въ долину Іосафатову? Часто повторяю слова незабвеннаго Батонди: * il y aura quelque chose!

* Батонди, старый Италіанецъ, жившій въ домѣ Князя Вяземскаго, и умершій въ 1812 году.

28 *Ноября, къ немуже*: «Австрія хочетъ войны: къ лучшему ли»?..

10 *Декабря, къ Малиновскому*: «Ждемъ Царя, хотя еще и не знаемъ, когда онъ выѣдетъ изъ Троппау. По видимому, Австрія займетъ Неаполь; но удержитъ ли? Предпріятіе важно и отважно».

3 *Января* 1821 г., *къ Дмитріеву*: «Едвали Лайбахъ отвратитъ войну. Переговоры, кажется, не могутъ быть продолжительны.

30 *Января, къ Малиновскому*: «Конгресъ только что начался. Авось увидимъ Царя прежде Святой недѣли. Дай Богъ, чтобъ ему удалось отвратить войну».

3 *Марта, къ немуже*: «Когда онъ (Государь) возвратится, еще неизвѣстно; а чѣмъ Неаполитанская исторія кончится, также не знаемъ»...

10 *Марта, къ Дмитріеву*: «Смотрю теперь на Италію: дай Богъ скорѣе конца, чтобы нашимъ не пришлось итти на помогу къ Австрійцамъ».

Отъ того же числа, къ Малиновскому: «Государя ожидаютъ въ концѣ сего мѣсяца; но это еще не вѣрно. Знаемъ, что Неаполитанцы хотятъ обороняться; однакожъ еще не слышно о сраженіяхъ. Неаполь безъ сомнѣнія займутъ Австрійцы; но кончится ли тѣмъ война? Жаль крови. Надобно утѣшаться вѣрою въ Провидѣніе»...

13 *Марта, къ Дмитріеву*: «Неаполитанцы вездѣ бѣгутъ. Пишутъ, что Австрійцы уже въ Неаполѣ: слѣдственно одна исторія кончилась. Остается Піемонтъ. Какъ бы хотѣлось знать, что будетъ съ Греками. Мало надежды на хорошій конецъ».

4 *Апрѣля: къ Малиновскому*: «Видно, что намъ доживать вѣкъ въ буряхъ политическихъ. Вчера отданъ приказъ готовиться гвардіи къ походу; слѣдственно дѣла

Неаполитанскія, по крайней мѣрѣ Италіанскія, еще смутны, хотя въ газетахъ Вѣнскихъ и возвѣстили намъ конецъ революціи. О Грекахъ мы ничего не знаемъ послѣ первыхъ извѣстій. Умъ не велитъ мнѣ ничего желать, а сердце желаетъ того, что кажется ему добрымъ, хотя всѣ мы слѣпцы въ семъ мірѣ»...

11 Апрѣля, къ Дмитріеву: «Гвардія готовится выступить, не смотря на то, что Неаполь покорился, и Туринъ готовъ покориться. Верховыхъ Государевыхъ лошадей ведутъ въ Витебскъ. Кажется, что и Грекамъ не будетъ удачи, ни Лафаету съ братіею. Нельзя читать безъ отвращенія, что происходитъ въ Парижской камерѣ. Либералисты усмиряются, или усмирятся».

Іюня 10, къ нему же: «Часто думаю о Грекахъ: начался процессъ страшный; рѣшеніе впереди: легче желать, нежели надѣяться. Отчаяніе есть сила для потомковъ древняго племени героевъ»...

28 Іюня, къ немуже: «Вѣроятно, что Греческая исторія будетъ съ длиннымъ хвостомъ, и что Европа не останется равнодушною къ ужасамъ Турецкаго варварства. А хотѣлось бы мира»!..

2 Августа, къ Дмитріеву: «Здѣсь, какъ и вездѣ, много занимаются Греками. Сердце обливается кровью; но политика должна быть осторожна: Европа, думаю, не осталась бы равнодушною къ нашимъ успѣхамъ, еслибы кинулись на Турцію. Нѣсколько сотъ молодыхъ Грековъ пали славно въ кровавой сѣчѣ. Я говорилъ это при Андрюшѣ и Сашѣ: оба просятся теперь воевать съ Турками»...

31 Марта, 1822 къ нему же: «Нынѣшнее лѣто не будетъ весело: глупые Турки искушаютъ терпѣніе Государя, и едва ли обойдется безъ войны; а какъ начнется, то и не скоро кончится. Намъ бы не худо было пожить

въ мирѣ и поэкономить людьми и деньгами: по крайней мѣрѣ Государь все сдѣлалъ, чтобы удалить войну»...

13 Іюня, къ нему же: «Шатобріанъ въ ретретѣ; но онъ виноватъ: будучи Министромъ, шелъ противъ закона, предложеннаго Королемъ»...

22 Сентября, къ Малиновскому «Европа погребла Грековъ: Дай Богъ воскресенія мертвымъ».

25 Сентября, 1822 къ Дмитріеву. «Какъ хочется, чтобы ожили Греки! Послѣднія извѣстія были не худы; но насъ такъ часто обманывали, что стыжусь вѣрить».

27 Апрѣля, 1825. «Греки опять стоятъ на картѣ: скоро узнаемъ, быть имъ или не быть. Видишь, что я все еще занимаюсь политикою».

—

Переходимъ къ извѣстіямъ о Россіи.

11 Ноября 1818, къ Дмитріеву... «Не весело мнѣ слышать о твоихъ приказныхъ хлопотахъ. Въ нѣкоторыя лѣта дорогъ покой. Ты не спрашивалъ казенныхъ десятинъ: за то казна отнимаетъ твои, чего бы не было, если бы ты управлялъ юстиціею. Галіани сказалъ о Неаполѣ: on ne craint pas ici la justice, mais l'injustice, т. е. боятся тѣхъ, у кого сила въ рукахъ, сила дѣлать добро и зло по волѣ. Это можно отнести и къ Россіи любезной. Счастливъ, кто независимъ; но какъ трудно быть счастливымъ, т. е. независимымъ! Такъ или сякъ, и мы всегда въ зацѣпкѣ. Утѣшеніемъ быть можетъ одно: все къ лучшему, когда есть Богъ! Дѣло твое, вѣроятно, не кончится при нынѣшнемъ Министрѣ юстиціи; а тамъ увидимъ, кого намъ Богъ дастъ».

12 Января, 1819. «Записка о будущихъ областныхъ начальникахъ и здѣсь ходила, но весьма не оффиціальная. Когда все это выйдетъ, неизвѣстно: знаетъ одинъ Государь, да развѣ Гр. Аракчеевъ съ своимъ секретаремъ Муравьевымъ».

Января 27. «Давно не видали мы Министра: еще неизвѣстно, останется ли онъ, или устранится отъ хлопотъ юстиціи: о новостяхъ и перемѣнахъ теперь замолчали; но кажется онѣ не останутся только слухомъ. Государь прилежно работаетъ съ Гр. Аракчеевымъ: дай Богъ имъ успѣха!»

...«Мы плачемъ о нашей милой Королевѣ Виртембергской: она скончалась 29 Декабря: 25 сдѣлалась у нея на лицѣ рожа; кровь бросилась въ голову—а тамъ ударъ и смерть! Мы любили ее искренно, и грустимъ сердечно. Государь, Императрица въ жестокой горести. Давно ли я читалъ ея любезное письмо! Это было прощаньемъ. Вотъ жизнь! Сохраню память незабвенной. Она была однимъ изъ благодѣтельныхъ существъ для души моей. Я увѣренъ, что и ты очень, очень пожалѣешь объ ней».

26 *Февраля*: ...«*Въ стихахъ его* * нахожу хорошее и очень хорошее; но иное темно, иное холодно. Императрица говорила мнѣ объ нихъ съ величайшею похвалою. Я думалъ, но раздумалъ писать о незабвенной нашей Королевѣ: не могу говорить объ ней, не говоря о себѣ; а это покажется самохвальствомъ».

20 *Октября*. «Здѣсь въ Петербургѣ открылось тюремное общество, составленное изъ мущинъ и женщинъ: будутъ просвѣщать мракъ темницъ»...

12 *Ноября*. «Москва безъ начальства. Еще неизвѣстно, кто заступитъ мѣсто умершаго. Говорятъ о Графѣ Петрѣ Александровичѣ, Князѣ Д. И. Лобановѣ, Кн. Дм. Влад. Голицынѣ».

Лабзину дали 2 Владимира за переводъ Эккартсгаузена и Штилинга.

29 *Декабря*. «Теперь я въ хорошемъ положеніи, а вчера былъ возмущенъ развратомъ и пьянствомъ людей своихъ,

---

* Жуковскаго на смерть Королевы.

такъ что отослалъ одного въ полицію для наказанія и велѣлъ отдать въ рекруты. Это зло безпрестанно умножается: отъ рабства ли? по рабы нашихъ отцовъ не спивались съ кругу. Есть видно, другая причина; но я не догадливъ. Что еслибы Академія наукъ или Россійская задала ученымъ рѣшить: въ какомъ отношеніи находится размноженіе кабаковъ къ успѣхамъ просвѣщенія; нравственности и вѣры Христіанской? Это показалось бы дерзостію въ вѣкъ либеральный. Не знаю дойдутъ ли люди до истинной гражданской свободы; но знаю, что путь дальній и дорога весьма не гладкая».

7 *Апрѣля* 1820. «У насъ главная новость, что объявленъ Сенату разводъ В. К. Константина Павловича съ Анною Ѳедоровною и прибавленіе къ наслѣдственному Павлову акту, по коему дѣти Вел. Князей, женящихся не на Принцессахъ, лишаются права на корону. Догадываются, что В. К. Константинъ женится на Полькѣ: имени ея не вспомню. Румянцевымъ кто-то сказалъ, будто я писалъ этотъ манифестъ: и знать не знаю; даже и не читалъ его до сей минуты».

14 *Мая*. «Пишу съ пепелища: третьяго дни сгорѣло около половины здѣшняго великолѣпнаго Дворца: церковь, лицей, компаты Имп. Маріи Ѳеодоровны и Государевы. Часу въ третьемъ передъ обѣдомъ, я спокойно писалъ въ своемъ новомъ кабинетѣ, и вдругъ увидѣлъ надъ куполомъ церкви облако дыма съ пламенемъ: бѣгу къ дворцу, и нахожу Государя уже дающаго приказанія, даже забрызганнаго водою, почти въ самомъ огнѣ: вѣтръ былъ сильный, а Царскосельская полиція не Петербургская, не Московская для гашенія пожаровъ: не имѣетъ ни тѣхъ средствъ, ни той расторопности; прибѣжало множество солдатъ, но съ голыми руками. Огонь пылалъ и черезъ десять минутъ головни полетѣли и на исторіо-

графскій домикъ; кровля наша загорѣлась. Я прибѣжалъ къ своимъ. Катерина Андревна не теряетъ головы въ такихъ случаяхъ: она собрала дѣтей, и хладнокровно сказала мнѣ, чтобы я спасалъ свои бумаги. Двое изъ нашихъ людей заливали огонь, а съ другими мы успѣли кое-какъ все вынести и отправить въ поле, а сами ждали, чѣмъ рѣшится судьба нашего домика. Три раза кровля загоралась, но мы тушили, и вдругъ вѣтеръ затихъ, поворотивъ въ другую сторону. Между тѣмъ Дворецъ горѣлъ. Дѣлали, что могли, въ ожиданіи Петербургской полиціи, которая прискакала къ вечеру. Тутъ Графъ Милорадовичъ отличился своею дѣятельностію».

«Пожаръ остановили у самаго кабинета Государева. Мы всю ночь не раздѣвались, и не спали до седьмаго часа утра. Императоръ былъ на ногахъ часовъ тринадцать или болѣе. Не нужно говорить о его хладнокровіи. Онъ видалъ и не такія опасности. Огонь совершенно утасъ вчера къ обѣду; но лицей и нынѣ поутру еще курился. Какъ любезнѣйшій хозяинъ, Императоръ вчера же приходилъ къ намъ спросить о здоровьѣ жены и дѣтей: нынѣ мы у него обѣдаемъ, на половинѣ Императрицы Ел. Алексѣевны, гдѣ все осталось цѣло. Садъ не поврежденъ. Милліонъ все поправитъ. Церковь и Лицей снова отдѣлаютъ къ зимѣ».

«И у насъ не безъ убытка.—... Скажи Алексѣю Ѳедоровичу, что я ревностно спасалъ архивныя бумаги, и все цѣло и невредимо.»

25 Мая, къ Малиновскому: «Не удивляюсь, что вы скоро привыкли къ сенатскимъ дѣламъ. Для основательнаго ума они не могутъ быть тарабарскою грамотою. Трудность состоитъ единственно въ худомъ, запутанномъ слогѣ или изложеніи».

Іюня 7. «Янтарная комната уцѣлѣла, кабинетъ Екатерины также, и всѣ ея комнаты, гдѣ живетъ

Императрица Елисавета Алексѣевна. Начали вновь строить: издержки составятъ не менѣе двухъ милліоновъ, какъ думаютъ. Мы пожалѣли о Д. И. Киселевѣ, нашемъ старомъ добромъ пріятелѣ. Онъ принадлежитъ къ числу характерныхъ Москвичей и Русскихъ».

«Мы получили въ одно время рѣчь Государеву къ Варшавскому сейму, и указъ о рекрутскомъ наборѣ, съ тысячи восемь человѣкъ.... Совѣтую тебѣ достать и прочитать инструкцію, наказъ или что-то Директору и Ректору Казанскаго университета, шесу весьма любопытную».

20 Сентября. «Кривцовъ женится на Ватковской; онъ ѣздилъ въ Варшаву къ Государю и выпросилъ у него: 1) аренду въ 12 т. руб. 2) сто тысячь въ заемъ; 3) вензель фрейлинской для своей невѣсты; 4) домъ для житья въ Царскомъ Селѣ; 5) не помню что. Кривцевъ уже вышелъ изъ полку либералистовъ. Вчера онъ былъ у насъ, и счастливъ, какъ влюбленный женихъ».

19-го Октября «Каковъ Русскій переводъ Государевыхъ Варшавскихъ рѣчей? Надобно выдрать уши милому Князю Петру...»

28-го Ноября. «Вчера сказывали мнѣ, что В. Н. Каразинъ задержанъ, и бумаги его взяты полиціею; а причина неизвѣстна. Жалкій человѣкъ! не могъ жить спокойно, и все чего-то добивался. У него жена и много дѣтей. Это грустно. Думаю, что вина его состоитъ въ какой-нибудь дерзости: не написалъ ли опять письма безразсуднаго и проч».

20-го Декабря. «О Каразинѣ извѣстно то, что онъ скрылся отъ глазъ людей: не сидитъ ли въ Шлиссельбургѣ? Говорятъ, за дерзское письмо. Ему запрещено было писать: не послушался. Жалки жена и дѣти. Надѣюсь, что добрый Государь умилосердится надъ безразсуднымъ».

10 *Марта*, «О Карамзинѣ ничего не слышно. Даже и не говорятъ объ немъ».

1821 г. *Мая* 24. «Князь-поэтъ съ нами, и мы всякій день говоримъ о тебѣ. Мало надежды видѣть тебя также у насъ: ты только помахалъ своихъ друзей, хотя и не очень легковѣрныхъ. По твоему разсужденію, лѣто и зима имѣютъ свои неудобности; а по нашему, лѣто и зима имѣютъ свои удобности: лѣтомъ ты погулялъ бы и на биржѣ, и въ здѣшнемъ, и въ Павловскомъ саду, а зимою мы могли бы еще болѣе быть вмѣстѣ; зима еще далеко, а лѣто начинается, хотя и холодное: мы всякій день топимъ печи. Развѣ Государь привезетъ съ собою тепло: Его ждутъ нынѣ ввечеру; и я жду съ 9-мъ томомъ.

4 *Декабря*. «Совѣтую тебѣ заглянуть во II-й № Благонамѣреннаго, гдѣ въ стихахъ Ѳ. Н. Глинки напечатано, что въ здѣшнемъ свѣтѣ несносно жить, ибо въ немъ смерть и.... Цари!! Это поправка цензуры. У него было: «смерть и зло—цари;» т. е. смерть и зло царствуютъ: цензоръ вымаралъ *зло*. Каково это? *

9 *Февраля* 1822 г.

Здѣсь тепла только зима, ** а наши и литераторы жалуются на лѣнь и на цензуру».

Ты слышалъ, что дѣло кончилось въ комитетѣ Министровъ отрѣшеніемъ Германа, Раупаха и Арсеньева, но безъ дальнѣйшей казни. Ожидаютъ конфирмаціи. Еще неизвѣстно, получитъ ли Руничъ награжденіе блестящее, котораго требуетъ для него Министръ просвѣщенія, какъ сказываютъ. Это дѣло здѣсь многихъ интересовало, и безъ сомнѣнія важно для будущаго. Намъ

---

* Здѣсь должна быть ошибка, въ стихахъ было сказано:

Гдѣ смерть и рокъ цари Цензоръ выпустилъ *рокъ*, и осталось: *Гдѣ смерть и.... цари*. Примѣчаніе Г. Сербиновича.

** Передъ этимъ Карамзинъ писалъ, что сердца въ Берлинѣ по извѣстіямъ Жуковскаго сдѣлались теплѣе.

почтенный Шишковъ говоритъ: поздно хватились. Я давно обнаруживалъ нечестіе. Другіе думали, что надлежитъ закрыть классы, гдѣ преподавалось якобинство и атеизмъ, т. е. классъ Исторіи и Статистики; но люди благоразумные не согласились съ нами. Оставимъ все рѣшить Провидѣнію и Государю, котораго люблю душевно. Я стараюсь быть самымъ спокойнымъ зрителемъ; а какъ осторожный человѣкъ прибавлю: все это между нами. Лицей отошелъ отъ Министра Просвѣщенія».

19 *Мая*. «П. Я. (Плюскова) еще не въ Царскомъ Селѣ: ея здѣшнія комнаты разрушены паденіемъ свода, не стараго, а вновь сдѣланнаго искуснымъ архитекторомъ Стасовымъ. Хорошо, что въ комнатахъ не было Натальи Яковлевны, а на упавшей колоннадѣ не было Августѣйшаго хозяина съ гостями».

«Объявленіе университетское достойно новаго куратора».

18 *Августа*. «Здѣшнія новости вѣроятно тебѣ извѣстны: предписаніе о тайныхъ обществахъ, кураторство Рунича, мануфактурство Уварова и проч».

7 *Сентября. къ Дмитріеву*. «Отъ Государя пріѣхалъ фельдъ-егерь изъ Вѣны: Конгрессъ будетъ непремѣнно въ Веронѣ».

25 *Сентября*. «Въ Академіи Художествъ предлагали Графа Кочубея въ почетные члены, какъ любителя искусствъ, и человѣка близкаго къ Государю; а Лабзинъ сказалъ академикамъ: если надобно выбирать въ члены людей близкихъ къ Государю, то предлагаю вамъ Илью кучера! Эта глупая шутка дошла до полиціи, какъ слышно».

19 *Ноября*. «Лабзинъ отправился на житье въ городъ нашей губерніи, въ Сенгилей, а Катенинъ къ себѣ въ деревню».

19 *Января*, 1823 г. «Обозрѣніе Россійской Литературы написано какъ бы на смѣхъ, хотя авторъ и не безъ таланта, кажется».

6-го Апрѣля. «Парышкинъ отдаетъ имѣніе сыновьямъ, выбралъ попечителей, Князя Якова Ивановича Лобанова и Столыпина, для заплаты долговъ болѣе пяти милліоновъ, и хотѣлъ, чтобы на первый случай казна купила у него дачу за 700 тысячъ рублей: объ этомъ трактовали въ комитетѣ Министровъ, и всѣ согласились на покупку, не исключая и Министра финансовъ: заспорилъ одинъ Кампенгаузенъ, и Государь съ нимъ согласился къ удовольствію друзей Государственной бережливости.—У васъ новые Сенаторы, Кавалеры, Губернаторъ, и проч. Благодарность ожидаетъ Князя Д. В. Голицына по его возвращеніи въ Москву.—Наконецъ и Кривцовъ—Губернаторъ въ Тулѣ, хотя еще и не вышелъ указъ. Не знаю, радоваться ли за него добрымъ пріятелямъ. Хуже всего, что онъ еще не привелъ собственныхъ дѣлъ своихъ въ порядокъ».

26-го Апрѣля. «Если вѣрить всему городу и самому Графу Гурьеву, то у насъ другой Министръ финансовъ, Канкринъ; но указа еще нѣтъ. Говорятъ, что и Министръ правосудія проситъ увольненія; а Графъ Кочубей думаетъ ѣхать къ водамъ. Вѣроятно, что Сперанскій заступитъ чье-нибудь мѣсто, или, по мнѣнію другихъ, Куракинъ; а Графъ Хвостовъ сказываетъ, что тебя опять назначаютъ въ Министры, но уже не просвѣщенія, а на старое мѣсто. Вотъ тебѣ сказки или вѣсти вмѣсто краснаго яица».

20-го Мая. «Ты уже вѣрно знаешь о перемѣнѣ въ министерствѣ духовномъ и просвѣщенія. А. С. Шишковъ на мѣсто Князя, за исключеніемъ дѣлъ нашей церкви, которыя будутъ зависѣть единственно отъ Синода».

27-го Іюня, 1824 г. Меланхолія моя питается и печальными слухами о саранчѣ, о непрестанныхъ дождяхъ внутри Россіи, о худой надеждѣ на жатву: ибо я уже

мало занимаюсь политикою, все еще принимаю живѣйшее участіе въ физическомъ благосостояніи Россіи».

4-го Сентября. «Читалъ ли ты пышную хвалу Графу Хвостову въ Revue Encyclopédique? Я недавно благодарилъ его за присылку стиховъ: онъ хотѣлъ напечатать мое письмо въ журналѣ; но, вѣроятно, не пропустила цензура».

«Къ слову о цензурѣ прибавлю, что новый Министръ Просвѣщенія думаетъ учредить новую, и посадить въ этотъ трибуналъ человѣкъ шесть или семь: на всякую часть литературы будетъ особенный цензоръ. То-то раздолье! Словесность наша съ цензорами процвѣтетъ и безъ авторовъ.»

3-го Декабря, къ Малиновскому. «Мы жили въ Царскомъ Селѣ до 16 Ноября; слѣдственно видѣли только слѣды наводненія, теперь уже почти незамѣтные. Государь неутомимо благотворилъ и благотворитъ, какъ истинный отецъ. Погибло около 500 человѣкъ; а вещей на нѣсколько милліоновъ, трудно исчислить. Громкихъ жалобъ не слышно. Все идетъ какъ шло. Тоже движеніе въ народѣ; купцы за своимъ прежнимъ дѣломъ. Иные бѣдные еще выиграли отъ щедротъ Царскихъ. Скоро перестанутъ и говорить о бывшемъ, въ надеждѣ, что оно по крайней мѣрѣ 47 лѣтъ не возвратится. Въ сердцѣ человѣческомъ есть что-то удивительно *свычное* съ бѣдствіями: все какъ съ гуся вода. Но я все еще угрюмо смотрю на Неву, желая, чтобы она скорѣе закрылась льдомъ. Будетъ ли у насъ зима? Снѣгъ валится и таетъ».

«Всего болѣе тревожитъ насъ теперь нездоровье Императрицы Елисаветы Алексѣевны, столь милой всѣмъ, которые имѣютъ щастіе знать Ее. Надѣемся, однакожъ еще не смѣемъ успокоиться, хотя Ей, слава Богу! и лучше. Жаръ прошелъ, кашель еще остается».

30-го Декабря. «Читалъ ли ты рѣчи Министра

просвѣщенія? Возставать противъ грамоты есть умножать къ ней охоту: слѣдственно дѣйствіе хорошо и достойно цѣли Министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится объ ту и другую, а все плыветъ. Я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ: то есть увѣренъ въ милости Божіей».

21-го *Января* 1825 г. «Послѣднее дружеское письмо твое заставило меня отъ добраго сердца смѣяться надъ выпискою изъ Талін и Московскихъ газетъ, о мракѣ освѣщающемъ и знаменитыхъ жеребцахъ. Мнѣ кто-то сказывалъ, что авторъ мрака по какимъ-то связямъ имѣетъ нынѣ вліяніе на просвѣщеніе, и слѣдственно можетъ быть ославленъ знаменитымъ, вмѣстѣ съ жеребцами».

27 *Апрѣля къ Малиновскому.* »Одно порученіе ваше исполнено. Графъ Ѳ. А. Толстой сказалъ мнѣ, что онъ не мыслитъ разстаться съ своими манускриптами до своей смерти. Я доказывалъ ему, что если отдать ихъ, то всего лучше въ Московскій Архивъ. Скорый отъѣздъ Графа Нессельрода помѣшалъ мнѣ узнать, какъ принято обозрѣніе сношеній Россіи съ Римомъ; но если буду живъ въ Іюнѣ, то узнаю и посовѣтуюсь съ Сѣверинымъ, не имѣя короткаго знакомства съ Графомъ. Можете быть увѣрены только въ моемъ усердіи. Дѣло идетъ о нашей общей пользѣ. Я давно сердечно люблю Ивана Петровича Бекетова и знаю цѣну такихъ трудовъ. Работа *о сношеніяхъ Россіи съ Франціею* говоритъ сама за себя: не сомнѣваюсь въ удовольствіи, съ которымъ ее приняли. Что ваша другая работа, *описаніе Москвы*»?

3-го Іюня, 1825 г. «Къ Исторіи нашего времени принадлежитъ то, что Министръ финансовъ предписалъ Нижегородскому Губернатору взыскать съ нашего имѣнія съ чѣмъ-то 8000 рублей, за какой-то долгъ Князя Андрея

Ивановича банкиру Сутерланду, не признанный покойнымъ Княземъ въ 1796 году, и съ того времени оставленный безъ вниманія. Ревностный Губернаторъ, мой благопріятель, тотчасъ взыскиваетъ и волнуетъ крестьянъ, повторяя сказанное Министромъ, что наше имѣніе находится подъ запрещеніемъ по сему мнимому долгу— запрещенія не бывало! Спрашиваю у Министра: онъ ничего не знаетъ, и велитъ мнѣ спросить у Вронченка.—Спрашиваю у Вронченка: онъ даетъ мнѣ слово справиться, также не зная. Между тѣмъ угрожаютъ немилостію Каикрина: ибо ему сказали, что я говорю съ неудовольствіемъ о такой *восточной* расправѣ! Сколько нашелъ я здѣсь друзей! Искалъ я здѣсь дружества Россіи, и найду, можетъ быть, въ сырой землѣ»...

Сентября 14, 1825 г. «Государственный человѣкъ, огорченный ужаснымъ домашнимъ происшествіемъ, отказался отъ всѣхъ дѣлъ, какъ слышно: замѣнить его другимъ не легко. Дѣльныхъ людей на большой сценѣ у насъ не много. Министры стары и дряхлы, кромѣ Финансовъ и морскаго. Больше лицъ, нежели головъ; а душъ еще менѣе: впрочемъ это не новое и не особенное, не чрезвычайное. Смотрю, замѣчаю и не дивлюсь».

—

Намъ остается говорить о состояніи здоровья Карамзина въ это послѣднее время, и вообще о расположеніи его духа.

28 *Ноября*, 1818 г., *къ Малиновскому*: «Старѣюсь крѣпко, но усердно благодарю Бога за всякій спокойный день: брожу всякое утро пѣшкомъ».

11 *Мая*, 1819 г., писалъ онъ *къ Дмитріеву* изъ Царскаго села: «Я не замедлилъ простудиться и слягу съ головною болью, не веселясь веспою холодною и голыми деревьями».

* Графъ Аракчеевъ.

13 Мая. «Съ самого переѣзда въ Царское Село я простудился, слегъ въ постель, и только другой день встаю; голова не свѣжа».

13 Іюня, къ Малиновскому: «Пользуемся милостію Августѣйшаго хозяина и думаемъ о возвращеніи въ Москву, если будемъ живы, весною 1820 года. Тогда увидите меня изрядным полустарикомъ, изряднымъ меланхоликомъ, довольно равнодушнымъ къ жизни, но все еще чувствительнымъ къ любви и дружбѣ»...

27 Августа, 1820 г., къ Дмитріеву: «Пишу къ тебѣ больной рукою. Я очень страдалъ: нѣсколько дней не ѣлъ, нѣсколько ночей не спалъ; то крѣпился, то вскрикивалъ по человѣческой слабости; и между тѣмъ еще безпокоился о Сонюшкѣ, которая лежала въ простудной горячкѣ. Теперь она, слава Богу, здорова, но мнѣ еще трудно писать. Въ первый разъ узналъ я, что такое рюматизмъ: простудился въ своемъ кабинетѣ, сидя близь растворенаго окна, иногда и на сквозномъ вѣтрѣ».

Тогоже числа, къ Малиновскому: «Я все еще съ трудомъ могу писать, хотя уже и гораздо менѣе страдаю».

20 Сентября, къ Дмитріеву: «Послѣ жестокаго рюматизма у меня была еще легкая лихорадка, прошла скоро; но въ правой рукѣ все еще остается боль, если не мучительная, то безпокойная. Кое какъ начинаю марать бумагу, и всякой день, иногда раза два или три брожу по саду, гдѣ летятъ на меня желтые листья».

11 Декабря, 1822 г., къ Малиновскому. «Глаза и ваши и мои, довольно поработавъ въ жизни, требуютъ успокоенія отъ времени до времени. Пока могу еще желать, чтобы ваши не были хуже моихъ. И мнѣ трудно писать при огнѣ, однакожъ читаю иногда сряду часа по три»...

Въ Маѣ и Іюнѣ 1823 года, Карамзинъ выдержалъ сильную болѣзнь: первическую горячку,— отчаявались даже въ сохраненіи его жизни.

«Объ участіи Государя въ этой болѣзни Карамзина сохранились въ семействѣ Николая Михайловича слѣдующія трогательныя подробности. Самая большая опасность продолжалась нѣсколько дней, и въ эти дни Государь всякій разъ во время утренней прогулки по саду, приходилъ къ Китайскому дому, въ которомъ жилъ Карамзинъ. Боясь обезпокоить больнаго, еслибы отворилъ дверь съ той его стороны, гдѣ находилась гостиная, а за нею спальня, онъ подходилъ къ заднему крыльцу, спрашивалъ прислугу, и стоялъ въ ожиданіи, пока выйдетъ къ нему кто-либо изъ семейства разсказать, какъ больной провелъ ночь. На лицѣ Государя выражались безпокойства, опасеніе и самая нѣжная заботливость: тутъ можно было видѣть, какъ онъ искренно любилъ Карамзина, какъ страшился потерять его».

Вотъ какъ онъ писалъ, по выздоровленіи, о своей болѣзни:

5 *Іюля*, 1823 г., *къ Дмитріеву*: «Бывъ при дверяхъ гроба, я остался еще въ живыхъ и теперь оправляюсь, хотя медленно, какъ пятидесятипятилѣтній. Не жалѣю о томъ, что былъ боленъ. Жалѣю единственно о милыхъ для меня людяхъ, которые обо мнѣ безпокоились и тревожились, какъ ты, любезнѣйшій другъ. Твои письма меня до слезъ трогали. И здѣшніе наши благопріятели оказали много доброжелательства и любви. Любовь моя къ Государю и къ Императрицѣ еще умножилась».

6 *Августа, къ брату*: «Я былъ дѣйствительно при дверяхъ гроба отъ злой горячки, которая видно давно во мнѣ готовилась, хотя и нечувствительно; ибо я въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ хвалился своимъ здоровьемъ. Я умеръ бы легко не чувствуя смерти, но Богъ услышалъ молитву жены моей, и оставилъ меня еще жить до времени»....

10 *Августа, къ Мальтовскому*: «Съ глубокимъ сердеч-

нымъ чувствомъ благодарю васъ за живое участіе въ моей болѣзни и въ тревогѣ моего семейства. Богъ, услышавъ особенно молитву жены моей, оставилъ меня еще жить. Оправляюсь, но все еще имѣю нѣкоторую слабость. Нынѣшнее лѣто не такъ для насъ щастливо, какъ прежнія семь, проведенныя нами въ Царскомъ Селѣ: я выздоравливаю, а дѣти занемогаютъ коклюшемъ, къ нашему большому безпокойству. Эта болѣзнь такъ продолжительна, а осень близка. Впрочемъ дай Богъ только, чтобы всѣ остались живы: на безпокойство свое не будемъ жаловаться. Я не суевѣренъ, однакожъ помню, что послѣ моей *Московской* горячки также пришелъ у насъ коклюшъ на дѣтей, и что мы лишились тогда милой Наташи».

«Къ вамъ недѣли черезъ двѣ будетъ Государь, котораго люблю еще болѣе прежняго. Онъ принималъ столько участія въ моей болѣзни»!

13 *Іюня*, 1824 *г.*, *къ Дмитріеву*:» Благодарю тебя, любезнѣйшій, за предостереженіе отъ сквозныхъ вѣтровъ: слѣдую твоему совѣту; но парика еще не заказалъ. Моя плѣшивая голова не терпитъ крышки».

21 *Января*, 1825 *г.*, *къ нему же*: «Третій мѣсяцъ недомогаю и худѣю».

25 *Января*, *къ Малиновскому*: «Грусть отъ растроенныхъ нервъ знаю по опыту. Дай Богъ, чтобъ она тѣснила ваше сердце рѣже моего! Третій мѣсяцъ хилѣю и худѣю, однакожъ не жалуюсь: нельзя сказать, чтобъ я страдалъ. Боюсь за другихъ, а не за себя: и это слабость, но умру съ нею».

17 *Апрѣля*, *къ нему же*: «Здоровье есть важный предметъ въ жизни и въ дружбѣ. Скажу самъ о своемъ: худѣю, и бездѣлицы раздражаютъ меня какъ ребенка въ кругу домашнемъ. Отъ свѣта же отсталъ болѣе и болѣе».

3 *Іюня*, *къ нему же*: «Я уже недѣли три плохъ здоровьемъ, несмотря на прекраснѣйшее лѣтнее время и на

благоуханіе вездѣ цвѣтущей сирени; теряю много крови и худѣю. Однакожъ брожу какъ здоровый, только не ѣзжу въ Павловское».

9 *Іюля, къ нему же*: «Я все хилѣю; ѣзжу верхомъ, обмываюсь холодною водою, ѣмъ мало, но все не къ лучшему; не могу работать съ успѣхомъ, высиживая въ кабинетѣ не страницы написанныя, а головную боль. Вотъ расплата за авторское ремесло»!

«Немощь тѣлесная есть и душевная. Думаю все кинуть на время вмѣсто лекарства. По крайней мѣрѣ въ угодность милой женѣ, которая сама нездорова, а безпокоится только обо мнѣ.... Читаю все съ удовольствіемъ и — романы».

2 *Сентября, къ Дмитріеву*: «Я давно не писалъ къ тебѣ отъ своего худаго здоровья, которое сильно дѣйствуетъ и на душу: грустно, мрачно, холодно въ сердцѣ, и не хочется взять пера».

24 *Сентября, къ нему же*: «Становлюсь, кажется, поздоровѣе; пью или глотаю уголь вмѣсто лекарства и снова ѣзжу верхомъ передъ обѣдомъ».

Къ собственнымъ болѣзнямъ присоединить должно болѣзни въ семействѣ, которыя по нѣжности его сердца отзывались на немъ еще болѣе.

—

Состояніе его духа ясно изображается въ письмахъ— приведемъ замѣчательныя мѣста:

Января 27, 1819 г., къ Дмитріеву: «Читалъ ли ты. Мейстеровы Consolations de la vieillesse? Сочиненіе не глубокомысленное, но хорошо писанное. Правило жить день за день есть верхъ мудрости, до котораго желаю достигнуть. Я очень, очень счастливъ, когда умомъ и сердцемъ нейду вдаль; когда жена, дѣти и друзья здоровы, а пять блюдъ на столѣ готовы. Загляпуть въ умную книгу, по-

думать, иногда поговорить не глупо: вотъ роскошь! Къ ней можно прибавить и работу, безъ всякаго отношенія къ славолюбію. А на томъ свѣтѣ... то ли будетъ? вотъ рецептъ, который пишу для себя ежедневно, но который не всегда вылѣчиваетъ меня отъ меланхолическихъ припадковъ. Будь веселѣе меня, другъ милый»!

27 *Мая, къ нему же.* «Старѣюсь не на шутку; и еще болѣе душею, нежели тѣломъ. Холодѣю ко всему, кромѣ любви семейственной и дружбы,—кромѣ того, чѣмъ хвалиться не смѣю, даже и говоря съ тобою».

29 *Декабря*: «Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, съ наступающимъ Новымъ годомъ. Будь здоровъ и спокоенъ духомъ! Чего желать болѣе? Въ отношеніи къ себѣ благодарю Бога за прошедшій годъ: мы не имѣли несчастій; ни сильныхъ угрызеній совѣсти; вѣрили Провидѣнію и старались любить Его уставы. Дай Богъ, чтобы я сказалъ тоже въ послѣдній годъ моей жизни, въ сей—наступающій, или въ какой Ему угодно! Минутъ за десять предъ симъ я выронилъ нѣсколько слезъ, написавъ нѣсколько строкъ для потомства, не въ своей Исторіи, а въ другой бумагѣ, которую оставлю въ наслѣдство сыновьямъ. Я не святой и не святоша; но Богъ мнѣ Отецъ: не хочу страшиться суда Его»....

1 *Апрѣля*, 1820 *г.* «Пишу къ тебѣ при яркомъ свѣтѣ солнца: оно вѣрно и на Москву свѣтитъ. Чувство къ природѣ еще живо въ моемъ сердцѣ, не смотря на чистый идеализмъ моей философіи.»

24 *Мая*, 1821 *г.* «Часто грусть меня давитъ и жизнь тяжела, все кажется сномъ и мечтою, а сердцу больно, какъ на яву. Смотрю на малютокъ иногда сквозь слезы».

14 *Іюля*. «Безъ притворства и жеманства могу сказать, что свѣтъ для меня уже не прелестенъ въ свѣтскомъ смыслѣ».

2 *Августа, къ Малиновскому*: «Иногда бываетъ мнѣ грустно. Старѣюсь, хотя и здоровъ. Часто свѣтъ кажется мнѣ привидѣніемъ: протремъ себѣ глаза на томъ свѣтѣ»!

30 *Сентября*: «Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе приближаюсь къ концу жизни, тѣмъ болѣе она кажется мнѣ сновидѣніемъ. Я готовъ проснуться, когда угодно Богу: желаю только уже не имѣть мучительныхъ сновъ до гроба; а мысль о смерти, кажется, не пугаетъ меня».

2 *Января*, 1822 *г.* «Вотъ тебѣ двустишъ на тѣнь счастья.

«Мы видимъ счастья тѣнь въ мечтахъ земнаго свѣта;
«Есть счастье гдѣ-нибудь: нѣтъ тѣни безъ предмета.»

«Молю Бога только, чтобы Онъ хранилъ мое семейство; а жизнь свою предаю въ Его волю: готовъ и нынѣ и завтра переѣхать на новоселье съ вѣрою и надеждою».

«Заснувъ въ объятіяхъ Отца,
«Могуль страшиться пробужденья?»

«Межъ тѣмъ очень люблю въ здѣшнемъ свѣтѣ и свѣтъ, (кромѣ развѣ нашихъ просвѣтителей), и семейство, и друзей, и Россію, и Царя, и Царицъ. Право, все хорошо — но мы здѣсь залетныя птицы: взмахнемъ крыльями и—простите»!

4 *Января* «...Мысль о Провидѣніи даетъ спокойствіе душѣ моей: будетъ, что угодно Богу—и я не протираю себѣ глазъ, чтобы далѣе видѣть впередъ».

31 *Мая*: «Все хорошо въ свое время: и мы старики имѣемъ свое будущее, настоящее и прошедшее: тѣмъ лучше, что молодые люди намъ не завидуютъ. Я не люблю быть предметомъ зависти: это значитъ портить людей. Всего безгрѣшнѣе, надежнѣе и спокойнѣе наслаждаться внутренно и тамъ, гдѣ другіе жалѣютъ объ насъ почти съ презрѣніемъ. Вотъ моя мистика! Вопросъ:

на долго ли? не рѣдко и мнѣ представляется. Иногда, платя долгъ слабому человѣчеству, вздохнешь; иногда что-то блеснетъ въ сердцѣ, и скажешь себѣ твердымъ голосомъ: на вѣки! Quand on s'endort dans les bras de son père, on n'est pas en souci du réveil».

5 *Іюня*, 1822 г., *къ Малиновскому*: «Добрый Царь къ намъ добръ: онъ уже знаетъ, что отношенія мои къ нему безкорыстны, и развѣ по моей смерти вспомнитъ о моихъ дѣтяхъ; мнѣ уже ничего не надобно. Я простился даже и съ мечтою быть полезнымъ въ государственномъ смыслѣ; не простился только съ Исторіею: вотъ мое дѣло, вопреки нашимъ кастратамъ и щепетильникамъ».

16 *Іюня*, 1822 г., *къ Дмитріеву*: «Ты, м. д., жалуешься на дѣйствіе старости: очень, очень понимаю тебя, вмѣстѣ съ тобою двигаясь къ цѣли. Перемѣны въ душѣ еще чувствительнѣе для меня, нежели перемѣны въ тѣлѣ: я уже не тотъ, который переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ; иначе вижу и чувствую: смотрю на все, какъ на бѣгущую тѣнь, сохраняя однакожъ въ сердцѣ любовь, о которой говаривалъ покойный Козодавлевъ.»

«Лучшій мой день, который провожу дома, и лучшій часъ, когда всею душею предаюсь въ волю Провидѣнія.»

«Посылаю нѣсколько строкъ моей руки для Лондонскаго корреспондента, или, лучше сказать, для тебя. Это можетъ быть послѣдніе стихи мои въ этой жизни: а въ вѣчности, думаю, стиховъ писать не будемъ.»

3-го *Декабря*, 1823 г., *къ Малиновскому*. «Хуже всего то, что на меня часто находитъ грусть непзъяснимая безъ всякой причины, и нервы мои раздражены до крайности, но не хочу распространяться объ этомъ.»

Не смотря на постоянное грустное расположеніе, онъ оставался всегда любезнымъ въ обществѣ, шутилъ по временамъ съ своими друзьями, и принималъ горячее уча-

стіе въ ихъ положеніи. Мы увидимъ, сколько живаго удовольствія принесли ему записки Дмитріева. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ.

30-го Сентября, 1824 года, къ Дмитріеву: «Что за поклепъ? Отъ роду и не слыхивалъ отъ А. И. Тургенева о твоемъ экземплярѣ Маржерета: онъ мое, а не я его добро переслалъ въ Москву. У меня мой только экземпляръ; *съ надписью издателя К. Гагарина на мое имя*: онъ можетъ быть мѣсяца черезъ два или три къ твоимъ услугамъ, измаранный чернилами и карандашомъ. Заочно мою голову любезному Тургеневу, хотя и безъ сердца: онъ съ горяча не поберегъ меня въ твоемъ мнѣніи; но истина рано или поздно торжествуетъ, какъ говорятъ старожилы здѣшняго свѣта. Я стою передъ тобою съ свѣтлымъ взоромъ невинности, а Тургеневъ съ унынiемъ грѣшника и съ раскаяніемъ, какъ надѣюсь для спасенія его души; ему не учиться покаянію: онъ долго водился съ духовниками бѣлаго и чернаго цвѣта. Это старыя шутки: новыя пейдутъ въ голову отъ зубной боли, которая тревожитъ меня и днемъ и ночью, хотя и не безъ отдыха».

«Я смотрю съ умиленіемъ на Графа Хвостова и на Княгиню Прозоровскую: на перваго—за его постоянную любовь къ стихотворству, на другую—за такую же любовь ко Двору, ни мало не охлаждаемую преклонными лѣтами. Это рѣдко, и потому драгоцѣнно въ моихъ глазахъ. Смѣйся если угодно: я уважаю Хвостова, и болѣе многихъ юныхъ стихотворцевъ, которыхъ имена вижу въ журналахъ, и которыхъ *также* не читаю: онъ дѣйствуетъ чѣмъ-то разительнымъ на мою душу, чѣмъ-то теплымъ и живымъ. * Увижу, услышу, что Графъ еще пишетъ стихи, и говорю себѣ съ пріятнымъ чувствомъ: «вотъ любовь, достойная таланта!» Онъ заслуживаетъ имѣть его, если и не имѣетъ. Въ этомъ смыслѣ написалъ я нѣкогда въ

* Тоже расположеніе къ Графу Хвостову чувствовалъ и Пушкинъ.

album своей ближней: «желаю быть тебѣ достойною щастія еще болѣе, нежели быть щастливою.» Столько строкъ въ письмѣ къ другу посвятить размышленію о Графѣ Хвостовѣ не есть ли доказательство моего особеннаго къ нему уваженія—къ поэту, а не къ человѣку: ибо онъ самъ ставитъ въ себѣ поэта гораздо выше человѣка?»

20-го *Декабря, къ Дмитріеву.* «Всѣмъ семействомъ и отъ всего сердца поздравляемъ тебя съ наступающимъ Новымъ годомъ. Дай Богъ тебѣ всѣхъ истинныхъ благъ здѣшняго свѣта, начиная съ здоровья и спокойствія души. Желаю даже, чтобы и злая моль оставила въ покоѣ твои мундиры—и при первомъ случаѣ изъясняюсь о мундирѣ Министра юстиціи. Не попросить ли и мнѣ исторіографическаго, синяго съ синимъ бархатнымъ воротникомъ. Шитыхъ не люблю, а нынѣшніе дворянскіе какъ то пестры и нескладны».

Послѣднее время Дмитріевъ усладилъ Карамзина своими Записками, напомнившими ему времена дѣтства и молодости.

Сентября 11, 1823. «На прошедшей недѣли былъ у меня Свиньинъ и сказывалъ, что ты пишешь историческія записки: я душевно обрадовался; это будетъ пріятно для другихъ, пріятно и для тебя самого. Какъ бы хотѣлось мнѣ стоять у тебя за плечами, и слѣдить глазами за твоимъ перомъ! Сколько случаевъ и людей были намъ равно извѣстны! Вѣрно, никто не будетъ читать твоихъ Записокъ съ такимъ любопытствомъ, какъ я. Пришли хоть образчикъ, хотя страницъ десять, чтобы я имѣлъ понятіе о тонѣ сочиненія. Очень одолжишь меня или порадуешь».

Окт. 18. «За шутку твою я почти разсердился; я шуткою называю мысли, которыя ты мнѣ приписываешь о твоемъ историческомъ сочиненіи. Я уже сказалъ тебѣ истинныя мои мысли: то есть, что Записки твои будутъ для меня самымъ любопытнѣйшимъ чтеніемъ. Неужели ты

въ самомъ дѣлѣ не захочешь утѣшить меня присланіемъ хотя двухъ или трехъ листковъ въ знакъ твоей дружеской ко мнѣ довѣренности? Когда увидимся, еще Богъ знаетъ. Ты ждешь меня къ маслянищѣ въ Москву на блины: если пріѣду, то уже съ тѣмъ, чтобы не выѣзжать оттуда; но какъ еще не думаю оставить Петербургъ, то не совѣстно ли будетъ тебѣ, если умру, не читавъ твоихъ Записокъ? И такъ положи руку на сердце и рѣши».

1824 г., Янв. 21. «Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ отрывковъ; сдѣлай милость, пришли скорѣе, не откладывай. Прошу тебя усильно».

Февр. 4. «Сердечно благодарю тебя и за дружеское письмо, и за 2 экз. твоихъ любезныхъ стихотвореній. У меня былъ уже купленый экземпляръ, но эти красивѣе. Я перечитывалъ стихи твои съ новымъ удовольствіемъ, вспоминая время, когда что было писано, и гдѣ въ первый разъ напечатано. Жаль, что ты много хорошаго отбросилъ: это, право, излишняя строгость. Жаль также, что ты уважилъ критику Графа Сергѣя Петровича и вмѣсто: «смиренныхъ куръ любитель», поставилъ: «миролюбивый житель». Если такихъ критиковъ слушать, то мало останется цѣлаго и въ Расинѣ и въ Лафонтенѣ».

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ Записокъ, не для критики, а для удовольствія читать ихъ: кто другой имѣетъ болѣе правъ на то? Мы и современники, и земляки, и друзья около сорока лѣтъ».

18 Февр., 1824 г. «Отъ всей души благодарю за искреннѣйшее, живое удовольствіе, съ которымъ я читалъ и перечитывалъ твои милыя выписки, недовольный единственно ихъ краткостію, — отъ первой строки до послѣдней, отъ Манженя, мнѣ знакомаго, до мыслей о назначеніи поэзіи, все для меня интересно: и мѣста, и люди, не только Симбирскъ, но и Сызрань, не только Державинъ и Козлятевъ,

но и Бѣлоусовъ, и Окоемовъ (такъ ли?), которыхъ узналъ или вспомнилъ я въ числѣ Симбирскихъ пріятелей твоего батюшки. Даже и стихи Сумарокова къ домику Петра Великаго, не смотря на излишнюю глубину ихъ смысла, показались мнѣ отмѣнно гармоническими и пріятными въ воспоминаніяхъ юности. Тѣмъ болѣе желаю читать цѣлое, и вижу, что ты искустно связалъ двѣ части, изъ которыхъ оно составлено. Пишешь ли вторую часть? Но хочется вздохнуть при мысли, что такія сочиненія выходятъ въ свѣтъ уже во времена потомства, для насъ метафизическаго: впрочемъ желаю ему добраго здоровья, и не завидую, въ надеждѣ читать твои Записки, отъ альфы до омеги, еще смотря на автора, въ твоемъ или моемъ кабинетѣ, въ Петербургѣ или въ Москвѣ, если сновидѣніе моей жизни продлится до той минуты, какъ ты поставишь пунктъ для настоящаго и будущаго. Ты шутишь, ожидая отъ меня критики: мы братья — соученики; оставимъ критику докторамъ и профессорамъ. Совершенство такихъ книгъ есть пріятность: всѣ найдутъ ее въ твоихъ Запискахъ, если у всѣхъ мой вкусъ, котораго (между нами будь сказано) не промѣняю и на вкусъ *знаменитаго* Лелевеля, критикующаго на Польскомъ языкѣ мою Исторію. А какъ я, ненасытный, все еще не доволенъ, то не пришлешь ли еще листовъ пять-шесть, пока мы розно? уже не отрывками, а сряду. Къ лицамъ, означеннымъ тобою для довѣренности, позволь мнѣ прибавить А. Тургенева и Блудова».

1824 г., Іюля 17. «Я несовсѣмъ здоровъ отъ излишней раздражительности нервъ; въ мысляхъ черно, а чувствую, что мнѣ должно благодарить Бога. Развесели меня продолженіемъ твоихъ Записокъ и новымъ сообщеніемъ мнѣ столь интересныхъ для меня отрывковъ. Ты остановился на важномъ пунктѣ; но не стой же долго: впередъ и

впередъ; не увидишь какъ допишешь. Впрочемъ желаю, чтобы ты писалъ какъ можно долѣе: то есть пріятно занимался воспоминаніями».

17 *Августа.* «Сердечно благодарю тебя, любезнѣйшій другъ, за сообщеніе новаго отрывка изъ твоихъ Записокъ: какое для меня воспоминаніе! Любопытно и для потомства. Я желалъ бы еще бо́лѣе подробностей. — Вѣроятно, ты на меня не разсердишься, что я давалъ читать твои любезные отрывки Императрицѣ Елисаветѣ А.: она читала ихъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ и хвалила твою живопись. Это дало намъ матерію на пріятный разговоръ о тебѣ и минувшемъ времени. Я не насытимъ: хотѣлъ бы еще чего нибудь. Нельзя ли»?

Сент. 4. «Ты укоряешь меня нескромностію, а я даю тебѣ еще оружіе въ руки: и другой отрывокъ записокъ у Императрицы; она держитъ его: угадай, для чего? списываетъ собственною рукою для Государя, желавшаго знать, какъ ты описываешь случай, ему извѣстный. Прошу имѣть ко мнѣ довѣренность дружескую. Знаю, что тутъ нѣтъ ничего, кромѣ пріятнаго для автора; знаю *ее*, знаю *его*, и доброе *ихъ* къ тебѣ расположеніе. Здѣсь осторожность была бы излишнею».

1825 г., *Февр.* 18. «Кончи свои Записки, сдѣлай опись твоему имѣнію, сочини и духовную, но живи еще долго, къ моему утѣшенію, пока я живъ, и къ удовольствію всѣхъ, которые тебя уважаютъ и любятъ. Слава Богу, душа твоя еще цѣла и свѣжа; можешь не только жить, но и благодействовать съ умѣренностію философа. И я говорю съ глубокимъ чувствомъ: «дай Богъ еще намъ увидѣться!» и нѣжно тебя обнимаю».

31 *Іюня.* «Любезное твое *Симбирское* письмо дошло до меня: я посидѣлъ съ тобою мысленно на балконѣ и посмотрѣлъ на отрывокъ Уральскихъ горъ, хотя и не знаю,

какъ ты притянулъ ихъ къ Сызрану; но вѣрю твоимъ географическимъ свѣдѣніямъ болѣе, нежели своимъ. Какъ я смѣялся дѣйствію стиховъ Жуковскаго! и онъ смѣялся, слагая съ себя вину на Гёте».

10 Іюля. «Сердечно радуюсь твоему благополучному возвращенію. Въ самомъ дѣлѣ ты еще молодецъ: не ѣздишь, а летаешь. Подробности твоего путешествія прелестны, отъ новаго домика до стерляди подъ благоуханіемъ розъ и жасминовъ. Надѣюсь, что Богъ дастъ тебѣ еще погулять въ саду, тобою расположенномъ, вмѣстѣ съ твоими внуками. Ты исполнилъ долгъ хозяина и господина. Наслаждайся теперь пріятнымъ воспоминаніемъ».

17 *Апрѣля.* «Заключеніе твоихъ Записокъ меня тронуло. Какъ бы хотѣлось все читать».

22 *Октября.* «Ты уже совершенно кончилъ Записки. Прочитываешь ли? Добавляешь ли? Сколько въ нихъ листовъ? Я привыкъ считать листы?»

Заботы о дѣтяхъ и объ ихъ судьбѣ смущали иногда Карамзина, но не на долго: вѣра въ Провидѣніе спасала его отъ унынія, къ которому отъ природы онъ вообще былъ склоненъ, какъ мы имѣли случай замѣчать часто.

Вотъ мѣста изъ писемъ:

6-го *Октября*, 1819 г., *къ Дмитріеву*. «Иногда не безъ грусти смотрю на своихъ малютокъ: ихъ надобно воспитывать, учить, а я уже такъ близокъ къ бездѣйствію. Утѣшаюсь единственно мыслію о Провидѣніи»...

3-го *Ноября, къ нему же*. «Часто любуюсь своими малютками. Если Андрей и Александръ будутъ живы, то не сдѣлаютъ стыда моей тѣни въ поляхъ Елисейскихъ».

21-го *Декабря*, 1821 г., *къ нему же*. «Дѣти ростутъ, не имѣя ни учителей, ни дядьки; утромъ пишу; надобно заниматься ими, хотя послѣ обѣда, надобно и заглядывать въ книги, читать газеты; а тамъ заѣдетъ добрый

пріятель: Тургеневъ, Блудовъ, Сѣверинъ, Кривцовъ; а тамъ къ Императрицѣ, обѣдать или въ спектакль; а тамъ отдохнуть: гдѣ же время на выѣздъ? Между тѣмъ старѣюсь; сердце уже холодѣетъ къ свѣту, чувства тупѣютъ, ждать нечего: и такъ не мудрено, что я почти не выхожу изъ своего синяго, табакомъ засыпаннаго сюртука.

2-го *Января*, 1822 г., *къ нему же*. «Мы встрѣтили Новый годъ у нашей милой хозяйки. Двое изъ нашихъ сыновей уже пили шампанское съ нами. Ты могъ бы полюбоваться ими.»

4-го *Мая, къ нему же*. «Однѣ дѣти связываютъ меня съ будущимъ; но мысль о Провидѣніи даетъ спокойствіе душѣ моей: будетъ что угодно Богу».

11-го *Сентября*, 1823 г., *къ нему же*. «Долго я не писалъ къ тебѣ отъ большаго безпокойства, въ которомъ мы были объ дѣтяхъ, слушая ихъ ужасный кашель, съ утра до вечера и ночью. Эта же болѣзнь нѣкогда отняла у насъ милую Наташу, и также послѣ моей горячки. Теперь, слава Богу! мы менѣе безпокоимся: кашель уже не такъ силенъ, хотя еще и продолжится конечно до зимы. Всѣ отъ насъ бѣгаютъ, какъ отъ чумныхъ, и безъ сомнѣнія благоволеніе Императрицы М. О. къ намъ есть искреннее чувство, потому что она еще отъ времени до времени зоветъ насъ въ Павловское, гдѣ дѣти Великой Княгини».

5-го *Марта*, 1824 г., *къ Дмитріеву*. «Дай Богъ, чтобы ты долго, долго любовался порядкомъ, въ который приведены тобою всѣ твои бумаги. Я также собираюсь кое-что сдѣлать на случай своей смерти, всего болѣе страшась пережить милыхъ, и ежедневно молю Бога пощадить мою слабость».

15-го *Сентября, къ Малиновскому*. «Сыновья ростутъ и требуютъ, чтобъ я болѣе занимался ими, нежели доселѣ.»

Одинъ изъ учителей, Иванъ Яковлевичъ Телешовъ, по просьбѣ моей написалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній: «Незабвенный Н. М. Карамзинъ чрезвычайно нѣжно, чрезвычайно заботливо любилъ дѣтей своихъ. Онъ неусыпно слѣдилъ за ихъ ученіемъ, что я близко видѣлъ на моихъ урокахъ: онъ самъ при нихъ присутствовалъ, и какъ я былъ счастливъ, когда онъ находилъ способъ моего преподаванія самымъ легкимъ, самымъ удобнымъ и самымъ полезнымъ для дѣтей. По окончаніи десяти уроковъ Н. М. сказалъ мнѣ: «я очень жалѣю, что не могу вамъ, какъ не богатый, за уроки платить той суммы, какой они по справедливости стоятъ.»—Какое бы для меня было счастье, сказалъ я тутъ,—если бы Вы мнѣ позволили не получать никакой платы за любезные мнѣ уроки съ дѣтьми Вашими. Да и кромѣ этого, продолжалъ я,—удостоиться довѣренности Карамзина, учить его дѣтей, есть такая высокая плата, съ которою никакія деньги сравниться не могутъ.—«Вотъ какъ», отвѣчалъ Ник. Мих.,—«вы не хотите брать за уроки деньги; ужь не стыдитесь ли вы этого? Нѣтъ, я беру деньги за мою Исторію, и нахожу, что трудами полезными для общества, для ближняго, пріобрѣтать средства для жизни своей и своего семейства, есть не постыдное, а святое дѣло. Катерина Андреевна! Катерина Андреевна! приди сюда: вотъ съ какимъ провинціаломъ мы познакомились: онъ не хочетъ брать за уроки денегъ: вѣдь въ Петербургѣ не сыщешь такого добраго чудака. Но я очень благодарю васъ за любовь къ моимъ дѣтямъ, радуюсь за ваши благородныя чувства и прошу васъ съ нынѣшняго дня быть у насъ своимъ: въ 4-ре часа мы обѣдаемъ, въ 10-ть вечеромъ пьемъ чай,—и всегда будемъ рады, если вы будете съ нами. Не правда ли? продолжалъ онъ, обратясь къ Екатеринѣ Андреевнѣ, и поцѣловавши меня, отдалъ мнѣ деньги, по 5 руб. за урокъ, а я не смѣлъ болѣе, и не находилъ себя въ правѣ отго-

вариваться не принимать ихъ. Екатерина Андреевна пожала мнѣ руку и сказала: «Я очень рада, что теперь вы—наши, и надѣюсь, что приглашеніе Н. М. будетъ вами исполнено. Къ этому приглашенію я прибавлю,—чѣмъ чаще будете у насъ, тѣмъ болѣе мы будемъ рады вамъ и особенно за дѣтей нашихъ, которые въ это короткое время такъ полюбили васъ, и съ такою радостію ждутъ урока вашего.' Я поцѣловалъ ея руку, не находилъ словъ для благодарности, и даже теперь не могу безъ слезъ вспомнить эти счастливыя минуты, это счастіе въ милости Карамзина на котораго я такъ мало смѣлъ надѣяться, такъ мало считалъ себя достойнымъ. Съ этого времени мои занятія съ дѣтьми шли все пріятнѣе и пріятнѣе; Ник. Мих. продолжалъ быть при урокахъ. Однажды, и именно на урокѣ Математики завелъ разговоръ объ Исторіи. Я выпросилъ дозволеніе разсказать дѣтямъ царствованіе Дмитрія Донскаго. По окончаніи разсказа Н. М. усмѣхаясь мнѣ сказалъ: «Вы выучили это княженіе наизустъ, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе въ разсказѣ.»—Нѣтъ, отвѣчалъ я, не угодно ли Вамъ выбрать любое царствованіе изъ 8-ми первыхъ книгъ, и Вы увидите, какъ легко и пріятно помнить Исторію, Вами написанную. Ник. Мих. выбралъ въ слѣдующій урокъ Іоанна 3-го, и, выслушавъ меня съ полнымъ вниманіемъ, сказалъ: «Вы мою Исторію помните лучше меня: я Васъ буду просить о справкахъ, когда онѣ будутъ мнѣ нужны, а теперь прошу прибавить день въ урокахъ кромѣ Математики и для Исторіи.» Тутъ онъ вышелъ, и тотчасъ возвратясь, принесъ 10 и 11-ю части его Исторіи, подарилъ ихъ мнѣ, поцѣловалъ меня и сказалъ: «какъ я радъ, что узналъ Васъ, какъ я радъ, что Вы будете наставникомъ дѣтей моихъ; я полюбилъ и васъ какъ сына. — Дѣти чрезвычайно обрадовались привѣту ихъ родителя; и старшій изъ нихъ, Андрюша сказалъ: если вы полюбили его какъ сына, то и намъ должно любить

его какъ брата, и говоритъ ему *ты*. — Охотно разрѣшаю васъ, сказъ Ник. Мих., если Иванъ Яковлевичъ это дозволитъ. — О мы знаемъ, что онъ дозволитъ, и кинулись меня цѣловать, приговаривая: теперь *ты* нашъ братъ. Н. М. былъ очень доволенъ ихъ радости, снова поцѣловалъ меня благодаря за любовь дѣтей, находилъ въ этой любви вѣрное ручательство за успѣхъ дѣла, потому что пріятно и легко трудиться для того, кого любишь.»

«Мнѣ памятно,» пишетъ еще г. Сербиновичъ, «что онъ давалъ наставленія важнымъ и вмѣстѣ ласковымъ тономъ; во всѣхъ прочихъ случаяхъ обращеніе его съ ними дышало единственно добродушіемъ: въ глазахъ его можно даже было видѣть какое-то умиленіе, когда онъ смотрѣлъ на нихъ. Помню, какъ однажды, когда онъ выходилъ изъ кабинета съ линейкой въ рукѣ, подбѣжалъ къ нему девятилѣтній сынъ, и схватилъ линейку. Н. М. не выпуская линейки изъ рукъ, далъ ему волю вертѣть ею во всѣ стороны, и смотрѣлъ съ невыразимою нѣжностію на эти движенія, поглядывая и на меня, пока наконецъ тотъ не отбѣжалъ, самъ нѣсколько смутясь, что это дѣлалъ изъ рѣзвости безъ всякой нужды.»

«Въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой, въ кабинетѣ его, за перегородкою играли дѣти, рѣзвились, шумѣли и этотъ шумъ не мало не нарушалъ успѣха его работы. Казалось, онъ даже услаждался тѣмъ, зная, что дѣти тамъ близко подлѣ него, веселы и здоровы. Это конечно доставляло сердцу его спокойствіе, которое содѣйствовало и успѣху его работы.»

«Иное дѣло, когда дѣти бывали больны и въ особенности опасно (что уже можно видѣть и изъ писемъ его), не смотря на твердость его характера и на совершенную преданность волѣ Божіей, тревожная забота была, если не въ чертахъ лица, то въ глазахъ и въ тонѣ голоса.

Онъ однакожь продолжалъ сидѣть за работой, хотя и трудно предположить, чтобы работа могла быть въ это время успѣшна. (С.)

Сохранилось одно написанное имъ наставленіе

«Моему сыну въ день рожденія».

Обнимаю, цѣлую и поздравляю тебя десятилѣтнимъ отрокомъ. Живи и расти тѣломъ и душею: тѣломъ въ силѣ и бодрости, душею въ добронравіи, въ умѣ и въ полезныхъ знаніяхъ.

Это желаніе родительское есть молитва къ Богу. Все отъ Него зависитъ. Онъ далъ свободу человѣку. Надобно, чтобы мы хотѣли сдѣлаться добрыми: тогда Богъ поможетъ намъ, и будемъ, чѣмъ быть желаемъ усердно.

Любезный Андрей! ты вѣрно не хочешь, чтобы отецъ твой на старости лѣтъ своихъ былъ отъ тебя нещастливъ; а онъ умретъ съ горести, если ты не будешь добрымъ его сыномъ.

Вотъ чего требую для моего и твоего благополучія:

Каждый день начинай молитвою къ Богу, о твоихъ родителяхъ, сестрахъ, братьяхъ и себѣ самомъ, прося, чтобы Онъ даровалъ тебѣ силу исполнять твои должности: то есть, быть послушнымъ сыномъ, ласковымъ братомъ, *прилѣжнымъ* ученикомъ.

Желай добраго утра отцу, матери, сестрамъ и братьямъ съ любовію, не холодно, безъ всякихъ мыслей, но чувствуй, что ты ихъ любишь, и дѣйствительно желаешь имъ добра.

Садись учиться съ твердымъ намѣреніемъ быть внимательнымъ и старательнымъ, чтобы не тратить времени, но пользоваться всякою минутою. Время не приходитъ назадъ. Что нынѣ упустишь, того не воротишь завтра. Каждый день приноситъ съ собою новыя должности для исполненія: за каждый день мы дадимъ отчетъ Богу.

Всегда, кончивъ урокъ, спрашивай у себя: что ты узналъ новаго или чему научился? Если ты ничего не узналъ, ничему не научился въ этотъ урокъ, то онъ потерянъ: ты не исполнилъ своей должности и огорчилъ родителей. Выходя изъ учебной комнаты находишь новыя должности для исполненія: ты обязанъ вести себя хорошо, не только противъ родителей, сестеръ и братьевъ, но и противъ всѣхъ домашнихъ: быть не грубымъ, а привѣтливымъ и кроткимъ; никого не оскорблять, по всѣмъ оказывать доброе расположеніе. Въ тебѣ уже есть порокъ, излишняя горячность, въ которой ты можешь сдѣлать и наговорить много непристойнаго: удерживайся, преодолѣвай эту горячность, и молчи, когда тебѣ хотѣлось бы браниться. Увидишь, что это возможно и даже не трудно! Къ хорошему и худому легко пріучаемся.

Богъ далъ человѣку невидимаго судью, называемаго совѣстью: если ты, согласно съ волею Божіею и твоихъ родителей, ведешь себя похвально, учишься прилѣжно, всѣхъ утѣшаешь и никого не оскорбляешь, то въ сердцѣ твоемъ бываетъ всегда пріятное чувство; а если поступаешь худо, то, и кромѣ огорченія родителей, бываетъ невесело твоему собственному сердцу. Будь же всегда, съ утра до вечера, послушенъ совѣсти и дѣлай хорошее, чтобы ею не мучиться, угождай Богу и тѣмъ, которые тебя всѣхъ нѣжнѣе любятъ: отцу и матери!

Начавъ, и кончи день сердечною молитвою: благодари Бога, если ты хорошо провелъ день; кайся, если худо учился или кого оскорбилъ, и проси, чтобы Богъ далъ тебѣ силу исправиться. Каждую ночь закрывай глаза и каждое утро открывай ихъ съ искреннимъ желаніемъ, чтобы отецъ, мать и совѣсть могли быть довольны тобою.

Милый Андрей! ты знаешь, что я люблю тебя: старайся же, чтобы эта любовь была для меня щастіемъ, а не страданіемъ».

Семейство составляло утѣшеніе Карамзина, его радость. Жену онъ любилъ безъ памяти, неизмѣнно отъ перваго дня до послѣдняго, и на дѣтей не могъ нарадоваться. Всѣ письма его исполнены мѣстъ, свидѣтельствующихъ, какое счастіе находилъ Карамзинъ въ *недрахъ* своего семейства.

«Онъ былъ примѣрный супругъ», пишетъ г. Сербиновичъ въ запискахъ, составленныхъ для меня о послѣднихъ годахъ жизни Карамзина», находившій счастіе сердца своего въ счастіи данной ему Небомъ сопутницы жизни, за которую непрестанно благодарилъ Промыслъ.»

«Изъ обращенія его съ супругою, видно было, что любовь къ ней была возвышенная, благородная, кроткая. Не знаю, могли ли бывать споры у этой счастливой четы, знаю только, что желаніе его всегда было для его супруги закономъ. Когда же изъ устъ его я слышалъ имя ея,—въ голосѣ его было слышно все сердце его.»

«Онъ лишился первой супруги, но смерть ея не ослабила въ немъ чувства привязанности къ ней, несмотря на второй бракъ, болѣе счастливый. Онъ любилъ то, что питало въ немъ память объ ней (С.) *.

—

Сообщимъ теперь извѣстія объ экономическомъ состояніи Карамзина вообще, о домашнемъ хозяйствѣ объ его приходахъ и расходахъ.

Оброка получалъ онъ съ тысячи душъ около десяти тысячь руб. ассигнаціямивъ годъ.

До выхода въ свѣтъ Исторіи онъ задолжалъ 10 т. р. Муромцеву, 10 т. брату В. М., за кои благодарилъ его въ письмѣ отъ 19 *Января*; 1816 г. На дороговизну въ Петербургѣ онъ часто жаловался. Одна квартира стоила ему до 5 т. р.

* Свѣдѣнія сообщаемыя г. Сербиновичемъ означаются буквою (С.)

Іюня 27, 1816 г., онъ писалъ *къ Дмитріеву*: «Жить дорого, а квартиры просить не хочу.. Смѣшно будетъ въ два года издержать напередъ то, что можетъ мнѣ принести Исторія».

3 Августа. «Мои финансы также иногда безпокоятъ меня въ будущемъ».

26 Октября. «Денегъ проживаемъ много, хотя во всемъ роскошномъ себѣ отказываемъ. Худо, если Исторія не поправитъ нашего состоянія».

21 Августа, 1817 г. «Мы здѣсь прожили около 40 т.»

21 Февраля, 1818 г., «Мнѣ по крайней мѣрѣ безъ долгу, и положили 30 т. въ Воспитательный домъ.»

25 Февраля, 1818 г. Въ два года безъ трехъ мѣсяцевъ прожили мы 35 тысячь сверхъ нашего дохода.

11 Декабря, 1823 г. Кромѣ авторскаго честолюбія, это (успѣхъ 10 и 11 томовъ) могло бы поправить и наши экономическія обстоятельства. У насъ сгорѣла деревня, и мы лишились 6 т. дохода.»

17 Марта: «Экономическія обстоятельства наши не хороши: крестьяне худо платятъ оброкъ, а Исторія моя продается худо»*.

27 Апрѣля, 1825. «Очень тревожусь безпорядкомъ въ нашемъ имѣніи: крестьяне не платятъ оброка, и сосѣдъ, которому я поручилъ надзоръ, еще умножаетъ зло, если не съ худымъ намѣреніемъ, то отъ глупости. Страшусь мысли ѣхать туда! Между тѣмъ капиталъ нашъ изчезаетъ: мы уже прожили изъ него 150 тысячь; остается третья доля съ небольшимъ. Думаю просить здѣсь человѣка военнаго, чтобы послать его туда и образумить крестьянъ, если можно, но это быть можетъ не прежде возвращенія Государева. Въ концѣ такія заботы тяжелы».

---

* То есть 10 и 11 томы, которыхъ разошлось гораздо меньше чѣмъ первыхъ.

(С.) «Домашнее хозяйство—велъ Карамзинъ также самъ. Въ расходахъ любилъ бережливость, хотя жизнь Петербургская и тогдашнее отношеніе его къ обществу вынуждали его дѣлать и чрезвычайныя издержки. Онъ велъ и небольшія расходныя книжки, записывая въ нихъ, безъ подробностей, общіе платежи въ лавки и магазины по счетамъ, общіе мѣсячные расходы на столъ, и личные платежи учителямъ, услугѣ и т. п.»

«Изъ привычекъ и вкусовъ его, относительно стола, я слышалъ, что онъ очень любилъ кушанья изъ рису по легкости и питательности, для человѣка привыкшаго къ сидячей, труженической жизни. Ужинъ его составлялъ два печеныхъ яблока Изъ винъ могу назвать портвейнъ, но онъ выписывалъ и другія, обыкновенно изъ Нюренбергскихъ лавокъ у Дазера, въ случаяхъ особой надобности.»

«Онъ употреблялъ табакъ курительный, (очень умѣренно), выкуривая не болѣе одной трубки въ день и нюхательный — французскій: первый покупалъ здѣсь у Янцена, второй у Дазера.»

«Чай всегда выписывалъ съ Макарьевской ярмарки, каждый годъ по цыбику, и былъ большой знатокъ въ употребленіи его.» (С.)

—

Отношенія Карамзина къ его крестьянамъ читатели увидятъ изъ слѣдующихъ отрывковъ его писемъ къ бурмистрамъ:

Села и деревни Макателемовъ бурмистру, Николаю Иванову, и всему міру, Приказъ.

28 *Ноября*, 1820 *г.* «Пишешь ты ко мнѣ, бурмистръ, что хотя я и приказалъ женить крестьянскаго сына Романа Осипова на дочери бывшаго повѣреннаго Архипа Игнатьева, но міромъ крестьяне того не приказали: кто же изъ васъ смѣетъ противиться господскимъ приказаніямъ? и какъ ты, бурмистръ, можешь такъ писать ко мнѣ! Думаю, что это по

глупости вашей, и для того вамъ на сей разъ спускаю; но снова приказываю вамъ непремѣнно женить упомянутаго Романа на дочери Архиповой, и не отдавать его въ рекруты. А если впередъ осмѣлится міръ не исполнить въ точности моихъ предписаній, то я не оставлю сего безъ наказанія. Всякія господскія повелѣнія должны быть святы для васъ. Я вашъ отецъ и судья. Мое дѣло знать, что справедливо и для васъ полезно.

Пишешь еще, что у васъ въ селѣ есть кликуши, будто бы испорченныя крестьянами Минаемъ Иваповымъ, Акимомъ Ѳедоровымъ и Ѳедоромъ Михайловымъ: думаю, что это бабьи сказки и совершенный вздоръ. Ежели сіи три крестьянина не примѣчались никогда въ худыхъ дѣлахъ, то ихъ оставить въ покоѣ; а кликушамъ объявить моимъ господскимъ именемъ, чтобы онѣ унялись и перестали кликать; если же не уймутся, то приказываю тебѣ высѣчь ихъ розгами: ибо это обманъ и притворство. О семъ меня увѣдомь и скажи, хорошаго ли поведенія были всегда сіи три крестьянина».

18 *Октября*, 1821 г. «Христосъ воскресе! поздравляю васъ, добрыхъ крестьянъ, съ свѣтлымъ праздникомъ.

Ты пишешь ко мнѣ, что крестьянинъ Вторуской деревни, зять Алексѣя Ефимова, подрался съ тестемъ, откусилъ ему палецъ, и былъ за то крѣпко наказанъ тобою: причемъ спрашиваешь, отдать ли его въ рекруты, какъ міръ приговариваетъ? Теперь отдавать не приказываю, ибо онъ уже былъ наказанъ; но объяви ему моимъ именемъ: что если онъ и впредь не будетъ жить мирно съ тестемъ, то я непремѣнно велю отдать его въ солдаты. А ты увѣдомь меня, помирился ли онъ съ тестемъ, и какъ ведетъ теперь себя; и выздоровѣлъ ли его тесть.

Дошло до моего свѣдѣнія, что Вторуской крестьянинъ Трофимъ Наумовъ много буянитъ: скажи ему отъ меня, что если онъ не уймется; то пойдетъ въ солдаты или на

поселеніе. Смотри за нимъ, и донеси мнѣ, если онъ не перестанетъ быть буяномъ. Я уйму его и велю отвезти въ Нижній въ тюрьму: чтобы онъ это зналъ.

Сожалѣю о пожарѣ, бывшемъ въ деревнѣ Вторуской, и погорѣвшимъ двадцати семи душамъ уступаю оброкъ за нынѣшнюю половину, а вы помогите имъ лѣсомъ для новыхъ избъ.

Ежели ты, бурмистръ, найдешь добраго жениха для сельской дѣвки Прасковьи, отданной въ пріемыши въ деревню Г. Самойлова, въ Кашемиху, то возьми сію дѣвку и отдай замужъ; а если не найдешь ей жениха въ селѣ или въ деревнѣ, то нѣтъ нужды и брать ее, буде она довольна тѣмъ домомъ, въ которомъ живетъ».

Будьте здоровы и благополучны.

19 *Января,* 1822 г. «Донесеніе твое, бурмистръ, о спорѣ крестьянъ, Большаго и малаго Макателема, о землѣ мною получено. Увѣдомить меня, сколько десятинъ земли отдано отъ Малаго Макателема подъ церковь большаго Макателема; да пришли мнѣ также мое письменное повелѣніе объ отрѣзкѣ семидесяти двухъ десятинъ въ недостатокъ Малому Макателему отъ большаго Макателема, дабы я могъ видѣть, дѣйствительно ли отрѣзано Малому Макателему болѣе того, что слѣдовало. Тогда и дамъ свое предписаніе, кому отъ кого прирѣзать земли; а до того времени не спорьте и владѣйте, чѣмъ кто владѣетъ.

Такъ какъ крестьяне Малаго Макателема платятъ за труды письмоводства нашему діакону, то и крестьяне Большаго Макателема должны платить писарю Макару Гущину свою половину, по моему господскому приказанію: что непремѣнно исполнить.

Еще подтверждаю, чтобы никто изъ крестьянъ не осмѣливался противиться господскимъ приказаніямъ. Я всѣхъ васъ люблю равно, какъ дѣтей своихъ, и судъ мой безпристрастенъ; я хочу только вашего добра общаго, отвѣчая

за васъ Богу. Нынѣшній годъ вы должны благодарить Всевышняго за то, что не было рекрутства». Будьте благополучны.

23 Марта, 1822 *г.* «Если всѣмъ міромъ крестьяне поручатся мнѣ за Зосима Леонтьева, то я согласенъ дать ему заимобразно 500 р. на пять лѣтъ, чтобы онъ ежегодно уплачивалъ мнѣ по сту рублей. Сами крестьяне могли бы дать ему эту сумму въ заемъ: у меня нѣтъ лишнихъ денегъ, особенно по нынѣшней здѣсь дороговизнѣ.

11 Августа. «Письмо ваше я получилъ и далъ приказаніе бурмистру, чтобы онъ возвратилъ вамъ отрѣзанную имъ у васъ землю, пятьдесятъ десятинъ, какъ вы пишете.

Но вамъ строго приказываю приступить тотчасъ къ измѣренію всей земли въ обоихъ Макателемахъ, чтобы уравнять ее по душамъ, и навсегда прекратить ваши споры. Непремѣнно исполните: это уже и приказываю. Вы сами объ этомъ просили меня при старомъ бурмистрѣ. Теперь велю вамъ. Тотчасъ выберите обмѣрщиковъ, и пустыми просьбами мнѣ не скучайте.

Я не велю бурмистру обижать васъ: вы мнѣ всѣ равны, какъ дѣти. Не запрещаю вамъ жаловаться на бурмистра, ежели бы онъ изъ васъ, кого обидѣлъ или наказалъ несправедливо; но теперь строго велю вамъ его слушаться для порядка и не смѣть буянить.»

16 Сентября. «Съ горестію получилъ я ваше увѣдомленіе о нещастномъ пожарѣ, которымъ Богъ наказалъ насъ, и который случился отъ какой нибудь вашей неосторожности. Увѣдомь меня, бурмистръ, отъ чего именно загорѣлось, и не нарочно ли подожжено какимъ злодѣемъ? вѣрно вы также не употребили всѣхъ средствъ остановить пожаръ: надлежало бы разломать нѣсколько дворовъ; а вы конечно того не сдѣлали.

Теперь остается спѣшить строеніемъ, чтобъ зима не застала крестьянъ безъ кровли. Для того надобно всѣмъ

міромъ помогать имъ, какъ братья помогаютъ братьямъ въ нуждѣ. Пусть рубятъ лѣсъ въ Заказникѣ, когда нѣтъ другаго годнаго. Объяви погорѣлымъ, что я освобождаю ихъ отъ господскаго оброка на цѣлый годъ; но съ другихъ крестьянъ собирай осенній оброкъ, и доставь мнѣ какъ обыкновенно. Увѣдомь меня, бурмистръ, немедленно, начали ли крестьяне строиться. Я надѣюсь, что ты, между тѣмъ, размѣстилъ погорѣлыхъ, особливо дѣтей малолѣтнихъ по дворамъ, которые уцѣлѣли въ Маломъ Макателемѣ. На время можно хозяевамъ потѣснiться.

По крайней мѣрѣ впредь да сохранитъ васъ Богъ отъ такой бѣды; а ты при семъ случаѣ подтверди крестьянамъ, чтобы они соблюдали болѣе осторожности отъ огня, и перестали бы ссориться другъ съ другомъ, дабы не гнѣвать Бога, который насъ за грѣхи наказываетъ.»

19 *Декабря*. «Оброчной суммы за осеннюю половину, 2600 рублей, мною получено. Вы обѣщаете непремѣнно доставить сполна весь остальной оброкъ за эту половину къ Крещенію; исполните же обѣщаніе. Деньги намъ очень нужны. Поздравляю васъ съ новымъ Императоромъ, котораго намъ Богъ далъ, и который желаетъ пріобрѣсти любовь всей Россіи.

Вы пишете, что у васъ было въ нынѣшнемъ году 33 свадьбы: увѣдомьте, сколько ихъ было въ 1821 и 1822 годахъ? Съ крестьянина Николая Архипова соглашаюсь взять только половину оброка, а другую половину обождать до слѣдующаго года.

Священнику Малаго Макателема дѣйствительно ли нужна помощь въ лѣсѣ для окончанія его строенія? и хорошо ли онъ ведетъ себя? о томъ меня увѣдомьте.» Будьте благополучны.

Мы описали жизнь Карамзина до роковаго 1826 года, съ несчастнымъ вступленіемъ въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1825 г.

Въ заключеніе здѣсь мы помѣстимъ два прекрасныя письма его, принадлежащія къ этому послѣднему времени, гдѣ онъ видѣнъ, какъ въ зеркалѣ, со всѣхъ сторонъ:

Къ Дмитріеву, отъ 22 Октября, 1825 года.
«Въ отвѣтъ на милое письмо твое скажу, что о вкусахъ, по старому Латинскому изрѣченію, не спорятъ: я точно наслаждаюсь здѣшнею тихою, уединенною жизнію, когда здоровъ и не имѣю сердечной тревоги. Всѣ часы дня заняты пріятнымъ образомъ: въ девять утра гуляю по сухимъ и въ ненастье дорогамъ, вокругъ прекраснаго, не туманнаго озера, славимаго и въ Conversaions d'Emilie, въ 11-ть завтракаю съ семействомъ, и работаю съ удовольствіемъ до двухъ, еще находя въ себѣ и душу и воображеніе; въ два часа на конѣ, не смотря ни на дождь, ни на снѣгъ; трясусь, качаюсь—и веселъ; возвращаюсь съ аппетитомъ, обѣдаю съ моими любезными, дремлю въ креслахъ, и въ темнотѣ вечерней еще хожу часъ по саду, смотрю вдали на огни домовъ, слушаю колокольчикъ скачущихъ по большой дорогѣ, и не рѣдко крикъ совы; возвратясь свѣжимъ, читаю газеты, журналы не Русскіе, книгу не Русскую; въ 9 часовъ пьемъ чай за круглымъ столомъ, и съ десяти часовъ до половины двѣнадцатаго читаемъ съ женою и съ двумя дѣвицами Вальтеръ-Скота, романы, но съ невинною пищею для воображенія и сердца, всегда жалѣя, что вечера коротки. Не знаю скуки съ зѣвотою, и благодарю Бога. Радъ жить такъ до конца жизни. Вотъ слѣдствіе вѣроятно лучшаго здоровья: не знаю, продолжится ли, но такъ теперь. Что мнѣ городъ? ...Я такъ неподвиженъ, что былъ только однажды въ Гатчинѣ, не смотря на мою сердечную любовь къ Императрицѣ. Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность къ Небу за свое историческое дѣло. Знаю, *что* и

какъ пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ отечеству, и человѣчеству. Пусть никто не будетъ читать моей Исторіи: она есть, и довольно для меня. Однимъ словомъ, я совершенный Графъ Хвостовъ по жару къ музамъ или музѣ! За неимѣніемъ читателей могу читать про себя и бормотать сердцу, *гдѣ* и *что* хорошо. Мнѣ остается просить Бога единственно о здоровьѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ до той минуты,

«Какъ лебедь на водахъ Меандра,
«Пропѣвъ, умолкнетъ навсегда. *

Чтобъ чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятилъ здѣсь способности ума авторству. Такъ пишутъ къ друзьямъ изъ уединенія».

Другое драгоцѣнное письмо, около этого же времени, написано имъ къ Графу Каподистріи, на Французскомъ языкѣ, и переведено Жуковскимъ.

«Свиданіе съ любезнымъ Б.....мъ было для меня пріятнѣе обыкновеннаго: онъ много разсказывалъ объ васъ, и всѣ подробности о вашемъ здоровьѣ, о вашемъ наружномъ видѣ, (матеріальномъ выраженіи нематеріальнаго), были для насъ удовлетворительны. Но къ сожалѣнію многіе вопросы о состояніи прекрасной души вашей, о занятіяхъ дѣятельнаго вашего ума, о вашемъ столь всегда вѣрномъ образѣ мыслей на счетъ происшествій нашего времени, остались безъ отвѣта. Слушая однако нашего общаго друга, который такъ живо передавалъ мнѣ свои разговоры съ вами, я иногда забывался: мнѣ казалось, что слышу васъ самихъ. Какъ было завидно для меня то счастіе, которымъ онъ

* Изъ оды Хераскова.

насладился въ вашемъ обществѣ. Мои скопляющіеся годы, шаткость моего здоровья, печальныя обстоятельства, насъ разлучающія, и которымъ конца не вижу, все это заставляетъ меня думать, что прошедшее для меня уже не возвратится. Но въ утѣшеніе себѣ говорю: хотя онъ и далеко, но объ насъ помнитъ; а мы безсмертны. Соединеніе душъ не прекращается съ жизнію матеріальною: пережившій сохраняетъ воспоминаніе; отшедшій, быть можетъ, болѣе выигрываетъ, нежели теряетъ. Земные путешественники слишкомъ разсѣяны: имъ нѣтъ досуга, заботиться о дружбѣ; не прежде, какъ бросивъ свой посохъ, мы можемъ предаться вполнѣ привязанностямъ своего сердца: тогда растерянное во времени будетъ отыскано въ вѣчности. — Такіе разговоры съ самимъ собою занимаютъ меня теперь гораздо болѣе всѣхъ разговоровъ въ обществѣ: они сохраняютъ теплоту моей души, которая мнѣ еще нужна для моего милаго семейства, для моихъ друзей, для моей Исторіи, подвигающейся къ окончанію,—(даръ отъ меня потомству, если оно его приметъ, если же нѣтъ, то нѣтъ.) Такъ я старѣюсь, не угасая (быть можетъ придетъ и то). О какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія! какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная участь! какъ вся душа моя полна жалости для столькихъ народовъ!....

Мы на сихъ дняхъ переѣхали въ Петербургъ изъ Царскаго Села, гдѣ прожили болѣе двухъ мѣсяцевъ въ непарушимомъ уединеніи: какъ далеко была отъ меня скука въ тѣ минуты, когда я не страдалъ физически! Сколько глубокихъ наслажденій находилъ я въ этомъ ежедневномъ досугѣ, въ кругу моего семейства, иногда одинъ совершенно! Работа, чтеніе, осеннія, не рѣдко ночныя прогулки, имѣли для меня прелесть непзъяснимую. Не слишкомъ боясь смерти, иногда смотря на нее съ какимъ-то радушіемъ, и любя повторять съ Ж. Ж. Руссо, *что засыта-*

ющій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи, я допиваю по каплямъ сладкое бытіе земное; я радуюсь имъ по своему, непримѣтно для зависти. Подходя къ концу жизни, я благодарю Бога за все, что Онъ мнѣ даровалъ въ ней; можетъ быть ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна; милое Отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать: и что же? я могъ описать одни только варварскія времена его Исторіи; меня не видали ни на полѣ сраженія, ни въ совѣтахъ Государственныхъ; зная однако, что я не трусъ и не лѣнивецъ, говорю самому себѣ; «такъ было угодно Богу», и не имѣя смѣшной авторской спеси, вхожу не стыдясь въ общество нашихъ Генераловъ и нашихъ Министровъ.... Но довольно! я заговорился, кажется слишкомъ много для одного минутнаго свиданія съ вами въ вашей Женевѣ. Краткость жизни требуетъ лаконизма; но что же дѣлать? и самая мысль, что мы такъ мало имѣемъ здѣсь времени для многословія, заставляетъ насъ иногда быть неумѣренно многословными съ нашими друзьями.

Перейду теперь къ историческому: воспоминаніе объ васъ живетъ въ Россіи. Государыня Елисавета Алексѣевна поручила мнѣ написать вамъ, что Она продолжаетъ по прежнему принимать въ васъ искреннее участіе: Она такъ прямодушна! И Государь ни мало къ вамъ не перемѣнился. Онъ знаетъ цѣну вашей души и вашихъ высокихъ дарованій. Удостоивъ насъ въ городѣ однажды Своимъ посѣщеніемъ, Онъ много, много объ васъ говорилъ, и съ такимъ чувствомъ, которое меня порадовало. Я люблю Его болѣе и болѣе, не помышляя ни о какихъ милостяхъ, ни о какомъ вліяніи, то есть, не тревожа себя ни мало тѣмъ, что никакого вліянія не имѣю. Богъ одинъ читаетъ во глубинѣ сердца!... Говорить ли вамъ о нашемъ тепереш-

немъ мучительномъ безпокойствѣ, которое, надѣюсь, пройдетъ прежде, нежели вы получите письмо мое! Нашъ любезный, нашъ добрый Императоръ боленъ простудною лихорадкою въ Таганрогѣ: болѣзнь не опасная, но сердце дрожитъ за него. А Государыня Елисавета Алексѣевна въ письмѣ, отъ 3 Ноября, которое я имѣлъ счастіе получить отъ нее, увѣдомляетъ насъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше. Она очень огорчена смертію Короля Баварскаго...,

Cher et respectable ami!

Nous avons revu l'aimable B..... avec encore plus de plaisir qu'à l'ordinaire: il nous a parlé de vous! Nous avons commencé par desi questions sur votre santé, votre air, l'expression phisique de ce qu, ne l'est pas. Nous avons été satisfaits; mais bien d'autres questionse immédiatement sur l'état de votre belle âme, les opérations de votrs esprit actif, sur votre manière frappante d'envisager les événement du tems, sont restées, hélas! sans réponse. Cependant en écoutan notre ami commun, qui me rendait compte de ses entretieus avec vous, j'ai cru quelquefois vous entendre parler vous-même. Que je lui envie ces moments délicieux, passés avec vous! Mes années qui s'accumulent, ma santé qui chancelle, les circonstances fâcheuses qui nous séparent et qui durent toujours, tout cela est peu fait pour relever en moi l'espérance de voir revenir le passé! Pour m'en consoler, je me dis: «Quoique loin de nous, il pense quelquefois à nous, et nous sommes immortels.» — Le contact des âmes ne cesse point à notre dissolution matérielle. Celui qui survit conserve un souvenir, et celui qui s'en va acquiert peut-être plus qu'il ne perd. Les voyageurs ici-bas sont trop distraits et n'ont pas le loisir de cultiver l'amitié; ce n'est qu'après avoir déposé nos bâtons que nous serons tout à nos affections, et tout ce que nous perdons dans le tems sera rattrapé dans l'éternité. De pareils soliloques m'occupent à présent plus que les conversations de la société, et entretiennent la chaleur de mon âme, dont j'ai encore besoin pour ma famille, pour mes amis et pour mon histoire qui s'achève (legs à la postérité, si elle en veut: si non, non!). Oui, je vieillis sans m'éteindre encore (cela viendra peutêtre). Oh! que j'aime encore mes compagnons de voyage! que je plains leur misère et que je suis tout pitié pour tant d'individus et pour tant de nations!

Nous venons seulement de quitter Tsarskoé Sélo, où nous sommes restés dans une profonde solitude pendant plus de deux mois: que j'étais loin de l'ennui quand je ne souffrais pas physiquement? Que de jouissances intimes je trouvais dans ce loisir de tous les jours, au sein de ma famille, et quelquefois tout seul! Le travail, la lec-

ture, les promenades automnales et souvent nocturnes avaient un véritable charme pour moi. Sans craindre extrêmement la mort, l'envisageant quelquefois avec une certaine affection et aimant à répéter avec Rousseau, «qui s'endort dans les bras d'un père, n'est pas en souci du réveil,» je savoure encore la douceur de l'existence terrestre à ma façon, qui échappe à l'envie. Touchant à la fin de ma carrière, je remercie Dieu de ma destinée. Je me trompe peut-atre, mais ma conscience est tranquille. La chère patrie n'a rien à me reprocher; j'étais toujours prêt à la servir sans compromettre mon caractère, dont je dois répondre à cette mame Russie: eh bien, je n'ai fait que l'histoire de ses siècles barbares: on ne m'a vu ni aux champs de bataille, ni dans les conseils d'état; mais comme je ne suis ni poltron, ni paresseux, je me dis: «le Ciel ne l'a pas voulu,» et sans être ridiculement fier de mon métier d'auteur, je me vois sans honte parmi nos généraux et ministres .. Je m'arrête: c'est parler trop pour une visite que je vous fais d'ici à Genève. La brièveté de la vie invite au laconisme; mais que voulez-vous? L'idée même qu'on ne vit pas assez longtems pour beaucoup bavarder nous rend quelquefois bavards avec nos amis.

Je passe à l'historique. Votre souvenir vit en Russie. L'Impératrice Elisabeth m'a chargé expressément de vous parler le l'intérets sincère, qu'Elle vous porte: Elle est si vraie! Il n'est pas moins vrai, que l'Empereur a toujours la même idée de votre eme et de vos talents éminents. Nous ayant une fois honorés d'une visite en ville, Il a beaucoup, beaucoup parlé de vous avec un sentiment qui m'a satisfait. Je suis plus que jamais attaché à Lui, sans prétendre à aucune faveur particulière, à aucune influence, c'est-à-dire, sans me mettre en peine de ce que je n'en ai aucune. Dieu seul lit au fond des ames!— Vous parlerai-je de notre inquiétude actuelle, qui peut se dissiper, comme je l'espère, avant que vous ne receviez cette lettre: notre cher et bon Empereur a une fièvre de refroidissement à Taganrok: cette maladie n'est point dangereuse, mais notre coeur en est toujours alarmé. Quant à l'Imperatrice Elisabeth, Elle a eu la bonté de m'écrire du 3 Novembre, qu'Elle se sentait mieux, quoique dans ce moment Elle soit bien affligée de la mort du Roi de Bavière.....

—

Изъ этихъ двухъ писемъ, писанныхъ почти въ концѣ 1825 года, видно, какъ Карамзинъ былъ спокоенъ въ это время, оправившись совершенно послѣ болѣзни, и принявшись съ прежнимъ усердіемъ за свой любезный трудъ.

Въ Октябрѣ, 22 числа, пишетъ К. С. Сербиновичъ, ѣздилъ я съ Николаемъ Тимоѳеевичемъ Аксаковымъ въ Царское Село къ Карамзинымъ. Николай Михайловичъ видимо поправился

въ здоровьѣ, и за столомъ самъ говорилъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше: аппетитъ хорошъ и голова свѣжа. Изъ разговора его можно было также замѣтить въ немъ какое-то особенно спокойное, даже сладостное чувство при мысли, къ которой онъ любилъ возвращаться, о томъ недалекомъ времени, когда ему придется разстаться съ здѣшнею жизнію. Говорили потомъ и объ Исторіи. Николай Михайловичъ пишетъ теперь *пятую* главу XII-го тома. (Никто изъ насъ и вообразить не могъ, что эта глава будетъ послѣднею и останется не оконченною). За чаемъ рѣчь зашла о недавно вышедшемъ указѣ, воспрещавшемъ чинамъ вѣдомства военныхъ поселеній переходить въ иныя вѣдомства. Такая стѣснительная мѣра сильно огорчила Николая Михайловича, и онъ далъ мнѣ коммисію купить въ городѣ экземпляръ этого указа и переслать къ нему».

(С.) «*30 Октября*, Министръ мой, Александръ Семеновичъ Шишковъ, ѣздилъ въ Гатчину, взявъ и меня съ собою. Остановились во дворцѣ, въ комнатахъ отведенныхъ пріятелю его, секретарю Императрицы, Николаю Петровичу Новосильцеву. Въ слѣдующій день я былъ у Николая Михайловича на другой половинѣ дворца, и засталъ у него В. А. Жуковскаго. Опять съ особеннымъ удовольствіемъ можно было слышать изъ устъ Николая Михайловича, что онъ теперь въ лучшемъ состояніи здоровья, и ясное тому доказательство — пріятность, которую находитъ въ работѣ, какъ бывало и прежде, что, чувствуя сладость жизни, благодаритъ Бога за этотъ даръ; самъ любитъ перечитывать разныя мѣста своей Исторіи, оцѣнивая, *что* и *гдѣ* хорошо; радуется, что совершилъ такой трудъ, и, исполнивъ по совѣсти свой долгъ, ни мало не заботится даже и о судѣ потомства; что недавно писалъ къ Ивану Ивановичу Дмитріеву, и выразилъ передъ нимъ чувства своей благодарности къ Богу de lui avoir imposé cette tâche si agréable. — Въ этотъ самый вечеръ Николай Михайловичъ

долженъ былъ читать у Императрицы Маріи отрывокъ изъ XII тома; именно *осаду Троицкой Лавры.* — Жуковскій провелъ меня обратно чрезъ множество коррндоровъ и залъ, изъ которыхъ многія вовсе не были освѣщены. За то луна свѣтила въ нихъ чрезъ окна, хотя и закрываемая поминутно облаками, быстро летѣвшими при порывистомъ вѣтрѣ. Василій Андреевичъ замѣтилъ, что тутъ есть нѣчто похожее на Радклифскіе за́мки, а для меня всего замѣчательнѣе казалось то, что меня провожаетъ творецъ очаровательно страшныхъ балладъ. Возвратясь къ Александру Семеновичу, я увидѣлъ, что и онъ съ Новосильцевымъ собираются итти къ Императрицѣ. Послѣ я слышалъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на всѣхъ слушателей увлекательное описаніе знаменитой осады, со славою выдержанной обителію иноковъ. Тутъ, какъ я слышалъ, высказался въ замѣчаніяхъ Великаго Князя Николая Павловича духъ самоотверженія его за Россію, судьбы которой скоро должны были соединиться съ царствованіемъ его, о чемъ тогда никто еще не могъ и помышлять».

«15 *Ноября* Карамзины переѣхали въ Петербургъ. Я обѣдалъ у нихъ въ день рожденія Екатерины Андреевны, 16 Ноября. Точно такъ же спокойно и пріятно праздновали мы и 24 Ноября — день ея именинъ».

«Но это были уже послѣдніе безмятежные дни.»

Скоро распространилось тревожное извѣстіе, что Государь занемогъ въ Таганрогѣ, а 26 числа всѣ узнали, что онъ боленъ опасно и уже пріобщался Св. Таинъ; 26-го назначено было молебствіе, и вдругъ роковая вѣсть о его кончинѣ повергла столицу въ глубочайшую горесть».—(С.)

ГЛАВА XI.

1825—1826

Записка Карамзина для его дѣтей объ отношеніяхъ къ И. Александру.—Письма къ И. Елисаветѣ Алексѣевнѣ, Дмитріеву, Малиновскому, брату.—Письмо Гр. Каподистріи.—Состояніе общества.—Бесѣды во Дворцѣ.—Манифестъ 12 Дек. и проэктъ Карамзина.—14 Декабря.—Мысль о возвращеніи къ занятіямъ.—Письма къ Тургеневу и Дмитріеву о событіяхъ.—Мое представленіе И. М.—Болѣзнь его.—Письмо къ И. Николаю.—Отвѣтъ.—Рѣшеніе ѣхать во Флоренцію.—Приготовленія.—Письма къ И. Александрѣ Ѳеодоровнѣ.—Болѣзнь усиливается.—Рескриптъ И. Николая.—Его дѣйствіе.—Отвѣтъ.—Жуковскій.—О положеніи К. въ Таврическомъ дворцѣ.—Послѣдніе дни по письмамъ Тургенева.—Письмо И. Маріи.—Кончина.—Жуковскій о Карамзинѣ.—Заключеніе

Мы видѣли, какъ любилъ Карамзинъ Императора Александра Павловича, и какъ былъ ему преданъ сердечно. Можно себѣ представить, какъ поразила его внезапная роковая вѣсть.

Къ Запискѣ своей о Польшѣ, на которой имъ было помѣчено, какъ мы выше видѣли, что онъ послѣ спора разстался душею съ И. Александромъ, Карамзинъ приписалъ:

«Я ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось; и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 г. мы имѣли съ нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ: онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожъ слушалъ ихъ, хотя имъ, большею частію, не слѣдовалъ, такъ что нынѣ, вмѣстѣ съ Россіею, оплакивая кончину его, не могу утѣшать себя мыслію о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь знаменитаго Вѣнценосца: ибо эта милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго Отечества.

Правда, Россія удержала свои Польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла, равно бѣдственнаго и несправедливаго: по крайней мѣрѣ такъ сказалъ онъ мнѣ въ Ноябрѣ, 1824 года. Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Г... системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ просвѣщенія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные. Въ послѣдней моей бесѣдѣ съ нимъ, 28 Августа, отъ 8 до $11^1/_2$ часовъ вечера, я сказалъ ему, какъ пророкъ: Sire, Vos années sont comptées, Vous n'avez plus rien à remettre, et Vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de Votre règne soit digne de son beau commencement. * Движеніемъ головы и милою улыбкою онъ изъявилъ согласіе, прибавилъ и словами, что непремѣнно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи. Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ внезапно отнялъ Александра у Россіи! Мнѣ хочется болѣе плакать, нежели писать объ немъ. Я любилъ его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на Монарха, и все любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели» **.

Страница, принадлежащая не только къ біографіи И. Александра и Карамзина, но и къ Исторіи.

* Государь! Ваши дни сочтены. Вамъ нѣкогда откладывать, а вамъ столько еще остается сдѣлать, чтобъ конецъ вашего царствованія былъ достоинъ его прекраснаго начала.

** Приписка сдѣлана 18 Декабря.

Чувствованія Карамзина видиѣе всего изъ его писемъ о кончинѣ И. Александра:

Къ Дмитріеву, отъ 1 Декабря... «Мы не имѣли времени приготовиться къ удару: изумились, и хотѣли бы плакать еще болѣе, нежели плачемъ, еслибы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности къ незабвенному для насъ Александру. Онъ еще дѣйствуетъ на мою судьбу земную: его мать добродѣтельная, братъ, Великія Княгини, вѣрятъ моей искренней, чистой къ нему любви, и видятъ меня, чтобы плакать вмѣстѣ. Союзъ печали имѣетъ свою сладость. Объ Императрицѣ Елизаветѣ едва смѣю думать: она кажется мнѣ какимъ-то лучезарнымъ ангеломъ, въ состояніи неизъяснимомъ. Сердце рвется къ ней. Я мужъ, отецъ и ненадеженъ здоровьемъ: немогу рѣшиться. Впрочемъ, кому быть утѣшителемъ ея, кромѣ Бога? Что для нея теперь жизнь и пріязнь, самая искреннѣйшая? Пишу къ тебѣ единственно для того, чтобы мысленно прижать тебя къ сердцу въ горести глубокой. Я не равнодушенъ къ судьбѣ Россіи; но теперь сердце занимается только жалостію, что не стало того, кого мы любили»...

Письмо къ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, отъ 4 Декабря: «Пишу, не надѣясь и даже не смѣя желать, чтобы вы это читали. Кто дерзнетъ быть вашимъ утѣшителемъ? или говорить вамъ о своей печали? Мы любили Государя; но что наша скорбь передъ Вашею? Не имѣю силъ вообразить, что дѣлается въ вашемъ сердцѣ, и что свыше человѣчества. Есть Богъ! это уже послѣднее для васъ испытаніе и начало бытія неземнаго. Такъ думаю въ утѣшеніе самому себѣ. Сердце, столь ужасно сокрушенное, въ глубокой тьмѣ здѣшняго міра, уже не освѣщено ли какимъ нибудь таинственнымъ лучемъ неба? Не питается ли чѣмъ нибудь сокровеннымъ, для насъ непонятнымъ? Достигаю до васъ только молитвою безмолвною: пѣть словъ, пѣть и

мыслей. Чего просить отъ Бога для Васъ? Но молюся: однимъ чувствомъ любви, яснымъ для того, кто посылаетъ намъ страданія, чтобы очистить насъ безъ сомнѣнія для блаженства, которое, можетъ быть, уже извѣстнѣе Вамъ, нежели мнѣ. Никогда вы не были для меня такъ велики и лучезарны, какъ нынѣ. Повергаюсь къ вашимъ ногамъ съ слезами, съ смиреніемъ и все еще съ прежнею любовію. Гдѣ нибудь Васъ увижу, и вездѣ ближе къ Богу, Котораго судьбы не всегда будутъ для насъ неисповѣдимы».

Къ Малиновскому, отъ 7 Декабря, 1825 *года*. «Общая горесть наша велика. Царствованіе Александра было славно и милостиво, а въ сердцѣ его что-то ангельское. Мы всѣмъ семействомъ были привязаны къ нему душевно, не только благодарностію, но и любовію безкорыстною. Договоръ нашъ не исполнился: давъ мнѣ слово быть покровителемъ моихъ дѣтей послѣ моей смерти, онъ предупредилъ ее своею безвременною кончиною. Одно въ Петербургѣ и Москвѣ: слезы искреннія. Императрица Марія Ѳеодоровна поддерживаетъ себя религіею и добродѣтелію: вижу ее съ глубокимъ умиленіемъ, и надѣюсь еще на милость Божію къ Россіи. Нельзя думать безъ трепета о состояніи Императрицы Е. А.: она всего лишилась! Дней десять никого не допускала къ себѣ, кромѣ К. Волконскаго и Штофрегена. Чрезвычайное усиліе духа ея продолжится ли? Физическія силы слабѣютъ въ ней явно, какъ пишутъ. Повторю ваше слово: «да будетъ воля Божія со всѣми нами»!

Къ брату. «Черезъ два дня (по возвращеніи изъ Царскаго села), 17 Ноября узнали мы о болѣзни Государя, и съ той минуты я уже не могъ ни чѣмъ спокойно заниматься. Александра любилъ я, какъ человѣка, какъ искренняго, добраго, милаго пріятеля, если смѣю такъ сказать: онъ самъ называлъ меня своимъ *искреннимъ*. Его величіе и слава, конечно, давали этой связи еще особенную прелесть.

Не думалъ я пережить его, и надѣялся оставить въ немъ покровителя моимъ дѣтямъ. Да будетъ воля Божія! Привязанность моя къ нему осталась безкорыстною: новый Государь Россіи не можетъ знать и цѣнить моихъ чувствъ, какъ зналъ и цѣнилъ ихъ Александръ. Я слишкомъ для него старъ, и думаю только кончить, если дастъ Богъ, 12-й томъ Исторіи, чтобы куда нибудь удалиться отъ двора, въ Москву ли, или въ Нѣмецкую землю для воспитанія сыновей: здѣсь ученье дорого и не такъ легко. Впрочемъ предаюсь и тутъ въ волю Божію. Нынѣ мы живы, а завтра гдѣ будемъ. Если не Александръ, то Небесный Отецъ нашъ непокинетъ моего семейства, какъ надѣюсь».

Императрица Елизавета Алексѣевна отвѣчала Карамзину на его письмо, выше приведенное, изъ Таганрога, отъ *9 Февраля*:

Vous avez été un des premiers à m'éxprimer votre propre douleur, Monsieur, et l'interêt, que vous prenez à la mienne. Je ne pouvais que m'attendre de votre part aux sentiments, que j'ai trouvés dans votre lettre; je l'ai reçue et lue avec reconnaissance, mais je ne sentais dans ces momens-là que le mal, qui déchirait mon âme. Maintenant que je puis mieux me figurer l'état de la vôtre et me retracer l'amitié, que j'ai toujours rencontrée en vous, c'est un besoin pour moi de vous dire, que je ne suis pas ingrate, que quelque bouleversement qu'ait éprouvé tout mon être, rien ne pourra jamais assez fermer mon coeur pour me faire oublier l'amitié et la bienveillance, que vous m'avez toujours témoignées, et pour ne pas vous rendre ces sentimens du fond de mon âme.

Je m'adresse à Madame Karamsine aussi bien qu'à vous, Monsieur; vous savez, que je ne vous sépare pas.

Que vous dirais je de plus à mon sujet? Il n'y a rien à dire. J'ignore, si, où, quand je vous reverrai dans ce monde.

Que le ciel vous préserve de tout mal et de toute peine particulière. Croyez, que quand même je ne vous reverrais pas, mes sentimens pour vous ici, et, j'espère, dans l'éternité aussi, seront toujours les mêmes.

Переводъ. Вы одинъ изъ первыхъ выразили мнѣ свою горесть, и то участіе, которое вы принимаете въ моей горести. Я не могла ожидать другихъ чувствъ съ вашей стороны, какъ тѣ, которыя выражены въ вашемъ письмѣ; я получила и прочла его съ благодарностію; но чувствовала въ тѣ минуты только одну скорбь, которая раздирала мою душу. Теперь, когда я лучше могу представить себѣ состояніе вашей души, и вспомнить ту дружбу, которую всегда находила въ васъ, для меня уже необходимо сказать вамъ, что я не остаюсь неблагодарною, и что какой бы переворотъ ни выдерживало все мое существо, никогда ничто не закростъ моего сердца на столько, чтобы я забыла дружбу и расположеніе, которыя вы мнѣ всегда оказывали, и не отвѣчала бы вамъ на эти чувства изъ глубины души. Я отношусь къ г-жѣ Карамзиной наравнѣ съ вами вы знаете, что я васъ никогда не раздѣляю.

Что сказать вамъ еще о себѣ? Нечего говорить. Я не знаю, увижусь ли съ вами на томъ свѣтѣ, гдѣ и когда. Да сохранитъ васъ Богъ отъ зла, и отъ всякаго горя. Будьте увѣрены, что еслибы я съ вами болѣе и не увидѣлась, мои чувства къ вамъ здѣсь, и, надѣюсь, въ вѣчности, останутся всегда однѣ и тѣ же».

Письмо Гр. Каподистріи къ Карамзину.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ!

Самъ Богъ далъ вамъ мысль написать ко мнѣ письмо, отъ 23 Ноября, и по Его-же внушенію вы рѣшились переслать письмо съ припискою отъ 30. Оно нашло меня здѣсь въ Бернѣ, куда я пріѣхалъ искать убѣжища въ лонѣ церкви. Здѣсь была совершена панихида за упокой

Императора; смѣшивая свои слезы и свои молитвы съ слезами и молитвами тѣхъ Русскихъ, которыхъ разныя обстоятельства привели въ эту страну, я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ невыразимой скорби, подавляющей мое сердце. Въ первую минуту, когда громовой ударъ, вылетѣвшій изъ Таганрога, достигъ моей кельи, во мнѣ произошло какое то оцѣпенѣніе; я почувствовалъ какую-то страшную пустоту вокругъ себя. Въ настоящую минуту въ головѣ носятся мысли самыя скорбныя, которыя отравили бы все мое существованіе, если бы религія и ваша дружба не пришли ко мнѣ на помощь. Моя любовь и преданность къ Императору не позволяли мнѣ сомнѣваться въ продолженіи его благосклонности. Однако ничто такъ не могло укрѣпить мою полную увѣренность въ справедливости, которою отличался этотъ великодушный Государь, какъ тѣ чувства, которыя въ послѣдній разъ онъ выразилъ вамъ обо мнѣ. Убѣжденіе, что онъ перепесетъ въ дѣйствительный міръ память обо мнѣ, ему не непріятную, изливаетъ бальзамъ въ мои жилы, и если что нибудь можетъ увеличить это утѣщеніе, такъ это мысль, что этимъ я обязанъ вамъ.

Да, любезный Николай Михаиловичъ, ваше свидѣтельство тоже, что свидѣтельство Исторіи. И конечно никто другой не можетъ отдать большей справедливости чистотѣ намѣреній и искренному усердію, съ которыми я старался служить вашему благородному и великому отечеству и Императору Александру. Временемъ поглощаются и люди и вещи. Но что остается, что безсмертно, какъ Богъ, это наша душа. Моя душа счастлива въ этомъ мірѣ надеждою Его увидѣть тамъ, гдѣ мы всѣ когда нибудь свидимся, съ тѣми чувствами благодарности, которыя привязываютъ ее къ Россіи, и тѣми молитвами, которыя она возноситъ, чтобы Божественное Провидѣніе благословило новаго Государя, его царствованіе и весь царскій домъ....

Я только что повергнулъ эти чувства къ стопамъ Его Величества Государя Императора Николая Павловича, двухъ Императрицъ, Великаго Князя Константина.

Если случай представится, не забудьте напомнить обо мнѣ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Первымъ движеніемъ моимъ въ горести было намѣреніе ѣхать на встрѣчу погребальнаго поѣзда. Я утѣшался мыслію, по отданіи послѣдняго долга моему благодѣтелю, получить дозволеніе оплакивать его у ногъ Его августѣйшей супруги. Но соображенія, которымъ я долженъ былъ покориться, принудили меня ограничить свою поѣздку Берномъ, и написать письмо Его Императорскому Величеству, которое поручилъ я благосклонности Графа Нессельроде.

Berne le $^{8}/_{20}$ Janvier 26.

Très cher et très respectable ami.

C'est le bon Dieu qui vous a inspiré de m'écrire votre lettre du 23 Novembre, et c'est encore Lui, qui vous a determiné à me la transmettre avec le posteriptum du 30. Elle m'a trouvé ici, où je suis venu me réfugier dans le sein de l'Eglise. On y a célébré un service funèbre en mémoire de l'Empereur, et en mélant mes larmes et mes prières à celles des Russes, que différentes circonstances réunissent dans ce pays, mon coeur s'est un peu soulagé de la douleur inexprimable qui l'opprime. Au premier moment, où la foudre, partie de Taganrog, vint me frapper dans ma cellule, c'etait de la stupeur, qui fait un vide effrayant autour de moi. A cette heure ce sont des idées tristes, qui empoisonneraient toute mon existence, si ma religion et votre amitié n'étaient venues à mon secours. L'affection et le devouement, que je portais à l'Empereur ne m'ont jamais permis de douter de la continuation de sa bienveillance. Néanmoins rien ne pouvait plus raffermir ma foi pleine et entière dans la justice qui caracterisait ce Prince Magnanime, que les sentiments, qu'il avait daigné vous exprimer en dernier lieu, à mon égard. La certitude qu'il apporte dans le monde des réalités un souvenir de moi, qui ne lui est pas désagréable, met du baume dans mes veines, et si quelque chose peut ajouter de plus à cette consolation, c'est de vous la devoir. Oui, mon cher Karamsin, Votre témoignage est comme celui de l'Histoire. Et certes que nulle autre ne saurait plus flatter la bonne opinion, que j'aime à avoir des intentions pures et du zèle sincère, avec le quel j'ai taché de servir votre noble et grande Patrie et l'Empereur Alexandre. Le temps dévore les hommes et les choses. Mais ce qui reste ce

qui est éternel comme Dieu, c'est notre âme. Et la mienne est heureuse ici bas, comme elle le sera j'espère là, où nous retrouverons tous un jour, des sentiments de gratitude, qui l'attachent à la Russie, et des voeux, qu'elle forme pour que la Divine Providence bénisse le nouveau souverain, son règne, et la famille Impériale. Je viens de mettre cet hommage aux pieds de Sa Majesté l'Empereur Nicolas, des deux Impératrices, et de Monseigneur le Grand Duc Constantin.

Si l'occasion se présente, ne m'oubliez pas cependant auprès de l'Impératrice Elisabeth. Dans le premier mouvement de ma douleur, j'étais résolu d'aller à la rencontre du convoi de l'Empereur. Il m'était doux de penser, qu'après avoir rendu les derniers devoirs à mon bienfaiteur, j'aurais pu solliciter la grâce de le pleurer aux pieds de son auguste Epouse. Mais des considérations, auxquelles je dois me résigner, m'ont forcé à limiter ma course jusqu'à Bèrne et à prendre la liberté d'écrire à Sa Majesté Impériale la lettre, que je recommande aujourd'hui aux soins obligeans de Mons, le Comte de Nesselrode.

Отъ 31 *Декабря*, 1825 *года. къ Дмитріеву*....«Можно ли читать безъ умиленія, что пишутъ объ Александрѣ умнѣйшіе Французы и Англичане? Намъ лучше безмолвствовать краснорѣчиво. Отъ Русской фабрикаціи тошнитъ. Я не напишу ни слова; развѣ скажу что нибудь въ концѣ XII тома, или въ обозрѣніи нашей новѣйшей Исторіи, чрезъ годъ или два, если буду живъ. Иначе, поговорю съ самимъ Александромъ въ поляхъ Елисейскихъ. Мы многаго съ нимъ недоговорили въ здѣшнемъ свѣтѣ».

—

Возвратимся къ событіямъ.

(С.) «*2 Ноября* всеобщая въ городѣ присяга на вѣрность новому Императору Константину Павловичу.—29-го я видѣлъ у Карамзиныхъ Екатерину Ѳедоровну Муравьеву, не подозрѣвавшую, что сынъ ея окажется въ числѣ заговорщиковъ. Николай Михайловичъ только что возвратился отъ Великаго Князя Николая Павловича. Послѣ обѣда пріѣхалъ Сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ, тоже, конечно, недумавшій, что и его сынъ—одинъ изъ главныхъ дѣятелей мятежа въ южной арміи».

«Съ этого времени я сталъ бояться за здоровье И. М. Общая потеря особенно сильно дѣйствовала на него».

«За моимъ нездоровьемъ я не могъ поздравить его со днемъ его рожденія, 1 Декабря. Слышу, что онъ ежедневно бываетъ у Императрицы, которая находитъ отраду въ его задушевной бесѣдѣ».

«Только въ слѣдующій день, 2 Декабря, я имѣлъ возможность провести у Карамзиныхъ вечеръ. Неистощимымъ предметомъ разговора были подробности болѣзни и кончины Государя, чувствованія Русскаго народа, всеобщая горесть, и то замѣчательное обстоятельство, что не смотря на отсутствіе въ столицѣ верховной власти, небыло нигдѣ и признаковъ безпорядка. Такъ думали всѣ, потому что никто не зналъ о замыслахъ тайнаго общества. Въ такомъ мирномъ расположеніи духа находился и НиколайМихайловичъ, какъ можно было удостовѣриться изъ собственныхъ словъ его, и тѣмъ неожиданнѣе, непонятнѣе, горестнѣе было потомъ разочарованіе друзей общественнаго спокойствія и порядка».

...«Между людьми, хотя и чуждыми мыслей о перемѣнѣ образа правленія, но отличавшимися необузданностію толковъ, былъ замѣченъ Попечитель Казанскаго учебнаго округа, Магницкій, недавно пріѣхавшій изъ Грузина, и представлявшій себя лицемъ, довѣреннымъ отъ сильнаго тогдашняго временщика, Графа Аракчеева, пока, наконецъ, и самъ не былъ сраженъ неожиданнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Государя.Дерзкія сужденія его и самовольный пріѣздъ изъ Казани, безъ согласія Министра, побудили Великаго Князя предложить послѣднему, чтобы онъ внушилъ ему немедля возратиться въ Казань. За ослушаніемъ послѣдовала высылка его въ сопровожденіи надежнаго лица».

«Въ публикѣ, съ 1812 года, имена Сперанскаго и Магницкаго часто упоминались вмѣстѣ отъ того, что въ томъ году оба въ одно время были высланы изъ столицы. Такимъ образомъ и теперь къ слуху о высылкѣ Магницкаго прибавился слухъ и о высылкѣ Сперанскаго. — Одинъ изъ

посѣтителей Карамзина спросилъ его, при мнѣ: «правда ли, что и Сперанскій выслалъ?» — Николай Михайловичъ возразилъ: «Сохрани Богъ! Кто это выдумалъ? Теперь-то онъ и нуженъ здѣсь, когда Государю необходимы опытные и способные люди!» (С.)

Карамзинъ ѣздилъ всякій день во Дворецъ. Императрица Марія Ѳедоровна желала его имѣть при себѣ безпрестанно. Первымъ предметомъ ихъ бесѣдъ былъ, разумѣется, почившій Императоръ Александръ Павловичъ. Государыня оплакивала любимаго сына, и желала изливать свою скорбь предъ его и своимъ другомъ, увѣренная въ сердечномъ участіи. Нареченный Наслѣдникъ престола, Великій Князь Николай Павловичъ, находился по большой части при матери, и былъ свидѣтелемъ ихъ задушевныхъ бесѣдъ, которыя вскорѣ приняли еще другой, болѣе высокій характеръ. Любовь къ отечеству, пламенная и вмѣстѣ разумная, которая была источникомъ двухъ безсмертныхъ записокъ Карамзина для покойнаго Государя, внушала ему и теперь вдохновенныя рѣчи о настоящемъ состояніи Россіи, о причинахъ общаго неудовольствія и мѣрахъ, какими оно должно быть предотвращено. Онъ хотѣлъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобъ сообщить Великому Князю Наслѣднику свои мысли, плодъ глубокихъ размышленій, наблюденій и опытовъ, плодъ многолѣтняго изученія всѣхъ вопросовъ отечественныхъ. Онъ говорилъ съ жаромъ, всю душу полагая въ свои откровенія, чтобъ подѣйствовать какъ можно сильнѣе на будущаго Самодержца, и застраховать, сколько возможно, судьбу Россіи. О, еслибъ можно было записать, сохранить для потомства, эти краснорѣчивыя изліянія горячаго, благороднаго сердца, преданнаго отечеству! Онѣ не могли, между прочимъ, обойтись безъ нѣкоторыхъ нареканій покойнику. Пощадите, пощадите сердце матери,

---

1, О древней и новой Россіи, и 2, Мнѣніе Русскаго гражданина.

Николай Михайловичъ, воскликнула однажды Императрица Марія Ѳеодоровна, прослушавъ долго въ молчаніи его сѣтованія. Ваше Величество, отвѣчалъ онъ вдохновенный, я говорю не только матери Государя, который скончался, но и матери Государя, который готовится царствовать.

Въ семействѣ Карамзина тотчасъ было замѣчено, по-его возвращеніи, необыкновенное, напряженное состояніе, въ коемъ онъ находился. Лице у него горѣло, щеки были красны, глаза сверкали какимъ-то неестественнымъ блескомъ, голосъ дрожалъ. Весь, какъ въ лихорадкѣ, онъ разсказалъ женѣ сцену свою во дворцѣ. Государыня меня останавливала, сказалъ онъ, какъ будто я говорилъ только для осужденія! Я говорилъ такъ, потому что любилъ Александра, люблю отечество и желаю преемнику избѣгнуть его ошибокъ, исправить зло, имъ невольно причиненное!

Домашніе были увѣрены, что этими бесѣдами во Дворцѣ истощатся послѣднія силы потрясеннаго организма, и что здоровье, самая жизнь Николая Михайловича, подвергнутся скоро опасности.

Преданный отъ всей души Царскому семейству, онъ продолжалъ ѣздить всякій день во Дворецъ, говорить, то есть служить свою святую службу любезному отечеству, отдавать ему, такъ сказать, свой послѣдній долгъ.

—

«6 *Декабря* я былъ у нашего незабвеннаго именинника послѣ обѣдни», говоритъ Г. Сербиновичъ. «Его самого еще не было дома, а между тѣмъ при мнѣ пріѣзжали съ поздравленіями: Графъ Комаровскій, П. И. Полетика, потомъ Александръ Михайловичъ Карамзинъ и Жуковскій. Наконецъ пріѣхалъ и Николай Михайловичъ отъ Сперанскаго, послѣ Дворца. (Уже гораздо позднѣе слышалъ я, что имъ обоимъ, хотя и не вмѣстѣ, поручилъ Великій Князь заняться манифестомъ)». (С.)

Касательно этого манифеста Карамзинъ написалъ самъ слѣдующее извѣстіе:

«Для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства.»

«Безъ моего исканія удостоенный довѣренности, я предлагалъ нынѣшнему Императору, Николаю Павловичу, начать манифестъ о восшествіи Его на престолъ такъ:

«Въ сокрушеніи сердецъ *нашихъ*» (то есть, всѣхъ Русскихъ) «пораженныхъ столь внезапною кончиною Государя Императора Александра Павловича, можемъ только, какъ Христіане, смиряться духомъ предъ Всевышнимъ, и молить Его, да пославъ намъ скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и благодарности къ памяти усопшаго Великаго Монарха, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для Отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и человѣчества.

Въ самый первый часъ скорби и рыданій, произведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Александра 1-го, мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности законному Наслѣднику Престола, согласно съ уставомъ блаженныя памяти Родителя нашего, Государя Императора Павла Петровича: старѣйшему брату нашему, Государю Цесаревичу, Великому князю Константину Павловичу,» и проч. и проч.

Государь Николай Павловичъ сказалъ, что ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому написать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

«Въ сокрушеніи *сердца*, смиряясь предъ непсповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, Насъ, Императорскій Нашъ Домъ и любезное Отечество Наше объявшей

въ единомъ Богѣ мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата Нашего, мы лишились отца и Государя, двадесять пять лѣтъ Россіи и намъ благотворившаго.

Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27 день Ноября мѣсяца до насъ достигло *, *въ самый первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго,* и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату нашему, Государю Цесаревичу и Великому князю Константину Павловичу, яко законному по праву первородства Наслѣднику Престола Всероссійскаго» — и проч.

Заключеніе предлагалъ я такое (послѣ словъ: *присягу въ вѣрности учинить Намъ* и *Наслѣднику Нашему* и проч.):

«И мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицемъ Все-
«вышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единст-
«венно для любезнаго Отечества: слѣдовать примѣру обла-
«киваемаго Нами Вѣнцепосца! Да будетъ наше царствованіе
«только продолженіемъ Александрова! Да благоденствуетъ
«Россія своимъ уже пріобрѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею
«безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою Вѣрою
«нашихъ предковъ, государственною и воинскою доблестію,
«истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностію нравовъ,
«плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною сво-
«бодою жизни гражданской и спокойствіемъ сердецъ невин-
«ныхъ! Да будетъ Престолъ нашъ твердъ закономъ и вѣр-
«ностію народною! Да соединится неразрывно, подъ нашею
«державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ человѣ-
«колюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ
«совершить для Отечества Александръ безсмертный: тотъ,

* Мои слова.

«коего священная память должна питать въ насъ и ревность, «и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа «Россійскаго.»

Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, видъ самохвальства, излишнія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано):

«Наконецъ мы призываемъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ нами теплыя мольбы ихъ ко Всевышнему, да ниспошлетъ намъ силы къ понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія наши * *жить единственно для Отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами* Государя. *Да будетъ царствованіе наше* токмо» (у меня: *только*) *продолженіемъ* царствованія Его, *и да исполнится все, чего* для блага Россіи *желалъ Тотъ, Коего священная память* будетъ *питать въ насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе* и *любовь* народовъ нашихъ» (вмѣсто: *любовь народа* Россійскаго).»

«Одинъ Богъ знаетъ, каково будетъ наступившее царствованіе. Желаю, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю, въ хорошемъ смыслѣ» *.

«Сыновьямъ моимъ благословеніе, потомству привѣтствіе изъ гроба».

—

Карамзинъ чувствовалъ себя по временамъ очень дурно, но долженъ былъ быть безпрестанно во Дворцѣ.

«Я васъ, батюшка, сегодня не видала, пишетъ къ нему И. Марія, — надѣялась васъ увидѣть ввечеру, но какъ уже 9 часовъ, то вижу, что я не буду имѣть сего удовольствія, и прошу меня увѣдомить о здоровьи вашемъ, въ которомъ принимаю искреннее участіе».

* Мои слова въ *отрывкѣ*. Записано 16 Декабря. 1825 г.

«Въ Петербургѣ пронесся слухъ, говоритъ Г. Сербиновичъ, будто Государь желаетъ ввѣрить ему собственную свою канцелярію, съ званіемъ Статсъ-Секретаря. На самомъ же дѣлѣ, какъ я гораздо позднѣе узналъ, Государь желалъ и впередъ постоянно употреблять его для сочиненія бумагъ государственныхъ, но Николай Михайловичъ почелъ долгомъ отклонить отъ себя это, какъ несовмѣстное съ занятіями Исторіографа, и указалъ Государю, вмѣсто себя, на двухъ особенно извѣстныхъ ему лицъ, владѣвшихъ отечественнымъ языкомъ въ совершенствѣ, и достойныхъ быть изъяснителями Монаршей мысли предъ народомъ». (Дашкова и Блудова.)

—

Разразилось 14 *Декабря*. Мы знаемъ уже изъ всей жизни Карамзина, какое мнѣніе онъ имѣлъ о всѣхъ насильственныхъ переворотахъ, о либерализмѣ новаго времени, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, объ образѣ правленія, необходимомъ для Россіи,—и потому можемъ судить, какое впечатлѣніе было произведено въ его душѣ Петербургскимъ смятеніемъ.

Онъ былъ во Дворцѣ. «Желая собственными глазами удостовѣриться, гдѣ Государь, чтобы потомъ успокоить Императрицу Марію, вышелъ изъ дворца на Адмиралтейскую площадь, искалъ его глазами, принужденъ былъ вмѣшаться въ толпу народа, и лично подвергался оскорбленіямъ людей, которыхъ старался образумить. Здѣсь-то онъ, будучи по тогдашнему обычаю въ чулкахъ и башмакахъ, получилъ ту простуду, которая разстроила окончательно его здоровье»(С.).

Вотъ его письма объ этомъ событіи.

Отъ 18 *Декабря*, 1825 г., *къ Тургеневу*: «Даю вамъ совѣтъ возвратиться въ Россію, и тѣмъ доказать усердіе къ новому Императору Николаю Павловичу. Не имѣю духа писать много. Прибавлю только, что здоровье Императрицы Елисаветы выдержало ударъ — это чудо: но продолжится ли? Въ тревогу 14 Декабря я былъ во дворцѣ съ дочерьми;

выходилъ и на Исакіевскую площадь: видѣлъ Императора на конѣ, среди войска: онъ былъ совершенно спокоенъ и хладнокровенъ. Жена моя, нездоровая, прискакала къ намъ во дворецъ, въ седьмомъ часу вечера: я только за нее боялся. Жуковскій, по его словамъ, пишетъ къ вамъ обстоятельно, какъ историкъ. — Жаль, что въ такое важное время вы не въ отечествѣ. — Какія лица я видѣлъ! какія слова слышалъ!... Умремъ, однакожь, за святую Русь»!

Къ Дмитріеву, отъ 19 *Декабря*, 1825 года: «Мы здоровы послѣ здѣшней тревоги 14 Декабря. Я былъ во дворцѣ съ дочерьми; выходилъ и на Исакіевскую площадь, видѣлъ ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова, и камней пять шесть упало къ моимъ ногамъ. Новый Императоръ оказалъ неустрашимость и твердость. Первые два выстрѣла разсѣяли безумцевъ съ Полярною Звѣздою, Бестужевымъ, Рылѣевымъ и достойными ихъ клевретами. Милая жена моя, нездоровая, прискакала къ намъ во дворецъ около семи часовъ вечера. Я, мирный исторіографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежъ. Ни крестъ, ни Митрополитъ, не дѣйствовали. Какъ скоро грянула первая пушка, Императрица Александра Ѳеодоровна упала на колѣни, и подняла руки къ небу. Она нѣсколько разъ отъ души говорила: «для чего я женщина въ эти минуты»! Добродѣтельная Императрица Марія повторяла: «Что скажетъ Европа»! Я случился подлѣ нихъ: чувствовалъ живо, сильно, но самъ дивился спокойствію моей души странной; опасность подъ носомъ уже для меня не опасность, а рокъ, и не смущаетъ сердца: смотришь ей прямо въ глаза съ какою-то тишиною.—Въ большой залѣ Дворца толпа знати часъ отъ часу рѣдѣла; однакожъ все было тихо и пристойно. Молодыя женщины не изъявляли тру-

сости. Въ общемъ движеніи, къ сторонѣ, неподвижно сидѣли три магната: Князь Лопухинъ, Графъ Аракчеевъ и Князь А. Б. Куракинъ, какъ три монумента! Въ седьмомъ часу пѣли молебенъ; въ осьмомъ стали всѣ разъѣзжаться. Войско ночевало среди огней вокругъ дворца. Въ полночь я съ тремя сыновьями ходилъ уже по тихимъ улицамъ, но въ 11 часовъ утра, 15 Декабря, видѣлъ еще толпы черни на Невскомъ проспектѣ. Скоро все успокоилось, войско отпустили въ казармы. Теперь ждемъ вѣстей отъ васъ: надѣюсь, хорошихъ. Напиши слова два: Жалѣю о Н. Е. Кашкинѣ: преступникъ К. Оболенскій ему родной племянникъ, если не ошибаюсь. Лавали въ отчаяніи за ихъ зятя, Трубецкаго. Катерина Ѳедоровна Муравьева раздираетъ сердце своею тоскою. Вотъ нелѣпая трагедія нашихъ безумныхъ либералистовъ! Дай Богъ, чтобы истинныхъ злодѣевъ нашлось между ними не такъ много! Солдаты были только жертвою обмана. Иногда прекрасный день начинается бурею: да будетъ такъ и въ новомъ царствованіи! Константинъ прославился на вѣки великодушнымъ отреченіемъ: да будетъ славенъ Николай I-й между вѣнценосцами, благотворителями Россіи! Въ моихъ глазахъ онъ перекрестился и подписалъ манифестъ ввечеру, 13 Декабря, не безъ предчувствія, чему надлежало случиться. Этотъ манифестъ сочиненъ имъ самимъ, а написанъ для печати Сперанскимъ (равно какъ и второй о ковѣ злодѣйскомъ). Я только зритель, но усталъ душею: каково же Государю? Онъ уменъ, твердъ, исполненъ добрыхъ намѣреній: призываемъ на него благословеніе Божіе. Мать, супруга, братъ, умиляютъ меня своими чувствами.—Мы писали къ любезному князю Петру Андреевичу: скажи ему (если увидишь его), что я цѣлую его нѣжно и буду писать послѣ. Будь здоровъ, милый другъ! *Авось скоро возвращусь къ своей музѣ старухѣ.*

Г. Телешовъ, находившійся при дѣтяхъ Николая Михайловича, приводитъ записанныя имъ слова: «Провидѣніе омрачило умы людей буйныхъ, и они въ порывѣ своего безумія, рѣшились на предпріятіе, столь же пагубное, сколь и не сбыточное: отдать Государство власти неизвѣстной, свергнувъ законную. Обманутые солдаты и чернь покорились мятежникамъ, предполагая, что они вооружаются противъ Государя незаконнаго, и что новый Императоръ есть похититель престола старшаго своего брата, Константина. Въ сіе ужасное время общаго смятенія, когда рѣшительныя дѣйствія могли бы имѣть успѣхъ самый вѣрный, Богъ милосердый погрузилъ дѣйствовавшихъ въ какое-то странное недоумѣніе и неизъяснимую нерѣшительность: они, сдѣлавъ каре у Сената, нѣсколько часовъ находились въ совершенномъ бездѣйствіи, а правительство между тѣмъ успѣло взять всѣ нужныя противу нихъ мѣры. Ужасно вообразить, что бы они могли сдѣлать въ сіи часы роковые,—но Богъ защитилъ насъ, и Россія въ сей день спасена отъ такого бѣдствія, которое если не разрушило, то конечно бы изтерзало ее».

Карамзинъ, успокоясь, готовился возвратиться къ обыкновеннымъ занятіямъ. Повторимъ наше прежнее замѣчаніе, сдѣланное послѣ представленія Записки о древней и новой Россіи въ 1811 г., послѣ спора съ И. Александромъ о Польшѣ въ 1819 г. Вотъ кончина Александра, разразившаяся надъ нимъ громовымъ ударомъ, вотъ событіе 14 Декабря, тронувшее его до глубины сердца, но черезъ четыре дня онъ уже надѣется возвратиться скоро къ своей Музѣ-старухѣ. До такой степени Исторія владѣла его душею. Ей принадлежалъ онъ все цѣло. Все прочее, чтобы ни было, потрясало, утѣшало, огорчало его временно, и онъ тотчасъ принимался за свое дѣло.

Въ это именно время мнѣ случилось пріѣхать въ Петербургъ. Сообщу здѣсь отрывокъ изъ своихъ записокъ о моемъ представленіи.

26 Декабря отправился я къ Карамзину, безъ всякаго *явственнаго* чувства, хотя нѣсколько лѣтъ спалъ и видѣлъ о томъ. — Взошелъ на дворъ, принадлежащій къ дому купца Междева,—мнѣ сказали, что Карамзинъ живетъ на другомъ дворѣ, въ верхнемъ этажѣ,—я туда, взглянулъ къ верху—и сердце у меня забилось: вотъ гдѣ пишетъ онъ Русскую Исторію! — Служитель сказалъ, что Николай Михайловичъ пошолъ прогуливаться, и будетъ дома черезъ часъ.—Черезъ часъ пришелъ я опять, но онъ еще не возвращался. Я остановился на улицѣ дожидаться,—черезъ нѣсколько минутъ вижу—вдали идетъ по тротуару кто-то въ синей бекешѣ и съ зачесанными волосами, нѣсколько сгорбленный, похожій, судя по портрету, на Карамзина. Я отошелъ на другую сторону, высматривая, куда онъ пойдетъ. Онъ поворачиваетъ на лѣстницу въ домъ Межуева. Это Карамзинъ. Я переждалъ десять минутъ, и потихоньку взошелъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, по лѣстницѣ. Обо мнѣ доложили,—приглашаютъ взойти.

Катерина Андреевна, окруженная тремя маленькими сыновьями и двумя молодыми дочерьми, сидѣла за чаемъ, около большаго круглаго стола. Она пригласила меня сѣсть, и начала спрашивать о Москвѣ, о присягѣ въ Москвѣ, дорогѣ и проч.

Входитъ Николай Михайловичъ.

Честь имѣю представиться Вашему Пр-ву, Магистръ Московскаго Университета, Погодинъ.

«Отъ васъ имѣлъ я удовольствіе получить книгу?» *

Отъ меня.

«Прошу васъ садиться. Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Давно ли вы пріѣхали въ Петербургъ?»

Третьяго дня.

Я очень радъ видѣть васъ такъ молодымъ: вы успѣете сдѣлать много полезнаго къ чести Русской литературы,

* Диссертацію Магистерскую: о происхожденіи Руси, ему посвященную.

будете ли писать Исторію, или ограничитесь изысканіями. Пройдя всю эту длинную дорогу, я видѣлъ многое направо и налѣво, требующее изысканій и поясненій, но долженъ былъ оставлять до времени. Который вамъ годъ?

Двадцать пять лѣтъ.

Такъ вы очень моложавы: по виду вамъ осьмнацать лѣтъ..»

Между тѣмъ я представилъ ему двѣ книги, мною переведенныя: о Кириллѣ и Меѳодіѣ Добровскаго, и Эверсовы изысканія.

Онъ развернулъ сперва первую.

«Это вашъ переводъ?»

Съ моими примѣчаніями и дополненіями.

«Нашъ Канцлеръ очень боленъ,» сказалъ онъ, увидя на заглавномъ листѣ гербъ Графа Румянцева.—«А это Эверсъ? Какъ не стыдно Историческому Обществу издавать Эверса? Вотъ то-то у насъ вездѣ есть имена, а нѣтъ вещей. Я уважаю Эверса, его познанія, но не понимаю, какимъ образомъ можно намъ повторять его нелѣпое мнѣніе, къ поддержанію котораго онъ клонитъ свою книгу. Это ошибка противъ вкуса.»

Я сидѣлъ какъ на иглахъ: ибо я предложилъ, я и перевелъ Эверса.

— Общество имѣло другую цѣль, сказалъ я: оно хотѣло сдѣлать гласною книгу, на которую у насъ ополчаются многіе, и представить такимъ образомъ нелѣпость мнѣнія Эверсова.

«Кто же эти многіе?—Ихъ нѣтъ. По моему, если есть какая либо историческая истина, такъ такою должно почитать Скандинавское происхожденіе Руссовъ. Это такъ вѣрно, какъ былъ Сципіонъ и проч. Несторъ говорилъ съ правнуками основателей.»

— Такъ точно я и старался доказывать въ моемъ разсужденіи.

«Скажите, чѣмъ занимается Московское Общество?»

— Члены обработываютъ избранные ими предметы. Между прочимъ, Общество намѣревалось издавать лѣтописи и начать съ Псковской, но до сихъ поръ не могли отыскать списка, принадлежавшаго Гр. Толстому, для варіантовъ.

«Куда же онъ дѣвался? Тоже случилось и съ Волынскою Лѣтописью: Графъ хотѣлъ ее издать, лѣтъ тому назадъ шесть—я отдалъ ему два списка, одинъ свой, подаренный мнѣ покойнымъ Полторацкимъ, другой также почти свой, найденный мною въ дефектахъ академическихъ. Нѣтъ до сихъ поръ ничего изданнаго. Для того-то и приводилъ въ примѣчаніяхъ всѣ важныя мѣста изъ лѣтописей. Такъ напримѣръ сгорѣлъ Троицкій списокъ, и сохранился отчасти въ моихъ извлеченіяхъ».

Припоминаю теперь, что Карамзинъ говорилъ очень раздраженнымъ тономъ о происшествіяхъ 14 Декабря, которое только что предъ тѣмъ случилось, бранилъ предводителей: «каковы преобразователи—Рылѣевъ, Корниловичъ, который переписывался съ памятью Петра Великаго!» (Это относится къ посвященію Корниловичемъ его альманаха. «Русская старина» памяти Петра Великаго).

Карамзинъ спросилъ меня еще о Попечителѣ Кн. А. П. Оболенскомъ, и пригласилъ къ себѣ обѣдать на дняхъ.

Обѣдалъ я вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Мы вошли одинъ послѣ другаго, прежде, нежели возвратился Николай Михайловичъ съ прогулки, и насъ приняла Катерина Андреевна.

Какъ только воротился Николай Михайловичъ, такъ и сѣли за столъ. Кромѣ семейства былъ еще молодой Французъ учитель, вступавшійся въ разговоръ. *

---

* Г-нъ Тибо. Онъ состарѣлся, съ тѣхъ поръ, но воспоминаетъ съ живостію о пребываніи своемъ въ домѣ Карамзиныхъ, и передалъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей.

Помнится мнѣ еще отзывъ Карамзина о недавней рѣчи Шишкова, въ которой тотъ отозвался, кажется, невыгодно о распространеніи грамотности: «Вотъ у насъ какой Министръ! Противъ грамотности! Да и ктожъ можетъ быть Министромъ просвѣщенія! Развѣ Аполлонъ». Потомъ выразилъ свое удивленіе Николай Михайловичъ какому-то господину, встрѣченному имъ, въ лентахъ и звѣздахъ: «А кто онъ такой? Никто не знаетъ. И откуда являются такіе выходцы, за какіе подвиги получаютъ они награды».

Карамзинъ приглашалъ меня быть у него чаще, сказавъ, что онъ по вечерамъ свободенъ, читая съ дочерьми Вальтеръ Скота. Но я собирался уже возвращаться въ Москву, да и боялся по своей застѣнчивости этого высокаго общества.

Я приходилъ откланяться Николаю Михайловичу и получить отъ него благословеніе. Онъ далъ мнѣ порученіе въ Москву, съ поклономъ А. Ѳ. Малиновскому. *

Къ Дмитріеву, отъ 3 Января, 1826 года онъ писалъ: «Въ самый новый годъ сказали мнѣ о кончинѣ Графа Растопчина: горюю искренно о почтенной Графинѣ; а его жаль, какъ стараго добраго пріятеля. Мнѣ хотѣлось бы еще видѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. Скажи слово о Графинѣ. Она тверда вѣрою; однакожъ безъ сомнѣнія въ глубокой горести».

---

* Великую радость доставило мнѣ черезъ нѣсколько лѣтъ письмо отъ К. С. Сербиновича, изъ котораго узналъ объ его ко мнѣ благоволеніи. Вотъ что К. С. писалъ ко мнѣ отъ 2 Января, 1835 года, проси о наставникѣ для третьяго сына:

«Вѣрю, что вы душевно желаете служить памяти отца его, который цѣнилъ васъ, говоря, послѣ свиданія съ вами, что находитъ въ васъ болѣе усердія къ Исторіи и способностей къ критикѣ, нежели въ комъ-нибудь другомъ изъ своихъ тогдашнихъ молодыхъ знакомыхъ. Надѣюсь, что вамъ пріятно будетъ услышать эти слова, пересказанныя мнѣ семействомъ его.» Въ 1845 г. старшій сынъ его Андрей Николаевичъ, въ Симбирскѣ, подтвердилъ мнѣ этотъ драгоцѣнный для меня отзывъ.

«Ты спрашиваешь, кто писалъ манифестъ въ Августѣ 1823 года? Вашъ Архипастырь, а конецъ написанъ Княземъ А. Н. Голицынымъ, какъ слышалъ я уже давно. Самъ покойный Государь еще осенью 1823 г. сказывалъ мнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ объ этомъ распоряженіи наслѣдства. Мы неизмѣнили тайнѣ».

«Оба рыцаря Полярной Звѣзды сидятъ въ крѣпости; скрывается доселѣ одинъ безумецъ Кюхельбекеръ, или погибъ. Къ нашему сокрушенію, *оба* сына Катерины Ѳедоровны Муравьевой взяты какъ члены этого законопреступнаго общества: Никита, то есть, старшій, былъ даже однимъ изъ начальниковъ. Меньшой осужденъ только на шестимѣсячное заключеніе въ крѣпости. Все это между нами».

«Не думаю объ Эратѣ: одна у меня Кліо, и то уже не надолго. Если на шестидесятомъ году еще дозволено мыслить о будущемъ земномъ, то можемъ, или могу, избрать другое мѣсто для заключенія жизни, когда раздѣлаюсь съ Исторіей. Я старъ для двора, а въ Петербургѣ, какъ въ городѣ, связи наши часъ отъ часу слабѣютъ. Никуда не ѣзжу».

«Генваря (1826) я провелъ, говоритъ Г. Сербиновичъ, у Николая Михайловича весь вечеръ, заслушавшись его бесѣдъ съ посѣтителями. Изъ всѣхъ сужденій его можно было видѣть его глубокое убѣжденіе въ превосходствѣ монархическаго правленія, которое, въ рукахъ мудраго, всего успѣшнѣе способствуетъ полезнымъ преобразованіямъ, къ государственному благоустройству, и народному благополучію. «Я врагъ революцій» сказалъ онъ—«но мирныя эволюціи необходимы: онѣ всего удобнѣе въ правленіи монархическомъ.»

Отъ 10 Января, къ брату: «Здѣшнія происшествія вамъ, любезнѣйшій братецъ, извѣстны по газетамъ. Императоръ

Николай оказалъ уже много разума и твердости. Дай Богъ счастія ему и Россіи»!

11 *Января*, 1826. въ письмѣ къ Князю Шаликову, отказываясь представить его стихи Государю, Карамзинъ говоритъ:

«Несмотря на грусть начинаю снова заниматься своимъ дѣломъ, т. е. Исторіею, чтобы скорѣе все кончить и думать единственно о воспитаніи дѣтей или о путешествіи на тотъ свѣтъ».

Слѣдовательно послѣднее выраженіе въ Исторіи Государства Россійскаго: Орѣшекъ не сдавался—написано вѣрно около этого времени.

13 *Января, Им. Марія* писала: Какъ вы себя севодни чувствуете, батюшка? прошу мнѣ о томъ дать знать; гуляли ли вы сего утра? Надѣюсь что вы теперь окружены любезными супругою и дѣтьми вашими и занимаетесь пріятнымъ чтеніемъ; что сіе заставляетъ васъ забывать болѣзнь, и что скоро буду имѣть удовольствіе васъ видѣть между нами, гдѣ вы очень любимы.

(С.) 25 *Января*, къ великому огорченію узналъ я говорилъ Г. Сербиновичъ о болѣзни Николая Михайловича. Въ слѣдующій день былъ у него, но онъ никого не принимаетъ.

30 напугали меня извѣстіемъ объ опасности его болѣзни. Я навѣдывался лично: вышла ко мнѣ Софья Николаевна и сказала, что Николаю Михайловичу легче.

Ночь на 1 *Февраля* провелъ онъ опять очень худо: было воспаленіе въ легкихъ; затѣмъ продолжается кашель и лихорадка.

Навѣдываясь въ слѣдующіе дни, я слышалъ 7 числа, что ему лучше, но до 22 не могъ видѣть его.

21. Получилъ увѣдомленіе, что Николай Михайловичъ самъ приглашаетъ меня къ себѣ.

22. Былъ у него и нашелъ въ немъ великую перемѣну послѣ минувшихъ страданій. Онъ далъ мнѣ порученіе.

23. Порученіе исполнено, и я могъ видѣть нашего дорогаго больнаго, и немного поговорить съ нимъ.

27 ему опять хуже: лихорадочное состояніе и кашель не даютъ ночью уснуть.

(28 Недѣля мясопустная,—тѣло покойнаго Императора привезено въ Царское Село.)

1 *Марта*. Здоровье Николая Михаиловича нѣсколько лучше, но все еще съ трудомъ переводитъ дыханіе и много кашляетъ, иногда съ кровью: при чемъ замѣчается упадокъ духа (С.).

Когда ему стало легче, онъ писалъ *къ Дмитріеву отъ 8 Марта*: «Кажется я рѣшительно начинаю выздоравливать; но силы, выходивъ изъ меня пудами, возвращаются золотниками; слабѣю какъ младенецъ отъ всего».

И. Марія писала къ нему *отъ* 21 *Марта*: «Я только сію минуту имѣю свободы и беру перо, чтобъ васъ благодарить, батюшка, за ваше письмо; почеркъ вашъ, будучи доказательствомъ исправленія вашего здоровья, мнѣ принесъ искреннее удовольствіе. Дай Богъ вамъ силы и здоровья, мнѣ утѣшеніе васъ скоро увидѣть. Посылаю вамъ книги, которыя вы имѣть желали, и нѣсколько другихъ для выбора. Романа, о коемъ вы мнѣ говорите, не имѣю; прощайте, батюшка мой; вы знаете, сколько я умѣю цѣнить вашу ко мнѣ привязанность.

21 *Марта* провелъ я весь вечеръ у Карамзиныхъ, пишетъ Г. Сербиновичъ, и видѣлъ тамъ Александра Ивановича Тургенева, только-что возвратившагося изъ Парижа. Николай Михаиловичъ слабый, сидѣлъ въ гостиной, въ креслахъ: мы подлѣ него. Доложили о пріѣздѣ Сперанскаго. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, онъ сѣлъ противъ креселъ Николая Михаиловича, и сказалъ: «Вы меня не видали и не получали отъ меня вопросовъ о здоровьѣ, но я въ это время самымъ вѣрнымъ образомъ слѣдовалъ за ходомъ вашей болѣзни, въ которой принимаютъ участіе и всѣ въ Россіи. Слава Богу, что теперь могу васъ видѣть.»—Тутъ начался живой разговоръ о работахъ, возложенныхъ Государемъ на

Михаила Михайловича, и объ учрежденіи особаго, втораго отдѣленія собственной Канцеляріи Его Величества. Карамзинъ слушалъ внимательно, одобрялъ сообщаемыя ему предположенія, и сказалъ: «вотъ это совершенно согласно съ моими давними убѣжденіями. Я всегда думалъ: какъ можно составлять законы, не зная всѣхъ тѣхъ, какіе у насъ есть и были? Надобно прежде знать свое; надобно собрать все безъ исключенія, и потомъ уже отдѣлить то, что дѣйствительно имѣетъ въ настоящее время обязательную силу: такъ составится вѣрный сводъ по крайней мѣрѣ того, что существуетъ.»

— Чтобы не мѣшать ихъ разговору, я удалился съ Тургеневымъ въ другую комнату, гдѣ собирались пить чай.

29 У Карамзиныхъ опять ввечеру Тургеневъ, и еще Жуковскій и Дашковъ. Николай Михайловичь не оставляетъ креселъ въ гостиной комнатѣ, а чай пьютъ безъ него въ столовой (С.).

Отъ 22 Марта, къ Дмитріеву: «Твои нѣжныя строки читалъ я съ умиленіемъ. Собираюсь, думаю, съ силами, но незамѣтно. Слабѣю даже отъ пищи, хотя разъ въ день ѣмъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Говорятъ мнѣ и самъ чувствую, что хорошо было бы мнѣ удалиться отсюда лѣтомъ, даже необходимо для совершеннаго выздоровленія но куда и какъ? наши способы? мой характеръ? Александра нѣтъ. Всѣ мои отношенія перемѣнились. Но остался Богъ тотъ же, и моя вѣра къ Нему та же: если надобно мнѣ зачахнуть въ здѣшнихъ болотахъ, то смиряюсь въ духѣ и не ропщу. Не могу говорить съ живостію. задыхаюсь. Брожу по комнатѣ; читаю много; имѣю часто сладкія минуты въ душѣ: въ ней бываетъ какая-то тишина неизъяснимая и несказанно пріятная. А. Тургеневъ здѣсь явился. Брату его Сергѣю дозволено остаться въ Италіи, но Александръ Ивановичъ тоскуетъ о Николаѣ. Кончу».

22 *Марта* 1826 г. Карамзинъ написалъ письмо къ Государю.

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ началѣ пріимите еще отъ слабаго Исторіографа невольно слабое выраженіе чувства сильнаго: живѣйшей сердечной благодарности за трогательные для меня знаки вашего участія въ моей тяжкой болѣзни... И въ какіе дни! Вы дѣлали то, что дѣлалъ Александръ. Эта мысль еще болѣе умиляла меня.

Оправляюсь, но тихо; чувствую еще раздраженіе въ груди, кашляю и буду кашлять долго, какъ говорятъ медики, если *нынѣшнимъ лѣтомъ* не удалюсь отсюда въ климатъ лучшій, и, по моему собственному чувству, необходимый для возстановленія физическихъ силъ моихъ. Третьяго года я здѣсь умиралъ, прошлаго изнемогалъ и худѣлъ, а нынѣ былъ въ опасности, и въ первую зиму или осень могу снова имѣть воспаленіе въ груди, уже разстроенной. Медики рѣшительно совѣтуютъ мнѣ *пожить во Флоренціи*; но съ семействомъ многочисленнымъ и состояніемъ недостаточнымъ, особенно съ того времени, какъ наши крестьяне, подобно другимъ, худо платятъ оброкъ, не могу и думать о путешествіи. Есть однакожь способъ, и зависитъ единственно отъ Вашего соизволенія, безъ всякаго ущерба или убытка для казны. Резидентъ нашъ во Флоренціи, Г. Сверчковъ, будучи весьма слабаго здоровья, думаетъ, какъ мнѣ сказывали, *скоро* оставить свое мѣсто, котораго смиренно, но убѣдительно прошу для себя у Вашего Императорскаго Величества, уже изъяснивъ причину: надежду дѣйствіемъ хорошаго климата спастися тамъ отъ чахотки, и, можетъ быть, преждевременной смерти. Безъ нескромности, кажется, могу сказать, что имѣю понятіе о политическихъ отношеніяхъ Россіи къ державамъ Европейскимъ, и не хуже другаго исполнилъ бы эту должность.

23 года, *по волѣ* Императора Александра, я неутомимо писалъ Исторію, назывался *государственнымъ* Исторіографомъ, но не получалъ никакого жалованья отъ Государства и никакихъ денежныхъ наградъ, кромѣ суммы, выданной мнѣ въ 1816 году изъ кабинета для платежа типографщикамъ за печатаніе девяти первыхъ томовъ, и кромѣ двухъ тысячь пенсіи, (ассигнаціями), опредѣленной мнѣ, какъ почетному члену Московскаго Университета. Я жилъ плодами своихъ трудовъ; но теперь уже дописываю послѣдній томъ: съ нимъ кончится и моя дѣятельность, и мой важнѣйшій доходъ.

Если Ваше Императорское Величество милостиво исполните мою всеподданнѣйшую просьбу, то это будетъ для меня величайшимъ благодѣяніемъ: другихъ желаній и видовъ не имѣю. Неисполненіе, признаюсь, огорчитъ меня; но да будетъ воля Божія! Ничто не охладитъ въ душѣ моей истинной любви къ Вамъ и признательности за благоволеніе и лестную довѣренность, которыя вы мнѣ уже оказали.

Могу ли ждать отвѣтъ? По крайней мѣрѣ мысль о долговременной неизвѣстности, въ теперешнемъ моемъ физическомъ состояніи, нѣсколько тревожитъ мое воображеніе».

(С.) «*5 Апрѣля* я провелъ у него весь вечеръ. Николай Михаиловичь рѣшился послушаться врачей и ѣхать въ Флоренцію. Онъ поручаетъ мнѣ отдать напечатать въ Академическихъ вѣдомостяхъ обозначеніе о продажѣ его экипажей, лошадей и мебели, за отъѣздомъ. Тутъ онъ сказалъ: «Теперь вы будете оказывать мнѣ уже послѣднія и самыя безкорыстныя услуги, потому что я ѣду, и, можетъ быть, уже не увижусь съ вами.» Не могли эти слова не поразить меня до глубины души. Не хотѣлось вѣрить чтобы отъѣздъ его могъ быть безвозвратенъ.

Въ Конторѣ Академическихъ вѣдомостей чиновникъ, принимавшій объявленіе, отозвался, что онъ не можетъ

въ немъ допустить выраженіе: *доброѣзжая лошадь.* Напрасно вздумалъ я сказать, что объявленіе писано рукою нашего Исторіографа. «Какое мнѣ до этого дѣло?» — отвѣчалъ онъ, «я знаю только, что такого слова нѣтъ въ Словорѣ Россійской Академіи.»

Николай Михайловичъ улыбнулся при моемъ разсказѣ о строгомъ грамотѣѣ конторы вѣдомостей, замѣтивъ: «онъ вѣрно никогда не слыхалъ, что Русскій народъ съ древнихъ временъ привыкъ называть лошадь хорошихъ свойствъ: *добрый конь.*»

Приписка въ письмѣ *къ Дмитріеву отъ* 26 *Марта*: «Я опять немного свихнулся въ здоровьѣ; но хочу непремѣнно сказать тебѣ, милый другъ, что я прочиталъ всѣ твои прелестные апологи безъ остановки, несмотря на свою слабость. Обнимаю тебя нѣжно».

Государь отвѣчалъ, *отъ 6 Апрѣля 1826 г.* изъ Царскаго Села, на выше приведенное письмо:

Ежели не ранѣе вамъ отвѣчалъ, любезный Николай Михайловичъ, то не полагайте, чтобы то было изъ забывчивости, но напротивъ, изъ желанія о всемъ дать отвѣтъ удовлетворительный. Я искалъ приладить желаніе ваше съ возможностію, и полагаю что можетъ успѣлъ въ томъ: предлагаю вамъ слѣдующее; но напередъ благодарю васъ сердечно, и за довѣренность, и за содержаніе письма вашего; жалѣю сердечно, что первая услуга, которую вы ставите меня въ возможность вамъ оказать, клонится къ тому, чтобъ васъ удалить отъ всѣхъ насъ!—Вы повѣрите, надѣюсь, безъ труда, что съ сердечнымъ прискорбіемъ убѣждаюсь, что сіе временное удаленіе необходимо. Но такъ видно Богу угодно, и должно сему покориться безъ ропота. Однако покуда я, бывъ здѣсь, привелъ въ порядокъ ваше лѣтнее квартированіе въ надеждѣ, что пригодится».

«Но обратимся къ дѣлу. Вамъ надо ѣхать въ Италію— вотъ что хотятъ медики; надо ихъ послушать и избрать лучшій способъ, т. е. покойнѣйшій, какъ туда доѣхать: моремъ ли до Италіи или только до Любека, или сухимъ путемъ? Пребываніе въ Италіи не должно васъ тревожить, ибо хотя мѣсто во Флоренціи еще не вакантно, но Россійскому Исторіографу не нужно подобнаго предлога, дабы имѣть способъ тамъ жить свободно, и заниматься своимъ дѣломъ, которое, безъ лести, кажется, стоитъ дипломатической корреспонденціи, особо Флорентійской. Словомъ я прошу васъ, не безпокойтесь объ этомъ, и, хотя мнѣ въ угожденіе, дайте мнѣ озаботиться способомъ устроить вашу поѣздку.»

«Про Стутгардъ я вамъ и не говорю; хотятъ, чтобы вы были въ Италіи; стало туда и ѣхать должно. Прошу васъ только увѣдомить меня, какъ и куда рѣшитесь ѣхать, а прочее я *все* устрою.»

«Повторяю, что мнѣ больно слышать и вѣрить, что вамъ надо ѣхать; дай Богъ, чтобы здоровье ваше скоро возстановилось и возвратило бы васъ къ тѣмъ, кои васъ искренно любятъ и уважаютъ; причтите меня къ этимъ.

Васъ искренно любящій Николай.

(С.) «*9 Апрѣля* были у Карамзина вечеромъ А. И. Тургеневъ и П. П. Полетика. Онъ объявилъ имъ: теперь могу спокойно ѣхать моремъ: я получилъ отъ Государя Императора милостивое, любезное письмо. Онъ жалуетъ мнѣ фрегатъ для проѣзда. Послѣ этихъ словъ далъ каждому изъ насъ прочесть трогательное собственноручное письмо Его Величества.—Стали говорить о достоинствѣ сочиненій. Незамѣтно перешли и къ Исторіи Государства Россійскаго, и я услышалъ тутъ нѣкоторые отзывы о ней: Толстой, послѣ своихъ кругосвѣтныхъ похожденій прозванный Американцемъ, когда прочелъ ее, сказалъ: теперь узнаю, что

у меня есть отечество, а Пушкинъ, въ письмѣ къ одному пріятелю, такъ выразился о живости въ ней описанія событій: c'est la gasette d'hier. Довольно распространялись о мнѣніяхъ молодыхъ людей на счетъ самодержавія и о вольнодумствѣ, которое проходитъ съ лѣтами. Николай Михайловичъ вспомнилъ о чрезмѣрномъ вольнодумствѣ одного изъ общихъ знакомыхъ въ молодости, такъ что нѣкто, почтенный мужъ, слыша его рѣчи, вынужденъ былъ сказать ему: «jeune homme! tu m'étonnes par la démence. Николай Михайловичъ два раза повторилъ это съ жаромъ; но затѣмъ прибавилъ: «опытъ жизни взялъ свое. — Наконецъ заключилъ такъ: вотъ предѣлъ моей Метафизики: бытіе Бога для меня очевиднѣе собственнаго моего бытія. Скорѣе могъ бы я усомниться въ послѣднемъ. Хотя бы даже мое бытіе было одною мечтою, но и этого не могло бы быть безъ причины; а верховная причина есть Богъ!»

«Николай Михайловичъ постоянно каждый годъ исполнялъ долгъ христіанскій, говѣя въ Великій постъ. Такъ и въ этотъ послѣдній годъ, онъ говѣлъ въ одну изъ недѣль великаго поста, но не могъ бывать въ церкви, а исповѣдался и пріобщался Св. Тайнъ дома, на одрѣ болѣзни. Эту, уже послѣднюю исповѣдь его, принялъ глубокоуважаемый имъ Духовникъ, Протоіерей Скорбященской церкви, Воскресенскій Когда онъ ушелъ, Николай Михайловичъ остался одинъ съ супругою: къ нимъ вошли обѣ старшія дочери. — Растроганный таинствомъ церкви, онъ былъ еще долго занятъ размышленіемъ о протекшей жизни своей, и вслухъ изливалъ чувства теплой благодарности къ Промыслу, съ глубочайшимъ смиреніемъ относительно себя; воспоминалъ разныя обстоятельства и перемѣны въ жизни, и повѣряя совѣстію свои дѣла и чувства, вопрошалъ такъ сказать, самъ себя о побужденіяхъ и правилахъ, которыми руководился въ исполненіи обязанностей своихъ, какъ отецъ семейства, какъ гражданинъ и какъ человѣкъ-Христіанинъ.

Изъ этой бесѣды его съ самимъ собою было ясно, что любовь къ Богу, къ ближнимъ и вообще къ человѣчеству, служила основаніемъ того направленія, какое онъ всегда старался давать своимъ дѣйствіямъ при непзмѣнномъ упованіи на Промыслъ Божій.»

«Почтенный пастырь говорилъ мнѣ о немъ: «Я хорошо знаю его: онъ всегда помышлялъ о смерти и вѣчности, какъ истинный и глубоко-смиренный Христіанинъ; всегда я находилъ его въ такомъ духовномъ расположеніи, какого можно желать и каждому». (С.)

12 Апрѣля, 1826 года, И. Марія писала къ Карамзину: «Письмецо ваше, добрый Николай Михайловичъ, тронуло меня до глубины сердца. Несказанно больно мнѣ было такъ долго быть лишенной удовольствія васъ видѣть и знать васъ въ болѣзни и страданіи, но я благодарю Бога, видя, что вы сами чувствуете себя выздоравливающимъ, и я усерднѣйше молю и полагаюсь на милость Божію, что, болѣе и болѣе укрѣпляя ваши силы, доставитъ мнѣ старое и милое для меня наслажденіе по прежнему принимать васъ у себя въ любимомъ Павловскѣ, въ Гатчинѣ и здѣсь, и бесѣдовать съ вами о *незабвенномъ*, и обо всемъ, что драгоцѣнно сердцу. Я никакъ не покидаю мысли видѣть васъ еще передъ моимъ отъѣздомъ. Положитесь въ томъ на способы, которые сердце мое найдетъ. Извѣстное мое къ вамъ расположеніе не позволитъ мнѣ спокойно удалиться отъ васъ, не повторивъ вамъ изъявленіе искренней душевной моей пріязни и непзмѣнной привязанности, въ коей я прошу васъ и все семейство быть всегда въ полной мѣрѣ увѣренными, и съ которою я пребываю вамъ истинно доброжелательная.»

Карамзинъ началъ дѣлать свои приготовленія къ отъѣзду.

Отъ 13 и 28 Апрѣля, 1826 года, есть письма его по дѣламъ хозяйственнымъ. Предложимъ ихъ вполнѣ, чтобъ по-

казать, какъ далеко была мысль о смерти у Карамзина въ это время.

«М. Г. Петръ Васильевичъ! Сердечно благодарю васъ за обстоятельное письмо отъ 30 Марта. Буду ждать отъ васъ рѣшенія, остаться ли крестьянамъ на оброкѣ или посадить ихъ на пашню, то есть, если въ первомъ случаѣ они заплатятъ недоимку и часть оброка за нынѣшній годъ. Теперь я еще болѣе прежняго могу быть вамъ обязанъ за добрыя попеченія о нашемъ имѣніи. Здоровье мое такъ разстроено, что доктора велятъ мнѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, непремѣнно ѣхать моремъ въ южныя земли Европейскія. Какъ мнѣ ни трудно было на то рѣшиться по нашему недостаточному состоянію, и съ кучею дѣтей, но жена и семейство убѣдили меня ѣхать. И такъ въ половинѣ Іюня мы думаемъ здѣсь сѣсть на корабль. Вашъ обязательный дружескій надзоръ надъ Бортнымъ, во время моего отсутствія изъ Россіи, будетъ для меня истиннымъ благодѣяніемъ. На сихъ дняхъ доставлю вамъ вѣрющее письмо отъ имени моей дочери, какъ для управленія, такъ и для продажи лѣса, которой очень желаю. Правда, теперь уже половина Страстной недѣли: вѣроятнѣе, что вѣрющее письмо совершится, и отправится къ вамъ уже на Ооминой недѣлѣ.—Главное наше имѣніе, Нижегородское, и всѣ наши дѣла денежныя, думаемъ поручить нашему ближнему и другу, бывшему Куратору Московскаго Университета, Тайному Совѣтнику, Князю Андрею Петровичу Оболенскому, человѣку рѣдкихъ достоинствъ. Вы, почтенный Петръ Васильевичъ, одолжая меня, потрудитесь раза два въ годъ извѣщать его, вмѣсто меня, какъ пойдутъ дѣла въ Бортномъ, и отсылать къ нему доходъ, какой будетъ; а онъ уже долженъ перссылать деньги ко мнѣ въ чужіе краи. Князь Андрей Петровичь любезенъ и привѣтливъ: вы найдете въ немъ хорошаго для васъ знакомца.—Теперь надобно разчесть время: если крестьяне

захотятъ остаться на оброкѣ, то послѣдняя посылка денегъ ко мнѣ въ Петербургъ должна быть не позже *18 или 20 Мая*, дабы деньги нашли меня еще здѣсь. Прошу васъ, почтеннѣйшій Петръ Васильевичъ, отвѣчать на это письмо какъ можно скорѣе: времени остается уже не много, и намъ, можетъ быть, нужно будетъ писать другъ къ другу еще раза по три, чтобы во всемъ объясниться.— Ѣду отсюда не безъ горя: Государь и Императрицы такъ ко мнѣ милостивы! Но должно выздоровѣть; а безъ здоровья человѣкъ — не человѣкъ. — Простите до перваго письма. Будьте здоровы и всегда дружелюбны ко мнѣ, пребывающему съ особеннымъ почтеніемъ и самою искреннѣйшею преданностію Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

«Я доволенъ буду, если крестьяне, заплативъ прежде всю недоимку 945 р., за нынѣшній годъ пришлютъ ко мнѣ въ слѣдующемъ хотя только 800 р.

«Прошу васъ о коммиссіяхъ во Францію и въ Италію: сдѣлайте одолженіе, скажите, не желаете ли имѣть чего нибудь, тамъ дѣлаемаго. Вездѣ о васъ буду помнить.

Извините маранье въ письмѣ: у меня еще слаба голова.»

Селъ Макателемовъ и деревни Вторуской бурмистру Михаилу Степанову, и всему міру приказъ.

«Въ нынѣшнюю зиму былъ я тяжело боленъ, и хотя по милости Божіей перенесъ болѣзнь, однакожъ все еще не совсѣмъ здоровъ, и долженъ ѣхать, для совершеннаго излеченія, за границу къ теплымъ водамъ, на годъ времени или и на два.

На сіе время моего отсутствія поручилъ я васъ, добрые крестьяне, нашему родному и другу, человѣку знатному, благоразумному и добродѣтельному, *Тайному Совѣтнику, Князю Андрею Петровичу Оболенскому*. Хотя онъ живетъ и въ Москвѣ, или близъ Москвы въ своемъ помѣстьѣ, однакожъ будетъ смотрѣть за вами, получать обо всемъ

донесенія отъ бурмистра Михаила Степанова, и давать на все разрѣшеніе, имѣя всю власть господскую, мною ему данную.

Ведите себя въ мое отсутствіе еще лучше, нежели когда я жилъ въ Петербургѣ, то есть, живите смирно, слушайтесь бурмистра и старшинъ, платите оброкъ исправно.

Все будетъ хорошо, коли вы будете хороши. Въ случаѣ же неплатежа зломысленнаго съ вашей стороны, я просилъ Князя взять такія мѣры:

1. Присылать къ вамъ на вашъ коштъ изъ Москвы людей надежныхъ, съ тѣмъ, чтобы они не выѣзжали изъ Макателема, не собравъ при себѣ оброка.

2. Ежели будете буянствовать, то просить содѣйствія воинаго Генералъ-Губернатора, моего благопріятеля для вашего усмиренія, и строгими мѣрами принудить васъ къ исправному платежу оброка.

3. Въ случаѣ, если недоимки будутъ умножаться, нанять прикащика съ жалованіемъ до двухъ тысячъ рублей, изъ которыхъ тысячу буду платить я, а другую тысячу вы. Сей прикащикъ долженъ будетъ завести въ Макателемахъ господскую пашню, и посадить на нее всѣхъ неплательщиковъ, особ ино Маломакателемскихъ, на которыхъ теперь за осеннюю половину такъ велика недоимка, 1200 р.

Но ежели вы, какъ добрые крестьяне, будете исправно доставлять оброкъ въ Москву къ Князю Оболенскому, и каждый годъ очищать безъ всякой недоимки, то онъ будетъ единственно, вмѣсто меня, защищать васъ и оставитъ въ покоѣ подъ управленіемъ только бурмистра, какъ теперь. Графу Ефимовскому уже нѣтъ до васъ, дѣла. Но въ нѣкоторыхъ надобностяхъ можете всегда относиться къ моему пріятелю Прокурору Дмитрію Ивановичу Николаеву: онъ вамъ будетъ помогать во всякомъ дѣлѣ, которое можетъ встрѣтиться; но обо всемъ тотчасъ доносите въ Москву Князю Андрею Петровичу Оболенскому.

Деньги, 1005 р., мною получены; я ждалъ по крайней мѣрѣ двухъ тысячъ.

Болѣе уже не пишите ко мнѣ въ Петербургъ, ибо письмо ваше можетъ уже не застать меня здѣсь; а пишите регулярно къ князю Оболенскому въ Москву. Государь Императоръ, ко мнѣ милостивый, жалуетъ мнѣ фрегатъ, чтобы плыть моремъ во Францію: отправимся или въ концѣ Мая или самомъ налѣ Іюня.

Простите, добрые крестьяне. Авось (Господь) поможетъ мнѣ возвратиться къ вамъ благополучно и здоровѣе. Будьте усердны къ господину, и во всемъ добропорядочны; а ты, бурмистръ, заслужи мою милость своею вѣрною службою и постарайся, чтобы Князь Оболенскій былъ тобою совершенно доволенъ. Еще повторяю: немедленно по полученіи сего, напиши къ нему донесеніе, что вся наша вотчина, по-моему приказу, состоитъ у него въ повиновеніи; а за донесеніемъ, или вмѣстѣ, пришли къ нему и недоимку осеннюю.

Господь да хранитъ васъ всѣхъ, то есть, добрыхъ.

Будьте благополучны. Николай Карамзинъ.

С. Петербургъ. 28 Апрѣль 1826 года.

Отъ 16 Апрѣля, 1826 г., къ Дмитріеву: «Ты предлагаешь мнѣ планъ путешествія для здоровья, который въ своемъ родѣ хорошъ; но медики предписываютъ мнѣ небо Италіи, а не Москвы и не Кіева. Болѣзнь сдѣлала меня другимъ человѣкомъ: душа моя хочетъ новаго или чрезвычайнаго, какъ лекарства. Я ничѣмъ бы, кажется, не могъ заниматься старымъ: старое должно обновиться новымъ мѣстомъ и положеніемъ, чтобы сдѣлаться опять для меня привлекательнымъ. Между нами будь сказано, не имѣя способа ѣхать въ Италію, и жить тамъ своими доходами, особенно съ того времени, какъ крестьяне худо платятъ оброкъ, я просилъ у Государя Резидентскаго мѣста во Флоренцію, но мѣсто занято, и Государь, написавъ ко

мнѣ премилостивое письмо, прислалъ мнѣ на годовое путешествіе деньги: суди о моихъ чувствахъ? Теперь устроиваемъ въ мысляхъ, какъ и куда ѣхать: думаемъ въ Іюнѣ плыть въ Бордо, оттуда сухимъ путемъ до Марсели; изъ Марсели въ Ливорну на кораблѣ; основаться во Флоренціи, а на жаркіе мѣсяцы укрываться въ тѣняхъ Луккскихъ, и прожить такъ года два. Говорятъ, что первымъ моимъ лекарствомъ должно быть море: увидимъ, если Богъ дастъ. Но я слишкомъ расписался, имѣя еще слабую голову. И самыхъ ближнихъ пріятелей впускаютъ ко мнѣ только на минуту; задыхаюсь отъ разговоровъ. Куда дѣвалась моя желѣзная грудь? Недѣли черезъ двѣ или три можемъ переѣхать въ Таврическій Дворецъ: милостивый Государь приказалъ тамъ отвести для насъ прекрасныя комнаты, чтобы передъ отъѣздомъ за море подышали мы и здѣсь хорошимъ воздухомъ.»

(С.) «Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья Н. М. приказалъ воскресную заутреню служить съ вечера дома, и сидя въ креслахъ молился. По окончаніи заутрени мы всѣ христосовались, и Н. М. очень жалѣлъ, что не могъ эту торжественную службу слушать въ храмѣ Божіемъ, вмѣстѣ съ народомъ, котораго набожность ни въ одинъ день не проявляется такъ радостно, какъ въ Свѣтлый праздникъ Воскресенія Спасителя нашего.»

«Во второй день Пасхи, 19 Апрѣля, Николай Михайловичъ могъ нѣсколько поговорить со мною. Онъ сказалъ, что будетъ просить меня на все время его отсутствія изъ Россіи получать за него изъ Кабинета пансіонъ (2000 р. ассигн.), и давать паспорты его крѣпостнымъ людямъ. — Онъ не переставалъ принимать участіе въ движеніи нашей литературы и въ новыхъ ея произведеніяхъ. По поводу статьи Дашкова объ Іерусалимѣ, напечатанной въ альманахѣ *Сѣверные цвѣты*, онъ очень хвалилъ слогъ его, но

замѣтилъ нѣкоторыя ошибки: напримѣръ, Дашковъ пишетъ *Іудовъ* вмѣсто *Іудинъ*. Когда я сослался на Славянскій текстъ Евангелія: «и ты, Вифлееме, земле Іудова, ни чимъ же меншій еси, и проч.», Николай Михайловичъ отвѣчалъ, что нельзя въ Славянскомъ текстѣ признавать безусловной грамматической точности: видимъ и въ-другихъ мѣстахъ текста нѣкоторыя разности въ однихъ и тѣхъ же словахъ.»

«Желая оставить мнѣ что-либо на память о себѣ, Николай Михайловичъ, предложилъ мнѣ свою шубу, которую я часто видалъ на немъ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней я имѣлъ счастіе, при посылкѣ ея, получить и собственноручную его записочку:

«Любезный Константинъ Степановичъ! «Въ старину другъ другу давали съ плеча шубу: люблю старину, и прошу васъ въ слѣдующую зиму грѣться тѣмъ, что меня грѣло. Случай воспоминать обо мнѣ».

—

На Святой недѣли Карамзинъ благодарилъ молодую Императрицу Александру Ѳедоровну слѣдующимъ письмомъ:

Ayant encore reçu un nouveau bienfait de l'Empereur, qui a bien voulu donner ordre de préparer une frégate pour me mener avec toute ma famille jusqu'à Bordeaux, j'ose recourir à Votre bonté, en vous suppliant d'exprimer á Sa Majesté ma vive reconnaissance. — Je craindrois, par une nouvelle lettre de remerciement, d'enlever à Son temps précieux quelques moments de plus.

Je finis en me mettant á Vos pieds avec toute ma famille, touché profondément du véritable interêt que Vous avez daigné prendre à mon sort. Que Dieu Vous protège en tout!

PS. Ma femme m'a remis, Madame, Votre cadeau de paques; il m'accompagnera dans mon voyage, comme un gage précieux de Votre souvenir

Переводъ. «Получивъ новое благодѣяніе Императора, повелѣвшаго приготовить фрегатъ, чтобъ отвезти меня съ семействомъ моимъ въ Бордо, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ

вамъ съ покорнѣйшею просьбою: выразить ему живѣйшую нашу благодарность. Я опасаюсь, новымъ своимъ благодарственнымъ письмомъ, похитить нѣсколько минутъ его драгоцѣннаго времени.

Повергаюсь къ стопамъ вашимъ со всѣмъ семействомъ, тронутый глубоко истиннымъ участіемъ, которое вамъ угодно было принять въ моей судьбѣ. Да хранитъ васъ Богъ во всемъ.

Моя жена передала мнѣ вашъ праздничный подарокъ. Онъ будетъ сопутствовать мнѣ какъ драгоцѣнный залогъ вашего воспоминанія.»

15 Апрѣля, къ Дмитріеву: Христосъ воскресе, любезнѣйшій другъ! Радостно поздравляю тебя съ Свѣтлымъ праздникомъ, и нѣжно, нѣжно обнимаю. Чувствую себя не дурно, но слабъ до крайности сегодня. Вчера нечаянно пріѣзжала, и вдругъ вошла ко мнѣ въ комнату, гдѣ сижу въ своихъ халатахъ Бухар., Императрица М. Ѳ. Вообрази движеніе моихъ нервъ! Она ангелъ въ дружбѣ. Пока прости, милый другъ.

Отъ Апрѣля 22, къ Мамоновскому: «Христосъ воскресе!.. Я опять умиралъ, и къ собственному моему удивленію, остался пока между живыми. Вынести жестокую болѣзнь съ тѣломъ, уже изнуреннымъ, съ душею, смятенною происшествіями, съ сердцемъ печальнымъ, — такъ было угодно Богу! Ему же угодно было вселить въ меня и чувство необходимости ѣхать въ лучшій климатъ для выздоровленія, что думаютъ и всѣ медики. Царь по особенной милости далъ мнѣ средства, и жалуетъ даже фрегатъ, чтобы плыть на немъ въ Бордо. Искренно скажу, что не безъ сердечнаго сожалѣнія оставляю Петербургъ, гдѣ Государь и Императрицы оказываютъ мнѣ столько благоволенія; но должно опять сдѣлаться полнымъ человѣкомъ, т. е. здоровымъ. А къ вамъ, друзья Москов-

скіе, сердце и воображеніе мое обращаются съ нѣжностію; ѣду не простясь, а возвращеніе, въ рукѣ невидимой, столь неизвѣстно! Между тѣмъ срокомъ полагаемъ два года.

«На сихъ дняхъ отправлю въ Архивъ ящикъ *съ большею* частію бумагъ и книгъ, которыя еще были у меня; удерживаю, для окончанія XII тома, весьма немногія. Мнѣ писать еще двѣ главы: наслаждаюсь мыслію изображать характеры и дѣйствія Росс. Исторіи, и любоваться вдали вершинами Апенинскими; безъ работы, хотя самой легкой, для меня нѣтъ отдыха. Для формы напишу къ Графу Нессельроду объ удерживаемыхъ мною книгахъ и бумагахъ.»

«Я еще очень слабъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ. На корабль думаемъ сѣсть послѣ 8 Іюня.»

Того же, (22), *Апрѣля*, Императрица Марія писала къ нему: Письмо ваше получила вчера ввечеру, и спѣшу сегодни поутру васъ благодарить; исполню вашу коммисію къ любезнымъ дѣтямъ еще предъ отъѣздомъ: мнѣ очень чувствительно съ вами разстаться, а есть у насъ средоточіе, въ которомъ мысли наши соединятся: я буду высылать молитвы за васъ, а вы за меня. Прощай, почтенный Николай Михайловичъ. Дай Богъ вамъ здоровье, щастливый путь и скорое возвращеніе съ новыми силами. Поклонъ мой сердечный любезной супругѣ вашей и дѣтямъ.» Не забывайте вашей истинно вамъ привязанной

Маріи.

Отъ 25 Апрѣля она же писала къ Карамзину: Я ѣду, батюшка, и правду вамъ скажу, съ печальнымъ сердцемъ. Дай Богъ намъ всѣмъ опять здѣсь встрѣтиться; я имѣю это утѣшеніе, что вы себя лучше чувствуете, и надѣюсь, что теперь успѣхъ выздоровленія будетъ болѣе и болѣе пріятенъ. Помните меня и скажите себѣ, супругѣ и дѣтямъ вашимъ, что я вамъ сердечно привязана.

Adieu, mon bon mais de coeur et d'âme. Je suis et serai constamment votre bonne amie. Marie.
(Прощайте мой добрый другъ сердца и души. Остаюсь, и останусь навсегда вашимъ добрымъ другомъ.)

Отъ 29 Апрѣля Карамзинъ писалъ Государынѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ.

Madame

Que Vous êtes bonne envers moi! et d'une manière si naturelle, que c'est d'autant plus touchant et pénetre profondément l'âme.

D'imagination et de sentiment je vous ai suivie pendant ce temps superbe à Tsar. Sélo, dans une disposition d'attendrissement. Oui, la plaie est encore trop fraîche pour une pure jouissance dans ce lieu, mais j'osé croire que dans quelque temps ces souvenirs, actuellement cruels, s'adouciront et ajouteront un charme mélancolique au séjour si agréable de Tsar. Sélo, charme qui n'est pas commun, mais qui Vous attend, Madame, Vous, tendre amie de Celui que nous pleurons Que Tsar. Sélo fleurisse toujours pour honorer le noble goût d'Alexandre.

Oui, le beau temps agit aussi sur ma frêle machine. Je me promène en voiture et reste cloué à ma chaise pendant plus d'une heure, exposé á toute l'ardeur du soleil sur notre balcon. Ma chambre même ressemble à une orangerie par la quantité de fleurs que je dois à la bonté de l'Impératrice Marie. Dans quelques jours nous comptons nous transporter à la Tauride, dont le charmant jardin peut me faire du bien.

Malgré tout cela, je ne suis malheureusement pas sûre de pouvoir avant notre départ (qui peut avoir lieu même avant le mois de Juin), me présenter au palais pour demander le bonheur de Vous exprimer de vive voix toute ma reconnaissance, en commençant par S. M. l'Empereur. Cette idée m'attriste; mais j'espere encore.

Votre charmante corbeille de fruits, Madame, m'a réjoui la vue et le goût.

Comment ne pas supplier Votre Majesté de dire à l'Empereur un mot de coeur de ma part.

Je me mets à Vos pieds, avec femme et enfans, comme un de Vos plus fidéles sujets et quelque chose de plus. Karamsin. Excusez le griffonage d'une main foible (le 29 Avril).

Переводъ: Государыня!

Какъ вы добры до меня! И съ какою простотою, естественностью! Это трогаетъ тѣмъ болѣе и проникаетъ глубоко въ душу.

Впродолженіи нынѣшняго прекраснаго времени, я слѣдовалъ за вами воображеніемъ и чувствомъ въ Царское Село, въ умиленномъ расположеніи духа. Да, раны еще слишкомъ свѣжи, и нельзя наслаждаться безусловно его прелестями, но я смѣю надѣяться, что чрезъ нѣсколько времени воспоминанія, нынѣ столь горестныя, утихнутъ, и придадутъ новую меланхолическую прелесть Царскому Селу, прелесть необыкновенную: она васъ ожидаетъ, нѣжнаго друга тому, кого мы оплакиваемъ. Да процвѣтаетъ Царское Село, во славу благороднаго вкуса Александрова.

Да, хорошая погода имѣетъ дѣйствіе и на мой бренный составъ. Я прогуливаюсь въ экипажѣ, и остаюсь пригвожденнымъ къ моему креслу, по часу и болѣе, подъ палящими лучами солнца, на нашемъ балконѣ. Моя комната даже уподобляется теплицѣ по множеству цвѣтовъ, которыми я одолженъ милости Императрицы Маріи. Чрезъ нѣсколько дней мы думаемъ переѣхать въ Тавриду, которой прекрасный садъ можетъ принести мнѣ пользу.

Не смотря на все это, я не увѣренъ въ возможности, до отъѣзда, который можетъ случиться прежде Іюня, представиться во дворецъ, чтобъ имѣть счастіе живымъ голосомъ выразить всю мою признательность, начиная съ Государя. Эта мысль меня огорчаетъ, но я еще надѣюсь.

Ваша прекрасная корзинка съ плодами услаждаетъ мое зрѣніе и вкусъ.

Какъ не попросить Ваше Величество — сказать отъ меня сердечное слово Государю. Повергаюсь къ стопамъ Вашимъ, съ женою и дѣтьми, какъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ, и нѣчто болѣе.

Извините маранье слабой руки.»

(С.) Въ воскресенье, 2 Мая, я еще засталъ Николая Михайловича въ его квартирѣ, въ домѣ Межуева. Онъ съ большимъ чувствомъ разсказывалъ мнѣ, какъ посѣтила его Императрица Марія Ѳеодоровна передъ отъѣздомъ въ Москву и нечаянно уронивъ перчатку, уже не хотѣла брать ее съ собою, примолвивъ: оставляю ее вамъ на память. Потомъ говорилъ, что ему приходитъ въ голову много соображеній о политическихъ обстоятельствахъ [illegible] о задачѣ жизни человѣческой, о упованіи на Промыслъ Божій, и многое, многое. Когда я сказалъ, почему бы не диктовать свои мысли другимъ?—«Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ, я не привыкъ къ этому, и не могу передавать мысли бумагѣ иначе, какъ самъ, съ перомъ въ рукѣ».

«Спустя нѣсколько дней Карамзинъ переѣхалъ въ Таврическій Дворецъ.»

«Слѣдующее воскресенье, 9 Мая, было уже днемъ моего послѣдняго свиданія съ нимъ. Погода стояла ясная и теплая. Николай Михайловичъ желалъ дышать свѣжимъ воздухомъ: ему поставили кресла въ саду. Онъ сидѣлъ въ тепломъ шлафрокѣ, грѣясь на солнцѣ, и говорилъ мнѣ: «люблю солнце, да оно что-то не очень жалуетъ меня: часто прячется за облака».

«Посѣщавшій Николая Михайловича Докторъ Риттихъ рѣшительно обезнадежилъ меня словами: «M. Karamsine est étique, et probablement il ne pourra pas faire son voyage.» (С.

Въ первыхъ числахъ Мая вдругъ ему стало очень дурно. Друзья его увидѣли опасность, поняли, какъ тяжело будетъ Карамзину оставить обожаемое имъ семейство въ совершенно неустроенномъ положеніи, сочли необходимостью успокоить его въ этомъ отношеніи, и приялись дѣйствовать. Болѣе всѣхъ могъ принести пользы Жуковскій, близкій ко Двору, учитель молодой Императрицы, поэтъ

и чтецъ Императрицы вдовствующей. Ихъ старанія увѣнчались, разумѣется, блистательнымъ успѣхомъ. 13 Мая Карамзинъ, на одрѣ болѣзни, получилъ слѣдующій рескриптъ, писанный Жуковскимъ:

Николай Михайловичъ!

Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время Отечество и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъявить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро возвратились къ намъ съ обновленными силами, и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали до нынѣ. Въ тоже время и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете своею жизнію, какъ гражданинъ; своими трудами, какъ писатель. Александръ сказалъ вамъ: *Русскій народъ достоинъ знать свою Исторію*. Исторія вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, но чего не успѣлъ исполнить братъ мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которая будучи съ моей стороны одною только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе Александра. Желаю, чтобъ путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благосклонный,

Николай.

Указъ Г. Министру Финансовъ

Исторіографу Россійской Имперіи, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Карамзину, отъѣзжающему для излеченія своего заграницу, повелѣваемъ производить отнынѣ по пятидесяти тысячь рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма сія, обращаемая ему въ пенсіонъ, была послѣ него про-

изводима сполна женѣ его, а по смерти ея также сполна ихъ дѣтямъ—сыновьямъ до вступленія *всѣхъ* ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ.

13 Мая, 1826 г.

«14 *Мая*, 8 *часовъ утра*. Бумаги сіи», пишетъ Г. Тургеневъ къ С. П. Жихареву, «получены вчера въ 10 часовъ вечера. Николай Михайловичъ былъ уже въ постели; мы за чаемъ. Я былъ свидѣтелемъ трогательной сцены: Катерина Андреевна, распечатывая всѣ пакеты на его имя изъ предосторожности, долго не думала распечатывать сего пакета, ибо душа ея была встревожена мыслію о болѣзни и о худомъ положеніи его во весь день. Черезъ полчаса входитъ къ намъ изъ спальной вся въ слезахъ; показываетъ мнѣ бумаги и говоритъ то, что она не задолго передъ тѣмъ мнѣ говорила, что съ перемѣною ея благосостоянія матеріальнаго постигнетъ ее какое нибудь бѣдствіе, и что она теперь страшится того, о чемъ думать не смѣетъ. Мы всѣ плакали. Мало по малу она и дѣти нѣсколько успокоились Сегодня покажутъ бумаги Николаю Михайловичу. Дай Богъ, чтобъ спокойствіе за будущее жены и дѣтей продлило угасающую жизнь его! Спѣшу къ нимъ быть свидѣтелемъ другой сцены.

Полдень.

«Сію минуту возвратился отъ Карамзиныхъ. Онъ спалъ спокойно; ожидалъ лихорадки, и для того не хотѣлъ встать съ постели. Меня впустили къ нему въ 10 часовъ, и лихорадки еще не было, но онъ былъ въ безпокойномъ ожиданіи. Подали саго: онъ позавтракалъ, и тогда уже Катерина Андреевна рѣшилась дать ему рескриптъ сперва, а потомъ и указъ. Тутъ были двѣ дочери и я. Прочитавъ со вниманіемъ рескриптъ, онъ потребовалъ и указъ. Между тѣмъ Катерина Андреевна говорила ему, что это успокоитъ его старость; въ отвѣтъ первое его слово было: «это

значитъ, что я долженъ умереть»... или что-то подобное, слова, не припомню, но вотъ смыслъ. Потомъ началъ, какъ мы и ожидали, сердиться за количество суммы; мы защищали Императора слезами и словами, какъ умѣли, говоря, что онъ дѣлаетъ не для него, а для Россіи; что Николай Михайловичъ не можетъ упрекнуть себя ни въ малѣйшемъ домогательствѣ, что послѣ сей награды достойному, Государь имѣетъ право отказывать другимъ, не заслуживающимъ наградъ: онъ безпрестанно повторялъ, что это слишкомъ много, и проч.; наконецъ нѣсколько успокоился, или лучше хотѣлъ успокоить себя чтеніемъ, и мы вышли въ слезахъ и въ непзъяснимомъ чувствѣ умиленія къ человѣку, который *не отъ міра сего*».

На другой день дрожащею рукою выразилъ Карамзинъ свою признательность Государю въ благодарственномъ письмѣ:—это послѣднее произведеніе его несравненнаго пера.

Всемилостивѣйшій Государь!

Рескриптъ, которымъ вы меня ощастливили третьяго дни, написанный столь трогательно, съ такимъ благоволеніемъ,—воспоминаніе въ немъ о незабвенномъ Александрѣ,—хвала смиренному исторіографу сверхъ его достоинствъ,—омочилъ слезами блѣдное мое лице. Прочитавъ же указъ къ Министру финансовъ, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе выше мѣры! Никогда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Но изумленіе скоро обратилось въ умиленіе живѣйшей благодарности: если самъ не буду пользоваться плодами такой царской безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно; судьба моего семейства рѣшена наищастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзиныхъ, осыпанная милостями двухъ Монарховъ, заслужила имя *вѣрной,* ревностной къ Царскому Дому. О! какъ желаю выздоровѣть, чтобы послѣдніе дни мои посвятить Вамъ, безцѣнный Государь, и любезному

отечеству! Вчера не могъ я писать, и нынѣ голова моя очень слаба. Видомъ, говорятъ, я поправляюсь, но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не умѣлъ бы выразить вполнѣ моей признательности.

Повергаю себя къ стопамъ Вашимъ со всѣмъ моимъ семействомъ,

Душею и сердцемъ вѣрноподданный.

Николай Карамзинъ.

С. Петербургъ, 15 Мая, 1826 г.

Жуковскій такъ описываетъ послѣднее свое свиданіе съ Карамзинымъ: «... Съ какою младенческою ясностію души онъ дѣлалъ планы для своей заграничной жизни. Теперь я богатъ, говорилъ онъ: могу завести себѣ верховую лошадь; постоянное движеніе поможетъ мнѣ возстановить мое здоровье. Но было опредѣлено иначе: онъ не пережилъ Мая. Принужденный также по причинѣ болѣзни покинуть въ началѣ сего мѣсяца Россію, я не имѣлъ отрады быть при немъ въ послѣднюю его минуту; но я съ глубокимъ благоговѣніемъ видѣлъ его приближающагося къ сей минутѣ; я видѣлъ умирающаго Карамзина, и никогда это видѣніе не изгладится изъ души моей. При мысли о концѣ такого человѣка, о переходѣ такой души въ тотъ міръ, гдѣ у *Отца обителей много*, всѣ наши понятія о жизни, смерти и безсмертіи, преображаются для насъ во что-то свѣтло-очевидное. Кто зналъ внутреннюю жизнь Карамзина, кто зналъ, какъ онъ всегда былъ непорочень въ своихъ побужденіяхъ, какъ въ немъ всѣ живыя, независимыя отъ воли движенія сердца были по какому-то естественному сродству согласны съ правилами строгаго разума, какъ твердый его разумъ всегда смягченъ былъ нѣжнѣйшимъ чувствомъ, какой онъ былъ (при всей вы-

сокой своей мудрости) простосердечной младенецъ, какъ верховная мысль о Богѣ всѣмъ владычествовала въ его жизни, управляя его желаніями и дѣйствіями, озаряя труды его генія, проникая житейскія радости и печали, и соединяя все его бытіе въ одну гармонію, которая только съ послѣднимъ вздохомъ его умолка для земли, дабы на вѣки продолжиться въ мірѣ иномъ; словомъ, кто имѣлъ счастіе проникнуть въ тайну души Карамзина, для того зрѣлище смерти его было освященіемъ всего, что есть прекраснаго и высокаго въ жизни, и подтвержденіемъ всего, что Вѣра обѣщаетъ намъ за гробомъ...»

1-го *Мая*. (Изъ письма Тургенева къ Жихареву) «Карамзинъ ежедневно болѣе слабѣетъ. Катерина Андреевна не видитъ всего, но предчувствуетъ, и иногда со слезами говоритъ о семъ. Дѣти еще въ совершенномъ невѣдѣніи. Я все знаю отъ Миллера: прожить двѣ, три недѣли и болѣе, онъ можетъ, но ѣхать не можетъ, а между тѣмъ мы собираемся на море.—Вчера Карамзинъ былъ очень слабъ, проводилъ съ часъ въ саду, но едва дотащился до комнаты. Въ каретѣ выѣхать уже не былъ въ силахъ. Ежеминутно хилѣетъ и дѣти начинаютъ страшиться. Катерина Андреевна почти потеряла надежду, но тверда. — Онъ все засыпалъ и едва говорилъ, почти ничего не ѣлъ, кромѣ саго. Ввечеру однакожь, когда мы укладывали его въ постелю, и приподняли съ канапе, перешелъ онъ комнату до постели самъ, безъ нашей помощи. Сегодня еще не знаю ничего о немъ; ибо идти рано къ нему, а письмо пойдетъ на почту. Сообщай сіи извѣстія П. П. Дмитріеву, если желаешь; но съ тѣмъ, чтобъ сюда не писали о нашихъ опасеніяхъ.»

18-го *Мая*. Карамзинъ вчера не такъ слабъ былъ въ день; но къ вечеру истощился. Сегодня не успѣлъ еще видѣть его.

19-го *Мая*. «Карамзинъ ежедневно слабѣетъ; семейство начинаетъ замѣчать, что положеніе его опасно. Онъ можетъ покинуть насъ очень скоро. Скажите это Вяземскому. Ѣду къ Кушникову посовѣтоваться, какъ быть въ случаѣ несчастія.«

(С.) «Еще въ четвергъ, 20 Мая, удалось мнѣ оторваться отъ спѣшной работы моей, чтобы навѣстить умирающаго, но также не мого видѣть его; нн смѣлъ войтп въ ту комнату, гдѣ онъ лежалъ въ полузабытьи, въ томительной тоскѣ, и только слышалъ его трудное, перерывающееся дыханіе, видѣлъ семейство въ слезахъ и горести. Вышедши въ галлерею, встрѣтилъ тамъ Духовника.»

Полночь 20 на 21 Мая. «Пріѣхалъ сейчасъ», пишетъ Тургеневъ,» «отъ Карамзина, гдѣ пробылъ весь день въ душевномъ страданіи за семейство и за себя. Скоро возвратится душа сія къ своему источнику, въ объятія Отца Небеснаго. Мы страшились потерять его сегодня. Въ ночи слабость не увеличилась, и я рѣшился возвратиться домой почевать. Ножетъ быть и день и два еще будемъ и видить и слышать его дыханіе; но онъ уже безпрестанно въ забытьи, узпаетъ насъ, по не во всякое время; духовника своего не могъ узпать; въ 11 часовъ вечера сегодня узпалъ однакожъ старшихъ дочерей, и съ нѣжностію взглянулъ на нихъ. Предъ тѣмъ замѣтилъ, что спало съ пальца его обручальное кольцо. Онъ спросилъ о немъ. Катерина Андреена тверда и рѣдко плачетъ, и говоритъ о томъ, что ее ожидаетъ. съ покорностію Провидѣнію. Ввечеру, глядя па меня, сказала мнѣ: жаль васъ.—Отъ чего? спросилъ я.—Бы много въ немъ теряете.—Потомъ говорика о качествахъ души ого съ чувствомъ счастливой, достойной его спутницы въ жизни».

«Одно изъ послѣднихъ словъ, сказанное Карамзинымъ по свидѣтельству Князя Вяземскаго, было слѣдующее:

Екатеринѣ Андреевнѣ показалось, что онъ чего-то ищетъ въ постели, и она спросила, что ему надобно: «лежать и любить тебя» отвѣчалъ онъ. Это было мнѣ разсказано ею самою пишетъ К. В.»

Полдень 22 Мая. «Карамзинъ при послѣднемъ издыханіи. Онъ едва, но тяжело дышетъ, и иногда стонетъ. Глаза рѣдко закрываетъ, но въ нихъ уже мало жизни. Всѣ признаки близкой смерти, которую ежеминутно ожидаемъ. Катерина Андреевна и дѣти плачутъ. Пульсъ еще изрядный.... Иногда уводимъ дѣтей, но какъ оторвать отъ умирающаго отца!»

«Николай Михайловичъ страдалъ, или, лучше сказать, тосковалъ долго, но послѣднія минуты были покойны. Я былъ ихъ свидѣтелемъ; Катерина Андреевна закрыла ему глаза, послѣ вошли дѣти.—Онъ не могъ благословить ихъ и проститься съ ними, но вся жизнь его была для нихъ благословеніемъ. Казалось мнѣ, однакожъ, что одинъ разъ открывъ глаза, въ коихъ не было уже почти жизни, онъ поднималъ руки, какъ бы желая благословить плакавшихъ около него дѣтей.»

«Наканунѣ кончины, т. е. въ $5^1/_2$ часовъ послѣ обѣда, 21 Мая, когда мы его переворачивали, онъ долго смотрѣлъ на меня и вдругъ высоко преподнялъ руку, и спустилъ ее на меня, желая обнять меня. Это было послѣднее движеніе, въ коемъ замѣтна была воля сердца. Софья Николаевна это замѣтила. Я утѣшаюсь симъ знакомъ любви того, котораго любилъ такъ нѣжно, и съ каждымъ днемъ, съ каждою мыслію о немъ сильнѣе.»

Им. Марія Ѳеодоровна писала къ нему въ это время изъ Москвы слѣдующія письма, не зная, что его нѣтъ уже на свѣтѣ:

Москва 23 мая 1826. «Дѣти пишутъ мнѣ, что страданія нашего добраго, дорогаго, уважаемаго друга еще усилились, и ваши столь естественныя опасенія также. Я раздѣляю ихъ отъ полноты души.

и желала бы выразить вамъ всю скорбь, которую чувствую. Я надѣялась, при видѣ строкъ, написанныхъ нашимъ дорогимъ больнымъ въ вашемъ письмѣ, что его силы возвратятся, и что Господь исполнитъ наше желаніе: я еще не отчаяваюсь, и умоляю васъ не терять ни надежды, ни бодрости душевной: всемогущество Божіе также безпредѣльно, какъ и милость: будемъ всего ожидать отъ Него; да подкрѣпитъ васъ Господь. Посылаю два слова для вашего дорогаго, больнаго, которыя вы прочтете ему, если можно; если нѣтъ, вы сохраните ихъ до тѣхъ поръ, пока здоровье позволитъ ему ихъ прочитать; передайте мое благословеніе вашимъ дѣтямъ. Ваши любезныя дочери должны быть увѣрены въ участіи, которое я принимаю въ ихъ великой горести. Мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность получать ежечасно извѣстія отъ васъ.

Прощайте, добрая моя Катерина Андреевна. Предаю васъ Богу, Отцу скорбящихъ. Всѣмъ сердцемъ

любящая васъ Марія.

Москва, 25 мая, 1826. Пишу вамъ только два слова дружбы, добрый и достойный другъ мой, чтобы поблагодарить за дорогія строки, которыя вы написали мнѣ, и сказать, что я умоляю Всевышняго, возвращеніи вамъ скорѣе здоровья, а намъ утѣшенія видѣть обновленіе вашихъ силъ. Сохраненіе вашей жизни слишкомъ дорого для насъ, потому что мы чувствуемъ всю цѣну вашей дружбы, и, пока я жива, я не перестану благословлять ваше имя за то сочувствіе, которое вы оказывали въ самые тяжелые дни моей жизни; надѣюсь скоро видѣть васъ, добрый другъ мой, и найти васъ выздоравливающимъ. Прощайте, остаюсь навсегда

Любящею васъ Маріей.

На конвертѣ: Доброму другу моему Карамзину.

Тургеневъ: «Карамзина не стало въ часъ и шесть минутъ по полудни. Семейство въ безмолвной горести.»

«23-го *Мая. Воскресенье.* Семейство еще во дворцѣ Таврическомъ съ тѣломъ покойника.»

«Не мнѣ бы должно было устроивать погребенъ ибо силіе, душевныхъ и физическихъ не достанетъ; но не могу уступить и другому, да и не кому. Вѣроятно погребеніе будетъ въ Лаврѣ, во вторникъ. Въ понедѣльникъ ожидаю Вяземскаго, если въ четвертокъ онъ выѣхалъ. Отъ свиданія будутъ по крайней мѣрѣ слезы—и слезы облегченія. И пустота нѣсколько попомнится. Бездѣйствіе семейства,

безполезность для того, для кого и кѣмъ жили, ужасны. Уже вчера вечеръ былъ безъ него. Что будетъ цѣлая жизнь Катерины Андреевны и дѣтей, кои отъ него ни отходили. Съ нимъ и имъ и его душею жили.»

«Я еще ничего не обдумалъ, да и онѣ сами не опомнились еще. Черезъ часъ по кончинѣ снялъ я маску съ съ прекраснаго лица незабвеннаго; сдѣлаю бюстъ для себя и друзей...»

«Я былъ неотлучно при его тѣлѣ (говоритъ Г. Телешевъ), слушая псалтырь и молясь за моего благодѣтеля. На другой день послѣ кончины пріѣхалъ Императоръ почтить покойнаго, вошелъ въ комнату ко гробу, гдѣ находился лишь я, псаломщикъ, и кто-то мнѣ пензвѣстный, вошедшій съ Императоромъ. Государь подошелъ къ покойному, снялъ кисею съ его лица, и въ глубокой горести залился слезами. Блѣдность покрыла лице Царя, впрочемъ не измѣнявшееся. Онъ поцѣловалъ Николая Михайловича, закрылъ лице его кисеею, и обратясь къ вошедшему съ нимъ, что-то ему говорилъ, бралъ его за руку, а тотъ съ почтительностію Его выслушивалъ. Изъ комнаты Государь вышелъ не въ ту дверь, въ которую вошелъ, и у которой его ожидало семейство Н. М., а въ другую, которая вела въ садъ. Бывшему съ нимъ Государь поручалъ сказать Екатеринѣ Андреевнѣ, что онъ не можетъ ее видѣть, боясь своею горестію еще болѣе усилить ея скорбь. Печаль Государя о великомъ изъ своихъ поддапныхъ тогда тронула меня до глубины моего сердца, и я благодарилъ Бога, что былъ свидѣтелемъ такого прекраснаго прощанья, такихъ прекрасныхъ чувствъ Императора Николая 1-го.»

25-го *Мая*. (Изъ писемъ Тургенева). «Пишу изъ Таврическаго дворца въ минуту отъѣзда съ Вяземскимъ въ Невскій монастырь для погребенія нашего друга... Вчера

ввечеру шли три сына за гробомъ. Андрюша рыдалъ почти во всю дорогу, и дрожащей ручонкой за меня держался. При пѣніи литіи въ монастырѣ три ангела-малютки пали на колѣна, и молились за отца, или лучше ему, и чрезъ него Богу. Оттуда мы возвратились къ домамъ, и пробыли съ ними до полночи. Катерина Андреевна выноситъ твердо. Сегодня вышла въ комнату подлѣ той гдѣ скончался незабвенный, и молилась...»

(С.) 25-го происходило въ той же церкви отпѣваніе и погребеніе на новомъ кладбищѣ. Все, что въ Петербургѣ могло сочувствовать великому нашему писателю, красѣ и славѣ Отечества, собралось отдать ему послѣдній долгъ. Литургію и отпѣваніе совершалъ Греческій Митрополитъ Макарій Суццо, довольно правильно произносившій на Церковно-Славянскомъ языкѣ все, что слѣдовало по чину. Инымъ казалось странно, что не отпѣваетъ его Кіевскій Митрополитъ Евгеній, извѣстный своими историческими трудами; другимъ напротивъ было пріятно видѣть при этомъ священнодѣйствіи участіе Греческой церкви въ молитвахъ за того, кто бралъ живѣйшее душевное участіе въ судьбѣ несчастныхъ Грековъ.»

Императрица Марія написала слѣдующее письмо къ вдовѣ покойнаго:

27 мая, 1826. Добрая и любезная Катерина Андреевна. Я присоединяю мои слезы, мою скорбь, мое горе къ вашимъ. Утрата ваша неизмѣрима, моя тоже: я теряю друга, существо преданное, душа и сердце котораго были исполнены привязанности, нѣжности къ моему любезному Александру. Его дружба была дорога для меня, я гордилась ею, потому что я умѣла цѣнить характеръ вашего дорогаго покойника. Вы должны проливать слезы, но вы мать. Берегите себя для дѣтей вашихъ, передайте мнѣ мою скорбь, мое желаніе, что бы они на всегда были вашимъ утѣшеніемъ: о, какъ мнѣ жаль вашихъ добрыхъ, вашихъ любезныхъ дочерей, какъ онѣ несчастны,—какъ я сожалѣю, что не могу видѣть васъ, что не могу изустно выразить вамъ, то, что я такъ живо, такъ глубоко чувствую. Да пріидетъ Небо вамъ на помощь, и да проліетъ она въ сердце ваше всѣ утѣшенія, исходящія изъ полной покорности волѣ Провидѣнія: вотъ чего желаетъ вамъ

Любящая васъ Марія.

Жуковскій выразилъ свою скорбь въ письмѣ изъ Эмса, которое дополняетъ намъ изображеніе Карамзина:

«И нашъ Ангелъ на небесахъ! Такъ! Онъ былъ нашъ ангелъ! Другъ, хранитель, наставникъ, примѣръ всего добраго, ободритель для всего прекраснаго! — Кто имѣлъ счастіе любить его, тому уже не чѣмъ замѣтить своей потери! Подобной души не встрѣтишь. Когда я его покидалъ, я чувствовалъ, что это навсегда. Я не смѣлъ съ нимъ проститься. Я счастливъ, что могъ поцѣловать его руку. Это было безмолвнымъ выраженіемъ всей моей благодарности за то, что былъ онъ для меня въ жизни. И кто могъ быть болѣе? Лучшее мое чувство, чистое и высокое, какъ религія, была моя къ нему привязанность. Смерть этого чувства не ослабитъ, не измѣнитъ не можетъ: она перемѣнила только его имя! Любовь къ милой его памяти будетъ такимъ же благотвореніемъ на остатокъ жизни, какимъ была любовь къ нему самому. Сердце благоговѣетъ передъ его смертію. Она такъ же возбуждаетъ и довѣренность къ Божеству и уваженіе къ жизни, какъ самая жизнь его. Чтобы почувствовать съ благодарностію къ Провидѣнію, что есть лучшій міръ, надобно только переселить въ него подобную душу: какъ не повѣрить теперь безсмертію, и какъ не чтить той жизни, которая ведетъ къ этому безсмертію? Кто жилъ лучше? И кто послѣ себя оставилъ болѣе подпоръ для тѣхъ, которые должны вѣчно скорбѣть объ немъ? Въ горести объ немъ, въ мысли о томъ, что онъ былъ прежде, и что онъ теперь, заключены всѣ драгоцѣннѣйшія житейскія блага! Сколько вѣры, сколько поощренія къ добродѣтели, сколько надеждъ въ воспоминаніи объ немъ для насъ дѣтей и друзей!

Первое, что меня здѣсь встрѣтило, было извѣстіе о моей потерѣ; я былъ къ ней приготовленъ, но она поразила какъ неожиданность. Съ тѣхъ поръ два чувства наполняютъ

душу: умилительная мысль объ немъ, о другѣ благотворителѣ, ангелѣ, который хотя и не видимъ, но никогда, никогда не покинетъ меня въ жизни. Другая объ васъ, жестоко тревожащая сердце... Не умѣю вообразить вашего положенія! и боюсь объ немъ думать. По какъ вы теперь для меня драгоцѣнны! Одна надежда на вашу добродѣтельную твердость. Подкрѣпи васъ Богъ! Простите.

Я передалъ все, что собралъ и узналъ о жизни и смерти Карамзина. Читатели ожидаютъ можетъ быть отъ меня заключенія? Но, въ эту минуту, я не въ силахъ сказать имъ ни одного слова болѣе—развѣ повторить стихи того же Жуковскаго, который любилъ, цѣнилъ, понималъ Карамзина лучше всѣхъ:

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ,
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя Карамзинъ.

Ноября 23, 1866.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ГЛАВА VI. 1803—1810 г.—Происхожденіе мысли писать Русскую Исторію, и степени ея развитія. Историческія статьи: Боеномира іи на пути къ Троицѣ.—О предметахъ для художествъ въ Русской Исторіи.—О тайной канцеляріи.—О Московскомъ мятежѣ при царѣ Алексѣѣ Мих. и проч.—Марѳа посадница.—Разговоръ съ Дмитріевымъ о желаніи писать Исторію.—Совѣтъ его и Письмо М. Н. Муравьеву.—Карамзинъ.—Исторіографъ.—Почему онъ не обратился къ Шлецеру.—Отношеніе Карамзина къ его задачѣ.—Состояніе Русской Исторіи.—Первые руководители.—Приступъ къ работамъ.—Его жилище въ Остафьевѣ.—Образъ жизни.—Первый отчетъ Муравьеву.—Послѣдующіе успѣхи.—Особенности талантовъ Карамзина.—Находки.—Приготовительныя замѣтки.—А. Тургеневъ, исполнитель порученій.—Письмо къ Новосильцеву.—Находка Волынской лѣтописи въ 1809 г. и доказательства.—Радость.—Мнѣніе о критическихъ работахъ.—Къ психологіи Карамзина.—Примѣры, какъ овладѣлъ онъ своимъ предметомъ 1

ГЛАВА VII. Знакомство съ В. К. Екатериной Павловной.—Путешествіе въ Тверь.—Намѣреніе поручить Карамзину Министерство Просвѣщенія.—Орденъ Св. Владиміра 3 степени.—Донось.—Объясненіе.—Другой донось.—Письмо о занятіяхъ.—Записки о Россіи, и мысли изъ нея.—Свиданіе съ И. Александромъ.—Чтеніе Исторіи.—Бесѣды.—Догадка объ охлажденіи.—Сравненіе Карамзина со Сперанскимъ.—Альбомъ для В. Княгини.—Свидѣтельство Калайдовича.—Изображеніе Жуковскаго.—Нашествіе Наполеона.—Письма объ походѣ.—К. отпускаетъ семейство въ Ярославль, и переселяется къ Гр. Ростопчину.—День, оп. Булгаковымъ.—Письма къ женѣ о послѣднихъ дняхъ Москвы.—К. въ Нижнемъ.—Сѣтованіе о пожарѣ Моск.—Радости.—Мысли объ Исторіи.—Семейныя утраты.—Возвращеніе въ Москву.—Предложеніе И. Маріи.—Переписка съ нею.—Намѣреніе описать нашествіе Французовъ.—Извѣстія Калайдовича о бесѣдахъ съ К.—Письмо къ Нелединскому о присланной розѣ отъ П.—Взглядъ на жизнь и свою Исторію.—К. отправляется съ нею въ Петербургъ. 38

ГЛАВА VIII. (1816—1818). Прибытіе въ Петербургъ.—Посѣщеніе Императрицъ М. Ѳ. и Е. А. и Вел. Княгини Е. П.—Первыя свѣдѣнія и сомнѣнія.—Предложеніе Гр. Румянцова.—Знакомство съ Шишковымъ.—Напрасныя ожиданія.—Нетерпѣніе.—Чтенья.—Жуковскій объ Исторіи.—Недоразумѣнія.—Намѣреніе возвратиться въ Москву.—Посѣщеніе Графа Аракчеева.—Пріемъ Государя и поднесеніе Исторіи.—Исполненіе всѣхъ требованій и высочайшія награды.—Водвореніе въ Петербургѣ.—Печатаніе и хлопоты.—Затрудненія.—Жизнь въ Царскомъ Селѣ.—Отношеніе ко Двору.—Исторія выходитъ въ свѣтъ.—Взглядъ на И. и со стороны критики, науки, искусства.—О системѣ и преднамѣренной цѣли.—Отзывъ Стурдзы.—Быстрая распродажа.—Состояніе общества: мистики, фанатики, аракчеевцы, либералы.—Мнѣніе Никиты Муравьева и эпиграммы Пушкина.—Отвѣтъ К.—Ученые и журналисты.—Стихотвореніе Батюшкова. 133

ГЛАВА IX. (1818 и 1819).—Второе изданіе.—Работы для IX тома.—Рѣшеніе остаться въ Петербургѣ для корректуръ.—Рѣчь въ академіи.—Преимущества Словесности.—О критикѣ.—О задачахъ.—О національномъ, о сочувствіи съ читателями.—Отрывки изъ записки К. С. Сербиновича.—Журнальная война изъ Записки К. о Моск. достопамятностяхъ.—Отказы Дмитріеву возражать и содѣйствіе избранію Каченовскаго въ члены Академіи.—Посланіе К. Вяземскаго къ Каченовскому.—Отношеніе ко Двору.—Мнѣніе Русскаго гражданина о Польшѣ.—Бесѣда съ И. Александромъ.—Письма къ Дмитріеву и Батюшкову.—Отрывокъ изъ записокъ Булгарина объ обхожденіи К. съ людьми.—Вечера К. по извѣстію Б. М. Ѳедорова 211

ГЛАВА X. (1820—1823).—Продолженіе исторіи.—Томъ 9.—Переводы.—Отзывъ Монитера.—Берне.—Томы 10 и 11.—Отмѣтки для 12 т.—О механизмѣ работы Карамзина.—Его времяпрепровожденіе.—Чтенія.—О новой Русской Исторіи.—Романы Валтеръ Скотта.—Общество: Жуковскій, Тургеневъ, Батюшковъ, Блудовъ, Дашковъ, К. Вяземскій, Кривцовъ и проч.—Письма.—Графъ Румянцовъ, Каподистріи, Шишковъ.—О Сперанскомъ, объ Аракчеевѣ.—Отношенія ко Двору.—Письма И. Маріи и Елисаветы, И. Александра.—Характеристическія письма Карамзина къ Дмитріеву и графу Каподистріи, ... 284

ГЛАВА XI (1818 и 1819). — Чтенія о новой Русской Исторіи.—Иностранныя книги.—Романы Валтеръ Скотта.—Вечернее общество: Жуковскій, А. И. Тургеневъ (ходатайство предъ Государемъ по поводу его увольненія).—Батюшковъ.—Пушкинъ.—Кн. Вяземскій.—Кривцовъ.—Переписка съ Гр. Каподистріей.—Графы Румянцевы.—Шишковъ.—Сперанскій.—М. И. Полетика.—Гр. Аракчеевъ.—Переписка съ И. Елисаветой и Маріей, И. Александромъ.—Стремленіе къ Москвѣ.—Что привязывало К. къ Петербургу.—Ходатайства.—Свѣдѣнія, сообщенныя Дмитріеву объ обстоятельствахъ въ Европѣ, въ Россіи.—О здоровьѣ К. и расположеніи его духа.—Шутки.—Впечатлѣніе Записокъ Дмитріева.—К. въ семействѣ.—Доходы и расходы, хозяйство К.—Характеристическія письма къ Дмитріеву и Каподистріи.—Послѣднія минуты спокойствія.—Извѣстіе о болѣзни и кончинѣ И. Александра Павловича. 314

ГЛАВА XII. (1825—1826).—Записка Карамзина для его дѣтей объ отношеніяхъ къ И. Елисаветѣ Алексѣевнѣ, Дмитріеву, Малиновскому, брату.—Письмо гр. Каподистріи.—Состояніе общества.—Бесѣды во Дворцѣ.—Манифестъ 12 Дек. и проэктъ Карамзина.—14 Декабря.—Мысль о возвращеніи къ занятіямъ.—Письма къ Тургеневу и Дмитріеву о событіяхъ.—Мое представленіе И. М.—Болѣзнь его.—Письмо къ И. Николаю.—Отвѣтъ.—Рѣшеніе ѣхать во Флоренцію.—Приготовленія.—Письмо къ И. Александрѣ Ѳеодоровнѣ.—Болѣзнь усиливается.—Рескриптъ И. Николая.—Его дѣйствіе.—Отвѣтъ.—Жуковскій.—О положеніи К. въ Таврическомъ дворцѣ.—Послѣдніе дни по письмамъ Тургенева.—Письмо И. Маріи.—Кончина.—Жуковскій о Карамзинѣ.—Заключеніе 450

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

О годѣ рожденія Карамзина.

Карамзинъ, въ первой половинѣ своей жизни, считалъ годомъ своего рожденія 1765-й.

Согласно съ этимъ мнѣніемъ и сказалъ онъ въ письмѣ изъ Женевы, Декабря 1 дня, 1789 года, что ему исполнилось тогда 24 года.

Такъ и въ паспортѣ, выданномъ ему въ Женевѣ 1-го Марта, 1790 года, для проѣзда во Францію, значится, разумѣется, съ его словъ, что ему было тогда 24 года.

Вотъ положительное свидѣтельство о 1765 годѣ, напечатанное, по указаніямъ г. Полторацкаго, 1792 года, въ Московскомъ Журналѣ, ч. VI, с. 328; 1797 г. въ отдѣльномъ изданіи Писемъ Русскаго Путешественника, ч. III, с. 298; 1802 г. во второмъ изданіи Московск. Журнала, ч. VI, с. 323; 1803 г. въ Сочиненіяхъ Карамзина, т. III, с. 297.

На основаніи этого показанія 1765 годъ долго считался годомъ рожденія Карамзина, что занесено было и въ Исторію Русской литтературы, Гречемъ.

Въ 1800 году Карамзинъ продолжалъ еще думать, что онъ родился въ 1765 г., потому что въ письмѣ къ Дмитріеву, отъ 3 Декабря, 1800 года, онъ писалъ, что третьяго дня ему исполнилось 35 лѣтъ. (см. его письма, с. 120).

Это показаніе опровергается всѣми послѣдующими, также положительными, свидѣтельствами самаго Карамзина, — и, слѣдовательно, должно приниматься случайною ошибкою.

Въ автобіографической своей запискѣ, писанной для митрополита Евгенія, (принадлежащей по вѣрнымъ соображеніямъ г. Грота, къ 1805 или въ 1806-му году), Карамзинъ назначилъ годомъ своего рожденія 1766-й. (Снимокъ съ нея прилагается).

Такъ исправилъ онъ и въ новомъ изданіи своихъ сочиненій (1814 г.) показаніе Женевскаго письма, и напечаталъ, что въ 1789 г. Декабря 1, ему исполнилось 23 года, а не 24. Т. III. с. 256.

Это изданіе печаталось подъ его наблюденіемъ въ Москвѣ Селивановскимъ, что видно изъ слѣдующихъ мѣстъ переписки, (помѣщенной въ Библіографическихъ запискахъ 1859 года): «я съ своей стороны,» пишетъ Карамзинъ, «обязываюсь просмотрѣть ихъ, исправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дополнить... такъ что новое изданіе должно быть лучше прежняго.» с. 581.

Въ третьемъ изданіи сочиненій, 1820 года, поправка (23 г., вмѣсто 24) сохранена, т. III, с. 195.

Поправка 23 лѣтъ, вмѣсто 24, сдѣлана, разумѣется, самимъ Карамзинымъ: никому другому не могло придти въ голову подобное исправленіе. Значитъ Карамзинъ утвердился въ своемъ показаніи, сдѣланномъ въ автобіографической запискѣ.

Такъ продолжалъ онъ думать до конца своей жизни. Такъ было извѣстно и въ его семействѣ.

Приведемъ всѣ показанія, которыя ему случалось дѣлать о своихъ годахъ.

1816 г. Марта 2. въ письмѣ къ женѣ: Ему, (Шторху) какъ и мнѣ, около 50 лѣтъ. (Не изд. сочиненія, с. 165).

1816 г. въ Апрѣлѣ или Маѣ Новиковъ писалъ къ Карамзину: Вамъ 49 лѣтъ; это годъ климатеричный; вамъ сей годъ есть годъ, полный чести и славы... (Письма С. И. Г. т. III, с. 277.) Доказательство о времени, когда написано это письмо, см. ниже.

1816 г. Декабря 3. Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву: Знаю, чего въ 50 лѣтъ надобно ждать въ этомъ свѣтѣ. с. 200.

1818 г. Іюля 11. Въ 50 лѣтъ, (ему былъ тогда 52 годъ), кажется, что все это не стоитъ труда, с. 244.

1820 г. Іюля 30, Карамзинъ писалъ къ И. Елизаветѣ Алексѣевнѣ, что ему 52 года, между тѣмъ какъ ему было 53, если онъ родился въ 66 г.

1821 г. Января 30, къ А. Ѳ. Малиновскому: Время дорого для автора пятидесятилѣтняго съ хвостикомъ.

1823 г. Іюля 5, къ П. П. Дмитріеву: Оправляюсь, хотя медленно, какъ пятидесяти-пятилѣтній, с. 354. Ему было тогда 56 лѣтъ.

1824 г. Сентября 24, Карамзинъ писалъ къ А. И. Тургеневу: Лѣнь 58 годовъ, и пр. (Русск. Архивъ, 1865 г. с. 656).

1826 г. Января 3, къ П. П. Дмитріеву: Если на 60 году еще дозволено мыслить о будущемъ земномъ... с. 444.

Мы видимъ, что въ этихъ показаніяхъ не вездѣ соблюдается строгая точность, но ни одно изъ нихъ не указываетъ на 1765, а всѣ болѣе или менѣе на 1766 г.

О послѣднемъ празднованіи дня рожденія Карамзина, Декабря 1, 1825 года, въ домашнихъ запискахъ значится: нынѣ исполнилось ему 59 лѣтъ.

Такъ вдовою и было поручено К. С. Сербиновичу назначить на надгробномъ камнѣ годомъ рожденія 1766. Это знали и видѣли всѣ друзья покойнаго: Дмитріевъ, Жуковскій, Тургеневъ, Блудовъ, кн. Вяземскій....

1766 годъ назначилъ годомъ рожденія Карамзина и Бантышъ-Каменскій, печатавшій его біографію въ своемъ словарѣ, со словъ П. П. Дмитріева.

Спрашивается—на какомъ основаніи можемъ мы непринимать собственнаго свидѣтельства Карамзина о

годѣ его рожденія? По какимъ причинамъ можемъ мы предполагать, что онъ ошибался въ послѣдніе годы своей жизни, а не въ первые?

Ошибку, въ послѣднее время, предположить труднѣе, чѣмъ въ первое. Въ послѣднее время онъ исправлялъ ее, —это естественно,—а по мнѣнію, принимающему 1765 г., должно бы предположить, что онъ тогда только сдѣлалъ ее.*

Я самъ склонялся прежде на сторону 1765 года, которымъ объясняются лучше нѣкоторыя хронологическія обстоятельства въ молодости Карамзина, но, получивъ отъ семейства послѣднія указанія, думаю, что противъ нихъ ничего сказать нельзя до тѣхъ поръ, пока не отыщутся новыя положительныя доказательства,— напр. какія нибудь современныя замѣтки,—и *что мы не имѣемъ права, вопреки* Карамзину, считать годомъ его рожденія не тотъ, какой считалъ онъ самъ, Исторіографъ, и противорѣчитъ его семейству.

М. А. Дмитріевъ никакъ не хотѣлъ принимать 1766 года, и твердо стоялъ на 1765, приводя, однакожъ, доказательства очень слабыя, а именно—свидѣтельства своихъ дядей, И. И. Дмитріева, П. П. Бекетова и С. С. Кушникова, которые говорили будто всегда, что Карамзинъ родился въ 1765 году. (Русскія вѣдомости, 1865. с. 134.)

Самъ г. Пекарскій, склоняющійся, кажется, къ 1765 г. называетъ эти доказательства голословными, с. 463.

Дѣйствительно, строгой точности въ показаніяхъ этого рода искать, и опираться на нихъ, нельзя. Не большія разницы въ разсчетъ, обыкновенно, не принимаются. На примѣръ г. Кушниковъ могъ сказать, въ 1814 году, что онъ съ Карамзинымъ ровесникъ, считая отъ роду 48 лѣтъ, хотя Карамзину не доставало еще четырехъ или пяти мѣсяцевъ до этого возраста.

---

* О годѣ рожденія Карамзина написано нѣсколько статеекъ, совершенно лишнихъ, т. е. повторяющихъ одно и тоже, съ прибавленіемъ одной какой нибудь строчки, которою и слѣдовало бы авторамъ ограничиваться.

Самымъ важнымъ доказательствомъ 1765 года представлялося М. А. Дмитріеву письмо Новикова къ Карамзину. Приведемъ его разсужденіе вполнѣ.

«Существуетъ письмо къ Карамзину», пишетъ онъ, «Н. И. Новикова, (напечатано при письмахъ С. И. Гамалеи), въ которомъ онъ говоритъ: вамъ 49 лѣтъ; это годъ климатеричный; вамъ сей годъ есть годъ полный чести и славы, а мнѣ этотъ годъ былъ полонъ скорби и печали.»—Хотя года и числа при этомъ письмѣ не напечатано, но я увѣренъ, что оно писано въ 1815 году. Въ немъ между прочимъ говорится: «Сердечно сожалѣю, и буду сожалѣть, ежели не увижу васъ до отъѣзда вашего въ Петербургъ. Теперь покрайней мѣрѣ желаю того, чтобъ вы возвратились въ Москву въ Августѣ.»—А изъ писемъ Карамзина къ моему дядѣ видно, что онъ переѣхалъ въ Петербургъ, для представленія своей Исторіи Государю, зимою въ началѣ 1816 года; первое письмо, о пріѣздѣ туда, отъ 15 Февраля 1816 года; слѣдовательно въ письмѣ Новикова говорится объ Августѣ предшествовавшаго 1816 года; слѣдовательно 49 лѣтъ минуло Карамзину 1-го Декабря 1814 г.

«Изъ тѣхъ же писемъ Карамзина къ моему дядѣ видно, что онъ въ концѣ 1814 года, или въ началѣ слѣдующаго, дѣйствительно сбирался на время въ Петербургъ, и даже спрашивалъ его, можетъ ли онъ помѣстить его въ своемъ домѣ: но не поѣхалъ, потому что дядя мой оставилъ министерство, и самъ намѣренъ былъ переѣхать на житье въ Москву, куда 22 Сентября дѣйствительно переѣхалъ. А такъ какъ лѣтомъ 1814 года Карамзину никакъ не могло быть 49 лѣтъ, слѣдовательно письмо Новикова никакъ нельзя отнести къ 1814 году, а въ 1815 году дядя мой былъ въ Москвѣ. Въ этомъ-то году Карамзинъ сбирался опять на время въ Петербургъ; но не поѣхалъ, потому что лѣтомъ 1815 года самъ Государь пріѣзжалъ въ Москву, 30 Августа онъ былъ на балѣ у Тормасова.»

«Но точно ли письмо Новикова относится къ 1815 году?—Во первыхъ, ранѣе этого года оно писано быть не могло: ибо, если бы оно было писано, на примѣръ, лѣтомъ 1814 года, то это значило бы, что Карамзинъ родился 1 Декабря 1764 г. (чего никто не утверждаетъ.) А въ 1816 году оно не могло быть написано, потому что въ началѣ этого года Карамзинъ переѣхалъ окончательно въ Петербургъ, и Новиковъ не могъ ожидать его возвращенія въ августѣ. За тѣмъ остается 1815 годъ.»

Вотъ всѣ соображенія и доказательства М. А. Дмитріева, о письмѣ Новикова къ Карамзину.

Послѣ моихъ отвѣтовъ на прочія его замѣчанія, Дмитріевъ, недовольный ими, написалъ: «Михаилу Петровичу слѣдовало по правиламъ строгой критики, опровергнуть мое мнѣніе, что письмо Н. И. Новикова писано въ 1815 году, и доказать, что оно писано въ 1816 году. *Вотъ тогда это было бы возраженіемъ дѣльнымъ, которому бы и покорился*».

Въ исполненіе его требованія представляю желаемое имъ опроверженіе.

Новиковъ пишетъ Карамзину: «Вамъ 49 лѣтъ. это годъ климатеричный; вамъ сей годъ есть годъ полный чести и славы, а мнѣ этотъ годъ былъ полонъ скорби и печали».

Я спрашиваю: какой годъ былъ для Карамзина полонъ чести и славы?

1816-й, и то съ 15-го Марта, послѣ аудіенціи Императора Александра, и. благосклоннаго принятія имъ исторіи.

Не только 1815-й, но и начало 1816 года было для него временемъ неизвѣстности, иногда даже мучительной. Отъ *20 Января*, 1816 года, онъ писалъ къ Малиновскому: Если отправлюсь въ Петербургъ, то возму съ собою запасъ терпѣнія, уничиженія, нищеты духа.

Отъ 2 Марта, 1816 года Карамзинъ писалъ къ своей супругѣ: вчера, говоря съ В. К. Екатериною Павловной,

я только что не дрожалъ отъ негодованія при мысли, что меня держатъ здѣсь безполезно и почти оскорбительнымъ образомъ.

Съ 15 Марта, только 1816 года, съ аудіенціи Государевой, все перемѣнилось.

Въ 1815 году Карамзинъ и не видалъ Государя, и ничего не зналъ о судьбѣ своей Исторіи; слѣдовательно ни объ какой чести и славѣ для него рѣчи быть не могло. Письмо Новикова должно быть писано въ Апрѣлѣ или Маѣ 1816 года: «сердечно сожалѣю и буду сожалѣть, ежели не увижу васъ до отъѣзда вашего въ Петербургъ,» пишетъ Новиковъ.

Карамзинъ, возвратившись въ Москву, послѣ аудіенціи Государевой, поѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ, въ концѣ Мая 1816, но былъ намѣренъ не долго тамъ оставаться, и быть непремѣнно въ Августѣ 1816 назадъ въ Москвѣ. Потому и пишетъ Новиковъ: «Теперь по крайней мѣрѣ желаю того, чтобъ вы возвратились въ Москву въ Августѣ».

Нужно ли еще доказательства, что Карамзинъ именно въ Августѣ 1816 года думалъ быть опять въ Москвѣ?

Могу служить и ими: въ письмѣ къ дядѣ Михаила Александровича П. И. Дмитріеву Карамзинъ писалъ,— *отъ 25 Мая* 1816 года: авось будемъ *къ Сентябрю* въ Москвѣ.

А къ Малиновскому, отъ *4 Іюля*, 1816 года, Карамзинъ писалъ еще яснѣе: Москва у меня въ сердцѣ: доволенъ здѣшнимъ пребываніемъ, но помышляю возвратиться, и рѣшительно, въ *половинѣ или исходѣ Августа*.

Объ этомъ Августѣ 1816 года говоритъ и Новиковъ. Ясно ли?

Пр. Тихонравовъ нашелъ въ бумагахъ Новикова рѣшительное доказательство въ мою пользу.

Прибавимъ: Г. Дмитріевъ пишетъ: «Въ 1815 году въ Августѣ И. Александръ былъ въ Москвѣ, 30 Августа былъ на балѣ у Тормасова, и отличилъ своимъ вниманіемъ Карамзина.»

Здѣсь что ни слово, то ошибка: въ 1815 году И. Александръ былъ еще въ Парижѣ, (см. Михайловскаго Диниловскаго, т. VII с. 409:) 29 Августа происходилъ знаменитый смотръ въ Вертю, 30 Августа церковный парадъ. (Тамъ же.) 13 Сентября выѣхалъ Государь изъ Парижа, 18 Ноября переѣхалъ чрезъ границу въ Россію. Слѣдовательно Императора Александра не могло быть въ Москвѣ на балѣ у графа Тормасова, 3 Августа, 1815 года, и не могъ Карамзинъ быть имъ обласканъ, какъ утверждаетъ г. Дмитріевъ. Карамзинъ жилъ все лѣто въ Остафьевѣ, и писалъ брату отъ 20 Сентября, 1815 года: одна надежда на исторію, но и та весьма не вѣрна! М. А. Дмитріеву, подъ конецъ жизни, начинала измѣнять память и соображеніе.

Мнѣ остается отвѣчать еще на одно косвенное замѣчаніе Г. Пекарскаго въ пользу 1765 года. Онъ говоритъ въ приложеніяхъ къ письмамъ Карамзина къ Дмитріеву: с. 459.

...«Что касается письма изъ Женевы, то дѣйствительно въ разныхъ изданіяхъ показывается разно: въ раннихъ 24, а въ позднѣйшихъ 23 года; но при этомъ пропущено вовсе безъ вниманія другое указаніе Карамзина о своихъ годахъ въ тѣхъ же «Письмахъ Русскаго путешественника, именно: изъ Горной деревеньки въ Pays de Gex, Марта 4, 1790 г.» Здѣсь приведенъ въ подлинномъ паспортъ, данный Карамзину въ Женевѣ 1 Марта 1790 года: certifions à tous qu'il appartiendra que M. N. N. âgé de 24 ans, Gentilhomme russe, lequel allant voyager en France и т. д. Карамзинъ оставилъ эту цифру безъ измѣненія и въ изданіяхъ 1814 и 1820 годахъ: такъ она уцѣлѣла и въ послѣднемъ, Смирдинскомъ «Собраніи сочиненій» его, и отъ того вышло, что въ помянутыхъ сей часъ изданіяхъ Карамзинъ, по письму изъ Женевы, родился въ 1766 году, а по данному ему тамъ же паспорту, гдѣ лѣта были выставлены, конечно, съ его словъ, 1765 года.»

Напрасно Г. Пекарскій придаетъ большое значеніе этому показанію: оно не есть второе, а тоже самое, то есть повтореніе одного и того же мнѣнія; въ 1789 году Карамзинъ думалъ, что ему 24 года, такъ слѣдовательно и показывалъ полиціи для прописанія въ своемъ паспортѣ. Исправлять заднимъ числомъ показаніе въ паспортѣ было бы слишкомъ странно, да и не позволительно. Довольно того, что онъ исправилъ свое показаніе въ письмѣ, по которому, исправленію, всякій читатель долженъ самъ увидѣть теперь и исправить ошибку паспорта.

Г. Пекарскій, приводя разныя, исчисленныя нами, показанія, заключаетъ: «При этомъ все-таки остается нерѣшеннымъ окончательно вопросъ: когда ошибался Карамзинъ—въ молодости или въ зрѣлыхъ лѣтахъ? Ясно только, что здѣсь уже не достаточно свидѣтельствъ самого Карамзина, и тѣмъ менѣе голословныхъ показаній другихъ лицъ, хотя бы и близкихъ къ нему.»

То есть—Г. Пекарскій оставляетъ годъ рожденія Карамзина въ неизвѣстности, и ставитъ мнѣ какъ будто въ вину, что я перемѣнялъ свои мнѣнія о годѣ рожденія Карамзина:

«Г. Погодинъ опытъ своей біографіи Карамзина, въ 1846 г. началъ словами: К. родился 1766 г. Декабря...»

«Мѣсяцъ спустя Г. Погодинъ же сообщилъ: К. родился рѣшительно въ 1765 году....» (с. 458).

«Въ 1865 г. Г. Погодинъ возвратился къ прежнему мнѣнію своему, что К. родился въ 1766 г., находя снова (!) неподлежащимъ никакому сомнѣнію показаніе К. въ автобіографической запискѣ. Сверхъ того (!?!) Г. Погодина убѣдили въ томъ и свидѣтельства дѣтей Карамзина» и проч. (с. 461).

Изъ этихъ мѣстъ читатели видятъ, что Г. Пекарскій хочетъ обвинить меня, какъ обвиняютъ прокуроры, но я буду отвѣчать ему, не какъ отвѣчаютъ адвокаты, а какъ человѣкъ, ищущій истины, которому дорога она,

.а не собственное мнѣніе. Я былъ бы виноватъ, если бы перемѣнялъ свои мнѣнія безъ достаточныхъ основаній, но я имѣлъ такія основанія, а именно: сначала, въ похвальномъ словѣ Карамзину (1845), я принималъ годомъ рожденія его 1766 г. на основаніи собственноручной записки, которая была у меня въ рукахъ.

По напечатаніи его М. А. Дмитріевъ указалъ мнѣ (въ Москвитянинѣ 1846 года) на собственное свидѣтельство Карамзина въ Женевскомъ письмѣ, и подтвержденіе его дяди, который въ 1770 г. считалъ К. пятилѣтнимъ, и себя старшимъ на пять лѣтъ. Позднѣйшее показаніе К., при такихъ положительныхъ свидѣтельствахъ представлялося случайною ошибкою, опискою обмолвкою.

Дальнѣйшія мои занятія біографіей К. утверждали меня въ принятомъ мнѣніи о 1765 г.: вѣроятнѣе казалось Карамзину пріѣхать въ Петербургъ на службу по 17, чѣмъ по 16 году, и проч.

Между тѣмъ наступилъ 1865 годъ, начались приготовленія къ юбилею,—я получилъ извѣщеніе оставшагося семейства К., что оно считаетъ годомъ рожденія его не 1765, а 1766 г.

Это извѣщеніе я отправилъ въ подлинникѣ къ М. А. Дмитріеву, какъ главному защитнику 1765 года. Отвѣтъ его пересланъ былъ мною къ Карамзинымъ, которые доставили мнѣ свои возраженія, мною также сообщенныя М. А. Дмитріеву.

Свидѣтельство собственное К., въ день послѣдняго празднованія его рожденія, о которомъ извѣстило семейство, и надпись, высѣченная на гробницѣ, недопускали никакаго противорѣчія.

Дмитріевъ завелъ споръ въ газетахъ. Отвѣчая ему, разбирая его доказательства, и изслѣдуя письмо Новикова, какъ главное доказательство, я нашелъ новыя подтвержденія для 1766 года.

Показаніе автобіографической записки подтвердилось поправкою 1766, вмѣсто прежняго 1765 года, въ

Женевскомъ письмѣ, въ изданіи сочиненій Карамзина печатанныхъ подъ его собственнымъ наблюденіемъ и исправленіемъ.

Наконецъ многочисленныя мѣста въ письмахъ указывали на 1766 годъ, а не на 1765, а одно, предпослѣднее, назначало его именно.

Можно ли было болѣе сомнѣваться, и Гг. Дмитріевъ, и за нимъ Лонгиновъ, а также и Пекарскій, не имѣли достаточныхъ основаній, въ настоящемъ положеніи дѣла, оставаться при мнѣніи о 1765 годѣ.

А найдись, повторяю, новыя доказательства, на примѣръ чья-нибудь современная отмѣтка, я готовъ принять 1765 годъ, вмѣсто 1766 года, на которомъ должна была остановиться критика по извѣстнымъ свидѣтельствамъ.

II.

О мѣстѣ рожденія Карамзина.

Какъ о времени, такъ и о мѣстѣ рожденія Карамзина, есть сомнѣнія. Странное соединеніе явленій: тысячи событій по временамъ и мѣстамъ изслѣдовалъ и опредѣлилъ съ точностію исторіографъ, а о времени и мѣстѣ своего рожденія оставилъ насъ, если не въ неизвѣстности, то по крайней мѣрѣ въ сомнѣніи!

Въ автобіографической своей запискѣ онъ сказалъ, что родился въ Симбирской губерніи, но по всѣмъ извѣстіямъ оказывается, что онъ родился въ Самарской, прежде Оренбургской губерніи, въ Бузулукскомъ уѣздѣ. Это утверждалъ рѣшительно его братъ, Александръ Михайловичъ, въ сообщеніяхъ семейству Николая Михайловича на ихъ вопросы. Второе подтвердительное показаніе принадлежитъ Натальѣ Ивановнѣ Дмитріевой, которая, по благосклонности своей ко мнѣ, пишетъ: «что можетъ быть вѣрнѣе моей справки о родинѣ Николая Михайловича отъ его роднаго

брата. У него въ книгѣ записано рожденіе цѣлаго ихъ семейства, кто гдѣ родился.* Это истинно, что Николай Михайловичъ родился Оренбургской губерніи, въ селѣ Михайловкѣ, Преображенское тожъ. Въ Карамзинкѣ родился меньшой его братъ, сынъ моей тетки, Александръ, а отъ первой жены дѣти всѣ родились въ Оренбургской губерніи. Отецъ мой всегда смѣялся, говоря своему племяннику: братья твои родились въ Оренбургской губерніи, кругомъ Башкиръ, и ни который не похожъ на Башкира, а особенно *Николай*, (у котораго бѣлизна лица была необыкновенная), а ты родился около Симбирска и черенъ какъ Азіатецъ.»

Приложимъ дополнительныя извѣстія изъ Симбирскихъ губернскихъ вѣдомостей: Г. Пвлентьевъ (изъ Бузулука, Самарской губ.) сообщаетъ нѣсколько данныхъ о мѣстѣ рожденія Карамзина. «Въ 1846 г.», говоритъ онъ, «увѣрились, что вѣчно достойный памяти Россійскій исторіографъ, Н. М. Карамзинъ, родился не въ Симбирской, а въ Оренбургской, нынѣ Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда въ селѣ Преображенскомъ, Михайловка тожъ, 1 го Декабря 1765 г. (1766). Село это принадлежало родителямъ его: отставному капитану Михаилу Егоровичу Карамзину, простому деревенскому барину, и его супругѣ, Екатеринѣ Петровнѣ Пазухиной. Ошибка происходила оттого, что мѣсто рожденія исторіографа смѣшивали съ мѣстомъ рожденія брата его Александра. По смерти родителей Карамзина, Михайловка досталась по наслѣдству брату его Ѳеодору, а нынѣ принадлежитъ родному племяннику.—Михайловка находится въ 50 верстахъ отъ города Бузулука, въ 10 верстахъ отъ большаго тракта, лежащаго отъ Бузулука на Бугурусланъ. Стоитъ при двухъ ключахъ, изъ коихъ образованъ прудъ, и замѣчательна своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Въ ней крестьянъ 200 душъ, двѣ церкви, и нѣкогда былъ большой господскій домъ, съ садомъ и оранжереями.

* Не отыщется ли эта книга?

Въ домѣ была значительная библіотека старыхъ книгъ, между коими хранилось полное собраніе оригинальныхъ сочиненій Карамзина. Въ этомъ домѣ родился исторіограф, по увѣренію помѣщицы Карауловой, не такъ давно скончавшейся въ преклонныхъ лѣтахъ, которая коротко знала всю фамилію Карамзиныхъ. По ея сказанію, Михаилъ Егоровичъ Карамзинъ ѣзжалъ въ Михайловку изъ своей Симбирской деревни хозяйничать и охотиться. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ супруга его разрѣшилась историографомъ, который отсюда увезенъ младенцемъ въ Симбирское имѣніе. — Михаилъ Егоровичъ былъ два раза женатъ. Отъ перваго брака своего съ дѣвицей Пазухиной онъ имѣлъ трехъ сыновей: Василія, Николая (историографа) и Ѳеодора, и дочь Екатерину, бывшую въ супружествѣ за Казанскимъ помѣщикомъ, Чебоксарскаго уѣзда, С. А. Кушниковымъ; отъ втораго съ урожденной Дмитріевой—сына Александра и дочь Марѳу, бывшую въ супружествѣ за Симбирскимъ помѣщикомъ Философовымъ.

М. А. Дмитріевъ, сообщившій мнѣ въ 1852 г. первыя извѣстія, отъ своей тетки, впослѣдствіи какъ бы отрекся отъ нихъ, и сталъ доказывать рожденіе Карамзина въ Симбирской губерніи.

Онъ напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1857 г. Ноября 2, № 135, слѣдующее:

Карамзинъ родился, по нынѣшнему раздѣленію *Россіи, Симбирской губерніи и уѣзда, въ деревнѣ Карамзинкѣ, она же и Знаменское, а по тогдашнему раздѣленію: Казанской губерніи, Симбирской провинціи и того же уѣзда.*

«Въ 1767 г. (два года послѣ рожденія Карамзина), во время бытности Императрицы Екатерины въ Симбирскѣ, мать его сожалѣла, что не могла ѣхать въ Симбирскъ и видѣть государыню, по причинѣ своей беременности, (третьимъ сыномъ), Ѳедоромъ Михайловичемъ, хотя она жила и близко отъ Симбирска, въ той же деревнѣ Карамзинкѣ. Слѣдовательно — если она третьимъ сыномъ

была беременна, все еще живучи въ Карамзинкѣ, то второй сынъ, Николай Михайловичъ, подавно родился тамъ же».

Это доказательство ничего не значитъ, и если одинъ сынъ родился около Симбирска, то другой могъ родиться и около Оренбурга или Уфы, или, пожалуй, Казани.

«Нѣкоторые полагали, что онъ родился въ Оренбургской губерніи, но Оренбургская деревня, которую считали мѣстомъ его рожденія, (нынѣ Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда), именуемая *Преображенское*, она же и Михайловка, тогда еще не была заселена: тутъ была въ 1765 году степь».

Г. Пекарскій свидѣтельствуетъ противъ М. А. Дмитріева: «одинъ изъ близкихъ его родственниковъ», говоритъ онъ (въ Петерб. вѣдомостяхъ, 1867 г., іюня 5, № 153), «отвергалъ извѣстіе, что Николай Михайловичъ родился въ этомъ селеніи, на томъ лишь основаніи, что оно не существовало въ 1765 (чит. 1766) году, когда родился Карамзинъ.» Впослѣдствіи открылось, что имѣніе отца его уже было въ Оренбургской губерніи, въ 1773 году, вблизи селеній Ляхова и Путиловой («Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 453, 454.) «Карта Красильникова, геодезиста, (вновь найденная), составленная болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до рожденія исторіографа, и представляющая большую Московскую дорогу отъ Оренбурга до Кичуевскаго фельдшанца, удостовѣряетъ, что деревня Карамзинка существовала до 1752 года, въ нынѣшнемъ Бузулукскомъ уѣздѣ, рядомъ съ деревнями Путиловой и Ляховымъ».

Симбирское и Оренбургское часто, въ правительственномъ смыслѣ, соединялось и раздѣлялось: такъ и въ понятіяхъ, въ разговорномъ языкѣ, объ страны могли смѣшиваться. «Около 1765 года», говоритъ Г. Пекарскій въ превосходномъ своемъ изслѣдованіи «Симбирская провинція, вмѣстѣ съ пятью другими: Казанской, Свіяжской, Пензенской, Вятской и Пермской, входила въ составъ Казанской губерніи. «Симбирскую провинцію

составляли города: Симбирскъ, Сызрань, Самара и уѣзды ихъ, городъ Корсунь и заказъ Корсунскій. 10 Августа 1773 года Самарскій уѣздъ изъ Симбирской провинціи отчисленъ къ Оренбургской губерніи. 15 Сентября 1780 года, учреждено Симбирское намѣстничество: въ число 13-ти уѣздовъ его вошли и уѣзды: Самарскій и Ставропольскій. 13 Іюня 1781 года область Уфимская и намѣстничество Симбирское соединены были въ одно генералъ-губернаторство, а 23 декабря тогоже года повелѣно было образовать въ апрѣлѣ 1782 года Уфимское намѣстничество изъ двухъ областей: Уфимской и Оренбургской. Въ составъ послѣдней включенъ вновь учрежденный Бузулукскій уѣздъ, въ которомъ и донынѣ находится село Михайловка-Преображенское, Карамзиныхъ.»

III.

Соображенія о годахъ молодости Карамзина до путешествія.

Къ замѣткѣ о годѣ рожденія Карамзина, при изданныхъ академіею письмахъ его къ Дмитріеву, Г. Пекарскій прибавляетъ нѣсколько справокъ изъ Архива Преображенскаго полка, гдѣ, говоритъ онъ, «нашлись указанія, не безполезныя для соображеній при описаніи дѣтства и юношества Карамзина, о которыхъ говорятъ его біографы только по догадкамъ.» (с. 463).

«Карамзинъ былъ при полку въ Петербургѣ уже въ 1781 году. Отъ этого года сохранился «реверсъ», въ которомъ расписывались всѣ получившіе отпускъ изъ полка. Здѣсь на 1-й страницѣ вписано: «1781 года, Лейбъ-гвардіи преображенскаго полку, въ полковой канцеляріи тогожъ полку, отпущенные въ домы по нуждамъ унтеръ-офицеры, капралы и прочіе, дали сей реверсъ въ томъ, чтобъ на данные имъ въ паспортахъ сроки не отмѣнно

явиться къ полку, и будучи въ томъ отпуску никакихъ противныхъ указамъ поступковъ не чинить, во исполненіе чего у сего подписуются»... За тѣмъ слѣдуютъ до конца книги подписи отпускныхъ, и между ними на оборотѣ листа 114, подъ 11-мъ сентября написано — (рукою писаря:) подпрапорщикъ Николай Карамзинъ на годъ. (Потомъ рукою Карамзина): «Симбирскаго уезда всело Знаменское, паспортъ взялъ подпрапорщикъ Никалай Карамзинъ».

«Далѣе, въ книгѣ полковыхъ приказовъ за 1782 годъ, на листѣ 111, въ приказѣ, отъ 10 сентября, значится: «явившихся (sic) изъ отпуска подпрапорщика Николая Карамзина переписать въ бомбардирскую роту, а изъ 14 выключить; о службѣ сообщить»... (за тѣмъ слѣдуютъ имена другихъ лицъ, возвратившихся изъ отпуска).»

«Наконецъ, въ книгѣ полковыхъ приказовъ за 1783 годъ, на оборотѣ листа 23, подъ 6 февраля 1783 года внесено: «числить въ отпуску: изъ сержантовъ Александра и Дмитрія Норовыхъ — годъ; Ѳедора Назимова, капенармуса Николая Карамзина 11 мѣсяцевъ».

«9 Января 1784 года канцелярія преображенскаго полка прислала въ военную коллегію списокъ нижнихъ чиновъ, уволенныхъ изъ этого полка 1 января 1784 г. съ награжденіемъ офицерскими чинами. Въ числѣ ихъ значится подпрапорщикъ (sic.) Николай Карамзинъ, который въ службѣ въ армейскихъ полкахъ состоялъ съ 1774 года; въ 1781 году переведенъ въ преображенскій полкъ; 28 апрѣля того же года произведенъ въ подпрапорщики, и до выхода въ отставку былъ въ бомбардирской ротѣ; въ отставку выпущенъ съ чиномъ поручика».

До сихъ поръ Г. Пекарскій. Первое изъ этихъ извѣстій совершенно поразило меня, ибо, по всѣмъ моимъ соображеніямъ, (а не догадкамъ), Карамзинъ въ 1781 году не могъ быть въ Петербургѣ, но собственно-ручная подпись не должна была оставить никакого сомнѣнія. Неподложная ли она, мелькнуло у меня точасъ въ головѣ,

а теперь, по тщательномъ разсмотрѣніи, я утверждаю это рѣшительнѣе, то есть, я думаю, что подпись сдѣлана писаремъ, старавшимся, можетъ быть, подписаться подъ руку Карамзина.

Вотъ мои доказательства: пойдемъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, какъ въ математикѣ....

Мая 5, 1785 г. Петровъ, подружившійся съ Карамзинымъ въ Москвѣ, среди Новиковскаго общества, писалъ къ Карамзину въ Симбирскъ, и звалъ его убѣдительно возвращаться скорѣе въ Москву. Это не догадка, а быль. (Письмо сохранилось). Слѣдовательно Карамзинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Симбирскъ на побывку въ началѣ 1785 года: не могъ же Петровъ звать его назадъ — тотчасъ по его отъѣздѣ: вѣрно прошло лишнее время, сверхъ предположеннаго сначала на пребываніе его въ Симбирскѣ. Замѣтимъ, что и на дорогу въ то время изъ Москвы въ Симбирскъ требовалось едва ли много менѣе мѣсяца.

Петровъ является въ письмѣ уже другомъ Карамзина и товарищемъ его занятій. Если положить на заведеніе этого знакомства и обращеніе его въ дружбу полгода, (меньше, кажется, нельзя, при всей молодости друзей), то окажется, что Карамзинъ пріѣхалъ изъ Симбирска въ Москву съ Тургеневымъ въ половинѣ 1784 г., и, поступивъ въ Новиковское общество, сблизился съ Петровымъ.

Въ Симбирскѣ предъ отъѣздомъ онъ долженъ прожить около года, то есть первую половину 1784 года, и вторую 1783 года, судя потому, что мы знаемъ навѣрное объ его тамъ пребываніи. Вотъ что объ немъ пишетъ Дмитріевъ въ своихъ запискахъ: «По кончинѣ отца своего, онъ вышелъ въ отставку поручикомъ, и уѣхалъ на родину. Тамъ я видѣлся, и пробылъ съ нимъ короткое время. Я нашелъ его уже играющимъ ролю надежнаго на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу, и политикомъ передъ отцами семействъ, которые,

хотя и не привыкли слушать молодежъ, но его слушали. Такая жизнь не охладила, однакожъ, въ немъ прежней охоты къ словесности.»

Чтобъ занять такое мѣсто въ обществѣ, по полученіи отставки изъ Петербурга, для этого нужно никакъ не меньше года. Да и Дмитріевъ даетъ понять, что между разлукою его съ Карамзинымъ изъ Петербурга и свиданіемъ въ Симбирскѣ прошло порядочное время.

«Но разсѣянная свѣтская жизнь его не долго продолжалась. Землякъ же нашъ, покойный Иванъ Петровичъ Тургеневъ, уговорилъ молодаго Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву.»

Это догадки и соображенія, а 1783 годъ представляетъ намъ еще быль: напечатанную въ Петербургѣ Деревянную ногу, на коей значится 1783 годъ.

Отставка и возвращеніе со службы изъ Петербурга въ Симбирскъ должна относиться, слѣдовательно, къ первой половинѣ 1783 года. Деревянная нога могла быть напечатана при немъ въ началѣ 1783 года, или въ концѣ, безъ него.

Служба же дѣйствительная Карамзина въ Петербургѣ должна относиться ко второй половинѣ 1782, и первой 1783 года.

О времени пребыванія его на службѣ въ Петербургѣ мы имѣемъ почти положительное свидѣтельство Дмитріева: »Однажды я, будучи еще и самъ сержантомъ, возвращаюсь съ прогулки; слуга мой, встрѣтя меня на крыльцѣ, сказываетъ мнѣ, что кто то ждетъ меня, пріѣхавшій изъ Симбирска. Вхожу въ горницу, и вижу миловиднаго, румянаго юношу, который съ пріятною улыбкою вручаетъ мнѣ письмо отъ родителя. Стоило только услышать имя Карамзина, какъ мы уже были въ объятіяхъ другъ друга, стоило намъ сойтись три раза, какъ мы уже стали короткими знакомцами. Едва ли не съ годъ мы были неразлучными. Склонность наша къ словесности, можетъ быть, что то сходное и въ нравственныхъ качествахъ, укрѣпляли нашу связь день ото

дня болѣе; мы давали отчетъ взаимный въ нашемъ чтеніи. Между тѣмъ я показывалъ ему иногда и мелкіе мои переводы, которые были печатаемы особо и въ тогдашнихъ журналахъ; слѣдуя моему примѣру, онъ и самъ принялся за переводы.«

Изъ этихъ словъ должно заключить, во первыхъ, что Карамзинъ былъ на службѣ время, равняющееся, такъ сказать, времени его знакомства съ Дмитріевымъ, то-есть меньше года: ибо лишь только Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ и явился къ Дмитріеву съ письмомъ отъ его отца; слѣдующее время, описанное у Дмитріева, они проводили вмѣстѣ, и разстались, когда Карамзинъ долженъ былъ, взявъ отставку, уѣхать въ Симбирскъ.— И все это время, отъ пріѣзда до отъѣзда, вмѣстѣ со службою, Дмитріевъ опредѣляетъ: «едвали не съ годъ мы были неразлучными.» Взявъ отпускъ, Карамзинъ могъ оставаться нѣсколько времени въ Петербургѣ, для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ, и дорожныхъ сборовъ.

До 1782 г. Карамзина не было въ Петербургѣ, (иначе—онъ познакомился бы тогда и съ Дмитріевымъ,) да и за чѣмъ бы ему было быть въ Петербургѣ?

Посмотримъ на дѣло еще съ другой стороны: въ 1782 году Карамзинъ уже занимается литературою, любитъ ее, читаетъ и переводитъ: можно-ли предположить, чтобъ за полгода, или не много болѣе, онъ былъ со всѣмъ безграмотенъ, и дѣлалъ такія грубѣйшія ошибки: Симбирскаго, уезда, всело,—даже въ своемъ имени: Никалай!

Далѣе, въ 1781 году, въ Сентябрѣ, ему было уже почти 15 лѣтъ, онъ уже учился у Шадена, послѣ Симбирскаго пансіона, и ходилъ на лекціи Московскаго Университета, гдѣ учился «грамотѣ». Не къ концу же 1781 года, послѣ Сентября, и началу 1782 года, приписать это посѣщеніе лекцій. Онъ былъ, извѣстно, отличнымъ ученикомъ, а охотникомъ читать еще съ осьмилѣтняго, или, еще

---

* Здѣсь нужна справка о годѣ кончины отца Карамзина, которой не смотря на поиски, до сихъ поръ достать я немогъ.

моложе, возраста: по всѣмъ симъ соображеніямъ можно ли допускать подпись его въ Сентябрѣ 1781 съ такими ошибками, какія представляются въ снимкѣ? Это ни съ чѣмъ несообразно.

Что же должно сказать объ этой подписи?

Она сдѣлана, вѣроятно, полковымъ писаремъ.

Но она представляетъ сходство въ нѣкоторыхъ буквахъ съ дѣйствительнымъ почеркомъ Карамзина.

Вѣроятно подпись настоящая Карамзина была въ полку при какой-нибудь бумагѣ, съ которой и копировалъ писарь, стараясь поддѣлаться подъ почеркъ.

Можетъ быть и въ это время прислана была отъ Карамзина какая нибудь просьба для формы, съ которой писарь и снималъ подпись, занося ее въ свою книгу.

Прибавлю еще замѣчаніе: если Карамзинъ взялъ отпускъ 11 Сентября, 1781 года, то слѣдовало бы предположить, что онъ до этого числа жилъ уже въ Петербургѣ, то есть жилъ 1781 годъ: нельзя жъ бы съ дѣйствительной службы взять отпускъ на годъ, не прослуживъ годъ-мѣста. Тогда, съ 1780 г., выходило бы его службы въ Петербургѣ года три или четыре, а Дмитріевъ назначаетъ ей меньше года, которымъ, по нашимъ соображеніямъ, представляется 1782—1783-й.

Предположить, что въ 1781 году Карамзинъ пріѣзжалъ нарочно въ Петербургъ для отпуска, нѣтъ никакого повода: если прежде получалъ онъ отпуски заочно, то могъ и этотъ получить также.

Просьбы, отпуски, переводы и разные реверсы дѣлались вѣрно, заочно, по присылаемымъ просьбамъ, и все дѣлапроизводство, облеченіе въ законныя формы, возлагались на писареи и другихъ подъячихъ. Вотъ происхожденіе мнимой подписи Карамзина, которую напрасно Академія, говоря моднымъ языкомъ, не подвергнувъ строгой критикѣ, напечатала въ числѣ своихъ прекрасныхъ снимковъ.

Для ясности мы представимъ здѣсь хронологическое обозрѣніе былей, изъ жизни Карамзина, отъ первыхъ лѣтъ до путешествія:

1774 г. Записанъ на службу въ армейскіе полки по 8 году.

1781 г. Переведенъ въ Преображенск. полкъ.

28 Апрѣля произведенъ въ подпрапорщики.

11 Сентября отпущенъ на годъ, въ село Знаменское.

1782 г. Сентября 10. «Явшихся (т. е. явившихся) изъ отпуска подпрапорщика Николая Карамзина переписать въ бомбардирскую роту, а изъ 14 выключить; о службѣ сообщить....»

Вотъ настоящее вступленіе въ дѣйствительную службу Карамзина, подтверждаемое нашими соображеніями.

1782 годъ съ Сентября, Карамзинъ служилъ въ Петербургѣ, подружился съ Дмитріевымъ, собирался идти на войну, читалъ, переводилъ.

1783 года, Февраля 6: «числить въ отпуску каптенармуса Николая Карамзина 11 мѣсяцевъ.»

Вѣроятно этотъ отпускъ былъ началомъ отставки, которой, можетъ быть, нельзя было тотъчасъ получить.

1783 года, по смерти отца, онъ уѣзжаетъ въ Симбирскъ.»

Отставка его съ награжденіемъ офицерскаго чина значится 1 Января 1784 года, когда онъ былъ уже, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Симбирскѣ.

Вторую половину 1783 и первую 1784 г. живетъ онъ въ Симбирскѣ.

1784 года въ концѣ, уѣзжаетъ съ Тургеневымъ въ Москву, дружится съ Петровымъ 1785 г. въ началѣ, уѣзжаетъ по какой-то надобности въ Симбирскъ, задерживается тамъ, и получаетъ письмо Петрова, отъ 5 мая, 1785 г.

Въ 1785 г. Участіе въ переводѣ съ Нѣм. Штурмовыхъ размышленій о дѣлахъ Божіихъ.

1786. Знакомство съ семействомъ Плещеевыхъ, Августа 14 письмо къ Лафатеру.

1787. Стихотвореніе—Поэзія.

Юлій Цезарь, трагедія Шекспира (предисловіе подписано Окт. 1786 г.)

1788. Эмилія Галотти, трагедія Лессинга, (предисловіе подписано Января 13).

Бъ Іюлѣ, мысль объ гекзаметрахъ Русскихъ, въ письмѣ къ Дмитріеву.

Ноября 17. Посланіе къ Дмитріеву, (Многіе барды...).

Участіе въ изданіи Дѣтскаго чтенія, вмѣстѣ съ Петровымъ.

1789. Отъѣздъ за границу. (Первое письмо изъ Твери, Мая 18).

Мы намѣтили событія отъ Сентября, 1782 года. Дополнимъ ихъ предшествовавшими:

1766 Дек. 1 К. родился.

1770 второй бракъ отца.

1774—1776 живетъ дома, читаетъ, романы, 1774, 1775, Римскую Исторію, слушаетъ разказы. (Первыя свои впечатлѣнія онъ описалъ въ начатой послѣ повѣсти: Рыцарь нашего времени.)

1777—1778 учится въ Симб. пансіонѣ Фовеля.

1779—1782 до Сентября, учится въ пансіонѣ Шадена, и посѣщаетъ лекціи Моск. университета.

1782 въ Сентябрѣ вступаетъ въ службу дѣйствительную, и проч. см. выше.

IV.

О родѣ Карамзиныхъ.

(изъ Пекарскаго).

«Изъ старинныхъ справокъ о родѣ Карамзиныхъ въ герольдіи Правительствующаго Сената можно видѣть, что пращуръ Н. М. Карамзина, Дмитрій Семеновичъ Нижегородецъ, въ ноябрѣ 7114 (1606 г.) владѣлъ помѣстными землями въ Нижегородскомъ уѣздѣ.»

«Прадѣдъ исторіографа Петръ Васильевичъ имѣлъ помѣстье въ Симбирскомъ уѣздѣ въ 1710 году. Въ 1725 г. дѣдъ его, Егоръ Петровичъ, владѣлъ въ Симбирскомъ уѣздѣ селеніями Карамзинымъ и Алексѣевкою. Наконецъ изъ указа Оренбургской губернской канцеляріи, 14 Іюня 1752 года, видно, что Михаилу Егоровичу Карамзину были отведены тогда земли въ Оренбургской губерніи.»

—

Карамзинъ воспоминаетъ объ одномъ изъ своихъ предковъ, описывая дворецъ царя Алексѣя Михаиловича въ селѣ Алексѣевскомъ: «я съ какою то любовію смотрѣлъ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси, съ какимъ то неизъяснимымъ удовольствіемъ брался рукою за дверь, думая что нѣкогда отворялъ ее родитель Петра Великаго, или канцлеръ Матвѣевъ, или собственный предокъ мой, служившій царю.» *

V.

Фамилія Протасовыхъ тѣсно соединена съ Карамзинымъ, и мы предложимъ ея краткую родословную, изъ которой видно и родственное отношеніе Карамзина, съ одной стороны, къ Графу Ростопчину, съ другой къ Жуковскому.

---

* Истор. замѣчанія и воспоминанія на пути къ Троицѣ, Собр. соч. т. I, с. 460.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

къ біографіи Н. М. Карамзина.

1. Портретъ Н. М. Карамзина, въ молодости, по возвращеніи изъ путешествія. Подлинникъ принадлежалъ другу его, И. И. Дмитріеву, и теперь находится у его наслѣдниковъ.

2. Портретъ Н. М. Карамзина, въ среднихъ годахъ (1805). Подлинникъ находится у его дочери, княгини К. Н. Мещерской.

3. Портретъ Н. М. Карамзина, съ писаннаго Варнекомъ, для приложенія ко 2-му изданію Исторіи Государства Россійскаго. Подлинникъ въ Академіи наукъ.

4. Снимокъ съ корректуры Н. М. Карамзина, изъ Вечернихъ размышленій на каждый день года, печатанныхъ въ Москвѣ, 1787—1789. (мѣсяцъ Январь, конецъ страницы 77-й, вся с. 78 и подпись со с. 16-й.) Подлинникъ полученъ отъ Ѳ. Н. Глинки.

5. Снимокъ съ автобіографической записки, писанной для Митроп. Евгенія въ 1805 или 6 году. Послѣднія девять строкъ присоединены къ лицевой страницѣ съ оборотy. Подлинникъ прин. И. М. Снегиреву. Подпись греческую сдѣлалъ самъ М. Евгеній.

6. Снимокъ съ черневаго листа Исторіи Государства Россійскихъ изъ XI т. с. 251—254 въ печатномъ изданіи, 1824 г.

7. Снимокъ съ черневаго листа, изъ XII т. с. 1 въ изданіи 1829. Внизу помѣщены снимки съ двухъ оборванныхъ лоскутковъ, относящихся къ тому же мѣсту Исторіи. (Подлинниками авторъ обязанъ благосклонности К. С. Сербиновича).

8. Записки: I, о годѣ, II, о мѣстѣ рожденія Карамзина. III, о первыхъ годахъ молодости. IV, о предкахъ Карамзина. V, родословіе Протасовыхъ.

Дозволено цензурою Москва, 27 Іюня, 1867 года.
Типографія газеты „РУССКІЙ“ Брюсовскій пер., д. Смирнова.

РОДОСЛОВНАЯ ПРОТАСОВЫХЪ.

- **Борисъ.**
  - **Кипріанъ.**
    - **Кириллъ.**
      - **Яковъ.**
        - **Ѳедоръ.**
          - **Степанъ.** женатъ на Анисьѣ Никитичнѣ Орловой.
            - **Петръ.**
              - Александра, за кн. Голицынымъ.
              - Екатерина, за граф. Ростопчинымъ.
              - **Варвара.**
              - Вѣра за кн. Васильчиковымъ.
              - Анна за гр. Виреоломѣемъ Толстымъ.
            - **Анна.** Графиня, фрейлина И. Екатер. II.
            - **Елисавета.**
            - **Александръ.**
              - Анна — за княземъ Алекс. Серг. Меншиковымъ.
      - **Макарій.**
        - **Леонтій.**
          - **Григорій.**
            - **Григорій.**
  - **Захарія.**
    - **Давыдъ.**
      - **Іуда.**
        - **Яковъ.**
          - **Яковъ.**
            - **Анастасія.**
            - **Александръ.** жен. на Бахметевой.
              - Графъ Николай. (б. Оберъ-Прокур. Св. Сунода) ж. на княжнѣ Нат. Дм. Голицыной.
            - **Петръ.**
          - **Иванъ.**
            - **Андрей.** ж. Екатерина Аѳанасьевна Бунина *
              - Александра. — А. Ѳ. Воейковымъ.
              - Марія. — за пр. Мойеромъ.
            - **Василій.**
            - **Александръ.**
            - **Анастасія.** за Алексѣемъ Алексан. Плещеевымъ.
              - Александръ. — женатъ на графинѣ Чернышевой.
            - **Марія.**
            - **Наталія.**
            - **Елена.**
            - **Елисавета.** за Н. М. Карамзинымъ.
              - Софья Николаевна Карамзина.

* Родная сестра Василія (Аѳанасіевича) Андреевича Жуковскаго и Варвары Афан. Юшковой, у которой дочери: Авдотья Петр. Елагина, мать Кирѣевск. И. и П., Анна П. Зонтагъ.

2007056897